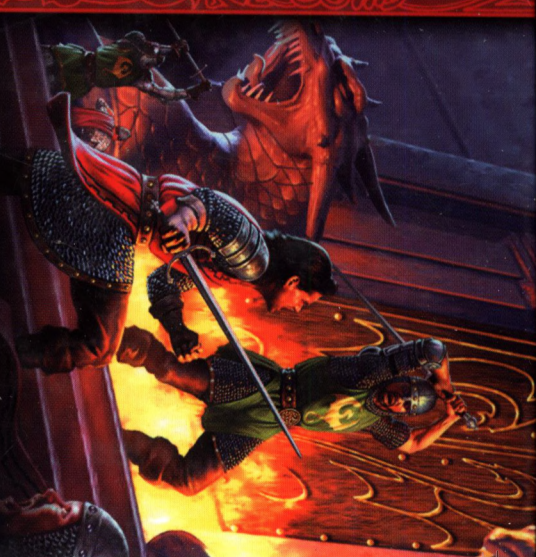
Наследство
Огонь и меч

Саймон Браун

Наследство
Огонь и меч

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

Саймон Браун



ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

SIMON

BROWN

Inheritance

Fire and Sword

САЙМОН БРАУН

Наследство

Огонь и меч

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХРАНИТЕЛЬ
МОСКВА

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
Б87

Серия «Золотая серия фэнтези» основана в 1999 году

Simon Brown
INHERITANCE
FIRE AND SWORD

Перевод с английского Н. Дружининой («Наследство»), В. Федорова («Огонь и меч»)

Серийное оформление А. Кудрявцева

Компьютерный дизайн С. Шумилина

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Curtis Brown и Andrew Nurnberg.

Подписано в печать с готовых диапозитивов заказчика 12.02.2007
Формат 84×108 1/32. Бумага газетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 31,92. Тираж 3000 экз. Заказ 807.

Браун, С.

Б87 Наследство. Огонь и меч : [фантаст. романы: пер. с англ.] / Саймон Браун. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. — 729, [7] с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 978-5-17-038137-1 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-5-9713-4864-1 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)
ISBN 978-5-9762-1967-0 (ООО «ХРАНИТЕЛЬ»)

Планы повелительницы Империи не сбылись. Магические Ключи власти, которые она, умирая, завещала своим детям, принесли в страну не единение, но — разлад и кровавые заговоры.

Носительница Ключа Меча, принцесса-воительница Арива, руками своих приближенных уничтожившая старшего брата, обладателя Ключа Скипетра, заняла его место на троне…

Носитель Ключа Исцеления, маг, врачеватель и мудрец Олио, все глубже погружается в пучину безумия…

Младший из братьев, юный принц Линан, носитель таинственного Ключа Единения, пытается свергнуть сестру-узурпаторшу при помощи исконных врагов собственного народа — кочевников-четтов…

А за противостоянием людей зорко следят вампиры, часть крови которых течет и в жилах Линана…

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© Simon Brown, 2000, 2001
© Перевод. Н. Дружинина, 2007
© Перевод. В. Федоров, 2007
© ООО «Издательство АСТ», 2007

ISBN 978-985-16-1313-3
(ООО «Харвест»)

Наследство

ГЛАВА 1

Эйджер сидел за столиком в таверне «Пропавший моряк».

Ему еще не исполнилось и сорока, однако после войны он стал калекой, а кроме того, природа создала его для бродяжничества.

Сейчас ему хотелось спокойно пропустить стаканчик-другой пива.

Старый солдат поерзал на месте, пытаясь найти удобное положение, которое облегчило бы боль в его сгорбленной спине. Увы, эти попытки так и не увенчались успехом: много лет назад вражеская секира перерубила сухожилия и кость, войдя в тело так глубоко, что ране не суждено было зарубцеваться до конца. Морщась от привычной боли, Эйждер отхлебнул из поставленного перед ним сосуда глоток напитка, ощутил странный сладковатый вкус подогретого пива, приятно защекотавшего глотку, и только после этого огляделся.

Еще не наступил тот час, когда народ валом валил в питейные заведения, и хотя в просторном зале таверны было достаточно посетителей, нельзя было сказать, что помещение переполнено. Между столами сновали слуги в фартуках, выслушивая заказы и поднося напитки. Публика за столами являла собой пеструю смесь из местных жителей, торговцев и моряков; были здесь и солдаты, получившие короткий отпуск, рабочие портовых доков, несколько шлюх. Когда Эйджер входил в таверну, он поймал на себе два или три интригующих женских взгляда — однако в следующий миг женщины замечали его безобразно искалеченную горбом спину и одинокий глаз, после чего быстро отворачивались. Он не испытывал ни малейшей досады; такие вещи его попросту не волновали. Вот уже пятнадцать лет он не знал женщины, ныне любовные утехи стали для него не более чем воспоминанием. Ни одна женщина на свете не могла бы пробудить в нем несбыточных желаний.

Неожиданно кто-то опустился на свободное место напротив него. Эйджер поднял голову и увидел перед собой юношу,

одетого по-крестьянски — в шерстяные штаны, грубую рубаху и заляпанный грязью плащ. Лицо юноши было чистым, карие глаза пристально смотрели на Эйджера. Юноша наклонил голову в знак приветствия, и Эйджер ответил ему таким же поклоном, отметив про себя, что вокруг было достаточно свободных столов.

— Вы были солдатом, — напрямик заявил юноша. — Я сужу потому, что и прежде мне приходилось видеть подобные травмы.

— Нет ничего удивительного в том, что у человека лишь один глаз, — спокойно отозвался Эйджер. — Да и горбатыми рождаются многие.

— Но людей сразу с двумя подобными увечьями можно увидеть не так уж часто. Может быть, ваш глаз выбит стрелой? А спину повредила алебарда или копье?

— Насчет глаза вы попали в точку, а вот со спиной промахнулись.

— Принимая во внимание ваш возраст, сэр, я бы предположил, что это случилось во время Невольничьей войны.

Эйджер начал испытывать любопытство к этому странному молодому человеку.

— А что вы можете знать о Невольничьей войне? — спросил он.

— Меня интересует все, что с ней связано, — на удивление серьезно отозвался юноша. — В какой битве вы получили свои раны? Или, может быть, вам нанесли их в разных боях?

— Это была битва при Глубокой Реке, — ответил Эйджер.

Реакция молодого человека ошеломила его. Глаза юноши загорелись, точно фонари, и приглушенным голосом он проговорил:

— Я много лет искал вас.

— Меня?

Юноша порывисто помотал головой.

— Нет, нет. Я хотел сказать — искал кого-нибудь, кто участвовал в той битве.

Эйджер подался вперед, отодвинул свою кружку и спросил:

— Как, вы сказали, ваше имя?

— Я не называл его, — спокойно ответил юноша. — Меня зовут Пайрем.

Эйджер кивнул, пытаясь припомнить, откуда ему знакомо это имя, и память не подвела его.

— Знавал я одного Пайрема, — задумчиво произнес он. — Это было много лет назад.

— На Тиире живет немало Пайремов, — заметил молодой человек.

— Тот, о ком я говорю, был солдатом. Во время Невольничьей войны он служил под моей командой.

— Он сражался вместе с вами в битве при Глубокой Реке?

Эйджер покачал головой и отвел взгляд в сторону. Его единственный глаз, серый, как зимнее небо, всматривался теперь куда-то в голубоватый дымок, просачивавшийся с кухни в зал для гостей.

— Нет, к тому времени его уже не было в живых. Ему в легкие попал отравленный воздух. Он умер в бреду — ему казалось, будто рядом с ним были его жена и дети...

Горбун вновь взглянул на молодого человека.

— Большинство наших потерь в той войне были вызваны болезнями, а вовсе не сражениями. Ты знаешь об этом?

Пайрем прищурился.

— Я припоминаю, что где-то читал об этом.

— Ты умеешь читать? — вырвалось у потрясенного Эйджера невольное восклицание. Люди, искусные в чтении, встречались ему нечасто, и в сидевшем перед ним мальчике он почувствовал нечто большее, чем можно было предположить, взглянув на его крестьянскую одежду. Эйджер попытался разглядеть руки юноши — однако в зале царил полумрак, и это ему не удалось.

— Выучиться чтению не намного труднее, чем освоить землепашество, — отозвался Пайрем, по-прежнему не возвышая голоса.

Восклицание старого солдата привлекло к их столу немало любопытных взглядов.

— А вот что касается имен, то вашего имени я еще не знаю.

— Да, в наше время не стоит чересчур легкомысленно относиться к именам, — улыбнулся горбун. — Господин Пайрем.

— Я вам верю.

Это было сказано с такой подкупающей простотой, что Эйджер испытал странное приятное чувство.

— Меня зовут Эйджер, а моя фамилия пусть тебя не волнует. Почему же ты так интересуешься Невольничьей войной?

— В той войне сражался мой отец.

— Многие отцы сражались в той войне. — Единственный глаз Эйджера затуманился. — Многие сыновья и братья. — Он откинулся на спинку стула, лицо его перекосила короткая гримаса боли. Пайрем участливо подался вперед, однако Эйджер протестующе взмахнул рукой.

— Когда погиб мой отец, я еще пачкал пеленки, — добавил Пайрем.

— Он сражался у Глубокой Реки?

— Да. Он дрался почти во всех сражениях той войны.

В голосе Пайрема Эйджеру послышались нотки гнева.

— Ему не удалось остаться в живых?

Пайрем покачал головой.

— Как его звали?

Пайрем колебался с ответом.

— Если ты доверил мне свое имя, то можешь доверить и имя своего погибшего отца. Возможно, что я знал его.

Пайрем неуверенно приоткрыл рот для ответа, но тут же вновь сомкнул губы. Эйджер немного подождал, осушил до дна свою кружку и знаком показал одному из слуг, что ее нужно наполнить снова.

— Его тоже звали Пайрем.

— О боже! В мире на самом деле полно твоих тезок, верно?

Пайрм не успел ответить — к их столу подбежал худенький мальчик в белом фартуке, захватанном грязными пальцами. Он наклонил кувшин, наполняя кружку Эйджера теплым пивом. Пиво пахло гвоздикой — совсем не похоже на аромат того, которое Эйджер только что допил. Старый солдат отхлебнул пиво на пробу и решил, что оно, пожалуй, еще вкуснее, чем первое.

— А кто будет платить? — спросил мальчик, протягивая вперед руку. Прежде, чем Эйджер успел достать из потрепанного кошелька медяки, Пайрем опустил в протянутую руку монету.

— Черт побери! — воскликнул мальчик. — Это же целый пенни! Я не смогу дать вам сдачу, сударь. У меня пока что только три осьмушки...

— Следи за тем, чтобы эта кружка оставалась полной всю ночь, — велел Пайрем, явно обеспокоенный тем, что к их столу опять обратились любопытствовавшие взгляды.

Мальчишка с широчайшей ослепительной улыбкой исчез — он решил, что калека ни за что не пропьет за одну ночь целый пенни, и заранее радовался тому, что сможет прикарманить остаток.

— Тебе незачем накачивать меня пивом, чтобы поговорить, — резко произнес Эйджер. — Я не из тех болтунов, которым стоит залить глаза, чтобы начать пустословить. Если ты на самом деле хочешь узнать о той войне, я могу рассказывать о ней до зимы. — Он помрачнел. — Теперь уже никто не хочет о ней вспоминать.

— Я хочу узнать о битве при Глубокой Реке, — настойчиво сказал Пайрем. — В книгах, которые мне удалось прочитать, о ней упоминается очень мало, и я понял, что немногим удалось... удалось...

— Уцелеть? — мрачно усмехнулся Эйджер. — Да, нас на самом деле осталось мало. Но на другой стороне не осталось никого. Просто вообще никого.

— Дело было в засаде? Историки говорят об этом самые разные вещи, как будто никто ничего толком не знает о той битве.

— Никто никогда и не узнает толком ничего... тем более, что Элинд Чизел погиб. — Голос Эйджера сорвался, и он торопливо отхлебнул глоток пива. — Только генерал Чизел знал про все, что в действительности происходило на той проклятой войне. Он был лучшим из солдат, какие когда-либо рождались в Кендре.

Пайрем с волнением подался вперед.

— Пожалуйста, расскажите мне все, что только сможете.

Эйджер снова откинулся назад, прикрыл свой здоровый глаз, и теперь перед Пайремом оказалась пустая глазница, затянутая кожей в мелких шрамах.

— Генерал выяснил расположение лагеря работорговцев на другом берегу реки. И решил атаковать его, пользуясь своим преимуществом, пока у противника не было сведений о наших войсках. Это было вполне в его духе — он всегда принимал решение атаковать первым. Погода стояла жаркая, вокруг было сухо, как у монаха в глотке. Я шел с передовым отрядом. Мы сползли в лощину и стали дожидаться остальных. Сам генерал Чизел вел второй полк, свои Красные Щиты — а за ними двигались спешенные конники, изрядно напуганные тем, что им пришлось оставить своих лошадей в тылу. Но все они были отменными конными лучниками, а лучники никогда не бывают лишними. Их задачей было обстрелять врага, прежде чем остальные пустят в дело мечи и копья. Последними шли ополченцы, выставлявшие себя отчаянными забияками, но при этом желтые от страха, словно обгаженная детская пеленка. Когда все наше войско спустилось вниз, начался подъем, однако мы не успели продвинуться и на сотню шагов, как все началось...

— Работорговцы напали первыми?

Эйджер кивнул.

— Да. Началось со стрел, потом они пустили в ход камни. Надо сказать, что метких стрелков среди них не было, а от камней легко можно было увернуться. Однако нас было на склоне слишком много, и некоторым пришлось несладко.

— Значит, на войско генерала напали неожиданно? Все-таки там была засада?

Эйджер покачал головой:

— Да нет, не думаю. Он знал, что вражеские разведчики спали и не могли бы заметить наше продвижение вниз в лощину. И уж во всяком случае, у неприятеля оказалось достаточно времени, чтобы успеть организовать хоть какую-нибудь оборону. Мне думается, что генерал посчитал работорговцев не способными быстро стянуть все силы к реке и помешать нашей переправе. — Калека мрачно ухмыльнулся. — Генерал все верно рассчитал.

— Но что же было дальше? — настойчиво спросил Пайрем.

— Генерал отдал лучникам приказ сдерживать натиск врага и прикрывать наш подъем. Мы поднимались так быстро, как только могли, и были уже почти наверху, когда на нас обрушились два отряда их наемников. Честно скажу, это посеяло среди нас панику. Лучникам пришлось прекратить стрельбу, чтобы не задеть своих. Гнать неприятеля вверх по склону было очень тяжело, однако нас оказалось больше. — Эйджер опять ухмыльнулся. — Мой отряд проложил Красным Щитам путь наверх.

— Но ведь это был еще не конец?

Ухмылка на лице Эйджера растаяла. Он покачал головой.

— Нет, не конец. Только тогда и началась настоящая битва.

Он отхлебнул большой глоток из своей кружки и приготовился было продолжать рассказ, но тут поперек стола упала чья-то тень. Эйджер поднял голову, чтобы взглянуть, и кровь застыла у него в жилах.

Тогда обернулся и Пайрем, и из его груди вырвался глухой стон:

— О боже, только не сейчас, — пробормотал он.

Сверху вниз на него и на горбуна внимательно смотрел человек поистине огромного роста. Его прямые светлые волосы были коротко острижены, большую часть лица закрывала короткая и клочковатая рыжеватая борода, в которой мелькала седина, а прищуренные глаза казались снизу узкими прорезями. На плечи великана был наброшен длинный плащ, под которым отчетливо вырисовывались очертания висящего на поясе длинного меча.

— Проклятье, — вырвалось у Эйджера, однако он произнес это спокойно и без тени гнева.

Незнакомец положил свои огромные ладони на плечи Пайрема:

— Тебе лучше отправиться вместе со мной обратно.

— Но, Камаль, я наконец-то нашел человека, который сражался при Глубокой Реке!

Тот, кого назвали Камалем, быстро взглянул на Эйджера.

— Вас, должно быть, накормили цыплячьим дерьмом ради того, чтобы сделать из вас ночного собутыльника. Из того сра-

жения выбралась живыми лишь горстка солдат — и уж в этом-то месте не встретить никого из них.

Пайрем повернулся к Эйджеру, умоляюще глядя на него, точно прося опровергнуть несправедливые слова — однако горбун даже не заметил взгляда юноши. Он в изумлении смотрел в лицо великана:

— Не может быть! Это ведь ты!

Камаль нахмурился.

— Что за глупый вопрос?

— Капитан Аларн, — продолжал Эйджер. — Капитан Красных Щитов Камаль Аларн.

Камаль вздрогнул. И Пайрем схватил его за руку.

— Вот видишь? Этот человек знает тебя. Должно быть, он на самом деле сражался в той войне!

— Меня знают многие, — отозвался Камаль, не повышая голоса. — Но вот откуда мы узнаем, на чьей стороне он дрался?

Великан испытующе посмотрел на Эйджера, но горбун не мог произнести ни слова — его лицо стало белее мела. Камаль обеими руками схватил юношу за воротник плаща и легким движением поднял его на ноги:

— Давай-ка не будем больше терять здесь время, — сказал он.

Эйджер взволнованно воскликнул:

— Нет! Подождите!

Однако Камаль, не обращая на него внимания, был занят тем, что тащил за собой Пайрема, едва ли не приподнимая его над полом. Увлекая юношу к выходу, он обменялся кивком с одной из прислужниц, и Пайрем заметил этот знак.

— Это одна из твоих шпионок, Камаль? — ядовито спросил он, барахтаясь в руках великана. — Или одна из твоих шлюх?

Камаль что-то проворчал, продолжая тащить юношу к двери.

С трудом протискиваясь сквозь толпу гостей, Эйджер смог все же догнать их.

— Капитан Аларн! Подождите!

Однако Камаль опять не обратил на него внимания. Мощным движением плеча он толкнул тяжелую деревянную дверь и потащил за собой Пайрема. Эйджер не собирался отставать и вслед за ними вышел на запруженную народом улицу, едва не сбив с ног какого-то прохожего. Пробормотав слова извинения, он рванулся вперед и схватил Камаля за плащ.

— О боже! — прорычал Камаль, обернулся и, не выпуская из одной руки Пайрема, другой рукой попытался освободить свой

плащ из цепких пальцев Эйджера. Из-под распахнувшегося плаща виднелся узорчатый камзол, а с пояса свисал длинный меч. — Разве ты не узнаешь этой формы? Я уже давно не капитан Аларн из отряда Красных Щитов. Их больше нет, о них забыли! Да, я Камаль Аларн, коннетабль королевской гвардии. А теперь оставь нас в покое, не то мне придется арестовать тебя!

— А я больше не капитан Эйджер Пармер из отряда Копьеносцев Кендры! — задыхаясь, выкрикнул в ответ Эйджер. — Теперь я Горбун Эйджер, или Одноглазый Эйджер, или просто Эйджер-калека. Посмотри на меня, Камаль! Приглядись к моему лицу!

Камаль на мгновение замер , не отпуская Пайрема, и, наклонившись, внимательно взглянул в лицо Эйджера.

— Эйджер Пармер?

Эйджер отпустил плащ Камаля и ссутулился так, что левое плечо поднялось намного выше правого. Он устало кивнул.

— Я считал, что тебя давно нет в живых, — спокойно произнес Камаль.

— Нет, я пока не мертвец, хотя что-то вроде того. Понадобились два года, чтобы рана на моей спине перестала кровоточить.

— Но это же было пятнадцать лет назад. Почему ты не разыскал меня?

— Война закончилась, мой друг. Я хотел лишь мира и покоя. — Эйджер с усилием сглотнул. — Однако мне не удалось найти ни того, ни другого. Домочадцам я оказался попросту не нужен. С тех пор я бродяжничаю и хватаюсь за любую работу, когда мне ее предлагают.

— Что за работа? — спросил Пайрем и покраснел. — Нет, я не имел в виду...

— Я не обижаюсь, — быстро успокоил его Эйджер. — Я кое-чему учился. Я умею читать, писать и знаю счет. В армии Кендры все офицеры обязаны были знать эти премудрости. Я работаю писарем, и обычно меня нанимают торговцы, которым нет дела до моего уродства. Я зарабатываю кое-какие деньги и право добираться от одного порта до другого. Так что, Пайрем, я стою немного больше, чем может показаться.

Камаль взглянул на юношу, удивленно приподняв брови.

— Пайрем?

Юноша неопределенно пожал плечами.

— Разве тебя зовут не Пайрем?

— Вовсе нет, — ответил Камаль прежде, чем молодой человек успел открыть рот. — Пайремом зовут его слугу.

— Слугу? Как же тогда зовут тебя?

Камаль рассмеялся.

— Раз уж я не смог сразу узнать тебя, то для меня неудивительно, что ты не можешь узнать этого мальчика.

Эйджер подался вперед, чтобы повнимательнее вглядеться в лицо юноши, и в следующий миг отпрянул, будто получил щелчок по носу.

— Не может быть, чтобы это был он! — потрясенно произнес горбун, обращаясь к Камалю.

— Это он, — самодовольно ответил Камаль.

Внезапно их разговор прервался. В толпе прохожих послышался шум драки, кто-то закричал. Все трое быстро обернулись, чтобы посмотреть, из-за чего поднялась суматоха. Высокая стройная женщина, наклонившись, подбирала с земли фрукты, высыпавшиеся из ее корзинки, не переставая осыпать проклятиями того неуклюжего болвана, который споткнулся о ее длинные ноги. Ее невольный обидчик тем временем поднимался с земли с красным от ярости лицом, не обращая на нее никакого внимания. Когда ему наконец удалось встать на ноги, в его руке блеснула сталь клинка. Он поднял голову и увидел устремленные на него взгляды великана и двух его спутников, один из которых был калекой, а другой... Забияка выругался и устремился к ним, вытянув вперед руку с зажатым в ней ножом.

Левой рукой Камаль уверенно и легко поставил юношу себе за спину, а правой обнажил меч. Он даже слегка растянул губы в улыбке, словно мысленно благодаря провидение за то, что перед ним оказался такой неуклюжий противник, которого можно было бы и вообще не принимать в расчет. Однако он не мог видеть того, что творилось за его спиной, а между тем к юноше бесшумно и быстро приближался еще один мужчина с занесенным над головой ножом для единственного смертельного удара. Толпа, обступившая их, замерла, над ней повисло испуганное молчание.

Что-то в наступившей тишине заставило Эйджера обернуться. Увидев новую неожиданную угрозу, он без долгих размышлений закрыл своим телом юношу, который теперь оказался зажатым как в тисках между ним и Камалем. Второй из нападавших в ответ на это движение Эйджера лишь тряхнул головой: калека мог лишь добиться некоторого промедления, однако помешать коварному замыслу он был не в силах. Разбойник уже подошел к горбуну на расстояние трех шагов, и теперь исполнил трюк, много раз выручавший его в кровавых уличных схватках. Он перебросил нож из правой руки в левую и ринулся вперед. Он был настолько уверен в своем преимуществе,

что даже не успел осознать скрежещущий звук металла о ножны, так же как не успел заметить блеснувший клинок короткого меча, вонзившегося в его тело.

Камаль краем глаза заметил, как Эйджер прикрыл юношу своим телом. Он понял, что это должно было означать, — однако ему оставалось только надеяться на то, что нападавшие на Эйджера не успеют расправиться с горбуном за то время, что сам он ждал приближения первого разбойника, с диким видом размахивавшего длинным ножом, Камаль легко выбил мечом оружие из руки нападавшего, а затем поднял меч и вонзил его в горло разбойника — так что острие перерубило мышцы и артерию, войдя в позвоночник. Нападавший дернулся и замертво упал к ногам Камаля.

Камаль освободил меч и повернулся, по-прежнему оберегая левой рукой юношу и удерживая его у себя за спиной. При виде картины, представшей его глазам, у него вырвался вздох облегчения. Второй бандит лежал на земле, а поверх него сидел Эйджер, чей меч глубоко вонзился в самое сердце разбойника.

— Отлично сработано, старина, — произнес Камаль и лишь после этого заметил странную неподвижность горбуна. Он шагнул вперед и положил руку на изуродованное плечо Эйджера:

— С тобой все в порядке?

Эйджер закашлялся и с трудом повернул голову так, что смог видеть Камаля своим здоровым глазом.

— Этот мерзавец переложил нож в левую руку, — слабеющим голосом проговорил он. — Мне было уже не успеть сменить захват. — Голова калеки упала на грудь, глаз закрылся, сознание покинуло его.

Камаль наклонился и увидел нож, торчавший из правого бока Эйджера. Кровь лилась ручьем. Юноша опустился на колени рядом с Камалем.

— Это серьезная рана, — произнес он. — Мы должны перенести его во дворец.

Камаль кивнул.

— Я сам понесу его, а ты возьмешь его меч.

Оставив нож торчать в ране из боязни нанести еще больший вред, Камаль с легкостью поднял Эйджера — ведь тот весил не больше ребенка.

Юноша выдернул короткий меч из тела убитого бандита.

— Я побегу вперед и разбужу доктора Триона.

— Боже! — выкрикнул Камаль. — Оглянись, мальчик!

Молодой человек пружинисто развернулся и увидел прямо перед собой третьего разбойника. Определенно, тот был обескуражен гибелью своих приятелей — однако явно решил, что наступил подходящий момент для нападения, раз уж руки великана были заняты ношей.

— Мой друг, — спокойно произнес юноша, — это было неразумно.

Нападавший с удивлением увидел, что его жертва сама направилась прямо на него. Инстинктивно он поднял нож с таким расчетом, чтобы защитить от удара голову и шею. Это движение стало последней ошибкой, которую ему суждено было совершить. Он еще успел увидеть, как юноша сделал выпад в сторону и пригнулся. Прежде чем бандит успел о чем-либо подумать, меч вонзился глубоко в его живот и с легкостью выскользнул из раны. Нападавший закричал от безумной боли, увидел землю, стремительно надвигавшуюся на него, и потерял сознание прежде, чем лезвие меча обрушилось ему на шею, едва не отделив голову от туловища.

Юноша молча стоял перед своей жертвой. Какое-то мгновение в его глазах горел огонь, но затем очи его потухли, став похожими на два холодных уголька. Рука, державшая меч, безвольно опустилась. Окружавшая место драки толпа заговорила в один голос, будто перед ними разыгралось цирковое представление.

— Скорее, Линан! Нам надо идти. Здесь могут оказаться и другие!

Очнувшись от того, что его назвали настоящим именем, юноша взглянул на Камаля.

— Это... это вовсе не так, как мне раньше представлялось.

— Поговорим позже! Сейчас нам нужно идти.

Они поспешили прочь. Эйджер, не приходя в сознание, стонал от боли.

— Боюсь, как бы нам не опоздать, — мрачно проговорил Камаль.

— Он будет жить! — с яростью в голосе отозвался Линан.

— Если его призывает бог, никто не сможет вернуть к нам его дух.

— Он будет жить, — настойчиво повторил Линан. Юноша взглянул на Камаля, в его глазах закипали слезы. — Он знал моего отца.

ГЛАВА 2

Сознание то возвращалось на несколько коротких мгновений, то вновь покидало Эйджера. По временам он ощущал терзавшую его боль в боку, потом пропадало все, кроме неясного, но настойчивого сердцебиения. В какой-то миг ему представилось, будто он

летит по воздуху, — однако он сумел открыть глаз и понять, что Камаль несет его на руках. Эйджеру смутно подумалось, что это уже когда-то было, что Камаль уже нес его однажды, — однако в следующий миг он ясно вспомнил, что Камаль выносил тогда с поля боя другого их товарища. Мелькнуло туманное воспоминание о том, что тот их товарищ все же умер, и Эйджер подумал, что его должна ждать та же участь. Хотя именно в тот миг его слишком мало волновало, останется он в живых или нет. В другое мгновение Эйджер заметил как бы плывшее позади него чье-то молодое лицо, которое внезапно изменилось и стало старше, так что он узнал это лицо, знакомое ему не хуже своего собственного.

«Это его дух, — подумал Эйджер. — Он вернулся, чтобы забрать меня с собой». Однако еще мгновение спустя лицо вновь сделалось юным и совершенно незнакомым.

Боль в боку стала непереносимой, гложущей, и в один из моментов просветления Эйджер понял, что это могло означать только одно, — он все еще был жив и очнулся от бреда. Он даже попытался что-то сказать, однако Камаль велел ему молчать. Вскоре, когда он снова едва не потерял сознание от невозможной боли, его пронесли через какие-то огромные ворота. Камаль выкрикнул несколько отрывистых приказаний, и солдаты тотчас же бросились исполнять распоряжения коннетабля. Эйджер понял, что близится конец путешествия. Он заранее знал, что это могло для него означать: вскоре появится какой-нибудь выродок с набором крошечных крючков и режущих инструментов, чтобы начать терзать его тело и извлекать из него то, что доставляло ему такую нестерпимую боль.

Теперь Камаль нес его по каким-то ступеням, и каждое движение коннетабля гвардии заставляло все тело Эйджера содрогаться от приступов боли, пронзавших его. Внезапно, что было совсем уж странным, у него зачесалась кожа, закрывавшая его пустую глазницу. Невольно он застонал и почувствовал себя крайне униженным. Он опять попытался что-то сказать, и снова Камаль велел ему заткнуться.

Наконец они оказались в самой роскошной комнате из всех, какие Эйджеру когда-либо приходилось видеть. Одна ее стена была полностью закрыта ярким блестящим гобеленом, а в камине у противоположной стены пылал огонь. Тут Камаль опустил тело Эйджера на что-то, показавшееся раненому отличным шерстяным тюфяком, потому что ощущение полета не исчезло. Он слышал, как разговаривали между собой Камаль и молодой человек, но почему-то смог разобрать лишь отдельные слова, которые ничего ему не объясняли.

Несмотря на тепло, исходившее от камина, Эйджера трясло, словно от озноба. Он всеми силами пытался унять дрожь, однако эти попытки ни к чему не привели. Боль в боку стала нечеловеческой, он хотел закричать — но вместо крика из груди вырвался лишь слабый стон. Он попытался дотронуться до источника боли, однако вместо человеческой кожи его рука коснулась чего-то твердого. Может быть, его трясло так сильно, что Камаль был вынужден пригвоздить его к кровати? Эта мысль развеселила Эйджера, и если бы он мог, то рассмеялся бы.

Вскоре он осознал, что в комнате появился кто-то еще. Это был невысокий бородатый человечек, говорившего что-то монотонным голосом, который смешивался с другими голосами. От Камаля и от юноши этого человечка отличал до странности знакомый запах, и мгновение спустя Эйджер понял, что это был запах обнаженного меча. Сердце горбуна наполнилось тревогой.

«Нет, нет, — подумал он. — Это врач. Я возненавижу этого человека, как пить дать».

Доктор осторожно положил ладонь на лоб Эйджера. Взгляд горбуна встретился со взглядом добрых карих глаз, потом рука доктора скользнула к боку раненого и коснулась предмета, торчавшего из тела. Однако доктор не стал двигать этот предмет, чего так боялся Эйджер. Напротив, он отступил и вновь заговорил со своими собеседниками. Через несколько мгновений он снова подошел к Эйджеру и мягко произнес:

— Сейчас вам придется испытать такую боль, какой никогда прежде испытывать не приходилось.

«Из моей спины торчала та проклятая секира, а уж больнее этого ничего не может быть», — попытался было сказать Эйджер, но вместо слов с его губ сорвались лишь нечленораздельные свистящие звуки.

К нему подошел Камаль. Великан криво улыбнулся горбуну и, взяв его за плечи, крепко прижал его к ложу. Эйджер почувствовал, что молодой человек с такой же силой прижал его колени.

Затем наступила агония. Врач оказался прав. Эйджера пронзила такая боль, какой ему никогда прежде не приходилось испытывать. Он закричал, его тело изогнулось дугой над ложем, и крик повторился. Под ним раскрылась всепоглощающая темнота, и он почувствовал, что падает в бездну.

Доктор Трион вышел из комнаты, сокрушенно качая головой:

— Не знаю, Камаль. Просто не знаю.

— Он спас мне жизнь, — сказал Камалю Линан.

— Он спас жизнь нам обоим, — отозвался Камаль, не отводя взгляда от горбуна. — Вам просто повезло нынешней ночью.

Линан промолчал.

— Вы не должны больше этого делать.

— Чего я не должен делать?

Камаль повернулся к нему.

— Вы знаете, о чем я говорю, — произнес он, и в его голосе послышались гневные нотки.

— Я ухожу из дворца...

— Тайком выскальзываете из дворца, — поправил юношу Камаль.

— ... тайком выскальзываю из дворца едва ли не каждую ночь вот уже почти год. Ничего подобного до сих пор не случалось.

— Вам известно, что я долго мирился с этими вашими отлучками, потому что считал вас уже взрослым молодым человеком, которому необходима определенная свобода действий. Однако за последний месяц я не раз просил вас прекратить ваши ночные вылазки.

— Без всяких оснований.

— Без оснований! — возмущенно воскликнул Камаль и тут же с беспокойством взглянул на Эйджера, почувствовав вину за свою несдержанность. — Вы не хуже меня знаете, каковы эти основания.

Тут он схватил Линана за плечи и взглянул ему прямо в глаза.

— Ваша матушка королева при смерти. Ее душа может прожить в теле еще неделю, может быть — месяц, а может, даже год — но может случиться и так, что она отлетит от королевы сегодня ночью. В Кендре уже давно неспокойно: противоборствующие силы группируются, чтобы начать решающую схватку, и Двадцать Домов — не исключение.

— У Двадцати Домов нет причин для ненависти ко мне, — слабо запротестовал Линан, заведомо зная, что говорит неправду. — Моя мать — Ашарна, королева Кендры. Я один из них.

— А ваш отец был простым человеком, которому удалось стать генералом, и его матерью была невольница из четтов. Так что у Двадцати Домов имеются веские причины для того, чтобы убрать вас с дороги прежде, чем королева умрет.

Линан отвернулся, всем своим видом показывая, что не желает больше слушать. Камаль тяжело вздохнул и наклонился над Эйджером, поправляя его повязки.

— Рана все еще немного кровоточит. Да и огонь скоро потухнет. Я принесу еще дров.

— Надеюсь, что эта рана не станет кровоточить целых два года, подобно его последней страшной ране, — произнес Линан

и тотчас же пожалел о сказанном. Ему вовсе не хотелось, чтобы его слова прозвучали так бессердечно. Однако было уже поздно, и Камаль бросил в его сторону свирепый взгляд.

— Будьте столь любезны и присмотрите за ним, пока меня не будет, — мрачно буркнул он и вышел.

Неожиданно разозлившись, Линан попытался вспомнить о своем королевском достоинстве — однако он остался в комнате один, и не было никого, перед кем он мог бы проявить высокомерие. Так что юноша вынужден был вернуться мыслью к реальному положению вещей. Он с горечью подумал о том, что Камаль заслуживал лучшего отношения к себе. И кого он, Линан, в конечном счете хотел обмануть? Его королевское достоинство могло по праву сравниться с большой навозной кучей — в отличие от старших сводных братьев, в жилах которых текла голубая кровь, потому что они были рождены Ашарной от двух ее первых знатных мужей. Камаль был прав: ему не суждено добиться истинно высокого положения при дворе. Его родная мать, королева, делала все возможное, чтобы уделять ему как можно меньше внимания. Линан отдавал себе отчет в том, что именно в ее отношении к нему крылась причина его настойчивого желания узнать как можно больше о своем отце. Линан думал, что кровь его отца бурлила в его венах сильнее, чем кровь матери. Однако генерал Элинд Чизел не был для него даже воспоминанием. Его образ складывался из сказок и анекдотов, из уроков истории и досужих разговоров. «Величайший солдат Кендры», — сказал о нем Эйджер.

Тут Линан с признательностью вспомнил о горбуне и испытал неожиданное волнение. Он прислушался к дыханию Эйджера, поверхностному, но ровному, и коснулся ладонью лба раненого, проверяя, не прошла ли лихорадка. В этот миг кто-то вошел в комнату, и Линан обернулся, ожидая увидеть Камаля.

— Быстро ты... — начал он было и остановился, увидев невысокого, хрупкого юношу с пышной копной волос на голове — которая, казалось, не желала подчиняться никаким гребням.

— Олио!

— Добрый вечер, б-б-рат, — произнес Олио, и неуверенно подошел к постели. — Это он?

— Кто — он?

— По пути сюда я встретил Камаля, бежавшего по коридору. Я спросил его, куда он так спешит, и он прокричал что-то о каком-то раненом.

С этими словами Олио участливо посмотрел на несчастного Эйджера. Из всех сводных братьев Линана Олио был единственным, находившим для него время, а его утонченная и мягкая натура позволяла Линану легко мириться с высоким происхождением его отца. Даже в те времена, когда сам Линан был несмышленым ребенком, только Олио из всей королевской семьи признавал его равным себе.

— Да. Это тот самый человек, который сегодня ночью спас мне... то есть, я хотел сказать — Камалю — жизнь. — Линан вовсе не хотел, чтобы весь двор узнал о его ночных похождениях. Меньше всего он нуждался в неусыпном наблюдении дворцовой стражи. Довольно с него было и того, что при нем неотлучно находился ее коннетабль.

Олио широко раскрыл удивленные глаза:

— И т-т-яжела ли его рана?

Линан кивнул.

— Трион выразил сомнение в том, что он выживет, — ответил он, но тут же добавил: — Но я надеюсь на благополучный исход.

— Он твой друг?

— Нет... То есть да... Надеюсь, что так, — пытаясь подавить тяжелый вздох, ответил Линан.

Олио кивнул так просто, точно ему было с абсолютной точностью ясно, что Линан пытался выразить сказанными словами и о чем он умолчал. Впрочем, Линану-то было не привыкать к многозначительности слов Олио.

— Раз так, я буду молиться за него. — Олио повернулся, чтобы уйти.

— Тебе следовало бы молиться за него, даже если бы он был твоим злейшим врагом, — отозвался Линан без тени сарказма.

Олио наклонил голову, всерьез раздумывая над услышанным замечанием.

— М-м-ожет быть, и так, — ответил он. — Но, кроме того, если бы я был на твоем месте, я бы прежде всего переоделся.

Линан оглядел себя. Его одежда была сплошь запятнана засохшей кровью.

Олио еще не успел дойти до двери, как вернулся Камаль в сопровождении слуги, несшего за ним корзину сухих дров. Оба они поспешно поклонились Олио, который в знак приветствия взмахнул рукой и тут же отошел в сторону, освобождая им дорогу.

Пока слуга подкладывал в очаг сухие дрова, Камаль прошептал Линану:

— Приготовьтесь.

— О чем ты бормочешь?..

Однако закончить вопрос Линану не удалось. Он услышал тяжелую поступь в коридоре, и в дверях появился Деджанус, одетый в полную форму личной гвардии ее величества, держа в руке жезл, обозначавший его обязанности. Ростом он был едва ли не выше Камаля и заполнил собой весь дверной проем. Одарив Линана одной из своих знаменитых насмешливых улыбок, он сделал шаг в сторону. Из-за его спины показалась сама королева Ашарна с нарочито отсутствующим выражением на лице.

Она была одета как обычно в дни официальных приемов — в тяжелую льняную рубаху, изукрашенную затейливыми узорами из рубинов и изумрудов, поверх которой был наброшен черный бархатный плащ, развевавшийся за ее спиной и блестевший в свете светильников, подобно блеску черной воды в лунных лучах. На шее королевы висели четыре Ключа Силы — главные свидетельства непререкаемой королевской власти в королевстве Гренда-Лир и принадлежавших ему землях. Ключи были достаточно тяжелы, и казалось, что голова королевы склонялась под их тяжестью, потому что было отчетливо видно, как были напряжены мышцы ее шеи и плеч. Маленький рост в сочетании с обременительными обязанностями приемного дня подчеркивал болезненность королевы, делая ее схожей с хрупкой глиняной куклой. Ее белые пышные волосы были тщательно собраны на затылке и заколоты золотой диадемой с выгравированным на ней фамильным гербом — черным силуэтом пустельги на золотом поле. Прекрасные, изящные руки королева скрестила на груди, ее бледно-серые глаза выражали самое живое участие к тому, что происходило рядом с ней.

— Ваше величество!.. — воскликнул крайне удивленный Линан.

Все присутствовавшие в комнате склонились в почтительном приветствии.

Ашарна удовлетворенно фыркнула и жестом подозвала к себе Олио и Линана для ритуального поцелуя в щеку.

— Ну что же, я рада видеть вас дома, даже в столь поздний час, — произнесла она, обращаясь к Линану и безучастным взглядом скользя по его окровавленной одежде. Не дожидаясь ответа, она подошла к Эйджеру и внимательно вгляделась в его лицо. — Это он, тот самый?

Вопрос был адресован Камалю.

— Да, ваше величество.

— Где мой врач? — повелительно спросила она, и Трион тут же возник перед ней, словно появился прямо из воздуха.

Линан заметил толпившихся в коридоре придворных; было похоже, что королеву сопровождала вся свита без исключения.

— Что вы скажете? — обратилась королева к Триону.

— Ваше величество, он серьезно ранен. Если он переживет эту ночь, то, возможно, выживет, — хотя лично я думаю, что он едва ли увидит рассвет.

Королева глубоко и надолго задумалась. Никогда прежде Линан не видел ее такой утомленной. Ему захотелось подойти к ней, взять ее за руку, взять на себя часть ее забот, однако он остался стоять на месте, как обычно скованный ее отчужденным видом. С горечью он подумал, что мать всегда так далека от него.

— Я хочу остаться наедине с этим человеком, — произнесла она наконец. Но Линану показалось, что выражение ее лица говорило о том, что она предпочла бы находиться где угодно, только не наедине с Эйджером.

Деджанус хотел было что-то возразить, но Ашарна повелительно подняла руку, и он только почтительно поклонился. Все покорно вышли, Деджанус закрыл за собой дверь и встал возле нее на страже. Линан, зажатый между Камалем и одним из придворных, так сильно надушенным, что к горлу подступила тошнота, недоумевал, что заставило Ашарну лично беспокоиться о калеке, раненом в уличной драке. Краем глаза он взглянул на Камаля. Все, конечно, было бы понятно, если бы кто-то был в курсе ночных событий и его собственной роли в них.

Неужели она намеревалась разбудить беднягу и устроить ему допрос? При этой мысли волосы на загривке Линана начали вставать дыбом, однако он попытался взять себя в руки. Трион что-то вполголоса говорил одной из своих помощниц — привлекательной молодой женщине, одетой по последней моде в платье из отличного полотна, украшенное цветными фетровыми полосами. Она лишь недавно была взята ко двору — судя по ее смуглой золотистой коже, Линан решил, что она из четтов или аманитов. Скорее из аманитов. Четты, как правило, не отличались особенным вкусом при выборе одежды.

Эта мысль заставила его улыбнуться. Женщина решила, что он улыбнулся ей, и в свою очередь ответила улыбкой. Сердце Линана слегка дрогнуло. Большинство придворных Ашарны хотя и кланялись ему при встрече с деланным почтением, в обычных обстоятельствах старались не замечать его. Должно быть, до нее пока еще не дошли все дворцовые сплетни. Подумав так, он помрачнел.

Внезапно Линан почувствовал, как поднялись волоски на его руках, как загорелась кожа на лице. Взглянув на крупные запястья Камаля, он увидел, что и на них светлые волоски встали дыбом. Теперь Линан понял: все то, что тревожило его, не меньше беспокоило и всех остальных, ожидавших в коридоре.

— Что происходит? — приглушенным голосом спросил он Камаля.

Камаль не ответил, его взгляд был устремлен вперед, а тело напряжено.

Один из придворных упал в обморок. Линан узнал чрезвычайно тучного Эдейтора Фэнхоу, могущественного прелата Кендры, чьи церемониальные одежды теперь распростерлись вокруг него подобно крыльям огромной бабочки. Кто-то опустился возле него на колени, чтобы удостовериться, что он жив. Линан почувствовал сострадание к прелату — но тут же решил, что в его положении лучше было бы пожалеть самого себя. Он ощутил тошноту в желудке и испугался, что тоже может потерять сознание. Потом он подумал о том, что прелат, вне всяких сомнений, был самым главным человеком в свите Ашарны. Так почему же он упал в обморок?

Ответ потряс Линана. Он напрягся и застыл, почувствовав, как его будто захлестнула холодная волна — несмотря на то, что в коридоре было жарко и горели камины. Прелат Фэнхоу упал потому, что из всех придворных он был наиболее чувствителен к магии! Должно быть, Ашарна прибегла к действию одного из Ключей Силы. Должно быть, это был Ключ Сердца, который иногда называли Ключом Исцеления. За всю свою жизнь Линан не слышал, чтобы Ашарна пользовалась властью, заключавшейся в королевских символах. Ему не однажды рассказывали о необыкновенной силе Ключей — однако он весьма цинично считал эти рассказы всего лишь легендами, сложенными для того, чтобы вызвать в народе больше уважения к трону. В точности как меч короля Тибальда, изукрашенное и совершенно бесполезное оружие, которое должен был держать в руках каждый новый монарх во время коронации.

Нельзя сказать, что Линан сомневался в существовании магии — ему нередко доводилось видеть, как ею пользовались члены пяти магических обществ. Однако то, что его собственная мать могла владеть магическими средствами, потрясло его. Пользоваться магией, в которой содержится такая огромная сила!

Грудь Линана испытывала огромное напряжение; он попытался полностью выдохнуть, однако это ничуть не уменьшило давления. Никогда еще Линан не испытывал на себе действия такой

сильной магии. Рядом с ним стали падать в обморок и другие придворные. Первой потеряла сознание одна старая дама, которую едва успел подхватить ее сын, потом упал Трион. Линан почти не сомневался, что в следующий миг он сам больше не выдержит и упадет, но тут к нему неожиданно вернулось глубокое свободное дыхание. Сила, сдавливавшая его грудь, попросту исчезла, точно ее и не было, пропала и тошнота.

— Все закончилось? — спросил он Камаля, и его собственный голос показался ему странно далеким.

Камаль кивнул и тут же подошел к двери. Деджанус, все еще не до конца пришедший в себя, попытался загородить ему путь.

— Королева закончила все, что она делала, — сказал ему Камаль. — Впусти меня.

— Не раньше, чем она сама откроет дверь, — прохрипел личный страж.

Камаль приблизился к Деджанусу и прошептал ему на ухо:

— А что, если она без сознания? Ты сам почувствовал, какая энергия исходила из этой комнаты. А ведь тебе лучше, чем кому бы то ни было, известно, как она слаба.

Деджанус продолжал колебаться. Линан не знал, какая сила заставила его шагнуть вперед, — но та же самая сила, такой же внезапный гнев, должно быть, овладел и Олио. В один голос они потребовали открыть дверь, Олио при этом даже ухитрился не заикаться. Требование двух принцев, да еще то, что за дверью царило молчание, вынудили Деджануса отступить.

Они ворвались в комнату и застыли на полпути, ослепленные. Стены комнаты, сложенные из песчаника, пылали так ярко, что по сравнению с ними огонь в камине казался тусклым. В воздухе сверкнули и исчезли нити голубого пламени, оставив за собой тонкие струйки пепла, медленно скользнувшие на пол. Возле кровати, прямая, как натянутая струна, с широко раскинутыми руками стояла Ашарна, окруженная мягким ореолом белой энергии, пульсировавшем в такт ее учащенному дыханию. В комнату продолжали входить придворные, в изумлении раскрывая рты. За спиной Линана остановились Трион и Эдейтор, чье лицо было покрыто испариной.

— Я никогда не мог себе представить... — начал было Эдейтор, но замолчал, не в силах выразить словами свое изумление. Между тем энергия в комнате рассеялась, как рассеивается ночной туман под первыми лучами утреннего солнца. Ореол света вокруг Ашарны исчез. Огонь в камине на миг вспыхнул ярче — а потом пла-

мя успокоилось и стало ровным. Ашарна, улыбаясь, оглядела свою свиту и качнулась вперед.

Метнувшиеся к ней Камаль и Деджанус подхватили ее прежде, чем она упала на каменный пол.

К ним поспешил Трион, быстро нащупал пульс королевы и прислушался к ее дыханию.

— С ней все в порядке, ее сердце бьется с нормальной силой. — Он повернулся к придворным. — Она просто обессилена, вот и все.

Общий вздох облегчения прозвучал подобно молитве.

Камаль помог Деджанусу поднять королеву на руки, и Личный Страж быстро вышел из комнаты, чтобы унести ее в ее покои. Трион и большинство придворных последовали за ним. Камаль закрыл дверь и подошел к Эйджеру.

К нему присоединился Эдейтор Фэнхоу, сложив руки перед собой, точно вознося молитву.

— В стенах этой комнаты и сейчас еще осталось чрезвычайно много магической силы, — произнес он скорее для самого себя, нежели для окружающих. Он осторожно прикоснулся к одной из стен, потом спокойно положил ладонь на плиту песчаника.

— Она до сих пор хранит тепло, — пробормотал он. — Это невероятно. Мне ничего не известно о магических средствах, обладающих такой огромной силой.

— Да, это поистине было зрелище, — приглушенно произнес Олио.

— Ты знал о том, что наша мать способна проделывать такое? — спросил его Линан.

Олио покачал головой.

— Теоретически, конечно, м-м-не было кое-что известно, од-днако до сих пор я не понимал всей силы этих Ключей, мне они к-казались обычным украшением на маминой шее. — Его бровь приподнялась — Олио задумался. — П-просто не могу себе представить, какой властью об-б-бладают остальные Ключи.

— Как он? — обратился Линан к Камалю.

— Он дышит почти нормально, — с видимым облегчением ответил Камаль. — И вдобавок, смотрите, кровотечение совсем прекратилось.

— Королева сотворила настоящее чудо, — заметил Эдейтор.

— Для Камаля королева сделает все возможное, — отозвался Линан.

— Ваши слова ясно показывают, как мало вы знаете о своей родной матери, — с горечью произнес Камаль.

ГЛАВА 3

Камаль проснулся с обычной готовностью к действию, едва не свалившись при этом со стула. Он заснул, сидя в неудобной позе, прислонив голову к стене под каким-то немыслимым углом, и теперь его затекшая шея отчаянно ныла. Он поднялся на ноги и подошел к кровати, на которой лежал Эйджер. Эйджер все еще спал, но теперь его сон уже не казался сном умирающего.

Несмотря на то, что огонь в камине давно погас, и в комнате стало холодно, Камаль ощутил потребность в глотке свежего воздуха. Он подошел к единственному окну и распахнул деревянные ставни. В ночной темноте перед ним спала Кендра. Где-то у восточной стены города можно было разглядеть слабый свет. Камаль мог различить море прямо за гаванью, где на волнах мерцали фосфоресцирующие следы рыбацких лодок, возвращавшихся в город, — хотя ни самих лодок, ни их парусов невозможно было разглядеть на фоне безбрежной черной воды.

Он вернулся к постели Эйджера и стал пристально вглядываться в его лицо, пытаясь припомнить, каким оно было много лет назад. В то далекое время, когда оба они были молоды, и их переполняла энергия — унесенная жестокой войной, страшными ранами и потерей их любимого генерала.

Камаль не видел Эйджера около пятнадцати лет и давно считал его погибшим; однако последней ночью они снова встретились против всяких ожиданий, и Эйджер едва не умер у него на руках. Размышляя об этом последнем витке судьбы, Камаль испытывал горечь.

Его поразила острота собственных ощущений. Ему и прежде приходилось терять друзей, а его дружба с Эйджером в далекие времена Невольничьей войны была рождена скорее обстоятельствами, нежели личными свойствами. Тем не менее сейчас ему казалось, что дружба, пронесенная сквозь страшную войну со множеством горьких поражений и славных побед, сопутствовала и долгим годам прочного мира, в течение которых Камаль постепенно понял, как мало у него друзей на этом свете.

Из внутреннего двора донеслись звуки, среди которых можно было различить топот тяжелых башмаков по булыжнику и оклики стражников. Он расслышал громкую команду: «На караул!», которую отдавали только в честь кого-то из членов королевской семьи. Должно быть, это старший сын Ашарны Берейма возвращался из своей

дипломатической миссии — поездки по королевским владениям в Хьюме, одной из наименее предсказуемых областей, о которой Ашарна предпочитала говорить поменьше. Миссия эта была весьма щекотливым делом, и Камаль мысленно взмолился о том, чтобы Берейма, суровый, точно зимний ветер, успешно с нею справился.

Он вновь взглянул на лицо спавшего Эйджера. Теперь оно выглядело спокойным, хоть и было сплошь изрезано шрамами — наградами за верную службу королеве Ашарне. Неожиданно Камаль ощутил странное предчувствие какой-то неведомой опасности, отдаленной, но грозной. Он попытался отогнать его, однако оно уже заняло прочное место в его сознании, тягостное и неопределенное.

Задыхаясь, Арива вырвалась из остатков сновидения. Диким взглядом она оглядела свою спальню и закуталась в простыни.

Несколько секунд ей понадобились для осознания, что она находится в собственных покоях. Когда это удалось, она откинулась обратно на кровать, дрожа всем телом в предрассветной мгле.

Черные крылья кошмара, заставившего ее проснуться, все еще окутывали память. Ей приснилось, будто море поднялось над Кендрой и над всем полуостровом, на котором стоял город, вода перехлестнула через высокие городские стены, разлилась по узким улочкам, хлынула во дворец. Она поднималась и поднималась. Она увидела барахтавшуюся в воде мать, королеву Ашарну; намокшая одежда и тяжелые Ключи Силы неумолимо тянули королеву вниз. Потом откуда-то появился сводный брат Аривы Берейма, он протянул руку королеве, и их пальцы сомкнулись. На какое-то мгновение показалось, будто Берейма сможет вытащить мать из бурлившего потока — однако сила морской воды была велика, и вот его пальцы ослабли. Арива видела, какое напряжение отразилось на его лице, когда он пытался удержать руку королевы, потом ее пальцы, мокрый рукав ее рубашки...

— О боже! — Арива крепко обхватила колени руками, всхлипнула и не смогла сдержать слез, покатившихся по щекам. Ей было стыдно за свою слабость, но сновидение было таким ужасным, таким пугающим.

Девушка заставила себя выровнять дыхание и прекратить плакать, после чего соскользнула с кровати. Она раздула тлевшие в камине угли, добавила к ним несколько небольших поленьев. Пламя медленно разгоралось, набирая силу, от камина стало исходить тепло, и вместе с этим последние обрывки ужасного сна покинули ее сознание, оставив после себя лишь ощущение неясного беспокойства

о будущем. Однако принцесса Кендры Арива не верила в предчувствия и пророчества. Энергично тряхнув головой, она отбросила остатки беспокойства и принялась одеваться, раздумывая о том, что же все-таки заставило ее проснуться. Она смутно припомнила стук копыт и всадников, легким галопом круживших по внешнему двору, — но не могла определить, было ли это частью ее сновидения.

Арива подошла к узкой двери, выходившей на балкон, и, распахнув ее, окинула взглядом раскинувшийся внизу внешний двор. В конюшне стояло несколько лошадей — значит, всадники ей не приснились. Мелькнула непрошеная мысль о том, что и все остальное могло быть реальностью; по спине девушки пробежал холодок.

Солнце уже стояло высоко над горизонтом, когда Линана разбудил его слуга Пайрем. Слуга, не произнося ни слова, держал одежду своего хозяина, пока тот одевался. Затем он помог ему затянуть пояс с прикрепленным к нему небольшим ножом.

Линан взглянул на свое отражение в зеркале. Его вполне устраивало то, что он видел. Пусть он не был таким же высоким, как его сводные братья, однако его плечи были достаточно широки, а впереди его ждали несколько лет, в течение которых он мог бы еще подрасти. Он не имел ничего против собственного лица — не такого уж и красивого, однако и не настолько страшного, чтобы у детей при виде его замирали сердца. Он пошевелился, и отражение в зеркале сместилось. Линана позабавила реакция Пайрема: вот уж чья физиономия могла нагнать страху даже на закаленного воина. Ростом слуга был с Линана — тощий, как шпага, с головой, по форме напоминавшей какие-то нелепые ножны. Этим утром губы Пайрема были плотно сжаты.

— Ты не разговорчив сегодня, Пайрем?

— Нет.

— Ты провел тяжелую ночь, посвятив ее пьянству?

— Не более тяжелую, чем вы, ваше высочество, — ядовито отозвался Пайрем.

— Ага, понимаю. Ты сердит на меня.

— Сердит на вас, ваше высочество? Я? Какое право имеет презренный слуга сердиться на мальчика, которого он выпестовал с самого младенчества, если этот мальчик тайком убегает и едва не становится жертвой уличных головорезов? Я спрашиваю вас, ваше высочество, какое я имею на это право?

— Ты разговаривал с Камалем.

— Кто-то ведь должен был принести чистую воду и простыни в ту комнату, в которой на смертном одре лежит сейчас несчастный раненый бродяга, подставивший под нож разбойника свою грудь, чтобы защитить вас.

— Не преувеличивай, Пайрем. Эйджер лежит вовсе не на смертном одре.

— Что вы говорите? Пайрем? — Слуга наклонил голову, словно прислушиваясь к звучанию собственного имени, став похожим на петуха. — А я-то думал, что это кличка, которой пользовался один известный мне парень, которому никогда не хватало ума прислушиваться к добрым советам и поступать так, как ему говорили, ради его же собственного здоровья и счастья.

— Ах, ради бога, Пайрем, дай отдых своему языку!

— А я-то было подумал, будто ваше высочество озабочены моим молчанием. Как же, однако, я глуп!

Линан отвернулся от зеркала и оказался лицом к лицу со слугой.

— Ладно, Пайрем, не обижайся. Давай, отчитывай меня.

— О, разве я посмею поучать ваше высочество — того, кто и без моего участия так много знает о целом мире, что перестал прислушиваться к чьим бы то ни было советам, а в особенности к советам старших...

— Довольно! — коротко воскликнул Линан, и его спокойствие и благодушие тотчас обернулись гневом. — Я достаточно много знаю, Пайрем. Обо всем, что мне пришлось преодолеть нынче ночью, мне известно от Камаля, и теперь мне не требуется выслушивать еще и твои наставления.

Пайрем не смог стерпеть такой обиды. Его голос сорвался, и он почти что выкрикнул:

— Ради бога, ваше высочество, ведь вы едва не добились собственной гибели!

Гнев Линана тотчас улетучился. Пайрем едва удерживался от слез.

— Прости меня. Мне действительно угрожала опасность. Но там был Камаль...

— Камаль?! Да Камалю тоже просто повезло, что он остался в живых. Похоже, что кому-то известно о его кровавом прошлом. Он пролил слишком много крови, так много, что сам не способен измерить это кровавое море. Вы с ним оба слишком беспечны, вы думаете, что мечи всегда защитят вас, вы оба такие же сорвиголовы, как Генерал...

Внезапно Пайрем замолчал и отвернулся — однако Линан успел заметить слезы, проступившие в глазах верного слуги. Ему

стало стыдно. В его жизни существовало несколько истинных вещей, и одной из них была любовь, которую испытывал к нему старый Пайрем, а другой — любовь, которую Пайрем питал к его погибшему отцу. Старый Пайрем до сих пор мучился угрызениями совести от того, что не смог остановить нож убийцы, оборвавший жизнь генерала Элинда Чизела. Пайрема преследовала мысль о том, что у него была зыбкая возможность остановить убийцу, и эта мысль не давала ему покоя.

Линан подался было вперед и хотел обнять старого слугу, однако застыл на полпути и отпрянул.

— Прости меня, — умиротворяюще произнес он. — Обещаю впредь вести себя осторожнее.

Пайрем кивнул, однако все еще не поворачивал лица.

— Возможно, что с этого времени простой осторожности будет мало.

Линан вздохнул.

— Я больше не стану убегать из дворца. По крайней мере, один.

Через плечо Пайрем взглянул на Линана.

— Вы будете брать с собой Камаля?

— Я даже тебя буду брать с собой.

Пайрем засопел и выпрямился.

— Ну что ж, пусть будет так, — сказал он все еще слегка дрожавшим голосом и придирчиво оглядел своего подопечного. — Вы выглядите достаточно прилично, чтобы не напугать королевскую лошадь. Тогда собирайтесь. Вас сегодня ожидают при дворе.

— Меня?

— Ваш брат возвратился из Хьюма. Королева желает, чтобы его приветствовала вся семья.

Линан прорычал:

— Терпеть не могу таких приемов.

— Берейма ваш брат, нравится вам это или нет. Вам не следует противодействовать ему. Однажды он станет королем — и, возможно, день этот не так уж далек.

— Это не имеет для меня никакого значения. Хотя, в конце концов, Берейма не сможет относиться ко мне хуже, чем родная мать.

Пайрем взглянул на него с сочувствием.

— Иногда вы, ваше высочество, просто теряете здравый смысл. Вы даже не осознаете, когда люди намереваются сделать для вас добро или зло. Возможно, ее величество в чем-то и не правы, однако вы виноваты гораздо более. Помните об этом. И не забывайте

о том, что ваш отец любил вашу матушку превыше всего на свете, а ведь он никогда не был глупцом. А еще помните о том, что вы — ее сын, и что она никогда об этом не забывает, в отличие от вас.

Линана обескуражило такое жаркое выступление Пайрема.

— А она хоть раз выказывала знаки доброго отношения ко мне?

Пайрем покачал головой.

— Можно было бы целый день рассказывать вам об этом, но ведь вы уже сейчас не расположены слушать. А потому собирайтесь, ваше высочество, чтобы не опоздать, — а не то разгневаете ее еще больше, чем до сих пор.

Когда на Ашарну навалилось абсолютное изнеможение, она изо всех сил вцепилась в ручки своего кресла. Закрыв глаза, она пыталась призвать на помощь силу молитвенных слов Оркида Грейвспира, канцлера Гренда-Лира, которые он произносил в большом тронном зале, где его голос звучал подобно медвежьему рыку. Перед ней проплыло одно из вдовьих воспоминаний, однако ей удалось отогнать от себя лишние мысли.

— Как вы и предсказывали, ваше величество, королева Хьюма дала Берейме согласие на то, чтобы вы смогли посетить ее земли с официальным визитом в начале следующего года. — Голос канцлера рокотал и терялся в его густой темной бороде. — А в таком случае опять подчеркивается право вашего сына как вашего представителя стать ее господином.

Тут он взглянул на Ашарну и поразился ее мраморной бледности.

— Ваше величество?..

Ашарна взмахнула рукой.

— Все то же самое, Оркид. Не беспокойтесь. — Она одарила советника искренней улыбкой и сухо добавила: — Я постараюсь не поддаваться этому.

Выбитый из привычной колеи, Оркид кивнул куда-то в сторону и продолжил свой доклад.

— Принесенные нами дары дали ей спасительную возможность поддержать нашу миссию, не теряя собственного лица.

— Всегда полезно оставлять им возможность думать о том, что они верховодят нами.

— Чариона чересчур горда.

— И мы сумеем использовать ее гордость в своих целях, Оркид. Хьюм — пограничная территория, она традиционно

независима и часто действует заодно с королевством Хаксуса, нашего старинного противника. Чариона, как до того и ее отец, стали единственными правителями Хьюма, которые когда-либо выражали свою преданность другой короне. С Хьюмом следует обращаться как можно терпеливее и обходительнее.

— Но у нее есть преимущество над вами.

— Да, но она принадлежит нам, Оркид, вместе со своим королевством. Не следует судить о крепости по камням, из которых она выстроена. — Королева прикрыла глаза, пытаясь восстановить потерянную в разговоре энергию. — Когда вы видели Берейму?

— Рано утром, как только он вернулся. Он коротко отчитался, передал бумаги и отправился, чтобы пару часов поспать, прежде чем предстать перед вашими очами. Он будет здесь с минуты на минуту.

— Когда меня не станет...

— Вам не следует говорить о таких вещах, ваше величество.

— Когда меня не станет, — упрямо повторила королева, — Берейме прежде всего потребуются ваши мудрые советы. Служите ему так же ревностно, как служили мне.

Оркид склонил негнущуюся спину, уступая воле Ашарны, так и не раскрывавшей глаз.

— Да, конечно, ваше величество.

— Вы до сих пор ничего не сказали о том, как он отчитался перед вами, как перед первым должностным лицом. Не оскорбил ли этот отчет его гордости?

Оркид позволил себе слегка улыбнуться.

— Мне кажется, что она была несколько уязвлена.

— Он должен научиться доверять вам и прислушиваться к вашим советам. — Оркид снова почтительно поклонился, выражая тем самым признательность за любезность. — А вам следует научиться льстить ему и склонять его с помощью лести к принятию нужного решения — так же, как вы постоянно проделывали это со мной.

Советник был потрясен и шокирован:

— Ваше величество?!

— Оркид, вы были моим советником на протяжения почти пятнадцати лет. Вы стали моей правой рукой, а потому не пытайтесь принарядить наши отношения в одежды, которых они не стоят. Вы проницательны и наблюдательны, ваше лицо давно обрамлено бородой — так что давайте будем откровенны друг с другом, если только это входит в ваши намерения.

— Или если вы не хотите предложить мне оставить вас и существовать в одиночестве, — парировал советник.

Ашарна искренне рассмеялась.

— Как скажете. Мы составляем вместе неплохую пару, и Гренда-Лир должен быть благодарен нам за независимое и мирное существование. Я хочу, чтобы вы сохранили такие же отношения с моим сыном. На свете нет ничего более опасного, чем новый король, решивший впервые испытать силу своих крыльев.

— Ничего более опасного? — позволил себе усомниться Оркид. — Даже если это окажется новая королева?

Ашарна рассмеялась во второй раз за это утро — как смеялась редко, даже в пору своих лучших дней. Неожиданно Оркид испытал приступ самодовольства.

— Что ж, нынче новым королевам предоставлена возможность многое доказать. А новым королям предстоит лишь повторять ошибки их предшественников, потому что они обучены соперничать с ними.

— Он может пойти на что-нибудь худшее, чем соперничество с тобой.

— Теперь вы грубо льстите мне, а я этого не люблю. Он станет самим собой, но ему придется также стать королем Гренда-Лира — а для двоих не найдется места на одном троне.

— Именно вам придется укрепить его трон для того, чтобы он был достоин моего сына, — однако не слишком велик, чтобы он не смог легко соскользнуть со своего места.

— Я сделаю для этого все, что только будет в моих силах, — скромно произнес Оркид.

— Я знаю. Вы всегда делаете все, что только в ваших силах. — Королева глубоко вздохнула, напоминая себе, что должна будет отправиться в постель немедленно по окончании всех формальностей, накопившихся к нынешнему утру. Но тут же она отогнала эту мысль: бессилен тот монарх, который правит, не покидая спальни.

Раздался стук, и двойные двери в приемную Ашарны распахнулись. Деджанус торжественно объявил о прибытии Береймы, отступил назад, и створки дверей закрылись с тихим шорохом.

Берейма тихо подошел к королеве и мягким движением взял ее за руку. С удивленным взглядом он обратился к Оркиду:

— Она спит?

— Правители Гренда-Лира никогда не спят, — промолвила Ашарна, открывая глаза. — Это еще одно правило, которое вам, Берейма, следует запомнить.

— Уже время...

— Оно еще не наступило.

— Я не желал беспокоить вас, — с недовольством произнес Берейма.

— То есть вам хотелось бы, чтобы я умерла, — Ашарна укоризненно покачала головой. — Вам не следовало бы никогда произносить подобных слов.

— Мама, мне не нужен трон.

Ашарна с изумлением взглянула на сына:

— Вы думаете, что он был нужен мне, когда пришел мой черед унаследовать его? Вы считаете, что мне хотелось потерять свою свободу и обрести взамен жизнь, исполненную ежедневной нуднейшей работы, постоянных проблем, бессонных ночей, не имея надежды на избавление, кроме смерти? — Она внимательно посмотрела на сына. — Вы были неженкой, защищенным от всяческих невзгод в течение всей своей жизни — но теперь настало время для того, чтобы оказаться лицом к лицу с возложенной на вас ответственностью и продемонстрировать, на что вы способны.

Вид у Береймы был весьма удрученным.

— Но я уже помогал вам распоряжаться делами королевства.

Ашарна бросила на сына суровый взгляд.

— Королевство Гренда-Лир со всеми относящимися к нему угодьями составляет одиннадцать княжеств, шесть миллионов населения, множество королей и королев, принцев и герцогов. Оно занимает почти весь континент, и половина его может оказаться охваченной засухой, в то время как остальная часть будет залита губительным наводнениям.

Она перевела дыхание.

— За последний год вы, согласно возложенным на вас обязанностям, докладывали мне о нескольких состоявшихся советах, действовали от моего имени, встречаясь с двумя-тремя высокими сановниками, произнесли речь в мою честь на случайном официальном пиршестве и в целом своими действиями вполне оправдали вашу первую посольскую миссию. Однако это еще не означает умения управлять страной. Я по-прежнему управляю этим королевством и его народом.

Берейма выглядел обескураженным.

— Неужели это все, чем я был? Я был до сих пор всего лишь вашим глашатаем?

Ашарна вздохнула.

— Отнюдь нет. Вы учились быть королем. Однако не думайте, что вам удалось усвоить все уроки. Придет время, может быть, даже очень скоро, когда вам в самом деле придется взять в руки власть над королевством и вы окажетесь лицом к лицу с необходимостью принимать решения, связанные с благополучием Гренда-Лира, самостоятельно, без подсказок. — Она бросила быстрый взгляд на Оркида. — Хотя, конечно, в вашем распоряжении будет совет всего двора.

— Вы знаете, что я без колебаний приму ответственность на себя.

— Да, я это знаю. Однако не стоит разводить бессмысленную суету. Перед вами встанет задача вовсе не столь трудная и невыполнимая, как вы того ожидаете.

— Что вы имеете в виду?

— Скоро вы об этом узнаете. — Жестом королева подозвала к себе Оркида. — А теперь нам с советником нужно обсудить кое-что до того, как мы все увидимся в тронном зале.

— Может быть, мне следовало бы остаться, — почти шепотом произнес Береймa, покосившись на Оркида.

— Мой сын, вы пока еще не стали королем. Покиньте нас. Мы с вами увидимся позже нынешним же утром.

— О чем же нам осталось побеседовать, ваше величество? — спросил Оркид после того, как за Береймой закрылась дверь. — Я закончил свой отчет.

— Ключи Силы. Вы все еще не согласны с моими замыслами.

— Я не уверен, что надо следовать безрассудным традициям.

— Безрассудны они или нет, в них я вижу единственно верный путь, — устало произнесла королева.

Оркид не стал спорить. Королева выглядела усталой, и возражать ей в этот момент было неразумно.

Для Береймы церемония официального дворцового приема сводилась к присутствию в тронном зале. Это событие было вполне обыкновенным, и на нем мог присутствовать каждый, кто имел какое-либо влияние при дворе.

Сама Ашарна сидела на своем простом базальтовом троне с подушками, одета она была в традиционное королевское платье для приемов. Слева от нее стоял советник Оркид Грейвспир, а позади маячил Деджанус со своим неизменным ритуальным жезлом. Справа, на тех местах, где предписывалось находиться членам королевской семьи, уже заняли свои места Арива, Олио и Линан; левее, где

было отведено место для старших служащих королевства и для членов Королевского Совета, заняли свои места придворные вместе с фрейлинами ее величества.

Все собрание выглядело достаточно забавно в этом единственном зале дворца, предназначенном для подобных церемоний. Зал считался одним из тех чудес света, которые были созданы за много веков, и до сих пор был для иноземцев одним из воплощений могущества Кендры. Два ряда, каждый из тридцати массивных колонн, расписанных золотом и чернью, разделяли пространство тронного зала на три части. Средняя представляла собой лес более тонких колонн, которые отделяло от самого тронного пространства тонкой работы покрывало из золоченых нитей. Противоположная сторона помещения служила как бы приемной для приглашенных и просителей: здесь они могли прогуливаться среди прочей публики, молча ожидая, пока королева не прослушает все обращенные к ней речи, доклады, не вынесет всех решений и не отдаст последних распоряжений.

В стенах из полированного гранита имелось не менее сотни полукруглых окон, благодаря чему зал заливал такой яркий свет, что могло показаться, будто над ним вовсе не имелось крыши. За окнами, высоко над внутренним двором, сплетение канатов поддерживало тысячи аккуратно уложенных ветвей, в основном сосновых, создавая впечатление волн, облизывающих скалистый берег — дворцовую стену. Возле каждой колонны замер один из королевских стражников, за всеми стражниками наблюдало неусыпное око коннетабля гвардии, стоявшего всего в нескольких шагах от возвышения, на котором находился трон. Рядом с Камалем стоял небольшой письменный стол, за которым сидел личный секретарь Ашарны Харнан Бересард.

Линан всегда испытывал неловкость, стоя среди приближенных возле трона. Он сознавал недостатки своего роста, испытывал смущение из-за скромной одежды, и из-за всего этого в его жилах закипала кровь. Ему представлялось, что по всем этим причинам его в любой момент могут просто вышвырнуть из дворца. Остальные придворные, собравшиеся сейчас в тронном зале, — казалось, их было больше, чем обычно, — беззастенчиво разглядывали членов королевской семьи жадными, завистливыми и даже откровенно злобными глазами. От этих сверлящих его взглядов у Линана заныла шея.

Он рискнул повернуть голову и оглядеться, однако увидел вокруг себя сплошное море лиц, обращенных к самой Ашарне. Королева на своем черном троне выглядела великолепно, разве что была слишком бледна. Конечно, Линану просто мерещились направ-

ленные на него злобные взгляды. На самом деле на него попросту никто не обращал внимания. Он был всего лишь третьим сыном монархини, и происхождение его являлось лишь наполовину знатным, а наполовину самым простым. По-видимому, во дворце считались лишь с этой простонародной частью его крови, поэтому его предпочитали вовсе не замечать. «Потому что я сын Элинда Чизела! — мысленно крикнул Линан всей этой толпе. — Потому что я сын лучшего солдата, когда-либо появлявшегося в Кендре, сын солдата, который спас королеву от поражения во время Невольничьей войны, потому что...»

Он опомнился, вспышка собственной ярости обескуражила его. Конечно, существовало великое множество причин, которые он мог бы перечислить — однако для двора они не имели ни малейшего значения. Юноша снова оглянулся через плечо, чтобы получить хоть какое-то представление о численности толпившихся за ним аристократов, потом окинул взглядом тех, кто стоял у противоположной стены. Камаль был прав. Вороны слетались на пир в ожидании подходящего момента. Линан стал размышлять о том, кто из присутствовавших представлял интересы Двадцати Домов, а кто держал сторону Ашарны. Как долго еще намерена аристократия требовать обратно власть, отданную королеве? Можно было с уверенностью сказать, что против Ашарны никто не осмелится сделать ни единого шага — такой любовью и уважением она пользовалась среди простого народа. Но что случиться после ее смерти? Где тогда будет место Линана, кем он станет — уборщиком мусора?

В дальнем конце зала раздался громкий металлический стук. Широкие бронзовые двери распахнулись, в них появился сержант дворцовой стражи с тяжелым черным копьем. С величайшей торжественностью и неподражаемым изяществом он прошел сквозь толпу к подножию трона.

— Берейма Коллз, сын королевы Ашарны Розетем и ее супруга Милгрома Коллза, наследный принц Кендры и всех ее владений, возвращается из посольства во владения ее величества в Хьюме.

— Пусть он подойдет ко мне, — произнесла в соответствии с ритуалом Ашарна.

Сержант вернулся к входным дверям и выкрикнул имя и титул Береймы. В дверях появился старший сын Ашарны. Высокий и широкоплечий, с темными волосами, суровым выражением лица, подтянутый, он выглядел великолепно в прекрасных шерстяных одеждах и распахнутой шубе. Неторопливо, с чувством собственного достоинства он направился к трону. Впереди шел сержант, а следом

за ним двигалась небольшая свита, которую принц брал с собой в Хьюм. Подойдя к трону, сам Берейма и вся его свита низко поклонились.

— Ваше величество, я привез вести от подвластной вам королевы Хьюма Чарионы. Она приветствует вас и заверяет в своей преданности.

— Рада это слышать, — ответила Ашарна. — А кроме того, чрезвычайно рада видеть вас в добром здравии. Займите свое место, сын мой.

Берейма опять низко поклонился и опустился на трон по правую руку от королевы, рядом со своими сводными братьями. Его свита тотчас рассеялась.

— Сержант, есть ли у меня сегодня другие посетители?

— Ваше величество, двое просителей ожидают вашей милости.

— Проводите их ко мне.

В течение следующего часа королева и ее придворные выслушивали жалобы просителей. Первым из нипх был молодой дворянин, явившийся с просьбой о возвращении земли, отобранной у его отца во время войны с работорговцами за то, что он выступал против трона. Королева осведомилась о том, что еще потерял отец молодого человека.

— Голову, ваше величество, — прозвучал ответ.

— А кто владеет этой землей?

— Вы, ваше величество.

Королева объявила, что молодой дворянин не должен отвечать за преступления своего отца, и постановила вернуть землю. Секретарь Харнан записал решение на бумаге. Дворянин поблагодарил королеву за ее мудрость и великодушие и быстро удалился.

Вторым просителем был торговец из Амана, который в пространных выражениях пожаловался на то, что некоторые из чиновников Ашарны запрещают ему торговать в городе.

— На каких основаниях? — спросила Ашарна.

— Лишь на том основании, что я аманит, ваше величество, — ответил торговец.

Королева взглянула на своего советника-аманита, однако лицо Оркида было непроницаемым. Тогда королева пообещала рассмотреть это дело и снова кивнула Харнану Бересарду.

Затем она поднялась с трона, давая тем самым понять присутствующим, что прием окончен. Все, видимо, расслабились, и в следующее мгновение тронный зал наполнился низким гулом сотен голосов.

Берейма подошел к королеве и приглушенным голосом очень серьезно сказал:

— Мне говорили, что сегодня ночью вы пользовались одним из Ключей Силы.

— Вы хорошо информированы, — произнесла Ашарна.

— Но об этом говорят все!

— Сын мой, мне бы очень хотелось, чтобы у вас появилось чувство юмора.

— В том, что произошло, нет ничего забавного, ваше величество. Вы немолоды, слабы и...

Ашарна взглянула на него.

— Вы хотите сказать — стара и слаба для того, чтобы править?

На возвышении наступила тишина. Все глаза устремились на Берейму. Его лицо вспыхнуло.

— Нет! Я вовсе не это имел в виду. Но если вы будете использовать Ключи, вы изнурите себя...

— Довольно, Берейма, — решительно произнесла Ашарна. — Я королева, а Ключи Силы даны мне для того, чтобы использовать их в нужное время и в нужном месте, притом с достойной целью. Если бы я не использовала их таким образом, я не имела бы права носить корону.

— Но, матушка, для того, чтобы спасти жизнь пьяного калеки!

Теперь краска гнева залила лицо Ашарны.

— Человек, о котором вы говорите, во время Невольничьей войны служил капитаном отряда Копий Кендры. Он честно служил мне и дорогой ценой поплатился за это. Он умирал от раны, которую получил, оказывая мне еще одну неоценимую услугу...

Берейма повернулся к Линану:

— Спасая его от кучки бандитов...

— Спасая жизнь вашего брата и коннетабля моей гвардии.

Берейма ничего больше не ответил. Он услышал в голосе матери те самые нотки справедливого гнева, которые всегда заставляли дворян, придворных, солдат, мужей и детей замолчать и прекратить спорить со своей королевой.

Ашарна оглядела остальных, включая Оркида и Деджануса.

— Кто-нибудь еще желает высказаться по поводу моих действии сегодня ночью?

Кое-кто покачал головой, большинство просто опустили глаза.

— Тогда прием окончен. — Королева обернулась к Харнану. — Вас я прошу пройти в мою гостиную. У нас есть корреспонденция, которую нужно разобрать.

Секретарь кивнул, собрал свои бумаги и письменные принадлежности и последовал за Ашарной и ее фрейлинами. Деджанус

замыкал шествие. Все разговоры смолкли, и придворные склонились перед выходившей из тронного зала королевой.

Когда она вышла, Берейма обратился к Камалю.

— Это ваша вина, коннетабль. Мне говорили, будто вы позволяете моему брату уходить из дворца по ночам и шляться по тавернам и гостиницам в поисках опасных приключений вроде вчерашнего!

Камаль промолчал. Ему было отлично известно, чем могли обернуться возражения одному из членов королевской семьи — в особенности же Берейме, который был ярым сторонником порядка при дворе.

— Как можем мы доверять человеку, стоящему во главе королевской гвардии, защиту дворца, если он не способен защитить даже одного маленького безответственного подростка?

Камаль безучастно смотрел прямо перед собой.

Линан, боявшийся Береймы не меньше, чем самой королевы, хотел было вступиться за Камаля, но его язык, казалось, прилип к гортани.

Берейма между тем закончил публичный выговор коннетаблю и отошел к группе своих друзей из Двадцати Домов, которые задержались неподалеку и наслаждались зрелищем. Линан подумал, что все они выглядели весьма нелепо в обтягивающих шелковых панталонах по моде, совсем недавно завезенной ко двору из северного королевства Хаксус.

Линан хотел подойти к Камалю и извиниться, но вместе этого лицом к лицу толкнулся со своей сестрой Аривой.

— Это правда? — грозно спросила она.

— Что, сестра?

— Не притворяйся, будто ничего не знаешь, Линан, я слишком хорошо тебя изучила.

Почти такая же высокая, как Берейма, но с золотыми волосами, какие в молодости были у ее матери, Арива производила ошеломляющее впечатление. А когда ее лицо, как сейчас, искажала гримаса гнева и ярости, она напоминала Линану сказки о прекрасных горных ведьмах, пожиравших лица заблудившихся путников.

Ответить он не успел — к ним подошел Олио и сказал сестре:

— Несправедливо об-б-винять Линана в том, что на него напали воры, Арива. В этом нет его вины. И потом, ведь наша матушка сказала, что калека, которому она помогла прошлой ночью, преданно служил н-н-ашей семье и в прошлом.

— Я спрашиваю не о том, что сделала наша матушка. Меня интересует поведение Линана.

Она вновь повернулась к Линану.

— Ну так что ты скажешь? — настойчиво спросила она.

— Я никого не хотел подвергать опасности, а меньше всего королеву, — кротко ответил он.

— Ты легкомысленный мальчишка, Линан. В один прекрасный день твой эгоизм может кому-нибудь дорого обойтись.

— Конечно, ты, как всегда, права.

Линан вовсе не хотел обидеть сестру, но слова сами собой сорвались у него с языка.

Арива вздрогнула, будто ее ударили по лицу. Она взглянула на сводного брата едва ли не с отвращением.

— Ты слишком много себе позволяешь, — отчеканила она и порывисто отошла прочь.

— Что она хотела этим сказать? — спросил Линан у Олио.

Олио пожал плечами.

— Лучше п-п-пойду за ней и постараюсь ее успокоить, п-п-пока она не обидела какого-нибудь приезжего сановника.

Оставшись в одиночестве, Линан почувствовал себя не самым лучшим образом после утреннего приема, хотя, принимая во внимание свое положение во дворце, понял, что в этом не было ничего необычного. Он вспомнил о Камале и направился к нему.

— Мне очень жаль, что Берейма так говорил с тобой. Во всем виноват только я, не ты, не Эйджер и не королева.

— Берейма всего лишь демонстрировал свое отношение к королеве, — ответил Камаль, и его лицо при этом оставалось таким же бесстрастным, как и в те минуты, когда его публично покрывали позором. Он оглядел зал. — Ты видишь их всех, Линан?

— Кого — всех?

— Все новые лица. Взгляни, вот там новый штат посольства Амана в Кендре.

Линан увидел трех человек с густыми бородами в длинных кожаных плащах. Они выглядели уменьшенными копиями Оркида.

— А вот там старый герцог Петра, он вернулся из своего уединения на берегу Луризии. Рядом с ним представители торгового флота Хьюма. Они прибыли вместе с Береймой.

Камаль показал на группу мужчин и женщин, одетых в кожаные короткие куртки и штаны.

— А это наемники со всего королевства, приехали искать работу телохранителей или еще чего похуже.

— Ты говорил об этом сегодня ночью, — заметил Линан. — О вороньe, которое слетается на пир.

Камаль кивнул.

— Они ждут не дождаться, чтобы королева умерла́, и они смогли бы предъявить свои требования новому королю.

— Не думаю, что власть Береймы будет так уж легко поколебать.

— Да. Он нашел друзей в Двадцати Домах. Древняя аристократия примет его с распростертыми объятиями. В конце концов, Милгром Коллз был одним из них. Он женился на королеве, чтобы обеспечить ей их поддержку в самом начале ее правления.

Как сын простолюдина, так сильно ненавидимый семействами Двадцати Домов, Линан понял намек Камаля.

— Если бы тем ворам повезло больше, все они только порадовались бы.

— Ворам? — Камаль с изумлением взглянул на юношу. — Даже ты не можешь быть столь наивным.

Линан испытал внезапный приступ ярости. Конечно, никто, даже те представители Двадцати Домов, кто ненавидел его сильнее всех, не смогли бы сговориться для убийства. Слишком уж велик риск разоблачения. Он еще раз оглядел зал. Или вопрос престолонаследования стоит дороже?.

— Ты уверен? — Линан не мог справиться с мурашками, пробежавшими по спине, и нервно бросил взгляд сперва через одно плечо, потом через другое.

— Пока не вполне. Мои люди занимаются расследованием этой истории. Но есть и другие, которые с радостью убрали бы тебя с дороги, даже если и не испытывают к тебе личной злобы. Убийство принца, даже занимающего столь невысокое положение, как ты, неминуемо расстроит твою матушку — а это приведет к расстройству дел во всем королевстве. Вот потому-то тебе и не следует уходить из дворца по ночам в одиночку. Кто бы ни были те, кто пытался убить тебя прошлой ночью, они могут повторить эту попытку.

Когда тронный зал наконец-то опустел, а придворные разошлись по своим кабинетам, собраниям своих гильдий или по другим делам, Камаль вернулся в свои покои, чтобы взглянуть на состояние Эйджера.

Горбун сидел в кровати и с помощью сиделки пил из кружки горячий бульон. При виде того, как хорошо выглядит его друг, Камаль несказанно удивился. Эйджер широко ему улыбнулся.

— Я даже не ожидал, что ты так быстро очнешься, — обрадованно произнес Камаль, приветливо кивнув сиделке, которая тихо вышла из комнаты.

— А прошлой ночью я и сам не мог ожидать, что вообще когда-нибудь смогу очнуться, — отозвался Эйджер. Он повер-

нулся боком и, приподняв рубашку, показал Камалю свою рану. Сейчас она выглядела едва заметным белым рубцом. — Как это случилось? Сиделка ничего мне об этом не говорила.

— Сама королева оказала тебе эту услугу.

Эйджер сглотнул слюну.

— Ашарна? Она была здесь, в этой комнате, со мной? — Камаль кивнул. — Что она сделала?

— Она использовала Ключ Сердца, — приглушив голос, ответил Камаль.

— Ради меня? Но почему?

— Разве ты уже забыл юношу, который этой ночью стал причиной всех наших злоключений?

Эйджер, нахмурившись, задумался.

— Конечно, я его помню. Он без устали расспрашивал меня о сражении при Глубокой Реке...

Голос горбуна сорвался, он поднял глаза на Камаля.

— В нем было что-то такое... Он снился мне, пока я бредил этой ночью. Его лицо вдруг превратилось в лицо генерала, и я подумал...

— Ты все еще не видишь связи?

Эйджер нахмурился сильнее.

— Мне казалось, что я ее увидел... однако я плохо помню, что было после того, как меня ранили. Юношу зовут Пайрем... хотя нет, это имя его слуги. Я слышал, как ты называл его Линаном, и... О, боже, это же имя сына нашего генерала!

Камаль кивнул.

— Теперь тебе понятен поступок королевы.

Рот Эйджера приоткрылся.

— Принц угощал меня пивом? Болтал со мной, словно молоденький солдат со старым сержантом?

— Боль совсем прошла?

Эйджер рассмеялся.

— Прошла? Да я не только не чувствую этой раны, я в первый раз за пятнадцать лет вообще не испытываю боли, даже в спине. И моя пустая глазница больше не зудит. Я чувствую себя, словно новенький.

— Ну, однако плечо твое осталось приподнятым. Видимо, его не смогло выправить даже могущество нашей королевы.

Эйджер пожал плечами.

— Я успел привыкнуть к тому, что я одноглазый горбун, а вот к боли привыкнуть так и не смог.

— Я думаю, что еще можно сделать для тебя.

Эйджер подозрительно взглянул на Камаля.

— Сделать для меня? Я ведь не нищий, Камаль. Я могу идти собственной дорогой.

— В этом я не сомневаюсь. Но мне нужна твоя служба.

Взгляд Эйджера по-прежнему выражал подозрение.

— Моя служба? Тебе нужна моя служба в книгохранилище?

Камаль улыбнулся.

— Нет. Мне нужен твой опыт солдата. Большинство моих стражников слишком молоды и не принимали участия в Невольничьей войне. С того времени Кендра живет мирной жизнью, слава богу и мудрости королевы Ашарны. Но мне в королевской гвардии нужны и люди старой закалки, а не только молодежь. Я хотел бы, чтобы ты взял на себя обязанности тренера и наставника.

— А какое у меня будет жалованье?

— Жалованье капитана. Полное содержание и десять пенсов в день.

Казалось, это произвело впечатление на Эйджера.

— Это лучшие условия, чем то, что я получал среди Копьеносцев Кендры.

— Ты будешь честно зарабатывать свой хлеб. Королевские стражники — лучшие воины, которые только есть в Кендре.

— Такие же, какими были Красные Щиты?

Камаль фыркнул.

— Никто никогда не сможет сравниться с Красными Щитами. Ведь тогда с нами был наш генерал. Ну, так что ты на все это скажешь?

— Мне нужно время, чтобы подумать об этом, Камаль. Ведь я тринадцать лет провел в скитаниях. Мне будет трудно отвыкнуть от этого.

— Сколько времени тебе нужно?

Горбун на несколько мгновений задумался. После этого он произнес:

— На самом деле у меня было достаточно времени. Надо сказать, что я терпеть не могу бродячую жизнь. Ты думаешь, тебе удастся найти форму, которая скрыла бы мой горб?

ГЛАВА 4

Лето тянулось над Кендрой, как медлительный вол, вспахивавший глинистое поле. В самые жаркие дни на город наваливалось великое оцепенение: моряки отдыхали под натянутой парусиной, лениво разглядывая голубые воды гавани, рабочие доков растя-

гивались в тени нетронутых тюков сена и бочонков с зерном, солдаты опускали свои копья, а ремесленники и владельцы торговых палаток оставались без доходов. Бродячие собаки лежали, где только могли найти хоть какую-то тень, дыша часто и тяжело.

Даже во дворце, где работа становилась тем более безотлагательной, чем долее ее не исполняли, придворные двигались с угрюмой медлительностью, а королева и приближенные к ней служащие с трудом разбирали горы жалоб и прошений, торговых лицензий и прочих важных административных документов. В редкие сравнительно прохладные дни люди восстанавливали энергию, чтобы растратить ее во время следующей волны жары.

В один из самых жарких дней года, вскоре после полудня, сидя в самом углу небольшого кабинета на втором этаже низенького каменного здания неподалеку от доков, Дженроза Алукар захлопнула книгу, которую до сих пор читала. Не обращая внимания на поднявшееся перед ней облачко пыли, она встала из-за стола. Магистр-инструктор Теургии Звезд, длинный мужчина с морщинистым лицом, свидетельствующим о возрасте и воздействия алкоголя, удивленно взглянул на девушку. Остальные четверо студентов, сидевшие за столами, уткнулись в книги, однако не преминули навострить уши.

— Студентка Алукар! У вас какие-то проблемы?

Дженроза, казалось, некоторое время обдумывала его вопрос, что было достаточно редким явлением в практике магистра. Затем она кивнула:

— Да.

— Я могу вам чем-нибудь помочь?

— Я в этом сомневаюсь, — спокойно ответила девушка.

— Понимаю. Возможно, это что-то такое, в чем вам мог бы помочь сам малефикум?

— Думаю, что мне не можете помочь ни вы, ни сам глава нашего ордена.

Теперь настала очередь магистра выдержать паузу, обдумывая услышанное.

— Если проблема заключается в тексте, который вы в настоящее время изучаете, мы могли бы изменить ваше задание, — предложил он.

— Вы хотите дать мне другую книгу, объясняющую движение звезд?

— Вы обучаетесь третий год, студентка Алукар, а объяснение движения звезд представляет собой предварительный курс.

Не пройдя его, вы не сможете перейти к занятиям четвертого года обучения, в которые входит объяснение движения планет.

Дженроза взяла в руки книгу, которую читала, и протянула ее магистру.

— Но выводы из объяснений, включенных сюда, прямо противоречат многим выводам, изложенным в книге, которую мы читали в последнем семестре.

Магистр пожал плечами.

— К моему прискорбию, это одна из величайших загадок нашего искусства. Мы надеемся с помощью постоянных наблюдений и анализа избавиться от противоречий, о которых вы говорите. А кроме того, не зная об этих противоречиях, каким образом мы узнали бы, куда следует направить наши усилия?

Дженроза кивнула.

— Мне знакомы эти аргументы, магистр. Просто я не вижу во всем этом смысла. Сотни лет мы занимались тем, что наблюдали и анализировали, но в результате нам удалось лишь сформулировать еще больше противоречий. Теперь мы имеем противоречий больше, чем звезд на небе. Почему бы не передать эти проблемы для изучения в любой другой теургии?

— Рассмотрение превращений земли и металлов, даже дождя и моря, непосредственно сравнимо с грандиозностью Континуума. Если этими вопросами займется, скажем, магистр Теургии Огня, потребуется время, чтобы определить, что с помощью верных молитв и определенного порядка действий можно получить более крепкую сталь. А сколько еще времени уйдет на то, чтобы раскрыть секреты тел, которые движутся в ночном небе, и узнать, каким образом эти тела воздействуют на наши жизни?

— Но у меня нет... — Дженроза не договорила.

— Но у вас нет веков, в течение которых вы могли бы сделать великие открытия? — перебил ее магистр.

Лицо Дженрозы залила краска смущения.

— Я прошу прощения. Я знаю, что проявила отвратительную гордыню.

Магистр глубоко вздохнул.

— Возможно, что на вас подействовала подобным образом эта непереносимая жара. Однако вам следует научиться владеть собой и справляться с такими расстройствами. Что же касается жары, то с ней не могут справиться даже в Теургии Воздуха. Вы можете идти. Посвятите остаток сегодняшнего дня отдыху. Не читайте сегод-

ня больше никаких выводов. Восстановите ясность своих мыслей и возвращайтесь завтра со свежей головой.

Теперь студенты с завистью смотрели на девушку.

— Это касается одной Дженрозы, — продолжал магистр. — Все остальные, менее обескураженные противоречиями, могут продолжать занятия.

Дженроза вышла из здания школы и оказалась на почти пустой улице. Мимо прошла женщина, неся на голове корзину с хлебом. Казалось, жара усиливала тяжесть ее ноши. Пройдя еще шагов двенадцать, девушка увидела уличного торговца, обливавшегося потом и проклинавшего отсутствие покупателей. Он уже убирал свой прилавок. Воздух над домами и каменной мостовой вибрировал, гавань мерцала отраженным солнечным светом.

Дженроза опустила руку в карман своей туники и извлекла из него несколько лишних фартингов. Она решила заглянуть в ближайшую таверну, надеясь найти там тень и кружку пива, — однако, войдя внутрь, обнаружила, что зал уже переполнен людьми, пытавшимися укрыться от уличного зноя. Тогда, купив себе кружку напитка, девушка устроилась снаружи, в тени карниза гостиницы.

Она решила не задумываться о том, что произошло в школе. Куда приятнее было представлять себя в прохладной воде бассейна, находившегося неподалеку от доков — тем более, что солнце стояло уже низко. Однако слишком сильно было огорчение из-за того, что она позволила себе устроить неприятную сцену. Она отлично понимала, что хотя магистр и отпустил ее сегодня с легкостью, но если бы она повторила что-то подобное еще раз, он непременно отправил бы ее к малефикуму, и это могло бы закончиться исключением из Теургии Звезд.

И что она тогда будет делать? Теургия предоставляла ей ночлег, кормила ее дважды в день, обучала, готовила к выгодной карьере, да еще платила скромную стипендию, позволявшую ей изредка выпить пива и каждые десять дней гулять с друзьями.

Она отпила глоток из кружки и решила поступить лучше. Она будет изо всех сил стараться в школе, будет работать над тем, чтобы понять все, что пока оставалось для нее непонятным и противоречивым. Она не должна сдаваться. Теургия служила ей домом... и даже больше. Она стремилась открыть для себя новые способы действия, найти связи между учениями в разных теургиях. Это было сложной задачей, потому что исследования разных теургий наслаивались друг на друга и в то же время велись совершенно изолированно.

Девушка плеснула немного пива из своей кружки на землю и сосредоточилась. Лужица сразу же распалась на отдельные капли, которые начали двигаться вокруг друг друга. Она заметила небольшой пучок травы, росший из трещины в фундаменте таверны, сорвала несколько травинок и осторожно посадила их в середину каждой капли. Травинки закружились, словно худенькие танцоры. Тогда она пробормотала несколько слов, и кончики травинок изменили цвет.

Дженроза засмеялась — до того абсурдным показалось ей это зрелище. Нет, сказала она себе, не абсурдным. Никто больше не мог с такой легкостью использовать магию из разных областей и заставить ее работать вместе. И только при условии, что она останется студенткой теургии, у нее будет возможность узнать все, что ей хочется узнать.

Кроме того, напомнила она сама себе, у нее не было другого дома. Когда ей исполнилось шесть лет, в ее деревню пришел маг в сопровождении студентов и стражников. Она тогда находилась во дворе домика, где жила вместе с четырьмя братьями и матерью, заботившейся больше о том, как раздобыть еще бутылку вина, нежели о собственных детях. Тут-то девочка и увидела процессию незнакомцев. Она задавала корм поросенку — единственному семейному достоянию, — а, подняв глаза, увидела человека, шедшего впереди всех: мага, одетого в тунику со стоячим воротником. Дженроза во все глаза смотрела на незнакомца, а он шел по деревне, не глядя ни вправо, ни влево, двигаясь при этом так, словно он шел по чьим-то следам. Когда он поравнялся с Дженрозой, он остановился и взглянул ей в лицо. Его глаза были голубыми, как небо.

— Как тебя зовут? — ласково спросил он.

Дженроза не привыкла к разговорам со взрослыми и потому колебалась. Маг улыбнулся ей и нарисовал в воздухе знак. Девочке показалось, будто за его пальцем тянулась струйка белого тумана, изобразившая в воздухе знак, при виде которого у нее мурашки пробежали по коже. Не понимая, как и зачем она это сделала, она скопировала знак, и туман исчез. Маг пристально наблюдал за ней, потом подошел к ней ближе, наклонился и начертил другой знак, на этот раз на земле. Теперь не было ни тумана, ни какого-либо другого волшебного явления, однако девочка опять скопировала этот знак. Как только она закончила чертить, между ней и магом появилось небольшое облачко пыли, запорошившей ее глаза. Она часто заморгала, а когда пыль исчезла, то на земле уже не было никаких знаков.

Маг снял со своего запястья браслет и произнес несколько слов на языке, которого девочка не поняла. Браслет стал пла-

виться, менять форму у нее на глазах и в конце концов превратился в серебряную змейку. Дженроза дотронулась до змейки, и та тут же вновь приняла форму браслета. Сопровождавшие мага люди оживленно заговорили между собой. Один из них выступил вперед, протянул магу простую деревянную чашу для питья, налил в нее воды из фляги и отступил назад. Маг нарисовал еще один знак, теперь уже на поверхности воды. На глазах Дженрозы вода изменилась, она стала зеленой и глубокой. Девочке показалось, что она увидела в воде рыбку и еще каких-то существ, которых она никогда прежде не знала; как будто она с большой высоты смотрела на океан. Она накрыла чашу своей рукой и зажмурилась, а потом убрала руку. В чаше плескалась самая обыкновенная чистая колодезная вода. Маг выпрямился. Вид у него был такой, будто он готов громко рассмеяться.

— Еще одно небольшое испытание, — ласково произнес он и показал куда-то наверх. Нимало не контролируя свои действия, попросту не думая о них, девочка посмотрела вверх, и хотя это происходило в середине дня, она увидела в ясном голубом небе группу звезд. Она довольно долго смотрела на них, но больше ничего не происходило, а потом они вдруг начали кружиться вокруг центральной точки, будто танцоры водили хоровод возле весеннего дерева. Некоторые люди из свиты мага зааплодировали. Дженроза показала на звезды, на мгновение они чудесно блеснули и после этого исчезли.

— Как тебя зовут? — снова спросил маг, но прежде чем девочка успела ответить, из домика вышла ее мать, привлеченная шумом на улице. Когда мать увидела мага, она невольно попятилась назад, к дому.

— Я надеюсь, моя дочь не сделала ничего такого, что могло бы вас обидеть, сударь? — спросила она жалобно.

Маг отрицательно покачал головой.

— Как ее зовут?

— Дженроза.

— Дженроза должна пойти со мной.

Несколько мгновений мать осмысливала его слова, потом на ее лице появилась улыбка.

— Это будет за вознаграждение, сударь?

Маг кивнул.

— Конечно. Вы будете получать ежегодное вознаграждение, как указано королевой. Как фамилия девочки?

— Мой муж умер, сударь, и потому девочка носит мою фамилию. Алукар.

Тут Дженроза попыталась отвлечься от воспоминаний и обратить внимание на пиво. Однако она все же с некоторой горечью подумала о том, что, кроме имени, мать не смогла ей дать ничего. И она сделает все возможное, чтобы только избежать возвращения к матери.

А что, если в своих занятиях ей опять придется столкнуться с противоречиями? Магия сама по себе представляет одно большое противоречие: это путь видения и манипулирования миром, который противоречит здравому смыслу и недоступен подавляющему большинству людей. Лишь немногим выпадает счастье при рождении получить способности и воспользоваться преимуществом этого противоречия — влиять на то, как образуются тучи и падает дождь, на то, как металл плавится в печи, на то, как сбегает по холму вода и как вырастает урожай.

Или на то, как звезды влияют на все жизни обычных смертных, как затрудняют они жизненный путь человека. Может быть.

Дженроза покачала головой. Ей было известно, что все остальные теургии — Воздуха, Огня, Воды и Земли — владели истинно магическими знаниями, но ей самой еще предстояло открыть магию звезд. А пока она еще не познала ничего магического, что имело бы к ним отношение. Все, что она знала, она почерпнула из собственных наблюдений, да еще расспрашивая моряков в тавернах вроде той, возле которой она сейчас сидела. Она знала, что если нос корабля развернуть так, чтобы он находился на одной линии со звездой Леуртас, последней в созвездии Кривой Волны, то можно в конце концов добраться до далеких льдов, лежащих на юге Тиира; или, наоборот, если плыть прочь от этого созвездия, то в конце концов вы попадете на север в Междуморье, где рискуете разбиться о рифы или сесть на мель, которыми изобилуют воды вокруг Хаксуса. Ей было известно, что все видимые созвездия движутся вокруг основной точки — Леуртаса, кружась по небу в медленном и торжественном танце, и что если двигаться на север, то глазам откроются новые созвездия, а прежние пропадут из виду. А еще она, как и всякий другой ученик Теургии Звезд, знала, что не существовало такой формулы или такого знака, с помощью которых можно было бы подчинить звезды человеческому желанию. Дженроза знала и о том, что в древности жили мудрецы, которые по расположению звезд могли предсказывать события, — однако последний из них давным-давно умер, и теперь не было в живых никого, кто мог бы повторить их опыт, хотя многие члены теургии пытались это сделать.

Конечно, если бы появился кто-нибудь очень умный с развитым воображением — а как раз таким человеком был маг, на-

бирavший учеников и нашедший Дженрозу в ее глухой деревне, — он мог бы претендовать на то, чтобы манипулировать звездами, водой или металлом именно таким образом, чтобы проверить подверженность стихий магическим силам. Однако, насколько Дженроза могла судить, в действительности звезды подчинялись только своим собственным законам.

Она тяжело вздохнула и допила свое пиво. Невзирая на все дурные предчувствия, если в конечном счете она хочет получить большую независимость, то должна держать все сомнения при себе и соглашаться со всем, что может дать ей теургия, — включая противоречия и недоказанные выводы. Только в этом случае она сможет выжить.

Как Линан сказал сам себе позже, все проблемы были заключены в солнце. Точнее, в его позиции по отношению к солнцу. Когда он растянулся на земле, не заметив обманного выпада стражника, солнце било ему прямо в глаза.

Потому-то он и не увидел приближавшегося острия.

Линан ощутил внезапный резкий удар пониже впадины под горлом, и его голова вновь оказалась в пыли. Камаль так громко закричал: «Бей!», что его слышали наверное во всей Кендре, а не только во дворце.

Задыхаясь и проклиная весь белый свет, Линан нетвердо поднялся на ноги и стал растирать то место, в которое получил удар деревянным копьем стражника. Он знал, что теперь там будет синяк, огромный, как хлебное блюдо после ужина, и что болеть этот синяк будет несколько дней.

Стражник помог Линану тверже встать на ноги, и юноша пробормотал какие-то слова благодарности.

Перед ним возник Камаль.

— Вам повезло, ваше высочество, что Джемма целился не выше, иначе сюда уже спешил бы придворный доктор, чтобы привести в порядок ваше горло.

— Это мне повезло, что удар пришелся ниже, господин коннетабль, — великодушно произнес Джемма.

— Вздор. Ты просто слишком быстрый для него соперник. — Камаль взглянул на Линана. — Или он слишком медлителен для тебя. Так или иначе, принц проиграл схватку.

Интонация Камаля стала театрально-почтительной.

— Не желает ли ваше высочество сказать что-нибудь в свое оправдание?..

— Ну, солнце... — начал Линан.

— ...кроме того, что вы попались на один из самых старых приемов.

Линан залился краской.

— Нет, ничего.

Камаль кивнул.

— Ну что ж, в конце концов вы чему-то научились после этого поражения. Давайте посмотрим еще один раунд... — Камаль наклонился к самому уху Линана: — И ради бога, малыш, на этот раз следи за своими ногами.

Линан кивнул, поднял свой деревянный меч, Камаль отошел.

Стражник занес свое копье, и они продолжили свою тренировку.

В тени деревьев возле входа на арену стояли два человека, которым почтительно кланялись все, проходившие мимо, однако эти двое оставались незамеченными для пары бойцов, сражавшихся не более чем в сорока шагах от них.

Лорд Гален Амптра, сын герцога Холо Амптры, с неподдельным интересом наблюдал за робкими действиями Линана.

— Ваш сводный брат весьма успешно готовится к тому, чтобы во второй раз выставить себя на посмешище, — обратился он к своему кузену, принцу Берейме.

— Даже вам следовало бы признать, что он не лишен храбрости, — отозвался Береймa.

— Скорее, самонадеянности. Самонадеянности его отца, выскочки из простонародья. — Гален глубоко вздохнул. — Он позорит нас всех. Кровь вашей матушки в его жилах сильно разбавлена другой кровью.

Берейма осторожно взглянул на Галена, но ничего не ответил.

Между тем Гален провел языком по губам и осторожно продолжил, тщательно подбирая слова:

— Каждый согласится с тем, что новые монархи должны создавать себе положение в мире, подчеркивать значение своей власти. Никто не будет сожалеть, если вы избавите Кендру от Линана. Я слышал, будто торговцы Луризии ходатайствуют перед королевой о назначении представителя королевской семьи для постоянного присутствия в их Великом Совете в Аркорте.

Голос Береймы выдал закипавшую в его сердце ярость:

— Не нужно с такой легкостью говорить о моем восхождении на трон. Этого не может произойти, пока жива моя мать...

— Ради бога, Берейма, но она же на пороге смерти! Вы должны смотреть в будущее.

— Сейчас не время, да здесь и не место для этого разговора. Вам это известно не хуже, чем мне.

Гален удержался от ответа. Ему была вполне понятна ярость его кузена, однако он испытывал растерянность от того, что Берейма не хотел понимать реальную ситуацию, — что было так привычно и естественно для самого Галена и для остальных Двадцати Домов. Его преданность королеве была, возможно, и не такой сильной, как преданность Береймы, однако бесспорной. Но он понимал и то, что наступило время готовиться к новой коронации. Между тем Берейма предпочитал не поощрять разговоров о своем восхождении на трон, и уже стали раздаваться голоса тех, кто находил такую его позицию не просто неумной, но и усматривал в ней недоброе предзнаменование для его правления.

Однако несмотря ни на что, Берейма приходился кузеном Галену, и Гален испытывал к нему самое родственное расположение, заботясь о его благе. Он вздохнул, выражая покорность, и положил руку на плечо Береймы.

— Хорошо, пусть будет, как вы скажете. Не здесь и не сейчас.

Уязвленный сарказмом Камаля и потерей собственного лица, во второй раз Линан дрался с большим рвением и пылом. При любой возможности он бросался в атаку вместо того, чтобы выждать, пока противник сам приблизится к нему. Принц заставлял стражника медленно отступать, тем временем готовясь нанести ему смертельный удар. Вот он присел на миг на одно колено, готовый к молниеносному выпаду. Его противник широко расставил ноги и перехватил копье, чтобы отразить предполагавшийся удар, однако Линан сделал быстрый выпад в сторону, затем быстро метнулся вперед. Пока стражник менял положение копья с учетом нового угла атаки, Линан нанес удар, острие его деревянного меча вошло в плоть под ребра стражника. Если бы меч был не деревянным, а настоящим стальным, он перерезал бы кровеносные сосуды и вошел бы в легкие.

На лице Линана появилась слабая улыбка, однако тут же он услышал топот шагов за спиной. Он развернулся, как пружина, и увидел второго стражника, сжимавшего в руках деревянный трезубец, с опущенными вниз зубьями. Линан атаковал нового противника, резко нагнулся и подсек стражника под колени. Оба они, сцепившись, покатились по пыльной арене. В тот момент, когда Линан оказался наверху, он, опираясь на одно колено, чтобы сохранить устойчивость своего положения, другим коленом надавил на грудь своего противника. Стражник зарычал — в его легких не оставалось воздуха, а в

следующий миг Линан мечом нанес удар по руке, державшей трезубец. Стражник отбросил оружие и откатился в сторону, подняв вверх здоровую руку в знак собственного поражения.

Линан вспомнил о своем первом противнике и обернулся как раз вовремя, чтобы отразить удар занесенного копья. Стражник был слишком уверен в успехе и потому, не удержавшись, проскочил вперед. В воздух взметнулась нога Линана, и его противник упал. Принц встал над ним и легонько ткнул его острием меча в горло.

— Довольно, ваше высочество, — произнес Камаль.

Линан отошел от поверженного стражника и опустил оружие.

— Получился ли у меня один из ваших приемов, господин коннетабль?

— Вам удалось, по крайней мере, частично отыграть свои прежние ошибки.

Камаль не оставил своего саркастического тона. Последний маневр Линана был похож на тот прием, с помощью которого ему нанесли поражение в прошлый раз. Камаль взмахнул рукой, и оба стражника, поднявшись, направились к выходу с арены. Линан поглядел им вслед и увидел в тени возле выхода два силуэта. Он сразу же узнал их.

— У меня, оказывается, есть зрители, — сказал он Камалю.

— Вы принц королевской крови, Линан. Неужели вы думаете, что есть хотя бы минута, когда за вами никто не наблюдает?

— Однако эта атака была необычайно жестокой, даже для Камаля, — заметил Берейма.

— Да, пожалуй, слишком жестокой, — почему-то подавленно отозвался Гален.

— Вы так думаете? — Берейма повернулся с намерением уйти. Ему хотелось видеть свою мать. С тех пор, как ранним летом она воспользовалась Ключом Силы, ее состояние становилось хуже. Каждый день был наполнен беспокойством за нее и страхом, что вскоре ему придется заняться делом, для которого его готовили с детства.

Королева была уверена, что его хорошо выучили. Он был способен опередить и обыграть поистине кого угодно в Гренда-Лире или за его пределами. У него были лучшие учителя, готовившие его к занятию делом, заниматься которым он отнюдь не хотел.

А что можно было сказать о его сестре и братьях? Какие цели преследовало их обучение? Какие планы зрели у королевы в их отношении?

Когда он отошел от арены, его мысли вернулись к Линану. Берейма не испытывал серьезной привязанности к своему свод-

ному брату, однако не питал к юноше ни малейшей злобы. Его безразличие имело корни в безразличии их родной матери. С самого рождения Линана королева проводила с ним крайне мало времени и не предоставляла ему ни особенной обходительности, ни большого содержания, ограничиваясь тем минимумом, который был обусловлен его положением принца.

Гален смотрел вслед своему кузену, подыскивая слова, которые могли бы склонить Берейму к разговору о будущем. Это будущее было неизбежно, о чем они оба хорошо знали, но все же Берейма упорно не хотел о нем задумываться. Королеву уже держала в своих объятиях смерть, и ничто не могло отдалить ее. Государственный корабль Кендры нуждался в твердой руке, которая смогла бы уверенно вести его, поставив на ровный киль, уравновесить разнообразные требования всех провинций. Последнее, что должен был сделать Берейма — выработать и принять решение о судьбе своего сводного брата Линана. Новый король не мог позволить себе оскорбить чувства самых могущественных людей в королевстве ради никому не нужного человека.

Гален покачал головой. Эту проблему можно было решить множеством способов, но принц не был готов прибегнуть ни к одному из них.

Арива тоже наблюдала за обучением Линана с балкона, располагавшегося над ареной. Ее мысли, смешанные с чувством стыда, которое вызывал у нее сводный брат, были словно зеркальным отражением мыслей и чувств Галена, хотя она сама и не подозревала об этом. Тот факт, что королева подвергла опасности свою жизнь ради раненого знакомца Линана, означал для Аривы только невежественное ничтожество Линана. Он доказывал, что в жилах брата текла испорченная кровь. Она сама, Берейма и Олио, истинные и достойные потомки Двадцати Домов, понимали, что настоящий дворянин должен обладать определенными качествами. Они были рождены для того, чтобы управлять своим народом, а не выгадывать преимущества для себя. В ее сердце кипел гнев. Что можно было сделать с этим мальчишкой?

Она вышла с балкона и прошла в свои покои. Девушка была так погружена в собственные мысли, что не слышала обращенных к ней приветствий и не отвечала на поклоны проходивших мимо придворных, большинство из которых в недоумении пожимали плечами и шли дальше, привычные к ее горячности и рассеянности. Однако кто-то повернулся и пошел следом за ней, а затем поймал ее за локоть.

— Кто, ради бога?.. — начала она, однако ее гнев тотчас испарился, когда она увидела перед собой Олио, лицо которого освещала широчайшая улыбка от уха до уха.

— Привет, сестренка! Сегодня утром т-т-ты выглядишь н-на удивление грозной.

Арива нахмурилась.

— Я?

— К-к-конечно. Ты л-летишь в северную часть д-д-дворца подобно настоящему шторму. П-п-перед тобой несутся черные тучи, под крышей сверкает м-м-молния. Просто очень грозный вид.

Арива фыркнула, затем улыбнулась.

— Я вовсе не собиралась идти с таким пугающим видом.

— Это всем известно, п-п-потому никто и не обращает на это внимания. Какая вожжа попала тебе под хвост сегодня утром?

— Как всегда.

Олио вздохнул.

— Постой, я угадаю. Линан?

— Как всегда. Для того, чтобы угадать это, не требуется особых стараний.

Олио придержал Ариву за рукав платья.

— П-постой, сестрица. Невозможно разговаривать с тобой на этой скорости. — Арива, подбоченившись, повернулась к брату. — И н-не смотри на м-м-меня так свысока, не надо показывать передо мной свое могущество. Конечно, т-ты старше м-м-меня, но не настолько, чтобы вымещать на мне свою злость.

Арива глубоко вздохнула.

— Ну тогда говори, что ты хочешь сказать.

— То, что п-п-произойдет после смерти нашей матушки, это забота Береймы, а в-в-вовсе не твоя. Он станет королем, мы останемся принцессой и п-п-принцем. Если ему будет нужно, чтобы мы сделали для н-него что-либо обременительное, он скажет нам об этом. Не взваливай на себя чужую ответственность.

— Олио, мы члены королевской семьи, первые люди среди Двадцати Домов. Мы в ответе за благополучие дел и спокойствие этого королевства, нравится нам это или нет. Мы просто обязаны беспокоиться.

— Н-но не помимо живущего монарха. И помни о том, что Линан разделяет наше право на наследство.

Лицо Аривы перекосилось.

— Ему ничего не известно о том, что значит быть принцем крови. Он всю свою жизнь проводит, подобно виляющему хвосту. Кровь его отца и природная лень делают его не способным управлять даже собственной жизнью, не говоря уже о любой части Кендры.

— Ты знаешь его не так хорошо, как тебе кажется.

— Я вижу людей такими, каковы они есть на самом деле.

— Н-неужели ты так сильно его ненавидишь?

Эти слова Олио выбили Ариву из колеи.

— С чего ты взял, что я его ненавижу? Я даже не могу сказать, что я не люблю его.

— Ты уверена в этом? Разве ты способна когда-нибудь простить Линану то, что он сын человека, з-заменившего нам отца в качестве супруга королевы?

Арива стряхнула руку брата и быстро пошла прочь от него.

— Ты слишком далеко заходишь, братец! — выкрикнула она. — Слишком далеко!

Линан вытер пот со лба и поправил стеганую куртку, облегавшую его тело. Под тяжелой, проложенной свинцовыми полосами крышей фехтовального зала, являвшегося частью дворцового учебного манежа, ему было вдвое жарче, чем на открытой арене. Юноша кивнул Деджанусу, своему противнику на этом уроке фехтования с настоящим оружием. Линану нравилось заниматься с личным стражем королевы; этот его противник был быстрым, точно удар кнута, и Линан уже получил три укола.

— Готовы, ваше высочество?

Вместо ответа Линан опустил на лицо маску. Деджанус проделал то же самое. Камаль, стоявший в стороне, выкрикнул:

— Начинайте!

Линан резким движением ударил по клинку Деджануса, который своим клинком прикрывал тело. Прежде чем личный страж успел отреагировать на выпад Линана, тот опустил лезвие вниз и послал вперед. Острие шпаги погрузилось в стеганую куртку на груди Деджануса.

— Ранен! — выкрикнул Камаль.

Принц нанес два удара, Деджанус три. Противники разошлись.

— Начинайте! — вновь распорядился Камаль.

Линан попытался повторить прием, однако Деджанус на этот раз избежал поражения, просто отступив назад и одновременно выставив свой клинок таким образом, чтобы он послужил препятствием шпаге Линана. Линан сделал выпад, однако его меч не дотянулся на длину пальца до цели. Деджанус быстро шагнул вперед и в свою очередь сделал выпад. Линан уже понял, в каком невыгодном положении оказался; он опустил шпагу и поставил ее перпендикулярно линии тела — сделав это как раз вовремя, что позволило задержать удар Деджануса. После этого Линан поднял шпагу, отбросив

клинок Деджануса справа налево, и сделал второй выпад. Деджанус с легкостью парировал удар с помощью тактики самого Линана, и два клинка на мгновение сплелись, подобно угрям в любовной пляске.

Оба противника выпрямились и на шаг отступили друг от друга, вытянув вперед оружие, так что острия клинков слегка касались друг друга. Линан ударил, Деджанус остался невозмутимо стоять. В следующий миг он сделал ложный выпад вправо, однако принц с легкостью парировал удар одним движением клинка. Противники смотрели не на оружие, а в глаза друг другу. Линан слегка улыбался, Деджанус отвечал ему такой же легкой улыбкой. Линан сделал новый выпад, держа шпагу наготове. Деджанус отступил на шаг назад и парировал несостоявшийся удар. Тогда Линан сделал выпад с другой ноги, и в тот же миг острие его шпаги вонзилось в стеганую куртку Деджануса прямо напротив сердца.

— Убит! — выкрикнул Камаль.

Деджанус перехватил меч, зажав его под мышкой, так что принцу была видна только рукоятка.

— Великолепный удар, ваше высочество.

— Не перехваливай, а то он заважничает, — пошутил Камаль, на которого тоже произвел впечатление удачный маневр, которому он принца не обучал.

Деджанус рассмеялся и протянул левую руку. Линан пожал ее и поблагодарил за урок.

— Вы достигли уровня, на котором могли бы сразиться с нашим коннетаблем, — заметил личный страж.

Линан покраснел. Слышать такие слова из уст признанного мастера фехтования было для него высочайшей наградой.

— Это был бы интересный бой, — сказал Эйджер, входя под высокие своды фехтовального зала. Горбун, бывший теперь капитаном королевской гвардии и проводивший большую часть времени тренируя стражников, частенько наблюдал за уроками королевских детей, которые до сих пор проводил лишь сам Камаль. Особенное внимание он уделял Линану.

— Еще интереснее было бы увидеть бой между тобой и принцем, — сказал Камаль Эйджеру.

— Да, здесь было бы на что посмотреть! — воскликнул Деджанус. Он несколько раз тренировался с Эйджером и был вынужден признать, что опыт старого солдата заслуживал всяческого уважения.

— Я хотел бы это попробовать, — сказал Линан, которого одолело желание похвастаться перед Эйджером своими достижениями.

Эйджер взглянул на Камаля, тот кивнул.

— Очень хорошо. Но оружие выберу я.

— Конечно, — с готовностью согласился Линан, все еще гордый своей победой над Деджанусом.

Эйджер подошел к стоявшей в углу зала корзине с оружием.

Он выбрал короткий меч и взвесил его в руке. Линан едва не застонал. Короткий меч был единственным оружием, которым он не любил пользоваться, он не успел обрести такой же навык игры с коротким мечом, как с длинным мечом, шпагой, ножом или даже с луком.

От Эйджера не укрылось выражение лица Линана.

— Не беспокойтесь, ваше высочество. Вы можете взять себе длинный меч или оставить шпагу.

Линан удивленно взглянул на него.

— Но у меня же будет преимущество, Эйджер.

Горбун улыбнулся Линану и рубанул воздух своим мечом.

— Меня учили драться Копьеносцы Кендры, ваше высочество, там я овладел своими навыками. Я стал капитаном после долгих лет тяжкого труда и жесточайших сражений. — Казалось, что его единственный глаз смотрел куда-то вдаль, в глубину воспоминаний. — Какая это тяжелая работа, и как я справлялся с нею, чтобы уцелеть в стольких сражениях? — спросил он, не ожидая ответа.

Линан покачал головой.

— Одна из важнейших вещей, которую я понял, как новый солдат в распоряжении королевы, тогда, много лет назад — то, что копьеносец без копья так же бесполезен, как пустое место. Если, конечно, копьеносец не умеет обращаться с другим оружием. Всех новичков тренировали с короткими мечами — но обучению уделялось слишком мало времени, мы едва успевали понять, за какой конец держат оружие. Однако я действительно упражнялся с ним. Я упражнялся каждый день до тех пор, пока не понял, что знаю оружие не хуже, чем родную мать, благослови, господи, ее душу, и это знание не раз спасало мне жизнь. Я понял, что научился владеть коротким мечом лучше, чем кто-либо другой, с кем бы ни сводила меня судьба. На самом деле я могу утверждать, что владею коротким мечом лучше, чем вы владеете своим длинным.

Эйджер занял позицию и приготовился к состязанию.

— А как же куртка? — спросил Линан.

— Мне ничто не угрожает, — ответил Эйджер. — Куртка мне не нужна.

Линан пожал плечами, поднял свое оружие острием вверх. Он сделал шаг вперед и попытался ударить вполсилы, боясь ранить своего противника. Внезапно Эйджер сделал выпад вперед, а в следующий миг Линан осознал, что лежит на спине, а к его груди, напротив сердца, прижат кончик короткого меча Эйджера. Он услышал смех Камаля и Деджануса.

— Это было глупое движение, ваше высочество, — произнес Эйджер. — Если вы держите в руках длинный меч, то должны пользоваться преимуществом этого оружия. Не подходите к противнику ближе, чем это необходимо. — Он протянул руку и помог принцу подняться. — Давайте попробуем еще раз.

Линан, едва успев перевести дыхание, отошел на несколько шагов и оказался возле стражника. Эйджер стоял на прежнем месте, видимо, считая свою позицию выгодной.

— Теперь хорошо? — спросил Линан.

— Что хорошо, ваше высочество? Вы ведь не думаете, что брошусь на вас, когда острие вашего клинка направлено прямо на меня?

— Но ведь вы сами сказали мне, чтобы я воспользовался преимуществами своего оружия...

— Верно, но на таком расстоянии вы могли бы воспользоваться даже луком. Мне казалось, вы умеете обращаться с вашим оружием.

Линан покраснел, он был обескуражен и разозлился.

— Теперь верно? — настойчиво повторил он и осторожно прошел три шага вперед, держа оружие перед собой.

— Верно, — ответил Эйджер и отступил на три шага назад.

— Но это же нелепо! — воскликнул Линан, обернувшись к Камалю, словно ища поддержки. Краем глаза он увидел, что горбун двигался куда быстрее, чем это казалось возможным. Прежде чем Линан успел сделать еще хотя бы одно движение, он уже вновь лежал на спине, а острие короткого меча находилось возле его сердца.

— Ваше высочество, вы привыкли фехтовать с теми, кто придерживается всеобщих правил, — произнес Эйджер. — Однако эти правила не имеют никакого отношения к настоящему сражению.

Линан вскочил на ноги.

— Снова, — потребовал он и напал первым, не дав Эйджеру возможности приготовиться. Подхлестнутая злостью атака Линана была яростной, однако у Эйджера было достаточно опыта, чтобы отразить любой удар. Тем не менее очень скоро горбун оказался

прижатым к стене, и ему стало некуда отступать. Линан удвоил свои усилия и уже почти открыл место для решающего удара. Эйджер еще держался, однако он уже начал уставать.

— Ваше высочество! — воскликнул Камаль. — Довольно!

Линан почувствовал себя так, будто на него опрокинули ушат ледяной воды. Он опустил клинок и отступил со смертельно белым лицом.

— Эйджер... Я... Я...

Эйджер довольно ухмылялся.

— Не нужно извиняться. Я действительно умею хорошо драться без правил. Но мне редко приходилось встречаться с такой безрассудностью в нападении.

Линан понуро кивнул. То, что он позволил своему гневу полностью овладеть собой, было отвратительно.

— Все равно, Камаль всегда говорил мне, что я не должен терять контроль над своими эмоциями во время поединка.

Эйджер кивнул, взглянул на Камаля.

— Неплохой совет, но иногда — только иногда — стоит забывать и о нем.

Он положил свой короткий меч в корзину с оружием и попросил Ливана показать его клинок. Линан протянул горбуну оружие, и Эйджер внимательно его осмотрел.

— Мне показалось, что я видел этот меч раньше. Весьма удивительная работа. — С этими словами он вернул оружие принцу.

— Это все, что оставил мне отец, — просто ответил Линан.

— Вы научились очень хорошо владеть им.

— Это все, что принц научился делать хорошо, — вмешался Камаль. — У него нет времени учиться чему-то другому, кроме как искусству войны и убийства.

У Линана был пристыженный вид.

— Я неплохо знаю географию.

— Не хуже, чем я знаю гончарное ремесло, — отозвался Камаль.

— Если мы будем продолжать в том же духе, вы опоздаете к вашим остальным занятиям, так что вам следует поторопиться.

Линан со вздохом протянул меч вместе с портупеей и кинжалом Деджанусу, который бережно взял все это, убрал в специальный ящик и вернул его Линану.

Прежде чем покинуть зал, Линан повернулся к Эйджеру и сказал:

— Я хотел бы иногда повторять урок с коротким мечом.

Эйджер, казалось, был крайне доволен:

— Почту за честь, ваше высочество.

ГЛАВА 5

Оркид Грейвспир возвращался с ежедневного заседания Королевского Совета, когда его остановил посыльный с сообщением о том, что в его кабинете дожидаются два посетителя. Оркид поблагодарил мальчика и дал ему фартинг.

Однако вместо того, чтобы направиться прямо к себе в кабинет, он остановился в вестибюле и задумчиво оглядел центральный двор. Канцлер был глубоко опечален. Ему казалось, что королева день ото дня теряет волю к жизни. Кожа на ее лице туго обтягивала костлявые худые щеки и высокий лоб, а руки так дрожали, что она с огромным трудом могла поставить свою подпись под любым документом.

Он служил Ашарне большую часть своей жизни, и все это время в его душе с каждым днем росли любовь и уважение к королеве. Оркид прекрасно знал, что после ее кончины немедленно начнут происходить давно предопределенные события, и ничто не сможет с этого момента остановить их развитие. Более двадцати лет ему было известно о планах, которые строились Двадцатью Домами еще более долгое время. Благодаря должности канцлера, которую занимал Оркид, он обладал в королевстве самой большой властью, какой только мог обладать смертный человек, за исключением самой королевы. Однако перед лицом грядущих событий он понимал, что и его власть, и, возможно, даже его жизнь могут оборваться так же легко, как натянутая веревка, которую с легкостью перерубает меч.

Наконец Оркид вспомнил о посетителях и поспешил в свой кабинет. Он молча прошел мимо своих секретарей и уже приготовился произнести слова извинения посетителям — но, увидев, кто именно его ожидал, опустился на одно колено.

— Ваше высочество! Простите, что заставил вас ждать, но я никак не ожидал...

— Поднимись, Оркид, — произнес мягкий голос, и канцлер повиновался.

— Дорогой дядя, до сих пор мы с тобой обходились без лишних формальностей, и я не хотел бы, чтобы теперь нам пришлось к ним прибегать.

Оркид не без удивления всматривался в чисто выбритое лицо молодого человека, стоявшего перед ним: стройного и широкоплечего, бывшего ростом почти с него самого, с огромными широко раскрытыми глазами и ослепительной улыбкой.

— Вы возмужали, принц Сендарус.

— Такое случается, дядюшка. Мой отец просил передать для вас самые теплые пожелания.

— Как чувствует себя его величество король Амана?

— Он был вполне здоров, когда я видел его в последний раз, — хотя я должен сказать, что недалек тот день, когда он сможет вновь повстречаться со своим братом.

Еще мгновение дядя и племянник молча смотрели друг на друга, затем порывисто и крепко обнялись. Продолжая держать принца за плечи, Оркид произнес:

— Я не ждал вас раньше следующего месяца, однако я очень рад вашему приезду.

— Неужели для его наставника у тебя не найдется ни словечка? — произнес второй посетитель.

Взглянув на него, Оркид был ошеломлен второй раз за утро.

— О, Владыка Горы! Амемун, старый хищник, неужели это ты?

Полный краснолицый Амемун с седыми волосами и бородой нахмурился:

— Разве непременно нужно по всякому поводу произносить имя Творца?

— Только в честь вашего прибытия, достославный учитель, — улыбаясь старику, ответил Оркид, и они обменялись крепким рукопожатием.

— Ну, а теперь присаживайтесь, пожалуйста, — пригласил гостей Оркид. — Вы, должно быть, устали с дороги.

— Действительно. Эти кости не приспособлены к долгим путешествиям, — отозвался Амемун, усаживаясь в кресло. — Хотя должен заметить, что дорога из Нанвы обошлась без особенных приключений.

— Чего не сказать о твоей последней поездке, — добавил Оркид. — Я так хорошо помню, как ты впервые привез меня в Кендру в числе других даров Амана, словно это случилось вчера.

— Тот день для меня был поистине ужасным, — заметил Амемун. — Я чувствовал себя так, будто потерял сына.

— А я отца, — отозвался Оркид.

— Что ж, я не могу пожаловаться на избыток приключений за время нашего путешествия, — вмешался в разговор Сендарус. — Я страдал от скуки с того самого момента, как мы покинули Пиллу. Между тем я не мог дождаться той минуты, когда покинем отцовский дворец и увидим весь мир. Вместо этого все, что мне удалось

увидеть, был крутой подъем в Нанву, а потом бесконечная пустота океана — вплоть до последней ночи, когда на берегу стали видны огни Кендры.

Оркид кивком указал в сторону Сендаруса.

— Что ты скажешь об успехах своего нового подопечного?

— Нового? Вот уже десять лет прошло с тех пор, как король отдал на мое попечение его высочество.

Амемун скептически взглянул на принца.

— Пожалуй, чересчур импульсивный, однако знания усваивает быстро. Его голова полна романтических представлений и всем тем, что сам он называет «благородными идеалами». Если все это не принимать во внимание, то ему удалось стать вполне сносным учеником.

— Сносным?! — с негодованием воскликнул Сендарус. — Да сам Владыка Горы не смог бы вынести ваших требований!

Амемун закатил глаза к потолку.

— Вы не находитесь здесь еще и пяти минут, а уже богохульствуете не хуже своего дядюшки.

— Ничего страшного, — заметил Оркид, внезапно став серьезным. — Сейчас вы находитесь в самом сердце Кендры, а ее жители не слишком-то любят обращаться к другим богам. Все они твердо убеждены, что только то божество, которому они поклоняются, и есть единственный истинный создатель.

— Они не позволяют тебе молиться Владыке Горы? — спросил ошеломленный Амемун.

— С тех пор, как я назвал его богом и стал поклоняться ему, не наделяя его другими титулами, они предпочитают смотреть сквозь пальцы на мою веру, считая меня конформистом.

Амемун кивнул, однако на его лице выразилось разочарование. У него было не слишком много времени, чтобы тратить его на фарисейские рассуждения.

— Значит, вам следует что-то придумать, — обратился он к Сендарусу.

— Я убежден, что мы не задержимся здесь до такой степени, чтобы нам пришлось что-либо придумывать, — беспечно отозвался юноша, не заметив многозначительных взглядов, которыми обменялись Оркид и Амемун.

— Должно быть, вы утомлены, — обратился Оркид к принцу. — Мой секретарь проводит вас в комнату, где вы сможете отдохнуть, а я тем временем распоряжусь, чтобы вам подготовили более достойные покои, и оповещу личного секретаря королевы о вашем прибытии.

Сендарус хотел было возразить, поскольку он едва ощущал усталость и горел от нетерпения увидеть хотя бы часть столицы величайшего королевства, одного из самых огромных городов мира. Однако он прочел что-то важное во взгляде Амемуна, обращенном к нему, и понял, что осмотр столицы Кендры должен подождать.

— Как вам угодно, дядюшка.

— А где же ваша прислуга и багаж?

— Они все еще на корабле.

Оркид позвал своих секретарей и отдал нужные распоряжения. Двоим из них он велел позаботиться о свите и багаже своих гостей, третьему же было приказано приготовить апартаменты самого Оркида для отдыха Сендаруса.

— Так значит, Марин решил, что его сыну не следует знать ничего о его части в будущем Кендры? — спросил Оркид Амемуна, когда они остались одни.

Амемун отвел взгляд в сторону.

— Оркид, будущее еще так неясно. Король не хотел бы чересчур обнадеживать Сендаруса.

Оркид глубоко вздохнул.

— Мой старый друг, ты забываешь о том, что я сразу вижу, когда ты начинаешь лгать. Ты не можешь смотреть мне в глаза, и говоришь так, будто извиняешься.

— Я никогда не говорю так, чтобы можно было подумать, будто я извиняюсь, — с жаром возразил Амемун, но после этих слов все его раздражение молниеносно исчезло.

— Ну ладно, может быть, и ясно, когда я извиняюсь перед кем-нибудь другим, — примирительно проворчал он.

— Так в чем же заключается истина?

— Когда я говорил, что голова принца забита всяческим вздором, не достойным внимания, я не имел в виду ничего другого. Марин боится того, что его сын откажется от исполнения роли, которая может показаться ему не подобающей его положению.

— Что же мы сможем сделать вопреки воле природы? Если мечты короля Амана смогут воплотиться в жизнь, мы должны приложить к этому все свои силы, независимо от того, покроет ли нас это славой.

— Однако король не намеревается выступать против естественного течения дел, предопределенного природой. Он хотел бы, чтобы ты подготовил почву для предстоящих событий.

— Понятно.

Оркид поднялся и подошел к окну, сделав знак Амемуну присоединиться к нему.

— Ты видишь размеры этого дворца? Его население едва ли не равно населению самой Пиллы. Я мог бы, пожалуй, найти около сотни добровольцев — однако при дворе Ашарны они окажутся жалкой горсткой по сравнению с самыми влиятельными персонами.

— Тем не менее король не хотел бы посвящать Сендаруса в эту часть наших планов.

— Чем скорее мы представим его королеве и всей королевской семье, тем будет лучше, — уверенно произнес Оркид.

— Сколько у нас времени для этого?

— Ты хочешь спросить, когда умрет королева? Это может случиться нынешней ночью, или на следующей неделе, или в следующем месяце. Она принадлежит к числу сильнейших натур, которые мне встречались, однако она очень больна.

— А как скоро после ее смерти вступит в действие первая часть плана?

— Думаю, что почти сразу.

— Все готово?

Оркид кивнул.

— Если только не произойдет ничего непредвиденного между нынешним моментом и последующим.

Амемун встревоженно взглянул на него.

— Что ты хочешь сказать? Я убежден в том, что оппозиция не станет предпринимать никаких действий прежде, чем королева умрет.

— Против самой королевы? Нет, конечно же, нет. Но против нас, либо против таких же выделенных, как мы? Это уже почти происходит. Беда приходит только благодаря судьбе, я не волен этим распоряжаться. Амемун, ты должен понять, что сейчас наступило наиболее опасное время для исполнения плана — даже более опасное, чем то, что наступит после смерти королевы. Но только сейчас для нас настал самый ответственный момент.

Ариву одолевала апатия. Безразличная ко всему на свете, она подобно привидению бродила по дворцу, проходя через его огромные залы и просторные комнаты, заглядывая на балконы и поднимаясь в башни, гуляла по его садам вдоль решеток. Останавливаясь возле каждого окна, девушка подолгу смотрела на огромный город, раскинувшийся перед дворцом, словно чудный гобелен, вглядыва-

лась в блики на водах гавани или залива Пустельги, в скалистые вершины хребта Эбриус и даже различала горы далекого Амана.

Ноги будто сами собой вывели ее во внутренний двор, а оттуда в западное крыло дворца, принадлежавшее Церкви Подлинного Бога. Священнослужители кланялись ей, но по выражению ее лица понимали, что заговаривать с ней не нужно. Она прошла мимо спальных келий, через королевскую певческую капеллу, несколько исповедален и трапезную, и наконец оказалась в церковной библиотеке.

Здесь Арива подумала, что находится в самом близком к богу месте. Ее окружали ряды книг и рукописей, старинные деревянные шкафы и удобные столы для чтения, запах древней пыли и атмосфера серьезного знания. Здесь, в библиотеке, она ощутила жажду к поискам этого знания — поискам более праведным, чем любые другие, которые только она могла себе представить, потому что в этих поисках можно было найти правду, независимую от своей красоты или желательности. Она могла испытать умиротворение в капелле, чувство удовлетворенности в дворцовых садах, однако здесь, в этой кладези знания, она почувствовала прилив жизни.

Арива выбрала в шкафу большую тонкую книгу, удобно устроилась в одной из учебных секций и раскрыла ее. Это был атлас, снабженный географическими комментариями и составленный более ста лет назад братом Агостином, одним из наиболее известных проповедников Церкви. Палец девушки заскользил по очертаниям континента Тиира, начиная от его северного побережья, обвел территорию Хаксуса, переместился к восточному берегу, мимо Хьюма, Чандры и мыса Лир, на котором располагалась Кендра, потом вниз — на юг, к центру Луризии и дальше, вдоль пустынных равнин южных четтов, мимо Океанов Травы, где обитали северные четты, а затем вернулся к Хаксусу. В верхнем правом углу страницы находилась неоконченная линия — очертания Дальнего Королевства, страны таинственной и опасной, где никогда не бывал никто из Гренда-Лира. Море, разделявшее эти земли, было неизведанным и диким для того, чтобы кто-то рискнул пересечь его и глупо бесследно пропасть. Очертания дальнего берега были лишь предположением, об этой земле ходило множество слухов и легенд.

У девушки возникло желание вобрать в себя все знания, изложенные в книге, таким вот простым прикосновением. Тогда она смогла бы за всю жизнь прочесть все книги, собранные в этой библиотеке. Она вздохнула. Как правило, все ее желания оставались несбыточными мечтами.

— Я так и думал, что найду вас здесь, — раздался тихий голос у нее за спиной.

Арива не обернулась, но улыбнулась и произнесла:

— У вас никогда не было проблем с тем, чтобы отыскать меня, даже если я сама не представляла, где находилась. Вы знаете меня лучше, чем я сама.

Отец Гирос Нортем, примас Церкви Подлинного Бога, подвинул стул и опустился на него рядом с принцессой. Он вытянул свою длинную шею, чтобы разглядеть книгу в ее руках.

— Агостин! Просто удивительно! Я часто читаю его. Я надеялся, что кто-нибудь из моих собратьев обретет склонность пройти его путем. Карта могла бы стать более детальной, да и комментарии, безусловно, нуждаются в пересмотре. Увы, в наши дни все собратья стали слишком духовны для такой светской, мирской задачи; они предпочитают петь псалмы в капелле или проповедовать с кафедры.

— Мне хотелось бы, чтобы я могла выполнить эту задачу, — сказала Арива. Она опять дотронулась до карты и представила себя на дороге без всякой ответственности или забот.

— Может быть, в один прекрасный день это случится, — мягко произнес отец Нортем. Он был высокого роста, ширококостный, с самыми крупными ногами и руками, какие только Ариве приходилось когда-нибудь видеть.

Арива покачала головой:

— Нет. Нет. Я так не думаю.

— Мне кажется, что всякая книга, которую вы читаете, так или иначе уводит вас в путешествие.

Арива промолчала.

— Почему вы сейчас здесь? — спросил он.

— Чтобы читать ваши книги, святой отец.

— Возможно, и так. Но иногда вы приходите сюда, потому что чем-то опечалены. Здесь ваше убежище и ваша исповедальня. Что вас беспокоит?

Арива покачала головой.

— Если вы мне этого не скажете, я не смогу помочь вам.

— Я не могу вам лгать.

— Это не ответ.

Арива поднялась и поставила атлас обратно в шкаф.

— Это единственный ответ, который я могу вам дать.

Однако прежде, чем она успела выйти из библиотеки, отец Нортем взял ее за руку.

— Впервые я обнаружил вас здесь, когда вам было всего пять лет. Тогда умер ваш отец, и вместо того, чтобы провести утро вместе со всей семьей, вы пришли сюда, чтобы спрятаться от всего белого света. У вас был такой вид, будто все несчастья мира лежали на ваших худеньких плечиках. Сейчас я смотрю на вас и вновь вижу ту пятилетнюю девочку. Вы знаете, что можете сказать мне, в чем дело; я всегда был вашим другом, Арива, а не исповедником.

— Может быть, сейчас мне нужен именно исповедник. Однако отец Поул ничего не сможет понять.

— Мой секретарь чрезвычайно понимающий человек, Арива. Именно поэтому я поручил ему вас.

— Вы знаете обо мне гораздо больше, чем о вашем собственном секретаре. Отец Поул выдающийся учитель — однако как исповедник он слишком мало прислушивается к исповеди и слишком спешит.

Священник выглядел ошеломленным.

— Ради бога, дитя мое, о чем вы думаете? Что вы такое сделали?

— Я этого не сделала — но боюсь, что могу сделать, и в этом мой грех.

— Вы не могли согрешить такой оплошностью. Подлинный Бог достаточно хорошо понимает нас, чтобы прощать нам наши желания и учитывать только наши поступки.

Арива осторожно освободила руку.

— Это грех, который я все-таки могу совершить. Мы, те, кто рожден, чтобы управлять, должны иногда пользоваться низкими средствами, чтобы достигнуть великих целей. Это наше преимущество и наше проклятие.

— Как бойко это у вас выходит.

Арива едва не задохнулась от неожиданности. Он никогда прежде не разговаривал с ней таким тоном.

— Простите меня, ваше высочество, но мы читаем одни и те же книги. Вы произнесли не собственные слова, эти слова принадлежат деду вашего отца. Старый герцог Амптра имел собственное, удобное для него самого мнение о том, что хорошо, а что плохо — но, к счастью, никогда в жизни не использовал эту свою позицию. Не впадайте в ошибку, думая, что его высокое положение наградило его и высоким умом. Вместо этого смотрите на вашу матушку, королеву, и пусть она служит для вас примером.

Арива покраснела, как будто ей дали пощечину.

— А, вот теперь я понимаю. — Отец Нортем печально улыбнулся. — Вы боитесь ее потерять. Потому-то вы и пришли

сегодня в библиотеку. Здесь в книгах вы можете открыть любые миры, отыскать любые истории и легенды — но ни одна из них не поможет вам сделать бессмертной вашу собственную мать.

Арива горько рассмеялась.

— Бессмертной? Меня пугает ее наследие, святой отец. Она оставляет королевство, которое полностью лояльно к ней самой, но этого нельзя сказать о троне.

Отец Нортем беспомощно взглянул на нее. Арива печально покачала головой.

— Когда она умрет, она унесет с собой всю доброжелательность, которая сейчас обращена к ней. Торговцы, генералы, маги и даже сама церковь будут знать свое место, когда Берейма станет королем. Но никто из других королей и королев не станет подчиняться Кендре. Только у Двадцати Домов останется уверенность в своем положении, потому что Берейма ясно дал понять всем, кому принадлежат его симпатии.

— Но, Арива, почему кто-то захочет изменить положение вещей? Сейчас в королевстве мир, и этот мир сохранится после Ашарны. Берейма ничего не изменит в том добром порядке управления, который она установила. Вы знаете, что он будет управлять справедливо.

Арива вновь покачала головой.

— Несмотря на то, что вы мудрейший человек во всем королевстве, вы слишком мало разбираетесь в реальном мире. Когда появится новый правитель, каждый будет пытаться подобраться поближе к трону, искать преимущества для себя и своих близких. Королева Чариона попытается перехватить торговлю у короля Томара, торговые союзы попытаются ослабить влияние теургий, Хаксус попытается отнять часть наших северных территорий...

— Когда ваша матушка оказалась на троне, ей пришлось столкнуться с таким же беспорядком, и она успешно справилась с этим испытанием, — возразил отец Нортем. — То же будет и с Береймой. Народ не захочет разрушать те благоприятные обстоятельства, в которых он живет сейчас.

— Всегда найдутся недовольные той долей, которая им достанется в удел. Когда моя матушка стала королевой, она выбрала мужа из Двадцати Домов. Тогда не было центра сопротивления, не было точки объединения всех недовольных. Но на этот раз она будет. На этот раз будет Линан.

— Линан? — переспросил с явным удивлением отец Нортем. — Так все это из-за Линана?

— Разве я единственная, кто способен видеть, как будет выбивать из колеи Береймy то, что рядом с ним окажется престолонаследник, чей отец являлся простолюдином, солдатом? Линан окажется в центре внимания всех недовольных горожан и всех тайных заговоров.

— Он еще так молод, он так мало заинтересован в том, чтобы вообще оказаться в центре чего-либо... Оставьте эти мысли о заговорах против трона.

— Для их возникновения не нужно его участия. Достаточно лишь того, что он существует.

— Но Арива, вы сами сказали, что его отец был простолюдином. Народ не пойдет за ним и не станет обращать внимания на тех, кто бы и захотел его возвышения.

Арива глубоко вздохнула.

— Вам известно, что произойдет с Ключами Силы во время коронации Береймы?

— Он унаследует их вместе с троном...

Арива покачала головой.

— Вам может объяснить ваш отец Поул. Он разбирается в политических тонкостях дворца намного лучше, чем вы.

— Я стал примасом не потому, что разбираюсь в политике... — начал было он.

— Верно. Именно поэтому моя матушка позволила вам занять эту должность. Ее не устраивает примас, который играет в политику так же хорошо, как в религию.

Отец Нортем открыл было рот, чтобы возразить, но тут же заставил себя молчать, дабы не лгать. Конечно, именно поэтому он пользовался поддержкой Ашарны, и именно поэтому отец Поул никогда не смог бы сделаться примасом Церкви Подлинного Бога. Ему это было известно еще с тех пор, когда королева позволила Церкви расположиться в стенах дворца. Увы, он прятался за тем, что на самом деле считал величайшим злом в своей судьбе: за работой среди беднейших слоев населения Кендры и за стремлением Церкви знать все, что происходит во всех уголках королевства. Благодаря этому ее рука лежала на всех людях королевства — и как всякая вера, такое положение дел могло послужить политическим целям.

— Мой исповедник скажет вам, что Ашарна была единственным ребенком...

— Это мне известно, Арива...

— Именно благодаря этому она унаследовала все Ключи.

Глаза святого отца сделались огромными от внезапного понимания.

— ...Только правитель может унаследовать Ключ Скипетра, Ключ Государя. Братья и сестры правителя наследуют другие, меньшие Ключи, в зависимости от их старшинства.

— А на сей раз у королевы четверо детей — стало быть, каждый из них получит один из Ключей, — кивнула она.

— Вы хотите сказать, что Линан завладеет одним из Ключей Силы? — Он был не на шутку удивлен. — Которым же?

Арива пожала плечами.

— Это предстоит решать королеве. А если она умрет, не успев выразить своих пожеланий, то решать будет Берейма.

— Но ведь традиция, безусловно, может быть изменена?

— Королева могла бы это сделать — но это было бы сопряжено с риском для королевства как раз в тот момент, когда Берейма может унаследовать его. Двадцать Домов противостояли королеве именно потому, что она получила все Ключи. Вот почему они склоняли ее к бракам с выходцами из них. Лишь после двадцати лет своего правления она смогла выйти замуж без их благословения, и когда умер мой отец, она выбрала в мужья этого солдатского генерала Чизела. Ашарна не стала бы рисковать и отворачиваться от Двадцати Домов теперь, когда она чересчур слаба, чтобы изолировать их. Но даже если решение будет принимать Берейма, который дружен с Двадцатью Домами, Линан все равно получит свой Ключ. Теперь вы понимаете, отчего я боюсь его? Независимо от того, течет ли в наших жилах общая кровь, как только он получит Ключ, он станет символом — хотя на самом деле не будет иметь на это права по своему рождению.

Нортем опустил глаза и даже стал казаться меньше ростом.

— Надеюсь, что вы ошибаетесь, ваше высочество, — произнес он очень тихо. — Ради королевства надеюсь, что вы очень сильно заблуждаетесь.

ГЛАВА 6

Капитан королевской гвардии Эйджер Пармер внимательно изучал свое отражение в одном из высоких окон, освещавших Длинный Коридор — главный дворцовый проход, соединявший тронный зал с личными покоями и кабинетами королевы. Ему все еще не

верилось, что это был он, — так ловко сидела на нем новенькая форма. Смуглая женщина с жесткими, точно проволока, волосами, которую прислал Камаль для того, чтобы снять с Эйджера мерку, скроить и сшить голубой камзол и штаны, оказалась первоклассной мастерицей. Эйджер повернулся на пятках и искоса взглянул на свои левый профиль. Увы, вид все же портило его приподнятое плечо. «Ну да ладно, — мысленно сказал он, обращаясь к самому себе, — не всем же быть такими высокими и красивыми, как Камаль».

Распахнулись широкие двойные двери тронного зала, оттуда появилась королева в сопровождении свиты и суетившихся гостей. Эйджер выкрикнул команду, и его собственное подразделение стражников выстроилось впереди эскорта. Вся процессия направилась вдоль Длинного Коридора в личную трапезную королевы — продолговатое помещение, все пространство которого было заполнено самым огромным столом, какой Эйджеру когда-либо приходилось видеть. Несмотря на то, что помещение называлось королевской трапезной, сама королева вкушала здесь пищу только в тех случаях, когда ей приходилось принимать большое число гостей, в другое же время она предпочитала для завтраков, обедов и ужинов свою уютную гостиную. Эйджер расставил своих людей вдоль стен, сам определил место для себя самого, и так они стояли в продолжение всего обеда, с копьями, поднятыми вверх; наконечники блестели по меньшей мере на высоте фута от голов стражников.

Эйджер внимательно наблюдал за Ашарной, увлеченной беседой; она выглядела чрезвычайно болезненно, но все же была, как всегда, царственна и полностью владела собой. Вместе с ней на обеде присутствовали члены ее семьи и приближенные чиновники; кроме них, присутствовали особые гости королевы — один аристократ из провинции со своей свитой, как понял Эйджер, а также высокопоставленные жители самой Кендры, такие, как мэр города и главы основных торговых гильдий. Безукоризненно вежливые слуги с поклонами усаживали гостей на предназначавшиеся для них места. Затем те же слуги с подобающими поклонами подносили гостям большие тарелки и кубки, наполненные изысканными напитками.

Прошло какое-то время, и Эйджер определил, что аристократ прибыл из Амана. Он сидел между своим соотечественником Оркидом Грейвспир и принцессой Аривой. Эйджер отметил, что это был юноша весьма приятного вида с широкой белозубой улыбкой и открытым выражением лица. Кроме того, от взгляда Эйджера не

укрылось, что некоторым из гостей, приходившимся родней королевской семье из Двадцати Домов, в том числе кузену Береймы, его другу Галену Амптра и самому герцогу Амптра, было вовсе не по нраву присутствие молодого гостя — и та легкая фамильярность, с которой аманит обращался к Ариве. Принцессе, в свою очередь, определенно нравились знаки внимания со стороны заезжего принца, и она разговаривала с ним весьма оживленно, время от времени даже смеялась мягким грудным смехом, которого прежде Эйджеру не приходилось от нее слышать.

Он подумал о том, что Арива могла быть просто хорошей актрисой. Камаль говорил ему, что, в отличие от Береймы, она питала серьезную антипатию по отношению к Двадцати Домам — так что, зная нелюбовь аристократов к простонародью, провинциалам и церковникам, принцесса вполне могла уделять такое повышенное внимание принцу Амана только для того, чтобы подразнить их и вызвать у них раздражение. Если это в действительности было так, то принцесса преуспела в своих намерениях. «Это очень хорошо для вас, ваше высочество, — подумал Эйджер. — Неплохую колючку принцесса подложила на сиденье аристократов».

Обед продолжался, и Эйджер заметил, что кое-кто из Двадцати Домов смотрит на него и перешептывается между собой. Не укрылось это и от взгляда королевы. Она легонько постучала по столу ножом, и тотчас все затихли и обратили взгляды на ее величество .

— Герцог Амптра, я заметила, что вы и ваши соседи о чем-то шепчетесь. Может быть, нам всем было бы полезно узнать, о чем?

Герцог, чрезвычайно тучный человек, страдавший от подагры, а кроме того — Эйджер мог бы в этом поклясться — от нескольких разновидностей сифилиса, с удивлением взглянул на королеву. Он не привык, чтобы с ним обращались, как со школьником, а упоминание о «соседях» предполагало, что королеве известно определенно все.

— Ваше величество, это всего-навсего пустяковый разговор, болтовня, не имеющая никакого значения... — Он мямлил, растягивал слова, а его двойной подбородок тряся.

Его сын поспешил на выручку отцу.

— Ваше величество, мы всего лишь обсуждали великолепную форму вашей королевской стражи.

— В самом деле? — Королева выдержала паузу, осматривая форму. — Дорогой лорд Гален, я не вижу никакой разницы в форме. Насколько мне известно, мои стражники носят такую же форму, какую носили стражники во времена моего отца.

Гален шумно сглотнул.

— Да, это верно, но часто случается так, что внезапно обращаешь внимание на самые обыденные вещи, замечая их... исключительность, их особенные качества?

Он произнес эти слова с вопросительной интонацией, слишком поздно осознав свою ошибку.

— Качества, — повторила королева, аккуратно прожевывая кусок мяса. — Какие же, к примеру?

— Цвет, ваше величество, — быстро ответил Гален.

— Он подобен цвету моря, омывающего берега Кендры, — тут же подхватил его отец.

— Ах, значит, цвет, — королева милостиво кивнула. Удовлетворившись преподанным уроком, она повернулась к гостю, принцу Амана, чтобы о чем-то спросить его, но тут послышался другой голос, который, сдерживая смешок, произнес:

— А еще конфигурацию.

Теперь раздалось сдержанное хихиканье. Ашарна вновь повернула голову и гневно взглянула в сторону представителей Двадцати Домов. Она успела заметить, что Коллз с сыном выглядели чрезвычайно смущенными, а вот сидевший рядом с ними Минан Протас, который совсем недавно вступил в отцовское наследство, не особенно старается подавить смех.

— Герцог Протас, вы имеете в виду что-нибудь определенное? — спросила Ашарна таким ледяным голосом, что сидевшие рядом с ней Берейма и Оркид невольно отшатнулись.

Протас считался грубым, неотесанным болваном даже среди людей его круга. Он, не задумываясь, указал на Эйджера, стоявшего на своем посту так прямо, как только это было для него возможно, и разглядывавшего невидимую точку на противоположной стене, и произнес, по-прежнему давясь смехом:

— Не что-нибудь, ваше величество, а кого-нибудь.

Не в силах более сдерживать распиравшее его веселье, Протас разразился грубым хохотом.

Никто не поддержал грубую шутку герцога. Королева молча ждала, пока он не закончит смеяться. В конце концов Протас осознал, что никто не поддержал его шутки, и, справившись с собой, замолчал.

— Герцог Протас, сколько вам лет? — озабоченно спросила королева.

— Сколько мне лет, ваше величество? Позвольте... Мне где-то за сорок. Да, я думаю, что так оно и есть. — Он широко улыбнулся королеве.

— Можно допустить, что сорок пять?

Протас на мгновение задумался, затем кивнул.

— Да, где-то так.

— Значит, когда закончилась Невольничья война, вам было уже тридцать.

Взгляды всех присутствовавших обратились к Протасу, который производил в уме сложные вычисления. После долгой паузы он, наконец, кивнул.

— Да, ваше величество, так, должно быть, и есть.

— В каком полку вы сражались?

В том конце стола, где только что царило мертвое молчание, наступила совсем уж ледяная мертвящая тишина.

— М-м-м... ни в каком, ваше величество. Я в то время был обременен тягостными обязанностями по отношению к моему отцу, последнему из герцогов нашего рода.

— Вас обременяли заботы о виноградниках в вашем поместье в Чандре, не так ли?

— В поместье моего отца, ваше величество. Да, конечно, теперь оно принадлежит мне...

— Значит, в то время, когда мужи Кендры, подобные капитану Пармеру, который стоит вот там, рисковали своими жизнями ради спасения Гренда-Лира от отвратительного ярма рабства, вы наблюдали за тем, хорошо ли растет ваш виноград?

Протас часто замигал, и румянец сбежал с его лица. Теперь даже он понял, что его патриотизм, честь и мужество сейчас были публично поставлены под сомнение самой королевой. От этого новоиспеченный герцог испытывал невероятную смесь жгучего стыда и ярости.

Он даже раскрыл было рот, чтобы произнести проклятие в сторону этой женщины, однако что-то во взгляде горбатого капитана Пармера, взгляд которого теперь был устремлен прямо на него, да еще сдерживающее пожатие руки герцога Амптры подсказали ему почесть за лучшее молчание. Он ощутил себя будто бы в засаде. В состоянии абсолютного шока он откинулся на спинку кресла и склонил голову.

Ашарна вновь повернулась к принцу Сендарусу, и все гости как ни в чем не бывало вернулись к прерванным разговорам.

Эйджер, чей взгляд вновь был устремлен в невидимую точку прямо перед собой, испытывал такие чувства, что его грудь вздымалась против его желания при каждом вздохе. В эти минуты он почти забыл о своих увечьях и уродстве.

Сендарус с изумлением наблюдал за публичным унижением одного из самых знатных аристократов королевства. Его отец, первый среди равных аристократов Амана, ни за что не осмелился бы даже попытаться сделать с кем-то из своих вассалов нечто подобное. По законам, существовавшим в Амане, королей за выказанное к кому-либо неуважение полагалось вызывать на поединок. Здесь, в Кендре, положение определенно было другим — и принц пытался решить для себя, хорошо это или плохо.

После сцены с Протасом Ашарна повернулась к нему и спросила, любит ли принц охотиться. У Сендаруса мелькнула мысль, что она намекает на то, как унизила герцога, однако, вовремя собравшись с мыслями, он ответил:

— Ваше величество, я довольно часто устраиваю охоту на большого медведя в горах, окружающих Пиллу. На стенах приемного зала моего отца висят две огромных медвежьих головы.

Ответ принца произвел впечатление на Ашарну. Она поняла, что недооценивала силу и способности этого хрупкого на вид юноши. Его сложение, манера речи, готовность улыбаться и многие другие черты напомнили ей Олио, и она решила, что юный принц ей понравился.

— Известно ли вам, что много лет назад, во времена вашего дедушки, Аман прислал в Кендру нескольких больших медведей? Мы выпустили их на волю в леса гряды Эбриус к северу отсюда, и теперь сами на них охотимся. Эта задача оказывается сложнее, чем охота на кабана или дикую собаку, на которых обычно охотились мои предки.

— Мы можем завтра отправиться на охоту! — взволнованно воскликнула Арива.

Сендарус выразил по этому поводу бурный восторг. Королева согласилась с предложением дочери и пообещала подготовить для них свиту.

— Ваше величество, вы действительно находите мудрым позволить им отправиться на охоту в это время года? — озабоченно спросил Оркид. — В конце лета большие медведи наиболее опасны.

— Да, но это же самое волнующее время для охоты, — возразила Арива.

Королева кивнула.

— В самом деле, и мне хотелось бы иметь побольше сил, чтобы отправиться с вами. Если вас это так беспокоит, Оркид, почему бы вам не оставить на день все свои дела и не составить им компанию? Я отлично знаю, что вы всегда любили охотиться не меньше меня.

— Я с большим удовольствием последую с ними, — ответил Оркид. — Однако я обязан предупредить принца Сендаруса, что

охота на большого медведя в наших краях сильно отличается от охоты у него на родине. В Амане звери отступают к вершинам, когда их загоняют собаки, — но здесь, у нас, они научились использовать как укрытие лесные чащи. Им нравится нападать из засады на неосторожных охотников или путешественников, им знаком вкус конины.

— Что ж, чем сложнее задача, тем сладостнее вкус победы, — без всякого чванства произнес Сендарус.

— Ах, эта отвага молодости, — сказала Ашарна. — Однако Оркид прав, сейчас самое опасное время года для охоты на медведя. Я отправлю с вами нескольких стражников.

— Какая великолепная женщина! — в третий раз в течение часа воскликнул Амемун.

Оркид, сидевший на коне рядом с ним, улыбнулся себе под нос и кивнул. В Кендре существовали вещи, которые он ненавидел, в особенности это касалось вассального положения его родины. Однако благодаря Ашарне теперь он испытывал совсем другие чувства. Двадцать лет назад, когда он был младшим братом нового короля Амана и находился в возрасте Сендаруса, его отправили сюда как часть дани, которую его родная земля платила Кендре. Тогда он являлся скорее заложником, нежели гостем, и ненавидел этот город, однако старался работать изо всех сил, чтобы согласно их с Марином плану завоевать доверие нового правителя страны. В то далекое время Ашарна была уже не беспомощным ребенком, а взрослой женщиной, хотя многие сомневались в том, что она сумеет занять трон. То, что ее отец сам передал ей Ключи Силы, и то, что в далеком прошлом Кендры уже существовала одна правящая королева, дало ей возможность доказать, что она способна сама управлять королевством. Ашарна успешно справилась с этим. Оркид помогал ей — сперва в качестве младшего придворного чиновника, а затем, спустя долгие годы, став канцлером. Однако, будучи предельно честным перед самим собой, он отдавал себе отчет в том, что королева преуспела бы независимо от его помощи и участия в ее делах. Она обладала удивительной способностью подбирать умных людей и предоставлять им должности, на которых они полностью раскрывали свои способности — либо в ее Совете, либо во главе самых различных организаций, подвластных ее величеству, таких, как церковь, торговые гильдии, теургии. К сожалению, ей не везло с мужьями...

— Никогда мне даже в голову не приходило, что я доживу до такого дня, в который своими глазами увижу, как монарх, да

еще вдобавок женщина, с таким презрением ставит на место своего аристократа, — продолжал Амемун. — Я понимаю, друг мой, почему ты так предан ей.

Оркид услышал какой-то треск в ветвях позади и внимательно огляделся в поисках признаков опасности. Однако, к счастью, причиной его тревоги оказался один из всадников, замыкавших охоту. Оркид с облегчением вздохнул и слегка ослабил хватку на древке своего охотничьего копья. С тех пор, как он в последний раз охотился на медведя, прошло немало времени, поэтому сейчас его не отпускало напряжение.

— Ты так же предан ее дочери, как ей самой? — спросил внезапно Амемун.

— Что ты имеешь в виду? — ответил Оркид вопросом на вопрос.

— Я хотел бы знать, видишь ли ты в Ариве черты Ашарны? — пояснил Амемун.

Оркид нахмурился. Подобная манера расспросов была ему явно неприятна. Такой вопрос мог бы задать сам Марин, но отнюдь не его старый наставник. Подумав так, он неожиданно рассмеялся. Конечно, это был вопрос Марина. Амемун вновь выступал в роли его посланника.

— Я вижу в Ариве ключ к исполнению наших планов в Кендре.

Амемун кивнул, очевидно, удовлетворенный таким ответом.

Впереди послышались крики погони, по стуку копыт можно было определить, что лошадей пустили в легкий галоп.

— Вот оно! — крикнул Оркид Амемуну. — Они нашли зверя! Нужно поспешить, иначе мы останемся ни с чем позади всех!

Они вдвоем вонзили шпоры в бока своим коням, и животные ринулись вперед по следу. Низкий кустарник уступал место рассеянным повсюду ветвям хвойных деревьев, возвышавшихся над ними и стремившихся к небу своими кронами. Оба всадника догнали основную группу, которая теперь рассеялась среди деревьев, чтобы занять выгодные позиции по обе стороны от королевского кортежа. Где-то впереди один из стражников то ли увидел, то ли услышал зверя и подал сигнал.

Оркид и Амемун перевели своих коней на легкий галоп и опустили копья, так что их острия были теперь направлены на землю впереди всадников. Они сбавили ход своих коней, поравнявшись с Сендарусом и Аривой. Оркид оценивающе оглядел принцессу, и ему пришлось признать, что она напомнила ему молодую Ашарну. В юности у королевы были такие же длинные волосы цвета спелой пшеницы,

такой же точеный стан, поражавший своей силой, выносливостью и гибкостью. Арива была выше и худее матери — но он знал, что со временем ее рост перестанет быть заметным, формы слегка округлятся, и тогда она во всем станет напоминать свою мать.

Возможно, что Марин был прав, проявляя беспокойство по поводу его, Оркида, отношения к принцессе Ариве. Оркид тряхнул головой. Нет, ничего подобного произойти не могло. Его преданность родному Аману превосходила все на свете, включая его отношение к детям королевы.

Лес становился гуще, низкие ветви деревьев задевали лица всадников. Они приблизились к мелководному ручью с быстрым течением, возле которого след обрывался. Арива приказала спешиться. Двое стражников остались держать лошадей, остальные продолжали погоню, держа копья обеими руками. Все охотники перешли вброд через ручей, идти и держать оружие наготове становилось все труднее, подъем стал круче.

Несколько минут они продолжали карабкаться наверх, затем впереди послышался новый крик, прозвучавший ближе, чем предыдущий, в нем звучало неистовство. Охотники услышали, как кто-то проламывался к ним сквозь густые ветви, однако зверя не было видно. Их сплошной толпой окружали деревья.

— Он может быть где угодно, — проворчал один из стражников.

Арива резко одернула его и велела молчать. Все так напряженно и внимательно прислушивались, не раздастся ли какой-нибудь звук, который мог бы указать на местоположение зверя, что когда этот звук в действительности раздался, все едва ли не подскочили на месте. Затем послышался голос верхового, кричавшего:

— Он здесь! Он здесь!

На этом слова оборвались, и раздался крик, полный ужаса.

— О, боже, это смерть! — выдохнула Арива и бросилась наверх по склону с таким проворством, что никто, кроме Сендаруса, не мог поспеть за ней. Страшный крик перешел в предсмертный хрип, послышался звук ломавшихся костей. Мгновение спустя охотники оказались на небольшой поляне. Сперва она всем показалась пустой, однако Сендарус увидел и показал остальным голову всадника в серебряном шлеме. От нее тянулся широкий кровавый след, который привел их к останкам стражника, чье тело было беспощадно выпотрошено.

Арива первой напала на след медведя и закричала:

— Сюда!

— О Владыка Горы! — вскрикнул Сендарус. — Он направился вниз по склону, туда, где остались кони!

Арива распорядилась, чтобы четверо из стражников шли по следу, остальные охотники бросились к лошадям, на ходу громко предупреждая тех, кто оставался с животными. Однако предупреждения запоздали. Всем было слышно ржание коней и людские крики, эхо разносило звуки по лесу, и они становились подобны завываниям привидений. Арива издала воинственный клич ее семьи — долгий переливчатый крик. Затем девушка бросилась вниз по склону. Сендарус не отставал от нее, и кровь пульсировала в его висках.

Безуспешно Оркид кричал им, чтобы они подождали остальных — его призывы остались не услышанными. Он бежал так быстро, как только мог, однако был слишком неловок и довольно стар, чтобы догнать молодых. Амемун отставал от него все сильнее, издавая на бегу звуки, подобные тем, что издает роженица.

Арива и Сендарус добежали до ручья и с ужасом увидели, как страшный зверь, поднявшись на задние лапы, вгрызался в грудь одной из лошадей, при этом раздирая своими ужасными когтями ее шею. Второй конь лежал на земле бездыханным, и его кровь стекала в ручей, окрашивая воду в красный цвет. Поблизости распростерлось тело стражника, разодранное от шеи до самого паха, второго стражника гибель настигла неподалеку, из глубокой раны на его голове струилась кровь. Всем был хорошо слышен дробный стук копыт уцелевших коней, которые пытались спастись бегством по склону горы.

Арива стремительно перескочила через ручей и бросилась на медведя, вложив всю свою силу в удар копья, нацеленный во впадину между его плечами. Зверь повернулся на месте с такой скоростью, что свернул голову коню принцессы, упавшему под Аривой и забившемуся в агонии. Арива хотела отступить, но поскользнулась и упала, вся забрызганная лошадиной кровью. Медведь ударил лапой воздух в том месте, где девушка стояла секундой раньше, потерял равновесие и опустился на все четыре лапы с копьем Аривы, торчавшим из его спины.

Прежде чем медведь успел развернуться для смертельного броска, рядом с принцессой оказался Сендарус. Сидя в седле, он занес копье и изо всех сил всадил его в раскрытую медвежью пасть. Зверь издал ужасающее рычание, поднялся и отступил, пытаясь передними лапами вырвать копье, пробившее его небо. Сендарус схватил Ариву за руку и помог ей подняться. Они отступили назад, не отрывая глаз от медведя, катавшегося по земле. Древки обоих копий сломались, однако острия оставались в теле зверя.

Появился стражник, увидевший свою принцессу в крови. Яростно крича, он перескочил через ручей и ринулся на медведя, однако движения зверя были столь быстрыми, что удар копья пришелся лишь вскользь по его плечу. Медведь вцепился в землю когтями своих страшных лап и развернулся навстречу жертве, выбив копье из рук стражника. Зверь метнулся вперед и одной лапой ударил стражника по голове с такой силой, что тот закричал и упал на колени. Медведь выпрямился в полный рост, заревел от ярости и боли и обхватил стражника лапами.

— Нет! — вскрикнула Арива, и прежде чем Сендарус успел остановить ее, рванулась вперед, подхватила копье, выпавшее из рук стражника, и ткнула им в медвежью морду.

Зверь выпустил стражника из лап и повернулся к новой жертве.

На какое-то мгновение мелькнуло его незащищенное горло. У Аривы не было времени на колебания и сомнения. С громким криком она вонзила копье в обнаженные мышцы и сухожилия, разрывая шейные сосуды животного. Перед ней в воздухе беспомощно взметнулись огромные лапы, и зверь рухнул на землю. Раздался треск — это сломался остаток древка первого копья Аривы, а острие глубже вонзилось в спину поверженного медведя.

В это мгновение подоспели остальные охотники, но им оставалось лишь увидеть, как медведь в последний раз перекатился на бок и затих.

Оркид, взглянув на Ариву, замер в ужасе. Он бросился к девушке, однако она мягко остановила его.

— Со мной все в порядке. Это не моя кровь.

— Боже мой, о чем вы думали?

— Я думала о том, чтобы спасти стражника! — резко со злостью выпалила она, но блеск в ее глазах тут же потух. — Мы оказались слишком медлительными для него.

Наконец она ощутила шок и задрожала.

Появившийся Амемун сразу увидел, что требовалось сделать в первую очередь, оторвал полосу от своего плаща, смочил ее в ручье и принялся вытирать лицо и руки Аривы. Стражник, которому она спасла жизнь, опустился перед ней на колени и принялся благодарить принцессу.

Арива положила руку ему на плечо.

— Ты пытался спасти мою жизнь. Разве я могла после этого сделать для тебя что-то меньшее?

— Этот еще жив! — крикнул Сендарус. Он склонился над телом одного из стражников, остававшихся с лошадьми. — Рана на голове ужасная, однако он еще дышит.

В то время, как остальные стражники отправились на поиски уцелевших коней, а Оркид пытался соорудить из веток и собственного плаща носилки для раненого, Арива подошла к ручью и принялась смывать с себя оставшуюся кровь.

— Если я не отчищу все это до возвращения во дворец, с моей матушкой случится сердечный приступ, — пояснила она Сендарусу. Он присел рядом с ней на берегу ручья и внимательно смотрел на нее. — Понимаете, мы убили самца. Может быть, это самый крупный зверь из всех, убитых ранее. Не пожелаете ли вы привезти новый трофей для украшения приемного зала во дворце вашего отца?

Сендарус покачал головой.

— Это ваш трофей, ваше высочество. К тому же рядом с ним мои трофеи будут посрамлены. Наши медведи остаются малорослыми из-за особенностей местности, в которой обитают. Ну а здесь, похоже, они процветают. Кроме того, я хотел бы сказать, что вы были неподражаемы.

Арива прервала умывание и взглянула на принца. Комплименты были обычным делом среди придворных, которые считали, что с помощью лести можно было бы добиться более высокого положения, однако слова Сендаруса прозвучали так искренне, что она растерялась и не знала, что ответить.

Тем временем вернулись стражники с лошадьми, в числе которых был и конь Аривы. Из одного из притороченных к седлу тюков девушка достала длинный плащ и набросила его себе на плечи.

— Под этим плащом не будет видно моей одежды, и королева не сможет подумать, что я была в опасности.

Сендарус подставил руки, чтобы помочь ей взобраться в седло, однако Арива отрицательно покачала головой.

— У нас осталось всего четыре лошади, из них двое необходимы, чтобы везти носилки с нашим раненым. Еще один конь может везти тела двух несчастных, которых мы потеряли, а последний повезет голову нашего медведя.

— Вы чрезвычайно великодушны по отношению к вашим стражникам, — заметил Сендарус.

— Я принцесса Гренда-Лира, ваше высочество, — гордо ответила Арива. — Моя обязанность — служить своему народу.

Амемун и Оркид находились достаточно близко, чтобы услышать ее ответ.

— Она с такой серьезностью берет на себя ответственность? — Амемун в изумлении поднял брови. Оркид кивнул в ответ.

— А я-то считал идеалистом Сендаруса...

— Она великодушна по отношению ко всем, за исключением ее сводного брата.

— Береймы?

— О нет. Берейму она горячо любит. А вот для Линана у нее, как правило, не находится времени.

— Отчего же?

— Все дело в том, что его отец был простолюдином. Она абсолютно уверена в праве королевской семьи властвовать, то есть служить своему народу. Однако люди должны знать свое место и исполнять то, что им велят. Слившись вместе, королевская кровь и кровь простолюдина нарушают равновесие, образуя противостояние власти и влиянию аристократии.

— Двадцати Домов?

— Верно. И в глазах Аривы принц Линан являет собой угрозу этому равновесию. Он как бы аномалия, в этом мире для него нет места — по крайней мере, с точки зрения Аривы.

— Откуда тебе это известно?

— Она не считает нужным держать свое мнение при себе. А кроме того, она мне доверяет.

Охотники начали осторожно спускаться по горному склону.

Они двигались медленно из боязни доставить лишние мучения двум раненым, лежавшим на носилках. Стражники прокладывали дорогу и были готовы к риску встречи еще с одним медведем. Амемун и Оркид, двигаясь рядом, замыкали процессию.

— А почему Арива не любит представителей Двадцати Домов? Ведь ее отец был родом оттуда?

— Об этом лучше будет поговорить, когда рядом не окажется посторонних ушей. Однако, слава богу... — Оркид неожиданно улыбнулся, — слава Владыке Горы за то, что все складывается именно так. Если бы не это обстоятельство, наш план оказался бы бесполезным.

Заинтригованный Амемун больше не задавал вопросов. Однако он усмотрел иронию в том, что семья Ашарны была самой большой силой королевства и в то же время его величайшей слабостью. Слабостью, которой скоро должен будет воспользоваться его народ.

Эти мысли принесли ему мрачное удовлетворение, но радости не доставили.

Прошло вот уже два часа после захода солнца, и горничные королевы Ашарны закончили переодевать ее для сна. Королева

выглядела измученной, боль в груди к вечеру стала сильнее, чем была утром. Ашарна стояла перед единственным окном своей спальни, через которое можно было видеть засыпавший город и залив Пустельги, и думала, увидит ли она рассвет. Словно очнувшись, она сердито отогнала мрачную мысль. Ее правление длилось вот уже почти четверть века, и все это время она усердно работала в интересах своего королевства и его народа, не давая себе времени пожалеть себя или насладиться в полной мере теми благами и роскошью, которыми обладала по праву. И теперь она не должна была потакать своей слабости.

«Однако все же я могла бы сделать больше, если бы у меня оставалось время. Еще так много нужно сделать... — Ашарна тихо рассмеялась над своими мыслями: — Глупая старуха, времени никогда не будет достаточно! Кендра — слишком суровая и требовательная госпожа».

Она сказала сама себе, что исключений не бывает, и даже правителя можно заменить, как старую рубашку. Вслед за этим королева мысленно обвинила себя в излишней нескромности. После четверти века стабильности, процветания и мирной жизни — за исключением периода Невольничьей войны — она не знала, готов ли Гренда-Лир принять ее преемника. Кроме того, она не могла решить, был ли он сам готов принять Гренда-Лир.

С горечью она мысленно призналась себе в том, что, возможно, Берейма никогда не будет готов к этому.

Мысли о старшем сыне наполнили печалью сердце королевы. Ему исполнилось двадцать четыре года, он превратился в высокого, крепко сложенного мужчину с благородной душой и четким ясным умом. Как наследник, он всего себя отдавал тяжелой работе на благо королевства, однако обладал чересчур суровым нравом, туго соображал и слишком непреклонно придерживался принятых решений. А еще, что больше всего тревожило королеву, Берейма был союзником Двадцати Домов. В течение всего правления Ашарны аристократы оставались самыми упорными ее врагами, и едва ли не половина ее сил уходила на то, чтобы создать поддержку, в которой она нуждалась, для того, чтобы держать Двадцать Домов под неусыпным контролем.

Ашарна очень любила Берейму, однако боялась, что он никогда не сможет управлять с той решительностью и живостью, которые требовались Гренда-Лиру. Самым большим опасением королевы было то, что ее сын позволит Двадцати Домам разрушить королевство... если только оно не разрушит само себя.

Острая боль пронзила ее сердце, и ее дыхание замерло.

— Не сейчас! — воскликнула королева. — Не сейчас! — Она схватила Ключи Силы, висевшие у нее на шее, и сразу почувствовала, как в нее влился новый могучий поток жизненной силы. Боль исчезла так же внезапно, как и возникла, и легкие наполнились воздухом.

«Сегодня ночью, — подумала она. — Это нужно сделать сегодня же ночью».

Ашарна медленно подняла голову и еще раз посмотрела в окно. Далеко к югу от залива она различила очертания береговой линии вассального королевства Луризии, самого богатого и экономически важного владения империи, первого из завоеванных армией и флотом Кендры много веков назад. Одной из наиболее трудных задач для Ашарны было вести политику таким образом, чтобы капитаны торговых судов Луризии оставались довольны. И здесь она видела один из примеров того, каким образом Двадцать Домов смогут толкнуть ее сына на ложный путь, со всеми его предубеждениями и личными пристрастиями.

Ее внимание привлекли звуки, донесшиеся снизу. Она посмотрела вниз, на главный двор, увидев Ариву и ее спутников, вернувшихся с охоты. Узрев раненых и мертвых, чьи тела везли кони, она с беспокойством стала вглядываться в свою дочь. Поначалу Ариву было плохо видно в тусклом свете, однако к своему большому облегчению королева наконец разглядела плащ, наброшенный на плечи принцессы. Все участники охоты были перепачканы, потому что им не хватило лошадей, однако они привезли с собой трофей — такую огромную медвежью голову, что даже в темноте Ашарна смогла разглядеть ее. Кроме того, от ее внимания не укрылось, что Арива была поглощена разговором с принцем Амана.

«Что ж, это неплохо, — подумала она. — Он на редкость приятный и неглупый юноша. Арива могла бы сделать худший выбор».

Она горько рассмеялась. Боже, ведь сама она дважды сделала худший выбор, не найдя истинной любви и достойного помощника в ее стремлениях до тех пор, пока не вышла замуж за Элинда Чизела. Когда она вспомнила своего третьего мужа, слезы навернулись на ее глаза. Он мог казаться человеком грубым и неотесанным, его словечки не переставали скандализировать двор, он был склонен носить самые скромные одежды. Однако она любила его больше, чем кого бы то ни было, — кроме ее собственных детей. Воспоминание об Элинде заставило ее подумать о Линане.

Сын, о будущем которого она думала никогда. Ее лицо исказила гримаса боли. Сын, которому она должна была бы выказы-

вать больше доброты. А теперь на его юные неокрепшие плечи свалится неожиданная и несправедливая тяжесть. Королева быстро закрыла глаза и пробормотала молитву богу, в помощи и существовании которого никогда не была уверена. Вместе с этим она еще крепче сжала Ключи.

Опять возникла боль в груди, и на этот раз она не отступила.

ГЛАВА 7

Линан проснулся от того, что кто-то осторожно тряс его за плечо. Он сел в постели и протер глаза, прогоняя сон.

— Поспешите, ваше высочество, — произнес Пайрем. — Королева зовет вас. Она зовет к себе вас всех.

Стоя возле кровати, Пайрем держал наготове тунику и штаны Линана.

— У вас совсем мало времени, ваше высочество. Все остальные уже собрались... совсем как стервятники.

Линан взглянул на старика так сурово, как только мог.

— Значит, вот кого ты в нас видишь, Пайрем? Стервятников?

— Не в вас, Линан. Не в вас. — Пайрем попытался улыбнуться, но это ему не удалось, и вместо улыбки вышла гримаса. — Не о вас я так думаю и не о ваших братьях с сестрой. Но многие ее придворные настолько же жестоки, насколько беспечны вы. Если вы сейчас не поспешите, ваша матушка может умереть до вашего прихода, и вы не сможете даже получить ее благословения. Если же так случится, то за вашу жизнь никто не даст и горстки птичьего помета, уж простите мою грубость. А теперь поторопитесь!

Линан спрыгнул с кровати, его охваченное сном сознание наконец-то уловило смысл всего, сказанного старым Пайремом, Его матушка могла не дожить до утра, она звала к себе всех своих детей, чтобы публично объявить, кому из них будет дано право наследовать ей.

Юноша быстро натянул штаны, отыскал под кроватью башмаки, засунул в них ноги и опрометью выбежал из своей комнаты. Он мчался через холодный каменный вестибюль на другую сторону дворца, в которой находились покои королевы. Пайрем еле поспевал за ним, на ходу протягивая ему тунику, пояс и непременный нож. Старый слуга задыхался от быстрого бега.

Когда они достигли королевских покоев, Линан сделал Пайрему знак, чтобы тот возвращался назад, а сам перешел с бега

на быстрый шаг и одернул тунику. Когда он наконец свернул за угол к спальне Ашарны, он увидел отряд стражников. Их лица выражали напряженное внимание, и все они слегка опустили свои копья, когда Линан проходил мимо них. Возле входа в спальню он остановился, перевел дыхание и толкнул створки тяжелых дверей.

Спальня королевы была просторной, в центре ее возле западной стены находилась огромная кровать. В восточную стену был встроен камин, в котором постоянно поддерживался огонь. Холодные каменные стены были покрыты грубыми гобеленами, а встроенные в потолок сосновые балки издавали приятный лесной аромат.

Берейма склонил над матерью свое длинное смуглое тело, его лицо выражало боль и горе. Линан, так же, как и все в королевстве, знал, что Берейма мало о чем беспокоился в этом мире, а единственная любовь, занимавшая его сердце, была целиком обращена к матери. Линан испытал укол вины за то, что не чувствовал то же самое, — однако в следующий миг он напомнил себе, что за все семнадцать лет его жизни мать была скупа на внимание к нему.

В изножье огромной кровати стояла Арива, почти такая же высокая, как Берейма, но в противоположность ему абсолютно белокожая. Она унаследовала от матери волосы и глаза; однако в то время, как ее лицо светилось изнутри, словно в ней жил солнечный свет, лицо королевы всегда выражало холод зимней луны. Рядом с Аривой, скромный и хрупкий, всегда испытывавший неловкость в присутствии матери, стоял Олио. Когда вошел Линан, Олио взглянул на него и печально ему кивнул.

Королева сидела на постели, опершись на несколько подушек. Ее кожа была сухой и серой, глаза ввалились, а длинные белые волосы свободно струились по ее плечам, подобно снежной мантии. До сих пор Линану ни разу не приходилось видеть распущенные волосы матери, и теперь он не мог оторвать от них взгляда.

— Неужели вы считали меня лысой, дитя мое? — неожиданно спросила королева, заметив его присутствие и проследив за направлением его взгляда.

— Я не мог себе представить, что это так красиво, — честно признался он и залился румянцем. Ему было известно, что его матушка никогда не любила льстивых речей, однако на сей раз, к его удивлению, она улыбнулась ему, заставив покраснеть еще больше.

Ашарна внимательно посмотрела на каждого из своих детей, потом откинула голову на подушки и закрыла глаза.

— Матушка! — произнес Берейма, взяв ее за руку. — Что с вами? Вам больно?

Она открыла глаза и покачала головой.

— Нет. Просто я устала. Устала больше, чем уставала когда-либо до сих пор. Я устала жить.

— Не говорите так, ваше величество, — послышался глубокий голос Оркида. Он появился откуда-то из тени и встал за спиной Линана. — Те, кто вам предан, не хотят, чтобы вы покидали их.

Канцлер прошел мимо Линана и взял другую руку королевы.

Оркид пытался владеть своим лицом, обрамленным густой черной бородой, с крючковатым, похожим на клюв носом, старался выразить всю симпатию, на какую только был способен, — однако не смог удержаться от сердитого взгляда, каким он взглянул на умиравшую женщину.

— Больше никаких разговоров о том, что вы устали жить.

— Если послушать вас, Оркид, то я должна была бы пережить собственных детей, — возразила она. — К счастью, природа достаточно милостива, чтобы позволить мне избежать этого несчастья.

Оркид открыл было рот для ответа, однако Ашарна подняла руку, призывая всех к молчанию.

— У меня осталось слишком мало времени, а сказать я должна еще очень многое.

Она глубоко вдохнула, и ее веки затрепетали, выдавая ее слабость.

— Принесите мне Ключи, — распорядилась она.

К королеве приблизился Харнан Бересард, державший в руках деревянную шкатулку. Он открыл замок и осторожно поставил шкатулку на колени королевы. Ашарна достала оттуда четыре сверкавших золотом Ключа Силы, каждый из которых был закреплен на отдельной толстой серебряной цепочке.

Она оглядела спальню, чтобы убедиться в том, что завладела всеобщим вниманием.

— Настало время, когда обычай велит мне назначить моего преемника. Да будет всем известно, что после моей смерти мое место на троне займет мой первенец Берейма, а его потомки будут править после него.

У большинства присутствовавших вырвался невольный вздох облегчения. Главное свершилось. Такое публичное заявление королевы гарантировало мирную коронацию — то, о чем молилось едва ли не все королевство, когда стало ясно, что близится кончика королевы. Почти все присутствовавшие свидетели преисполнились уверенности в том, что коронация не вызовет никаких споров.

— У меня четверо детей, — продолжала Ашарна, — все они совершеннолетние, и королевство может пострадать, потеряв

такой большой талант. Вопреки советам тех, кто хотел бы, чтобы я передала все Ключи моему наследнику, так же, как мой отец передал их когда-то мне самой, я поддержу традицию моей семьи и передам Ключи всем моим детям. Получение Ключа означает клятву верности Берейме как главе семьи и полноправному правителю Кендры.

Она закрыла глаза и перевела дыхание.

— Ключи будут оставаться у тех, кто будет их носить, до смерти их самих, после чего они будут возвращены Берейме, либо в случае смерти Береймы их получит его наследник.

Ашарна на миг замолчала, чтобы перевести дыхание, от напряжения ее глаза покраснели.

— Вы должны заснуть, матушка, — настойчиво произнес Берейма, пожимая ее руку. — Мы вернемся утром.

Она слабо покачала головой.

— На это нет времени, мой сын. Мое время стремительно уходит и зовет меня с собой. Я прожила счастливую жизнь, разделив любовь и дружбу между тремя супругами — однако, к несчастью, мне было суждено пережить их всех...

Ее костлявые руки царапнули Ключи, и она взглянула на Берейму.

— Как полагается королю, вы должны владеть Ключом Государя, — произнесла она и вручила ему Ключ в форме звезды с крупным скипетром, закрепленным в центре. — Это Ключ Скипетра, — добавила она, и в ее голосе неожиданно послышалась прежняя сила.

Берейма, казалось, не мог решить, что ему делать дальше.

— Наденьте его, Берейма, — настойчиво сказала Ашарна. Он продел голову сквозь серебряную цепочку, и Ключ свободно повис на его широкой груди.

— Вот и прекрасно, — сказала она, коснувшись его плеча.

Королева взяла в руки второй Ключ, пластинку с изображением двух скрещенных мечей и копья. Этот Ключ она протянула Ариве.

— Мое второе дитя, дочь моя, вы будете владеть Ключом Меча. Гренда-Лир всегда будет искать вашей помощи и заступничества против наших врагов. — Арива с поклоном приняла из рук матери Ключ и отступила обратно на свое место.

— Олио, — продолжала королева, жестом подзывая Олио вперед, — вы самый кроткий из моих детей и, возможно, вам дано большее понимание вещей. Вы будете владеть Ключом Исцеления, Ключом Сердца. — В комнате раздался тихий ропот, который Ашарна пресекла острым колючим взглядом. — Считается, что этот Ключ заключает в себе гораздо большую магию, чем остальные. Воз-

можно, это и правда, — но если так, то его могущество одно из сотворенных, и принуждение здесь ни при чем.

Она протянула Олио Ключ в форме треугольника с изображением сердца. Олио отошел от кровати, сжимая Ключ в руке.

Теперь Ашарна взглянула на Линана — и взгляд ее смягчился. Линан с трудом сглотнул слюну и подавил в себе желание оказаться вне поля ее зрения. Слишком редко на нем сосредоточивалось ее внимание.

— Бедный Линан, вы родились последним и получите последний Ключ. — Линан шагнул вперед и коснулся кровати. Ашарна вытянула левую руку, чтобы пожать его ладонь холодными пальцами. — Мне хотелось бы, чтобы моя рука была теплее, — произнесла она так тихо, что никто, кроме самого Линана, не расслышал этих слов. Правой рукой она передала ему оставшийся Ключ, простой золотой кружок.

Линан нервно продел голову сквозь серебряную цепь. Ключ на его груди оказался на удивление тяжелым. Ему показалось, что он кожей почувствовал прикованные к его лицу взгляды окружающих придворных. Он огляделся и убедился в том, что был прав, и только Оркид со странным выражением лица смотрел на сам Ключ. Вдоль спины Линана пробежала дрожь.

— Это Ключ Единения, — проговорила Ашарна. — С этим Ключом вы представляете благополучие и благосостояние всего королевства. Для всех наших народов вы будете представителем короны.

Королева снова откинулась на подушки, ее руки бессильно вытянулись вдоль тела. Трион, личный врач королевы, мягко отодвинул Берейму и Олио и проверил пульс и температуру Ашарны.

— У королевы не осталось других обязанностей, — угрюмо произнес он. — Сейчас ей надо заснуть. Все должны выйти отсюда.

Берейма кивнул и дал знак всем присутствовавшим удалиться.

В спальне остались члены королевской семьи, Оркид, Трион и Деджанус, а кроме них, здесь были сиделки, слуги и стражники, включая Камаля. Все они тихо стояли вдоль стен, точно зачарованные, и наблюдали за тем, как могущество переходило от умирающей владычицы к ее четверым детям.

Пришедшая на ум мысль заставила Линана нахмуриться. Могущество? Что он будет делать с Ключом Единения? Он даже не был уверен в том, что хотел им владеть.

Когда и они наконец покинули спальню королевы, Берейма отдал Камалю распоряжение поставить двух стражников возле двери, а всем остальным предложил вернуться в свои покои.

— Нам всем нужно о многом подумать, — тихо сказал он в своей обычной монотонной манере. — Гренда-Лир в течение целого поколения не видела таких перемен.

Он неуверенно взглянул на Линана и продолжал:

— Однако я уверен в том, что наша матушка знает, что делает. Ее возраст мог ослабить ее тело, но он не затронул ясности ума, и мы можем не сомневаться в этом.

— Она не сможет пережить эту ночь, ведь правда? — печально спросил Олио.

— Довольно об этом, — произнесла Арива, вложив в свои слова всю доброту, на какую только была способна, и успокаивающим жестом положила руку на плечо брата. — Такие мысли до добра не доведут.

Внезапно глаза Олио заблестели.

— Подождите! У меня же есть Ключ Исцеления...

— Я понимаю, куда направлены ваши мысли, ваше высочество, — прервал его Харнан, — однако и вам необходимо понять природу того, что сделала королева. Она сама владела Ключом Сердца, и теперь он не сможет помочь ей, раз она сама отказалась от него. Для нее смерть — не слабость, это освобождение и окончание пути.

Старик смахнул выступившие слезы и, закончив говорить, поспешил прочь.

Линан ощутил комок, подступивший к горлу, и быстро отвернулся от остальных, чтобы они не смогли увидеть его горя. Слишком мало внимания они обращали на него до сих пор — и пусть он будет проклят, если попытается разделить с ними свою скорбь. Он был смущен странными эмоциями, наполнившими его сердце. В конце концов, он по-своему любил свою мать, любил, как слуга мог бы любить добрую госпожу, однако они никогда не были по-настоящему близки.

Принесение ему в дар последнего Ключа, несколько добрых слов, обращенных к нему, остро напомнили ему о его одиноком и несчастливом детстве. «Почему только сейчас, мама, почему все это случилось так поздно?»

— Увидимся завтра, — сказал он остальным. Берейма и Арива смотрели ему вслед, вслед брату, которого прежде они вовсе не считали братом.

Линан заснул одетым, поэтому, когда Пайрем разбудил его во второй раз за это утро, его тело свела судорога, и все его движения были стесненными. Сквозь единственное окно его комнаты, расположенное высоко в восточной стене, пробивался тусклый солнечный свет.

— Какие новости, Пайрем? — спросил он, тряхнув головой, чтобы прогнать остатки сна.

— Мне очень прискорбно первым сообщать об этом вашему высочеству, но ваша матушка, королева Ашарна, скончалась.

Линан оцепенел.

— Когда?

— Несколько минут назад. Вашим братьям и сестре сейчас несут эту печальную весть. Вы все должны опять собраться возле ее ложа.

— Да, конечно. Спасибо, Пайрем.

— Могу ли я что-нибудь еще для вас сделать, ваше высочество?

Линан покачал головой. «Почему я ничего не чувствую? Что со мной не так?»

— Если мне что-нибудь понадобится, я тебя позову.

Пайрем поклонился и хотел выйти, однако Линан внезапно остановил его.

— Скажи мне, ты любил королеву?

— А как же, конечно.

— А люди ее любили?

— Те, кого я знаю, ваше высочество, — Пайрем с интересом взглянул на Линана. — И уважали, — добавил он. — Ее любили и уважали. Мы прожили в процветании и мире четверть века. Народ не мог бы и желать большего. Еще что-нибудь, ваше высочество?

Линан покачал головой, и старый слуга вышел. «Куда проще было бы оставаться одним из ее подданных», — с горечью подумал юноша.

ГЛАВА 8

Стояло золотистое утро. Солнечный свет струился сквозь окна и заливал покои Береймы. Вокруг него суетились слуги и придворные, каждый беспокоился из-за его одежд и снаряжения, всем требовалась уверенность в том, что всякая вещь находится в нужном месте, а одежда развешена в безукоризненном порядке.

Несмотря на то, что Берейма одевался для сопровождения своей родной матери в последний путь, его украшения были великолепны и вполне достойны нового короля Гренда-Лира. Вокруг него не смолкали разговоры, неумолчное жужжание людских голосов.

Сам Берейма стоял, выпрямившись, будто проглотил аршин, его руки были безвольно опущены вдоль тела. Тем временем на него накинули длинный плащ. Он закрыл глаза.

«Не сейчас, — приказал он себе. — Ты не смеешь заплакать перед этими людьми. Ты посрамишь ее память своими слезами».

Он с трудом сглотнул слюну. Что бы он ни делал, о чем бы он ни думал, все постоянно напоминало ему о его потере. Со вчерашнего утра, с момента смерти Ашарны, у него не было времени остаться наедине со своим горем. Он понимал, что в этом теперь состояла часть его обязанностей, что он должен был подготовиться к мирной и скорой коронации — однако страстно желал хотя бы на полчаса остаться одному возле белого неподвижного тела матери, позволить себе погрузиться в свои собственные чувства, не имевшие отношения к благу королевства, к величайшим нуждам подданых.

«Я словно проглочен всем этим», — с горечью и печалью подумал он и крепче закрыл глаза, чтобы не дать воли слезам.

«Нельзя больше предаваться горю. Не сейчас. Никогда».

Когда Арива твердыми решительными шагами вышла в вестибюль, она тяжело дышала. Вот уже около часа прошло с тех пор, как она была полностью одета, однако несмотря на тяжелые траурные одежды и яркое солнце, ее знобило. Она не чувствовала своих рук, словно они превратились в ледышки. Девушка погладила Ключ Меча и с горькой усмешкой подумала о том, что впервые надела его для церемонии, которая никак не вязалась с войной. Да и одежды ее в этот день ничем о войне не напоминали.

«О боже, матушка, зачем ты оставила нас именно сейчас? Ты ведь так нужна всему королевству!»

Арива приблизилась к покоям Олио и вошла без стука. Слуги, сновавшие возле ее брата подобно малиновкам, суетившимся возле куска хлеба, поклонились ей, не прерывая своих занятий.

Олио взглянул на нее со своей неизменной непоколебимостью.

— Ты в-в-се еще с-с-собираешься продолжать исполнение с-с-своего плана?

Слуги на мгновение прекратили свои занятия, а в следующий миг Олио попросил их всех выйти:

— Я почти готов. Все остальное я могу сделать сам.

Когда брат и сестра остались одни, Олио повторил свой вопрос. Арива, словно бы не слушая, шагнула к его гардеробу, достала Ключ Сердца и повесила его на шею брата:

— Вот теперь все в порядке.

— Что касается этого, то ты не права, сестра, — выдохнул Олио, стараясь говорить как можно тише.

Арива кивнула.

— Возможно. Однако я не вижу другого пути разрешить спорный вопрос.

— Этот вопрос считаешь спорным только ты, — возразил Олио, избегая ее взгляда.

— Нет, брат мой. Этот вопрос стал спорным для всех граждан королевства. Всякая великая семья находит источник, из которого черпает свое величие. Такие семьи предназначены для того, чтобы править. Мы все рождены для этого, нас с самого рождения учили держать в руках бразды правления королевством.

— Ты забываешь, всегда ты забываешь о том, что Линан унаследовал кровь н-н-нашей матушки.

— Я не забываю об этом. Ты всегда ставил мне в вину то, что я будто бы ненавижу его. Ты не прав. Я вовсе не питаю к нему ненависти. Я даже не обвиняю его в том, что его отец занял место нашего отца в качестве супруга королевы. Однако королевство должно сохранить свою силу и жизнеспособность, а это возможно только в том случае, если сохранится кровь королевской династии.

— Ты сильно рискуешь, сестра. Линан м-м-может доказать свои права...

— Олио, слушай меня! Я говорю вовсе не о Линане! — Ее слова прозвучали так резко, что Олио отступил на шаг назад. Его взгляд был устремлен в пол. Сестра подошла к нему и, обняв его за плечи, прижала к себе. — Бедный, робкий и застенчивый Олио, не бойся меня. Из всего, что заботит меня в этом мире, ты моя главная забота.

В ее руках Олио обмяк и в свою очередь обнял ее.

— Я знаю это и никогда об этом не забуду.

Арива сдержала вздох и сжала брата в объятиях, прежде чем отпустить его. Пальцами она подняла его подбородок и взглянула ему прямо в глаза.

— Все, что бы я ни сделала, я делаю во благо Гренда-Лира. Я посвящена этому королевству к людям, населяющим его, Я не могу сказать, что люблю их больше, чем тебя или Берейму, но им принадлежит моя жизнь. Я рождена для того, чтобы служить, служить, исполняя свои обязанности так, как это пристало дочери королевы Ашарны. Все это не касается Линана, речь идет о сохранении традиций, о будущем, о том, что будет правильно.

У Олио больше не оставалось возражений, и он молча кивнул.

— Очень хорошо. П-п-поступай так, как ты должна поступать. Только б-б-будь осторожнее, сестрица. Ашарны больше нет,

вступают в силу новые порядки. Ради тебя самой я надеюсь, что твои поступки станут частью всего существования Кендры.

— Было бы по меньшей мере странно, если бы мы все не были в этом уверены, — мягко ответила Арива и оставила его заканчивать приготовления к погребению.

Линан внимательно рассматривал свое отражение в огромном зеркале гардероба. Он был одет в серые шерстяные штаны, заправленные в его любимые сапоги — начищенные Пайремом до такого блеска, что их просто нельзя было узнать. На нем была белая полотняная рубаха с модными широкими обшлагами и короткая черная куртка. Меч в ножнах из цельных пластин сверкающего металла висел на его лучшем кожаном поясе, закрепленный на нем в специальных золотых кольцах. С шеи юноши на серебряной цепи свисал сверкавший золотом Ключ Единения.

С некоторым разочарованием Линан подумал, что его физический облик оставлял желать много лучшего, даже несмотря на прекрасные аристократические одежды, в которые он был облачен. Рост его был ниже среднего, и он сам подозревал, что больше ему не суждено вырасти — а кроме того, если можно было верить слухам, его отец был ростом не выше, чем теперь Линан. Утешало юношу то обстоятельство, что его плечи были широкими и сильными и обещали с возрастом еще более окрепнуть. Однако его торс казался ему слишком длинным по сравнению с ногами, а шея чересчур хрупкой для большой головы, сидевшей на ней. Его лицо оставалось до сих пор слишком круглым, слишком мальчишеским, в нем не было видно внушительности, а карие глаза были слишком широко расставлены, не говоря уже о непокорных каштановых волосах.

— Все в порядке, ваше высочество? — бесцветным голосом спросил Пайрем.

— Все замечательно. Не суетись больше.

Пайрем фыркнул и велел своим помощникам отвернуться, после чего в его руках появилась большая и жесткая одежная щетка, с помощью которой он начал приводить в порядок одежду Линана. Движения его руки со щеткой были столь неуклюжи, что Линану приходилось, морщась, терпеть болезненные ощущения. Когда старый слуга закончил свою работу, он отступил на пару шагов, чтобы полюбоваться своим питомцем.

— Вы непременно произведете впечатление, — с видимым удовольствием сказал он, при этом в его голосе прозвучала

уверенность в том, что впечатление — самое главное в облике человека, и что облик этот способен изменить мир.

Линан кивком выразил благодарность и вышел из комнаты, поспешно направившись в большой дворцовый зал. Здесь должна была начаться траурная церемония, на которой ему полагалось присоединиться к братьям и Ариве. Траурный кортеж должен был проделать путь от дворца через всю Кендру к месту упокоения Ашарны неподалеку от гавани.

Линан немного задержался и оказался последним из домочадцев, заняв свое место рядом с Аривой и Олио за спиной нового короля. Берейма взглянул на него с укоризной. Перед Береймой стоял Деджанус — теперь он был личным стражем Береймы — и придворный сержант. За спиной Линана находился гроб с телом королевы — простой деревянный гроб, весь в гирляндах из сотен цветов, по одну сторону которого выстроились священнослужители во главе с примасом Гиросом Нортемом. По другую сторону от гроба следовали за своим предводителем, прелатом Эдейтором Фэнхоу, пятеро руководителей теургий, магов воздуха, воды, земли, огня и звезд. За гробом следовал эскорт, состоявший из сотни королевских стражников под предводительством Камаля; остальные девятьсот стражников уже выстроились вдоль дороги к последнему пристанищу королевы, ими командовал Эйджер.

За эскортом из стражников шли все иностранные послы и консулы провинций, возглавлял их принц Сендарус. Ни один из правителей низшего ранга не успел добраться до Кендры к моменту похорон. Замыкала траурное шествие свита, первым в ней шел Оркид, выглядевший еще более суровым и угрожающим, чем обычно, в своем черном траурном облачении с капюшоном. За ним следовали правительственные чиновники и остальные сановники рангом пониже.

Берейма кивком головы дал понять главному из музыкантов, толпившихся возле дверей большого зала, что пора начинать. Громко затрубили трубы, раздался рокот цимбал, и вся траурная процессия двинулась.

Идти предстояло долго, почти пять лиг. Таким образом королева последний раз объезжала свои владения. Придворные музыканты занимали едва ли не сотню мест во главе процессии, возвещая приближении гроба громкими звуками военного марша. Улицы были полны народа, горожане высовывались из окон и махали с балконов черными траурными платками, прощаясь со своей королевой, лежавшей в деревянном гробу, вытянувшись во весь рост и застыв с мелово-белым лицом.

Первый отрезок пути, который предстояло пройти траурной процессии, пролегал по холмам среди богатых кварталов города. Здесь жили богачи и аристократы, в основном принадлежащие к Двадцати Домам. Высокие каменные особняки сверкали стеклами в лучах утреннего солнца подобно гигантским самоцветам, их окружали стройные ряды деревьев, великолепных в своем летнем убранстве. Однако дальше строения становились менее грандиозными и располагались ближе друг к другу, здесь дома разделялись лишь небольшими садиками. В этих кварталах проживали семьи, гордившиеся древностью своих родов, однако не претендовавшие на принадлежность к высшей аристократии; они занимали промежуточное социальное положение между городской знатью и разраставшейся буржуазией Кендры, представители которой жили в предместьях города — их владения как бы окружали город гигантским полукружием и тянулись до самого берега.

Траурная процессия прошла под старой городской стеной. Ближе к окраине улицы становились все более узкими и мрачными, крыши домов здесь почти касались друг друга, образуя над узкой улицей почти что крытую галерею. Возраст здешних построек исчислялся столетиями, были они в основном деревянными, обмазанными глиной, часто — с соломенными крышами. В этих старых кварталах жили торговцы, ремесленники и люди искусства всякого рода, и все эти люди свято верили в то, что именно они составляли самое сердце Кендры, да и всего королевства.

Последний отрезок пути пролегал через огромную гавань, где можно было встретить бродяг, спавших прямо под открытым небом и одетых в поношенные одежды, доставшиеся им от сердобольных горожан. Ближе к воде солоноватый воздух смешивался с запахом сушившихся рыбацких сетей и смолы, с многочисленных кораблей доносились ароматы готовящейся еды.

Возле доков процессия повернула на север и вновь вышла к старой городской стене, где уже был сложен погребальный костер. Гроб Ашарны поставили на его вершину, и Берейма поджег сухие дрова. Поначалу пламя разгоралось как бы нехотя, но внезапно с моря подул легкий ветерок, и спустя несколько минут языки огня уже поднялись высоко в воздух. Над костром встал густой коричневый дым, заслонив от людских глаз солнце и бросив тень на весь город, словно подчеркивая, сколь несчастны в эти минуты горожане. На короткое мгновение дым рассеялся, и в нем показалось белое лицо Ашарны — будто ее душа именно в этот миг покидала свою земную оболочку.

 Линан заметил, что на многих провожавших свою королеву в

последний путь это подействовало так сильно, что на их лицах появилась испарина.

Погребальный костер горел два часа. Когда пламя стало затухать, и дым из коричневого столба превратился в небольшие сероватые струйки, процессия двинулась обратно во дворец. На этом пути уже не звучала музыка, а королевские стражники шли следом за музыкантами с опущенными копьями.

В память об Ашарне дворцовые ворота были открыты, и любой человек мог войти во дворец, чтобы вспомнить свою последнюю королеву. Здесь накрыли большие столы, на которых в избытке стояли закуски и напитки, так что вскоре люди уже стали смеяться — немного нервно, но по большей части от того, что наконец-то нашли утешение. Хотя народ очень любил свою правительницу, мертвых невозможно вернуть к жизни, и потому все считали, что нужно с надеждой смотреть в будущее. С появлением нового монарха в Гренда-Лире должна была начаться новая жизнь.

Дым погребального костра рассеялся, город снова залил солнечный свет. Единственными признаками траура остались одежды людей, да еще черные флаги на самых высоких дворцовых башнях и на мачтах кораблей в далекой гавани.

Линану было тяжело смотреть на развеселившихся гостей.

Его душа была полна горечи от того, что он потерял мать, которую так и не узнал близко за всю свою жизнь, и которая перед смертью успела сказать ему несколько теплых слов и дала понять, что всегда думала о нем как о сыне. Ему удалось избежать покровительства и подхалимства разных доброжелателей — тех самых людей, которые не замечали его существования до тех пор, пока он не получил один из Ключей Силы. Когда веселье стало совсем шумным, он взял с собой кожаную флягу с красным вином и тихо удалился в южную галерею дворца на верхнем этаже, на стенах которой висели прекрасные картины и гобелены.

Широкие двойные двери галереи были распахнуты, пропуская свет и воздух, и Линан вышел на балкон. Отсюда ему была видна Кендра со всеми тремя сотнями тысяч ее жителей, многие из которых сейчас находились во дворе дворца и около него.

Юноша неторопливо потягивал вино и наслаждался тем, что видел перед собой. Солнце начинало склоняться к западу, отражаясь в окнах домов, а красные и зеленые крыши складывались в причудливый узор, за которым блестели воды залива Пустельги. Вдалеке можно было разглядеть берега Луризии.

Он задумчиво потрогал Ключ Единения. «Я должен буду представлять Берейму где-то далеко, в Луризии и в других провинциях, — думал он. — Это же просто смешно! Что я знаю о подобных вещах? Кто научит меня?»

Линан сделал из фляги большой глоток и повернулся, чтобы уйти. Теперь он был подавлен тяжестью доставшейся на его долю ответственности. В дверях галереи стояла Арива, пристально разглядывая его.

— Долго ты здесь стоишь? — спросил он, удивленный ее молчанием.

— Не очень долго. Мы ждем тебя внизу на тризне.

— Мы?

— Твоя семья. Нам слишком о многом следует поговорить.

Линан фыркнул:

— О Ключах Силы.

— Конечно. — Она подошла и встала рядом с ним на балконе.

— Тебе повезло, и ты это знаешь. Мы были уверены, что наша мать не оставит тебе вообще ничего. — Линан промолчал. Арива пожала плечами и продолжала: — Ты не учился выполнять подобные обязанности, брат. Что ты будешь делать?

— Пока я этого еще не знаю. Пока я еще привыкаю к мысли о том, что меня признали настоящим принцем крови.

Арива мгновенно поморщилась, но взяла себя в руки и улыбнулась.

— То, что ты владеешь одним из Ключей, не может изменить обстоятельств твоего появления на свет.

— Ты права. Ашарна была и осталась моей матерью, — сухо произнес он.

— А твой отец был простолюдином, — спокойно ответила она. — В то время как отец Береймы Милгром и наш с Олио отец Тейф были аристократами, вели свое происхождение из Двадцати Домов. Между нами и тобой, Линан, существует разница. И так будет всегда, это неустранимо.

Линан отвернулся, чтобы Арива не увидела, как краска залила его лицо.

— Я разделяю с вами имя величайшего дома, дома Розетем, — попытался он защищаться. — В моих жилах, как и в ваших, течет кровь королевы.

— Да, однако это не вся кровь, которая течет в твоих жилах, разве не так? Послушай, Линан, я ничего не имею против тебя только потому, что твой отец не произошел из знатного рода. Но давай посмотрим правде в глаза. Когда наша мать вышла замуж за твоего

отца, она считала, что ее детородный возраст уже позади. Если бы она знала, что еще может забеременеть и родить ребенка, она выбрала бы себе в мужья кого-нибудь из Двадцати Домов.

— Возможно, мой отец и не был аристократом, зато он был лучшим полководцем королевства. В то время, как великие и знатные семьи только опозорили себя перед Ашарной во время Невольничьей войны, мой отец-простолюдин одержал победу, когда повел свои простонародные войска на защиту трона.

— Я не хочу преуменьшать славных деяний твоего отца. Он был храбрейшим и опытнейшим солдатом. — Она подошла ближе и обняла Линана рукой за плечи. Его мышцы сразу же до боли напряглись. Никто до сих пор не вел себя так с ним, и он не знал, что делать.

Арива выдержала паузу и мягко продолжила:

— Но я думаю о тебе. Ведь на самом деле ты вовсе не хочешь той ответственности, которая ляжет на твои плечи благодаря Ключу Силы. У тебя нет для этого подготовки, ты этому не учился, у тебя нет наследия для того, чтобы пользоваться им.

— Я еще не пытался.

Ее рука соскользнула с его плеч, и девушка глубоко и печально вздохнула.

— Мы не хотим видеть, как ты сам причинишь себе вред, Линан. Ты наш брат.

Линан с горечью рассмеялся.

— Несмотря на то, что мой отец простолюдин? — Неожиданно ему стало интересно. — Ну, а что же вы мне хотите предложить?

Арива улыбнулась.

— Ты вернешь Ключ Берейме, а взамен получишь пенсию до конца жизни. Ты и твое потомство будете признаны как одна из ветвей королевской семьи. Твои дети станут первыми членами новой аристократической семьи — Двадцать Первого Дома.

— Это очень великодушное предложение, однако оно слишком несерьезно. Оно не дает мне ничего из того, что уже может дать Ключ.

— Но, Линан, ведь у тебя не будет никакой ответственности. С твоих плеч упадет тяжелое бремя государственной службы.

Линан пожал плечами.

— Может быть, мне понравится это бремя.

В голосе Аривы послышалось напряжение.

— Ты делаешь ситуацию сложнее, чем она могла бы быть. Все могло бы стать гораздо проще, если бы ты согласился посмотреть в лицо реальности.

— Какой реальности? Королева смотрела на вещи не так, как вы. Ключ вручила мне наша матушка. На самом деле это был ее последний поступок, так она изъявила свою последнюю волю. Нет, я думаю, что не смогу отдать его.

Он нашел в себе силы взглянуть сестре в глаза. Выражение ее лица изменилось. В ее глазах Линан увидел отнюдь не ненависть, в них было что-то незнакомое. «Она думает обо мне как о простом крестьянине, как о человеке, который никогда не сможет сравниться с ней по положению, даже разговор со мной причиняет ей страдание и боль».

Арива больше не стала ничего говорить, повернулась и вышла. По доносившимся снизу звукам Линан понял, что тризна продолжалась, однако теперь шум стал еще более оптимистичным. В следующий миг послышались еще чьи-то шаги по галерее, Линан с испугом подумал, что это мог быть Берейма или Оркид, которые обратятся к нему с теми же речами, что и Арива — или, что было бы еще хуже, Олио, которого Линан любил. Однако человек, появившийся на балконе, был ненамного выше его и подошел, сутулясь.

— Мимо меня прошла принцесса Арива. Она была похожа на снежную ведьму.

Линан горько рассмеялся.

— Она хотела, чтобы я отказался от Ключа Единения.

Эйджер мгновение полюбовался открывшимся видом, потом произнес:

— Отказаться от него сейчас? Она уже видит в тебе поверженного врага?

Линан покачал головой:

— Я не могу с уверенностью сказать, как она на самом деле относится ко мне.

Эйджер кивком показал на Ключ.

— Он все еще висит на твоей шее. Так или иначе, она определенно не права, что бы она о тебе ни думала.

— Меня испытывали, — предположил Линан. — Никогда еще я не выдерживал такой ответственности.

Эйджер втянул носом воздух.

— Тебе известна история о твоем отце и о сражении на берегу Херона?

— Я знаю только то, что это была его первая битва, и он выиграл ее. Ни Камаля, ни Пайрема там не было — а ведь только от них мне удается узнать что-то об отце.

— Ну что ж, я участвовал в том сражении. Твоему отцу требовалось сделать выбор. Он мог отойти назад, к северу от реки Гелт, и дождаться подкрепления — или же предпринять атаку. У него не было точных сведений о силах противника, но он отлично знал, что если он не прижмет их к берегу, они могут ускользнуть, и тогда пройдут недели или месяцы, прежде чем он снова сможет сразиться с ними. Однако гораздо более важно, что он сам не был уверен в своей собственной способности успешно провести атаку.

— Но он был великим солдатом! — горячо возразил Линан.

— В этом нет никаких сомнений — но до сражения на берегу Херона никто, даже сам твой отец не знал, каким он станет генералом.

Линан взглянул на Эйджера.

— Это выдумка?

Эйджер пожал плечами.

— Если тебе так больше нравится. Однако это чистая правда, а ты истинный сын своего отца.

Эйджер ласково похлопал Линана по плечу и ушел в комнаты.

Вскоре после этого и сам Линан покинул галерею, остановившись на верхней ступеньке лестницы, которая вела вниз, в главный зал. Несколько мгновений он наблюдал за людьми сверху. Он видел женщин в длинных траурных платьях, разодетых в лучшие одежды мужчин, блеск их украшений и пьяные улыбки на лицах.

У него мелькнула мысль, что все эти люди еще не до конца осознали, что Ашарна умерла, и теперь у них новый монарх. Еще он подумал, что все эти люди слишком плохо знали свою королеву.

Арива не ничего сказала о том, говорила ли она с ним от имени нового короля. Однако если Берейма собирался обратиться к нему с тем же разговором, то Линан решил, что это могло бы произойти где-нибудь при очень большом скоплении народа, где ему необходимо будет сдерживаться.

Он увидел, как в зал со двора вошла группа людей с чрезвычайно важным видом. Берейма шел в середине, и все внимание было прикован к нему. Окружавшие его люди были гражданскими чиновниками Кендры во главе с мэром Шантом Тенором и главой купеческой гильдии Кселлой Поввис. Эти двое представляли собой странную пару: Тенор был непомерно толстым мужчиной с одутловатым лицом, лет ему было немногим меньше шестидесяти, он отличался подхалимством и любовью к хвастовству, в то время как Поввис была высокой смуглой женщиной из Луризии и пользовалась репутацией человека сурового, но справедливого и чрезвычайно искреннего, что часто

оскорбляло придворных льстецов. Берейма на целую голову возвышался над своими спутниками и пытался слушать одновременно их обоих.

Линан спустился по лестнице в зал и выждал время, когда Берейма его заметил.

— Брат, — вежливо обратился к нему Берейма, прервав тем самым болтовню чиновников. — Разве не трогательно видеть, как много добрых жителей Кендры пришли сюда, чтобы сказать нашей матушке последнее «прости»?

В его голосе не было слышно иронии.

— В самом деле трогательно, брат, — ответил Линан, глядя на спутников Береймы, которые тут же ему поклонились.

«Это что-то новенькое для нас всех, горожане, — подумал он, мрачно улыбнувшись. — Так что будет лучше, если мы начнем привыкать к этому прямо сейчас».

— Это последнее, что мы можем сделать после почти тридцати лет ее мудрого и великодушного правления, — громко произнес Шант Тенор и, многозначительно взглянув на Берейму, добавил: — А кроме того, возможность заявить, что все мы уверены в том, что Кендру ждет процветание и благополучие на многие годы.

Кселла Поввис улыбнулась.

— Он хочет сказать, — пояснила она Линану, — мы надеемся на то, что ваш брат станет достойно продолжать сокращение импорта и продолжит ремонт доков, как делала ваша матушка на благо города.

— То, что хорошо для Кендры, хорошо и для всего королевства, — напыщенно заявил Шант Тенор. — Я надеюсь, что вы сможете добиться, чтобы это поняли все провинции, юный Ли... ах, ваше высочество.

— Я постараюсь довести до их сведения ваше пожелание, — сухо ответил Линан и заметил, что Кселла Поввис смотрит на него с одобрением. У него появилось такое чувство, что ее мнение о мэре было не выше, чем его собственное мнение об этом человеке. Он повернулся к брату. — К слову о моих обязанностях: не мог бы я поговорить с тобой наедине?

— Не вижу причин для отказа, — он повернулся к гостям. — Надеюсь, вы извините нас?..

Присутствующие поклонились и быстро отошли в сторону. Берейма кивком дал понять Линану, что можно говорить.

Линан глубоко вдохнул.

— Арива сделала мне предложение, которое касается Ключа Союза. Я решил отклонить его. Это был дар моей матери, и я не намерен передавать его ей... или кому-то еще.

Берейма покачал головой, его лицо отразило непонимание.

— Не могу даже представить себе, о чем ты говоришь. Может быть, будет лучше, если ты расскажешь все по порядку.

Когда Линан пересказал свой разговор с Аривой, лицо Береймы побелело от гнева. Вот только Линан не мог определить, против кого был направлен этот гнев.

— Да, теперь я, пожалуй, все понял, — сказал Берейма. — Похоже, что мне нужно поговорить с Аривой. Я ничего не знал об этом предложении и не могу смотреть на него сквозь пальцы.

Он помолчал несколько мгновений, избегая взгляда Линана.

— Признаюсь, я был удивлен тем, что наша матушка, признавая тебя наследником, вручила тебе один из Ключей Силы. Но я никогда не пойду против ее воли. Наши отношения следует обновить... точнее, им должно быть положено начало, потому что я должен признать и то, что игнорировал твое существование с самого момента твоего появления на свет. Ясно, что мне предстоит очень многое узнать о собственной семье.

Линана ошеломили слова Береймы.

— Я был бы рад этому, — только и смог произнести он в ответ.

Берейма решительно кивнул.

— Именно этого желала бы наша матушка. Сегодня днем и вечером я должен исполнить слишком много официальных обязанностей, но в ближайшие несколько дней я намерен обсудить определенные вещи с тобой, Аривой и Олио. Я вижу, что в тебе есть храбрость и искренность, а это весьма ценные качества. Я думаю, что со временем ты станешь хорошим посланником трона. Чем скорее мы начнем с тобой заниматься, тем будет лучше.

Линан кивнул, не зная, что сказать.

— Сейчас мы испытываем радость одновременно с печалью, — продолжал Берейма. — Наша матушка наконец-то освободилась от всех несчастий и от боли. Выпей за ее память и за наше будущее.

Линан ощутил себя так, будто с его плеч упала непомерная тяжесть. Он думал, что с поддержкой Береймы он станет способен вынести всю ответственность своего нового положения. И, что было еще важнее, теперь он знал, что Арива и Двадцать Домов не посмеют даже пытаться отнять его новообретенный статус. Впервые за всю свою жизнь он почувствовал себя настоящим принцем, потомком Дома Розетем. Он расправил грудь и шагал среди гостей с большей уверенностью, забыв о своей робости перед теми, кого он прежде сторонился и старался избегать из-за своего сомнительного происхождения и их

явного пренебрежения. Он был достаточно умен, чтобы не задирать нос, — однако все-таки находил удовольствие в том, что все ему кланялись и заискивали перед ним. По мере того, как тянулись ночные часы и он допивал красное вино из своей фляжки, в нем появилась некоторая развязность. Камаль и Эйджер с интересом следили за происходившей с ним переменой.

— Наш юный щеголь узнал о себе самом что-то новое, — заметил Эйджер.

— Он узнал, что может гордиться собой наравне с лучшими из них, — угрюмо отозвался Камаль. — Надеюсь, он отбросит это. Мне больше по душе прежний Линан.

— Может статься, что прежний Линан никуда не денется, Камаль, и эта новая уверенность не испортит его.

— До тех пор, пока кто-нибудь не попытается столкнуть его с нового места. Сейчас-то все с ним обращаются ласково, особенно в присутствии Береймы, но как только им представится возможность, они найдут способ подставить ему ногу.

Однако Эйджер не разделял пессимизма коннетабля гвардии. Он искренне жалел умершую Ашарну, однако не мог избавиться от ощущения, что теперь с новым положением Линана все будет идти только к лучшему. Впервые в жизни у Линана появилась семья, и впервые за многие годы Эйджер чувствовал, что у него появился дом... и те, с кем можно было этот дом разделить.

— Кто это с ним сейчас? — спросил Камаль.

Эйджер взглянул своим единственным глазом на женщину, с которой разговаривал Линан, и пожал плечами.

— Не могу узнать ее. Но, по-моему, на ней туника одной из теургий.

— На ее плече звезда, обведенная кругом. Она студентка.

— Может быть, она просто пришла на тризну. Если хочешь, я могу развести их.

Камаль покачал головой.

— Не можем же мы всю жизнь присматривать за ним... и уж конечно, я не собираюсь вмешиваться в его отношения с женщинами.

— Ах, вот даже как? — спросил Эйджер, проявляя больший интерес. — Она хорошенькая? Я не могу отсюда разглядеть.

— Сравнительно с кем? С тобой? Черт возьми, по сравнению с твоей физиономией мою задницу можно назвать хорошенькой.

— Ну, тогда по сравнению с твоей задницей.

— Она определенно более хорошенькая, чем моя задница.

 На самом деле она действительно хорошенькая.

— Тогда пожелаем ему удачи.

— Да, хотя и так видно, что она получает удовольствие, стоя рядом с ним. — Камаль оглядел двор и большой зал, его лицо поскучнело. — Пойду-ка я лучше начну свои обходы. Ты идешь, или ты слишком занят, глазеешь на студентку магии?

— О, я уже прекратил глазеть, коннетабль. Жду приказаний.

Дженроза Алукар не собиралась идти на тризну по умершей королеве, но ее уговорили друзья, все как один взволнованные перспективой увидеть королевский дворец изнутри. На самом деле всем горожанам позволялось бывать во той части дворца, что специально отводилась для подобных посещений, однако на деле лишь те, кого во дворец приводили дела, или те, кто был как-то связан с двором, могли проходить внутрь. Даже Церковь, несмотря на то, что располагалась в западном крыле дворца, служила свои службы в специальных церквях и капеллах, находившихся в самом городе.

В конце концов девушку привело во дворец собственное любопытство: ее не интересовало внутреннее убранство, но ей было любопытно взглянуть на королевскую семью. Она ни разу не видела никого из ее членов, кроме самой Ашарны, присутствовавшей несколько лет назад на специальном богослужении, посвященном спасению рыболовного флота после страшного шторма. У Дженрозы имелись смутные представления о том, как выглядит Берейма, благодаря тому, что однажды его лицо появилось на обороте монет — а кроме того, все считали его похожим на Ариву, потому что всем было известно, что она сама является молодой копией своей матери. Однако никто из знакомых Дженрозы никогда не видел Олио, или младшего, Линана. Во время похоронной процессии ей удалось мельком увидеть их всех среди чиновников и солдат, но только со спины.

Когда Дженроза и ее друзья оказались во дворце, они стали заключать пари, пытаясь угадать, какие же двое из сотен хорошо одетых молодых людей, находившихся во дворце, являются Олио и Линаном. После того, как Дженроза лишилась половины своей недельной стипендии, она решила прекратить бессмысленные споры. Девушка отделилась от компании, нашла для себя бокал вина и стала бродить по дворцу, рассматривая внутреннее убранство большого зала. Она любовалась большим гобеленом, украшавшим северную стену зала, когда голос за ее спиной произнес:

— Это «Охота на Эрати», работа Виверса Гилда из Чандры. Специальный дар королю Берейме Третьему.

Дженроза оглянулась и увидела невысокого молодого человека с круглым симпатичным лицом, обрамленным каштановыми волосами, как-то странно торчавшими в разные стороны. Он был одет великолепно, а с его пояса свисал меч, показавшийся девушке слишком простым и неизысканным. Юноша улыбнулся ей. Фляжка, которую он держал в руке, легкое подрагивание подбородка и слегка остекленелый взгляд подсказали ей, что молодого человека лучше сторониться.

— Чрезвычайно эффектная работа, правда? — продолжал юноша. — Это один из самых больших гобеленов во всем дворце — и, наверное, самый красочный. Как вам нравится эта линия гончих, которые несутся сквозь лес по следу и в конце концов догоняют свою жертву? Глаз просто скользит по этой веренице.

— Откуда вы все это знаете?

— Мне рассказал все это человек по имени Харнан.

— Это ваш друг?

Юноша задумался над вопросом, потом пожал плечами.

— Даже не знаю, как вам его описать. Скорее у нас с ним деловое знакомство.

Он выглядел весьма самодовольным.

— Что ж, благодарю вас за вашу интересную лекцию. — Дженроза на шаг отступила. — А теперь я должна присоединиться к своим друзьям.

— Я мог бы рассказать вам о других гобеленах, если бы вы захотели.

Она покачала головой, попыталась изобразить на лице вежливую улыбку.

— Благодарю вас, не нужно. Меня ждут друзья.

— Балюстрады? Статуи? Картины?

Дженроза остановилась и повернулась к нему лицом. Она решила быть посуровее и нахмурилась, глядя на него.

— Что?

Ее нахмуренные брови не подействовали. Он подошел к ней ближе, продолжая улыбаться так легкомысленно, что ей это не понравилось.

— Я могу рассказать вам обо всем дворце. Я мог бы провести для вас экскурсию.

Девушке стало ясно, что от него будет не так-то легко отделаться.

— А почему вы думаете, что я хочу осматривать этот дворец?

— Ну ведь это же дворец. Любому хотелось бы осмотреть его изнутри.

Он дышал ей в лицо, изо рта исходил такой запах, что девушке едва не стало плохо.

— Знаете, что я хотела бы увидеть?

Юноша покачал головой:

— Нет. Скажите же мне.

— Я бы хотела увидеть, как вы отойдете от меня подальше вместе с вашей идиотской ухмылкой.

Ее слова возымели действие, противоположное тому, которое она ожидала. Теперь его улыбка стала еще шире.

— Восхитительно! — воскликнул он достаточно громко, так что на них удивленно оглянулись гости, находившиеся неподалеку.

— Что сделало вас таким счастливым?

— То, что сегодня многие вещи оборачиваются гораздо лучшей стороной, чем можно было ожидать. — Он подмигнул ей. — К примеру, я встретил вас.

Дженроза вздрогнула.

— Послушайте, найдите навозную кучу и зароитесь в нее с головой.

Теперь юноша уже откровенно смеялся.

— Вы говорите совсем как Камаль, — произнес он.

— А кто такой этот Камаль, если он не может сказать вам, куда вам следует отправиться на самом деле?

Юноша огляделся, затем показал ей на человека огромного роста, стоявшего шагах в пятидесяти от них и одетого в форму королевской гвардии.

— Вот кто такой Камаль.

Дженроза на сей раз сдержалась.

— Он солдат, — медленно произнесла она.

— Он коннетабль королевской гвардии, — поправил ее юноша.

— Но ведь вы же не солдат, верно? — Теперь она старалась говорить осторожнее. Она вовсе не хотела, чтобы выяснилось, что она волей случая нанесла оскорбление одному из влиятельных придворных; неосторожно сказанное слово могло оказаться пагубным для нее.

Он покачал головой.

— Нет. Мой рост слишком мал для того, чтобы стать королевским гвардейцем. — Он глубоко вздохнул. — Увы.

— Но вы имеете отношение ко двору?

Он вновь задумался над ее вопросом.

— Не совсем.

Дженроза с облегчением вздохнула.

— Теперь мне действительно нужно идти. Друзья ждут меня.

Она решительно направилась прочь, однако юноша последовал за ней.

— Вы не станете возражать, если я вас провожу? — В его глазах появился блеск, который абсолютно не понравился Дженрозе.

— Вы слишком молоды, — коротко ответила она.

— Думаю, что я не намного моложе, чем вы.

— Мне восемнадцать лет.

— Ну вот, всего на один год.

— А все мои друзья намного старше меня. — Она ускорила шаги, но юноша не отставал.

Неожиданно она остановилась, так что он едва не налетел на нее. Он обернулся и огляделся.

— Где же ваши друзья?

— Как вас зовут? — спросила она.

— Пайрем, — быстро ответил он. — А вас?

— Оставьте меня, Пайрем.

Он поднял свою фляжку.

— Ваш бокал пуст, леди Оставьте-Меня. Не хотели бы вы еще немного вина?

— Я уже говорила вам, чего бы мне хотелось.

— Ах, да. Навозная куча.

Он хихикнул.

— Вы пьяны.

Он, немного подумав, отрицательно покачал головой.

— Нет, пока не совсем. — Подмигнул и добавил. — Может быть, совсем немного.

Прежде чем она успела сказать что-нибудь еще, кто-то окликнул ее по имени. Рядом появились ее друзья, среди которых выделялся Амрин, огромный как медведь.

— Вот мои друзья. Самый большой из них любит подраться.

Амрин взглянул на юношу.

— Тебе причиняют беспокойство? — спросил он у Дженрозы.

— Вовсе нет, — быстро произнес юноша. — Она очаровательна.

— Я обращался не к вам, — вызывающе ответил Амрин.

— Значит, вы все маги?

— Школяры, — ответила Дженроза. — Сейчас мы должны идти и учиться. — Ее друзья при этих словах взглянули на нее с удивлением.

— М-м-м, да, — неуверенно подтвердил Амрин. — Мы дол-

 жны идти и... учиться...

— Вы уверены, что все вы не хотели бы еще немного выпить?

Внезапно Дженроза резко повернулась к нему.

— Я не хочу больше находиться в вашем обществе, Пайрем. Ничего особенного, но... — Она покачала головой. — Нет, я не права. Примите мои извинения, но я считаю вас слишком надоедливым.

Юноша, казалось, неожиданно упал духом. Дженроза мысленно зарычала.

— Понимаю. Что ж, если это так...

— Это именно так, — перебил его Амрин. Он показал на звездный символ своей теургии на тунике. — Так что, если вы не хотите, чтобы мы испытали на вас свои магические средства, потрудитесь убраться прочь!

Его слова произвели на юношу неожиданное впечатление. Выражение его лица стало ледяным, он взглянул в глаза Амрина ясным взглядом своих карих глаз.

— У меня тоже есть магический символ, — спокойно произнес он.

Амрин грубо расхохотался.

— Конечно, есть, маленький мышонок.

Юноша резким движением достал из-под своей короткой куртки амулет на серебряной цепи.

Он поднял его так, чтобы вся компания могла его разглядеть. Мгновение студенты молча смотрели на него, потом часто заморгали. Все они знали, что это такое. И Дженроза тоже поняла, что это означает.

— О боже, — слабо выдохнула она. — Ваше имя не Пайрем.

— Нет.

Среди друзей Дженрозы повисло тягостное молчание. Спустя мгновение одна из девушек скользнула прочь, за ней последовала вторая, а за ней третья. Дженроза и Амрин были оставлены на волю судьбы.

— Я... ваше высочество... — Амрин замялся, не зная, что сказать.

— Вы просто защищали своего друга. Вы не сделали ничего дурного. Однако сейчас вам лучше уйти.

Амрин кивнул и растворился в толпе. Дженроза сглотнула слюну.

— Ваше высочество, если я нанесла вам оскорбление...

— Я не был оскорблен. — Он снова начал улыбаться. Ему потребовалось призвать на помощь всю свою силу воли, чтобы выглядеть трезвым.

— ... значит, вы получили все, чего заслуживали.

От удивления глаза Линана округлились, а потом он рассмеялся.

— Если не считать членов моей семьи, вы первый человек за сегодняшний день, который не попытался попасть ко мне в милость любым путем.

— Сейчас для этого было бы слишком поздно.

— Совсем наоборот. Как ваше имя?

— Дженроза Алукар, ваше высочество.

— Конечно, ваши манеры не могут остаться полностью безнаказанными.

Дженроза ничего не ответила.

— Когда тризна закончится, вы должны будете представиться стражникам возле дверей во внутренние покои дворца. Это произойдет где-нибудь около захода солнца. Они объяснят вам, куда пройти.

Линан направился прочь, но Дженроза жалобно спросила:

— Какое наказание меня ожидает?

Не оборачиваясь, он ответил:

— Вы сами увидите.

ГЛАВА 9

Бродя по дворцу, Дженроза обдумывала, как заберет из своей спальни в теургии все свои вещи, какие только сможет, и попытается попасть на какое-нибудь торговое судно из тех, что стояли в гавани, чтобы навсегда исчезнуть из этого города. Или, если бы ей повезло, то еще лучше было бы уплыть на одном из кораблей с иностранными сановниками, прибывшими на церемонию похорон королевы; в этом случае ей удалось бы бежать с относительным комфортом.

Однако против этого плана она приводила сама себе те же самые аргументы, которыми пользовалась, чтобы убедить себя остаться в теургии: здесь, в Кендре, был ее дом, впереди ее ожидало будущее мага, и только здесь судьба могла ей все это предложить.

На закате она назвала свое имя стражникам, стоявшим возле входа во внутренние покои дворца. Один из них велел ей следовать за ним и повел ее многочисленными узкими коридорами и каменными лестницами в одну из башен, в которой находились личные покои монарха и тронный зал.

«Ну что же, по крайней мере, меня ведут не в темницу», — мысленно сказала она себе, однако эта мысль не помогла девушке отогнать самые мрачные предчувствия. Какое наказание придумал для нее принц? Может быть, он собирался сбросить ее с башни?

Она понимала, что эта мысль сама по себе была нелепой, и все же от страха у нее подкашивались ноги.

Наконец стражник подошел к узкой деревянной двери, которая выглядела такой же древней, как и обрамлявшие ее круглые камни. Он один раз стукнул в дверь древком копья, отворил ее и втолкнул Дженрозу внутрь. Дверь за ее спиной закрылась. Она стояла у подножия старинной каменной лестницы.

Откуда-то сверху раздался голос принца:

— Поднимайтесь наверх, Дженроза Алукар.

Девушка неуверенно поднялась по каменным ступеням и оказалась в круглой комнате, в которой пахло пылью и старинными книгами. В центре комнаты стоял принц. Он успел переодеться в более простую одежду, теперь у него на поясе не было ни меча, ни ножа. Его Ключ тускло поблескивал в маленьком пятне света между деревянными ставнями небольшого окна.

— Вы все еще смеетесь надо мной, ваше высочество, — произнесла она. — Я надеюсь, что это добрый знак.

— Я рад, что вы пришли, — искренне ответил Линан.

— Но ведь у меня не оставалось выбора, — заметила Дженроза и огляделась.

На всех стенах комнаты висели старинные полки, врезанные в камень, и каждая полка была заполнена книгами, которые казались такими же древними, как сама башня.

— Что это за комната?

— Первый великий король Кендры Коланус был отчасти магом. Он создал Ключи Силы. Поговаривают, будто бы с их помощью он оказался на троне. Это его кабинет. Никто больше не пользуется им.

Дженроза осторожно сняла книгу с одной из полок, бережно открыла кожаный переплет и с изумлением стала вглядываться в письмена на первой странице.

— Какой это язык?

Линан пожал плечами.

— Никто этого не знает. По этой причине больше никто и не пользуется этим кабинетом.

— Злодеи могли бы совершить не одно убийство для того только, чтобы эти книги попали к ним в руки.

— Злодеи уже пытались завладеть ими, — отозвался принц. — Вы разбираетесь в истории?

— Очень немного, только если она имеет какое-нибудь отношение к изучению звезд. — Девушкой постепенно стало

овладевать беспокойство. Ей хотелось поскорее получить свое наказание, чтобы она могла вернуться к себе в спальню, уйти прочь из дворца и от этого странного принца.

— Три сотни лет назад группа могущественных магов вступили в заговор с целью заполучить содержимое этой комнаты. Заговор раскрыли, и король разрушил все их планы. Главных заговорщиков он казнил. Знаете, что он сделал с остальными?

Дженроза покачала головой.

— Позволил им войти в эту комнату и изучить книги — при условии, что они полностью выполнят его волю.

— Но если он не возражал против того, чтобы маги увидели эти книги, то почему он убил их вождей?

— Разумеется потому, что заговор был направлен против него. После нескольких лет безуспешных попыток расшифровать эти рукописи уцелевшие маги отказались от дальнейшей работы.

— А в чем состояла королевская воля? — спросила Дженроза, которую заинтересовала эта история.

— Им надлежало создать пять теургий и выбрать главного прелата, который должен был подчиняться самому монарху.

— Он прижал их всех к ногтю?

— Угу, именно так оно и было.

— Вы хотите сделать то же самое со мной? — спросила она.

— Не понимаю...

— Прижать меня к ногтю?

«Не к моему ногтю», — подумал Линан, но изобразил удивление.

— Нет, конечно.

— Тогда как же вы собираетесь наказать меня?

— Я хочу предложить вам стакан вина, а еще хочу показать вам такой закат, какого вы не видели никогда в жизни.

Дженроза покачала головой.

— Я не уверена, что я правильно расслышала ваши слова.

Принц жестом указал на окно. На подоконнике стояли два стакана и бутылка. Глаза девушки стали огромными от изумления. Никогда еще ей не приходилось пить из стаканов. На самом деле она даже не могла припомнить случая, когда пила бы из бутылки. Линан взмахом руки пригласил ее пройти вперед, после чего с некоторым усилием открыл ставни.

— Полюбуйтесь в свое удовольствие, — предложил он и отодвинулся, чтобы она смогла посмотреть в окно.

Она подошла к подоконнику, взглянула вперед и ахнула, не в силах сдержать восторг, охвативший ее. Перед ней простирался весь город, словно величественная карта. Далеко на западе золотом сверкали воды залива Пустельги в лучах закатного солнца, за горной грядой, которая темнела вдали. Над гаванью играли чайки, а еще дальше она смогла даже различить длинные скошенные крылья пустельги, паривших низко над волнами.

— Это... Ох, это так красиво!

Принц подошел к ней и показал на юг, на зеленую землю, поднимавшуюся из воды подобно миражу.

— Это Луризия, — сказал он. Затем показал на горы на западе: — А это Длинный Хребет, дальняя граница Амана.

В конце концов он показал на восток.

— Та земля — это Чандра, а за ней вы можете себе представить безбрежное Разделяющее море.

Он опять отошел в сторону и осторожно наполнил оба стакана вином.

— Это вино из собственных запасов королевы. — Его глаза на миг затуманились, и он произнес: — Простите. Из запасов короля. — Он протянул девушке стакан, и она нерешительно взяла его.

— Странное наказание, — негромко заметила она при этом.

Прежде чем начать личную проверку ночной стражи, Камаль убедился в том, что последние задержавшиеся гости покинули пределы дворца. Он начал свой обход возле главных ворот и оттуда направился на запад, проверяя, все ли стражники, назначенные в ночной дозор, находятся на указанных им местах, все ли светильники, расположенные вдоль стен дворца и возле каждого входа, исправно горят. Час спустя проверка была окончена, и он немного постоял во дворе, наблюдая за работой дворцовых слуг, которые подметали, протирали и чистили большой зал для привычных занятий делами на следующий день.

«Привычные дела, — мрачно подумал он. — Коннетабль гвардии у короля, который не любит меня и дружит с Двадцатью Домами, ни один из членов которых тоже не любит меня».

На мгновение у него возникло желание позволить себе высвободить ночь для того, чтобы навестить в городе одну из своих многочисленных подружек. Однако он тут же запретил себе даже думать об этом — понимая, что именно в эту ночь, как ни в одну другую, у него были причины для усердного исполнения служебных обязанностей, для

того, чтобы оставаться на своем посту. Это была последняя ночь его службы Ашарне, его умершей королеве, которая когда-то вышла замуж за его любимого генерала.

К нему подошел Эйджер, вид у капитана был усталый.

— Где ты пропадаешь? — спросил у него Камаль.

— Некоторые из наших гостей проникли на арену для учебных занятий. Там повсюду были разбросаны пустые фляжки и бутылки, а кое-кто, судя по всему, пользовался нашим снаряжением для упражнений.

Камаль ухмыльнулся.

— Никто ни на что не напоролся?

Эйджер помотал головой.

— Очень жаль, но никто. Сейчас арену уже привели в порядок, и я велел двум нашим новым стражникам как следует припрятать все снаряжение.

— Хорошо, проверь все вместе с ними и отправляйся поспать хотя бы немного. Завтра предстоит такой же тяжелый день, как сегодняшний. Берейма захочет поговорить с нами о своих планах относительно коронации. Я сейчас как раз направляюсь в покои: я должен увидеться с ним, прежде чем сам смогу отдохнуть.

— Как скажешь. — Эйджер ушел, а Камаль еще раз обошел двор и осмотрел ворота. Казалось, все было, как всегда. Его это даже возмутило. Он чувствовал, что должна была произойти какая-то перемена после смерти женщины, правившей здесь почти тридцать лет.

Однако теперь она стала духом, а духи не нуждаются во дворцах. Он что-то проворчал себе под нос и через большой зал направился по Длинному Коридору в покои Береймы. Однако прежде чем Камаль успел добраться до них, он услышал, как кто-то бежал следом за ним. Тотчас же его окликнул Деджанус. Личный страж выглядел очень встревоженным.

— Камаль, я кое-что нашел.

— Что?

— Будет лучше, если ты сам увидишь. Пошли со мной.

Не дожидаясь ответа, Деджанус быстро пошел обратно через большой зал, а затем прошел в дверь, которая вела к комнатам прислуги. Не задавая вопросов, Камаль следовал за ним. Что бы ни обнаружил Деджанус, он хотел увидеть находку своими глазами. Личный страж шел широкими шагами и лишь один раз остановился, чтобы взять светильник. Но в конце концов он замедлил ход, когда они дошли до коридора, ведущего к погребам, сохранившимся еще от

первого дворца, построенного много веков назад, темным и сырым от плесени.

— Это где-то здесь... Вот-там! Видишь его? — Деджанус показывал на какое-то пятно на булыжниках.

— В этом мраке я не способен разглядеть собственных ног. Опусти светильник.

Деджанус исполнил эту просьбу.

— Это свежая кровь, а вот и нож...

— Все равно не могу разглядеть...

Камаль не успел закончить — что-то с немыслимой силой ударило его в затылок. Темнота словно взорвалась перед его глазами. Падая на булыжники, он услышал топот ног убегавшего прочь Деджануса. Эти звуки эхом отдавались в его сознании, словно биение его собственного сердца. Он пытался позвать на помощь, однако все его чувства угасали одно за другим, и вскоре он не чувствовал уже ничего.

Берейма пальцами с силой тер виски. С самого утра он мучался от ноющей головной боли, а жара и выпитое днем вино сделали ее совершенно непереносимой.

— Быть может, я позову к вам доктора Триона? — заботливо спросил Оркид.

Берейма покачал головой.

— Это пройдет само собой. Оставим этот разговор, чтобы я наконец-то мог немного отдохнуть. Завтра нам предстоит тяжелый день.

— Вы правы, ваше величество. Вы хотели видеть меня для беседы о принце Линане. Что-нибудь произошло?

Берейма не хотел обсуждать предложение, сделанное Линану Аривой, в присутствии еще троих человек. Он пока не доверял канцлеру до такой степени, как доверяла его мать. Эта беседа не предназначалась и для ушей Деджануса, который появился, чтобы поставить короля в известность о том, что коннетабль королевской гвардии попал в большую беду. Принимая же во внимание то обстоятельство, что Харнан Бересард собирал слухи, словно золотые монеты, Берейма подумал, что его личному секретарю, возможно, уже обо всем известно.

— Линан должен укрепиться в своем положении так быстро, как только это возможно, иначе, независимо от желания Ашарны, он превратится в предмет для бесконечных насмешек, слухов и подозрений. Ему необходимо взяться за свои обязанности. Я хочу отправить его посланником в Чандру. И, кроме этого, я хочу, чтобы вы сопровождали его.

— Ваше величество?

— Должны ли вы постоянно это повторять?

Казалось, Оркид был готов повторить произнесенные слова, но вовремя закрыл рот.

— Простите. Почему и когда?

— Почему? Потому что я хочу, чтобы он получил возможность проявить себя как можно скорее. Кроме того, я хотел бы удалить его из Кендры, чтобы у людей, особенно в Двадцати Домах, хватило времени привыкнуть к мысли о том, что ему принадлежит один из Ключей Силы. Чандра вот уже несколько столетий является одним из наиболее спокойных и преданных из наших вассальных королевств, так что посольская миссия не будет для Линана обременительной. Мне нужно, чтобы вы отправились в миссию Чандры, находящуюся у нас, для того, чтобы они предложили ему приглашение.

— Это не затруднит меня, ваше величество. Я уверен, что король Томар будет рад принять принца. Насколько мне известно, они с отцом Линана были друзьями.

— Верно. Сможете ли вы побывать там до конца этой декады?

— Я не вижу для этого никаких препятствий.

Король повернулся к своему личному секретарю.

— Харнан, пошлите за Линаном. Я обещал кое-что обсудить с ним этой ночью.

— Конечно, ваше величество.

— А сами после этого отправляйтесь спать, старина. Завтра вы будете нужны мне со свежей и ясной головой, однако не приходите раньше полудня.

Харнан поклонился и направился к выходу, однако вмешался Оркид:

— Обязательно ли вам видеться с Линаном нынче ночью? Вы и без того уже давно чувствуете себя усталым.

Услышав это, Харнан остановился возле дверей.

Берейма тяжело вздохнул.

— Да, канцлер. Это должно произойти сейчас.

— Но я уверен, что эта беседа может подождать до тех пор, пока...

— Сейчас! — выкрикнул Берейма, и Харнан исчез. Берейма застонал. — Оркид, простите меня. Я не должен был повышать голос.

— Не беспокойтесь из-за этого, ваше величество, — спокойно ответил Оркид. — Я отлично все понимаю. Сегодняшний день был для вас долгим и утомительным.

— Благодарю вас за ваше участие, — искренне произнес король. — Я не думаю, что есть еще какие-то дела, чтобы беспокоить вас сегодня ночью. Вы можете идти.

— Есть еще одно небольшое дело, ваше величество, — осторожно сказал Оркид. — Это касается вашего недавнего посольства в Хьюме.

— В самом деле? — В голосе Береймы прозвучало недоумение.

— Я получил донесение от одного из моих агентов, которые работают там. Мне кажется, что вам следует ознакомиться с ним.

— Очень хорошо. У нас есть немного времени до прихода Линана.

— Мы должны остаться наедине, — добавил Оркид.

Берейма кивнул Деджанусу:

— Оставьте нас, пожалуйста. Если вы увидите коннетабля гвардии, передайте ему, чтобы он подождал до тех пор, пока я не закончу говорить с Линаном.

Деджанус вышел, а Оркид положил перед королем небольшой листок бумаги.

Новобранцы закончили убирать учебное оружие. Эйджер осматривал шкафы и заметил, что ножа Линана на месте нет. Он подозвал одного из новобранцев.

— Вы нашли все оружие?

— Все, что только было разбросано по земле, капитан.

Эйджер показал пустое место в шкафу.

— Осмотрите все еще раз. Мне нужно, чтобы нож был найден.

Новобранец сглотнул слюну и подозвал своих товарищей.

Еще полчаса они внимательно осматривали арену, однако не обнаружили и следа пропавшего ножа. С унылыми лицами они отрапортовали об этом Эйджеру.

— Ну ладно. Сегодня ночью здесь больше ничего сделать нельзя. Осмотрим все еще раз завтра, когда будет светло. А сейчас будет лучше, если я расскажу об этом коннетаблю гвардии.

Новобранцы побледнели, и Эйджер позволил им разойтись, прежде чем один из них упал.

Он направился в Длинный Коридор и спросил у одного из двух стоявших там стражников, не освободился ли Камаль после беседы с королем.

— Нет, капитан, он не виделся с королем. Он направлялся в королевские покои, когда его позвал Деджанус, и они вместе пошли обратно.

— Куда они пошли?

— Я не слышал, сэр. Но вы можете сами узнать об этом у Деджануса. Он сейчас у короля, но скоро должен освободиться.

Эйджер покачал головой.

— Нет. Это не так важно. Я попробую поискать коннетабля в его покоях. — Он повернулся и вышел из коридора.

— Если это не так дьявольски важно, почему же он расспрашивал меня об этом? — спросил стражник своего напарника, когда Эйджер скрылся.

Оба стражника негромко рассмеялись.

— Офицеры и шлюхи, — продолжал стражник, — вечно чего-нибудь да выпрашивают.

— Солдат!

Стражники, вытянувшись, замерли. Перед ними возник Деджанус.

— Что было сказано об офицерах?

— Офицерах, сэр? — стражник попытался разыграть тупицу, однако этот трюк не всегда способен отвести беду.

— Иди со мной, — распорядился Деджанус, потом повернулся к другому стражнику. — А с тобой я разберусь позже.

Деджанус указал первому стражнику идти в помещение, бывшее королевской гостиной, а когда они вошли туда, сам плотно закрыл двери. Стражник с трепетом понял, что попытка прикинуться туповатым деревенским парнем не уберегла его от несчастья. Он боялся обернуться и оказаться лицом к лицу с капитаном.

— Смотри на меня, солдат, и будь внимателен! — приказал Деджанус.

Стражник вытянулся в струнку и развернулся на правой ноге. Прежде чем он успел закончить приветствие, Деджанус достал нож, спрятанный в его рукаве, и вонзил его глубоко между ребрами стражника, из груди которого вылетел лишь последний вздох. Деджанус подхватил падающее тело и аккуратно положил его на пол.

— И еще двое, — сказал личный страж сам себе.

Харнан Бересард не нашел Линана в его спальне, и потому ему пришлось зайти в комнату Пайрема. Он стучал в дверь слуги до тех пор, пока перед ним не появился Пайрем, протирая глаза. Вид у него был хмурый, а одежды на нем не было никакой.

— Что за черт?.. — Пайрем, рассмотрев визитера, оборвал себя на полуслове и растерянно моргнул. — Простите, я думал...

— Извини, что пришлось разбудить тебя, Пайрем, но королю нужно немедленно видеть Линана. Принца нет в его комнате. Не можешь ли ты сказать мне, где я мог бы найти его?

Пайрем покачал головой.

— Иногда он не может заснуть и отправляется бродить по дворцу. Но я найду его. Я знаю, где его любимые места.

Харнан кивнул.

— Очень хорошо, но помни, что его высочество должен непременно увидеться с королем сегодня ночью, а иначе у нас обоих будут неприятности.

Пайрем исчез за дверью своей комнаты и быстро оделся. Он метнулся к комнате Линана и с помощью запасного ключа, который всегда носил с собой, вошел в нее. Он нашел лучшую одежду Линана и меч его отца вместе с поясом. Еще несколько секунд он пытался сообразить, что еще могло бы понадобиться принцу, потом хлопнул себя по лбу.

— Поспеши, старый дурень, — сказал он сам себе. — Король вовсе не собирается беспокоиться о том, как парень будет выглядеть в такое время, поздней ночью.

Он начал поиски в садах, потом зашел в галерею, прошел вдоль всех дворцовых стен, однако все это не принесло успеха. Оставалось еще одно место, дорога в которое была длинной, да еще вдобавок предстоял нелегкий подъем наверх. Но ведь король хотел видеть принца сейчас! Покои Береймы находились на пути Пайрема, и он решил дать знать королю о том, что Линан скоро будет у него, вместо того, чтобы заставлять его королевское величество сидеть в одиночестве, играя большими пальцами рук и гадая, где же запропастился его брат.

— Спеши, Пайрем, спеши! — подгонял он сам себя и быстро пустился дальше.

— Я не нахожу ничего особенно срочного в этом отчете, — произнес Берейма, протягивая листок обратно Оркиду.

— Простите меня, ваше величество, но я думал, что сведения о планах королевы Чарионы ограничить торговые права Чандры могли оказаться не просто важными, но имеющими прямое отношение к делу. Особенно если учесть ваше стремление отправить Линана с посольской миссией к королю Томару.

Берейма пристально вглядывался в лицо Оркида. Они еще никогда не имели дела друг с другом, однако Берейма вынужден

был согласиться с тем, что Оркид стал очень хорошим канцлером при королеве Ашарне и был ей абсолютно предан. Он согласно кивнул.

— Да, вы были правы, предоставив мне эти сведения. То, что я могу не соглашаться с вашим мнением, ни в коем случае не должно служить препятствием к исполнению ваших обязанностей и удерживать вас от предоставления мне любых сведений, которые вы сочтете важными.

Оркид слегка поклонился, признавая примирение и принимая комплимент.

Вернулся Деджанус и кивнул Оркиду.

— Ваше величество, коннетабль гвардии не показывался?

Берейма покачал головой.

— Я отдам вам инструкции для гвардии. Вы можете передать их коннетаблю, когда увидите его.

Деджанус кивнул, и Берейма принялся писать на листе бумаги инструкции. Личный страж заглядывал через его плечо, словно читал приказы по мере их написания. Оркид шагнул вперед. Берейма взглянул на канцлера.

— Вы можете идти, Оркид. Благодарю вас за ваши советы этой ночью.

— Ваше величество... — Оркид глубоко наклонился и, прежде чем Берейма смог что-нибудь понять, канцлер крепко схватил его руки чуть ниже локтей.

— Что?.. — воскликнул ошеломленный король и рванулся назад, подняв голову.

Деджанус достал спрятанный в рукаве нож и приставил его к шее Береймы.

Берейма откинулся назад, его руки вырвались из рук Оркида, и он повернулся лицом к нападавшему — однако в этот момент Деджанус выхватил меч. Кровь брызнула на стол, заливая Деджануса и Оркида. Король еще пытался встать, но уже начал падать. Он ухватился за стол, сметая с него бумагу и чернила, попытался дотянуться до Оркида, но смог только схватить его плащ. Теряя сознание и падая, он увлек Оркида за собой. Он с грохотом уронил свое кресло, тяжело ударился об пол и замер.

Из раны на шее Береймы толчками вытекала кровь. Оркид лихорадочно выдернул свой плащ из рук умиравшего короля и поднялся на ноги. Поток крови уменьшился и быстро остановился.

— Владыка Горы! — пробормотал Оркид, широко расставив руки в стороны. Его ладони и плащ были в крови. Все про-

изошло быстрее, чем он считал возможным, и оказалось гораздо более кровавым и ужасным, чем он мог себе представить.

Деджанус мрачно посмотрел вниз на дело своих рук.

— Никто не видел, как ты разобрался со стражниками снаружи?

Деджанус отрицательно покачал головой.

— Кроме того, я убедился, что все стражники на постах возле ворот мои люди; все они таят злобу на Камаля. Они будут готовы поверить всему, что бы мы ни сказали о нем и о принце Линане.

— Мы должны все подготовить прежде, чем здесь появится Линан.

— Было бы проще это сделать, если бы Берейма не послал за ним.

— Помни, что теперь мы преступники.

Деджанус поднял глаза и встретил взгляд Оркида.

— Я надеюсь, что все остальное в вашем плане пойдет более гладко.

Прежде, чем Оркид успел ответить, от двери раздался крик. Оба заговорщика молниеносно обернулись и увидели в дверях старика, стоявшего с перекошенным ртом и широко раскрытыми в ужасе глазами.

— Пайрем! — выкрикнул Деджанус.

Пайрем очнулся от ужасного шока, который заставил его застыть на месте. Он бросился прочь от дверей.

— Ради бога, Деджанус! — воскликнул Оркид. — Убей его, а потом убей его хозяина!

Деджанус метнулся вперед, но его нога поскользнулась в луже крови Береймы и тяжело упал на колени. Он поднял глаза как раз в тот момент, когда старый слуга выскользнул из комнаты, словно крыса, за которой гналась кошка. Личный страж вскочил на ноги, но прежде чем он успел броситься в погоню, Оркид схватил его за руку.

— Нет, подожди! Этот путь будет даже лучше! Все детали на местах, нам остается только точно играть свои роли.

Он взял из руки Деджануса учебный нож Линана и бросил его на пол возле тела мертвого короля.

— Положи тела стражников на то место, где они стояли, а потом вызывай королевскую стражу.

Он не мог оторвать взгляда от трупа Береймы.

— Король убит собственным братом и его подручными — коннетаблем гвардии и Пайремом. Как досадно, что их убили, когда они пытались бежать из дворца.

ГЛАВА 10

Они сидели на каменном полу круглой комнаты и рассуждали о магии.

— Это не означает, будто бы я не верю в то, что в звездах существует магия, — объясняла Линану Дженроза. — Однако мне представляется, что теургия пытается искать ее неверным путем.

Линан кивал с мудрым видом. Он выучился этому, присутствуя при дворе своей матери, но на самом деле его больше интересовала сама Дженроза, а не ее слова. Сейчас он находил ее гораздо более привлекательной, чем в первые минуты их разговора в большом зале. Когда девушка улыбалась, выражение ее лица менялось, оно непостижимым образом становилось мягче, а когда она хмурила брови, он едва сдерживал побуждение погладить ее по щеке и утешить ее. Но к этому времени его алкогольная бравада исчезла, и теперь он держал себя в руках.

— А почему вы не хотите привести ваши аргументы своему руководителю?

Дженроза выглядела пораженной ужасом.

— Вы это серьезно спрашиваете? У вас есть хоть какое-то представление о том, как сильно на всех ступенях нашей иерархии сохраняют верность древним верованиям? Как много прошло времени — столетий! — исследований и практики? Они вышвырнут меня вон! Они сожгут меня заживо на костре!

— Мы больше не сжигаем людей, — заметил Линан. — Мой дедушка Берейма Седьмой запретил этот обычай в самом начале своего правления.

— Значит, они убедят вашего брата возродить его.

— Только из-за вас?

Дженроза кивнула.

— Боже, конечно. Они ненавидят еретиков.

Линан наклонился вперед и заново наполнил ее стакан. Девушка взяла из его рук бутылку и встряхнула ее.

— Вина почти не осталось, — с грустью произнесла она.

Линан запустил руку в темную нишу под одной из нижних книжных полок и извлек на свет вторую бутылку.

— Вот это магия! — воскликнула она.

— Так каким же вы хотели бы видеть результат вашего обучения в теургии?

— Ну, во-первых, те же самые вещи должны изучать мореплаватели и исследователи, ведь им приходится пользоваться положением звезд, чтобы ориентироваться по ним и выбирать правильное направление пути.

— Это мне известно, — сказал Линан. — Об этом знает каждый. Так почему же теургия изучает то, что уже давно всем известно?

— Это необходимо, потому что до сих пор не существует строгой системы, которая объединяла бы в себе все способы использования звезд для навигации. А еще более важно то, что поиск нужного вам направления пути предполагает наличие хотя бы какого-то представления о том, где вы находитесь в данное время. Если бы мы могли уточнить методы, которыми пользуются мореплаватели, тогда нам стали бы доступны и способы, с помощью которых можно точно определить наше собственное местоположение где бы то ни было, в любой точке мира.

Линан подумал над услышанным, потом улыбнулся.

— А если это происходит ночью, и небо затянуто тучами?

Дженроза взглянула на него с кислой миной.

— Вам так или иначе придется где-то начинать.

Линан сглотнул.

— Говорить о том, что где-нибудь придется начинать...

— Ах, да, конечно же! Ведь теперь у вас есть один из Ключей!

Линан слегка растерялся. Как это произошло? Он собирался побеседовать о них, а вовсе не о себе самом.

— Да, у меня действительно есть один из Ключей, однако я хотел сказать...

— А что это означает?

— Что именно?

— Ну, какую ответственность вы теперь берете на себя?

Она плавно повела руками в его сторону.

— Нет, нет, не нужно мне говорить! Это ведь Ключ Единения, верно?

Линан кивнул, продолжая испытывать легкую растерянность.

— Тогда это должно означать, что вы будете отвечать за управление провинциями?

— Нет. Это входит в обязанности короля. Мне же придется стать кем-то вроде посланника. Берейма будет использовать меня для того, чтобы представлять трон за пределами Кендры.

— У меня есть тост! — заявила Дженроза, поднимая свой стакан. — За нового представителя нашего короля в провинциях!

Линан не очень уверенно поднял свой стакан.

— Это, конечно же, означает, что я могу не возвращаться в Кендру многие годы. Однако существуют кое-какие дела, которые мне хотелось бы закончить, прежде чем...

— Вам предстоит грандиозное путешествие, — перебила его Дженроза. — Через залив Пустельги с ответным визитом к Гудману Барбеллу в Луризию. Потом на запад в Аман для переговоров с королем Марином. Я слышала, будто бы он стар и потворствует многому, так что вам придется быть с ним начеку. А потом вы отправитесь дальше на запад, туда, где Океаны Травы, и там вы увидите все четтские племена...

— Если только я смогу их там отыскать, — заметил Линан.

— ...потом на восток в Хьюм к королеве Чарионе, — вдохновенно продолжала Дженроза. — По слухам, она самая хитрая и коварная из всех королевских вассалов. Думаю, что у нее вы сможете многому научиться.

— Несомненно, что она сама многое узнает от меня, — сухо отозвался Линан. — А куда прикажете мне отправиться после Хьюма?

— На юг, в Чандру, к королю Томару Второму.

— Он был другом моего отца, — спокойно ответил Линан.

— Значит, это будет как бы визит к родному дяде, — сказала Дженроза, придвигаясь ближе к Линану. — Однажды мне довелось беседовать с ним. Он был тогда здесь с одним из дарственных визитов и посетил теургии. Он разговаривал отдельно с каждым из руководителей и со школярами. Он был такой круглый и веселый, но с самыми печальными глазами на свете, каких я никогда больше не видела.

— Около двадцати лет назад он потерял свою жену. На ее корабль напали враги во время Невольничьей войны. Ее тело так и не удалось найти.

— Понятно, почему у него были такие глаза, — сказала она. — Только вот я не могу себе представить, какая часть путешествия вам понравится больше всего. Мне кажется, что это будет поездка по Океанам Травы. Возможно, что вам и не удастся найти там многих четтов, зато вы увидите множество интереснейших и удивительных вещей.

Ее взгляд обрел мечтательное выражение, она смотрела как бы в неведомые дали.

— Там трава простирается от горизонта до горизонта, пасутся огромные стада самых странных животных — с рогами и длинными волнистыми гривами. Тысячи диких лошадей, которые не боятся ничего, что только может встретиться под небом. Грозы, каких не случается больше ни над одним из континентов... А может быть,

вам больше всего понравится Луризия. Она вся в зелени, и там всегда стоит жара. Цветы там размером с большие тарелки для мяса, а у насекомых вместо крыльев радуга...

— Может, это вам следовало бы отправиться в грандиозное путешествие, — усмехнулся Линан. — А я остался бы здесь, при дворе.

Дженроза покачала головой.

— Вот уж нет. Кендра — мой дом. Я не хочу никуда уезжать отсюда.

— Но то, как вы захватывающе рассказываете обо всех этих далеких землях, доказывает обратное. Похоже, что больше всего на свете вам хотелось бы уехать из Кендры.

— Поверьте мне, ваше высочество...

— Пожалуйста, называйте меня просто Линан.

— ...я хочу остаться именно здесь. Однако я представляю, что вам так понравится путешествовать, что вы никогда не захотите возвращаться.

Линан допил свое вино и заново наполнил свой стакан.

— Что ж, в Кендре действительно есть одно славное местечко. Вот там вы и будете находиться.

Она посмотрела на него тяжелым взглядом, затем неловко отодвинулась и поднялась на ноги.

— Понимаю.

Теперь она стала похожа на животное, внезапно осознавшее, что его посадили в клетку.

Линан тоже встал и глубоко вздохнул, собираясь что-то сказать. Однако не успел он и рта раскрыть, как раздался стук в дверь.

— Дерьмо! — воскликнул он. — Убирайся!

Однако стук лишь усилился вместо ответа.

— Кто там?

— Это я, ваше высочество! — прокричал Пайрем. В его голосе прозвучала такая настойчивость, что Линан невольно двинулся к двери.

— Может быть, королю необходимо побеседовать со своим новым посланником, — предположила Дженроза.

— Пайрем, это не может подождать?

— Нет, сейчас же, ваше высочество, прошу вас!

Для большей убедительности Пайрем еще несколько раз стукнул в дверь.

Дженроза со спокойным видом усмехнулась.

— А вы не думаете, что он подслушивал наш разговор снаружи, а теперь хочет убедиться в том, что вы не произнесли ничего, что звучало бы слишком глупо?

— Глупо?

— Ваше высочество, прошу вас!

Линан не мог больше слушать спокойно отчаянные мольбы своего верного слуги. Он сбежал по ступеням к двери и с легкостью отпер ее.

— Будет лучше для тебя, Пайрем, если речь идет действительно о чем-то очень важном...

Однако Пайрем не дал ему закончить. Задыхающийся, бледный, с плащом Линана и поясом, на котором был закреплен меч, он оттолкнул своего хозяина от двери, вбежал внутрь, быстро оглянулся на коридор, затем накрепко закрыл дверь за собой. Он схватил Линана за руку и потащил его вверх по лестнице в башню. Вид у него был такой, точно глаза могли выскочить из своих орбит.

— Быстрее, Линан, вы должны покинуть дво... — увидев Дженрозу, он оборвал себя на полуслове.

— Как долго она пробыла здесь? — прошептал он.

— Пайрем, ты забываешься. И что тебе может быть за дело до того, какое время провела здесь маг Алукар?

Пайрем в отчаянии заломил руки.

— О, простите меня, ваше высочество, но если вы не покинете дворец прямо сейчас, вам придется очень плохо! Сейчас, сию же минуту!

Дженроза выпрямилась.

— Что происходит?

Пайрем отпрянул от нее, так что Линан оказался между ними.

— Откуда его высочеству известно, что он может доверять вам?

— О чем ты говоришь? — с яростью спросил Линан.

— Она может оказаться одной из них! — с присвистом выдохнул Пайрем.

Линан непонимающе покачал головой.

— Пайрем, ты должен немедленно объяснить, в чем дело. Быстрее.

— Ваш брат мертв!

— Мертв? Который из братьев?

— Король! Его убили!

В воздухе повисло молчание, затем Линан сурово произнес:

— Это не смешно, Пайрем. Твое чувство юмора прокисло так же, как твой язык.

— Мне кажется, что он не шутит, — сказала Дженроза, пристально вглядываясь в лицо слуги. — Разве вы не видите, в каком он ужасе? Пайрем, откуда ты знаешь, что Берейма мертв? Кто его убил?

— Я своими глазами видел его тело!

Линан схватил старого слугу за плечи.

— Кто убил его, Пайрем? Кто?

— Оркид! И Деджанус!

Линан уставился на Пайрема, не зная, что сказать, и не желая верить услышанному.

— Ваше высочество, я прошу вас верить мне. Я не был пьян, и я не увидел это во сне. Я знаю, что иногда веду себя, как старый дурень, но все-таки я не идиот!

— Расскажи нам, что ты видел, — произнес Линан, стараясь сохранять спокойствие. — Все, что ты видел.

— Сейчас нет времени для этого! — Пайрем снова схватил Линана за руку и попытался стащить его вниз по лестнице.

Линан сопротивлялся изо всех сил.

— Они хотят убить вас, Линан!

— Убить меня?

— Я все расскажу по дороге, — сказал Пайрем и снова потянул Линана за руку, другой рукой протягивая ему плащ и пояс с мечом. — Идите за мной!

В Линане оставалось еще достаточно много от маленького мальчика, а в голосе Пайрема прозвучала неожиданная властность, и Линан повиновался. Пайрем первым вышел из комнаты и направился вниз, в центральную часть дворца, прошел неподалеку от покоев Линана.

— Вам нельзя возвращаться в свою комнату, это самое первое место, где они станут вас разыскивать. Нам нужно раздобыть для вас коня.

Он быстро шел по направлению к королевским конюшням, за ним послушно следовал Линан и растерянная Дженроза. Внезапно Линан остановился и сказал Дженрозе, чтобы она самостоятельно выбиралась из дворца.

— Я пока не знаю, что здесь происходит, но вовсе не нужно, чтобы вы оказались вовлеченной в события.

Дженроза с готовностью согласилась.

— Я вовсе не хочу принимать участие в дворцовом перевороте. — Она повернулась, чтобы самостоятельно искать выход, но тут же замерла на месте, услышав доносившиеся откуда-то из дальнего угла зала топот ног и лязг доспехов.

— Там опять... — испуганно пролепетала она.

— Теперь бежим! — скомандовал Пайрем. — Быстрее, пока они нас не заметили!

Он быстро нырнул в боковой коридор, за ним поспешили Линан и Дженроза. Он продолжал почти бегом вести их ходами, которыми редко пользовались во дворце, потом беглецы оказались в коридорах, где ходили только слуги. Вскоре до них донеслись звуки суматохи, происходившей, по-видимому, где-то неподалеку от комнат Линана.

— Значит, они уже обнаружили, что вас нет, — угрюмо произнес Пайрем, затем внезапно остановился.

— Что случилось? — спросил Линан.

— Я идиот! Они будут дожидаться вас возле конюшен! — Его брови сдвинулись, и он на несколько мгновений погрузился в напряженное раздумье.

— Однако вам все равно необходима лошадь.

Тут его глаза сверкнули.

— Конюшни гвардии! Они вряд ли подумают об этом! По крайней мере, не сразу.

Теперь они опять почти бежали и спустя несколько минут оказались во дворе позади дворца, рядом с конюшнями королевской гвардии. Пайрем резко остановился, так что Линан и Дженроза натолкнулись на него.

— Ради бога, ведите себя как можно тише, не то нас всех ждет смерть! — прошипел он сквозь сжатые зубы. — Чтобы раздобыть вам лошадь, ваше высочество, мы должны делать все быстро и тихо.

— Но куда же я поеду? — спросил Линан, неожиданно повысив голос.

— Прочь отсюда, — ответил Пайрем, вглядываясь в темноту. — После этого я уже не смогу помочь вам, мое присутствие будет вас только задерживать.

Он помолчал несколько мгновений, потом прошептал:

— Путь свободен.

Пригнувшись, трое беглецов пробежали через открытое пространство и добрались до первого стойла. Линан невольно сморщился от запаха, ударившего ему в нос.

— Они что, никогда не чистят эти конюшни?

— Конечно, чистят, ваше высочество, но только один раз в день. Ведь это же не королевские конюшни. Вот там, в четвертом стойле, похоже, добрая кобыла.

Коричневая кобыла с чистой шерстью и белым пятном на носу и в самом деле выглядела великолепно. Пока Дженроза выводила ее из стойла, Линан набросил на плечи плащ и опоясался мечом.

Затем Пайрем помог ему выбрать сбрую и седло из тех, что висели на стене напротив входа, и протянул уздечку Дженрозе.

— Я был в своей комнате, ваше высочество, — неожиданно пустился он в объяснения, — когда ко мне пришел Харнан Бересард с сообщением от короля. Он просил меня разыскать вас и передать вам, что король хотел немедленно вас видеть.

Вместе с Линаном они сняли седло с крюков, на которых оно висело, и понесли его к ожидавшей кобыле. Пока Линан отстегивал стремена, Пайрем продолжал.

— Конечно, я не смог сразу найти вас и потому отправился, чтобы предупредить короля. Когда я дошел до его покоев, то услышал голоса, так что не стал входить сразу, а решил подождать, пока находящиеся ятам не закончат дел с его величеством. Потом я узнал голоса Оркида и Деджануса. Они говорили о том, что все идет по какому-то плану, или что-то вроде того. Тогда я понял, что этот разговор может продолжаться не один час, тихонечко, как кошка, поскребся в дверь и приоткрыл ее, чтобы меня кто-нибудь заметил.

Пальцы Линана словно одеревенели и не могли справиться с обычным делом, знакомым много лет. Дженроза с таким же трудом удерживала уздечку.

— Я заглянул в комнату... — Пайрем схватил Линана за руку и сжал ее до боли. Он взглянул прямо в лицо Линану своими старыми воспаленными глазами, по его щекам катились слезы. — Он лежал на полу, всем телом в луже крови. Я подумал, что, должно быть, они ударили его прямо... — Пайрема душили рыдания, но он заставил себя договорить: — ...Прямо в шею, ваше высочество, и повсюду вокруг все было залито кровью.

Дженроза покачнулась и ухватилась за голову кобылы, чтобы не упасть. Линан уже садился в седло, но тоже почувствовал внезапную слабость. Он положил руку на бок лошади, чтобы прийти в себя.

— Они видели меня! Когда я бросился прочь, я слышал, как Оркид приказал Деджанусу убить меня, а потом вас! Я знаю все дворцовые ходы как свои пять пальцев, — продолжал Пайрем, — все коридоры, по которым ходит прислуга, поэтому мне удалось добраться до вас раньше, чем им. Все остальное вы знаете.

Линан медленно выпрямился, взял из рук Дженрозы повод. Пайрем обессилено прислонился к стене, его руки дрожали.

— Благодарю тебя, Пайрем, — мягко сказал Линан, стараясь не выдать голосом охвативший его ужас. — Ты рисковал своей жизнью для того, чтобы спасти мою. Я никогда этого не забуду.

А теперь тебе и Дженрозе нужно бежать. Найдите место, где вы смогли бы укрыться, а я попытаюсь дать вам знать о том, что будет происходить со мной.

— Что вы будете делать? — спросила Дженроза.

Линан пожал плечами.

— Пока не знаю. Может быть, король Томар сможет чем-нибудь помочь. Но самое первое, что мне предстоит сделать, так это покинуть Кендру.

Пайрем подбежал к двери конюшни и махнул ему рукой.

— Здесь пока еще никого нет. Вперед, ваше высочество, пока есть еще возможность. Быстрее!

Линан подвел кобылу к выходу, вскочил в седло и обернулся, чтобы сказать последнее «прощай» своим спутникам.

— Эй ты, там! Слезай с лошади!

Остановленная повелительным голосом, лошадь повернула в сторону. Линан увидел пятерых стражников, бежавших к нему от дворца. Пайрем прыгнул вперед и с размаху шлепнул кобылу по крупу. Животное взвилось, едва не скинув Линана с седла.

— Беги, Линан! — закричал Пайрем. — Беги ради собственной жизни!

Линан не знал, как ему поступить. Он хотел было умчаться со всей скоростью, на которую была способна лошадь, однако он не мог оставить своих друзей в опасности. Пайрем увидел его нерешительность и выхватил кинжал.

— Ты ничего не можешь для нас сделать! — выкрикнул он. — Беги!

С этим последним напутствием Пайрем повернулся и побежал навстречу стражникам, выкрикивая древний воинственный клич и размахивая над головой кинжалом. Первый из стражников попытался в лоб встретить это нападение, однако Пайрем в своей жизни дольше был солдатом, нежели слугой. Он нырнул под меч и, взмахнув кинжалом, вонзил его стражнику в грудь. Не успел тот упасть на спину, как Пайрем уже выхватил из его руки меч и возобновил атаку.

Четверо оставшихся в живых стражников, увидев, какая судьба постигла их товарища, повели себя более осторожно. Они низко опустили свои мечи и выжидали, пока старик приблизится к ним. В последний миг Пайрем резко свернул в сторону и попытался сразить того, который стоял справа, однако его противники были моложе и проворнее, чем он сам. Послышался звон мечей, затем Пайрем вскрикнул и, как подкошенный, рухнул на землю. Меч выпал из его руки и теперь лежал рядом с окровавленным телом.

Дженроза, охваченная паникой, стрелой понеслась к той двери для прислуги, через которую провел их с Линаном Пайрем. Стражники бросились в погоню.

— О боже, нет! — воскликнул Линан. Он обнажил меч, пришпорил лошадь и поскакал к стражникам. Двое из них замедлили бег и повернулись к нему, пытаясь пресечь его нападение. Он выбрал того из них, который оказался ближе.

Стражник поднял свой меч в высоком блоке, однако Линан освободил из стремени левую ногу, низко пригнулся к правому плечу лошади, резко взмахнул мечом и опустил его. Меч скользнул по подбородку стражника и затем вдоль его горла, подобно лезвию бритвы. Стражник зажал рану, темная кровь брызнула между его пальцами, и он беззвучно упал на землю.

Линан повернул лошадь, чтобы лицом к лицу встретиться со стражником, находившимся справа от него, но было уже слишком поздно. Краем глаза он успел увидеть силуэт противника за своей спиной. Чья-то рука схватила его за левую ногу, которая все еще оставалась свободной от стремени, и перекинула ее через спину кобылы. Линан тяжело упал на землю, от удара его дыхание на миг оборвалось. Острая боль в спине едва не лишила его сознания. Одно лишь мгновение перед его глазами стояла черная пелена, а когда он очнулся, то понял, что лежит на спине. Как в тумане увидел он стражника, стоявшего над ним с мечом возле его горла, а двое других солдат стояли в нескольких шагах от них, и в их руках, отчаянно сопротивляясь, билась Дженроза.

— Прошу простить меня, ваше высочество, — произнес стражник, стоявший над ним, — но за то, что вы сделали нынче с королем Береймой, я собираюсь проткнуть вас, как птичку шампуром.

Линан видел, как напряглись его мышцы для смертельного удара, затем внезапно над ними нависла тень. Стражник успел лишь выдохнуть, когда копье вышло из его груди. Невидимая сила оттащила его назад, и больше Линан не мог его видеть. Вторая неясная тень свалила одного из стражников, державших Дженрозу, а последний стражник повернулся и пустился наутек.

Чья-то сильная рука схватила Линана за волосы и поставила на ноги. Линан взглянул в рябое лицо, будто вырубленное из скалы.

— С тобой все в порядке, малыш?

— Камаль?

— Что за глупый вопрос, — проворчал коннетабль. Продолжая держать принца за волосы, он развернул его так, чтобы «малыш» смог увидеть своего второго избавителя.

— И Эйджер, — слабым голосом произнес Линан. Тут же он вспомнил о маге. — Дженроза...

— Со мной все хорошо, — раздался совсем рядом с ним тоненький голосок. Она была ужасающе бледна, и всю ее колотила крупная дрожь. Она, не отрываясь, смотрела на тело стражника, убитого Камалем.

— А последний стражник! — воскликнул Линан, вспомнив, что он сам видел, как тот бежал. — Он позовет остальных на подмогу!

— Я слишком стар, чтобы бежать за ним вдогонку, да и Эйджер при всем своем проворстве и ловкости не сможет угнаться за перепуганным юнцом.

Камаль повернулся к Дженрозе и Эйджеру.

— Нам нужны еще три лошади.

Дженроза посмотрела на коннетабля странным взглядом и побежала к конюшням, Эйджер поспешил за ней.

— Как вы думаете, ваше высочество, можете ли вы стоять без поддержки? Я должен им помочь. У нас совсем мало времени.

Линан рассеянно кивнул и тотчас же почувствовал, что его больше никто не держит. Он широко расставил ноги, чтобы устоять, и огляделся в поисках своей кобылы. Она стояла шагах в двадцати от него, неподалеку от тела убитого им стражника.

«Я убил второго человека в жизни», — подумал он и ощутил себя несчастным, так как погибший был одним из королевских стражников.

Он попытался побороть тяжелое чувство, но безуспешно.

Его стошнило. Со стонами он обтер рот тыльной стороной ладони и бросился к лошади. Спустя несколько мгновений он уже вернулся к конюшням, по дороге успев поднять свой меч и обтереть его о собственные штаны. Не прошло и двух минут, как к нему присоединились остальные. Камаль, Эйджер и Дженроза уже сидели в седлах, все четверо завернули за конюшни и направились прочь из дворца. Когда они уже исчезли среди длинных теней, укрывавших дорогу вниз, в город, они услышали позади первые крики и звуки погони.

— Скачите изо всех сил! — прорычал Камаль. Все четверо пустили лошадей в галоп и, спасая свои жизни, растворились в ночной мгле.

ГЛАВА 11

Оркид стоял в дверях, ведущих в спальню Линана, в то время как Деджанус рыскал по комнатам в поисках хоть малейшего намека на то, где мог находиться принц.

— Он не мог уйти далеко, — сказал Деджанус. — Мои стражники охраняют все ворота. Он должен быть где-то во дворце.

— Если только Пайрем не нашел его, — заметил Оркид.

Деджанус вышел из комнаты.

— Исчез его меч, и Ключа тоже нигде нет. — Он с отчаянием взглянул на Оркида. — Что теперь делать? Для того, чтобы обвинить его в смерти Береймы, нам необходим его труп.

— Нет нужды менять что-нибудь в нашем плане, — задумчиво, с расстановкой ответил Оркид. — По крайней мере, пока нет. Твои стражники еще могут найти и прикончить его по нашему приказу.

— Я организую его поиски, и тогда мы будем во всем уверены, — произнес Деджанус.

— А я отправлюсь к Ариве, разбужу ее и принесу ей печальное известие о гибели ее брата.

Деджанус хотел было выйти, однако Оркид удержал его и свирепо зашептал ему на ухо:

— И ни в коем случае не забывай о нашем плане! Мы сможем собрать всех необходимых свидетелей, как только у нас будут тела Линана и Камаля. Арива поверит всему худшему, что бы ей ни рассказали о Линане. И не забудь, когда увидишь ее, что теперь она королева. Прикажи своим стражникам приветствовать ее, как истинную королеву.

Когда Линан и его спутники добрались до старой городской стены, они пустили лошадей шагом. Да и сами они уже нуждались в отдыхе от невероятной скачки, после которой были едва ли не такими же взмыленными, как их лошади.

По узким улочкам и переулкам древней Кендры беглецы проезжали так тихо, насколько это было возможно. Вокруг еще не спали люди, отмечавшие уход из жизни доброй королевы Ашарны и начало правления Береймы; четверо путников, проезжая мимо харчевен и таверн, открытых ради такого случая, слышали доносившиеся оттуда звуки песен.

Линан не мог себе представить, куда направлялся Камаль. Сидя на своей лошади, он чувствовал себя так, будто целый мир навалился на его плечи своей непомерной тяжестью. Его не покидало ощущение тошноты в желудке, а перед глазами продолжала стоять сцена гибели Пайрема, которую порой сменял образ убитого им самим стражника. Ему приходилось беспрестанно сглатывать слюну, чтобы сдержать приступы тошноты. Рядом с ним ехала Дженроза, ошеломленная

всеми событиями этой ночи и тем затруднительным положением, в котором она оказалась. За ними следовал Эйджер, хранивший угрюмое молчание. Один лишь Камаль, казалось, знал какую-то цель, его лицо выражало одновременно настороженность и плохо скрываемую ярость.

Они проехали через весь город на юго-восток. Когда Камаль дал им знак остановиться и велел всем спешиться, Линан вдохнул влажный воздух и понял, что они оказались неподалеку от гавани.

— Мы оставим лошадей здесь, — сказал Камаль. — Теперь будет лучше, если мы пойдем дальше пешком.

— А куда мы идем? — спросила Дженроза.

— К другу, — коротко ответил он. — А теперь никаких вопросов, пока мы не доберемся до места. Чем меньше внимание мы будем привлекать к себе ненужной болтовней, тем больше у нас останется возможностей уцелеть этой ночью.

Они дружно шлепнули своих лошадей, и те убежали своим путем; без седоков они должны были в конце концов вернуться в свою конюшню. Через несколько минут беглецы были уже возле доков. Канаты и шкивы поскрипывали и лязгали на ночном береговом ветру, жирные крысы спешили убраться с дороги путников. В гавани пахло нечистотами, трюмной водой и гниющей плотью. «Сегодняшней ночью повсюду бродит смерть», — с горечью подумал Линан.

Камаль, быстро и широко шагавший впереди, провел их вдоль гавани на восток еще приблизительно лигу, прежде чем повернуть на север, обратно в город. Они проходили мимо товарных складов, возле которых стоял запах экзотических специй, мимо заполненных посетителями таверн, пахнувших несвежим пивом и мочой. Тощие собаки, фыркая и сопя, рылись в отбросах и поспешно убегали с их дороги или заливисто лаяли вдогонку. Однако стоило улочкам смениться переулками, на которых дома стояли в опасной близости друг от друга и где ночной воздух был удушливым и неподвижным, исчезли даже собаки.

Единственным звуком, который слышался в тишине, были шаги беглецов по булыжной мостовой; да еще можно было услышать случайный шорох крадущихся грызунов или охотившихся на них кошек.

Наконец Камаль пошел медленнее, сквозь темноту пытаясь разглядеть ему одному ведомые признаки и надписи на указателях.

— Это где-то здесь, поблизости, — прошептал он себе под нос.

Еще несколько минут его спутники покорно молча следовали за ним, а потом великан что-то с удовлетворением проворчал, остановился и нетерпеливо постучал в дверь.

— Где это мы? — спросил Линан.

Прежде чем Камаль успел ответить, дверь отворилась, и на улицу вышел человек ростом пониже Камаля, но такого же могучего телосложения.

— Как ты думаешь, мой друг, кто ты таков после того, как меня из моего теплого кресла... — человек подался вперед, вглядываясь в коннетабля, — ...в такой час... Камаль?

Камаль с довольным видом хихикнул, при этом раздался звук, похожий на небольшой обвал гравия.

— Разве ты знаешь еще кого-нибудь такого же большого, как я, Грапнель?

Тот, кого назвали Грапнелем, в свою очередь рассмеялся и обнял Камаля за плечи, затем заметил его спутников.

— Я вижу, ты привел с собой друзей.

— Мы можем войти? Здесь, на улице, стоять небезопасно.

— Небезопасно? Да кто же в здравом уме способен гнаться за тобой? — спросил Грапнель, однако впустил всех в дом, не дожидаясь ответа.

Они столпились в тесной прихожей. Грапнель протиснулся вперед и показал им дорогу в жилое помещение. В одном из углов комнаты располагался глубокий камин, в котором ярко горел огонь, а перед ним стояло несколько кресел без подлокотников и длинный стол. Стены были сложены из отмытых добела глиняных кирпичей, а выложенную снаружи красной черепицей крышу поддерживали толстые балки.

Грапнель расставил кресла полукругом перед камином и предложил всем сесть. После этого он исчез в соседней комнате и вернулся спустя несколько мгновений с пятью кружками и кувшином домашнего пива.

Впервые за эту страшную ночь Линан увидел, что затылок Камаля потемнел от засохшей крови, а сзади его шею покрыла красноватая корка.

Внимание Линана сосредоточилось на Грапнеле. У хозяина дома, приютившего их, было широкое смуглое лицо с двумя белыми шрамами на нем, один из которых прорезал щеку до самого угла губ, придавая лицу выражение постоянной и довольно мрачной ухмылки. Его каштановые волосы были острижены так же коротко, как и волосы Камаля, и с обоих ушей свисали крупные золотые кольца. Карие глаза наполовину укрывались под нависавшими веками, и это придавало ему такой вид, будто он в любой момент был готов

погрузиться в сон. Несмотря на то, что он был не так высок, как Камаль, над Линаном он все же возвышался.

Хозяин наполнил пивом их кружки, а затем откинулся на спинку своего кресла и приготовился выслушать объяснения от Камаля.

— Это капитан Эйджер Пармер, последний из королевской гвардии, — начал Камаль, указав на горбуна. — Когда-то он был капитаном Копий Кендры.

Грапнель подался вперед и вгляделся в лицо Эйджера.

— Клянусь всеми морскими тварями, вы действительно капитан Пармер. И, как я вижу, вам пришлось пережить тяжелые времена.

— А ведь я помню вас, Грапнель, — отозвался Эйджер. — Вы служили лейтенантом в Красных Щитах у Камаля.

Грапнель согласно кивнул., затем обратил свой взгляд на Дженрозу.

— А вы кто будете?

— Меня зовут Дженроза Алукар. Я студентка магии в Теургии Звезд. — Она покачала головой. — То есть была студенткой.

Грапнель вопросительно взглянул на Камаля.

— Сегодня ночью она была гостьей принца Линана, — пояснил ему коннетабль.

— Серьезные дела, Камаль, — произнес Грапнель с лукавой улыбкой. — Нет ничего удивительного в том, что вы попали в беду.

Камаль тяжело вздохнул.

— А вот это и есть тот самый принц, права которого под вопросом, — продолжил он, указав на Линана.

Грапнель вскочил на ноги, так что его кресло упало на пол.

Его щеки раскраснелись, и шрамы стали похожи на белые рубцы.

— Беда, ваше высочество! Примите мои соболезнования! — Он взглянул на Дженрозу. — И вы тоже, сударыня.

Глядя на его лицо, Линан не мог удержаться от улыбки, однако попытался спрятать ее в кружке с пивом. Крепкий горьковатый напиток ожег его глотку, едва не вызвав приступ кашля. Дженроза же, в свою очередь, зарделась чуть ли не сильнее Грапнеля — однако за этим, похоже скрывался в первую очередь гнев.

— Вы не вполне верно поняли наши отношения, — спокойно произнесла она.

Грапнель вновь начал приносить извинения, однако его оборвал Камаль.

— А это, ваше высочество, Грапнель Мурайс, торговец и судовладелец. Один из самых преданных и отважных солдат вашего отца. А самое главное — наш друг.

Камаль взял Грапнеля за руку.

— Нынешней ночью произошли дьявольские события. Король Береймa убит заговорщиками,-а теперь они рыщут по следам принца Линана.

Рот Грапнеля раскрылся сам по себе.

— Ради нашей дружбы, Камаль, ответь, неужели то, что ты мне рассказываешь, правда?

В ответ Камаль лишь кивнул.

— Что тебе известно обо всем этом?

Камаль пожал плечами.

— Для меня все началось с Деджануса, личного стража Береймы.

Камаль быстро рассказал, как его одурачил Деджанус.

— Я думаю, он остался уверен в моей смерти; если бы не это, он уготовил бы для меня какую-нибудь другую роль, прежде чем наступил рассвет. Когда я пришел в себя, мне было слишком плохо, я едва мог что-то соображать. Однако мне удалось добраться до двора перед дворцом, а там меня нашел Эйджер. Мы сразу же отправились в покои Береймы — на тот случай, если Деджанус замыслил что-то недоброе. Но, увы, опоздали.

— Поначалу мы растерялись и не знали, что делать, — продолжил его рассказ Эйджер. — Камаль был все еще не в себе. Я оставил его там и побежал распорядиться, чтобы протрубили тревогу, однако от стражников я узнал, что все были уже подняты на ноги по тревоге, и что поступил приказ схватить или убить при попытке сопротивления или бегства Камаля, Линана и слугу Линана, поскольку они только что убили короля.

— Мне было отлично известно, что Линан не мог иметь ничего общего с убийством Береймы, — сказал Камаль. — Кроме того, я понимал, что незачем искать его у него в покоях, так как нас все равно опередили бы недруги, и поэтому решил, что они так или иначе окажутся в конюшнях.

— Как вам удалось догадаться, что мы побежали в конюшни королевской гвардии? — спросил Линан.

— Они были расположены ближе всего, — ответил вместо Камаля Эйджер и, словно извиняясь, пожал плечами. — Ну, а кроме того, в нашем положении нам сильно была нужна удача.

Дальнейший рассказ повел Линан. Он рассказал о том, что он услышал от Пайрема об участии Оркида во всей трагедии, потом описал их бегство к конюшням и гибель Пайрема.

— Тогда и появились Камаль и Эйджер, — закончил он.

— Слава богу, — произнесла Дженроза. — Они спасли нам жизнь.

— Я сделал лишь половину того, что должен, — мрачно сказал Камаль. — Теперь вы оба в безопасности, но это лишь на мгновение. Однако я воспользуюсь этим и вернусь, чтобы убить Деджануса и Оркида.

Он поднялся и уже собирался уйти.

— Ты не сможешь этого сделать! — воскликнул Линан. За последние два часа Камаль успел стать для него надежной опорой, и ему хотелось оставаться в обществе Камаля столь долго, сколь это только было возможно.

— Они будут искать тебя! Стражник, которому удалось сбежать, не мог ошибиться на твой счет и спутать тебя с кем-то другим. Как только ты вернешься, тебя тут же убьют или посадят в темницу.

— Ничего подобного не случится, если я расскажу им обо всем, что произошло на самом деле, — ответил Камаль. — Большинство стражников — хорошие и преданные парни. Те, кто нынче ночью оказался возле конюшни, должно быть, были людьми Деджануса.

— Хорошие они парни или нет, — неожиданно вмешалась Дженроза, — все равно они убьют вас.

— Вы сами не знаете, о чем вы говорите, девочка...

— Подумайте чуть-чуть сами, Камаль, — жестко перебила она. — Кого Оркид и Деджанус обвинили в гибели короля?

— Она права, Камаль, — сказал Грапнель. — Они не станут задавать никаких вопросов. Они попросту убьют тебя, чтобы создать впечатление, будто они пытались защитить Берейму.

— Но я не могу оставить смерть Береймы не отмщенной, — с горечью возразил Камаль.

— Однако как можно лучше отомстить, чем наверняка разоблачив их заговор? — резко ответил ему Грапнель. — Твоя задача вытащить принца Линана из их лап!

— И помочь мне утвердиться в своих правах, — добавил Линан.

Слуга разбудил Олио и сообщил ему, что Арива хочет безотлагательно видеть его в кабинете Береймы. Олио отпустил слугу, быстро оделся, размышляя про себя, что бы могла означать подобная спешка. Возможно, опять вопрос стоял о том, как поступить с Линаном. Ему хотелось бы, чтобы его сестра оставила эти заботы; ему казалось, что она начала слишком уж беспокоиться обо всем, что было связано с Линаном и с тем, что ему в наследство оставлен Ключ Единения.

Дворец кишел стражниками и чиновниками, все они куда-то спешили с неотложными поручениями. Любопытство Олио уступило место опасениям. Что-то необычное и неправильное было в том, что так много народа сновало туда-сюда посреди ночи. «Должно быть, это Хаксус, — подумал он. — Его правитель решил использовать смерть Ашарны в своих целях и вернуть себе северную часть королевства».

Несколько человек болтались возле входа в королевские покои. Большинство из них стояли молча и были бледнее мраморных статуй. «Боже, неужели это война!»

Он вошел в темную спальню и увидел там свою сестру и Оркида, обсуждавших что-то возле большого стола. Арива заметила его и шагнула вперед, чтобы встретить. Ее волосы были гладко зачесаны назад и убраны в некое подобие конского хвоста, одета она была в короткие полотняные штаны, кожаную куртку и сапоги для верховой езды. Обыкновенно принцесса одевалась так, собираясь на тренировки по фехтованию. Глаза ее были глубоко запавшими и красными от воспаления.

Сперва Олио краем глаза заметил тело, распростертое позади стола. В первые секунды он ничему не удивился, но потом узнал длинный голубой плащ, спадавший с широких плеч мертвеца. Он шагнул вперед и разглядел залитый кровью пол.

— Олио, — начала было Арива, однако он отвернулся от нее и зарыдал. Арива молча выждала, пока ему удалось взять себя в руки, подошла ближе и обняла его за плечи.

— Боже м-м-мой, — всхлипнул он. — Эт-т-того н-не м-м-может быть...

— Ты нужен мне, Олио, — спокойно произнесла она. — Успокойся.

Он выпрямился. Теперь он увидел бледность ее лица.

— Когда? Кто?

Арива обернулась к подошедшему Оркиду. Плащ канцлера и его руки были в крови. Его ногти казались черными. Невольно Олио отступил от него назад.

— Кто это сделал? — спросил он.

Оркид опустил глаза.

— У нас есть причины подозревать, что это дело рук принца Линана, ваше высочество.

— Нет! — почти бессознательно выкрикнул Олио. — Это н-н-невозможно. Линан не мог этого сделать.

Он обернулся и взглянул на сестру.

— Арива, ты же з-з-знаешь, что это н-н-невозможно...

— Олио, послушай меня. Я тоже сперва отказывалась в это поверить, но доказательства ошеломляют. Выслушай канцлера.

Она кивком дала понять Оркиду, что можно продолжать.

— Мы считаем, что существовал заговор между Линаном и коннетаблем королевской гвардии.

— И Камаль тоже?..

— А кроме того, слуга Линана и тот горбатый капитан, которого исцелила наша матушка, — вмешалась Арива. — Вне всяких сомнений, в заговор были вовлечены и другие, — но пока мы не можем в точности сказать, кто именно. Все, что нам сейчас известно, это то, что Камаля, горбуна и Линана видели, когда они бежали из дворца, и с ними была еще молодая женщина.

— Молодая женщина?

— Нам пока что неизвестно ее имя — однако, судя по описаниям ее одежды, она принадлежит к теургии магов. Ваше высочество, это они убили четверых стражников. У меня есть свидетель. Слуга Линана также погиб в этой схватке.

— Все это ничего не проясняет, — тихо сказал Олио.

К нему подошел Оркид и положил руку на его плечо.

— Произошло ужасное преступление, и оно тем хуже, что до сих пор не задержаны преступники. Мы все испытываем потрясение, однако теперь ваша сестра является королевой Кендры. Безусловно, ей понадобится ваша помощь, поддержка вашей твердой руки. Позвольте нам с Деджанусом заняться поимкой убийц.

Арива обняла ладонями лицо Олио, заставив его таким образом взглянуть ей в глаза.

— Олио, весь мир для нас теперь перевернулся. Сперва смерть нашей матушки, а теперь еще вот это. Однако я не стану уклоняться от своих новых обязанностей, и тебе не пристало этого делать. Ты владеешь Ключом Сердца — а королевству всегда будет нужна помощь в исцелении от недугов.

Олио безропотно кивнул. Он еще раз взглянул на тело своего брата, все еще пытаясь осознать то, что произошло.

— Что... чего ты теперь от м-м-меня хочешь?

— Оставайся возле меня, брат мой, — проговорила Арива. — Просто будь рядом со мной.

Она склонилась над братом, и до его сознания дошло, какие чувства она должна была испытывать в эти минуты. Его руки обвились вокруг ее шеи.

— Я всегда с тобой, сестренка, — мягко ответил он.

* * *

Глаза всех присутствовавших были устремлены на Линана. Он вполне сознавал все недавно высказанное и понимал, что за него говорили его страх, ярость, растерянность. Но он понимал также и то, что невольно высказал желания собственного сердца. Его самого это удивило не меньше, чем его спутников.

— Я собираюсь получить то, что по праву принадлежит мне, — с убеждением произнес он. Он взглянул на Камаля. — А когда я этого добьюсь, тогда я позволю тебе поступить с Деджанусом по твоей воле.

Камаль несколько мгновений пристально вглядывался в лицо юного принца, затем медленно кивнул.

— А что будет с Оркидом?

— Его ты оставишь мне, — произнес Линан.

Камаль одобрительно улыбнулся. Линан впервые за эту трагическую ночь ощутил, что в его душе затеплилась надежда.

— Простите меня, пожалуйста, — кротко вмешалась Дженроза, — но каким образом вы намереваетесь провозглашать свои законные права, если в эти самые минуты королевская гвардия, возможно, прочесывает город в поисках вашего убежища? И что прикажете делать мне в то время, как вы вдвоем будете строить планы падения заговорщиков?

— Первое, что необходимо сделать вам всем, так это исчезнуть из Кендры, — заявил Грапнель.

Линан заметил выражение ужаса в глазах Дженрозы.

— Простите меня, — обратился он к ней. — Это я виноват во всем, что произошло...

— Не нужно извинений, — возразила она. — Я-то знаю, что вы ни в чем не виноваты. Однако мне вполне хорошо жилось в качестве студентки, и меня вовсе не приводит в восторг мысль о том, что остаток жизни предстоит провести в бегах вместе с тремя людьми, объявленными вне закона. Тем более, если один из них — принц крови, голову которого определенные люди хотели бы снять с его плеч, а двое других так же не привлекают к себе внимания, как парочка выбросившихся на отмель китов.

Грапнель расхохотался, ударил огромной ладонью по столу, расплескав пиво из кружек.

— Ну что за веселая у нас складывается компания!

— У нас? — переспросил Камаль.

— Конечно. Для того, чтобы бежать из Кендры, вам просто необходима моя помощь. Один из моих кораблей как раз стоит в порту. Я смогу тайно вывезти вас из города.

— Ты и так уже достаточно для нас сделал хотя бы тем, что предоставил нам убежище этой ночью. Я не хочу больше подвергать тебя опасности, мой друг, — произнес Камаль.

— Вы подвергли меня опасности уже тем, что пришли сюда. И благополучно вывезти вас из Кендры — в моих интересах.

— Но куда же нам можно благополучно выбраться? — спросила Дженроза. — Куда Линан, да и все мы, можем отправиться, чтобы оказаться в безопасности?

— В безопасности? — Грапнель задумался. — Возможно, что какое-то время вы нигде не будете чувствовать себя в полной безопасности. Однако должно найтись место, в котором вы сможете остаться, пока не пройдет самое опасное, самое ближайшее время.

Линан с глубоким вздохом достал из-под туники Ключ Союза. Он мрачно посмотрел на свое наследие, от его недавней бравады не осталось и следа. «Мне хотелось бы никогда не видеть этой бесполезной штуки», — подавленно подумал он.

— А какую позицию займет Арива? — спросил у Линана Грапнель.

Линан с удивлением взглянул на него, ошеломленный чувством собственной вины. Его так затянула собственная беда, что у него и минуты не нашлось для мыслей об Ариве и Олио. Одна ли судьба была уготована заговорщиками для всех наследников трона? Если так, то они, безусловно, должны были быть уже мертвы к этому моменту. С его губ сорвался невольный стон.

— Я боюсь... Я боюсь, что их могли убить так же, как Береймy. Одному мне удалось спастись благодаря судьбе и отваге моего слуги...

Его голос сорвался. В его ушах вновь прозвучал предсмертный крик Пайрема, когда тот упал, сраженный мечами стражников.

— Он был верным слугой, — кивнул Грапнель. — Однако вы можете заблуждаться относительно своих родственников. Заговорщикам должно быть известно положение дел в королевстве, не говоря уже о Двадцати Домах — один из которых, возможно, нацеливается на трон. Им нужен кто-нибудь из рода Розетемов, хотя бы один из наследников королевы. О других претендентах я ничего не могу сказать.

— Но не хотите же вы сказать, что Арива или Олио были причастны к убийству Береймы! — воскликнул Линан. Он взгля-

нул на Камаля, ища поддержки, однако выражение лица коннетабля было непроницаемым.

Грапнель пожал плечами:

— Я не умею читать людские мысли, принц Линан. Все, что я могу вам сказать, так это, что, по моему мнению, заговор должен быть достаточно широк и включать в себя не одних только Оркида с Деджанусом. Заговорщики непременно должны посадить на трон либо Ариву, либо Олио. В королевстве должен существовать правитель, которого признает народ, — а иначе скоро не станет и самого королевства.

— Арива?.. — громко произнес Линан, обращаясь скорее к самому себе, нежели к остальным. — Но не могла же она убить Берейму!

— Некоторые люди больше всего на свете любят власть, ваше высочество, — угрюмо заметил Камаль.

На несколько мгновений в комнате повисло тягостное молчание. Наконец Грапнель с тяжелым вздохом поднялся с места.

— Все вы этой ночью должны оставаться здесь. Завтра утром я выйду из дома и погляжу, что там происходит. После этого нам будет легче решить, что делать дальше.

Грапнель принес несколько тряпок и чистую воду, чтобы промыть рану Камаля, затем достал откуда-то несколько одеял, чтобы его гости могли устроить себе что-то вроде постелей перед огнем на полу. Все четверо пытались отдохнуть за остаток ночи, однако слишком много произошло событий, слишком много им пришлось пережить потрясений, так что поначалу сон к ним не шел. Еще какое-то время они переговаривались между собой, но натянутый и горький разговор в конце концов прекратился сам по себе.

Линан, замерший в тишине, пытался разобраться во всем, что происходило с ним за последние дни. Из незаметного, никому не известного сына отдалившейся от него матери и давно умершего отца он неожиданно превратился в наследника, в принца Кендры, величайшего королевства, какое только знала история. Затем ему пришлось молить о том, чтобы королевская семья определила будущее своих отношений, и в конце концов он оказался изгнанником в собственной земле.

Самым несправедливым ему казалось теперь, что все случившееся с ним происходило как бы само по себе, без всякого намека на его пусть даже молчаливое согласие. Он был крохотной беззащитной лодочкой, швыряемой безжалостным штормом, которая пыталась остаться на плаву среди политических интриг, не имея ни карты, ни

компаса. Он плыл по воле волн, то и дело рискуя пойти ко дну, и у него не было никаких средств, чтобы каким-то образом изменить свое положение.

Размышляя так, он ощутил, как в его душе начало разгораться нечто новое. Это был гнев — но не в виде внезапно вспыхнувшей эмоции под влиянием потери душевного равновесия, а в виде мощного протеста против огромной несправедливости, обрушенной на него всем миром, которому не было дела до того, будет ли он жив или погибнет.

Это был благотворный гнев, способный стать твердым основанием, на котором можно было бы начать строить собственную жизнь сообразно своим собственным представлениям о том, какой она должна стать. И Линан ухватился за это ощущение, как за спасительную соломинку.

Даже когда вновь обретенная мысль прочно заняла место в его сознании, он продолжал удивляться той иронии, которая в ней заключалась. Ведь прежде, чем он смог бы сделать что-нибудь для себя, ему потребовалось найти путь, который вывел бы его из нынешнего затруднительного положения, — и благодаря этому обстоятельству он вновь зависел от действий и позиции других людей.

Сможет ли он когда-нибудь отплатить им за их преданность, спросил он мысленно сам себя, и тут же ему пришел ответ. Конечно, сможет — если утвердится в правах, принадлежащих ему по праву рождения.

В конце концов он понял, что единственный путь для каждого из них вновь оказаться в безопасности заключался в том, чтобы он вернул себе все то, чего оказался лишен.

ГЛАВА 12

— Мне вовсе не нужны ваши симпатии, — спокойно произнесла Арива.

Человек, стоявший перед ее столом, был самым главным украшением пышно убранного кабинета. Он являлся прелатом магов, главой всех существовавших теургий, и теперь он с волнением сглотнул комок, подступивший к горлу. Первая аудиенция Эдейтора Фэнхоу у новой королевы проходила вовсе не так хорошо, как ему бы этого хотелось. Вместо того, чтобы принять его в тронном зале, как он мог ожидать, его проводили в новый личный кабинет коро-

левы — в тот самый кабинет, где был убит король Берейма, как будто остатки засохшей на полу крови могли служить неким таинственным знаком. По обеим сторонам стола стояли стражники, двое других стражников охраняли двери. Фэнхоу думал, что соболезнования по поводу трагического и жестокого убийства Береймы могли бы смягчить ледяной взгляд, которым королева встретила его, когда он только ступил на порог кабинета. Он взглянул на Олио, словно ища у него сочувствия, однако лицо принца выглядело окаменевшим.

— Все, чего я хочу от вас, это помощи в поисках моего брата — объявленного вне закона принца Линана, — продолжала Арива. — Можете ли вы оказать такую помощь?

Эдейтор развел руками. При этом движении его плащ распахнулся и скользнул за спину, и теперь он горячо желал, чтобы оказался одетым менее официально, когда за ним перед рассветом явился посыльный от Аривы.

— Должен сказать вам, ваше величество, что это не такая простая задача. Наше искусство зависит от столь многих условий, от столь многих нюансов...

— Да или нет, прелат? — перебила его Арива. — У меня нет времени для того, чтобы выслушивать ваши объяснения. Возможно ли, чтобы один из ваших магов проследил все передвижения Линана с прошедшей ночи или сейчас же обнаружил его местонахождение?

Эдейтор хотел было вновь развести руками, однако вовремя удержался от этого жеста.

— Я не могу дать вам такого простого ответа. Для начала я должен посовещаться с моими коллегами, руководителями всех пяти теургий. Самому мне ясно лишь то, что невозможно исполнить ваше желание без многих серьезнейших приготовлений. Тем не менее нам постоянно удается открывать новые магические формулы, заклинания, новые пути поиска...

Арива внимательно посмотрела на свои руки, лежавшие крепко сцепленными на поверхности стола. Никогда в жизни ей еще не приходилось испытывать подобную усталость. В ближайшие несколько часов предстояло сделать слишком многое, а в ее окружении было чересчур мало людей, к которым она могла бы обратиться за помощью. Конечно, она не сомневалась в том, что Оркид и Олио окажут ей любую необходимую поддержку, в какой она только будет нуждаться, — однако прекрасно понимала, что этого так или иначе будет недостаточно. Кому из самых почтеннейших горожан, кому среди глав цехов, ремесленников, торговцев, генералов и адмиралов,

кому из Двадцати Домов, кому из представителей теургий могла бы она доверять?

— Хорошо, прелат. Если это так, то посовещайтесь с вашими коллегами, — произнесла она наконец. — Однако возвращайтесь ко мне с ответом сегодня же до полудня.

Олио кивнул Эдейтору, и тот понял значение жеста.

— Конечно, ваше величество. Сейчас же отправлюсь и буду у вас до полудня.

Он опрометью выскочил из кабинета.

Арива глубоко вздохнула и откинулась на спинку кресла.

— Бесполезно. Абсолютно бесполезно. Как только ему удалось стать прелатом магов? Мне доводилось встречать новообращенных, обладавших гораздо большими умственными способностями, чем он.

— В-в-вот именно поэтому он и стал прелатом, — отозвался Олио без малейшего намека на цинизм. — Зачем было магам ставить над собой кого-нибудь, д-д-достойного истинного уважения и обладающего настоящей в-в-в-ластью, если в этом случае они не смогли бы з-з-заниматься своими опытами? По общим отзывам Фэнхоу является вполне п-п-посредственным астрологом, но хорошим администратором. Н-н-никто не возражал п-п-против того, чтобы облечь его властью, и его честно избирали тайным голосованием.

— Астрологом? Он был членом Теургии Звезд? — переспросила Арива. — Оттуда же вышла и эта женщина, вместе с которой бежал Линан...

Она поискала среди бумаг на столе записку Деджануса, в которой было указано имя женщины.

— К-к-когда Фэнхоу сделался п-п-прелатом, Дженрозе Алукар исполнилось в-в-всего пять лет. Я сомневаюсь в том, что он имеет к ней к-к-какое-нибудь отношение, — как, впрочем, и к своей старой теургии.

Арива устало кивнула.

— Конечно, ты прав.

— Ты слишком измучена, — заметил Олио. — Т-т-тебе необходимо найти м-м-момент для отдыха.

— Да, однако не сейчас. Мы должны обеспечить безопасность трона. — Она взглянула на брата. — А это означает взять под стражу Линана. Пока он жив, продолжает существовать заговор.

Выражение лица Олио стало напряженным. У него не было ответа на обвинения Оркида, однако все, что ему пришлось допустить посреди ночи, что вызвало в нем так или иначе сожаление, теперь, в свете нового дня, представлялось ему абсурдным.

Прежде чем он нашелся с ответом, двери кабинета отворились, и вошел канцлер. Арива пристально взглянула на него:

— Какие новости?

— Никаких, ваше величество. Деджанус руководит гвардией в поисках по городу, однако в Кендре достаточно мест, где можно укрыться. Никому не известно, сколько времени ваш брат со своими друзьями-изменниками планировали это покушение. У них вполне может оказаться наготове не меньше десятка убежищ.

Он положил перед ней на стол тонкую книжицу в кожаном переплете.

— Вот список, который вы просили составить.

— Что за список? — с любопытством спросил Олио.

— Список тех, у кого могли быть причины для того, чтобы оказаться вовлеченными в заговор и свергнуть Берейму, — вместо канцлера ответила Арива и раскрыла список.

Олио заглянул через ее плечо и быстро просмотрел первую страницу. Пораженный, он отшатнулся.

— Оркид, не может быть, чтобы это было серьезно! Все эти люди всю ж-ж-жизнь были п-п-преданы трону и королевству!

— Они были преданы вашей матушке, ваше высочество, а это отнюдь не одно и то же, — ответил Оркид. — В любом случае этот список не указывает в точности на изменников, в нем содержатся лишь имена тех, о ком доподлинно известно, что они испытывали недоброжелательство по отношению к последнему королю, к вашей сестре либо к вам самому.

На мгновение Олио потерял дар речи. Оркид никак не мог составить этот список за последние несколько часов. Однако канцлер решительно и твердо смотрел на принца, и Олио пришлось отвести взгляд.

— Кселла Поввис? — удивленно спросила Арива, указывая на имя на следующей странице. — Глава гильдии купцов? Но мне достоверно известно, что они с Береймой были добрыми друзьями. Как сюда попало ее имя?

— Да, они с вашим братом действительно были добрыми друзьями. Однако я знаю, что она несколько раз высказывала недовольство в ваш адрес и критиковала политику, которую ваша матушка проводила в последнее время в отношении субсидирования кораблестроения.

— Но это же смехотворно! — с жаром произнес Олио, все еще не решаясь встретиться взглядом с Оркидом.

— Вполне может оказаться, что ее высказывания не имеют значения, — терпеливо согласился Оркид. — Однако даже если

я в чем-то ошибаюсь, мне не придется стыдиться своих заблуждений. В мои обязанности входит служить вашей сестре, а не угождать из вежливости членам общества. В этот список я включил имена всех тех, о ком мне достоверно известно, что в каких-либо вопросах эти люди не согласны с позицией Дома Розетем.

Арива вздохнула.

— Очень хорошо, Оркид. Благодарю вас за усердие. Я ознакомлюсь с этим документом и непременно дам вам знать о том, какие действия я сочту необходимыми.

Она взглянула на тень от часовой стрелки возле окна кабинета.

— На ближайшее время у меня назначена встреча с примасом Нортемом.

Брови Оркида удивленно взлетели вверх.

— Это касается приготовлений к обряду похорон Береймы, — раздраженно добавила она.

Оркид смиренно опустил глаза.

— Да, разумеется, ваше величество. Я буду постоянно сообщать вам, как развиваются события, связанные с поисками принца Линана.

Арива встала из-за стола:

— Да, я прошу вас об этом. — Она повернулась к брату. — Олио, я думаю, будет лучше, если ты пройдешь со мной. В конце концов, эта встреча с примасом — наше семейное дело.

Оркид уже собрался было выйти, однако Арива вернула его.

— Кроме всего прочего, канцлер, я хотела бы получить Ключ Скипетра. Он все еще был на шее у Береймы, когда он... когда его тело... когда его тело унесли.

— Значит, Ключ должен быть до сих пор на его теле. Я отдам приказ, чтобы его немедленно сняли и принесли вам.

Когда Оркид вышел из кабинета, Арива прошептала на ухо Олио:

— Потому что без этого Ключа какой же властью может обладать любой из нас?

Линан не имел ни малейшего представления о том, когда ему удалось заснуть. Он помнил только, что он бодрствовал дольше, чем остальные, потому что слышал раздававшиеся рядом храп и чье-то сопение и еще подумал, какими громкими были эти звуки. Прежде ему не приходилось спать в одной комнате с кем-то другим, и теперь он находил это чрезвычайно раздражающим. Кроме того, он запомнил, как в конце концов погас огонь в камине, и комната оказа-

лась погруженной в смертный мрак. Но ему показалось, что вот только что он вглядывался в кромешную тьму, а в следующий момент уже щурился от заливавшего комнату яркого солнечного света.

Он сел, протер глаза и невольно застонал от того, что в сознании сразу же всплыли все события предыдущего дня.

Появилась Дженроза, подошла к нему, и в его руках оказалась кружка с горячим сидром.

— Выпейте это. А потом, когда вы будете уже в состоянии натянуть башмаки, в кухне вас будет ждать каша. Однако она не может вечно оставаться теплой.

Линан жадно выпил сидр пересохшими от жажды губами и последовал за Дженрозой в кухню. На плите стоял большой котел с какой-то странной серой и клейкой на вид массой, которая еще кипела. Он положил немного этой серой массы в миску, протянутую ему Дженрозой, и сразу набил полный рот. На вкус каша оказалась лучше, чем на вид.

— Это, оказывается, вкусно, — пробормотал он Дженрозе, накладывая себе еще порцию каши.

— Только не надо благодарить меня, — отозвалась она. — Это дело рук Камаля.

— А где он сам? И где Эйджер и наш хозяин?

Словно отвечая на его вопрос, через заднюю дверь вошли Камаль и Эйджер с большими охапками дров.

— Грапнель отправился послушать, что говорят на улицах, — сказал бывший коннетабль гвардии. — Он скоро должен вернуться.

Вслед за Камалем Линан направился в комнату и помог ему развести огонь в камине. Вдвоем они посмотрели через окно на узкую улочку.

Через дорогу напротив располагалась лавка булочника с прилавком на улице; торговля шла уже довольно бойко — вдоль улочки к прилавку вытянулась небольшая очередь.

— Я все думаю о том, что могло случиться с Аривой и с Олио, — с несчастным видом вслух произнес Линан.

— Что бы ни произошло, мы не в силах ничем им помочь, — отозвался Камаль. — Так или иначе, сейчас мы обо всем узнаем. Вот возвращается Грапнель.

Отворилась парадная дверь, и вошел Грапнель. Он плотно запер за собой дверь, убедился в том, что она закрыта крепко, и махнул рукой, призывая Линана и Камаля отойти от окна. Дженроза и Эйджер, услышав, что вернулся Грапнель, присоединились к

своим друзьям. Грапнель по очереди вгляделся в их лица, и мрачное выражение его собственного лица заставило замереть сердца всех четверых гостей.

— Хороших новостей я не принес. Говорят о том, что принц Линан убил Берейму, а затем был вынужден бежать из дворца, прежде чем он смог убить Ариву и Олио. Теперь королевой стала Арива; первое, что она приказала, — это разыскать вас и доставить к ней, дабы свершить над вами правосудие.

— Бог мой! Арива участвовала в заговоре!

Грапнель пожал плечами.

— Конечно, возможно и такое. Однако не забывайте, что Оркид с Деджанусом вполне могли изложить ей все дело своих рук, повернув действительность любым выгодным для них образом. Возможно, что на ней самой нет никакой вины, однако она поверила в вашу виновность в этом ужасном преступлении.

— Если так, то я должен увидеться с ней, — взволнованно произнес Линан. — Я смогу раскрыть ей всю правду.

Он подхватил с пола свой плащ и метнулся к двери.

— Чем скорее я отправлюсь к ней, тем...

Грапнель удержал его за руку.

— Самое худшее, что вы можете сейчас сделать, это попытаться увидеться с королевой, — сказал он. — Будьте уверены, что Деджанус этого не допустит. Он доставит ей ваше тело с отделенной от него головой. Даже Камаль не в состоянии сейчас помочь вам беспрепятственно пройти мимо королевской гвардии. Стражники и без того пострадали: их вина в том, что они не сумели спасти Берейму, и теперь все они настроены обелить себя не только тем, что убьют вас и Камаля, но еще и тем, что не допустят до королевы никого без ее особого дозволения.

Грапнель обернулся к Эйджеру и Дженрозе.

— Им известно, что вам удалось скрыться вместе с принцем. Их полномочия распространяются на всех вас четверых. Королевская гвардия уже начала осматривать дом за домом. К счастью, пока стражники сосредоточены на особняках и прочей собственности Двадцати Домов — по-моему, они убеждены в том, что ваш «заговор» каким-то образом связан с аристократией.

— Ты уже успел что-нибудь придумать? — спросил Камаль.

Грапнель утвердительно кивнул.

— Взгляни на улицу, — сказал он, указав на окно.

Камаль подошел к окну и увидел длинную повозку, закрытую плотной непромокаемой тканью, стоявшую на противопо-

ложной стороне улицы возле открытого склада. В повозку была впряжена одна из самых невзрачных кляч, какую только можно было найти во всей Кендре.

— Надо понимать так, что это твое хозяйство, — задумчиво произнес Камаль.

— Да мое, и оно переполнено тюками с одеждой. У меня есть корабль, который нынче утром должен отправиться в Чандру, а здесь последняя партия товаров, которые должны быть на него погружены. Я провезу вас в доки спрятанными под покрытием.

Линан взглянул на Грапнеля:

— Значит, мне придется покинуть город?

— У вас нет другого выбора, — спокойно ответил Грапнель. — Вам сейчас необходимо найти такое место, в котором вы сможете остаться в безопасности, хотя бы ненадолго, чтобы вам хватило времени спланировать ваши дальнейшие передвижения.

— Однако нет сомнений в том, что кто-то будет наблюдать за доками, — сомневаясь, произнес Камаль.

Грапнель рассмеялся.

— Конечно. Угорь по имени Шехир, сопливый доносчик, который выполняет время от времени случайные тайные поручения канцлера, уже дожидается там подходящего случая для очередного доноса. Стоит ему увидеть вас, как он тут же со всей мочи побежит в ближайшее отделение гвардии.

— Так что же тогда нам останется делать? — спросила Дженроза.

— Как только вы окажетесь на борту моего корабля, Шехира сдует с места, точно ветром. Тогда мы пересадим вас в одну из корабельных шлюпок. Там есть парус, и этой лодчонкой легко будет управлять при любом ветре. Вы сможете придерживаться линии берега до тех пор, пока не отойдете на достаточное расстояние от города. Кроме того, сам корабль будет держать курс на северо-восток, и, надеюсь, что он привлечет все внимание к себе.

— Но мне ничего не известно об управлении шлюпками! — воскликнул Линан.

— Я знаю, как в одиночку управляться с лодкой, — задумчиво произнес Эйджер. — Мне приходилось работать вторым офицером на слишком многих торговых судах, чтобы этот опыт позабылся.

— А я неплохо разбираюсь в навигации, — гордо сообщила Дженроза.

— Все это прекрасно, однако куда же мы отправимся?

Грапнель пожал плечами.

— У меня нет ответа на этот вопрос, ваше высочество. Но у вас слишком мало времени для того, чтобы оставаться в Кендре.

Ключ Скипетра ярко блестел в солнечном свете нового дня. Оркид держал его за цепочку и не переставал восхищаться его массивностью и четко выраженной красотой его простых форм.

— Ключ к власти, — тихо пробормотал он и плотно зажал Ключ свободной ладонью. — В нем заключена возможность разрушить королевство, а потом сотворить его заново.

Он прикрыл глаза, напоминая себе, что необходимо сохранять терпение. Слишком много времени ушло на составление планов, а теперь настал момент их воплощения: события приближались к своему завершению. Теперь Оркиду было трудно удержаться от того, чтобы не форсировать их, а дать возможность ситуации развиваться своим чередом.

Но история не должна вершиться в суете. Народ Амана слишком долго дожидался этого, он способен подождать и еще несколько лет.

Канцлер разжал руку и только тогда заметил на ладони следы засохшей крови, которая покрывала Ключ. Удивленный тем, что до сих пор не обратил на это внимания, он что-то проворчал себе под нос. В конце концов он своими руками снял Ключ с окровавленной шеи Береймы после того, как тело вынесли из кабинета. Оркид вытер руку об одежду и хотел было обтереть сам Ключ, однако тотчас же передумал.

Арива хочет владеть этим Ключом — значит, она его получит, получит окровавленным. Это послужит ей предупреждением, если только она достаточно умна, чтобы осознать это.

Он положил Ключ обратно в кошель на поясе. Когда он впервые взял его в руки, он невольно ожидал, что почувствует его могущество, его влияние на окружающий мир. Однако ничего подобного не произошло. Оркид затянул кошель, укрыв Ключ, и еще раз подивился, едва ли не сомневаясь в возможностях амулета. Когда Ашарна получила все четыре Ключа Силы, он был абсолютно уверен в том, что все вместе они обладают великим могуществом. Тогда он считал, что это могущество исходит от главного Ключа, того самого, что сейчас находился у него. Однако в его ладони этот Ключ выглядел всего лишь симпатичной золотой безделушкой. Неужели он являлся только неким символом? Оркид пожалел о том, что ему не удалось убедить Ашарну отказаться от исполнения традиции и передать все Ключи Берейме вместо того, чтобы распределить их между всеми ее

детьми. Если бы это ему удалось, то многое стало бы гораздо проще и легче.

Однако он тут же отогнал эту мысль. Слишком многое еще предстояло сделать, а маленький Линан, несчастный одураченный сирота, все еще оставался на свободе. Тщательно разработанный план был осуществим лишь до тех пор, пока принц не спасся — а самым худшим в его бегстве было то, что его сопровождал Камаль. Оркид гораздо больше боялся Камаля, чем Линана. Слишком многие люди в королевстве уважали коннетабля гвардии, а его репутация отличного солдата уступала разве что репутации генерала Элинда Чизела.

Но следовало надеяться на то, что королевская гвардия в теперешнем ее состоянии сумеет быстро расправиться с ним. Эти стражники готовы пойти на что угодно, лишь бы отомстить за смерть Береймы и доказать свою преданность Ариве.

Оркид мрачно улыбнулся. Он подумал о том, какая ирония содержалась во всем случившемся: Арива в одно мгновение сделалась новым Ключом Силы. Его улыбка чуть смягчилась. Арива стала единственным ключом, от которого он никогда не откажется.

Ашарна отдала во владение примасу Гиросу Нортему западное крыло дворца. Несмотря на то, что сама она не верила в бога, Ашарна хорошо понимала, какое благотворное влияние оказывали священнослужители на большинство населения Кендры.

Бог, которого все они почитали, был на самом деле чрезвычайно отдаленной от действительности сущностью, давным-давно выросшей из некоего первобытного духа неба, совсем не похожей на божества, которым поклонялись в отдаленных и менее цивилизованных провинциях королевства. Истинное имя этого божества было известно лишь примасу да еще избранному им самим его преемнику, а основной целью религии, развившейся вокруг этого бога, было утешение страждущих и нуждавшихся, избавление от нищеты и достижение комфорта. В конечном итоге это сделало религию Подлинного Бога неоценимым подспорьем в долгой борьбе, которую вела Ашарна за разрушение рабства в подвластных ей землях, — в той самой борьбе, которая унесла жизни двух ее последних мужей.

Кроме того, сама Ашарна отнюдь не была до конца уверена в том, что священнослужители ошибались в отношении существования этого божества. Ну а если оно и на самом деле существовало, то оно тем более не должно было нанести никакого вреда своим служителям.

Нортем превратил пожалованное ему пространство в западном крыле дворца в прохладный сад, своеобразный оазис, отдаленный от обычной дворцовой суеты. Самые большие и просторные помещения были отведены для дворцовой часовни, а остальные, расположенные по сторонам, — под библиотеку, трапезную и под кельи священнослужителей.

Арива и Олио встретились с примасом Нортемом в его личном кабинете; но как только было оговорено все, что касалось церемонии погребения Береймы, все трое вышли в сад и устроились под большим деревом, раскидистые ветви которого защищали их от поднимавшегося солнца.

— Главный вопрос для меня состоит в том, кому можно доверять, — обратилась Арива к Нортему. — Я не была настолько близка к матушке, как Берейма. Я не знаю, кто был ее ближайшими доверенными лицами, не знаю, с кем она имела обыкновение советоваться. Так много предстоит сделать, а я не уверена ни в ком и не знаю, на кого можно положиться.

— Вы никому не доверяете? — слегка удивленно переспросил Нортем.

Арива усмехнулась.

— Я доверяю Олио и Оркиду. И, конечно же, вам.

Нортем кивнул.

— Может быть, я и на самом деле могу вам чем-нибудь помочь, хотя я никогда и не был членом придворного общества как такового. — Он взглянул на Олио. — Вы сделали верный выбор, оставшись преданной своему брату. Я думаю, что он честный и прямой человек с добрым сердцем.

Олио улыбнулся и слегка насмешливо поклонился примасу.

— Вы чрезвычайно великодушны.

— Что же касается всех остальных... — Нортем ненадолго задумался. — У меня слишком мало общего с канцлером, однако мне известно, что он пользовался неограниченным доверием вашей матушки. Кроме того, я всегда находил достойной женщиной Кселлу Поввис из города...

Он заметил, как переглянулись Арива и Олио, и замолчал, потом спросил:

— Что-нибудь не так?

Арива быстро покачала головой.

— Нет-нет, я тоже всегда чувствовала, что этой женщине можно доверять.

— Я тоже, — согласился с ней Олио, бросив на сестру взгляд, значение которого осталось непонятным Нортему.

Примас удержался от того, чтобы пожать плечами, и продолжал:

— Мне известны двое магов в теургиях, которые неподкупны. Прелат Фэнхоу отличается удивительной честностью, однако тяготеет к формальностям.

— А кого вы могли бы назвать из Двадцати Домов? — спросила Арива.

— Там все и хорошо, и плохо, как вы сами понимаете. Многие из старшего поколения Двадцати Домов... слишком привыкли к вашей матушке. Я думаю, что с их стороны вы можете ожидать всяческих проявлений доброжелательности и преданности благодаря памяти о покойной королеве, хотя бы и ненадолго. Что же касается младшего поколения, то многое будет зависеть от того, каким образом вы станете подключать их к управлению. Мне думается, что некоторые из них страдают излишними амбициями. Это может послужить вам на пользу, однако за ними нужен глаз да глаз.

Казалось, у Аривы возник еще какой-то вопрос, однако она сочла за лучшее промолчать.

— О чем еще вы хотели бы спросить меня, ваше величество? — мягко поинтересовался Нортем.

— Мне необходимо быть уверенной в собственной безопасности, — ответила она. — Слишком многое предстоит сделать, однако мои действия несомненно, будут ограничены, если мне придется беспокоиться о том, что происходит за моей спиной.

— Это бремя суждено нести любому правителю, — произнес Нортем.

— У моей матери не существовало внутренних врагов.

Нортем добродушно рассмеялся.

— Да, вы правы — однако это относится, пожалуй, лишь к последним пятнадцати годам ее правления. Первые же десять лет для нее были сопряжены с постоянной опасностью. Интриги среди Двадцати Домов, внешние враги, вступавшие в заговоры с врагами внутренними. Ну и, конечно, рабовладельцы. Ашарна весьма упорно добивалась того, чего хотела, но по временам оказывалась абсолютно беспомощной в делах управления.

И так до тех пор, пока наконец абсолютно все не доросли своим сознанием до того, чтобы признать ее несомненные качества как королевы. Только из этих обстоятельств, а вовсе не от того, что она унаследовала трон, родилось ее право управлять королевством.

Арива понуро кивнула. Всем своим сердцем, всем своим сознанием она ничего не желала так, как служить своему королевству. Однако ее угнетала мысль о том, что ей, может быть, пришлось бы доказывать свои права годами, а то и десятилетиями.

Нортем мягко коснулся ее руки.

— Вот что я мог бы вам предложить. Возродите Королевский Совет. В первые годы своего правления ваша матушка сделала подобный шаг. Назначьте в Совет всех тех, кто обладает определенным влиянием или реальной властью: представителей Двадцати Домов, ремесленников, военных, членов теургий, ваших главных чиновников. Дайте им всем понять, что они собрались именно для того, чтобы давать советы, а не подменять вашу власть. Пусть каждый из тех, чью позицию вы будете считать враждебной для вас, поймет, что ваш неусыпный взгляд наблюдает за его действиями. Спустя несколько лет, когда вы обретете большую уверенность в себе и в избранном вами пути, когда вы приблизите к себе тех, кто в действительности окажется преданным королевству, вы сможете консультироваться с Советом по все более и более незначительным делам — и вскоре членство в нем станет не более чем почетной обязанностью. А вы таким образом приблизите к себе наиболее избранных.

— Мне по душе ваш совет, — сказала Арива, чуть подумав. — Вы конечно, должны стать одним из членов этого собрания.

Нортем казался застигнутым врасплох.

— Не место для духовенства в столь интимной обстановке так тесно связываться с политическими делами...

— И тем не менее в этом случае вы станете исключением из правил. Мне необходимо, чтобы рядом со мной были мои друзья.

Нортем заметил в глазах Аривы решимость и развел руками.

— Конечно, если таково ваше повеление.

— Это просто мое желание, — со всей возможной вежливостью произнесла Арива.

Нортем улыбнулся, его позабавило то, как тщательно она подбирала слова.

— Разве в таком случае я могу отказаться?

В повозке Грапнеля было душно, она тряслась так, что у каждого из беглецов комок подкатывал к горлу. Поэтому к тому времени, когда Линан и его спутники наконец-то добрались до доков, они успели набить достаточно синяков и шишек. На торговое судно

они проскользнули со всеми возможными предосторожностями, скрытые от большинства любопытных глаз огромными тюками хлопка и крытыми клетками, полными пищавших цыплят. Суденышко называлось «Брызги моря», было оно поистине крошечным — не более пятидесяти шагов в длину, а на миделе, в самом широком месте, едва ли достигало дюжины шагов. Посредине палубы возвышалась единственная мачта, рея и парус были прочно притянуты к ней ремнями для того, чтобы легче размещать груз. На кормовой надстройке весьма скромных размеров находилось место рулевого. На суденышке имелось два люка — один, побольше, располагался перед мачтой, а второй, в который мог бы пролезть только человек, размещался между мачтой и надстройкой.

Невысокий жилистый матрос, запястья которого своими размерами напоминали добрые ляжки, провел четверых беглецов вторым люком на главную палубу, где экипаж корабля занимался передвижением погруженных через основной люк клетей и тюков.

— Теперь подождите здесь, за вами придет либо Грапнель, либо капитан, — сказал матрос с заговорщической ухмылкой. Очевидно, ему весьма нравилось собственное участие в предприятии, направленном на то, чтобы одурачить королевскую гвардию. С этими словами он вернулся на верхнюю палубу, предоставив беглецов самим себе.

Несколько минут они наблюдали за работой матросов, от души любуясь их силой и навыками работы с канатами и снастями. Огромные клетки передвигались с места на место с необыкновенной легкостью, хотя по скрипучим звукам, которые издавали при этом доски палубы, можно было с уверенностью судить об их немалом весе. Камаль переминался с ноги на ногу — не в его характере было оставаться в стороне от работы, которую на его глазах выполняли другие. В конце концов, не выдержав, он шагнул вперед и даже протянул руку, однако один из матросов жестом отправил его обратно на предназначенное для ожидания место. Камаль со вздохом вернулся обратно и продолжил свой незамысловатый танец.

Чуть спустя все четверо услышали, как поднялся парус и зашумел на ветру. Еще какое-то мгновение суденышко покачалось — его малые размеры не позволяли маневрировать так, как это было бы необходимо, — но в конце концов корабль отошел от дока, и город остался позади. Ощущение гололвокружения уступило место чувству легкой качки, которое было менее тошнотворным.

В отверстии люка появилась голова Грапнеля, он позвал их всех на верхнюю палубу. Линан взглянул за корму и увидел

Кендру, удалявшуюся с каждым мгновением. При мысли о том, что он, возможно, никогда сюда не вернется, его охватила тоска.

Грапнель стоял за спиной высокой тучной женщины, бритой наголо, с золотистой кожей.

— Представляю вам капитана Туральер, — произнес он, обращаясь к беглецам, и они обменялись с капитаном короткими приветствиями.

— Шехир заглотил наживку, — продолжал Грапнель, — теперь он спешит во дворец. Скоро мы обойдем мысы, и тогда вы сможете отправиться дальше сами по себе. Будем надеяться, что все внимание наших преследователей будет направлено на «Брызги моря».

— Вас захватит в плен королевский флот, — мрачно предупредил Камаль. — Их корабли намного быстроходнее вашего.

— Да, однако их экипажи не так отважны и опытны. Мы успеем выбраться в Разделяющее море и исчезнем из вида, нас не смогут заметить ни с какого берега, так что им не удастся долго нас преследовать.

— И что ты станешь делать дальше? — спросил Камаль.

— У меня есть друзья в Чандре. На какое-то время я укроюсь там. — Грапнель пожал плечами. — Кто может знать, что суждено в будущем каждому из нас? Мне думается, что ваш путь гораздо более опасен и рискован, чем мой.

— Когда же нам предстоит расстаться? — спросила Дженроза.

— Сразу же после того, как мы обогнем мысы, — неожиданно ответила капитан Туральер; ее голос оказался на удивление нежным для ее могучего телосложения. Она проверила натяжение паруса и направление ветра. — Возможно, что это произойдет меньше чем через четверть часа. Наше судно, «Брызги моря», уже на большой воде, нас преследуют, однако мы неплохо обеспечены продовольствием. Мы сможем поделиться с вами своими запасами, высадим вас в шлюпку и удалимся от вас. С этого момента все будет в ваших собственных руках.

— Интересно, сколько мысов мы должны обогнуть, — задумчиво произнес Эйджер, также проверивший направление ветра.

— У королевского флота всегда стоят в готовности несколько судов, — отозвался Камаль. — В основном они предназначены для курьерской службы. Если Шехир уже успел добраться до дворца, то тревога, возможно, уже прозвучала. Нам следует ожидать погони меньше чем за ближайший час.

 Туральер согласно кивнула.

— Это похоже на правду. Сейчас я распоряжусь, чтобы шлюпку спустили за борт, а вы можете погрузить в нее все, в чем только может оказаться нужда.

С этими словами она отправилась отдавать необходимые распоряжения, а Грапнеля в это же время позвал интендант. Четверка беглецов осталась стоять на месте, чувствуя себя в неловком положении. Они ощущали себя брошенными на произвол судьбы в обстоятельствах, которыми не могли управлять. Все они почти одновременно и остро осознали, что с этой минуты обозримое будущее каждого из них будет находиться в руках остальных; более того, сама жизнь каждого из беглецов становилась теперь зависимой от стойкости и верности других.

— Все же нам следовало бы выбрать место, в которое мы направимся, — спустя мгновение произнес Камаль, глядя на море так, будто в его просторе он надеялся найти ответ на этот непростой вопрос.

Эйджер кивнул в сторону Линана:

— Что скажет ваше высочество?

Линан удивленно поднял глаза. Отчего Эйджер спрашивает его? Ведь и сам он, и Камаль гораздо старше, гораздо опытнее...

— Я... Я не знаю, — с трудом выдавил он. В этот миг ему бросилось в глаза выражение лица Дженрозы, и внезапно он ощутил, что теряет ее расположение. Он перевел взгляд на лицо Камаля — на нем тоже отразилось разочарование; его выражение было таким, будто Линан допустил оплошность во время упражнений с оружием.

Эйджер вздохнул. Он приоткрыл было рот, собираясь что-то сказать, но передумал. Он во все глаза смотрел теперь на грудь Линана. Линан бессознательно наклонил голову и проследил за его взглядом, не обнаружив ничего необычайного.

— В чем дело? Что у нас не так?

— Я старый идиот, — пробормотал Эйджер вполголоса.

— О чем это ты? — спросил Камаль.

Эйджер шагнул вперед и, потянув за цепь, блестевшую на шее Линана, вытащил из-под куртки принца Ключ Единения. Еще мгновение он завороженно смотрел на его сияние в солнечных лучах, потом бережно опустил Ключ обратно.

— Разве не видишь, ты, великий дурень? — едва ли не закричал он, хватая коннетабля за руку. — Вот оно! Ответ все это время был у нас!

— Мне хотелось бы, чтобы ты прекратил говорить загадками, — начал было Камаль, но его перебила Дженроза.

— Да, конечно! Ключ Единения! Провинции!

— И все же о чем вы оба толкуете? — спросил Линан.

— Линан, вы являетесь представителем трона в провинциях, — торжественно объявила Дженроза. — Ключ Единения вручила вам сама Ашарна.

— Не думаю, что Арива и Оркид предоставят его высочеству возможность испытать себя в этом качестве, — не без сарказма вмешался Камаль. — И не могу даже представить себе, чтобы кто-нибудь из вассалов Кендры всерьез допустил такое, а в особенности те, кто находится под каблуком дворца.

— Не все они находятся под каблуком дворца, — спокойно произнес Эйджер. — Кроме того, в королевстве существуют такие области, на которые власть Ашарны никогда полностью не распространялась. Однако в таких местах обладателю Ключа Единения стали бы повиноваться, если бы только он обнаружил себя.

— Под это твое определение не попадает ни один из крупных или даже мало-мальски значимых городов империи, — возразил Камаль. — Может быть, избавление от невзгод нужно искать у причалов Чандры, либо в заросшей лесами дождливой Луризии. А может быть, даже в землях четтов... — По мере того, как он сам осознавал все, о чем говорил, его голос звучал все менее уверенно.

— Да, все это верно, — с уверенностью подтвердил Эйджер.

Тут уже и Линан понял, о чем шла речь.

— Вы хотите сказать, что я должен укрыться в одной из самых нетронутых цивилизацией областей королевства, где Арива не смогла бы найти меня?

— А кроме того, там, куда ее разведчики и армия едва ли смогут проникнуть, — добавил Камаль.

— И еще там вы смогли бы организовать восстание, — тихо произнесла Дженроза.

Трое мужчин в изумлении уставились на нее. На несколько мгновений все они замолчали, затем Камаль сердито возразил:

— Восстание против трона?

— Спокойно, Камаль! — прошипел Эйджер. — Неужели ты хочешь, чтобы весь белый свет стал участником наших разговоров, которые не предназначены больше ни для чьих ушей?

— Но...

— Я имела в виду восстание против заговорщиков, — с решимостью в голосе вмешалась Дженроза. — Такое восстание, в результате которого восторжествовала бы справедливость, восста-

ние, направленное на то, чтобы Линан был восстановлен в своем качестве преданного трону и истинного принца крови, чтобы Камаль оказался вновь признанным коннетаблем королевской гвардии, а Эйджер — одним из ее верных офицеров. Ну и чтобы я сама вновь стала членом Теургии Звезд... Такое восстание, которое позволило бы всем нам вернуться домой и зажить предназначенной для нас жизнью.

Линану пришлось откашляться, чтобы заговорить.

— Мне казалось, что главное для нас — затаиться до тех пор, пока все не успокоится.

— Не успокоится? — переспросил Эйджер. — Что именно ты хочешь этим сказать, мальчик?

— Ты все понимаешь. Когда не будет так опасно.

— Все перестанет быть таким опасным, как только Оркиду и Дедженусу удастся перерезать твою глотку, — взорвался Камаль. — Однако даже мне не представить, что вы хотите выразить словом «успокоится», ваше высочество.

Внезапно Линан ощутил прилив раздражения. Скрестив руки на груди, он капризно произнес:

— А что же здесь, собственно, происходит?

— Линан, — участливо проговорила Дженроза, — вам уже пора возмужать. Ваша жизнь и жизнь всех нас в большой опасности. У нас нет возможности вернуться назад и изменить ход событий. Если только вы, ваше высочество, желаете когда-нибудь возвратиться в Кендру, если только вам угодно наказать убийц Береймы, то вам придется принять горестную действительность.

Линан поднял в ее сторону глаза, в которых не было истинного понимания.

— Однако вы можете не брать на себя ответственность за всех, — храбро продолжала Дженроза. — Не могу сказать, к добру это или к худу, однако вы не одиноки в своей беде.

Линан прикрыл глаза, ему хотелось бы не слышать прямых и простых слов Дженрозы, вернуться в прежнюю жизнь.

Однако он нашел в себе силы, собрался с духом и кивнул.

— Мне думается, что к добру. Во всяком случае, для меня.

Эйджер хмыкнул:

— Так, в конце концов, куда мы направимся? В Чандру, в Луризию или в Океаны Травы?

— Я предпочла бы Чандру, — отозвалась Дженроза. — Мне доводилось слышать, что ее жители с почтением относятся к магам. А кроме того, король Томар был близким другом отца Линана.

Камаль с сомнением покачал головой:

— Чандра расположена слишком близко от Кендры. А от вересковых полей, которыми поросли ее земли, слишком мало толку. В них почти не живут люди. Может быть, они и будут хороши дли укрытия, однако там немыслимо собрать армию.

— То же самое можно сказать и о джунглях Луризии, — произнес Эйджер. — К тому же слишком многие торговцы из тамошних мест хорошо меня знают.

— Тогда остаются Океаны Травы, — нерешительно и тихо проговорила Дженроза.

— Мне показалось, что вы очень хотели увидеть Океаны Травы, — заметил Линан. — Так о чем же тогда вы говорите? Помните ваши слова? Огромные стада самых странных, невиданных животных с рогами и роскошными гривами. Тысячи диких лошадей, которым неведом страх. Грозы и ливни, равных которым не бывает на всем белом свете.

— Да, все это верно. Однако тогда я говорила о ваших будущих приключениях и путешествиях, — возразила Дженроза. — С меня вполне довольно жить в цивилизованном мире, как бы я ни была вам благодарна за все иные предложения.

— Океаны Травы смогли бы стать самым лучшим убежищем для Линана, — произнес Эйджер с прежней задумчивостью. — Они лежат достаточно далеко от нашей столицы, не ограничены ни горами, ни морем, и при этом заселены многочисленными племенами, преданными трону в своем собственном понимании. Их обитатели никогда не выражали особенного сочувствия к высшим чиновникам нашего королевства.

— Кому же именно они преданы? — осведомилась Дженроза.

— В этом-то и дело, — хмыкнул Эйджер, указав пальцем на Ключ Единения. — Они преданы владельцу вот этого талисмана.

Их разговор прервала капитан Туральер.

— Шлюпка готова, — с решительным видом объявила она. — Вам следует немедленно в нее спуститься. Через несколько минут мы дойдем до мысов.

Все четверо беглецов пожали руку капитану, а затем Грапнель обнялся с Камалем и направился к корме.

Эйджер забрал у Камаля меч и кинул его в шлюпку, затем опустил туда и свой. После этого он первым спустился в лодку и помог перебраться туда Камалю. Коннетаблю прежде не приходилось путешествовать на столь малом суденышке, а потому ему при-

шлось с трудом удерживать равновесие. После его посадки шлюпка опасно закачалась.

— Да сядь же наконец, старый конь! — в сердцах воскликнул Эйджер. Обескураженный Камаль плюхнулся на среднюю банку. Следом за ним в шлюпку спустилась Дженроза. Линан с трепетом следил за легкими движениями девушки и за тем, как Камаль приводил лодку в равновесие.

— Все в порядке, ваше высочество, теперь очередь за вами, — ровным голосом заявил Эйджер. — Спускайтесь сюда, к Камалю, и устраивайтесь за его спиной.

Линан занес было ногу над бортом судна, однако обернулся к провожавшему их Грапнелю.

— Благодарю вас за все, что вы для нас сделали. Я никогда об этом не забуду.

Грапнель кивнул.

— Однако вам следует спешить, ваше высочество, иначе ваша жизнь может оказаться слишком короткой, чтобы исполнять обещания.

Как только Линану стоило ступить ногой в шлюпку, она рывком скользнула прочь от корабля.

— Держите равновесие, мой принц! — встревоженно воскликнул Эйджер.

Линан потянулся к нему, но против собственной воли ухватился рукой за канат, свисавший с борта корабля.

— Ваше высочество, вы непременно выберетесь отсюда со временем... — Эйджер успел схватить принца за рукав куртки.

Линану удалось наконец освободиться от мешавшего движениям каната, и теперь он изо всех сил размахивал руками, стараясь следовать совету старшего друга, чтобы удержать равновесие. Рукав его куртки выскользнул из рук Эйджера, и Линан, пошатнувшись, упал в морские волны. Вынырнув на поверхность, он успел увидеть, как отдалялся от него корабль «Брызги моря». Капитан Туральер и еще несколько матросов с широкими белозубыми ухмылками глядели на него.

Камаль и Эйджер успели в одно и то же мгновение схватить и втащить несчастного принца в шлюпку, точно рыбу, пойманную на крючок. Он лежал на дне шлюпки, кашлял и чувствовал себя несчастнейшим созданием на всем белом свете.

— Надеюсь, что вы неплохо искупались, ваше высочество, — с ядовитой вежливостью осведомился Эйджер.

Линан нашел в себе силы, чтобы подняться и перебраться в середину шлюпки, отбросил со лба мешавшие ему мокрые волосы.

— Благодарю вас, я искупался великолепно, — с достоинством ответил он своему наставнику.

Эйджер промолчал, а спустя мгновение с легкостью бывалого мореплавателя установил податливую мачту и закрепил одинокий треугольный парус. В следующий миг ветер раздул этот парус, и четверка изгнанников начала свое странствие.

ГЛАВА 13

Хотя и случалось, что время от времени Линан мечтал, как в один прекрасный день отправится в путешествие к берегам дальних стран, на самом деле ему никогда еще не приходилось оказываться в открытом море. Поначалу, промокший и несчастный, он сидел в шлюпке, дрожа всем телом и испытывая непомерную жалость к самому себе. Однако, когда солнечные лучи и теплый ветер высушили его одежду и согрели тело, его настроение улучшилось.

Постепенно его захватила новизна ощущений, увлекло плавание по глубоким голубым морским водам, когда ветер развевал и трепал возле его лица волосы, как маленький свободный парус. Ему нравился непривычный запах соленой морской воды, не замутненный другими запахами, исходившими от человеческой кожи и влажной от пота одежды. Он удивлялся и восхищался, разглядывая чаек, вившихся над самыми головами, больших бакланов, отчаянно нырявших в воду возле самой шлюпки, его изумляли бежавшие по поверхности моря стройные ряды волн с барашками белой пены на гребнях.

Однако спустя короткое время его начали одолевать сомнения. Теперь он обратил внимание на то, сколь мала была их шлюпка, невольно подумал о том, что из-под самого ее корпуса вполне могла бы вынырнуть какая-нибудь хищная морская рыба и отхватить чью-нибудь случайно свесившуюся за борт руку, а то и ногу. Невольно он подумал о том, что был никудышным пловцом, ему никогда не приходилось иметь дела с водой. Эта мысль заставила Ливана отодвинуться подальше от планширa и попытаться устроиться как можно ближе к самой середине суденышка, и он снова ощутил себя несчастным.

Когда, наконец, все малейшие признаки цивилизации остались далеко позади, Эйджер заявил, что им всем предстоит принять важнейшее решение.

— Как мы будем добираться до Океанов Травы?

— Самым прямым путем, — уверенно ответил Камаль. — Чем скорее мы до них доберемся, тем будет лучше.

— Возможно, ты и прав, — задумчиво отозвался Эйджер. — Однако если Арива догадается, куда мы направляемся, она немедленно направит за нами погоню и захватит нас всех.

— Для начала мы должны хотя бы выбрать курс, — заметила Дженроза.

— Надолго ли? — спросил Линан. — Возможно, что Арива уже успела разослать предупреждения во все провинции и предупредила их о том, чтобы они были готовы захватить нас, если только мы там появимся. В том случае, если она отправила эти предупреждения с почтовыми судами, они будут тащиться далеко позади нас. Но если она использовала почтовых голубей, что было бы для нее предпочтительнее, тогда известия про нас уже должно бы прибыть в Чандру и Луризию.

— Мы должны по возможности двигаться скрытно, — решительно произнес Камаль. — По ночам, путями, которыми мало кто пользуется, тайком. Какое бы решение мы четверо ни приняли, у нас нет никакой надежды проскочить прямиком через целое королевство.

— Значит, вы считаете, что нам не следует выбирать самый прямой путь? — сухо спросила Дженроза.

— Ни один из путей не может быть вполне безопасен, — ответил Эйджер. — Мы должны как следует подумать, какая степень риска и где нас ожидает, и после этого выберем наименее опасный путь.

— И все же именно он может оказаться самым прямым, — остался стоять на своем Камаль. — Действия, которых ожидают меньше всего, часто оказываются самыми мудрыми, а время для нас дорого. Если мы потратим месяцы, чтобы добраться до Океанов Травы, то тем самым дадим нашим врагам время, которое необходимо им для того, чтобы укрепить свои позиции. Они успеют как следует обработать племена северных четтов — и таким образом им удастся предотвратить любой бунт, любое восстание в самом зародыше.

— Я мог бы поспорить с тобой, коннетабль, — спокойно ответил ему Эйджер. — В конце концов, вовсе не мы должны принимать решение.

— Что вы хотите этим сказать? — сконфуженно спросил Линан. — Для чего тогда вы затеяли весь этот спор?

— Я хочу сказать, ваше высочество, что ни Камаль, ни Дженроза, ни сам я не можем принять окончательного решения. Это должны сделать вы.

— Почему именно я? Ведь мы пустились в это плавание все вместе.

— Пора тебе начинать думать как истинному принцу, малыш, — сказал на это Камаль. — В конце концов, тебе предстоит принимать все решения... по крайней мере, жизненно важные. Это твоя обязанность. В какой-то момент тебе придется остаться в одиночестве — особенно если ты должен будешь возглавить восстание. Мы сможем давать тебе советы, может быть, даже льстить тебе время от времени, однако политика — не наше дело. Мы не можем решать за тебя, каким путем пойдет восстание, мы не можем представлять угрозу для твоих врагов, в отличие от тебя. Все это войдет в обязанности лидера — и это будут твои обязанности.

Линан молчал. Он не хотел брать на себя эту ответственность. По крайней мере, пока. Он еще не был готов к принятию важных решений. Почему все они принуждают его принять решение, ведь ему о ситуации известно ничуть не больше, чем каждому из них?

Еще какое-то время четверка продолжала плыть в молчании. Было слышно, как плещется вода о борта шлюпки, жаркое солнце обогревало лица путников.

— Линан, — спокойно напомнила ему Дженроза о том, чего от него ожидали остальные.

— Я думаю, — грубовато ответил он, продолжая сердиться на своих спутников и чувствуя на себе их напряженные взгляды. — Я не хочу принимать это решение.

Эйджер вздохнул.

— Это не те слова, которых мы от вас ожидали, ваше высочество. Тем не менее решение должно быть вами принято.

Линан в ответ что-то пробормотал.

— Что вы сказали, ваше высочество? — вежливо осведомилась Дженроза.

— Я сказал, что мы вполне могли бы выбрать кратчайший путь.

— Почему вы так решили?

— Что вы хотите сказать этим своим «почему»? Потому что вы хотели, чтобы я принял решение, и я в конце концов принял это решение, вот почему.

— Едва ли это можно назвать достойным ответом, — возразил Эйджер. — Как ваши единомышленники — фактически можно сказать, как ваши единственные единомышленники, — мы заслуживаем большего уважения и лучшего обращения, иначе вашему восстанию долго не продержаться.

— Я ничего из ваших слов не понимаю. Вы настаивали на том, чтобы я принял решение. Я не хочу...

— Да будете ли вы, наконец, прислушиваться к самому себе? — почти со злостью воскликнула Дженроза. — Сейчас вы похожи на избалованного ребенка. Мы ведь не медведи, Линан, мы люди. Если мы не знаем, насчет каких земель вы приняли свое решение, куда хотите направиться, как же мы можем что-либо советовать вам, способны ли мы с уважением отнестись к вашему решению?

— Вы хотите сказать, что всякий раз, когда я буду принимать решение, мне придется объяснять его всем и каждому?

— Ну, не всегда, — с добродушной усмешкой успокоил его Эйджер. — Просто в большинстве случаев. Как только вы покажете нам, что способны самостоятельно принимать добрые и мудрые решения, никто больше не станет задавать вам никаких вопросов.

Линан, смирившись с доводами Эйджера, покорно вздохнул.

— Я думаю, что нам следовало бы выбрать наиболее короткий и прямой путь, потому что мне кажется, что Камаль прав — время слишком дорого для нас, к тому же мы не знаем, успела ли Арива перекрыть нам путь. Если она еще не успела этого сделать, то нам следует приложить все усилия к тому, чтобы достичь цели как можно скорее. Ну, а если она уже успела принять возможные меры противодействия, то для нас не будет еще поздно выбрать другой, более длинный путь.

— Ну что ж, это звучит гораздо более понятно, чем до сих пор, — признала Дженроза.

— Да, вполне доходчиво, — с улыбкой согласился Эйджер.

— Хороший выбор, ваше высочество, — облегченно сказал Камаль. — И ведь его не так уж трудно было сделать, верно?

— Весьма признателен вам всем, друзья, — ответил Линан. — Как я понял, наиболее прямой путь мы можем проделать только на лодке?

— Вы правы, ваше высочество, — подтвердил Эйджер. — Мы будем придерживаться береговой линии до тех пор, пока не доберемся до устья реки Гелт, а затем будем подниматься вверх по Гелту, пока не окажемся на расстоянии двухдневного или еще более короткого перехода через горы Уферо, за которыми начинаются Океаны Травы.

— А как долго нам предстоит плыть на лодке?

— Около десяти дней, в зависимости от ветра.

«Вот так замечательно, — подумал Линан. — Около десяти дней добираться водой. А главное, это было мое собственное решение».

По мере того, как путники в шлюпке двигались дальше, вдали возникли очертания береговой линии. Вблизи Кендры длинные желтоватые отмели уступали место широко раскинувшимся сельским угодьям, однако когда лодка поравнялась с хребтом Эбриус — грядой базальтовых скал, отделявших на севере мыс Лир от Чандры, — местность резко изменилась. Крутые обрывистые утесы тянулись вдоль берега до тех пор, пока землю не отделили от моря высокие горы, как бы обозначавшие границу между морем и сушей. Под этой поднимавшейся к самому небу черной стеной, Линан почувствовал себя крошечной песчинкой, от которой ничто не могло зависеть в этом мире, такой уязвимой и бренной среди высоких волн с белыми гребнями, бившихся в скалы и поднимавших в воздух каскады брызг.

Над головами беглецов появилась легкая тень: это кружила в воздухе стая пустельг, взлетевших из своих гнезд в скалистых берегах в поисках добычи — рыбешек и мелких птиц.

— Очень они мне не нравятся, — пробормотал Камаль, с неопределенным подозрением оглядывая сопровождавший шлюпку птичий эскорт. — Пустельги уже давно считаются птицами, которые добра не принесут.

— А мне кажется, что они очень красивые, — заступилась за птиц Дженроза. — Они не причинят нам никакого вреда.

Ее взгляд устремился вверх, за группой птиц, оторвавшихся от своих собратьев и полетевших в сторону моря.

— Давайте поговорим о чем-нибудь другом, — предложил Эйджер. — Принесут или не принесут эти птицы нам несчастье, все равно мы не сможем ничего с этим поделать.

— Тогда давайте поговорим о кораблях, — предложила Дженроза, все еще глядя вслед удалявшейся стае.

— О каких еще кораблях? — с опаской спросил Линан.

— О любых, к типу которых может принадлежать тот корабль. Он повторяет наш путь, — спокойно отозвалась Дженроза. Все остальные сердито взглянули на нее, а затем проследили за направлением ее взгляда.

— Мне ничего не разглядеть, — сказал Эйджер.

— Вам это и не удастся еще некоторое время, — ответила Дженроза. — Однако за последние три года мне пришлось много разговаривать с моряками и штурманами, и мне известно, что пустельги обычно следуют за кораблями в поисках отбросов, которые выбрасывают за борт.

Она указала на стайку сорвавшихся со скал и стремительно взлетевших птиц.

— Обычно они парят возле корабля.

— Ах, дьявол! — выдохнул Эйджер. — Она ведь права. Я просто старый идиот, что позабыл об этом. Линан, помоги Дженрозе управиться с румпелем. Камаль, а ты поможешь мне побыстрее убрать парус. Теперь мы должны грести.

— Грести! — воскликнул с жаром Камаль. — Да что ты такое говоришь?! Волны попросту разобьют нас о скалы!

— Линан и Дженроза будут очень внимательно следить за тем, чтобы этого не случилось, верно, друзья мои? Но с поднятым парусом нас слишком легко обнаружить.

Эйджер вместе с Камалем быстро свернули парус и убрали мачту. Оба они взялись за весла и дружно изо всей силы стали грести по направлению к мрачно нависавшим над водой скалистым хребтам, при этом Камаль выказывал гораздо большую силу, нежели Эйджер.

— Дженроза, на расстоянии двухсот шагов от гор выровняйте наш курс параллельно берегу, — скомандовал Эйджер. — Нам не следует приближаться к нему на более опасное расстояние.

Дженроза понимающе кивнула. Постоянно оглядывавшийся Линан первым заметил приближавшийся парус.

— Вон он! — закричал принц.

Трое его спутников взглянули в сторону горизонта. Сперва им удалось заметить блестевший на солнце алый парус, а немного времени спустя они уже смогли различить очертания корпуса корабля. На парусе красовались золотая звезда и скрещенные мечи. Военный корабль.

— Вы считаете, что они разыскивают нас? — спросил Линан.

Эйджер задумчиво покачал головой.

— Я в этом сильно сомневаюсь. Даже такой быстроходный корабль, как этот, не смог бы тягаться в скорости с «Брызгами моря», а тем более догнать их за такое непродолжительное время. Вполне возможно, что они доставляют послание от Аривы королю Амана Марину. Однако если они заметят нас, то мы можем оказаться в большой беде.

Теперь беглецы подошли слишком близко к скалам. Здесь становилось все труднее сопротивляться волнам, даже несмотря на то, что Линан и Дженроза вдвоем удерживали румпель. Им уже были отчетливо видны огромные острые валуны под основанием скалистых утесов, брызги, которые время от времени поднимались в

воздух сплошной пеленой, нависая над морем и обрушиваясь на них. Казалось, что руль внезапно обрел собственное мнение о том, как себя вести, и теперь изворачивался и изгибался под корпусом шлюпки.

— Нам нужно сейчас же уходить прочь! — прокричала Дженроза, изо всех сил стараясь, чтобы ее крик был услышан за ревом обрушивавшихся волн.

Линан не без ужаса взглянул на скалы, до которых теперь оставалось гораздо меньше двух сотен шагов.

— Держитесь выбранного курса! — распорядился Эйджер. — Военный корабль приближается к нам. Должно быть, они нас заметили!

— Его штурман не хуже нас видел птиц, — заметила Дженроза, сделав вид, что не обратила внимания на кислую ухмылку Камаля.

Коннетабль гвардии хмыкнул:

— Даже если они и заметили нас, в конце концов, мы можем снова пойти под парусом.

Он отбросил свое весло и хотел было подняться.

— Нет! — взревел Эйджер, однако было уже поздно. Как только Камаль сдвинулся с места, волны яростно понесли лодку прямо на скалы. Он снова уселся и схватился за весло, однако оно выскользнуло из его руки, ударив лопастью глубоко в воду. Шлюпка развернулась на девяносто градусов, а волна отшвырнула покорное весло прямо на Камаля, опрокинув его с лавки, так что все услышали звук удара.

Эйджер стремительно подхватил весло и в отчаянии попытался работать двумя веслами, однако взмахи двух весел в его руках оказались недостаточно широкими. Линан и Дженроза изо всех сил тянули румпель в безнадежной попытке удержать крошечное суденышко как можно дальше от скал, но внезапно лодка взмыла вверх на гребне очередной хищной волны, и ее корма поднялась над водой, как бы подчеркивая бесполезность рулевого управления.

Эйджер втянул в лодку весла и бросился на корму, чтобы перехватить румпель, толчком отбросил Линана и Дженрозу вперед и вниз, на дно шлюпки. Волне, казалось, надоело их мучить, и она оставила лодку за своим гребнем. Эйджер был наготове и в этот миг налег на румпель со всей силой. К этому времени Камалю удалось восстановить дыхание, и он бросился на помощь старому товарищу. Вдвоем друзья сумели положить суденышко на левый борт; еще секунду лодка скользила по воде, накренясь, прежде чем поддалась людской настойчивости и под немыслимым углом продолжила двигаться вперед, несомая течением и волей волн, все еще в опасной близости от разрушительных скал.

— Смотрите! — прорычал Камаль, указывая туда, где волны разбивались о берег прямо на их пути. Однако теперь уже никто был не в силах противостоять воле стихии. Почти в тот же миг, когда Камаль выкрикнул свое предупреждение, лодку подхватила следующая волна. Когда корпус шлюпки протащило по голой подводной скале, раздался ужасающий скрежет, лодка снова рванулась вперед. С треском она столкнулась с очередной волной, и Линана подхватила и перевернула в воздухе неведомая сила. Когда он упал в ледяную воду, его рот невольно раскрылся, и он зашелся в безумном крике; ему показалось, что на него обрушился целый океан. Он отчаянно колотил в воде руками и ногами и пытался выбраться на поверхность, но все его попытки заканчивались безуспешно, и он снова и снова погружался в воду. Его намокшая одежда стала весить, казалось, немыслимо тяжело, и он инстинктивно старался сорвать ее с себя.

Неожиданно чья-то сильная рука схватила его за волосы и выдернула на поверхность. Он услышал, как Камаль бормотал что-то о том, что ему второй раз за двое суток приходится спасать принца, вытягивая его за волосы, а потом та же сильная рука потащила его по воде, словно речную баржу. Морская вода все еще заливала рот Линана и его ноздри, однако у него хватило здравого смысла не сопротивляться сильной хватке Камаля, тащившего его по морю. Он даже попытался не поддаться панике, когда на его лицо легла тень прибрежных скал, а между тем сознание их близости сделало его почти неподвижным от страха. Внезапно Линан вместе со своим спасителем поднялся в воздух на гребне высокой волны, почувствовал стремительное движение вперед и осознал, что свободной рукой Камаль безуспешно пытался хотя бы немного отнести себя и его подальше от скал. Вокруг них бурлила и клокотала белая вода. Бедро Линана сильно ударилось о скалу. В этот же миг он услышал, как вскрикнул от боли Камаль. Вода, казалось, еще больше побелела, море перехлестнуло через их головы.

«Сейчас я умру», — подумал Линан и несказанно удивился охватившему его спокойствию, смутно напомнившему о последних мгновениях перед тем, как погрузиться в сон.

А потом неожиданно вернулась тяжесть, тело снова обрело вес. Это было странное ощущение, словно его насильно отделили от моря, частью которого он уже успел стать. Его икры и локти царапались о скользкую поверхность скалы. Камаль вытаскивал его из воды, тянул из последних сил.

Несмотря на то, что сам Линан приложил не так уж много усилий для собственного спасения, он был совершенно обессилен.

Когда Камаль наконец отпустил его, он едва мог приподнять голову. Однако он смог разглядеть, что оказался на длинной и плоской базальтовой платформе, мокрой от морских брызг и защищенной от морской стихии огромным валуном, покачивавшимся на краю платформы, точно птичка на персиковой ветке. В десяти шагах от себя он увидел Эйджера, который склонился над Дженрозой и пытался поцеловать ее; в первый момент Линану ничто не показалось странным в поведении старого солдата. Он попытался было поблагодарить Камаля за то, что коннетабль во второй раз за последние дни спас ему жизнь; однако из этой попытки не получилось ничего, только раздался слабый стон.

— Поберегите дыхание, ваше высочество, — заботливо произнес Камаль. — Оно еще пригодится вам, если только мы собираемся выбраться из этой неприятности. Мы потеряли нашу лодку вместе со всеми припасами и мечами. Теперь у нас остались лишь ножи, с помощью которых нам придется в случае чего защищаться. Сейчас мы у подножия скалы. По другую сторону этого валуна уже находится военный корабль, который разыскивает нас.

Он энергично затряс головой, точно хотел прояснить ее, потом обернулся к горбуну.

— Эйджер, что там с нашим магом?

Только тут до сознания Линана дошло, что Дженроза тоже могла оказаться в опасности, что на самом деле Эйджер вовсе не пытался поцеловать ее, но возвращал ее к жизни. Линан попробовал присесть, однако от этой слабой попытки его тотчас же бросило в жар. Соленая морская вода словно загорелась в его желудке и в легких, фонтаном пролилась изо рта, словно поток жгучей, едкой слюны. Звукам, сопровождавшим этот приступ тошноты, вторила неподалеку, кашлявшая в подобном же приступе, Дженроза.

— С ней все будет в порядке, — отозвался Эйджер, помогая Дженрозе сесть. — Что там поделывают наши друзья из королевского флота?

Камаль припал к скальной платформе позади валуна и изогнулся, чтобы выглянуть из-за него.

— Они теперь стоят не более чем в четырех сотнях шагов отсюда. Они пытаются зацепить лодку крюками, однако она сильно разбита. За планширами я сейчас могу даже разглядеть лучников.

Он скользнул обратно.

— Однако на деле вы оказались несколько тяжелее, чем можно было предположить по вашему виду, — ослабевшим голосом заметил бывший коннетабль, обращаясь к Линану.

Юный принц бессмысленно улыбнулся и ухитрился подползти к Камалю, прислонившись спиной к валуну. Отсюда он смог разглядеть, что платформа, на которой все они находились, выдавалась из разрушавшейся скалы, которая сама по себе производила такое впечатление, будто была готова в любой момент соскользнуть в море. Путь к ее вершине казался неблизким, однако склон был совсем рядом, почти в точности, как Линану показалось в первый момент.

Дженроза застонала. Эйджер продолжал удерживать ее, точно ребенка, однако спустя мгновение она жестом дала ему понять, что он может ее оставить.

— Со мной все в порядке, — слабым голосом произнесла она и медленно огляделась. — Нам нужно будет взобраться туда? — жалобно спросила она, оглядывая скалу.

— Да, хотя вы и чувствуете себя так, точно проплыли вокруг скал километров тридцать.

— Может быть, не сегодня? — умоляюще глядя на него, попросила девушка.

— Понимаете, нам нельзя оставаться здесь. Рано или поздно придет большая волна, и тогда у нас останется очень мало шансов на вторичное спасение. Кроме того, чем дольше мы будем ждать, тем больше задеревенеют наши мышцы и тем труднее нам придется потом.

Линан осторожно выглянул из-за валуна.

— Корабль уходит, — сообщил он товарищам, и тут заметил внизу обломки шлюпки, которые волны кружили между скал. — Они не стали вылавливать свой трофей, — мрачно добавил он, вспомнив слова Камаля о том, что их мечи пропали вместе с лодкой. Его сердце пронзила острая боль — ведь его меч был единственной вещью, доставшейся ему в память об отце. Внезапно принца охватило горячее желание взобраться на вершину скалы — это желание было сильнее всех желаний, которые ему когда-либо приходилось испытывать. Ему хотелось скорее убраться подальше от воды, от соленого запаха обдававших их всех морских брызг, от криков морских птиц, от плеска волн, бившихся о скалы.

— Пошли, — сказал он, и это короткое слово прозвучало почти как приказ. Он неуверенно поднялся на ноги, однако рука Камаля грубо схватила его и прижала к камням.

— Не будь идиотом, малыш. С корабля нас заметят так же легко, как мух, ползущих по белой бумаге.

Они выждали еще час, замерзшие, промокшие. Часто на них из-за валуна обрушивались целые фонтаны брызг. Чтобы хоть

немного согреться, они тесно прижались друг к другу, да так было и безопаснее — ведь в любой момент их могла накрыть большая волна, смыть в бушевавшее море, и тогда все было бы кончено. Однако в конце концов Камаль перестал различать вдали парус военного корабля, поднялся и впереди всех направился к подножию скалы.

На поверхности скалы было достаточно много уступов, чтобы можно было за них ухватиться, однако острый базальт больно ранил пальцы. Первая треть склона намокла от попадавших сюда брызг, подниматься было скользко, часто люди падали и расшибали лица, локти и колени. Когда одежда просохла на ветру, она туго обтянула разбитые руки и ноги беглецов. Хуже всего было то, что все они испытывали изнурительное оцепенение, от которого мышцы казались натянутыми, как тугие струны, а кости хрупкими; оцепенение такое жестокое, что оно переходило в физическую боль, рождавшуюся в суставах и волнами проходившую по рукам и по ногам.

Чем выше они поднимались, тем чаще им приходилось отдыхать; временами всем казалось, что это суровое испытание, посланное им судьбой, никогда не закончится. Шагах в тридцати от вершины ветер стал свирепым, колючим, он со свистом налетал на скалу, точно пытался сбросить всех четверых обратно в море. Линану стало казаться, что больше двигаться он не в состоянии. В его сознании начали возникать бредовые образы и мысли. Ему представлялось, что он находится на ровной земле, что теперь он мог бы лечь, и все, что нужно для этого сделать, это просто разжать пальцы... И тогда все станет хорошо — он проснется в своей постели во дворце Кендры, а последние два дня обернутся всего лишь ночным кошмаром.

Кто-то что-то говорил ему. Он пытался не обращать внимания на этот голос, пытавшийся вырвать его из приятного тепла, охватившего тело, однако голос был настойчив, и в конце концов ему пришлось прислушаться. «Линан, — говорил голос, — поднимайтесь. Ну же, еще один шаг. Поднимитесь еще на один шаг». Тогда Линан и впрямь поднялся еще на один шаг, и по всему телу тотчас же разлилась безумная боль, будто кто-то забивал гвоздь в его колено. «Еще один шаг», — настойчиво повторил голос, и Линан теперь узнал этот голос — это был голос Дженрозы. «Идите, Линан, ведь вы уже так близки к вершине. Еще один шаг, а теперь еще один, и еще один...»

И вот наконец наступил момент, когда Линан, стоя на одном колене, протянул вперед руку, и оказалось, что каменистый склон позади, а под его пальцами мягкая трава. На несколько мгновений его сознание прояснилось настолько, что он смог вновь подняться

на ноги и сделать два последних шага к вершине утеса. Как только это произошло, он без памяти упал в постель из высокой, сладко пахнувшей травы и провалился в темноту.

Беседа с примасом Нортемом успокоила Ариву и помогла ей сосредоточиться, хотя до этого в ее сознании беспорядочно смешивалось великое множество противоречивых фактов и умозаключений. Ужас от жестокого убийства брата и понимание, что за этим страшным преступлением скорее всего стоял Линан, едва ли не помутили ее рассудок. Беседа же со священнослужителем, кроме того, помогла ей осознать, что наипервейшей ее обязанностью теперь было обеспечить мирный переход власти от Береймы к ней. На первом месте должна находиться забота о королевстве, а не преследование убийц ее брата; у Оркида и Деджануса на самом деле куда больше возможностей для того, чтобы поймать Линана и его сообщников.

Однако когда Деджанус остановил Ариву и Олио, возвращавшихся из западного крыла дворца, и сообщил им о том, что Линана видели, когда он всходил на борт торгового судна, ее вновь захватила волна яростного гнева на сводного брата, и ей едва удалось справиться с собой.

— Значит, теперь вы проследите за тем, чтобы его схватили.

— Я уже поднял флот по тревоге, — сказал Деджанус. — Наши корабли отправятся, чтобы перехватить торговое судно и вернуть вашего брата для совершения правосудия.

— А еще проследите з-з-за тем, чтобы его д-д-доставили обратно живым, — мягко добавил Олио. — Его труп оставит слишком много неясных в-в-вопросов без ответа.

Деджанус посмотрел на Олио взглядом, выражение которого принцу не удалось понять.

— Но если он окажет сопротивление...

— Живым, Деджанус, — настойчиво повторила Арива вслед за братом. — Иначе нам не удастся раскрыть существование заговора, в результате которого был убит наш брат.

Деджанус сдержанно поклонился.

— Я лично прослежу за тем, чтобы все капитаны наших судов поняли вашу волю.

И не произнеся больше ни единого слова, он удалился. Несколько секунд Арива стояла на месте, пытаясь побороть желание закрыть глаза.

— Я совершенно измучена, — слабым голосом произнесла она.

Олио положил руку на ее плечо.

— Хочешь, чтобы пришел Трион? Я мог бы послать за ним, и тогда он даст тебе микстуру, которая поможет тебе заснуть.

Арива отрицательно покачала головой.

— Пока не надо. Найди лучше Оркида и проводи его ко мне в кабинет. Мы должны как можно скорее создать Совет и разработать план... коронации. Управление Кендрой не должно прерваться.

Олио кивнул и ушел. Спустя мгновение Арива огляделась. Кроме стражника в дальнем конце дворцового коридора, вокруг не было ни одного человека, сюда не доносились никакие звуки, кроме удалявшихся шагов Олио. Ей показалось, что она в плену у серых каменных стен, окружавших ее.

«Я королева, — подумала она. — И я одна».

Когда она вошла в свой кабинет, она обнаружила, что ее ожидает человек в длинном сером плаще. Он стоял к ней спиной, и ей показалось, что он внимательно рассматривал королевский стол.

— Кто... — начала было она и осеклась, когда человек обернулся. — Ах, Харнан!

— Ваше высочество, я сегодня утром пришел поздно, как повелел мне... ваш брат... король. Я не знал... мне никто ничего не сказал...

Голос изменил ему, по старческим морщинистым щекам потекли слезы.

— Простите...

Его голос сорвался.

Охваченная глубоким сочувствием к старейшему и любимейшему слуге своей матери, Арива шагнула вперед и взяла его за руки.

— Харнан, это я должна перед вами извиниться. Я не подумала о вас. Случилось так много всего. Я должна была вспомнить о вас и послать кого-нибудь к вам, чтобы обо всем вас известить.

— О, государыня, не вините себя в вашем горе. Однако я... растерян. Я не знаю, куда мне идти и что делать. — Он поднял подбородок и попытался остановить слезы. — Простите меня, но сперва ваша матушка... а теперь это!

Не задумываясь, Арива рукой вытерла слезы, блестевшие под его покрасневшими глазами.

— Мне нечего прощать вам, верный Харнан. — Она отступила на шаг назад и оглядела его сверху донизу. — Как и всегда, готовы исполнять свою службу. Берейма мог бы гордиться вами.

 Харнан хотел что-то сказать, но слов не нашлось.

Арива изо всех сил сдерживала собственные слезы, понимая, что, если бы в этот миг она расплакалась, то не смогла бы остановиться. Самым деловым тоном, на какой только она была способна, она произнесла.

— Я вижу, что вы принесли с собой свой блокнот и перья. — Она кивком указала на широкую сумку, свисавшую с пояса Харнана.

— Да, ваше высо... величество. Я должен был сегодня утром написать письма для вашего брата.

— Ну что ж, коль скоро вы здесь, мне понадобится ваша помощь, если вы чувствуете себя в силах ее оказать. Мне потребуется составить срочные послания, чтобы отправить их с курьерами. Я восстанавливаю Королевский Совет моей матушки и хочу, чтобы он собрался сегодня днем.

— Конечно, ваше величество. Это должно стать поддержкой в делах.

Тут Арива улыбнулась, испытав внезапную гордость за старика.

— Тогда мы вместе с вами станем управлять королевством с такой энергией, что сможем отдать дань памяти Ашарны и Береймы.

Выражение боли исчезло с лица Харнана. Он глубоко вздохнул и достал из своей сумки блокнот для записей и свое любимое перо.

— Всегда готов служить вам, королева Арива, — пылко произнес он.

Арива положила руку на его плечо и велела ему занять свое место. Затем она прошла за свой стол и внезапно застыла на месте. На столе, на квадратном лоскуте белого шелка, лежал Ключ Скипетра, его блеск померк под пятнами крови ее брата. Она нерешительно коснулась Ключа. Между Ключом и ее пальцем проскочила искра, и ей пришлось отдернуть руку.

— Ваше величество, с вами все в порядке? — заботливо спросил Харнан.

Арива взглянула на него и быстро кивнула. Осторожно она вновь дотронулась до Ключа, однако на этот раз ничего не произошло. Тогда она взяла Ключ за цепочку и надела его себе на шею. Ключ ее погибшего брата звякнул, соприкоснувшись с ее собственным Ключом Меча. Она долго смотрела на Ключи, углубившись в свои невеселые мысли.

Прелат-маг Эдейтор Фэнхоу сменил одеяние на более спокойное. Он снял с себя тяжелый бархатный плащ, украшенный золотыми шнурами, традиционные для магов мешковатые штаны

и широкий серебряный пояс, которым он опоясался, отправляясь на первую встречу с новой королевой. Вместо всего этого теперь на нем был более практичный полотняный костюм — штаны и рубашка, — а на голове красовался широкий берет с приколотым спереди знаком прелата.

Прелат вернулся во дворец как раз к полудню. Он чрезвычайно спешил, ему не терпелось узнать, каков будет крайний срок, который назначит Арива для получения из теургий новой информации о принце Линане. Когда он, обливаясь потом и тяжело дыша, дошел до королевских кабинетов, стражники беспрекословно пропустили его.

Он вошел и, едва успев раскрыть рот для того, чтобы формально приветствовать Арину, остолбенел. Рот закрылся сам собой. Главная комната была заполнена лучшими людьми Кендры, поистине сливками общества, представлявшими наиболее уважаемые профессии и торговые гильдии. Все они были одеты в свои лучшие одежды с церемониальными украшениями. Все как один повернулись, чтобы взглянуть на вошедшего, и выражения лиц, окружавших его, заставили его почувствовать себя не лучше мойщика отхожих мест, случайно оказавшегося на свадебной церемонии.

Толпа расступилась, пропуская кого-то. Фэнхоу вертел головой из стороны в сторону, ища местечко, где можно было бы спрятаться, однако такого местечка попросту не было. Его взгляд встретился со взглядом холодных голубых глаз королевы Аривы. Она пристально оглядела его.

— Вы переоделись специально к этому событию, прелат? — невинно спросила она.

— М-м-м, к событию, ваше величество?

— Разве прелату магии не было отправлено послание? — обратилась Арива к высокому морщинистому человеку, стоявшему возле нее.

Эдейтор узнал Харнана Бересарда.

— Да, ваше величество, было, однако мой курьер не смог его найти.

— Ваше величество, простите меня, но я усердно искал ответы на вопрос, который вы передо мной поставили...

— Это не имеет значения, — перебила Арива, глядя на Эдейтора, однако обращаясь к Харнану. — Ведь прелат может находиться где угодно. Однако было бы все же неплохо, если бы в его одеянии присутствовал хотя бы намек на церемониальность.

— Ваше величество, — снова начал Эдейтор, — я возвращался лишь затем, чтобы известить вас о результатах, получен-

ных совместными усилиями теургий относительно местонахождения вашего брата!

— Каковы же они? — спросила Арива. Эдейтор опустил глаза.

— Ваше величество, за такое короткое время все они смогли лишь выявить какую-то связь между принцем Линаном и элементом...

— Воды, — закончила вместо него Арива.

Эдейтор изумленно взглянул на нее:

— Как удалось вашему величеству узнать об этом?

— Он бежал морем, — ответила Арива. — Однако ему недолго осталось гулять на свободе. — Она посмотрела на Деджануса, стоявшего у нее за спиной рядом с Оркидом и Олио.

— Во всяком случае, я в это верю.

Деджанус энергично кивнул.

— Очень скоро ваш флот поймает его, ваше величество. Можете в этом не сомневаться.

— Я не сомневаюсь, — произнесла Арива и вновь обратила внимание на Эдейтора. — По крайней мере, прелат, вы вернулись вовремя.

Фэнхоу поклонился так низко, как только позволило его крепкое телосложение.

— Рад служить вам, ваше величество.

— Вот и хорошо. А теперь, когда вы здесь, мы можем начинать.

— Начинать?

— Первое собрание моего Королевского Совета. Вы, конечно, как прелат магии, входите в число его членов.

Эдейтор вновь поклонился.

— Ваше величество, для меня это высокая честь.

Еще несколько мгновений Арива холодно смотрела на него.

— Хорошо, — сказала она наконец и повернулась к остальным гостям.

— Мы начнем сразу же, как только все вы займете свои места. Зал для заседаний готов.

Гости расступились, пропуская Ариву и ее немногочисленную свиту, только Олио отчего-то замешкался. Все остальные тотчас же направились следом за ней, спеша занять свои места, однако все были осторожны, чтобы не помешать королеве. Эдейтор, еще не успевший оправиться от шока, был рад идти последним и сильно удивился, увидев, что рядом с ним шел Олио.

— Вы хорошо поступили, сделали все, что могли, прелат, — негромко проговорил Олио.

— Боюсь, ваше высочество, что я сделал слишком мало и слишком поздно, — с несчастным видом возразил Эдейтор.

— Но все же вы пришли, чтобы доложить о сделанном. Это требовало мужества.

— Я всегда буду неукоснительно исполнять свои обязанности, ваше высочество, — заверил принца прелат с такой серьезностью, что Олио его вид показался почти комичным.

Олио отошел от прелата, озадачив того таким неожиданным вниманием. «Да, прелат, — подумал принц, — вы оказались даже более мужественным человеком, чем я мог предполагать. Может статься, что теургии благодаря вашей поддержке, сами о том не подозревая, окажут нам нужную помощь».

Арива заняла место во главе длинного стола, по левую руку от нее сел Олио, а справа — канцлер Оркид. Представители Двадцати Домов и правительственные чиновники расселись по всей длине стола на стороне Оркида, а представители разнообразных гильдий, города и торговцев сидели напротив, среди них был и прелат Нортем. Возле дальнего конца стола перед Аривой сели адмирал флота Зоул Сечмар и маршал Триам Льеф, возглавлявшие вооруженные силы ее величества. Отсутствовал лишь третий военачальник — коннетабль королевской гвардии Камаль Аларн, незадолго до этого объявленный убийцей, предателем и лицом вне закона. Королевские стражники стояли на постах возле каждого окна и возле двух входов в зал; Деджанус встал за спиной Аривы.

— К этому часу вам всем уже стало известно о трагических событиях, случившихся за последние двенадцать часов, — начала Арива. — Согласно наследственному праву, теперь я должна занять трон. Первое, что я сделала как королева, — отдала предписание об аресте моего брата принца Линана и его сообщников. Вторую свою задачу я видела в том, чтобы созвать нынешний Совет. Я благодарю вас всех, собравшихся здесь в такое короткое время.

Здесь Ариве пришлось подождать, пока не смолк гул голосов — со всех сторон слышались почтительные благодарности за оказанную честь. Когда шум стих, она продолжила свое обращение к Совету.

— Нам предстоит сделать очень многое. Весть о гибели короля Береймы быстро распространится не только по всему королевству, но долетит как до наших сторонников, так и недругов. У некоторых из них может возникнуть желание извлечь для себя выгоды из ситуации с наследованием трона, пользуясь тем, что они будут считать Кендру ослабленной и растерянной. Мы должны разубедить их в этом.

Она выдержала многозначительную паузу.

— Прежде всего для этого требуется, чтобы я была коронована как можно скорее. Во-вторых, все места чиновников должны быть заняты. Мне известно, что у Береймы имелись планы относительно пересмотра чиновничьих структур, сложившихся за время долгого правления нашей матушки, однако я считаю, что сейчас у нас недостаточно времени на это.

При этих ее словах с правительственной стороны стола послышались отчетливые вздохи облегчения. Арива продолжала:

— В-третьих, мы должны довести до сведения народа, что наследование трона, несмотря на то, что оно произошло в результате неслыханно жестокого и вероломного преступления, вполне законно и полностью поддержано самыми славными и почтенными жителями Кендры. Наконец, четвертое: Линан должен быть отдан в руки правосудия, а ужасный заговор, который он возглавил, должен быть полностью раскрыт и уничтожен раз и навсегда. В противном случае в народе появятся сомнения в устойчивости и власти трона, даже в безопасности королевства.

Здесь Арива выдержала новую долгую паузу, внимательно оглядев всех присутствовавших, затем произнесла:

— Я ни в коем случае не допущу этого. Что же касается коронации, то предлагаю назначить ее на тот же день, на который была назначена коронация Береймы, то есть через три недели. Мы с канцлером Оркидом уже договорились об этом.

Она вновь перевела дыхание.

— Относительно второго вопроса могу сказать, что утверждаю Оркида в качестве моего канцлера и Харнана в качестве моего секретаря. Все вы также можете считать себя утвержденными на занимаемых вами постах. Единственным изменением станет замена убийцы Камаля, последнего коннетабля королевской гвардии. Его место займет Личный Страж моей матери — Деджанус.

Оркид удивленно взглянул на Ариву, но она этого взгляда не заметила, хотя от Деджануса это не укрылось. Новый коннетабль гвардии позволил себе едва заметно улыбнуться. Никто из присутствовавших не выразил несогласия с этим новым назначением, однако кое-кто выглядел недовольным.

— Коннетабль гвардии, вы можете занять свое место рядом с адмиралом Сечмаром и маршалом Льефом.

Деджанус оставил свое место за спиной Аривы и с военной выправкой прошел к свободному месту в конце стола.

— Переходя к третьему вопросу, я хотела бы, чтобы каждый из вас, присутствующих сейчас здесь, довел до сведения ваших помощников и всех членов ваших гильдий все те решения, которые были приняты здесь сегодня. А именно — что королева подтвердила стремление к благополучию и процветанию народа и всего королевства. Я надеюсь, что смогу пойти по стопам своей матери. Несмотря на то, что я не обладаю еще ее мудростью и опытом, в моем сердце живет такая же любовь к моему народу и такое же горячее желание видеть его живущим в мире и согласии. В дальнейшем меня будут по возможности поддерживать и давать мне советы те же самые министры и офицеры, которые помогали моей матери в последние годы ее правления.

Арива замолчала, переводя дыхание.

— А теперь о принце Линане. Все вы уже слышали, что ему удалось бежать из города. Его преследует флот, и мы уверены в том, что его арест неизбежен. Однако даже в том случае, если преступнику вновь удастся ускользнуть, не следует поддаваться панике. Я уже отправила во все наши провинции послания с тем, чтобы предупредить их о его вероломстве и указать, что не следует признавать его власть как владельца Ключа Единения. Моя матушка определенно утверждала, что обладание Ключом должно приносить расплату в том случае, если его владелец совершит предательство. Во время коронации здесь соберутся многие из наших вассалов. Прежде чем они вернутся в свои владения, я поговорю с каждым из них. Для Линана и его сообщников не найдется безопасного уголка во всем Гренда-Лире.

— Ваше величество, известно ли нам, где сейчас находится Линан и куда он направляется? — спросил глава гильдии красильщиков Элента Сатрур, невысокий человечек со скрипучим голосом.

Арива кивнула Оркиду, и тот, откашлявшись, придал своему лицу самое что ни на есть патриархальное выражение.

— Он на корабле под названием «Брызги моря», принадлежащем Грапнелю Мурису. Это судно с большой партией товаров направляется в Чандру.

— Грапнель! — раздалось за столом чье-то изумленное восклицание. — Он тоже участвует в заговоре Линана?

Арива бросила взгляд в сторону, откуда послышался возглас, и с трудом подавила раздражение, узнав Кселлу Поввис.

— Уважаемая Поввис?

Поввис кивнула.

— Ваше величество, простите меня за то, что я вмешиваюсь, однако я знаю Грапнеля много лет и никогда не могла бы себе представить...

— А как вы думаете, могла ли я когда-нибудь представить, что мой собственный брат способен на цареубийство? — спросила Арива.

Поввис опустила глаза.

— Конечно же, нет, ваше величество.

Арива дала знак Оркиду продолжать.

— В последний раз «Брызги моря» видели направлявшимся на северо-восток. Его преследует флот.

— Почему же именно Чандра? — задал вопрос мэр города Шант Тенор.

Оркид пожал плечами.

— В тот момент, когда принцу удалось бежать, «Брызги моря» было единственным судном в гавани, принадлежащим Грапнелю, а в списках грузов, которые остались в конторе управляющего портом, указано, что судно направляется именно туда. Однако, как я уже говорил, Чандра может и не быть его целью. Этого мы знать не можем.

— А не может ли король Томар оказаться вовлеченным в заговор против трона? — с испуганным выражением на лице настойчиво спросил Тенор.

— Довольно! — воскликнула Арива. — Мне хотелось бы избежать подобных разговоров. Если наш Совет будет видеть заговорщиков в любой тени и с каждым новым шагом, чего мы тогда сможем ожидать от народа? Сейчас наш долг — сохранять спокойствие. Нет никакого повода для того, чтобы в чем-то заподозрить короля Томара. Помните о том, что он друг моей семьи, а не только Линана. Он знал и любил Береймy.

— Ваше величество, сегодня утром нам необходимо обсудить еще один вопрос, — спокойно произнес маршал Льеф.

Арива нахмурилась.

— Маршал, если это что-то еще по поводу Чандры...

— Это касается королевства Хаксус, ваше величество. Вскоре там станет известно о смерти королевы Ашарны. Правитель этого королевства король Салокан долгое время испытывал ненависть и зависть по отношению к Гренда-Лиру. Он мог заплатить за собственные выборы, чтобы получить преимущество престолонаследия. Когда он узнает о смерти Береймы, эта весть может стать для него поощрением к дальнейшим действиям.

— Я полностью согласен с маршалом, ваше величество, — сказал адмирал Сечмар. — Салокан с горечью вспоминает о

поражении, нанесенном ему нашими силами во времена Невольничьей войны. Он станет любыми путями приносить вред и мешать королевству жить спокойно.

— Но ведь вы же не думаете, что он вторгнется к нам? — спросила Арива. — Наши армии опрокинут его...

— Нет, конечно, ни на какое вторжение он не пойдет. Однако я убежден в том, что он станет испытывать вашу решимость. К примеру, начнутся нападения пиратов на наши рыболовецкие суда, набеги на фермы и маленькие поселки вдоль общей границы. Он будет проверять вашу реакцию на подобные провокации.

— Мы будем немедленно отвечать на любые набеги, — с жаром ответила Арива. — Я должна обеспечить спокойную жизнь и процветание королевства, и никакой мелкий северный король не сможет мне в этом помешать.

Оркид снова откашлялся.

— Ваше величество, почему бы не направить ему решительное предупреждение, пока не случилось никакой провокации? Сейчас в Хьюме уже стоит наш флот и две бригады, предназначенные для поддержки собственных сил королевы Чарионы. Направьте туда еще кавалерию — и тогда все они будут в ответе за отражение любых вражеских вылазок.

Арива вопросительно взглянула на Льефа и Сечмара. Адмирал кивнул.

— Добрый совет, — сказал он. — За две недели я смогу обеспечить транспорт для нескольких полков.

— Наша армия слишком рассеяна, ваше величество, — заговорил маршал. — Мы можем набрать наемников на продолжительный срок на случай необходимости. Это было бы гораздо выгоднее, чем создавать ради коротких стычек новые войска.

— Отлично, — согласилась Арива. — Однако набор наемников следует проводить за пределами Кендры. Я не хочу, чтобы распространялись слухи о войне. Это все, что нам сейчас необходимо.

Выслушав ее решение, Льеф и Сечмар удовлетворенно закивали.

— Ну что же, мы решили все основные вопросы, — обратилась Арива к Совету. — Для первого собрания Совета этого довольно. Моим чиновникам и мне самой пришлось действовать очень быстро для того, чтобы разобраться в создавшемся положении, однако в будущем я буду как можно больше полагаться на ваш совет и поддержку.

Прежде, чем могли быть заданы какие-либо вопросы, Арива поднялась, и всем невольно пришлось последовать ее примеру.

— Очень скоро мы соберемся снова. Харнан оповестит вас о том, когда именно это произойдет. А до тех пор помните, что вы должны служить примером для всех людей. Я жду от каждого из вас соответствующего поведения.

ГЛАВА 14

Когда Линан проснулся, солнце уже почти зашло, а в воздухе веяло прохладой. Все его тело болело, поначалу ему с трудом давалось каждое движение — но в конце концов он смог подняться и осмотреться. Неподалеку от него все еще спал Эйджер, его дыхание было ровным и глубоким. Однако Линан нигде не увидел ни Дженрозы, ни Камаля.

Край утеса находился шагах в десяти от принца, и Линан слышал отдаленный шум волн, доносившийся снизу. Он смутно припомнил, как добрался до вершины и упал. Должно быть, кто-то из друзей оттащил его подальше от обрыва, иначе он мог бы во сне скатиться вниз и разбиться насмерть.

Обернувшись, Линан увидел на севере и на востоке пологие склоны хребта Эбриус, вершины которого были круче к юго-востоку со стороны Кендры, и к северу, где раскинулась Чандра. Вдалеке он смог различить очертания самой Кендры, за которой виднелась голубая полоска залива Пустельги, выходившего в Разделяющее море. Взглянув на юго-запад, он разглядел начинавшиеся там земли Луризии — край влажного леса, покрывавшего большую часть этой провинции. Лес прорезала узкая серая полоса — это была река Гелт, к которой направлялись Линан и его спутники до встречи с военным кораблем. Между утесом и морем он различил силуэты паривших в воздухе птиц, наслаждавшихся последним теплом уходившего дня.

Под ногами Линана росла высокая мягкая трава, которая по мере приближения к пологим горным склонам уступала место низким кустарникам. На другой стороне утеса преобладала растительность другого рода: высокие раскидистые папоротники, мощные дубы, среди которых в вечернем сумраке еще можно было различить стройные стволы сосен и крепкие золотистые веера пальмовых деревьев. Из дубовой рощицы на юго-восточной стороне утеса появились Дженроза и Камаль. Вид у них был усталый, одежда перепачкана,

однако оба они заулыбались при виде Линана и стали махать ему руками. Он помахал рукой в ответ и направился им навстречу.

— Как ты себя чувствуешь, малыш? — спросил Камаль.

— Так, будто кто-то разобрал меня на мелкие кусочки, а потом слишком плохо сложил их вместе. Что мы теперь будем делать?

— Для того, чтобы подниматься на хребет Эбриус, время уже слишком позднее. Нам нужно дойти до деревьев и укрыться среди них. Кроме всего прочего, среди листвы нам будет не так холодно ночью. Только вот я не думаю, что мы сможем позволить себе развести огонь. На такой высоте дым будем заметен даже из города.

С этими словами Камаль подошел к спавшему Эйджеру и потряс его за плечо. Горбун живо вскочил на ноги и с хрустом в суставах потянулся.

— Мне просто необходимо было вздремнуть, — заявил он, ни к кому конкретно не обращаясь.

Вся четверка беглецов направилась к границе утеса, а затем вдоль нее по северо-западному спуску. Они прошли еще около пяти километров и наконец добрались до небольшой лощины, в которой можно было хотя бы немного укрыться от холодного вечернего ветра, задувавшего со свистом со стороны залива. Вместе они насобирали четыре большие охапки листьев и устроились, чтобы заснуть, голодные и измученные дневными приключениями.

Линану показалось, что прошло лишь одно короткое мгновение между тем, как он смежил веки, и тем, как кто-то яростно затряс его плечи и вырвал из забытья. Оказалось, что это была Дженроза. Солнце уже закатилось, и землю окутал мягкий ночной сумрак. Линан открыл было рот, и с его языка едва не сорвалась грубость, однако девушка закрыла его рот рукой и прижала палец к губам, призывая его хранить молчание. Он согласно кивнул. Тогда Дженроза убрала ладонь от его губ и знаками показала ему, чтобы он шел за ней. Он повиновался, и Дженроза направилась к краю лощины, туда, где, всматриваясь в темноту, лежали Эйджер и Камаль.

Линан вопросительно взглянул на Эйджера, однако тот предостерегающе покачал головой и, приставив к уху ладонь, к чему-то прислушался. Линан тоже попытался вслушаться в тишину и понять, что же так встревожило его товарищей. Спустя несколько секунд ему удалось услышать отдаленное царапанье: было похоже, будто кто-то тащит через лес грабли. Спустя несколько мгновений звук повторился, на этот раз определенно ближе. По спине Линана пробежали мурашки: он понял, что это большой медведь сопит среди осенней

опавшей листвы. Возможно, зверь почуял их и теперь направлялся именно к ним.

Линан единственный раз в жизни видел такого зверя; это случилось тогда, когда Ашарна позволила ему присоединиться к королевской охоте на хребте Эбриус. От той охоты у него остались весьма неопределенные воспоминания. Он помнил, что медведь был вдвое выше и вдвое толще самого высокого и толстого человека, а его мышцы напоминали стальные тросы, покрытые лоснящейся коричневой шерстью. В пастях у этих зверей было полно огромных острых зубов, а их когти были длиннее и острее, чем ножи мясника. Заранее предупрежденный человек мог бы попытаться убежать от такого чудовища, но медведи, несмотря на их непомерные размеры, могли развивать огромную скорость, так что на небольшом расстоянии такой зверь мог с легкостью догнать и растерзать любого.

Опять послышалось сопение, на этот раз еще ближе. Линан почувствовал в воздухе тяжелый затхлый запах, такой мерзкий, что к горлу подкатил комок тошноты.

— Он определенно направляется сюда, — прошептал Камаль. — Он почуял нас и теперь рыщет туда-сюда, ищет нас по запаху.

— Значит, ничего не поделаешь, — так же шепотом отозвался Эйджер. — У нас есть единственный выход — устроить засаду. Но для этого нам придется выбраться из лощины.

Они с Камалем принялись за поиски подходящего для засады места, изо всех сил напрягая зрение и пытаясь разглядеть хоть что-нибудь в ночном сумраке. Наконец Камаль показал на крепкое раскидистое дерево с низкими ветвями, стоявшее шагах в сорока от них на противоположном краю лощины. Эйджер кивнул, и все четверо побежали к нему. Дерево оказалось ветвистым, и ветви его были достаточно крепкими, чтобы выдержать всех четверых, поэтому спустя считанные секунды беглецы угнездились в этих спасительных ветвях и стали похожи на семейство каких-то диковинных птиц. Единственным их оружием были ножи. Сердце Линана так бешено колотилось в груди, что он боялся, как бы зверь не услышал его биение, однако выровнять дыхание ему удалось не сразу.

А еще через несколько мгновений они увидели и самого медведя. Раздвинув огромной головой кусты на краю лощины, он прыгнул вперед, приземлившись на все четыре лапы. Носом он водил из стороны в сторону. Зверь начал негромко рычать — очевидно, раздосадованный тем, что до сих пор не увидел никакой жертвы. Спустя несколько мгновений он поднялся на задние лапы, испустил неожиданно

пронзительный крик и стал принюхиваться. В лунном свете блеснули кривые желтые зубы. Медведь снова опустился на все четыре лапы и быстро зашагал вперед, через лощину. Наконец ему удалось вновь почуять запах людей. С довольным ворчанием он направился прямо к дереву, в ветвях которого они укрывались.

Желудок Линана свело до боли, а во рту внезапно пересохло. Он крепче сжал рукоятку ножа и от всей души пожелал оказаться где-нибудь в другом месте, хотя бы снова в траве на краю утеса. Медведь остановился под деревом и растерянно замотал головой, очевидно, не понимая, куда опять пропал след людей.

Прежде чем он успел задрать голову и посмотреть наверх, Эйджер издал боевой клич Копий Кендры, соскользнул со своей ветви на спину зверя и всадил свой кинжал точно между его лопатками. В это же мгновение с дерева спрыгнул Камаль, оказавшись прямо перед мордой медведя, и сплеча ударил его ножом, располосовав зверю нос.

Медведь отреагировал немедленно с неожиданным для его размеров проворством. Он заревел и быстро повернулся на месте, описав лапами в воздухе широкую дугу. Камаля сбил с ног удар огромной силы, и он отлетел в сторону, как тряпичная кукла, выронив из руки нож. Эйджер соскользнул со спины медведя и упал на спину, а его кинжал остался торчать между медвежьими лопатками. Зверь снова развернулся и, широко раскрыв страшные челюсти, направился к Эйджеру, из его ран обильно лилась кровь. Он оказался прямо под той веткой, на которой сидел Линан, и принц, не раздумывая, соскользнул вниз. Он оседлал медведя, как жокей лошадь, и ударил ножом в плотную шкуру между шеей и плечами, вложив в этот удар все свои силы. Однако удар пришелся в кость, с которой лезвие соскользнуло. Медведь затряс головой и сбросил со своей спины Линана с такой же легкостью, с какой за несколько секунд до этого избавился от Эйджера.

К этому моменту Дженроза тоже успела спрыгнуть с дерева и побежала к Камалю. Зверь заметил движение и ринулся к ней. Увидев грозившую ей опасность, девушка взмахнула своим оружием и нанесла медведю еще один удар в нос. Он взвыл, резко замахнулся передней лапой, ударил Дженрозу по голове, сбив ее с ног и отбросив в сторону.

Увидев упавшую Дженрозу, Линан закричал от ярости и, метнувшись вперед, вонзил лезвие в бедро зверя. На этот раз удар оказался более удачным — лезвие почти до самой рукоятки погрузилось в мышцы. Руки и лицо Линана залила темная теплая кровь. Медведь поднял раненую лапу и ударил не глядя. Линану удалось

уклониться от страшного удара, вытащить из раны зверя нож и нанести еще один удар. К этому моменту успел прийти в себя Эйджер. Он снова вскочил на спину медведя, вытащил из раны между лопатками зверя свой кинжал и ударил медведя в основание шеи. Этот его удар пришелся в артерию. Из пасти медведя хлынула кровь, он поднялся на задние лапы, пошатнулся, упал мордой вниз и замер.

На мгновение наступила полная тишина. Линан застыл на месте из страха, что медведь мог вернуться к жизни. Однако еще через несколько секунд проявились последствия пережитого ужаса — его затрясло, точно в лихорадке. К нему подошел Эйджер и положил руку ему на плечо.

— Отлично сработано, принц Линан. Вы не ранены? — Линан отрицательно покачал головой. — Тогда посмотрите, что с Дженрозой, а я помогу Камалю.

Линан подошел к Дженрозе и опустился возле нее на колени. Ее лоб прорезала широкая рана с рваными краями, выглядевшая поистине ужасающе. По лицу девушки струилась кровь. Линан оторвал кусок ткани от своей рубашки и осторожно зажал им рану. Вскоре кровь остановилась. Тогда он осторожно убрал ткань и осмотрел рану. Кожа вокруг нее покраснела. Он наклонился ниже и прислушался к дыханию Дженрозы. Она дышала медленно, но ровно.

К нему подошли Эйджер и помятый Камаль, осторожно потиравший левую руку.

— Ну, как она? — спросил Камаль.

— Она без сознания, удар был сильным, — ответил Линан. — Хорошо хотя бы, что кровотечение прекратилось. Думаю, ей нужен врач. Как ты сам?

Камаль пожал плечами и поморщился от боли, которую доставило ему это легкое движение.

— В худшем случае пара сломанных ребер, а в лучшем я просто сильно помят.

— Я мог бы соорудить тебе перевязь, — предложил своему другу Эйджер. — Если ты не будешь шевелить левой рукой, то поправишься достаточно быстро.

Камаль кивком показал на лежавшую неподвижно Дженрозу.

— А что делать с ней?

— Ей нужен врач, — повторил Линан. — Недалеко от этого хребта в Чандре есть города. Мы должны доставить ее в один из них.

Камаль и Эйджер ничего на это не ответили, но по выражению их лиц все было понятно.

— Ей нужна помощь! — горячо воскликнул Линан. — Вы же сами это понимаете!

— Мы не можем пойти на такой риск, — мрачно произнес Эйджер. — Если только мы придем в город, кто-нибудь непременно донесет о том, что видел нас, и тогда за нами тотчас же бросится в погоню королевская гвардия под предводительством какого-нибудь прихвостня Деджануса, если не под его собственным. Как вы думаете, что произойдет с Дженрозой, если нас схватят?

Линан опустил глаза, понимая, что Эйджер прав, и проклиная себя за это понимание.

— Послушай, малыш, мы ведь не знаем в точности, насколько серьезно это повреждение, — мягко произнес Камаль. — Может быть, Дженроза через какой-нибудь час придет в себя. Единственный шанс для нее — да и для всех нас, коль скоро мы опять оказались на суше и в такой близости от Кендры, — заключается в том, чтобы продолжать идти и держаться подальше от таких мест, где нас могли бы опознать. Если же ее рана и в самом деле серьезна, то мне кажется, что для Дженрозы будет лучше остаться в наших руках, чем попасть в лапы наших недругов.

— Мы должны нести ее, — подтвердил Эйджер категорическим тоном. — Может быть, она придет в сознание вовсе не скоро.

Ножом он срезал с дерева две длинные ветки и завязал между ними свой плащ и плащ Камаля. Вдвоем с Линаном они осторожно положили девушку на эти грубые носилки и заботливо укрыли ее собственным плащом, чтобы она не замерзла.

— Камаль не может нам помогать, а если мы будем нести ее вдвоем, то быстро выдохнемся, — задумчиво проговорил Эйджер, обращаясь к Линану. — Поэтому разумнее будет, если мы станем тащить ее по очереди. Нам придется идти медленно, особенно вниз по хребту.

— Там под хребтом много ручьев, — сказал Камаль. — Мы могли бы остановиться возле одного из них. Ведь нам понадобятся и вода, и отдых, и убежище на весь день.

— Я потащу носилки первым, — решительно заявил Линан, поднимая с земли концы веток.

Лицо Дженрозы было бледным, однако шрам на лбу больше не кровоточил, а ее дыхание оставалось ровным.

Медленно они тронулись в путь. Впереди шел Эйджер, за ним Линан, тащивший за собой носилки, Камаль замыкал процессию. В темноте было невозможно все время придерживаться нужного направления, и им приходилось часто возвращаться назад в по-

исках лучшей дороги. Каждый час Линан и Эйджер сменяли друг друга и тащили носилки поочередно.

К восходу солнца путники спустились к подножию хребта Эбриус на северо-западе и увидели простиравшиеся перед ними земли Чандры. Земля здесь до самого горизонта была покрыта полями, на которых созревал богатый урожай. Повсюду извивались и весело журчали ручьи, местами виднелись небольшие рощицы и маленькие деревушки, и вся эта картина озарялась ярким светом утреннего солнца.

До середины утра Дженроза не издала ни единого звука, а чуть позже с носилок послышалось невнятное, еле слышное бормотание. Ее веки подергивались, но оставались закрытыми.

— Мне кажется, будто к ней возвращается нормальный цвет лица, — с надеждой в голосе произнес Линан. — Сейчас она определенно выглядит лучше.

— Я тоже мог бы выглядеть лучше, если бы кто-то тащил меня на себе добрый десяток километров, — сухо заметил Камаль.

Теперь они шли по узкой пыльной дороге, пролегавшей между полями хлебов. Эйджер по-прежнему вел за собой Линана и Камаля, зорко оглядывая все вокруг своим единственным глазом, чтобы не натолкнуться на случайных путников или солдат, а заодно высматривал удобное место для их ближайшей стоянки. Те люди, которые прокладывали эту дорогу, посадили вдоль нее высокие дубы, чтобы защитить ее от палящего солнца, и теперь в воздухе раздавалось звонкоголосое птичье пение и стрекотание кузнечиков.

— В такой замечательный день, как сегодня, с трудом верится, что кто-то может желать нашей смерти, — с грустью произнес Линан. — Да и вообще трудно поверить в то, что кто-то в целом мире находится в беде.

— Не позволяйте вашему воображению уноситься слишком далеко, ваше высочество. Ваша кровь не переменит своего красного цвета, и вы с необыкновенной легкостью можете умереть в такой денек точно так же, как и в любой другой. Если вам требуется напоминание, так оглянитесь и подумайте о том, как может чувствовать себя Дженроза.

— Ты думаешь, что она может слышать нас?

— Не представляю.

— Но она действительно стала выглядеть лучше, ты же сам видишь.

Камаль в ответ лишь что-то проворчал. Впереди на вершине небольшого холма появился Эйджер. Он бежал к ним, чуть

прихрамывая. Когда он оказался возле них, он задыхался, а лицо его покраснело от напряжения и тревоги.

— Там, впереди, отряд наемников. Пока они приблизительно в лиге отсюда, однако у нас все равно мало времени. За этим холмом течет ручей. Мы могли бы укрыться в кустах на его берегу.

Эйджер подхватил вторую сторону носилок, и беглецы пошли вперед так быстро, как только могли. Линан мысленно умолял свои ослабевшие от усталости мышцы послужить ему еще немного. Когда они добрались до ручья, узкой полоски чистой холодной воды, все они часто и тяжело дышали, а их сердца стучали подобно барабанам на гоночном вельботе.

Дорога пересекала ручей узким бродом и продолжалась на другом его берегу, постепенно поднимаясь на следующий холм. На том берегу ручья росли склонившиеся к воде деревья. Путники перешли ручей вброд и прошли вниз по его течению, в самую гущу небольшой рощицы, бережно обходя каждое дерево, чтобы не потревожить свою живую ношу. Едва они успели укрыться за густыми ветвями и двумя поваленными полусгнившими стволами, как к ручью приблизился отряд из десятка всадников. Когда лошади спускались к броду, блестящие украшения на мундирах солдат издавали легкий звон. Линан мысленно произнес проклятие, увидев, что всадники остановились возле ручья, чтобы напоить лошадей.

— Мне жилось припеваючи с той вдовушкой, что держит ферму возле сыроварни, — сказал один из солдат. — Ей нужен хороший человек, который помогал бы ей вести хозяйство. Еще бы несколько недель, и я рассчитался бы со службой и неплохо устроился бы на земле.

— А я и не подозревал, что тебе так нравятся грязь и сорняки, — насмешливо отозвался второй солдат.

— Это лучше войны и смерти.

— Какая война? Гренда-Лир не знал войны уже лет пятьдесят, если не больше.

— У меня есть уши, и я слышал, как наш сержант вчера разговаривал с курьером. Они слишком часто упоминали Хаксус. К тому же не забывай, что у нас теперь новый монарх. Теперь, после смерти Ашарны, надо быть готовыми к любой беде. Она наводила ужас на всех врагов королевства.

— Берейма всех их научит снова трепетать в ужасе, поверь мне.

— А я так думаю...

— Ладно, прекращайте болтать попусту, — раздался властный голос по другую сторону брода.

Линана так увлек подслушанный разговор наемников, что он совсем позабыл о своей главной обязанности и опомнился лишь тогда, когда из груди Дженрозы вырвался слабый стон. Он быстро и осторожно зажал ей рот ладонью, оставив свободными ноздри, чтобы девушка могла дышать, но было уже слишком поздно. Солдат, стоявший ближе всех к рощице, настороженно взглянул в ту сторону, где укрывалась четверка беглецов.

— Ты ничего не слышал? — спросил он товарища.

— Нет, ответил тот безо всякого интереса. В этот момент он снимал штаны, чтобы облегчиться на берегу.

— Я сказал — прекратить болтовню! — раздалась команда их предводителя.

— Но, сержант, я слышал какой-то звук!

— Может быть, там лиса, — резко произнес сержант. — У нас нет времени на то, чтобы заниматься пустяками. К ночи нас ждут в Кендре.

На лице наемника появилась кислая гримаса, и он вскочил в седло.

— Я уверен, что это была не лиса...

Его приятель натянул штаны, оседлал своего коня и направился вперед, чтобы перебраться через ручей.

— Может быть, это просто парочка молодых любовников, а? Думай-ка лучше о своей вдовушке и о долгой дороге, которая лежит перед нами. Не стоит раздражать нашего сержанта.

К этому моменту их отряд был уже далеко от ручья, и приятелям пришлось пришпорить своих коней, чтобы догнать остальных.

Линан хотел было подняться, однако Эйджер схватил его за руку.

— Подождите, — прошептал он. — Этот болтун может вернуться, чтобы осмотреть здесь все повнимательнее.

Прошло еще несколько минут, прежде чем Эйджер отпустил руку принца и кивнул.

Линан убрал ладонь с губ Дженрозы; она пробормотала несколько слов, однако он не смог ничего разобрать.

— Она разговаривает, — взволнованно сказал он.

— Если бы она поговорила еще немного, это довело бы нас всех до могилы, — язвительно отозвался Камаль.

— Если все то, о чем болтали эти солдаты, не пустые слухи, а истинная правда, — сказал Эйджер, — то мы не сможем направиться к Океанам Травы самым прямым путем. На всех дорогах и на всех реках будет полным-полно солдат и обозов с припасами для провинциальных городов.

— Но ведь после смерти моей матушки не было никаких разговоров о войне, — в замешательстве возразил Линан.

— Скорее всего, это Арива принимает меры предосторожности, — произнес Камаль. — Вполне возможно, что она опасается неприятностей на границах Кендры, в особенности на северной границе с Хаксусом. Поэтому она и вызвала солдат из ближайшей провинции, чтобы они морем добрались до Кендры.

— Дело может быть и в другом, — добавил Эйджер. — Может быть, она хочет начать войну для того, чтобы отвлечь внимание от событий внутри самой Кендры. Смена трех правителей за несколько дней способна вызвать гораздо больший переполох, чем любые внешние враги королевства.

— Если так, то каким же путем мы пойдем? — спросил Линан.

— Это надо хорошенько обмозговать, — ответил Эйджер. — Сперва я подумал было, что мы сможем найти такое место, где Дженроза и Камаль смогут поправиться. Мы больше не можем идти так, как шли до сих пор, волоча за собой носилки. На открытом месте нас непременно схватят. Нам нужно разработать новый план, на это потребуется время.

— Но где мы будем обдумывать его?

Эйджер огляделся.

— Это местечко на самом деле ничуть не хуже любого другого. Здесь у нас есть свежая вода, в ручье водится рыба. Деревья укрывают нас и создают тень, и отсюда мы можем следить за передвижениями наемников.

Линан кивнул.

— Хорошо. Ничего лучшего мне в голову не приходит.

Камаль показал на ручей.

— Будет лучше, если мы отойдем отсюда подальше. Сейчас мы слишком близко от брода, а если поднимемся по ручью вверх шагов на сотню, то сможем наблюдать за переправой не хуже, чем отсюда, а вдобавок избежим опасности обнаружить себя.

Последовав совету Камаля, они поднялись выше по течению ручья. Выбрав подходящее место, они нарезали лиан, обвивавшихся вокруг древесных стволов, и, связав с их помощью толстые и крепкие ветви дуба, соорудили что-то вроде шалаша, в котором можно было укрыться от дождя. Эйджер оторвал от своего плаща узкую полоску, срезал с ближайшего дерева крепкую ветку и быстро смастерил грубую, но вполне пригодную для ловли рыбы удочку.

В тот день они рискнули развести огонь и зажарили на костре мелких рыбешек, которых удалось наловить Эйджеру. На

следующий день, оставив Камаля присматривать за Дженрозой, Линан и Эйджер предприняли вылазку с тем, чтобы разведать окружавшую их обстановку. Прежде чём отправиться с Эйджером, Линан осторожно прикрыл куском чистой материи рану Дженрозы, чтобы в нее не могла попасть никакая инфекция. Сперва Дженроза ничего не ела, удавалось только понемногу вливать ей в рот воду. Она по-прежнему не издавала ни звука. Трижды она начинала что-то бормотать, но в ее словах невозможно было найти никакого смысла. Около полудня, к всеобщему облегчению, к ней вернулось сознание. Мужчины засуетились возле нее, предлагая то воду, то немного рыбы, то ягоды, которые нашел Эйджер неподалеку от их убежища во время одной из своих вылазок. Девушка с благодарностью съела то, что смогла, и вскоре вновь погрузилась в сон. Теперь цвет ее лица действительно стал почти нормальным, и Линан уверился в том, что через несколько дней Дженроза сможет подняться на ноги и двигаться дальше.

Между тем Камаль к этому моменту почувствовал себя настолько лучше, что решил в свою очередь отправиться на разведку. Его ребра, судя по всему, вовсе не были сломаны. Бок по-прежнему болел, однако Камаль уже мог свободно двигать рукой, несмотря на боль. Когда на землю опустилась вторая ночь, проводимая на этой вынужденной стоянке, все трое мужчин собрались, чтобы обсудить их дальнейшие шаги.

— Мы с Камалем посовещались и, как мне кажется, придумали самый лучший способ добраться до Океанов Травы и северных четтов, — обратился к принцу Эйджер. Линан кивком дал ему понять, чтобы тот продолжал. — Лигах в ста отсюда находится Силонин лес. Там почти никто не обитает, в этом лесу мы будем надежно укрыты от любопытных глаз на все время, которое нам понадобится, чтобы пройти следующую часть пути. Этот лес протянулся с юга на север почти на три сотни лиг, так что нам потребуется несколько дней, чтобы пробраться через него.

Линан обратил внимание на угрюмое выражение лица Камаля.

— Вы чего-то не договариваете?

Камаль со вздохом ответил:

— Мне доводилось слышать всякие истории про этот лес.

— Солдатские байки, — обрезал его Эйджер.

— Может быть, и так, однако в каждой солдатской байке есть доля правды.

— Какие истории? — заинтересованно спросил Линан.

— Люди, живущие поблизости, никогда не заходят в этот лес. Это место темное, древнее, там живут только такие существа,

которые не очень-то любят, чтобы их покой кто-то нарушал. Я видел одну такую тварь издали, и то в моих жилах тогда застыла кровь.

— Мы уже говорили с тобой об этом, — сердито произнес Эйджер. — Мы оба отлично знаем, что такое настоящий риск. Лес — лучшая возможность для нас пройти большое расстояние, сэкономить время и при этом остаться незамеченными.

Камаль понуро кивнул.

— Я понимаю. Да и нет у меня другого плана, ничего лучшего мне не придумать.

Линан не смог определить своего отношения к их разговору и попросил Эйджера продолжать.

— Когда мы выйдем на противоположную сторону леса, мы окажемся в двух сотнях километров от Спарро, столицы Чандры. Оттуда мы смогли бы на лодке добраться вверх по реке Барда до гор Уферо. Перевалив через горы, мы без особого труда сможем добраться до поселения, которое называют Суаком Странников. Это главный из всех торговых пунктов в тех местах, в нем идет торговля между четтами и восточными купцами.

— Сколько же дней займет у нас дорога до Океанов Травы, если мы пойдем таким путем? — спросил Линан.

Эйджер бросил быстрый взгляд на Камаля, шрамы на закрытом веке его слепого глаза в призрачном лунном свете были похожи на трещины.

— Мы считаем, что этот переход займет не больше четырех недель. Если все пойдет гладко, мы можем уложиться даже в три недели... ну а если судьба не будет к нам благосклонна, то этот переход продлится пять или даже шесть недель.

— Значит, по-вашему, время уже не играет никакой существенной роли? — спросил Линан, приподняв бровь.

— Безусловно, играет, да еще какую, — быстро отозвался Камаль. — Однако мы с Эйджером сошлись на том, что такой путь быстрее всего позволит нам добраться до Океанов Травы и при этом избежать опасности. Возможно, существуют и другие пути, — но если мы выберем какой-нибудь из них, то он может занять у нас несколько месяцев.

— Значит, я снова должен принимать решение?

— Да.

— То есть если я буду настаивать на том, чтобы мы шли тем путем, который выбрали с самого начала, вы не станете со мной спорить и возражать?

— Нет — но, возможно, что мы не последуем за вами. Конечно, мы не можем решать за Дженрозу, однако сейчас и сама она не может ничего сказать.

— Мне кажется, что подобное предводительство — пустое дело, — с горечью пробормотал Линан.

Эйджер легонько дернул себя за мочку уха.

— Ваше высочество, предводительство вовсе не пустяк, оно подобно палке о двух концах. Слишком многие расценивают его как привилегию и вовсе не думают об ответственности. Мне довелось немало пострадать от людей, неверно относившихся к своему положению. — Он поднял глаза и увидел выражение лица Линана. — Нет, малыш, я не имею в виду твоего отца. Но мне приходилось служить и под командой других генералов, не говоря уже о множестве капитанов кораблей.

— Я последую вашему совету.

Камаль и Эйджер с важностью кивнули.

Этой ночью Дженроза опять очнулась. Она была смущена своим положением, но не смогла найти в себе силы, чтобы сесть без помощи.

Девушка охотно ела, терпеливо слушала рассказ Линана о том, что с ней случилось, однако снова погрузилась в сон, так что принц не успел рассказать ей об изменениях в их планах.

— Это хорошо, — заверил его Эйджер. — Еще будет достаточно времени, чтобы обо всем ей рассказать, когда она окончательно придет в себя. Вполне возможно, что завтра, когда она проснется, она не будет помнить ничего из того, что вы ей сейчас рассказывали.

— Но теперь ей уже лучше, разве не так?

— Да, сейчас, когда она очнулась от своего глубокого сна, мне тоже так кажется. Должен признаться, что я боялся, как бы она не умерла у нас на руках, не приходя в сознание. Мне случалось прежде видывать такое.

При этих словах Эйджера Линан вздрогнул.

— Мы не смогли бы даже похоронить ее как следует. У нас нет священнослужителя. Что бы тогда произошло с ее душой?

— Ваше высочество, если существует бог, неужели вы думаете, что он допустил бы, чтобы Дженроза умерла без отпущения грехов?

— Не знаю, — искренне признался Линан.

Эйджер уселся поближе к принцу.

— Значит, вы верите в загробную жизнь?

— Конечно. В нее все верят. — Но тотчас же Линана одолели сомнения. — Разве не так? — Он внимательно смотрел на

горбуна, пытаясь понять выражение его единственного глаза. — Разве ты сам не веришь?

Губы Эйджера слегка изогнулись в слабой ухмылке.

— Большинство солдат верят в это по привычке, но недолго. А потом их вера пропадает, потому что они слишком близко видят смерть и знают, на что она похожа. Но спустя какое-то время они начинают верить снова, потому что всем им очень хочется, чтобы было еще что-то после того, как их убьют.

Любопытство Линана разгорелось.

— Но сам ты веришь в загробную жизнь? — настойчиво переспросил он.

— Нет, не верю. Я просто не могу себе представить, какая в ней необходимость — несмотря на все, что толкуют нам святоши.

— Тогда ты, должно быть, очень боишься смерти, — многозначительно произнес Линан.

— А вы разве не боитесь ее? — в свою очередь спросил Эйджер.

— Конечно, боюсь. Однако я знаю, что существует нечто такое, что будет ждать меня после того, как я умру.

— В таком случае, мой юный принц, вы гораздо более мудры, нежели я.

Эйджер улегся на спину и закрыл глаза. Линан понял этот ясный намек и не стал больше ни о чем его спрашивать. Он сидел в полной темноте их самодельного убежища и слушал хор лягушек, звуки которого доносились с берегов ручья. Голова Дженрозы покоилась на его колене. Снаружи ему были слышны мягкие тихие шаги Камаля, неутомимо исполнявшего обязанность караульного. Линан рассеянно погладил волосы Дженрозы и стал думать о том, какой была ее жизнь до того, как в нее вмешался он со своими проблемами. Живы ли были ее родители? Были ли у нее братья или сестры? Неожиданно эти вопросы стали для него важными.

Линан осознал, что его чувства к Дженрозе стали сильнее с тех пор, как им удалось бежать из дворца, однако ему не под силу было разобраться в истинной природе этих чувств, и теперь он испытывал замешательство. Никогда прежде он не знал такой потребности заботиться о ком-то, как сейчас. Его влекло к этой девушке, однако эмоции, которые зародила в его сердце встреча с ней, были чем-то большим, нежели просто желание уложить ее в постель.

А что ему было известно о чувствах Дженрозы к нему? Она была сдержанной в общении, даже обидчивой, и это причиняло ему боль. Она сказала, что не винит его в том затруднительном по-

ложении, в котором оказалась, однако у Линана не оставалось никаких сомнений в собственной вине. Никто более не нес ответственность за то, что девушка оказалась в бегах, а ее жизнь подвергалась теперь постоянной опасности.

И все же, несмотря на это чувство вины, он испытывал радость от того, что она была теперь рядом с ним и разделяла его трудности. Пусть даже в нем самом заключалась вся причина ее бедствий.

Он напомнил себе о ее ране. Что будет, если она умрет?

В этом будет виноват только он.

Он не мог найти ответов на свои вопросы, и эти вопросы переполняли его сердце.

На другой день Дженроза попыталась встать. Ей удалось даже пройти несколько шагов, прежде чем она упала на руки Линана. Обнаружилось, что Эйджер был абсолютно прав, когда говорил о ее памяти, но Линан повторил свой рассказ со всеми подробностями и рассказал об изменениях в их планах.

— Я думаю о том, смогу ли я когда-нибудь вернуться в Кендру, — громко и задумчиво произнесла она, и Линан в этот миг тоже ощутил тоску по родному дому. — Ведь у меня нет другого выбора, я должна идти с вами, правда?

— Не могут же королевские солдаты разыскивать нас вечно. Когда страсти успокоятся, быть может, у вас появится возможность вернуться и жить в одном из городов.

— Но не в Кендре.

Линан пожал плечами. Он не знал, что ей ответить.

— Не знаю, насколько я готова идти дальше, — сказала Дженроза, — но я постараюсь не слишком сильно вас задерживать.

— Мы еще можем переждать здесь денек-другой, — ответил Эйджер. — Но не больше. Мы и так уже довольно испытываем нашу удачу, оставаясь на одном месте столь долго. В конце концов кто-нибудь из местных жителей заметит дым нашего костра или набредет на наше убежище.

— Самая опасная часть пути для нас — это дорога отсюда до леса Силоны, — произнес Камаль. — Она вся на виду, дорога идет через поля, и мы будем торчать среди хлебов, как деревья в пустыне. Так что сейчас отдыхайте хорошенько и набирайтесь сил, потому что нам нужно будет двигаться как можно быстрее.

Однако беглецам не понадобился лишний день. На следующее утро, почти сразу же после легкого завтрака Дженроза попыталась потренироваться в ходьбе Линан сопровождал ее до брода

и обратно. Сперва девушка испытывала слабость в ногах, но когда они подошли к броду, она двигалась уже нормально, разве что медленнее, чем обычно.

— Как вы себя чувствуете? — спросил ее Линан.

— Так, будто кто-то пытается выбраться из моей головы с помощью молота. Как только я начинаю идти слишком быстро, мне кажется, будто моя голова вот-вот взорвется, а все мои суставы превратятся в желе. Но я останусь жива.

Она повернулась и улыбнулась ему, тронутая выражением глубокого участия на его лице.

— Я слышала, что вы спасли мне жизнь.

Линан покраснел:

— Но это по моей вине вы оказались вовлечены во всю эту историю. Самое малое, что я мог для вас сделать — не дать вам погибнуть.

Дженроза рассмеялась его словам, но тут же со стоном обхватила голову руками.

— Смеяться тоже очень больно. Как это нелепо, правда?

На противоположном берегу ручья послышался звук приближавшихся шагов. Линан взглянул в ту сторону, ожидая появления Эйджера или Камаля. Однако вместо них он увидел вооруженного длинным мечом солдата в кожаной одежде. Его прямые черные волосы свободно падали на плечи, а с круглого рябого лица на Линана и Дженрозу пристально смотрели большие карие глаза. Солдат испустил торжествующий крик и бросился к ним, занеся меч над головой.

Дженроза и Линан одновременно схватились за свои кинжалы, но было уже слишком поздно, они ничем не могли ответить нападавшему. Солдат был уже в двух шагах от них, когда на него бросился Камаль, схватил его за плечи и с яростью швырнул в ручей. Он вложил в это движение всю свою силу, так что не удержался на ногах и упал сам, однако тут же быстро вскочил на ноги. Солдат лежал в воде без сознания.

— Возвращайтесь в убежище! — прорычал Камаль Дженрозе и Ливану. — Скажите Эйджеру, чтобы он поторопился! — Он наклонился и забрал меч из руки поверженного наемника.

— Камаль... — начал было Линан, однако Дженроза изо всех сил вцепилась в его руку.

— Ради бога, делайте все так, как он говорит! Пойдемте!

Не успела Дженроза произнести эти слова, как они увидели еще четверых солдат, одетых и вооруженных в точности так же,

как первый. Они бежали вверх по течению ручья и замерли на месте, увидев Камаля, стоявшего возле брода, и своего товарища, лежавшего в воде возле его ног.

Линан едва ли не оттолкнул от себя Дженрозу.

— Идите же! — воскликнул он. — Идите к Эйджеру!

Принц не стал ждать, чтобы удостовериться в том, что девушка действительно пошла к убежищу. Он подбежал к Камалю и остановился у него за спиной, потому что брод был слишком узким, и встать бок о бок со своим старшим другом он не мог.

— Какого черта ты здесь делаешь? — с присвистом прошипел ему Камаль.

— Я не собираюсь убегать, — ответил Линан, и в его голосе послышалась решимость, которой он на самом деле вовсе не испытывал.

— И что ты думаешь делать, если между тобой и неприятелем стою я? Будешь бить их своим ножом из-под моих ног?

— Если придется, то да.

— Лучше бы ты думал о том, как добиваться своей главной цели, малыш, — мрачно произнес Камаль.

Тем временем солдаты начали двигаться вперед, очевидно, решив, что четверо против двоих — существенное преимущество, хотя бы один из этих двоих и был настоящим великаном.

— Не валяйте дурака, — предупредил их Камаль почти с отеческой заботой в голосе. — Неужели вы всерьез думаете, что кто-нибудь из вас сможет справиться со мной?

Солдаты заколебались, неуверенно переглянулись, но после этой маленькой заминки все-таки снова двинулись к броду.

— Хотел бы я иметь такую же уверенность, как Эйджер, — прошептал Камаль, едва разжимая губы.

— Я во всем уверен, — доверительно сообщил Линан.

Камаль рассмеялся, отчего у их противников вид стал еще более неуверенным.

— Так и держись. Нам просто ни в коем случае нельзя позволить хотя бы одному из них сбежать отсюда. Как ты думаешь, если я добуду для тебя меч, ты сможешь свалить одного из них?

— Конечно. Голос Линана против его воли прозвучал слишком громко. — Может быть, даже двоих.

— Ну, для начала хотя бы одного.

Между тем солдаты выстроились в линию и уже собрались перейти ручей вброд, когда Камаль со своим знаменитым боевым кличем бросился вперед, заставив их отступить обратно. При этом

двое солдат, споткнувшись, упали. Камаль одним прыжком оказался возле них и выбил у одного из руки меч. Затем он выскочил на берег, стремительно шагнул вправо и опустил меч на голову оказавшегося перед ним солдата. Сильный удар рассек голову наемника недалеко от левого уха. Фонтаном забила кровь; солдат, словно подкошенный, рухнул на землю.

Линан подхватил меч, протянутый ему Камалем, и бросился на второго стоявшего солдата. Однако обнаружилось, что на его долю выпала более трудная задача, чем на долю Камаля. Его противник оказался незаурядным фехтовальщиком. Увы, несмотря на упорные тренировки Линана с Эйджером, принцу был привычнее отцовский меч. Сейчас же чужое оружие лишь скользило по лезвию противника в поисках подходящего места для удара. За спиной Линан слышал звуки борьбы — упавшие солдаты успели подняться на ноги, и теперь Камаль сражался с ними.

Отчаяние придало Линану сил и ловкости. Ему удалось подобрать наилучшую скорость движений, чтобы отражать удары противника, и вскоре острие его меча вонзилось в горло солдата. Тот издал булькающий звук, упал на спину, выронив меч и зажимая руками смертельную рану.

Линан стремительно развернулся и бросился на противников Камаля, выкрикивая что-то невразумительное.

Один из солдат повернулся к нему, но вынужден был отступить под градом ударов Линана. Солдат потерял равновесие, поскользнулся и упал вперед, прямо на острие меча Линана. Тому оставалось лишь выдернуть оружие из раны между его ребрами. К этому моменту и Камаль расправился с последним из неприятелей, теперь он стоял, часто и тяжело дыша. Его рука была в крови.

— Неплохая схватка, — удовлетворенно произнес бывший коннетабль. — Они оказались лучше, чем я о них думал.

— Кто — они? — спросил Линан.

— Другие наемники. Когда они увидели здесь вас с Дженрозой, то, наверное, подумали, что могут поживиться легкими деньгами — или, может быть, хотели позабавиться с женщиной.

— За ними будут и другие?

— Почти наверняка. Скорее всего, эти были высланы вперед как разведка, с целью найти место для лагеря остальному отряду. Это могло быть где-то полдня назад. Нам нужно спрятать их тела и убираться отсюда.

За их спинами послышался какой-то звук, и оба они быстро повернулись с занесенными мечами.

— Могли бы оставить для меня хотя бы одного, — проворчал Эйджер. Из-за его спины выглядывала встревоженная Дженроза.

— Они были слишком нетерпеливы, — ответил Камаль.

— Да ты ранен, — заметил Эйджер, указывая на окровавленную руку великана.

— Камаль! — в свою очередь воскликнул Линан. Он-то посчитал, что кровь на руке Камаля принадлежала одному из убитых наемников. — Почему ты ничего не сказал?

— Я сказал, — возразил Камаль. — Я сказал: «Неплохая была схватка», а потом я сказал...

— Я вовсе не это имел в виду.

Линан не мог скрыть раздражения.

— Рана не слишком серьезная, ваше высочество, иначе я упомянул бы о ней. — Камаль посмотрел на Эйджера. — Просто я двигался медленнее, чем требовалось. Увы, мой бок все еще побаливает...

— Ты можешь считать рану несерьезной, однако ты не станешь поднимать меч еще несколько дней, — категорично заявил Эйджер, бережно осматривая раненую руку Камаля. — Линан, отведи Камаля к тому кусту, что растет за нашим убежищем. Сорви с этого куста несколько листьев, разотри их между ладонями и как следует вотри их в рану.

Лицо Камаля стало белее мела.

— Ну уж нет. Однажды со мной уже проделывали это, когда я был ранен в левую ногу, и я до сих пор помню, какой непереносимой была боль!

— Зато твоя левая нога до сих пор цела и невредима. Отправляйся с Линаном. — Эйджер повернулся к Дженрозе. — А вам следует отдохнуть. Мы должны отправиться в путь, как только стемнеет, и тогда вам понадобятся силы.

Он осмотрел тела четверых наемников.

— Ну что ж, теперь, по крайней мере, у нас есть оружие для всех.

— У них должны были быть лошади, — сказал Камаль. — Если мы не хотим быть замеченными, то мы не можем воспользоваться ими, однако нельзя и оставлять их бродить здесь.

— Я отведу их на пару лиг вперед по дороге, — решил Эйджер. — Идите же.

Линан, Камаль и Дженроза послушно отправились к укрытию. Линан вспомнил о первом наемнике, который был жив и

без сознания лежал в воде. Он обернулся, чтобы предупредить Эйджера, — в тот самый момент, когда горбун, приподняв из воды голову наемника, вонзил кинжал ему в горло и тут же вытащил. Хлынула кровь, и все было кончено. На мгновение Эйджер поднял голову, встретился взглядом с Линаном, и принц впервые увидел во взгляде своего наставника боль.

Вздрогнув, Линан повернулся и присоединился к товарищам.

ГЛАВА 15

Рано утром Ариву разбудил посыльный от Деджануса с сообщением о том, что в управлении королевской гвардии появился человек, обладавший некоторыми сведениями, касавшимися принца Линана. Будучи не расположена принимать нового коннетабля гвардии в одиночку, она велела разбудить Олио. Гостем Деджануса оказался крепкий мужчина в форме флотского офицера; длинные красные полосы на рукавах его куртки указывали на капитанскую должность. Он сидел на стуле, и вид у него был чрезвычайно встревоженный, а еще могло показаться, будто ему было очень жаль самого себя.

Когда в приемную вошли королева с братом, капитан вскочил так быстро, что опрокинул стул, — но, несмотря на такой конфуз, лихо отдал честь. По выражению его лица Арива заметила, что он чем-то до ужаса напуган. Ей стало любопытно, что же успел наговорить ему Деджанус.

— Ваше величество, это капитан Рикор с корабля «Призрак», одного из тех, что были отправлены в погоню за судном Грапнеля Мурриса «Брызги моря», — представил посетителя Деджанус. Вслед за этим он бросил взгляд на самого капитана и не сумел скрыть собственного разочарования. — У него есть для вас некое сообщение.

Арива благосклонно кивнула Рикору, давая понять, что она готова его выслушать. Капитан заметно нервничал, напряженным голосом он рассказал Ариве и Олио о маленькой лодке, которую он заметил с корабля днем раньше, и которая разбилась о скалистые утесы к северу от Кендры. В его устах описание событий выглядело не вполне внятным, однако было ясно, что большего от него ожидать не следовало.

— Повторите, пожалуйста, сколько, по-вашему, людей было в той лодке? — переспросила Арива капитана, когда он окончил свой рассказ. Невольно она взглянула на Деджануса, стоявшего за спиной капитана, подобно духу возмездия, и подумала о том, что вид у него был весьма угрожающим. На какое-то мгновение Арива и

сама ощутила неясную угрозу, исходившую от Деджануса, однако, прислушавшись к спокойному и ровному дыханию Олио за своей спиной, почувствовала себя спокойнее.

Капитан Рикор громко сглотнул слюну, опустил глаза.

— Их было четверо, ваше величество. Трое мужчин и женщина.

— Вы смогли узнать кого-нибудь из них?

— Не вполне, ваше величество. Однако самый высокий и крепкий из них был похож на коннет... то есть, я хотел сказать, на Камаля Аларна.

Капитан бросил испуганный взгляд в сторону нового коннетабля.

— Мы не смогли приблизиться к ним настолько, чтобы ясно различить их лица.

— Но никому из них не удалось спастись, — проговорил Деджанус, и его слова прозвучали не как вопрос, а как безоговорочное утверждение.

— Нет, — слабым голосом ответил Рикор. — Мы ждали несколько минут. Там не было тел. Подводное течение в тех местах очень сильно. Если их... не съели хищники... тогда, может быть, одно или два тела прибьет к берегам Амана или Луризии дней через десять.

Арива глубоко вздохнула.

— Как вам уд-д-далось обнаружить лодку? — спросил Олио. — Мне казалось, что ваше судно было отправлено в погоню за «Брызгами моря».

— В погоню за этим судном были отправлены три военных корабля, ваше высочество, — ответил Рикор. — Кроме моего корабля, «Призрака», в море вышли еще «Лунный свет» и «Победитель ветров». Мой корабль вышел из гавани последним, а в море впередсмотрящий заметил стаю птиц к северо-западу от нас, и мы решили, что там лодка, — хотя самой лодки в тот момент еще не было видно. Я знал, что «Лунный свет» и «Победитель ветров» обладают достаточной скоростью для того, чтобы догнать «Брызги моря», и потому принял решение выяснить, что за лодка движется вдоль скал. Просто на всякий случай.

— Вы поступили правильно, — вежливо заметил Олио. Арива кивнула Деджанусу, и он дотронулся до плеча Рикора. Капитан неуверенно поднялся, откозырял королеве и вышел.

— Я хочу, чтобы вдоль того берега были усилены патрули как со стороны моря, так и на суше, — сказала Арива. — Если только какие-нибудь тела всплывут или окажутся выброшенными на берег, их следует немедленно доставить сюда для опознания.

Деджанус наклонил голову.

— Возможно, что опознать останки будет весьма затруднительно, ваше величество. Их тела могло разбить о скалы, а кроме того, следует принять во внимание акул и прочих морских тварей...

— Тем не менее, — настойчиво произнесла Арива, — я хочу, чтобы это было исполнено. Есть ли какие-нибудь известия от капитанов двух других кораблей?

На лице Деджануса появилось удрученное выражение.

— Они потеряли «Брызги моря», ваше величество. Судно Грапнеля успело уйти очень далеко. Был туман, мелководье...

Голос коннетабля замер.

Арива кивнула, едва склонив голову, и вышла, не дожидаясь салюта Деджануса. Олио последовал за ней.

— Я надеялась, что к сегодняшнему утру вся эта история будет закончена, — мрачно произнесла она.

— Вполне возможно, что она и на с-с-самом д-д-деле закончена. Я думаю, что никто не смог бы уцелеть, будучи выброшен в м-м-море в такой близости от скал.

— А что ты скажешь о заговоре? — повысила голос королева. — Без Линана либо без кого-нибудь из его сообщников мы никогда не сможем узнать, кто еще оказался вовлеченным в него.

— А это, может быть, и не будет иметь никакого значения. Если Линан и Камаль причастны к смерти Береймы, то можно с полной уверенностью считать их предводителями. Кто еще мог оказаться заодно с ними? А без них любые другие заговорщики не будут представлять н-н-никакой угрозы.

— Если Линан и Камаль причастны? Ты все еще сомневаешься в этом?

Олио пожал плечами.

— Я признаю, что свидетельства их причастности неопровержимы. Однако, Арива, подумай сама — если заговор был направлен не только против Береймы, но и против нас с тобой, то мы бы сейчас с тобой здесь не разговаривали. Нет, целью был именно бедный Береймa, а вовсе не вся королевская семья. А если так, то какую выгоду мог получить Линан от убийства к-к-короля?

Арива кивнула.

— Может быть, он о чем-то поспорил с Береймой в ту ночь. Однако мы этого уже никогда не узнаем. Больше всего я сейчас обеспокоена утратой Ключа Единения.

Она опустила глаза и взглянула на два ключа, висевших теперь у нее на шее.

— Я не могу себе представить, какое могущество заключается в Ключах, однако боюсь, что исчезновение даже одного из них может это могущество ослабить.

Выражение ее лица стало еще мрачнее.

За их спинами послышались поспешные шаги. Арива оглянулась и увидела почти бежавшего за ними Харнана, под мышкой у которого были зажаты его письменные принадлежности.

— Так быстро, наш старый добрый друг? — приветливо обратилась она к секретарю.

— Дела королевства не могут дожидаться никого, ваше величество, будь то мужчина или женщина, — ответил Харнан, поравнявшись с ними. — Это правило относится даже к самой королеве.

— Скажите мне, так всегда было и при моей матушке?

— Всегда, ваше величество.

— Как она смогла прожить такую долгую жизнь?

Харнан слегка улыбнулся.

— Мне кажется, что ваша матушка умела находить наслаждение в жизни, что делало ее поистине великой правительницей.

— Наверное, я никогда не смогу жить так, как жила она, — задумчиво произнесла Арива.

— Дай только срок, — прошептал ей на ухо Олио. — Ты гораздо больше п-п-похожа на нашу м-м-матушку, чем кажется тебе самой.

Деджанус вышел из своего кабинета в приподнятом настроении. Проходя мимо стоявших на посту королевских стражников, которые забыли поприветствовать его, как это полагалось, в качестве коннетабля гвардии, он даже не стал напоминать им об этой оплошности. «Они еще научатся», — мысленно сказал он самому себе.

Сам того не зная, капитан Рикор избавил Деджануса от его самого большого страха: пуще всего на свете Деджанус боялся, что Линана удастся захватить живым. Он не мог в точности знать, что было известно юному принцу об их с Оркидом роли в убийстве Береймы, однако его предшественник на посту коннетабля гвардии Камаль был, без сомнений, достаточно умен, чтобы во всем разобраться. И конечно же, он обо всем рассказал Линану. Теперь, когда Линана и Камаля не было в живых, Деджанус мог чувствовать себя в полной безопасности на своем новом посту.

«По крайней мере, мне ничто не угрожает», — подумал он.

С тех самых пор, как Оркиду стало известно о его предательстве во времена Невольничьей войны, Деджанус жил в

постоянном страхе — это могло стать известным самой королеве. Однако с того самого момента, как он перерезал с помощью Оркида горло ее старшего сына, у него появились такие же основания ненавидеть Оркида, как и у канцлера — ненавидеть его.

На мгновение Деджанус остановился и нахмурился. Что он мог сказать об Оркиде? В качестве вознаграждения за помощь в убийстве Береймы канцлер обещал ему, что он непременно станет коннетаблем королевской гвардии... Однако... несмотря на это обещание, во время собрания Королевского Совета выражение лица Оркида было определенно недовольным, когда новая королева объявила о назначении Деджануса.

Коннетабль покачал головой. Канцлер не мог причинить ему никакого вреда. Если бы он захотел потопить Деджануса, то при этом неминуемо должен был и сам пойти ко дну вместе с ним. А теперь, когда Линан и Камаль погибли, никто, кроме них двоих, не мог знать правды о гибели Береймы.

Он с облегчением вздохнул и впервые в жизни осознал, что теперь ему не надо постоянно оглядываться на прошлое. Теперь лишь будущее играло для него роль.

Амемун поднес свою чашу к свету, с удовольствием разглядывая чудесный цвет замечательного сторийского вина. Потом он осторожно отхлебнул небольшой глоток, наслаждаясь густым тягучим напитком с ароматом трав.

— У нас дома нет ничего подобного, — с сожалением произнес он.

Оркид улыбнулся другу и в свою очередь отпил вина из своей чаши.

— Торговля станет одним из главных направлений, которые мы будем развивать. Ашарна не собиралась отказываться от монополии короны на товары, причисленные к предметам роскоши, в том числе и на вино; это добавляло немалые суммы к нашим годовым доходам. Она никак не хотела и не могла понять, насколько снятие определенных ограничений могло бы способствовать процветанию коммерции и таким образом в течение долгого времени увеличивать годовой доход государства.

— Значит, она была весьма ограниченной женщиной.

Оркид покачал головой.

— Возможно, но лишь отчасти. Она могла быть ограниченной, например, по отношению к крупным монополиям — однако во всех остальных своих действиях была необычайно умна и пре-

дусмотрительна. В конце концов, она назначила меня канцлером, и я стал первым представителем вассальных народов, который занял столь высокий пост.

— На наше благо, — без малейшего намека на иронию произнес Амемун.

— На благо всего Гренда-Лира, — поправил его Оркид.

— Это произошло в точности так, как предвидел ваш брат, досточтимый Марин. Еще несколько десятков лет назад, когда отправил вас ко двору Ашарны.

Оркид кивнул.

— Да, верно, это было настоящее предвидение.

— А что вы можете сказать о втором нашем соучастнике? Не думаете ли вы, что он способен навлечь на вас беду?

Оркид пожал плечами.

— Поначалу я надеялся, что мне удастся еще теснее привязать к себе Деджануса, однако Арива провозгласила его назначение на новую должность, не посоветовавшись со мной. С ее собственной точки зрения, она поступила правильно, но к сожалению, это произошло раньше, чем я сам успел предложить ей этот шаг. Нельзя сказать, чтобы Деджанус был самым замечательным человеком среди всех, кто встречался мне в жизни, но он далеко не глуп. Он понимает, что я действовал в его интересах, а это должно только сильнее укреплять наши отношения.

— Но у вас есть кое-что против него. Его темного прошлого, которое он держит в глубокой тайне, вполне достаточно для того чтобы держать его в повиновении, разве не так?

— Возможно. Однако не забывай и того, что теперь и у Деджануса есть кое-что против меня. Мы с ним теперь подобны двум большим медведям, вцепившимся друг другу в глотки.

— Ну, а как вы собираетесь исполнять вторую часть нашего плана? — спросил Амемун.

— Сендарус, сам того не подозревая, исполнил за нас большую часть работы. Однако еще могут потребоваться определенные действия с нашей стороны. Вскоре народ потребует, чтобы Арива подарила ему наследника, в особенности после событий нескольких последних дней. И, к счастью для Амана, у короля Марина есть сын.

— А если королева выйдет за него замуж, то рано или поздно наступит день, когда королевством станет управлять человек, в жилах которого смешается кровь Кендры и Амана.

Амемун торжествующе улыбнулся, глядя в свой стакан.

— Жаль, что у вашего брата нет дочери. Если бы у него была дочь, Берейма мог бы остаться в живых.

Оркид отрицательно покачал головой.

— Нет. Он был слишком близок к Двадцати Домам — а это означало, что он никогда не женился бы ни на ком, кроме одной из их представительниц. Арива была нашей единственной надеждой.

— А что вы скажете об Олио... и об этом, как его, Харнане?

— Мне всегда казалось, что я знаю Олио. Обыкновенно он был тихим безобидным мальчиком, всегда старался держаться в тени, но я не придавал должного значения его отношениям с сестрой. С момента смерти Береймы она нуждается в его поддержке, и он без колебания приходит к ней на помощь. Мне предстоит поработать с ним и заставить его доверять мне так же, как доверяет его сестра. Что касается Харнана, то он столь ревностно исполняет свои обязанности, что не всегда замечает происходящее вокруг него. Мы с ним всегда хорошо работали вместе, и теперь я не вижу причин его опасаться.

Амемун поджал губы.

— Есть еще один вопрос, на который Марин просил меня привезти ответ. Это касается Ключей Силы. Мне кажется, он не ожидал, что они будут разделены между наследниками. Вам следовало предупредить его.

Оркид хмыкнул.

— Я надеялся до последней минуты, что смогу уговорить Ашарну отказаться от этого намерения, и достаточно долго пребывал в заблуждении на сей счет. Мне казалось, что я сумел ее убедить. Возможно, проживи она еще пару дней, мне бы и на самом деле это удалось, однако...

— Но ведь теперь они разделены и потеряли свое могущество. Если Арива и Сендарус придут к согласию, то нам потребуется снова собрать все Ключи вместе.

— Амемун, ты забываешь о том, что один из Ключей находился у Линана. Теперь их никогда уже не собрать вместе. Их могущество разрушено.

Лицо Амемуна помрачнело.

— Это плохая новость.

— По отдельности Ключи обладают некоторой силой, я в этом не сомневаюсь. Они все еще могут проявлять свое могущество, хотя и не в полной мере, как это было раньше. Наши правители во все времена обходились без подобных амулетов. Так будет когда-ни-

 будь править и наследник Аривы.

— Другим правителям не приходилось управлять таким огромным королевством, — возразил Амемун. — И независимо от того, сохранили Ключи могущество или нет, они по-прежнему оказывают влияние на народ. Мы должны сделать все возможное, чтобы объединить уцелевшие Ключи.

Оркид поднял руку.

— Терпение! Нам предстоит еще сделать слишком много. А Ключи могут и подождать.

Амемун слегка наклонил голову.

— Остается надеяться, что Марин посмотрит на это так же.

— Он и вовсе позабудет о Ключах, когда состоится помолвка Аривы и Сендаруса, — уверено сказал Оркид.

— О да, в этом сомневаться не приходится. — Амемун поднял свой стакан. — За Аман!

— За Гренда-Лир, — отозвался Оркид.

Олио выбрался за пределы дворца настолько тайно, насколько это вообще было возможно. Он не хотел, чтобы при этом его увидела сестра или кто-нибудь из королевских стражников. Юноша отлично понимал, что в сложившихся обстоятельствах и Арива, и руководство стражи настояли бы на том, чтобы дать ему сопровождение — а между тем Олио было просто необходимо побыть одному. Ему очень надо было хорошенько подумать, провести какое-то время вне стен дворца и всего того, что было связано с дворцом.

Он недолго побродил вдоль широких улиц в верхних богатых районах, однако эти улицы шли под уклон и медленно привели его вниз, в старый город, в самое сердце Кендры. Одет принц был просто, а Ключ Исцеления надежно укрывался под курткой. Олио ничем не выделялся среди множества народа, и никто не обращал на него внимания.

Принц от всей души наслаждался собственной анонимностью. Никто не лебезил перед ним, никто не ожидал от него ответа на поклон. Сейчас он был обычным жителем города, и это значило для него куда больше, чем его истинное положение. Как и Арива, он верил в сердце и душу королевства, в благосостояние, которого оно достигло, в благотворное влияние цивилизации и в мирную жизнь, которую оно обеспечило многим миллионам населявших его людей. Однако понимал Олио и другое: насколько больше могли бы стать достижения в королевстве при серьезном желании. На своем пути он повсюду встречал признаки крайней нужды — людей, живших прямо на улице, грязь на дорогах, детей, выполнявших тяжелые

работы, от починки обуви до шитья парусов. Он осторожно проходил мимо обочин, стараясь не наступить на испражнения людей и животных, встречавшиеся повсюду.

Спустя некоторое время он забрел в короткий переулок, в который из-за нависавших крыш почти не проникал солнечный свет. Здесь стояли, тесно прижавшись друг к другу, старые бревенчатые дома. Заплывшие канавы, проложенные вдоль обеих сторон булыжной мостовой, были переполнены отбросами и нечистотами. Мимо него пробежали двое ребятишек, одетых в рваное тряпье, и чему-то рассмеялись на бегу.

В дверях одного из домов сидел старик, пытавшийся починить оборванную рубаху с помощью костяной иглы и грубой бечевки.

Олио остановился, огляделся и пересчитал окружавшие его дома. На одной стороне улочки их было двенадцать, на другой одиннадцать. Он попытался представить себе, сколько семей могло жить в каждом из них. Одна, две, а может быть, больше? Если считать, что каждая семья составляла от трех до шести человек, то получалось, что на этом крошечном пространстве, бывшем не длиннее пятидесяти шагов, а в ширину едва ли достигавшем тридцати, жило не меньше сотни, а то и двух сотен людей. А еще — множество детей, большей части которых едва ли было суждено дожить до совершеннолетия.

Это тоже Кендра, подумал Олио. Это тоже королевство.

Он уже двинулся дальше, когда краем глаза неожиданно заметил знакомый плащ. Владелец плаща как раз выходил из дверей одного из домов, которые только что пересчитывал принц.

— Ну и ну, — произнес вслух Олио. — Прелат-маг Эдейтор Фэнхоу!

Прелат обернулся, очевидно, не ожидая встретить в этом месте кого-либо знакомого. Однако выражение его лица стало вдвое удивленнее, когда он узнал принца. Он неуверенно поклонился, по-видимому, все еще не вполне доверяя собственным глазам.

— Ваше высочество! Что вы здесь делаете? — Он быстро огляделся. — И где ваша охрана?

— Я просто гуляю, сударь, осматриваю город. А что касается охраны, то у меня ее просто нет.

— Нет охраны? — Эдейтор подбежал к принцу и взял его за руку. — Тогда, ваше высочество, оставайтесь рядом со мной. Я стану следить за тем, чтобы вам никто не смог нанести вред.

Олио негромко рассмеялся.

— Почему кто-то обязательно должен причинить мне вред? — Он осмотрел переулок в обоих направлениях. — Я пока не вижу ни воров, ни других негодяев. Думаю, что нам с вами ничто не угрожает. И кроме того, вы сами ходите без какой-либо охраны.

— Здесь меня знают, дорогой принц. Всем известно, что при мне не бывает ничего ценного, кроме плаща — а его никто не станет покупать у вора, ибо все жители уверены, что он находится под магической защитой.

— А как же получилось, что прелат магии так хорошо известен среди этих безнадежных трущоб?

Лицо Эдейтора тотчас помрачнело.

— Мои обязанности приводят меня в самые неожиданные уголки города, ваше высочество.

— Здесь нет здания теургии.

Эдейтор ничего на это не ответил, стараясь вывести Олио из мрачного переулка. Сперва принц пошел было рядом с ним, но неожиданно остановился возле дома, из которого вышел Эдейтор.

— Этот дом определенно не похож на теургию.

Не успел Олио договорить это, как дверь дома отворилась, и из нее вышла старуха с пустой корзиной в руках. Увидев прелата, она быстро подошла к нему и поцеловала его руку, а затем поспешно ушла в противоположную сторону.

— Что это за женщина? — тихо спросил Олио.

— Я... я не знаю ее имени, — ответил Эдейтор.

— А она, похоже, хорошо вас знает.

— Она узнала меня только в течение последнего часа. Ее сын был студентом магии в Теургии Огня. На этой неделе он погиб в результате несчастного случая в литейном помещении. Ей перестали поступать деньги, вот я и принес ей несколько монет.

Олио внимательно выслушал это объяснение, но ничего не сказал. Эдейтор понял молчание принца по-своему и начал оправдываться:

— Но я использовал для этого свои деньги и ничего не брал из фонда теургии.

— Ну что вы, мне это даже в голову не пришло. — Олио пожал руку прелата, все еще державшую за руку его самого. — Я думаю, прелат, что в один прекрасный день мы с вами сядем рядом и будем долго беседовать.

— О чем же, ваше высочество?

— Как о чем, сударь? О королевстве, — спокойно ответил Олио.

* * *

Когда горничные и фрейлины наконец покинули спальню, оставив ее одну, Ариву тяжело опустилась в кресло. Она чувствовала себя измученной, но в то же время не ощущала приближения сна. Сильнейшие эмоциональные и физические перегрузки нескольких последних дней обрушились на ее плечи непомерной тяжестью. Но, несмотря на это, в ее сознании кружился целый вихрь из тысячи мыслей, и каждая требовала от нее внимания. Подробности, касавшиеся Двадцати Домов и их обитателей, составленный Оркидом список возможных заговорщиков, пропавшие тела ее младшего брата и его спутников, проблемы, связанные с прибытием и размещением наемников, настойчивые требования торговых гильдий о сохранении для них льготных тарифов, составление списка приглашенных на коронацию... Срочные, грандиозные, глупые и необязательные дела смешались в запутанный клубок, и все это было для нее новым и непонятным.

Она не имела никакого представления о том, как справиться с захлестнувшим ее так внезапно потоком подробностей и фактов, к которому каждое утро Оркид, с присущей ему тягостной торжественностью и гладко выбритым невозмутимым лицом, добавлял новые факты и подробности. Ей пытались по возможности помогать Олио и Харнан — однако Олио являлся таким же новичком в государственных делах, как и она сама, а Харнан был слишком занят, исполняя свои обязанности секретаря; у него хватало других дел помимо ответов на ее глупые вопросы.

Арива осознала, что ей постоянно преподносили информацию, которой она вовсе не хотела знать, прошения, которые она не хотела читать, жалобы, которые она не хотела разбирать, и льстивые речи, которые она не хотела слышать.

Дернув головой, она поднялась со своего места. Ночь была еще теплой — последний привет лета перед наступлением сырой осени, которая принесет с собой ледяные ветры из заснеженных земель, лежавших далеко к югу от Тиира. Тем не менее Арива испытывала необходимость поддерживать огонь в камине — пустота в ее комнате должна была хотя бы чем-то заполниться. И пустота, оставшаяся в ее жизни после смерти матери и брата.

Она легла в постель и закрыла глаза, пытаясь заснуть, однако это не помогло. Тогда она резко встала и вышла из комнаты, изумив двух стражников, стоявших возле ее дверей. Не обращая вни-

 мания на участливое выражение их лиц, она направилась впе-

ред и вскоре оказалась в южной галерее. Она пошла к балкону, но тут же остановилась. Возле балкона кто-то стоял, глядя на город и на море, блестевшее за ним. Ариве пришлось пережить ужасные мгновения — у нее мелькнула мысль, что это призрак Линана вернулся, чтобы встретиться с ней на том самом месте, где они разговаривали в последний раз. Однако тут человек обернулся, и она узнала принца Сендаруса.

— Ваше величество! — воскликнул он и низко поклонился. — Я не знал, что вы здесь!

— Я только что вошла. Я должна просить у вас прощения за то, что побеспокоила вас. Я пришла сюда лишь для того, чтобы уйти из своих покоев.

— Понимаю. Вы хотели побыть в одиночестве. Я сейчас же уйду.

— На что вы смотрели? — спросила Арива.

— Ваше величество?

— Смогли ли вы разглядеть отсюда Аман? Вы тоскуете по дому?

Сендарус в ответ негромко рассмеялся.

— Нет, сейчас для этого слишком темно, да и по дому я не тоскую.

— Я подумала, что вы, может быть, скучаете по отцу.

— Да, поначалу я скучал по нему. Но сейчас мое внимание полностью отвлеклось.

— Да, наш город оказывает такое влияние на людей, которые видят его впервые.

— Я имел в виду не это, — серьезно произнес он.

Арива вместе с ним вышла на балкон и почувствовала на лице легкое дыхание ветра. Она закрыла глаза и представила себе, что она вовсе не королева, что у власти все еще остается ее матушка, и все на свете хорошо. Сендарус внимательно вгляделся в ее лицо, но ничего не сказал.

ГЛАВА 16

Спустя шесть дней Линан и его спутники добрались до кромки Силонина леса. После столкновения с наемниками все они стали нервными и раздражительными, теперь им ни в коем случае нельзя было попадать ни в какие переделки — тем более, что Камаль оказался ранен и не мог владеть мечом, а Дженроза хотя и чувствовала себя намного лучше, все же не могла похвастаться достаточной выносливостью. Между тем открытое пространство бескрайних

полей, по которому они двигались, требовало от них крайней осторожности.

Путники шли от заката до рассвета, по возможности придерживаясь окольных дорог, а днями останавливались на отдых и по очереди стоя на часах. Питались они скудно, лишь тем, что попадалось им на пути — ягодами, орехами, однажды поймали заблудившуюся курицу. И постоянно обрывали листья с целебных деревьев и кустов, чтобы укрепить кожу на пятках и пальцах и избежать заражения от лопавшихся на ногах волдырей.

Неподалеку от беглецов прошел еще один кавалерийский отряд наемников, однако они издали услышали топот лошадей и успели вовремя укрыться.

Силонин лес оказался лиственным. Высоко к небу поднимались кроны старых дубов с неохватными стволами, среди них росли и другие деревья, которым, казалось, было тесно рядом друг с другом. Густые кроны почти не пропускали солнечный свет. Листьями играл ветер, издавая при этом звуки, напоминавшие погребальную песнь, которую невидимые музыканты исполняли на деревянных трубках. Воздух здесь был влажным и спертым, и от этого все четверо почувствовали на своих языках вкус плесени. От этих мест, от темно-зеленого сумрака веяло какой-то неопределенной угрозой, и это заставило беглецов серьезно заколебаться, прежде чем войти в чащу.

— Для нас будет безопаснее идти лесом, чем по открытым местам, — успокаивая друзей, заявил Эйджер, однако его голос при этих словах слегка дрожал, как ни старался горбун это скрыть. Он проворчал еще что-то себе под нос, расправил плечи и нырнул под сень деревьев.

— Ну вот, я уже здесь и пока что не упал замертво. Пора идти, солнце уже высоко. Чем скорее мы отправимся, тем скорее выберемся на другую сторону леса.

— Неужели нет других безопасных мест? — ни к кому в отдельности не обращаясь, безнадежно спросил Линан, но последовал за Эйджером. Как только он оказался в сумраке среди огромных деревьев, чувство страха каким-то образом исчезло. Он подумал, что это было похоже на прыжок в холодную воду, когда спустя несколько секунд она перестает казаться нестерпимо ледяной.

— Здесь все хорошо, — обернувшись ободрил он Дженрозу и Камаля. — Здесь... безопасно.

Дженроза со вздохом присоединилась к Линану и Эйджеру. Камаль, однако, продолжал колебаться.

— Я не могу забыть все те истории, которые слышал об этом месте.

— Все мы слышали множество историй, — возразил Эйджер. — Их выдумывают солдаты о любых лесах, о любых реках и городах. Прежде ты не придавал им такого значения.

— Прежде мне не приходилось бывать здесь, — продолжал сопротивляться Камаль.

Линан почувствовал, как напряглись мышцы его спины. Слова Камаля вселяли в него страх. Инстинктивно он подошел ближе к Дженрозе и Эйджеру, пытаясь побороть соблазн выскочить из леса, чтобы к его коже вновь прикоснулись солнечные лучи.

Камаль оглянулся назад, на дорогу, по которой они шли до сих пор, посмотрел, как легкий ветерок теребил стебли созревшей пшеницы и ячменя, и по зеленому морю, простиравшемуся до самого северного горизонта, пробегали волны ряби. Потом он перевел взгляд на деревья, нахмурился и направился к друзьям. Вступив под сень деревьев, он явно почувствовал облегчение, напряжение исчезло, однако выражение лица бывшего коннетабля не изменилось, оно было по-прежнему мрачным.

— Раз уж так, то пойдем, — проворчал он и первым углубился в лесной сумрак.

— Очень любопытно, — вслух произнес Линан.

— Что такое? — спросил Эйджер.

— Здесь не поют птицы.

Это и впрямь было так. Вокруг не раздавалось ни единого звука, напоминавшего птичье пение, не было слышно даже хриплого карканья ворон. Путников окружала мертвая тишина. Деревья обступили путников подобно безмолвной страже, сопровождавшей их на север, в самое сердце леса.

Когда четверым друзьям удавалось набрести на тропу, они шли по ней до тех пор, пока она не сворачивала с северного направления. Большинством троп долгие годы никто не ходил, они основательно заросли и теперь двигаться по ним было достаточно трудно. Однако некоторые тропы выглядели так, будто кто-то пользовался ими совсем недавно, они не успели зарасти настолько, чтобы по ним было тяжело идти. Несколько раз путники выходили к маленьким заброшенным хижинам; распахнутые двери и окна придавали строениям какой-то особенно злобный вид. Деревянные полы в них покрывал толстый слой пыли и паутины. Несмотря на это, по ночам подобные хижины служили сносным убежищем от сырой земли, усыпанной опавшими листьями. Если же приходилось ночевать на земле, товарищи по

очереди оставались на страже, поддерживая слабый огонь костра и внимательно прислушиваясь к каждому звуку. В столь мрачном лесу даже сопение бродячего медведя и звук от царапанья его лап по дереву могли бы порадовать друзей и добавить им уверенности. Однако признаков какой-либо жизни в этой чаще почти не встречалось. Вокруг звучал лишь скрип деревьев, где-то далеко впереди слышался шорох листьев, напоминавший тяжелые вздохи, да еще иногда попадались полуразрушенные, давно опустевшие домишки — следы давнего человеческого присутствия.

Однако на третью ночь, когда наступила очередь Линана оставаться на страже, он услышал какой-то странный звук, долетевший издалека по ночному лесу. Сперва принц подумал, что просто где-то сломалась ветка или слишком громко скрипнуло дерево, однако когда звук повторился, он прозвучал гораздо ближе. Теперь Линан мог с уверенностью сказать, что этот звук отличался от скрипа деревьев, шелеста листвы и треска сломавшейся ветки.

Стараясь дышать ровно, Линан вглядывался в темноту, но увидеть ничего не смог. Он поднялся на ноги, бесшумно вытащил из ножен меч. Первой его мыслью было разбудить остальных, но он постарался убедить себя в том, что виной всему его собственные страхи и дикая игра воображения.

Но вот незнакомый звук снова повторился, будто бы в другой стороне, и теперь он раздался еще ближе. Линан повернулся на месте и стал вглядываться в окружавший его лесной мрак, пытаясь различить хоть какое-нибудь движение, какой-нибудь признак жизни. Однако, как и раньше, он не смог ничего увидеть.

В конце концов он уверил сам себя в том, что просто переволновался, убрал меч в ножны и уже собирался усесться возле огня, как вдруг увидел прямо перед собой два глаза, глядевшие прямо в его глаза. Зеленые зрачки горели сверхъестественным огнем. Невольно Линан закричал и вскочил на ноги. Видение тотчас исчезло.

Схватившись за меч, к нему подскочил Камаль. Он медленно обошел все вокруг, после чего остановил взгляд на лице принца.

— Какого черта ты расшумелся, малыш?

— Мне... мне показалось, будто я что-то увидел.

— Что?

— Глаза. Зеленые глаза. А перед этим я слышал движение.

— Движение, — угрюмо повторил Камаль. Теперь уже сидел, выпрямившись, и Эйджер. — Я не слышал никакого движения и не видел никаких глаз.

Лицо Линана залила краска.

— Простите, что разбудил вас, — резко произнес он.

Камаль и Эйджер обменялись усталыми взглядами.

— Ты отлично исполняешь свое дело, мальчик, — с сердечным участием проговорил Камаль. — Подобная бдительность достойна похвалы.

После этого оба солдата повалились на землю и почти тотчас же снова заснули.

Линан озлобленно принялся подкладывать в огонь сучья до тех пор, пока языки пламени не поднялись намного выше. Он обошел кругом костер, самым внимательным образом оглядывая землю. Никаких следов не было, вообще вокруг костра он не обнаружил ничего необычайного.

«О да, ты могущественный воин, — мысленно заговорил он сам с собой. — Ты создаешь врагов из теней, треска сучьев и собственного страха, будто тебе не хватает тех, кто уже стал твоим недругом».

Он сел на землю возле огня и попытался расслабиться, однако когда вскоре его на посту часового сменила Дженроза, он продолжал испытывать сильнейшее душевное напряжение и из-за этого не мог заснуть еще около часа. Когда наступило утро, и он проснулся, он чувствовал себя усталым, раздражительным и никак не мог выбросить из головы воспоминание о тех двух зеленых глазах.

Беглецы очень аккуратно делили между собой остатки сушеной рыбы и ягоды, которые им удалось собрать в полях. Но, несмотря на это, запах съестного полностью закончился к концу четвертого дня их пути через лес. В лесу они смогли набрать еще несколько горстей черники и орехов, но этого было слишком мало, чтобы утолить нараставший голод и избавиться от голодных спазмов в желудках, которые нарушали спокойный сон. Теперь всем приходилось довольствоваться лишь свежей водой из ручьев, во множестве встречавшихся на пути.

Утром пятого дня они неожиданно вышли на широкую дорогу, по которой определенно кто-то проходил совсем недавно. В пыли отпечатались следы человеческих ног, на глаза попался выпавший откуда-то гвоздь, неподалеку от него в пыли лежала брошь, еще не успевшая потерять своего блеска. Спустя несколько часов путники услышали впереди людские голоса, донеслось до них и хрюканье одной или двух свиней. Настроение друзей поднялось, однако они не были уверены в том, что увидят в действительности, и потому продолжали двигаться с возможными предосторожностями.

Вскоре они вышли к маленькой деревушке, состоявшей не более чем из дюжины хибар, расположенных вокруг ровной площадки, в середине которой находился колодец. Повсюду здесь сновали маленькие ребятишки, абсолютно одинаково одетые в незамысловатые рубахи, подпоясанные на талии грубыми шнурами. Между хибарами и колодцем быстро ходили женщины в длинных шерстяных платьях с широкими кожаными поясами. У каждой из них в руках была либо тяжелая корзина с выстиранным бельем, либо деревянная кадка с водой. Все они осторожно поднимали свою ношу так, чтобы не задеть головы детей, которые уворачивались и прыгали вокруг с самым беззаботным видом.

Как только жители деревушки заметили незнакомцев, жизнь вокруг точно замерла. Счастливые лица ребятишек изменили свое выражение — теперь на них можно было прочесть неуверенность и страх, — а женщины побросали свои корзины и кадки и все как одна выхватили из-за поясов длинные искривленные ножи. Лезвия сверкнули в лучах солнечного света, пробивавшихся сквозь заросли.

— Нечего сказать, очень дружелюбная компания, — тихо пробормотала Дженроза.

— Ты заметил, как их много? — спросил Эйджера Камаль.

Эйджер с отсутствующим видом кивнул, и Линан осознал, что для такого небольшого числа строений людей действительно казалось слишком много. Лишь в следующий миг он увидел крыши еще нескольких домишек, стоявших вдоль дороги, отходившей в сторону от деревушки.

Камаль велел своим спутникам оставаться на местах, а сам неторопливо и осторожно прошел на десять шагов вперед, раскинув руки с растопыренными пальцами в стороны.

— Мы не собираемся причинить вам никакого зла, — сказал он.

— Мы постараемся этого не допустить, — отозвалась женщина, стоявшая возле колодца. Она была ниже остальных, но что-то в ее голосе выдавало ее старшинство.

Женщина прошла несколько шагов в сторону Камаля.

— Кто вы такие и как вы здесь оказались?

— Это псы, Белара! — с неподдельной тревогой воскликнула одна из женщин. — Это силонины псы!

Среди людей послышался испуганный гул голосов, однако ни одна из женщин не опустила ножа и не отступила ни на шаг.

— Не говори ерунды, Энасна, — отозвалась та, которую звали Беларой. — Совсем недавно был полдень. Никакие псы в это время не выходят из леса.

Камаль пожал плечами, взглянул на Энасну.

— Как вы можете видеть сами, мадам, у меня две ноги, а не четыре. Я не собака, а путник. — Он повернулся к первой женщине. — Я так понимаю, что вас зовут Белара. Меня и моих товарищей жители нашей деревни отправили в Спарро к королю Томару. Мы должны просить его о снижении податей — последнее лето было для нас злым, и наши урожаи слишком скудны.

— До Спарро можно дойти более легкими путями, чем через Силонин лес, — сказала Белара, и на этот раз в ее голосе прозвучала угроза. — Да и одеты вы совсем не так, как деревенские жители, которых мне когда-либо приходилось видеть. Вы солдаты, а у женщины на тунике магические знаки.

— Наша деревня находится у северного подножия хребта Эбриус. Этот путь самый прямой, а чем скорее мы доберемся до двора короля Томара, тем скорее моя деревня получит облегчение. Что касается нашей одежды, то мы живем в опасных местах и должны защищать сами себя. Правда и то, что женщина немного разбирается в магии, однако она еще слишком юна и пока только учится.

В то время, как Камаль говорил, Белара пристально разглядывала его спутников.

— Что случилось с твоим горбатым другом? — спросила она, указав острием ножа на Эйджера.

— Рана моего друга очень старая, он был тяжело ранен, когда сражался за королеву Ашарну во времена Невольничьей войны.

— А почему твоя рука на перевязи?

— Дорогой на нас напали бандиты. Меня ранили в руку, а женщина сейчас приходит в себя после удара по голове.

— Много ли досталось бандитам? — спросила Белара с неподдельным любопытством, пересилившим все остальные эмоции.

— Каждому по неглубокой могиле, — грубовато ответил Камаль.

Женщина неожиданно рассмеялась и опустила свой нож. Следом за ней и остальные женщины опустили свое оружие. Тотчас же вперед выбежали дети, вокруг путников поднялась суматоха, но больше всего ребячьего внимания досталось Эйджеру — каждый малыш хотел посмотреть и потрогать его горб. Толпа ребятишек окружила и Камаля — им до сих пор не приходилось видеть таких больших людей. Камаль назвал свое имя и представил своих друзей, воспользовавшись лишь первыми именами.

— У вас такой вид, будто вам необходимо поесть и отдохнуть, — заметила Белара. — Берите из колодца столько воды,

сколько вам нужно, а потом приходите в мой дом, — она показала на хибарку, стоявшую не дальше чем в двадцати шагах от колодца. — Ну, а я тем временем посмотрю, какую еду мне удастся для вас раздобыть. Мы даже сможем сделать что-нибудь с твоей рукой, — обратилась она к Камалю.

— Нам нужно совсем немного, — солгал Камаль. — Мы вовсе не хотим быть для вас обузой.

— Мы никогда не отказываем путникам в помощи.

Улыбка исчезла с лица Белары. Помолчав, она добавила:

— Слишком мало их бывает в нашей деревне. По крайней мере, оставайтесь хотя бы на ночь.

Дом Белары изнутри оказался просторнее, чем любая из полуразрушенных хижин, в которых беглецам время от времени приходилось останавливаться на ночлег в чаще леса. Спальная половина была отделена от остального пространства выбеленным шерстяным полотном, а это пространство служило одновременно столовой и кухней. Полом служили гладко оструганные и плотно пригнанные друг к другу доски, стены были обшиты более грубыми досками, проконопаченными между собой глиной. В середине главной комнаты слабо горел огонь в очаге, дым поднимался и уходил в круглое отверстие, проделанное в крыше, сложенной из двух слоев больших ветвей. Возле очага стояла большая деревянная колыбель, в которой спали два маленьких ребенка. На вид им было не больше чем по два года. Обстановка в доме была скудной, однако удобной и практичной. В комнате стоял длинный деревянный стол и большой набор самодельных стульев, отделанных красивой резьбой.

Все то время, что Белара занималась раной Камаля, она без устали расспрашивала о большом мире, из которого они пришли. Теперь инициативу в разговоре перехватил Эйджер, тщательно избегая скользких мест и стараясь не сказать ничего такого, что вовсе не нужно было знать жителям маленькой деревушки.

— Это ваши дети? — спросил Линан, воспользовавшись маленькой паузой в разговоре и показывая на ребятишек, спавших в колыбели.

— Моя старшая, Мира. А вторая — дочка Сибы. Сейчас она вместе с другими женщинами ушла на поиски пищи.

— А где все ваши мужчины? — задал он еще один вопрос. — Они собирают урожай?

Белара со странным выражением взглянула на Линана.

— В этом лесу едва ли можно что-то посеять, чтобы собрать хоть какой-то урожай. Мужчины ушли рубить лес. Каждые пол-

года мы нанимаем быков из тех стад, что пасутся вокруг леса, для того, чтобы доставить готовые бревна к реке Орим. А там наш лес скупают торговцы и по реке сплавляют его в Спарро. Вырученные за лес деньги мы тратим на то, чем не можем обеспечить себя сами. Рыбу мы ловим в ручьях; когда удается, можем поймать кролика, а в лесу собираем все ягоды и корни, которые нам необходимы.

— Удивительно то, что до сих пор никто не вырубил хотя бы часть леса для посевов.

— Некоторые пытались это сделать, — со вздохом отозвалась Белара. — Но всякий раз вырубленные места снова зарастали гораздо быстрее, чем нам удавалось что-нибудь на них вырастить.

— Мне никогда не приходилось слышать о деревьях, которые растут быстрее, чем пшеница, — подала голос Дженроза.

— Это очень древний лес, — ответила ей Белара. — Он существовал задолго до того, как возникло королевство или даже появилась Чандра. Он никогда не изменялся. Он не растет и не уменьшается. Но он обеспечивает всем необходимым тех, кто берет только то, в чем нуждается. Во всяком случае, почти всегда.

Теперь она мазала рану Камаля каким-то снадобьем, от которого он болезненно морщился.

— Почти всегда? — переспросил он Белару.

Белара оглядела своих гостей, потом покачала головой.

— Ни к чему вам знать об этом. Это наши трудности.

— А почему мы нашли только одну вашу населенную деревню, хотя прошли по лесу немало? — настойчиво продолжал Камаль. Белара как раз перевязывала его рану чистой тряпочкой.

— Раньше здесь было больше дюжины деревень. Сейчас осталось только три или четыре. Хотя лучше спросить об этом моего мужа, Рохета, он скажет более точно. Он все время бродит по лесу в поисках деревьев, которые могли бы нам пригодиться, и выбирает их правильно.

— А в тех трудностях, о которых ты упомянула, и заключается причина, по которой люди покидают свои деревни? — спросил Эйджер.

Руки Белары застыли.

— Может быть, и так, — приглушенным голосом ответила она. — Но об этом тоже лучше спросить у Рохета.

Она закончила перевязывать рану и придвинулась ближе к очагу, чтобы установить над ним решетку, потом разложила на решетке небольшие колобки из теста, которые она быстро скатывала ладонями.

— В вашей деревушке очень много жителей, — самым невинным тоном заметил Камаль. — Гораздо больше, чем можно себе представить, если учесть количество хижин.

— Сейчас у нас живут люди из двух деревень, — тихо ответила Белара.

— Сиба с ребенком тоже пришла из другой деревни, — громко высказал свою догадку Эйджер.

— Да. Она останется у нас до тех пор, пока для нее не смогут построить новый дом.

Она обернулась к гостям, и неожиданно ее лицо осветила улыбка.

— Вы и в самом деле думаете, что король Томар выслушает вашу просьбу об уменьшении податей?

Застигнутый врасплох Эйджер сумел достойно ответить на неожиданный вопрос. Линану оставалось лишь восхищаться жизненным опытом своего наставника и радоваться тому, что вопрос был обращен не к нему.

Успешно прервав таким образом поток вопросов о лесе, Белара успокоилась. Вскоре домой вернулась Сиба, высокая спокойная женщина с печальными глазами. Она принесла полную корзину крупных орехов, и Белара попросила своих гостей помочь их очистить.

За час до наступления темноты появились мужчины — Рохет и муж Сибы, Вент. Деревенские ребятишки успели по дороге рассказать им о том, что в деревню пришли незнакомые люди, поэтому, когда мужчины переступили порог хижины, они не удивились присутствию гостей. Оба они были высокого роста, с длинными жилистыми руками, взлохмаченными черными волосами и такими же бородами. С вытянутых скуластых лиц на гостей внимательно, но приветливо смотрели карие глаза. Поздоровавшись с путниками, Рохет спросил:

— Значит, вы говорите, что пришли с хребта Эбриус?

Судя по тому, как прозвучал вопрос хозяина, он не был в этом убежден.

— Мы идем из маленькой деревни на северной стороне хребта, — ответил Эйджер. — Она называется Новало. Отсюда приблизительно в десяти днях пути.

— Насколько же мала ваша деревня?

Эйджер пожал плечами, от всей души желая, чтобы Рохет сменил тему разговора, и думая о том, что в конце концов, если он не прекратит своих настойчивых расспросов, самого Эйджера ему удастся поймать на каком-нибудь пустяке.

— Что-то около восьмидесяти человек.

— То есть в точности ты сам не знаешь?

— Когда мы уходили, в деревне были три беременных женщины, — быстро нашлась Дженроза. — Так что сейчас в нашей деревне может оказаться уже восемьдесят три души.

Рохет повернулся к Линану.

— А где, по вашим словам, вы столкнулись с разбойниками?

— Мы этого не говорили, — ответил вместо принца Камаль. — Это случилось в двух днях пути до кромки леса.

Рохет понимающе наклонил голову.

— Ну хорошо, значит, в самом лесу на вас никто не нападал. Да этого и не могло случиться. Ведь, кроме нас, лесорубов, да еще наших семей в лесу никого нельзя встретить. Ваше появление просто удивительно. Этим путем к нам никто не приходил вот уже... сколько же лет, Белара? Года три, а может быть, четыре? В общем, очень давно. Конечно, никто не ходит через этот лес.

Ни один из беглецов не произнес ни слова, предоставляя Рохету продолжать свои расспросы.

— А видели ли вы в лесу кого-нибудь еще?

— Кого-нибудь еще? — переспросила Дженроза.

— Женщину, — уточнил хозяин, и было заметно, как напряглась его шея.

Линан сразу же вспомнил два зеленых глаза, смотревших на него из темноты, но ничего не сказал.

— Нет, больше мы никого не видели, — ответила Дженроза.

Рохет повертел головой, будто отгоняя назойливую муху.

— Значит, вы направляетесь к королевскому двору, чтобы поговорить с королем о податях? Ну что ж, в таком случае я желаю вам удачи.

— А велики ли у вас здесь подати? — спросил Камаль.

— Подати? У нас? — Рохет от души расхохотался. — Здесь вот уже лет сто не бывало сборщиков податей. Они не любят этот лес. Так что нам повезло.

Мужчины вернулись из леса со связками кроликов в руках, и теперь этих кроликов обернули листьями и зажарили на обед, а дополнением к ним послужили жареные орехи и темная подливка, приготовленная из грибов, которые в этот день удалось собрать Сибе. В подливку обмакивали кусочки свежего хлеба, который испекла Белара, а запивали все блюда из нескольких бутылей лесного меда.

Впервые со времени побега из Кендры Линан чувствовал себя спокойно и наслаждался этим спокойствием. Хозяева дома

были внимательны и деликатны, а после нескольких кружек меда за столом стало весело и шумно. Однако во время еды были и некоторые странные моменты — когда лесные жители необъяснимым образом впадали в глубокую меланхолию, и создавалось впечатление, что их жизни коснулась величайшая трагедия, воспоминания о которой стали неизгладимыми. По мере того, как сгущалась ночная тьма, приступы этой меланхолии становились более глубокими и частыми, и смех уже звучал принужденно. Беглецы начали чувствовать себя неловко, по очереди поднимаясь из-за стола, они начали извиняться за беспокойство и уже собирались покинуть гостеприимный дом.

— Но мы не можем позволить вам ночевать на улице, — запротестовал Рохет. — Здесь у нас достаточно просторно и для всех хватит места. — Он описал рукой широкую дугу, показав, насколько просторна была их хижина, наполненная людьми.

— Очень много места, — настойчиво, но не очень уверенно повторил он.

— Все нормально, Рохет, — ответила Дженроза. — Мы привыкли спать на земле.

— Так не годится. Скажи им, Белара.

Его жена поднялась, точно через силу, и заговорила, понизив голос.

— Рохет прав. Мы не можем позволить гостям ночевать на улице, в то время как в нашем доме места больше чем достаточно.

— Ваше великодушие безгранично, — с благодарностью сказал хозяевам Эйджер.

Прошел еще час, в течение которого обитатели леса напились меда до состояния полузабытья. С трудом поднявшись из-за стола, они взяли на руки спавших детей и скрылись за шерстяной занавеской на спальной половине, оставив своих гостей располагаться возле очага со всеми удобствами.

Линан проснулся перед самым рассветом, не понимая, что могло его разбудить. Огонь в очаге догорел, теперь в нем виднелись несколько красных угольков. Воздух стал неприятно холодным. Принц поплотнее закутался в плащ и попытался снова заснуть, однако едва он успел слегка задремать, как услышал какой-то скрежет. Он сел, вглядываясь во мрак. Все остальные продолжали спать. Звук повторился, и Линан понял, что он доносится снаружи. Кто-то царапал дверь, пытаясь попасть внутрь хижины.

Каким-то краешком сознания принц удивился тому, что испытывает не страх, а любопытство. А что, если за дверью оказался бы медведь или волк? Нет, возразил он сам себе, это скребут не

когти. Он сбросил плащ и поднялся на ноги, стараясь ни на кого нечаянно не наступить в темноте. Может быть, за дверью стоит кто-то из ребятишек, вышедший ночью по необходимости и не могущий попасть обратно в дом?

Скрежет стал более настойчивым, почти неистовым, будто тот, кто царапал дверь, знал, что кто-то собирался ее открыть.

Линан протянул руку к деревянному засову, намереваясь отодвинуть его.

— Нет! — раздался за его спиной свистящий шепот.

От неожиданности Линан едва не выпрыгнул из собственной кожи. Он быстро обернулся и увидел сидевшую возле очага Дженрозу, кутавшуюся в плащ.

— Не открывайте дверь, Линан, что вы делаете! — умоляюще прошептала она.

— А в чем дело? Может быть, кто-то из детей пытается попасть обратно... — Даже не договорив, он уже определенно знал, что никакого ребенка за дверью не было. Он отдернул руку от дверного засова и отступил назад, по всему его телу пробежали мурашки.

Царапанье за дверью прекратилось. Еще несколько мгновений стояла тишина, а потом снаружи раздалось нечеловеческое завывание. Сперва оно было едва различимым, но постепенно становилось все громче и пронзительнее, пока не перешло в безумный крик, в котором ярость сливалась с ненавистью, и от которого все нервы Линана болезненно напряглись. Затем этот страшный крик поднялся вверх и стал удаляться от хижины — будто тот, кто издавал его, был существом крылатым и теперь летел над деревней по направлению к лесу. Спустя несколько секунд все снова стихло, и Линан осознал, что способен двигаться. Все его тело непроизвольно затряслось, точно в лихорадке, и только с помощью Дженрозы он смог опуститься на стул.

К этому времени в хижине уже никто не спал. Со спальной половины донеслось хныканье детей. В общую комнату из-за ширмы вылетели Рохет и Вент с острыми топорами в руках, вслед за мужьями с тревогой на лицах появились Белара и Сиба, державшие на руках младших детей. В первые мгновения никто не мог произнести ни слова. Успокоив Миру, Белара положила девочку в колыбель, после чего раздула очаг, согрела в кружке мед, приправленный травами, и подала его Линану. Тотчас же в двери кто-то с силой постучал, и прежде чем Линан с Дженрозой успели что-либо сказать, Эйджер отпер двери. На пороге возник широкоплечий дровосек, сжимавший в руках большой топор, как у Рохета с Вентом.

— Мы слышали ее, — сказал незнакомец, обращаясь к Рохету.

Рохет кивнул.

— У нас все в безопасности. Спасибо тебе, Тион, что зашел.

— Она еще вернется, — мрачно отозвался Тион, с подозрением оглядывая гостей. — Если только чего-нибудь не предпринять.

Рохет едва ли не вытолкал Тиона на улицу, бросив извиняющийся взгляд на нежданных гостей. Спустя несколько минут он возвратился, и выражение его лица было яснее любых слов.

— Что происходит? — ровным голосом спросил Камаль.

— Что это было? — присоединился к нему Линан.

— Это была Силона, — ответил Рохет. На лбу его явно выступила испарина.

Однако Камаля это известие, казалось, ничуть не удивило.

— Так, значит, байки не врут?

— Да. Она на самом деле существует.

— Простите, — вмешался Линан, в котором проснулся жгучий интерес, — но кто она такая, эта самая Силона?

— Она — часть самого этого леса, — ответила Белара. — Она существует с тех пор, как началось время, и охраняет деревья в своем лесу.

— Она опасна?

— Она смертельно опасна, юноша, — произнес Рохет. — Вам сильно повезло. По всем статьям вам нынешней ночью суждено было погибнуть.

— Коль скоро она представляет такую опасность, тогда почему же вы не выследите ее и не убьете?

— Ах, наши мужчины много раз пытались это сделать. Во многие века рождались герои и дураки. Тех, кто только пытался ее преследовать, больше никто никогда не видел, независимо от того, были это женщины или мужчины.

— А как часто... — Линану понадобилось тяжело сглотнуть, чтобы закончить вопрос. — Как часто она убивает людей?

— По большей части она глубоко спит, однако каждые несколько лет она пробуждается от своего сна, чтобы насытиться кровью трех-четырех человек, а затем снова погружается в сон.

— Кровью? — Руки Линана все еще тряслись, точно в лихорадке, и он с большим трудом смог поднести к губам кружку с медом, однако в конце концов ему удалось отпить из нее изрядный глоток.

— Она — вампир, — объяснил Рохет. — Может быть после-

 дняя из вампиров, кому удалось уцелеть. По крайней мере, об

этом свидетельствуют границы леса. Их сохранность — свидетельство ее воли.

— А как же она пьет кровь?

Рохет пожал плечами.

— Ее никто никогда не видел, а тем, кто сумел застать ее за пиршеством, не удалось уцелеть. Представляешь, парень, как в один прекрасный день ты просыпаешься в своем доме, в своей деревне, а с утра уже кого-то не досчитаться? На теле не остается никаких отметин, но оно бескровно. Мы сжигаем такие тела. А иногда она выбирает себе в жертву одиноких путников, и тогда мы находим их тела на следующую ночь. Если же это не удается, тогда ее жертвы сами начинают бродить по лесу, отыскивая новую пищу Силоне.

— Силонины псы, — тихо произнесла Дженроза, глядя на Белару.

Рохет кивнул.

— Когда они попадаются нам, мы отрубаем им головы и сжигаем тела. Так мы даем их душам покой.

Линан ощутил слабость в ногах. «А ведь я едва не впустил ее в дом», — пронеслось у него в сознании.

— А почему же... почему же она попросту не выломала дверь, если она хотела напиться чьей-то крови?

— Если верить легендам, ее жертвы приходят к ней по собственной воле, — отозвался Рохет, искоса бросив взгляд на Линана.

— Простите меня, Рохет, я просто сам не знал, что делал...

— Я ни в чем не виню тебя, парень. На самом деле ей почти невозможно сопротивляться, поэтому наши семьи и собираются под одной крышей, когда она просыпается и выходит в лес на охоту.

— Так вот, значит, в чем дело, — подал голос Эйджер. — Я имею в виду те разрушенные хижины, которые попадались нам по дороге. Они все когда-то принадлежали людям, оставившим свои жилища и убежавшим от опасности в ближайшие деревни.

Рохет согласно кивнул.

— А как же вы узнаете, когда наступает время собираться вместе? — спросил Камаль.

— Это случается, как только мы находим ее первую жертву, — резко ответил Рохет.

— Похоже, нам здорово повезло, она не встретилась с нами раньше в своем лесу, — заметил Камаль. — Стоит только подумать о том, сколько ночей мы все проспали под деревьями!

— По большей части она ищет свои жертвы в деревнях и в лесу рядом с ними. — Рохет целиком завладел вниманием

Линана. — Однако теперь все изменилось. Если она почуяла твой разум, она станет преследовать именно тебя.

— Но ведь здесь я в безопасности?

— Уже нет. Ты ее уже растревожил. Она будет возвращаться в нашу деревню до тех пор, пока не завладеет тобой, парень, или пока на ее пути не встанет еще какое-нибудь препятствие.

— Мы можем сторожить по очереди, — предложил Камаль, однако в его голосе не слышалось решимости. — Мы устроим для нее засаду...

— Ты думаешь, что до сих пор мы не пытались этого сделать? — живо отозвался Рохет. — Все наши засады не дали ничего. Сторожа проваливались в сон на тех местах, где они стояли, или сами становились ее жертвами. Она привычна к людским дорогам, она знает наши повадки не хуже, чем мы знаем повадки зверей, на которых охотимся, или рыбы, на которую ставим сети.

— То есть ты хочешь сказать, что пока мы здесь, мы подвергаем все ваши жизни опасности? — спросил Эйджер.

Рохет с удрученным видом кивнул головой.

— Именно это и хотел сказать Тион. Он ушел уверенным в том, что я попрошу вас покинуть наш дом ради безопасности всей деревни.

— Ты нас прогонишь? — ошеломленно спросила Дженроза.

— Нет, так поступить я не смею. Ведь вы мои гости. Если только вы пожелаете остаться у нас, то я сделаю все, что в моих силах, чтобы защитить вас. — При этих словах на лицо Рохета легла тень.

— Нет, мы уйдем сами, — заявил Линан, про себя удивившись собственной решимости. Эйджер и Камаль взглянули на него с удивлением, а Дженроза выглядела ошеломленной и пораженной ужасом. — Из всего того, что ты сказал, Рохет, следует, что здесь оставаться нам ничуть не безопаснее, чем в лесу. Но, оставаясь здесь, мы будем подвергать опасности обе ваши семьи.

Он обернулся к своим спутникам.

— Решение принца. Разве это не то же самое, чего вы добивались от меня все эти дни?

Лесные жители с изумлением смотрели на своих гостей.

Эйджер безропотно кивнул:

— Самое время тебе, малыш, проявить свою способность к руководству.

— Но вы втроем можете оставаться здесь, сколько угодно, — торопливо проговорил Рохет. — Всем вам уходить вовсе не обязательно.

— Уйти должен лишь тот, кого почуяла Силона? — спросил Линан.

— Да. Для остальных будет безопаснее остаться здесь, если ты уйдешь из деревни. Силона станет преследовать только тебя.

— Нет, мы все уйдем вместе, — решительно проговорил Камаль, и Эйджер одобрительно кивнул. Одна лишь Дженроза никак не выразила своих мыслей.

ГЛАВА 17

В те самые минуты, когда четверо беглецов прощались с жителями гостеприимной деревушки, первые утренние солнечные лучи уже пробивались сквозь пышные кроны лесных деревьев.

— Поддерживайте огонь ваших костров высоким и ярким, — советовал на прощание своим гостям Рохет. — Легенды утверждают, что она будто бы плохо переносит яркий свет. Кроме этого, у меня, пожалуй, больше не найдется для вас напутствия. Все остальные советы едва ли смогут вам пригодиться.

Он протянул Линану свой плащ темно-зеленого цвета, сливавшийся с цветом лесных деревьев, отделанный замечательными шнурами.

— Неужели на этом плаще лежит какое-то магическое заклятие? — спросил Линан, заранее широко раскрыв глаза от изумления.

В ответ Рохет рассмеялся.

— Вовсе нет, но он тебе пригодится, он согреет тебя, если я оставлю твою одежду себе.

— Мой плащ? Я ничего не понимаю.

— Дело в том, что если мы оставим у себя что-нибудь из твоей одежды, то Силона сможет подумать, что ты все еще здесь, и это задержит ее хотя бы на одну или даже две ночи.

После этого объяснения Линан с благодарностью обменялся плащами с хозяином и пожал протянутую руку Рохета. Тут же Белара вынесла путникам свежий хлеб и куски сушеного кроличьего мяса. Все эти припасы друзья быстро рассовали по карманам.

— Желаю удачи, Линан, — угрюмо произнес обитатель лесной деревушки.

Линан слабо улыбнулся в ответ, испытывая неясную тревогу при мысли о том, что еще могло ожидать в пути его и его спутников.

Они вышли на главную дорогу, убегавшую из деревушки на север. Разговаривали путники крайне мало, а по мере того, как разгорался день, росло и общее напряжение. Около полудня они

остановились, чтобы быстро перекусить, а потом продолжали путь до тех пор, пока не добрались до перекрестка. В этом месте главную дорогу пересекала более узкая и заросшая дорога, шедшая на северо-восток. Эйджер предложил дальше двигаться именно этой дорогой, которой, судя по всему, пользовались достаточно редко. Главным его аргументом было то, что, если Силона продолжит охотиться за Линаном, то в первую очередь она станет искать его на главной дороге.

На выбранном пути царил сумрак, дорога сильно заросла. Часто путникам приходилось продираться сквозь заросли ежевики и высоких густых кустов. Их нервы были на пределе, нарастала раздражительность. Когда наступил вечер, Линана охватило мрачное предчувствие, от которого его желудок, казалось, сжался в твердый комок. Его колени ослабели, ноги отказывались нести его тело дальше.

— Скоро мы должны будем остановиться и устроить лагерь, — заявил он.

— А мне казалось, что вы захотите оказаться как можно дальше от деревни, — возразила Дженроза.

— Все, чего я сейчас хочу, так это чтобы нам хватило времени набрать столько дров для костра, чтобы он всю ночь горел ярче солнца.

— Да, но ведь костер может в то же время привлечь к нам внимание, — беспомощно произнесла девушка.

— Тогда попробуйте предложить что-нибудь другое. Что, по-вашему, мы должны сейчас делать? — резко спросил Линан.

С несчастным видом Дженроза пожала плечами.

— Простите меня. Я не знаю, что делать. Мне кажется, что если нас не захватят стражники, или военные корабли, или наемники, то на нас непременно нападут медведи или вампиры. Как вы думаете, что будет следующим? Когда мы прекратим бежать?

— Мы остановимся, как только окажемся среди Океанов Травы.

— А почему вы думаете, что Арива не станет продолжать преследовать вас даже в такой дали, как Океаны Травы?

— Среди трав нам будет нетрудно укрываться, — ответил принц, постаравшись при этом придать своему голосу гораздо большую уверенность, чем он испытывал на самом деле. — Травы простираются далеко за горизонт. Арива не сможет найти лишние войска или деньги для того, чтобы искать меня вечно.

— Линан, взгляните правде в глаза. Ведь вы не просто бежите из Кендры, вы отправляетесь в изгнание. Всю жизнь за вами будут охотиться. Я не хочу иметь к этому никакого отношения — но

не знаю, каким образом мне выбраться из этой ситуации. До тех пор, пока ваша жизнь в опасности, в опасности остается и моя жизнь.

— Почему же вы в таком случае не остались там, в деревне? Ведь вы могли бы оставаться там до тех пор, пока не исчезнет опасность, связанная с Силоной, а потом отправиться куда угодно.

— Куда угодно? У меня есть только один дом, и этот дом — Кендра. А ведь в конце концов даже лесные жители узнают о гибели Береймы и о четырех беглецах, подозреваемых в этом преступлении. Кроме того, я вовсе не заинтересована в том, чтобы всю жизнь махать топором, охотиться на кроликов и жить в окружении одних лишь деревьев, вампиров и кричащих ребятишек. По крайней мере, пока я остаюсь с вами, у меня есть защита — Камаль и Эйджер.

— И я, — спокойно добавил Линан.

Дженроза искоса взглянула на него.

— Мне нужно немного побыть одной, — сказала она и, ускорив шаг, пошла впереди Линана.

Ее место тут же занял Эйджер.

— Приключения не всегда оказываются настолько хороши, насколько их превозносят, верно? — произнес горбун.

— Приключения?

— Все, что сейчас происходит со всеми нами, ваше высочество. Если вы внимательно подумаете обо всем, то поймете, что это настоящее приключение. Подумайте о том, что нам пришлось делать за последние десять дней. Я бы назвал все это приключением.

— Не думаю, что согласен с тобой. Все это гораздо больше напоминает поиски самого неприятного способа умереть.

— Но таковы и есть любые приключения, когда вы их переживаете. Они станут для вас другими лишь тогда, когда вам исполнится шестьдесят лет, и вы будете сидеть возле жаркого огня в окружении собственных внуков.

— Эйджер, сейчас меня тревожат вовсе не приключения. Меня тревожит страх. Я постоянно охвачен страхом, иногда таким сильным, что мне хочется все бросить. Я хочу отдохнуть. Хочу иметь возможность заснуть в мягкой теплой постели — и при этом твердо знать, что когда наутро проснусь, мне не надо будет больше ни от кого бежать.

— Не знаю, когда теперь вам доведется снова заснуть в мягкой и теплой постели, — задумчиво отозвался Эйджер.

— Дженроза думает, что я уже никогда не смогу этого сделать. Она сказала, что теперь всю оставшуюся жизнь я буду изгнанником.

— Она тоже напугана, Линан. Не думаю, чтобы она сама действительно верила в то, что сказала. Все на свете покажется гораздо лучше, когда мы выберемся из леса. Это слишком мрачный лес, и он наводит на мрачные мысли.

— И еще таит в себе мрачные вещи, — добавил Линан.

Вскоре путникам удалось найти между деревьями небольшое свободное пространство. Его нельзя было даже назвать поляной, однако здесь еще не до конца опустилась тьма, а густой лес отделял прогалину от дороги. Они набрали столько дров и хвороста, сколько смогли, и развели большой костер.

Камаль распределил время для стражи.

— Рохет сказал мне, что этот демон обычно появляется в предрассветные часы, поэтому будет лучше, если ее встретит Эйджер или я сам. Первой будет сторожить Дженроза, ее сменит Линан, потом на страже встанет Эйджер, а уж его я сам сменю.

— Что вы сделаете, если она появится? — спросила его Дженроза.

— Отрублю ее трижды проклятую голову, — мрачно ответил он.

Ночной лес стоял, точно зачарованный. Вокруг лагеря все окутала жутковатая тишина — ни ворчание зверя, ни шум ветра в ветвях застывших деревьев, ни жужжание насекомых не нарушали ее. Линан уселся как можно ближе к огню и следил за тем, чтобы случайная искра не попала на плащ Рохета и не прожгла бы его. Время от времени он поворачивался и внимательно вглядывался в темноту. В огне неожиданно затрещало полено. Линан едва не подскочил на месте от этого звука, но тут же выругал себя за собственную трусость.

Время тянулось на удивление медленно, секунды казались минутами, а минуты превращались в часы. Линан невольно подумал, что его, пожалуй, никогда никто не сменит. Может быть, Силона была не просто вампиром, а еще и колдуньей, и теперь заморозила время для того, чтобы поскорее отыскать то сознание, которого она так мягко коснулась прошлой ночью. Впрочем, это случалось уже дважды, напомнил себе Линан о зеленых глазах, горевших в лесной чаще.

Однако в конце концов проснулся Эйджер. Он потянулся, точно разбуженный от спячки медведь, и улыбнулся так светло, как мог бы улыбаться ребенок, проснувшись в день своего рождения. Линан почувствовал такое огромное облегчение, что едва не рассмеялся.

— Как прошли твои часы? — спросил Эйджер.

— Без всяких проблем, — солгал Линан.

Эйджер удовлетворенно кивнул и поудобнее устроился на перевернутом бревне возле огня.

Еще несколько мгновений Линан с завистью наблюдал за уверенным в своих силах горбуном, а затем закрыл глаза и тут же провалился в глубокий сон, такой безмятежный, будто на всем белом свете не было ничего такого, о чем стоило бы беспокоиться.

На шестой день после того, как беглецы покинули деревушку, лес начал редеть. Все чаще сумрак прорезали яркие лучи солнца. Воздух стал прохладнее и суше, в нем уже можно было различить свежесть речной воды, запах спелых колосьев, доносившийся с полей, а еще запахи лишайников и перегноя. Старая дорога, по которой они шли до сих пор, теперь свернула на восток, так что они вновь вынуждены были продираться через чащобу в полной уверенности, что вскоре она должна кончиться. Около полудня Линан неожиданно остановился и посмотрел вверх. Остановились и его спутники, невольно схватившись за оружие.

— Все в порядке, — успокоил их Линан. — Послушайте.

Его спутники, наклонив головы, стали прислушиваться. Дженроза уже собралась было отпустить ядовитое замечание о том, что ее ноги превращаются в корни, но тут откуда-то сверху до них донеслось чистое и красивое пение птицы. Девушка улыбнулась от удовольствия, а Камаль с Эйджером рассмеялись.

— Никогда бы не подумал, что я способен до такой степени обрадоваться обыкновенному пению птицы, — ухмыльнулся Камаль.

— Теперь уже скоро, — сказал Эйджер. — Может быть, нам осталось провести в этом лесу только одну ночь, а потом мы из него выйдем.

Друзья продолжили свой путь с удвоенной энергией, шагая широко и уверенно. Даже Эйджер безропотно ускорил свои странные подпрыгивающие шаги. Никто из них не думал о тех опасностях, которые могли ждать их на открытом пространстве, — всем казалось, что не может быть ничего худшего, чем постоянный страх, мучивший их все последние шесть дней. В этот вечер они не стали особенно тщательно выбирать место для ночлега и отпраздновали свою последнюю ночь в мрачном лесу тем, что съели остатки сушеного мяса, которое дала им в дорогу Белара.

— Завтра нам нужно будет поискать еще один ручей, — заметил Эйджер. — А иначе нам нечего будет есть.

— Жаль, что у меня нет лука, но я мог бы попытаться поймать какую-нибудь дичь, — предложил Камаль.

— Как только мы выберемся из этого леса, меня не станет волновать голод, даже если мне пришлось бы голодать целый месяц, — беспечно заявил Линан.

Когда пришло его время вставать на стражу, он был по обыкновению бдительным, однако напряжение, не отпускавшее его уже много ночей подряд, исчезло. Его успокаивал легкий треск кузнечиков в лесной траве, и не испугал даже случайно долетевший из темноты звук, произведенный кем-то, явно превосходившим размерами насекомое. Линан лишь добавил в костер дров, сделав пламя высоким и ярким, и продолжал наслаждаться теплом огня.

Когда его очередь стоять на страже уже подходила к концу, он услышал, как кто-то пошевелился. Линан обернулся, ожидая увидеть Эйджера, проснувшегося немного раньше времени, однако это была Дженроза. Девушка повернулась во сне, так что с нее соскользнул плащ. Линан тихо подошел к ней, бережно укрыл ее плащом и, повинуясь безотчетному желанию, осторожно коснулся ее волос. От этого прикосновения его пальцы слегка задрожали, он поднялся и отошел, думая о том, что в конце концов не все так уж плохо в окружавшем его мире.

Повернувшись, он увидел стоявшую на границе света и тени девушку. Девушка была маленького роста, в зеленой одежде, с длинными белокурыми волосами, ниспадавшими до пояса. На ее лице лежала тень.

Линан стоял спокойно, без малейшей боязни всматриваясь в незнакомку. Она плавно шагнула вперед, это движение было таким легким, словно она не касалась земли. Теперь Линан смог разглядеть ее лицо. Оно было круглым и красивым. На его взгляд ответил взгляд ее глубоких темных глаз. Выглядела она моложе Линана. Сделав второй шаг вперед, девушка протянула к нему руку.

Линан медленно направился к ней. Какая-то часть его сознания настойчиво твердила, что этого делать нельзя, что ему следует оставаться на том месте, на котором он стоял. Однако он отмахнулся от этих мыслей и продолжал медленно идти до тех пор, пока не оказался в нескольких шагах от девушки. Со странным отвлеченным интересом он заметил, что вместо платья девушка одета в листья деревьев и кустов, мох и траву, но каким-то странным образом все это казалось не одеждой, а частью самой незнакомки.

— Вот уже много ночей я ищу тебя, — сказала она, продолжая протягивать к нему руку. Ее голос оказался таким же глубоким и темным, как окружавшая их лесная ночь, и от звука его Линан устремился вперед. Он, в свою очередь, протянул руку и коснулся ее руки. Ее кожа была гладкой и холодной, как стекло. Ее острые ногти вцепились в его ладонь, и он тут же почувствовал, как между его пальцев потекла теплая, липкая кровь.

Девушка подалась вперед, вытянулась и зашептала ему почти в ухо:

— Я хочу тебя. Ты мне нужен. — Ее дыхание напоминало шелест ветра. Теперь Линан ясно увидел, что ее глаза были зелеными, как сам лес. Она поднесла его раненую ладонь к губам и нежно лизнула ее. Он коснулся ее другой рукой. Зелень, облачавшая незнакомку, упала к ее ногам, и перед глазами Линана оказались две маленькие белые груди с темными коричневыми сосками.

На одну из них он положил свою окровавленную ладонь. Он не почувствовал тепла под пальцами, однако все его существо охватило неистовое желание. Девушка взяла его руку и провела ею по второй груди, по животу, оставляя на мраморной коже кровавые следы.

— Поцелуй меня, — сказала она и притянула его к себе.

Линан обвил руками ее талию и прижался своими губами к ее губам. Он поцеловал ее со всей нежностью, на какую только был способен, не обращая внимания на затхлый запах ее дыхания, на острые зубы, заполнявшие ее рот, на шершавый язык, царапавший его губы. Она слегка оттолкнула его и улыбнулась, ее рот был влажным от слюны. Он увидел, как сверкнули ее глаза, а зрачки вытянулись и стали напоминать кошачьи. Она впилась ногтями в его шею и затылок.

— Поцелуй меня еще, — произнесла она.

Линан безропотно повиновался, потерялся в ней — и вздрогнул лишь тогда, когда ее острые зубы впились в его нижнюю губу. Его рот наполнился металлическим привкусом крови, и только теперь в его сознании возникла неясная паника. Он попытался освободиться, но ее объятия оказались слишком крепкими. Он схватил было ее за руки и тут же отпустил — ее руки вдруг сделались подобны сильным молодым ветвям крепкого дуба, а кожа стала шершавой, точно древесная кора. Крик ужаса замер где-то в глубине его горла, и из груди вырвался лишь слабый жалобный стон. Девушка откинула голову назад и торжествующе рассмеялась. Ее смех был резким и злорадным, и от этого смеха Линан пришел в себя и увидел ее такой, какой она была на самом деле. Лицо ее все еще оставалось девичьим и прелестным, однако тело теперь было лишь наполовину человеческим телом, а наполовину стало стволом дерева. Кожа на руках и ногах посерела, плоть затвердела, точно дерево. Вместо волос с головы теперь свисали зеленые жгуты, пахнувшие мхом и прелыми листьями, и при каждом ее движении издававшие легкий треск. Между губами хищно шевелился длинный зеленый язык.

— Ты хочешь меня? — спросило чудовище и снова расхохоталось.

Она еще крепче сдавила Линана в своих страшных объятиях, и ему стало трудно дышать. Он ухитрился схватить ее за подбородок и попытался оттолкнуть ее от своего лица, однако силы были неравными, и она медленно приближала свое лицо к нему.

Внезапно черноту ночи разорвала яркая вспышка пламени. Линан отлетел от вампира, как детская игрушка, упав на спину. Он услышал страшный крик, в котором звучала безумная боль и страдание, и этот крик потряс его. Чтобы прийти в себя, ему пришлось потрясти головой, и лишь после этого он смог поднять глаза и увидеть Дженрозу с пылавшей головней в одной руке и обнаженным мечом в другой. Девушка отважно наступала на Силону, пытаясь дотянуться горящим концом факела до лица чудовища и отгоняя его все дальше и дальше от Линана. Однако от внимания Линана не укрылось, что при этом Дженроза углублялась в чащу леса. Он окликнул ее и попытался встать, однако ему удалось лишь подняться на колени.

За спиной он услышал громкие крики — это вскочили на ноги, хватаясь за оружие, Камаль и Эйджер. С немыслимым трудом Линану удалось все же подняться, и он попытался бежать на помощь Дженрозе, на ходу выдергивая из ножен меч. Теперь Силона оправилась от неожиданности, и схватка продолжалась. Чудовище шипело на Дженрозу и пыталось выбить факел из ее руки. Вампирша метнулась влево от Дженрозы, заставив девушку повернуться, затем мгновенно вернулась обратно. Силона выбросила вперед руку и ударила девушку в бедро. Дженроза громко вскрикнула от боли, однако не выпустила из руки факел. Теперь Силона ударила ее другой рукой, ее острые когти оцарапали правое плечо Дженрозы. На этот раз факел выпал из руки, разжавшейся от боли, и отлетел шагов на двадцать.

Силона издала торжествующий вопль и кинулась вперед, чтобы убить свою дерзкую противницу. Но тут же крик торжества сменился яростным воем — меч Линана вонзился в ее руку. Линан услышал удар, напоминавший стук топора по дереву. Силона отпрянула назад, меч выскочил из ее руки. Из глубокой раны показалась кровь чудовища, она была бледной и слегка светилась.

Линан занес меч над головой для следующего удара, но тут Силона увидела Камаля и Эйджера, бежавших к ней с обнаженными мечами и факелами в руках. Ее тело скорчилось, а спина расщепилась, из продольной трещины выросли два огромных черных крыла, точно темные диковинные цветы в ярком свете костра. Вампирша взмахнула крыльями и поднялась в воздух, а со следующим их взмахом исчезла во мраке ночи.

Четверо друзей стояли рядом, вглядываясь в темноту, но не могли разглядеть и следа чудовища. Спустя несколько секунд эхо донесло до них крик досады и боли. Линан задрожал всем телом и упал на землю.

Когда он очнулся, уже наступило утро. Костер все еще ярко горел, и принцу было тепло в прохладном утреннем воздухе. Он попытался приподняться на локтях и оглядеться, однако тут же почувствовал тошноту, и его голова с глухим стуком опять упала на землю.

— Конечно, я не знаю, из чего бог создал ваш череп, — раздался позади него женский голос, — однако он определенно крепче стали.

Линан поднял глаза и увидел Дженрозу.

— Я чувствую себя ужасно, — удалось произнести ему.

— Вот это удивительно, правда? Удивительная коллекция ран, шрамов и синяков, которую удалось собрать нашей маленькой компании всего за несколько последних недель. Можете ли вы представить себе, на кого мы станем похожи через год? А через десятилетие?

— Мы все еще в лесу?

— Да, но Эйджер считает, что до его опушки осталось не больше двух часов спокойной ходьбы.

— А где он сам?

— Они с Камалем пытаются поймать какую-нибудь дичь. Как только они вернутся, мы двинемся в путь — если только вы сможете подняться и идти. На самом деле мне бы не хотелось провести еще одну ночь в лесу Силоны.

Линан внутренне содрогнулся при воспоминании о событиях прошедшей ночи. Ему припомнилось и то, как легко вампиру удалось завлечь его, и юноше стало стыдно.

— Из-за меня вы едва не погибли.

— Ну, не стоит все же забывать и о том, что вы спасли меня от медведя.

Линан мрачно рассмеялся.

— Не в ваших правилах впускать кого-то в вашу собственную крепость, ведь так?

Дженроза встала и принялась отряхивать прилипшую к ее штанам грязь.

— Не понимаю, о чем вы говорите.

— Пожалуйста, помогите мне подняться.

Дженроза просунула руку под руку Линана и без особенного труда подняла его. Несколько секунд он нетвердо стоял на ногах, однако вскоре смог пройти несколько шагов и при этом не упасть. После этого он обошел вокруг их небольшого лагеря и уже начал

было второй круг, как вдруг заметил что-то возле своих ног. К нему подошла Дженроза и внимательно посмотрела вниз на пятно из почерневших листьев и выжженной земли.

— Это как раз то место, где упал мой факел, — сказала она.

— Нет. Ваш факел валяется вон там, — ответил Линан и показал, где именно. Он опустился на колени и вытянул руку. — Смотрите, здесь...

— Это ее кровь! — воскликнула Дженроза.

Линан отпрянул назад с таким отвращением, будто увидел змею. В ошеломлении он не мог оторвать взгляда от черного пятна.

— Вы правы, это ее кровь.

— Ради бога, оставьте это в покое. Разве вам мало одной встречи с ней?

Слова девушки неожиданно вызвали в нем непонятное упрямство. Он достал свой нож.

— Что вы делаете?

Не обращая внимания на девушку, Линан вырезал из плаща Рохета треугольник и вытер кровь получившейся тряпицей.

— Что вы делаете? — настойчиво повторила Дженроза.

— Сувенир, — ответил Линан, взмахнув тряпицей. — То есть, может быть. Я не сомневаюсь, что вам приходилось слышать немало историй о крови вампиров. Ей приписывают магические свойства.

— А что, если это поможет Силоне опять напасть на ваш след? — возразила Дженроза.

Линан побледнел и неуверенно спросил:

— Вы думаете?.. — Потом решительно тряхнул головой. — Нет. Как только мы выйдем из леса, она перестанет нам угрожать.

— Как вы можете говорить с такой уверенностью?

— Силона — лесной вампир. Если только она оставит свой лес, она погибнет.

— Вы же не знаете этого наверняка.

Линан положил треугольник в карман плаща и поднялся с колен.

— Я готов рискнуть.

Дженроза отшатнулась от него.

— Линан, вы просто глупы. Вы еще доведете нас всех до гибели.

ГЛАВА 18

После бесплодных недельных поисков по всей Кендре недорогих квартир для своих солдат капитан Рендл обнаружил в гостинице, где остановился сам, послание от управления квартирмей-

стера армии Гренда-Лира. Всем подразделениям наемников предписывалось не позже чем в течение десяти дней собраться в портовом городе Алемура, если они только были намерены принять участие в намечавшемся походе на Хаксус.

Рендл был слишком опытным солдатом, чтобы испытывать хоть малейшее разочарование из-за превратностей военной жизни, но его разозлило то обстоятельство, что он был вынужден потерять задаток, уже уплаченный за квартиры для солдат.

Он верхом выехал из города туда, где стоял лагерем его наемный кавалерийский отряд. Солдаты приветствовали командира с большим энтузиазмом, уверенные в том, что он привез хорошие новости, что с этой ночи над головами у них появятся достойные крыши, что в их желудках будет вдоволь еды и вина, а в постелях хватит женщин, и что впереди их ждут несколько месяцев легкой жизни на содержании нового короля.

Вместо этого им было объявлено, что получен новый приказ о выступлении, и что теперь они должны будут служить новой королеве Гренда-Лира. Второй офицер отряда, заместитель Рендла, тощий, точно хлыст, человек по имени Эдер, подошел к нему и спросил, что же происходило в действительности. Рендл в нескольких сжатых фразах рассказал ему об убийстве Береймы, о восхождении на трон Аривы, объявлении принца Линана вне закона и о том, что Линан утонул.

— Не могу сказать, что у меня возникло сильное желание служить королеве Кендры, — произнес Эдер.

— Тут я с тобой согласен, — резко отозвался Рендл. Во всяком случае, после того, *как* мы служили последней королеве во время Невольничьей войны. Однако сейчас мы возьмем то, что она заплатит нам за службу, и поднимем знамена в ее честь. По крайней мере, до тех пор, пока она не отправит нас на север.

— Значит, нам предстоит воевать с Хаксусом?

— Я не хочу иметь к этому никакого отношения. Хаксус всегда платил лучше, чем Гренда-Лир.

Эдер улыбнулся тонкими губами.

— А мне так по душе мысль о том, что можно получить звонкие монеты обеими руками. Именно так следует относиться ко всем делам на свете.

— А что ты скажешь о нашем пропавшем патруле? Обнаружились какие-нибудь их следы?

Эдер жестом пригласил капитана проследовать за ним в палатку на самом краю лагеря. Он откинул полог, и Рендл увидел

куртки, пояса и ножи, разложенные перед ним. Все это покрывала влажная грязь.

— Один из разведчиков, которых я отправил назад, обнаружил их могилы на берегу ручья в двух днях конного пути отсюда. Их лошадей нигде не было видно. Все солдаты погибли от ран, нанесенных мечами.

Рендл яростно скрипнул зубами.

— А где их мечи?

— В могилах их не оказалось.

— И никаких следов нападавших?

— Разведчик сказал, что по дороге со времени их гибели прошло слишком много отрядов вроде нашего. Все следы затоптаны. Однако ему удалось найти двух лошадей — они бродили по хребту Эбриус.

— Остальные знают обо всем этом?

— Разведчику, который привез с собой столько снаряжения да вдобавок привел двух лошадей без всадников, трудно было бы остаться незамеченным. Конечно, знают.

Рендл порывисто вышел и направился к своей палатке, Эдер поспешил следом. В палатке Рендл склонился над одним из своих сундуков и извлек из него большую начерченную от руки карту. С нею в руках он вышел из палатки и разложил прямо на земле.

— Я не люблю терять своих людей, — раздельно и твердо произнес он. — А сейчас я ничего не понимаю. Среди моих людей нет таких болванов, которые могли бы сами побеспокоить какую-нибудь деревушку, оказавшуюся у них на пути. Может быть, они попытались стащить цыпленка или свинью, или приставали к какой-нибудь хорошенькой крестьянской дочери — однако едва ли крестьянин смог бы тут что-нибудь поделать.

Он стал внимательно разглядывать карту.

По этой части света он скитался вот уже почти тридцать лет и знал ее не хуже, чем свои пять пальцев. Он указал на многочисленные тропы и ручьи возле северного подножия хребта Эбриус, пересекавшие дорогу, по которой двигался отряд в направлении Рога Лир.

— Вот сюда мы выслали их вперед отряда. Когда мы добрались до этого места, нигде не было видно никаких их следов. Так что все, что могло с ними случиться, произошло за те шесть часо — с момента, как они оторвались от отряда, и до того времени, когда мы оказались вот здесь. — Он ткнул пальцем в точку на карте. — В половине дня пути в стороне от дороги находятся несколько деревень, но больше здесь нет ничего примечательного.

Земли на хребте Эбриус были глинистыми и малоплодородными, к тому же здесь водились большие медведи, потому крестьяне старались не поднимать хозяйства на его склонах.

Рендл сердито поводил пальцем по карте, затем его палец начал описывать спираль. Он провел ногтем вдоль основной дороги, по самому хребту, по краю залива Пустельги, вернулся к Чандре... Палец на мгновение замер, затем вернулся к берегу залива.

— Мне говорили, будто бы принц Линан разбился об эти скалы, однако нигде не удалось обнаружить его тела.

Эдер заглянул через плечо капитана.

— Он был один?

— Нет. С ним были по крайней мере трое спутников. Инвалид, девчонка и Камаль Аларн. Ничьих тел найти не удалось.

Эдер в изумлении широко раскрыл глаза.

— Коннетабль королевской гвардии был в деле?

Рендл кивнул.

— По крайней мере, такова официальная версия.

— Мне довелось видеть его однажды, во время Невольничьей войны. Это самый большой и самый сильный ублюдок, какого только я встречал в жизни. Не будет жаль, если он покинул этот мир.

— Но что, если он со своими друзьями не разбился, а смог спастись и подняться на утес? Куда они в этом случае должны были направиться? Они не могли возвратиться в Кендру, но на утесе они тоже не могли оставаться. И все это происходило как раз тогда, когда мы направлялись сюда с совсем другой стороны.

— Ты не думаешь, что наш патруль мог встретиться с ними?

Рендл пожал плечами.

— Теперь это уже невозможно выяснить.

Он опять склонился над картой, взгляд его точно блуждал по ней. Сперва он оглядел всю Чандру до самой северной точки, потом Хьюм, потом его глаза скользнули западнее, к Океанам Травы.

— Так куда бы они смогли направиться? — спросил он скорее сам себя, чем своего заместителя.

— Ты собираешься доложить об этом королеве?

— О чем тут докладывать? О том, что мы потеряли свой патруль благодаря нападению неизвестных лиц? Так или иначе, но у нас ведь нет ни одного свидетельства о том, как именно наши парни нашли свою судьбу.

— Да, кроме того, что она была к ним жестока, а их мечи украдены.

— Это мог сделать любой другой патруль наемников. За день до нас той же дорогой прошел старый Малорка, а его всегда мучает нестерпимый зуд, если есть возможность показать собственную неуязвимость.

— Однажды мы расквитаемся с ним, — зловеще пообещал Эдер.

— Да, но не сейчас. Сейчас новая королева предлагает нам достаточно денег. — Рендл продолжал изучать карту. Его палец остановился в месте, которое он называл Арранской долиной.

— Как ты думаешь, Джес Прадо все еще болтается там?

— По моим последним сведениям — да, причем с ним вместе изрядное число его людей. Они явились, чтобы уладить какое-то небольшое недоразумение в тех краях, да так там и остались. Но тебе никогда не нравился этот человек. Что у тебя на уме?

— Я никогда не считал Прадо хорошим солдатом... однако с ним у нас никогда не было проблем, к тому же он человек прямой. Отправь ему послание.

— Сейчас подыщу всадника...

— Нет. Мне нужен более быстрый способ. Отправляйся в Кендру и купи почтового голубя из Аррана.

— А что за депеша?

— Пока в точности не знаю. За ближайший час я обдумаю ее содержание, но одно точно — следует посулить деньги, и деньги немалые.

Олио пришел на место назначенной встречи в гавани Кендры за десять минут до назначенного времени. Прелат Эдейтор Фэнхоу согласился проводить принца мимо самых страшных городских трущоб, по тому хитросплетению улочек за доками, где, подобно муравьям возле горшка с медом, собирались вдовы моряков, приютские дети, портовые шлюхи и контрабандисты, беглые преступники и безработные. Олио решил сделать что-нибудь для городской бедноты, и Эдейтор охотно согласился показать ему страшнейшую нужду, от которой Кендра должна избавиться.

Принц нашел место на солнце, где можно было присесть, и принялся наблюдать за разгрузкой торгового судна из Луризии. Портовые грузчики вручную передвигали по кораблю свою лебедку, а члены экипажа тем временем обвязывали толстым канатом самое огромное бревно, которое Олио когда-либо приходилось видеть. Это был знаменитый лес Луризии — красный как пламя, и твердый как железо; основной товар, которым Луризия торговала со всем остальным Тиром.

Но вот, наконец, три бревна были крепко связаны вместе, крюк лебедки подвели под основной узел, и грузчики с натугой начали тянуть балласт до тех пор, пока груз бревен не поднялся над планширом судна. Следующим, заключительным маневром грузчиков было переместить бревна таким образом, чтобы груз оказался над доком; затем медленно мало-помалу следовало отпускать балласт до тех пор, пока бревна плавно и мягко не опустятся на ожидавшую телегу.

Когда опускался первый груз бревен, балласт отпустили слишком быстро, так что телега резко накренилась, и это испугало четверых запряженных в нее быков. Только благодаря быстрым и сильным ударам кнута возницы быки остановились и не понесли телегу с места с незакрепленным грузом.

Последовала грубая перепалка между капитаном и старшиной грузчиков, а тем временем был готов и второй груз, который уже закрепили на лебедке. В то время, как лебедка поворачивалась над доком, узел скользнул на крюке, и бревна тяжело накренились. Грузчики врассыпную бросились прочь от лебедки, однако крюк еще продолжал держать груз, и тогда двое из них поспешили к балласту, чтобы отпустить его. Однако в тот самый момент, когда они коснулись руками лебедки, узел окончательно развязался. Бревна рухнули на землю с оглушительным стуком, лебедка откатилась в сторону, и балласт всей своей тяжестью резко опустился на двоих бедняг, которые пытались уравновесить груз. До слуха Олио донесся глухой удар, а затем крики людей, бросившихся на помощь пострадавшим.

Олио без раздумий метнулся вперед к месту происшествия. Он локтями прокладывал себе дорогу сквозь толпу праздных зевак и остановился как вкопанный лишь при виде искалеченных окровавленных останков одного из упавших грузчиков. К его ногам текла кровь, и он невольно отступил назад.

— А этот еще жив! — услышал он чей-то голос и взглянул в ту сторону, где лежал второй пострадавший грузчик. Его голову поддерживал старшина грузчиков. Принц переступил через тело погибшего и опустился на колени возле раненого. Тот был без сознания, из его груди вырывалось тяжелое дыхание, а на губах выступила кровь.

— Он умирает, — угрюмо произнес старшина. — У него раздавлена грудь.

Олио схватил грузчика за руку и слегка сжал ее. Кожа умирающего была холодной и липкой, от прикосновения Олио его

веки вздрогнули и приоткрылись, зрачки расширились от безумной боли.

— Неужели вы ничего не можете сделать? — спросил Олио старшину.

— Он умирает, — повторил тот.

Свободная рука Олио сама собой скользнула под плащ, и он сжал Ключ Сердца. Ключ показался ему очень холодным на ощупь. Принц ожидал чего-то, что должно было произойти, сам не зная толком, чего именно. Однако он ничего не ощутил и не почувствовал никакой перемены в состоянии раздавленного грузчика. Тогда Олио закрыл глаза и попытался сосредоточиться, ожидая хоть какого-нибудь знака, который подсказал бы ему, как следует воспользоваться Ключом. Он вспомнил мощную волну энергии, действие которой он испытал в те минуты, когда Ашарна исцеляла горбуна. В ладони, которой он сжимал Ключ, появилось легкое покалывание, однако он по-прежнему не ощущал ничего, что передавалось бы от него раненому грузчику, не чувствовал никакой волны, подобной той, что исходила от Ашарны. Грузчик застонал и закашлялся. В лицо Олио брызнула кровь, однако он не обратил на это никакого внимания.

— Он не д-д-должен умереть, — еле слышно пробормотал принц. Склонив голову, он попытался молиться, однако вслед за молитвой по-прежнему не последовало никакого знака. На его плечо мягко опустилась чья-то ладонь, и он услышал у себя над головой слова, произносившиеся на странном незнакомом языке. Олио показалось, что Ключ ожил в его ладони. Внезапно он стал таким горячим, что принц едва не отдернул руку, однако вовремя удержался. Тепло Ключа вошло в его ладонь, теплая волна прошла по руке, потом по груди, отчего его сердце забилось вдвое быстрее обычного. Затем жаркая волна прошла по той руке, в которой он держал ладонь изувеченного грузчика. Олио скорее почувствовал, чем увидел ореол мощного света вокруг себя и раненого, и тут же ощутил, как изогнулись и перекосились ребра и легкие несчастного, принимая нормальные формы. Из груди грузчика вырвался крик страшной боли, однако кровь перестала течь у него изо рта, а глаза стали осмысленными и живыми.

Волна силы исчезла так же внезапно, как и возникла. Олио с трудом отпустил Ключ и поднялся на ноги. Тотчас же сознание покинуло его, и он начал падать. Перед его глазами встала темная пелена, он даже не смог различить лицо человека, который подхватил его и потащил прочь, подальше от изумленной толпы. Однако спустя несколько мгновений принц услышал знакомый голос, сказавший:

— Не думал я, что мы сможем это сделать.

— Эдейтор? Но что же все-таки вы сделали? — слабым голосом спросил Олио.

— Всего лишь добавил мои скромные познания в магии к тому могуществу, которое даровано вам Ключом Сердца. Вы в состоянии идти, ваше высочество? У меня не хватит силы нести вас на себе дальше. Мне хотелось бы, чтобы вы оказались как можно дальше от этого дока, прежде чем кто-нибудь сможет узнать вас.

Его опасения не были беспочвенными — кое-кто из грузчиков уже показывал пальцами в их сторону, а в толпе зевак прозвучало слово «чудо». Кивнув, Олио сделал несколько слабых шагов. Эдейтор подставил плечо под руку принца и помог ему добраться до выхода из гавани. Так они двигались до тех пор, пока не добрались до одной из темных узких улочек на задворках пакгаузов, окружавших гавань. Вместе они прислонились к старой кирпичной стене.

— Мне хотелось бы, ваше высочество, чтобы вы не забывали об осторожности, выходя из дворца, и брали бы с собой стражу, — выдохнул Эдейтор, с трудом пытаясь отдышаться.

— Что же хорошего может в-в-в-выйти из того? Всем станет сразу же ясно, кто я такой, и все будут кланяться мне, подавать прошения и ходатайства. Разве я смогу при этом как следует узнать город?

— И все же для вас будет лучше взять на себя бремя ответов на ходатайства и прошения, нежели оказаться зарезанным каким-нибудь негодяем. Как раз здесь, в доках, особенно много чужестранцев, не имеющих никакого отношения к Гренда-Лиру. И все они норовят напасть на богатых юных аристократов, дабы поинтересоваться содержимым их кошельков.

— Боже, как стыдно было бы умереть, если бы кто-нибудь принял меня з-з-з-за кого-то из членов Двадцати Домов, — попытался отшутиться Олио, однако его смех прозвучал принужденно.

— Но я всегда считал, что ваша семья была связана с Двадцатью Домами.

— Только не говорите об этом, пожалуйста, моей сестре.

Олио резко выпрямился и вновь почувствовал тошноту. Эдейтор тут же подхватил его.

— Что т-т-там произошло?

— Вы исцелили умиравшего.

— Д-да, но эта заслуга принадлежит не мне. Ключ показал свое могущество только благодаря вашей магии.

Эдейтор покачал головой.

— Я не согласен с вами, ваше высочество. До сих пор мне не удавалось произвести ничего подобного, а между тем через мои руки прошло немало священных реликвий. Ключ возымел действие благодаря тому, что вы стали проводником могущества.

— А если так, почему же он не помог мне до вашего вмешательства?

— Не знаю. Может быть, вам надлежит развить в себе некие способности. Не припомните ли вы, когда вы были еще ребенком, вас не испытывали относительно магических способностей?

— Н-н-нет.

— Тем не менее мне кажется, что это имеется во всей вашей семье. В этом нет ничего необычайного. Абсолютно ясно, что вашей матушке от рождения было дано могущество. Кроме того, возможно, что Ключи способны проявлять свою силу только будучи вместе, а по отдельности каждый из них нуждается в дополнительных магических средствах. Но уверяю вас, принц, мне до сих пор не известен ни один маг, который мог бы проделать что-либо, подобное нашему с вами сегодняшнему деянию. Об этом следует серьезно подумать.

Олио застенчиво улыбнулся.

— Однако вдвоем мы м-м-можем вызывать к жизни силу Ключа, Эдейтор.

— Да, но за это придется платить. Мы оба измучены.

Олио слабо кивнул.

— Боюсь, что нам придется закончить наше сегодняшнее путешествие. Мне не припоминается, чтобы когда-нибудь прежде я испытывал такую усталость.

— Мне тоже. Идемте, ваше высочество, я провожу вас обратно во дворец.

— Но ведь ваши собственные апартаменты совсем недалеко отсюда. Со мной все в п-п-порядке.

Однако в конце концов Эдейтор настоял на своем, и они вместе вышли на широкую улицу, которая тянулась через весь город и заканчивалась на холме, возле главных дворцовых ворот, которые охранялись двумя королевскими стражниками. Здесь прелат оставил Олио, уверившись в том, что теперь принц был в безопасности. Олио смотрел ему вслед, удивляясь и недоумевая — что же он такое сделал, чтобы заслужить такую преданность?

— Ваше высочество, мы не знали, что вас не было во дворце, — виновато произнес один из стражников в ответ на приветствие принца.

— Это была целая история, — едва ли не задыхаясь, ответил Олио.

В главном дворе он немного помедлил, пытаясь побороть изнеможение и разобраться в целой туче вопросов, которые теснились в его сознании и касались всего, что произошло в доках. Ему одновременно хотелось и рассказать об этом кому-нибудь, и отправиться спать. В конце концов он решил сперва повидать Ариву, подумав, что, может быть, из прочитанных ею книг она извлекла какие-либо познания, которые помогли бы понять, каким образом при помощи Эдейтора ему удалось совершить небывалое.

Он заглянул в ее покои и увидел силуэт сестры на фоне окна. Она была не одна, но Олио не смог узнать человека, стоявшего рядом с ней.

«Что ж, тогда первым делом спать, — улыбнувшись, подумал он. — Я не стану нарушать идиллию этой сладкой парочки».

— Я забираю вашего последнего копьеносца, — заявил Сендарус, не сумев скрыть торжества в голосе.

Арива, не придавая ни малейшего значения его словам, внимательно изучала положение на многоугольной доске, стоявшей перед ней. Действительно, все ее копьеносцы были обнаружены и разбиты, однако ее город все еще оставался защищен двумя уланами и герцогом, и она была уверена, что эту защиту будет не так-то легко преодолеть.

«Кто знает, — подумала Арива, — ведь он может даже оказаться настолько глуп, чтобы двинуть к моим стенам своих саперов».

— Теперь игра подходит к своей истинной сущности, — продолжал Сендарус. — Один из игроков стремится преодолеть последний барьер между ним и его собственным сердечным желанием.

— Ваша метафора прозвучала так, будто ее произнес старик, страдающий запором, — ответила Арива, не отрывая глаз от доски. — Я воздержусь от хода.

— Это ваш последний пропуск хода, ваше величество, — с этими словами Сендарус перекатил с места на место пронумерованные бабки. — Я насчитал пять.

— На самом деле четыре. Видите, эта еще на месте.

— Значит, четыре. — Он протянул руку к фигурке одного из своих саперов и уверенно передвинул ее к парапетам города Аривы. Арива убрала серебряный щит, за которым оказался плотный ряд поджидавших воинов с мечами.

— Ваша фигура взята, — сказала она, и Сендарус в изумлении заморгал. — Вы заглотили слишком крупную наживку.

— Однако вы все время играли на оборону! — запротестовал Сендарус. — Вы ни разу не предприняли ни малейшей попытки нападения на мой город!

— Зато теперь, когда ваша последняя оборонительная фигура погублена, все мои высшие фигуры невредимы. Моя игра.

Сендарус откинулся на спинку кресла и расхохотался.

— Вы обыграли меня, точно круглого дурака.

— Вовсе нет. Просто я поймала вас, как рыбу на крючок.

Сендарус рассмеялся еще громче. Арива великодушно улыбнулась.

— Тем не менее вы выдержали тяжелую борьбу, — признала она. — Я не была уверена в вашем выборе между игрой с сапером и стенобитным орудием. Последнего мне было бы не остановить.

— Вы всегда можете остановить меня, ваше величество.

Он взглянул ей прямо в глаза и добавил:

— А я всегда буду уступать.

Арива покраснела и поднялась, чтобы скрыть это.

— Мой друг, это было приятным развлечением, однако мне пора приступить к делу. — Она потянула шнурок звонка, висевший возле ее стола.

— Развлечением? Это все, что я для вас значу? — Он постарался придать беспечность своему голосу, однако в вопросе прозвучало напряжение.

Арива мягко коснулась пальцами его щеки.

— Другого такого развлечения нет во всем моем королевстве, — произнесла она.

Принц хотел было взять ее за руку, но тут дверь отворилась, и вошел Харнан с полными руками бумаг и свитков.

Арива быстро отступила на шаг от принца; он понял этот намек и заложил руки за спину.

— Смогу ли я позже увидеть вас? — прошептал он.

— Возможно, — вполне доброжелательно ответила она.

Сендарус поклонился ей и направился к выходу, кивнув по дороге Харнану — который, в свою очередь, пытался поклониться и при этом не уронить своих бумаг.

— Нам сегодня предстоит сделать очень многое, ваше величество, — обратился он к Ариве и положил свой груз ей на стол.

— Не найдется такого дня, когда нам не предстояло бы подобное, — сухо отозвалась она.

— К сожалению, в жизни монарха немного удовольствий.

— Мне это прекрасно известно, ваше величество.

Уголки ее губ изогнулись в легчайшей из улыбок.

— О, а я ничего об этом не знаю, господин секретарь.

— Разве ты не попрощаешься с Сендарусом? — спросил Оркид.

Амемун покачал головой и взгромоздился на коня, которого придерживал Оркид.

— Мы разговаривали с ним ночью. Нет никакой необходимости в каких-то еще словах. К тому же нет ничего такого, что я мог бы сказать ему и что заставило бы его еще больше влюбиться в вашу королеву.

— В нашу королеву, — поправил его Оркид.

— Да, конечно, — с отсутствующим видом отозвался Амемун.

— Но ведь в этом и состоит вся суть нашего предприятия, — настойчиво произнес Оркид. — Если бы в наших глазах она не имела законной власти, то в таком случае не стоило бы и пытаться сводить ее с Сендарусом, — а любое их потомство имело бы не больше прав на то, чтобы провозгласить нашу верность, чем ребенок шлюхи.

— Мой друг, меня волнует вовсе не законность ее положения. Я беспокоюсь о тебе.

В изумлении Оркид широко раскрыл глаза.

— Что ты хочешь этим сказать?

— У Марина не было другого выбора, когда он отправлял тебя сюда. Он знал, что ты от всего сердца согласишься с его планами и ни за что не станешь колебаться, когда речь зайдет об интересах нашей страны. Но, хотя годы, которые ты провел здесь, не коснулись твоей любви и преданности Аману, у тебя было довольно времени и для того, чтобы полюбить этот город и его правителей.

— А почему же нет, Амемун? Скоро здесь будет настолько же королевство Амана, насколько Кендры. Однако нам никогда не следует забывать о том, что королевство создано людьми, пришедшими отсюда, а не нашим собственным народом.

Амемун кивнул.

— Я и не собираюсь это оспаривать. Однако если что-то пойдет не так, как мы задумали, тогда может наступить и такой момент, когда тебе придется выбирать между своими привязанностями.

— Аману ни к чему сомневаться во мне, — несколько напыщенно произнес Оркид. — Я живу в ожидании того дня, когда смогу вернуться к себе домой.

Амемун похлопал канцлера по руке, чего никто не делал с тех далеких пор, когда Оркид был еще ребенком.

— Я знаю. Сохраняй терпение и будь сам себе советчиком. Время придет, я в этом не сомневаюсь.

— Слава богу, — сказал Оркид.

— Слава Владыке Горы, — отозвался Амемун. — Прощай, Оркид. Позаботься о безопасности нашего принца. — Он пустил коня легким галопом и, выехав за пределы дворца, направился к докам, где ждал его корабль, чтобы вернуться в Аман.

— Счастливого пути, — спокойно произнес Оркид, глядя ему вслед и думая о том, суждено ли им еще когда-нибудь увидеться.

ГЛАВА 19

Несмотря на безмерную усталость и голод, Линан и его спутники, ни на миг не останавливаясь, продолжали идти через луга, желтевшие под ярко-голубым небом, поднимались на пологие холмы и спускались с них до тех пор, пока лес Силоны не стал всего лишь тонкой зеленой полоской на южном горизонте. Впервые за неделю пути все они почувствовали наслаждение свободой и такое облегчение, какого не испытывали с момента своего побега из Кендры. Лица всех четверых осветились безмятежными улыбками.

Солнце уже склонилось к закату, когда Камаль предложил остановиться. К этому времени друзья вышли на вершину невысокого холма, откуда открывался прекрасный вид на широкую и неглубокую долину, простиравшуюся километров на десять с севера на юг и на примерно вдвое меньшее расстояние с востока на запад. Прямо посередине долину пересекала узкая голубая лента ручья, вдоль которого тянулась широкая грязная дорога. С вершины холма, на котором обосновались беглецы, было видно, что большая часть долины возделывалась — земля здесь была поделена на мелкие полосы, частью прикрытые разноцветными навесами; пейзаж оживляли несколько разбросанных по долине деревушек, в каждой из которых было не больше двадцати домов, а не очень далеко от холма виднелся не очень большой город.

— По большей части это фруктовые сады, — оглядевшись, заключил Эйджер. — Должно быть, это Арранская долина. Это значит, что до Спарро нам осталось добираться около недели.

— Я помню, что мне рассказывали об этом месте на уроках географии, — сказал Линан. — Эта долина славится своими урожаями персиков.

— А еще своим замечательным вином, — облизываясь, добавил Эйджер.

— А еще своими меткими стрелками, — охладил их Камаль. — Здесь каждый крестьянин способен на расстоянии в сотню шагов попасть в вороний глаз, так что нам следует соблюдать осторожность. Если кто-то станет о чем-нибудь расспрашивать, то мы должны придерживаться той истории, что рассказали лесным жителям.

— Но ведь вы же не думаете всерьез, что они нам поверили? — спросила Дженроза.

— Дело уже сделано, мы затвердили эту сказку, и если будем повторять эту историю, то лишь станем рассказывать ее еще правдоподобнее. Только не нужно давать особенной воли воображению. Если же вы придумаете что-нибудь, что можно к ней добавить, то сразу же делитесь со всеми нами, чтобы мы могли лгать еще убедительнее.

— Нам нужно придумать всем новые имена, — решительно произнесла Дженроза. — Мы не можем идти дальше, называясь в пути Линаном, Камалем, Эйджером и Дженрозой — бедными крестьянами, чьи имена и внешность в точности совпадают с описаниями четверых беглецов из Кендры.

Остальные немедленно согласились с девушкой.

— Тогда я назову себя Аналида, — сказала она. — Так звали мою бабушку, и мне будет нетрудно запомнить это имя.

— Если так, то я могу выбрать для себя имя своего отца, — заявил Эйджер. — Меня будут звать Нимен.

— Ну что ж, у меня не было ни матери, ни отца, чтобы о них вспомнить, — произнес Камаль. — Так что я назовусь Экзенером, по названию той деревни, откуда я родом. — Он повернулся к Линану: — А вы, ваше высочество, могли бы воспользоваться именем вашего отца. Имя Элинд достаточно часто встречается, многих мальчишек, родившихся в то же самое время, что и вы, называли в честь генерала.

Линан покачал головой.

— Нет, пожалуй, мне будет неловко носить это имя.

Про себя же он подумал, что будет чувствовать себя так же неловко, если назовется снова Пайремом, как это было когда-то.

— Мигам, — предложила Дженроза.

— Как?

— Мигам. Прекрасное имя, и вдобавок его нетрудно запомнить.

Камаль и Эйджер выжидающе посмотрели на Линана.

— Что ж, хорошо, — согласился он. — Но все же кто такой был этот Мигам?

— Кабанчик моей матери, — улыбаясь, ответила девушка.

Камаль и Эйджер расхохотались, а под конец и сам Линан не выдержал и рассмеялся.

— Но я смею надеяться, что он был вполне достойным животным.

— Он был маленьким и волосатым, а еще очень громко и часто освобождался от газов. Впрочем, у него были и положительные качества.

Поскольку Камаль и Эйджер продолжали громко фыркать, Линан решил переменить тему разговора.

— Мы сегодня остановимся здесь на ночевку?

— Не знаю, как вы, ваше высочество, но я, к примеру, изнываю от голода, — отозвался Эйджер. — Давайте доберемся до какого-нибудь городишки и посмотрим, нельзя ли там найти какую-нибудь еду и крышу над головой. Там непременно должна быть харчевня или гостиница.

— А чем, по-вашему, мы сможем расплатиться за ночлег и ужин? — возразила Дженроза.

— Мы могли бы отработать. В таких местах всегда бывают нужны сезонные работники, особенно по осени. Кроме того, таким путем мы сможем разузнать что-нибудь о последних событиях.

С этими доводами все согласились, и не прошло и часа, как они уже шли по главной городской улице, где нашлось целых три харчевни.

— Это торговый городишко, — сделал вывод Эйджер. — Через несколько недель народу здесь будет втрое больше, чем теперь.

Они направились в самую большую харчевню, где их немедленно встретил хозяин — человек весьма плотного телосложения, однако ростом не выше Линана, с красным лицом, главным украшением которого был огромных размеров нос. Студенисто-голубые бледные глаза внимательно смотрели на гостей из-под густых бровей, лоб был изборожден глубокими морщинами, а тонкие губы почти полностью прятались под пышными усами.

— Леди и джентльмены, милости прошу вас в мое заведение, которое называется «Хороший урожай». Желаете ли вы остановиться на ночлег? В нашем заведении достаточно много хороших комнат, вам будет из чего выбрать...

— У нас нет денег, чтобы начинать с этого, господин, — быстро проговорил Линан. — Однако мы хотели бы получить пищу и кров на ночь в обмен на любую работу, какая у вас найдется.

— Значит, еду и кров за работу, так ли я понял?

— Всего на одну ночь. Мы идем в столицу с поручением от жителей нашей деревни и должны будем завтра утром продолжить путь.

— А почему вы думаете, что у меня найдется для вас какая-нибудь работа?

— Что ж, если у вас нет работы, мы попытаем счастья в другой харчевне, — резко произнес Камаль.

Хозяин поднял руки:

— Не стоит так горячиться. Ведь Айран не сказал, что у него не найдется для вас никакого дела.

С этими словами он взялся рукой за подбородок.

— На самом деле у меня есть дрова, которые нужно нарубить, да еще одно животное, которое требуется разделать. — Он ткнул пальцем в Линана. — Вам приходилось раньше разделывать тушу?

Линан растерялся. Неужели этот человек говорил серьезно? И что за животное нужно было разделать? Прежде чем он успел раскрыть рот, вперед выступил Эйджер.

— Я разделывал овцу и козу, — произнес горбун.

Айран милостиво кивнул.

— Ну что же, я думаю, что молодого бычка разделывать не намного тяжелее. Если ты и этот здоровяк займетесь разделкой и справитесь с этим делом, а парень с девушкой вместе постараются, то они смогут порубить все дрова и сложить их прежде, чем здесь наберется толпа народу. Тогда у вас будет отличный ужин, удобные постели, а я даже поставлю возле большого камина немного пива. Ну, а если у меня с утра будет хорошее расположение духа, то вы, пожалуй, и позавтракать сможете.

Беглецы приняли предложение, и Айран вывел их на задний двор. Здесь возле кирпичной стены была свалена большая гора дров, а неподалеку от нее стояла клеть.

— Все инструменты, которые вам понадобятся, вы найдете в клети, там же и топор, и точильный камень. Когда справитесь, позовите меня.

Огромный топор был рассчитан на человека с более сильными руками, чем у Линана и Дженрозы, поэтому Камаль взял на себя работу с дровами при условии, что Линан поможет Эйджеру в клети. В первый момент Линан подумал, что его работа будет легче, чем колка дров, однако когда он вошел в клеть, его одолели сомнения. Бычка зарезали недавно, в стойле до сих пор пахло кровью и навозом. Перерезанное горло животного напоминало чудовищную улыбку, а голова была вся в запекшейся крови. Глядя на массивную

тушу, висевшую на огромном крюке, вбитом в поперечное бревно, Линан осознал, какая большая работа предстояла им с Эйджером.

— Мы не сможем справиться с этим ко времени, — пробормотал он.

Эйджер, казалось, не услышал этих слов. Он открыл дверцу клети и, поднатужившись, вытащил наружу стойку, на которой висело животное.

— Принеси-ка мне, мальчик, вон те помойные бадьи и разделочные ножи, — обратился он к Линану и показал на две большие деревянные бадьи, стоявшие в углу клети. Из них торчали три ножа разных размеров — прямой мясницкий тесак с тяжелым лезвием и два острых ножа поменьше. Обе бадьи были черными от грязи, и Линан почувствовал тошноту, однако принес Эйджеру все, что тому требовалось, да еще прихватил замызганные фартуки, висевшие на стене клети рядом с бадьями. Фартуки были такими огромными, что закрыли Эйджера и Линана от шеи до самых колен.

Взяв один из меньших по размеру ножей, Эйджер пару раз обошел вокруг туши, затем кивнул сам себе.

— Разница не такая уж и большая, — произнес он и вонзил нож в пах бычка. Потом, приложив всю свою силу, прорезал тушу от паха до шеи, пока нож не дошел до разреза на горле, затем быстро сделал глубокие зарубки в основании каждой ноги.

— Отлично, а теперь наступает тяжелая часть работы, — сказал он Линану и показал, как принц должен ухватиться за шкуру с одной стороны длинного разреза. Линан сделал все, как требовалось, и по команде Эйджера оба они стали тянуть за шкуру в противоположные стороны. Шкура медленно отделилась от плоти примерно на длину ладони. Тогда Эйджер с силой ударил ножом по пленке, соединявшей шкуру с мышцами, так что она тоже отделилась от мяса, и снова стал тянуть шкуру на себя. Линан в точности повторял движения своего наставника с другой стороны туши. Наконец вся шкура была снята, обнажились белые сухожилия вокруг бледных мышц и переплетений вен и артерий.

— Вот так и все мы выглядим изнутри, — весело пояснил Эйджер Линану. — Во время войны мне приходилось видеть останки наших солдат, которых работорговцы захватили в плен и пытали. Все они были чем-то вроде того, что сейчас лежит перед нами.

Он похлопал принца по спине.

— А теперь наша работа будет позабавнее. — С этими словами он опять взялся за нож и аккуратно вырезал все внутренности.

В нос Линана ударило теплое зловоние, будто бычок был еще

жив и дышал. Внутренности с хлюпающим звуком выскользнули и шлепнулись на землю.

Много силы пришлось приложить для того, чтобы снять тушу с крюка, на котором она была закреплена, а затем Эйджер с каким-то странным удовольствием отсек голову бычка и расчленил тушу, использовав для этого большой нож. После этого они вместе с Линаном занялись внутренностями, которые надо было разделить на годные к употреблению в пищу и те, что для этого не годились. Все, что могло пойти в употребление, они складывали в одну из деревянных бадей, остальное отбрасывали в сторону.

Когда на землю опустилась темнота, во двор вышел Айран со светильниками, чтобы они могли продолжать работу. Быстрым взглядом он окинул результаты, которыми остался вполне доволен, и ушел обратно в харчевню, прихватив с собой немного требухи и четверть туши.

Часом позже Эйджер, покрытый потом и перепачканный жиром и засохшей кровью, выпрямился и вытянул руки.

— Ну вот, эта работа должна прийтись по душе Айрану, так мне кажется, — сказал он Линану. — Теперь мы положим все это в ящик и поможем остальным складывать дрова.

Линан нашел ящик, закрепленный высоко на ближайшем дереве, и опустил его на землю. Вместе с Эйджером они сложили в него оставшееся мясо и требуху, закрыли ящик и подняли его обратно.

— Как раз вовремя, — заметил Эйджер, показав принцу на паршивую собаку и чрезвычайно жирную свинью, которые подошли, привлеченные запахом мяса, чтобы порыться в отбросах.

Когда оба дела были закончены, Айран наполнил горячей водой старый металлический бассейн в одной из спален и положил рядом с ним куски душистого мыла и чистые полотенца. Эйджер и Линан в первую очередь пропустили Камаля и Дженрозу, а затем с бесконечным наслаждением сами смыли жир и кровь с лиц и рук. Все то время, что друзья мылись, до них доносились запахи ужина, и их желудки стало уже сводить от голода.

Они оставили в спальне куртки, плащи и мечи и нашли Айрана, который провел их в зал и показал им стол, предназначенный для них. Здесь уже стояли большие кружки с подогретым персиковым вином и деревянные блюда, наполненные свежевыпеченным пшеничным хлебом. Зал был еще почти пуст, не считая нескольких путешественников, — видимо, для местных жителей было еще рано. Однако в большом камине ярко пылал огонь, наполняя харчевню сладковатым запахом смолы.

Беглецы отпили по большому глотку из своих кружек и тотчас же набили рты свежим хлебом. Их желудки ныли от голода после тяжелой работы, а мышцы дрожали от перенапряжения.

— Три часа махать этим топором было тяжелее, чем драться в самом тяжелом бою, — сказал Камаль, потирая плечо. — Это действие, которое повторяется снова и снова, прямо-таки изнашивает кости до полного изнеможения.

— Ничего, выживешь, — грубовато отозвался Эйджер и повернулся к Линану. — Мне вот хотелось бы, чтобы наш юный друг никогда не видел своих рук такими грязными.

Глаза Линана вспыхнули:

— Мне и раньше приходилось выполнять тяжелую работу.

— Да, конечно, но это было на арене для упражнений. Однако нынешняя работа вовсе не напоминает ту прежнюю, верно? Такую работу всегда исполняют слуги.

— Говорите осторожнее, — понизив голос, напомнил им Камаль. — Помните, что о подобных вещах нам ничего не может быть известно.

Однако Линан не мог успокоиться так быстро и оставить опасную тему.

— Я хочу научиться, Эйджер. Теперь ты уже должен бы знать об этом.

Неожиданно Эйджер согласился.

— Да, это верно. Ты никогда не уклонялся от тяжелых уроков.

Однако дальнейшее обсуждение опасной темы прекратилось само собой, когда к столу подошел Айран со своей большой кружкой и огромным кувшином.

— На кухне уже заканчивают возиться с тушеным мясом и кашами, а мясо, которое вы разделали, замечательно поджарено, — сообщил он, заново наполняя кружки. — Как вы говорили, долго ли вы были в пути?

— Мы не говорили об этом, — осторожно сказал Камаль. — Что-то около трех недель.

— А прежде вам никогда не приходилось бывать в Арранской долине?

— Давным-давно и всего один раз, — ответил Камаль. — Я тогда был солдатом и проходил через долину по пути на север.

— Понятно. Да у тебя и в самом деле солдатская выправка и походка. За все годы, что я здесь живу, здесь останавливалось очень много солдат.

 — Это очень красивое место, — заметила Дженроза.

Айрану явно польстили слова девушки: он прямо-таки раздулся от гордости и тут же принялся с большим воодушевлением рассказывать о своей родине. Он знал здесь все ручьи, в которых водилась самая вкусная рыба, знал, в каких местах росли отборнейшие фрукты, в каких хозяйствах была самая лучшая плодородная земля и где можно было поймать самых жирных кроликов. Когда он покончил с географией, то немедленно перешел к истории долины. Утомленные долгой дорогой и тяжелой работой, путники старались слушать со всем возможным вниманием и вежливостью бесконечные рассказы о родословных, перечисления величайших ураганов, проносившихся в свое время над долиной, однако это становилось все более затруднительно. Так продолжалось до тех пор, пока Айран не упомянул о том, что пять столетий назад королева Чандры присоединила долину к своим владениям.

— Ну а потом, не так уж давно, Чандра заключила союз с Гренда-Лиром.

— Не так давно? — возразил Линан. — А по-моему, это случилось полторы сотни лет назад.

Айран озадаченно почесал ногтем свой непомерный нос.

— Может быть, для кого-то это и давно, — степенно произнес он. — А судя по тому, что происходит сейчас, в недалеком будущем Чандра снова станет независимой.

— Что вы хотите этим сказать? — напряженно и взволнованно спросил Линан, и Эйджер тихонько сжал его руку ладонью.

— Ну, я так слышал, будто Томар не очень-то доволен появлением новой королевы. Кое-кто в долине поговаривает о том, что наши персики и сливы могли бы быть достойны лучших правителей, чем любой из полукровок — детей Ашарны.

Айран не заметил, как напряглись Линан и Камаль и как Эйджер сильнее сжал руку юноши.

— Может быть, те, кто так говорит, и правы, — продолжил трактирщик. — Один убит, второй утонул, третий по всем статьям просто идиот, а девице рано занимать трон.

— А почему же Томар недоволен королевой? — спросил Эйджер.

— Ходят слухи о войне. Она собирает наемников, чтобы усилить свою армию, и много отрядов проходят через земли Чандры, чтобы скорее добраться до столицы. А это заставляет Томара чувствовать себя не очень-то спокойно. Кроме того, еще и эти обвинения по адресу сына генерала Чизела. При дворе говорят, будто он убил собственного брата! Они считают, что несчастный малый утонул,

пытаясь спастись. Давным-давно Чизел и Томар были большими друзьями, и эти новости его очень опечалили, так говорят люди.

— А с кем война? — спросил Линан, сглотнув слюну.

— Ну, разумеется, с Хаксусом. Излишнее доверие к этим выродкам принесло несчастье, как только не стало Ашарны. Даже если они там и не подумали об этом раньше, смерть Береймы сама по себе могла подтолкнуть Салокана именно сейчас попытать счастья. По крайней мере, так все говорят.

— Но ведь королева, без сомнения, собирается защищать весь Гренда-Лир, вместе с Чандрой, — возразил Эйджер.

— Может, так оно и есть, а может быть, и нет. И потом, этот собачий сын из Амана не дает всем жителям Чандры спать спокойно.

— Собачий сын из Амана? — перепросил Линан. — Вы говорите о короле Марине?

— Боже, конечно же, нет. Он находится слишком далеко, чтобы кого-нибудь беспокоить. Я говорю о его брате, о канцлере.

— Да уж, этот человек способен и мертвых лишить спокойного сна, — согласился Камаль. — Но он уже долгие годы занимает должность канцлера.

— Но люди говорят, что никогда еще он не пользовался таким влиянием. Взять хотя бы того горного принца, которого он сводит с королевой.

Четверо друзей непонимающе переглянулись.

— Так вы ничего не знаете? — воскликнул Айран. — Сын короля Марина, Сендарус!

— А что такое происходит с Сендарусом и Аривой?

Линан лишь раз почти мельком видел Сендаруса перед смертью Ашарны, и тогда он показался ему вполне приличным и скромным молодым человеком.

— Они оба разыгрывают сладкую парочку, а Оркид изо всех сил потворствует этому и пытается поторопить события. Если верить слухам, то к концу следующего года Арива подарит миру наследника, — все будто бы к тому идет.

К этому времени зал харчевни начал заполняться гостями. Айран поднялся из-за стола. Линану хотелось узнать побольше о последних событиях в Кендре, однако Айран помахал ему рукой.

— Мне нужно работать, парень. Может быть, позже мы сможем еще потолковать.

Вскоре после этого на их столе появились плошки с говяжьим супом, а едва друзья успели покончить с ним, как перед ними

возникли тарелки с круглыми бифштексами и печеным картофелем. Друзья набросились на еду с волчьим аппетитом — оказалось, что все они были еще более голодны, чем могли себе представить.

Опустошив свою тарелку, Линан блаженно погладил себя по животу.

— Много же времени прошло с тех пор, как мы в последний раз так сытно ели, — сказал он.

— По крайней мере, я очень долго не испытывала такого наслаждения от еды, — добавила Дженроза. Впервые со времени их побега из Кендры она выглядела вполне довольной.

Линан оглядел зал, рассматривая посетителей. Здесь были путешественники, одетые в кожаные штаны для верховой езды и пыльные плащи и куртки, однако большинство гостей Айрана представляли собой горожане, зашедшие не столько закусить, сколько выпить хорошего вина. Встречались крестьяне, одетые так же, как был одет он сам той летней ночью, когда познакомился с Эйджером. «Ведь это было меньше четырех месяцев назад, — подумал он, — а кажется, будто с тех пор прошло много лет».

Внезапно на него навалилась безумная усталость, и Линан попытался стряхнуть ее. Ему очень хотелось еще поговорить с Айраном. Ему просто необходимо было знать, что происходило в Кендре.

Он взглянул на своих спутников — все они выглядели одинаково усталыми. Всем пошел бы на пользу добрый ночной сон, тем более, что никто не мог сказать, когда им представится следующая возможность как следует выспаться.

— Почему бы вам всем не отправиться спать? — предложил он. — Я хочу ненадолго остаться здесь.

Дженроза согласно кивнула, однако Камаль и Эйджер отнюдь не выглядели уверенными в правильности такого решения.

— Кто-то из нас должен остаться с тобой, мальчик, — произнес Камаль. — Кто-нибудь может узнать тебя и попытаться что-нибудь предпринять.

— Вы же помните — я утонул. Меня больше никто не разыскивает. А если бы кто-нибудь узнал меня, то к этому времени уже давно подняли бы тревогу.

Камаль не нашел, что возразить принцу, а все его тело ныло, умоляя об отдыхе.

— Но, по крайней мере, не выходи на улицу, — предупредил он Линана. С этими словами он сам, Эйджер и Дженроза отправились искать предназначенные для них комнаты.

Линан допил оставшееся в его кружке вино и вновь наполнил ее тем, что еще оставалось в кувшине. Возле камина он заметил несколько свободных и удобных стульев, стоявших перед огнем полукругом и еще никем не занятых, и встал из-за стола, чтобы занять один из них. Удобно усевшись, он принялся зачарованно глядеть на плясавшие в камине языки пламени, подобно мыши, загипнотизированной движениями змеи. Снова вернулась усталость, и он опять попытался стряхнуть ее, однако тепло, аромат смолы, исходивший от камина, и персиковое вино уже не позволяли глазам оставаться открытыми. Он поймал себя на том, что клюет носом, и попытался выпрямиться, но спустя мгновение его веки опять сомкнулись, а плечи подались вперед. За спиной он еще слышал голоса завсегдатаев Айрана, эти голоса вскоре слились в отдаленный гул, и Линана охватил сон, победивший его, как ночь побеждает день.

Вздрогнув, Линан проснулся и потряс головой, чтобы в ней наступила ясность. Его бедра затекли, их покалывало, точно сотнями иголок, и ему пришлось изменить положение. Пламя в камине было уже не таким высоким и ярким, и юноша ощутил легкий озноб. В его правой руке все еще была зажата большая кружка. Взглянув через плечо, он увидел, что зал харчевни почти опустел. Несколько странников все еще сидели вместе за какой-то серьезной беседой, склонившись над своими кружками, да за соседним столом группа крестьян забавляла друг друга разными историями. Линан с облегчением увидел Айрана, который все еще работал, помогая протирать столы и мыть пол. Принц встретился взглядами с хозяином, и тот кивнул ему. Линан понял этот кивок как ободряющий знак и решил еще немного подождать. Послышался скрип ступенек, и, подняв глаза, он увидел Дженрозу. Она подошла к камину и устроилась на соседнем стуле.

— Все не могли заснуть?

Девушка покачала головой.

— Иногда бывает так, что от непомерной усталости человек даже не может закрыть глаза.

— Особенно, если этот человек о чем-то постоянно думает. А вы перенесли немало неприятностей с тех пор, как мы с вами встретились.

Дженроза пожала плечами.

— Если говорить правду, то и раньше все складывалось вовсе не в пользу моего присутствия в Кендре. Я доказывала сама себе, что настала пора разочароваться в моих наставниках.

— Вы не можете творить магические вещи? — Линану приходилось слышать о том, что магам требовалось затратить мно-

гие годы для развития своих способностей, а потом годами обнаруживалось, что их способности были вовсе не магическими и лежали в каких-то других областях применения.

Вместо ответа Дженроза вытянула перед собой руки с разведенными в стороны пальцами и пробормотала три слова. Пламя в камине вспыхнуло ярче, и над ним взвился рой золотых искр.

— Я потрясен, — признался Линан. — Я не знал, что школярам доступны подобные штуки, тем более в Теургии Звезд.

— Но ведь не думаете же вы, что Силону удалось прогнать всего лишь с помощью горящей ветки, правда?

Линан не мог не содрогнуться при воспоминании о той ужасной ночи, однако теперь он припомнил, как ярко пылал тогда факел Дженрозы.

Дженроза снова пожала плечами.

— Конечно, это общеизвестные трюки. Я, к примеру, не могу разжечь огонь, а способна лишь усилить яркость и жар уже горящего пламени, да и то лишь на короткое время. — Действительно, девушка еще не успела договорить, а огонь в камине снова стал таким же слабым, как и был. — Однако, несмотря на это, я обладаю способностями, которые распространяются на несколько областей знания. Мне кажется, что именно поэтому мои наставники в теургии позволяли мне оставаться там так долго.

— Вам было плохо с ними?

— Просто они мне надоели, — ответила девушка. — Надоела бездоказательность огромного количества ритуалов, которые повторяются из поколения в поколение и не имеют никаких особенных целей, кроме строжайшего соблюдения традиций. Сами наставники вовсе не уверены в том, какая именно часть их обрядов и заклинаний на самом деле заключает в себе магические свойства, поэтому они хранят абсолютно все. Вы можете себе представить, какой ужас все это будет представлять для школяров через тысячу лет? К моменту окончания курса им будет по девяносто!

— Но все же с ними у вас был дом.

— Теперь его больше нет. — Она повернула голову и посмотрела ему в глаза. — Однако именно сейчас я предпочитаю находиться здесь, а не в Кендре. Я понимаю, что об этом легче говорить, сидя в сухой и удобной харчевне, чем в лесу, где обитают вампиры, но ведь здесь вы.

Линан кивнул, не вполне уверенный в том, какие слова он должен был сказать в ответ, однако в конце концов предпочел ограничиться благодарностью. Дженроза улыбнулась и поднялась.

— Теперь, думаю, я смогла бы заснуть, — сказала она и ушла.

Линан смотрел, как она поднималась по лестнице, и часть его сознания страстно желала подняться вместе с ней и оказаться в ее постели. Между тем другая часть сознания убеждала его в том, что это было бы преждевременным поступком, и он принял совет этой части.

Поначалу он не обратил особого внимания на людей, передвигавшихся за его спиной, однако, оглянувшись через плечо и поискав глазами Айрана, неожиданно натолкнулся на невозмутимый взгляд карих глаз одного из крестьян. Это был мужчина старше среднего возраста, со светлой кожей и густыми седыми волосами, заплетенными в тугие косы. Сложения он был весьма крепкого, с широкими костями, и даже выпиравшее брюшко не умаляло этого впечатления. Лицо его представляло собой поразительную коллекцию шрамов. За его спиной стояли двое мужчин повыше, с такими же изуродованными лицами и почти такими же седыми волосами. Все трое были похожи друг на друга, точно близнецы.

— Мы сказали хозяину, что ты спишь, тогда и сам он отправился отдыхать, — сказал первый и уверенно опустился на стул, на котором за несколько мгновений до этого сидела Дженроза. Двое остались стоять за спиной у Линана.

Линан непонимающе взглянул на крестьянина:

— Что?

— Живительная штука огонь — так он очищает душу, — произнес усевшийся человек. — А известно ли тебе, что у некоторых народов лишь мужчинам дано право разводить огонь, а у других — женщины считаются хранительницами пламени?

Линан покачал головой. Он хотел было уйти, но внезапно почувствовал неловкость из-за собственной неуверенности. Это были всего-навсего крестьяне, вот и все, уверял он мысленно себя. Нет никаких причин вскакивать и звать Камаля. Не может же он провести всю жизнь, шарахаясь от каждой тени и впадая в ужас от собственных сомнений.

— Удивительный и очищающий душу огонь, — повторил крестьянин. Он наклонил голову и краем глаза взглянул на Линана. — А ведь я тебя знаю, парень, я в этом уверен.

— Но мы никогда не встречались, — ответил Линан, безуспешно пытаясь убрать из собственного голоса неожиданно появившуюся хрипоту.

Мужчина протянул руку, и Линан был вынужден пожать ее.

— Джес Прадо. — Он указал на двух своих товарищей. — А это Бейзик и Эзор.

— Мигам, — коротко назвал Линан свое вымышленное имя. — Вы из окрестных крестьян?

Прадо кивнул.

— Мне знакомо твое лицо. У тебя есть брат?

— Нет.

— Тогда, может быть, кузен? — Джес вытянул руки к огню и стал с наслаждением потирать их друг о друга, обогревая.

— Возможно. Я не знаю всех своих дядюшек.

— Так, может быть, это был твой отец?

Линан сглотнул.

— Нет, не думаю.

От стыда краска бросилась ему в лицо.

Прадо погрозил ему пальцем.

— Вот теперь я знаю, что здесь есть какая-то связь. — Он поднял руку. — Нет! Нет, не говори мне ничего. Я сам вспомню. Откуда ты родом, Мигам?

— Из деревни у северного подножия хребта Эбриус.

— Мне нечасто приходилось бывать в тех краях, это верно. Разгадка не здесь. Твой отец торговец? Ему приходится много странствовать?

— Нет. Он был крестьянином. Выращивал пшеницу.

— Был крестьянином? Он умер? Сочувствую тебе, слышать это прискорбно. А не покупал ли он когда-нибудь рабов для работы на своей земле?

Линан с ужасом взглянул на него, не успев взять себя в руки.

— Нет!

— Ну тогда, возможно, мы и не встречались, — спокойно произнес Прадо.

Линан встал, однако на его плечи тут же легли две тяжелые руки и мягко заставили его опуститься на место.

— Я знавал одного человека по имени Элинд, — продолжал Джес. — Он был на удивление схож с тобой, Мигам, хотя постарше и шире в плечах, но по тебе видно, что со временем это придет и к тебе. Он был мужем великой женщины, однако с ним произошел ужасный случай.

— Его убили, — угрюмо произнес Линан, не видя больше смысла в том, чтобы продолжать притворство.

Прадо пожал плечами.

— Он был жертвой, Мигам, жертвой политического решения. — Он обхватил руками подбородок и продолжал всматриваться в огонь. — Если мне не изменяет память, у Элинда остался сын от той женщины, и теперь этого сына хотят наказать за цареубийство —

а это преступление обыкновенно расценивается как гораздо более тяжкое, нежели работорговля.

Он негромко рассмеялся, и от этого смеха мурашки пробежали по спине Линана.

— А ты вот где.

Линан снова попытался подняться, но на этот раз его плечи сжали до боли, чужие пальцы врезались под ключицы.

— А тот здоровяк из вашей компании, должно быть, Камаль. На свете не так уж много людей, которые соответствовали бы его описанию. Сейчас мне не вспомнить по именам двух остальных, да это и неважно. Я думаю, что самая большая награда назначена за тебя. Во всяком случае, мне должно ее хватить на то, чтобы изменить свое окружение. Что ты об этом думаешь?

Линан молча смотрел на него, не в силах что-то ответить.

Прадо вздохнул, достал из-под пряжки пояса маленький нож и протянул руку с ножом к Линану. Линан попытался отшатнуться.

— Бейзик, — повелительно произнес Прадо, и один из державших принца мужчин одной рукой обхватил его за шею, а другой плотно закрыл ему рот. Линан попытался сопротивляться, однако из-за его спины вышел второй помощник Джеса, встал перед юношей и сильно ударил его в грудь. У Линана от боли перехватило дыхание, и на глазах выступили слезы.

С обезоруживающей улыбкой Прадо приставил острие ножа к челюсти Линана на уровне его правого уха.

— Рендл не прислал никаких указаний о том, в каком состоянии тебя нужно доставить к нему, было сказано только, что ты должен остаться в живых. Это научит тебя отвечать на вопросы твоих доброжелателей.

В голове Линана будто что-то взорвалось от мучительной боли, когда маленький нож глубоко вонзился под его челюсть и прорезал кожу до самого подбородка. Его крик заглушила могучая рука, зажимавшая его рот.

— В прежние времена, когда я был не капитаном, а работорговцем, я ни за что не стал бы метить свою собственность, которой мог торговать, на таком видном месте. — Прадо обтер нож и засунул его обратно за пояс. — Воспринимай это, как твое вступление в зрелость. Добро пожаловать в мир боли — хотя, к сожалению, в твоем случае едва ли это затянется надолго.

Он достал платок и вытер кровь, стекавшую по шее Линана, потом сунул его в руку Линану.

— Зажимай им порез. Он послужит до тех пор, пока мы сможем обработать его получше.

Линан закрыл глаза и отчаянно пытался преодолеть жгучую боль, грозившую ему потерей сознания.

Прадо повелительно кивнул человеку, державшему Линана, и тот рывком поднял пленника на ноги.

— Веди себя тихо, — прошептал Бейзик ему на ухо, — иначе Джес еще раз порежет тебя.

Прадо вышел из харчевни первым, двое других подхватил Линана. На улице шел дождь, и от внезапного холода Линан застонал. По его рубашке текли кровь и вода. Его толкали и тащили вдоль стены харчевни туда, где были привязаны три коня. С седел свешивались полные переметные сумы и мечи.

Прадо схватил Линана за волосы.

— Ты можешь облегчить для себя эту поездку. Делай все, что тебе скажут, и тебе будет вполне удобно, но если только ты вздумаешь перечить мне, я нарисую новый узор на другой стороне твоего лица, а потом мы привяжем тебя сзади, как безногую собаку. — Он стиснул лицо Линана ладонью и рассмеялся. — Не стоит строить из себя такого уж бедолагу, мальчик. Прежде чем твоя жизнь закончится, тебе придется гораздо хуже, чем сейчас.

— А как насчет его друзей? — спросил Эзор.

— Их будет слишком много для того, чтобы мы смогли утащить их всех. Вот он, наш главный приз.

Прадо вскочил на одного из коней и протянул руку Линану. Линан заколебался и на свою беду был наказан сильным ударом по почкам. Крепкие руки подхватили его под мышки, подняли и усадили за спиной Прадо.

— Держитесь, ваше высочество, если не хотите свалиться.

Остальные двое тоже уселись в седла. Прадо взмахнул рукой, и по этому сигналу они молча выехали на главную улицу и направились на север, в пелену дождя, а ночь заглушала стук копыт.

ГЛАВА 20

Все оказалось настолько же неожиданно, насколько было желанно. Арива и Сендарус сидели в ее спальне, беседуя о будущем, которое могло стать для них общим. Не было сказано ни слова о том, что могут породниться королевские дома, о могучем союзе двух

великих народов; говорили они лишь о том, что смогут жить одной общей жизнью, а не порознь, о том, что у них родятся дети, о том, что стариться они будут вместе. А потом, словно божьим промыслом, разговор перешел в объятия и поцелуи, и в конце концов они оказались вместе в постели. Окна были распахнуты, лунный молочно-белый свет заливал спальню, свет такой яркий, точно часть солнца. Когда принц лишил королеву девственности, она заглушила свой крик подушкой, чтобы его не услышали стражники.

Потом, позже, когда Сендарус уже спал, положив голову на ее живот, она ощутила на своей груди тепло Ключей Силы и увидела их мерцание. Она провела пальцем по его спине, по шее, по щеке, нежно поцеловала его в лоб, осторожно, чтобы не разбудить, переложила его голову на постель и соскользнула с нее.

Она завернулась в плащ и подошла к окну, чтобы окинуть взглядом свой город и все свое королевство. Сама она даже смутно не могла себе представить, что именно хотела бы увидеть, — может быть, какой-нибудь вещий знак, — однако она испытала чувство удовлетворения от того, что под луной и звездным небом царило абсолютное спокойствие и тишина. Эта тишина и покой заставили ее почувствовать себя так, будто вся вселенная ожидала того, что произошло этой ночью между ней и Сендарусом, и принимала это событие благосклонно, точно некую неизбежность. Арива оглянулась на постель и некоторое время смотрела на своего спавшего возлюбленного, на губах которого играла сладчайшая из всех возможных улыбок, но потом она увидела на простынях собственную кровь. Ее удивило то, что крови было так много, а потом она ощутила покалывание между бедрами.

«Может быть, все великое всегда начинается с крови, — подумала она. — Любовь, рождение и смерть. И новое царствование».

Прохладный ветер остудил ее затылок и шею, и она вздрогнула, словно ощутила прикосновение чьей-то холодной руки.

Олио понял все сразу, как только утром увидел свою сестру.

Он ничего не сказал ей, но в течение всего совместного завтрака внимательно наблюдал за ней и Сендарусом. На первый взгляд казалось, что в привычках королевских отпрысков и их манере держаться ничего не изменилось, но на самом деле к этому теперь добавилось новое знание друг о друге. Олио невольно задался вопросом, кто еще сможет это заметить. Безусловно, фрейлины Аривы — а это начало, что новость разнесется по всему двору до конца дня.

Это несколько озаботило принца. Когда тарелки опустели, Олио потянулся к сестре и с нежностью поцеловал ее в щеку.

— Чего это ради? — спросила она, однако было видно, что нежность брата доставила ей удовольствие.

Олио не ответил, только с улыбкой, выдававшей знание, посмотрел на влюбленных.

Сендарус покраснел.

— Это так очевидно? — спросила Арива.

Олио кивнул.

— Значит, то же самое можно заметить, глядя на принца, — сухо заметила она.

— Верно, — подтвердил Олио. Облизав губы, он осторожно спросил: — Намереваетесь ли вы пойти дальше этим путем?

— Да, — одновременно ответили Арива и Сендарус.

— А к-к-когда же в-в-вы собираетесь сделать официальное оглашение?

— Мы этого не обсуждали, — ответил Сендарус.

— К сожалению, мы не можем решить этого сами, — со вздохом произнесла Арива. — Мы оба королевской крови. Наша помолвка и венчание будут иметь государственное значение. Наша любовь принадлежит только нам — но наша свадьба станет делом всего народа. Кроме того, на следующую неделю назначена коронация. Дела следует делать по очереди.

— Двадцати Домам такие н-н-новости придутся н-не по вкусу, — заметил Олио.

— Ну и хорошо, — просто отозвалась Арива.

— Они ведь сами все уладят, верно? — спросил Сендарус, которого до сих пор удивляло то обстоятельство, что королевская семья не пользовалась безусловной поддержкой знати. Его отец, пользовавшийся меньшей властью и авторитетом у своего народа, нежели Арива, ни за что и никогда не допустил бы открытых разногласий: по своему обыкновению, он решил бы все в свою пользу.

Арива и Олио переглянулись.

— Коль скоро я не собираюсь ничего с ними улаживать, они поведут себя так же.

— Мягко сказано, милая сестричка, — заметил Олио. — Они до сих пор не могут оправиться от того, что ты оказалась на троне.

— Я и сама еще не вполне от этого оправилась, — твердо произнесла она. — Однако им придется понять, что благополучие королевства стоит выше их собственного благополучия.

— И снова я сказал бы, что это чересчур мягко. У тебя серьезные проблемы на с-с-севере, так что лучше было бы не создавать лишних проблем здесь, в Кендре.

— Хаксус? — спросил Сендарус. — Я ничего не слышал об этом.

— Пока еще ничего не произошло, — ответила ему Арива. — Однако донесения, которые мы получаем из Хьюма, утверждают, что Хаксус стягивает свои войска к нашей общей границе. Король Салокан до сих пор не пытался ничего предпринимать, но у него еще есть время до коронации.

— Коронация может стать удачным моментом для оглашения помолвки, — высказал предложение Олио. — Здесь будут Томар и Чариона, да и твой отец, Сендарус.

— Да, верно. Амемун вчера отправился, чтобы встретить его в Нанве.

— П-п-получился бы двойной праздник, — добавил Олио.

Арива кивнула, соглашаясь.

— Да, в этом есть смысл. Коль скоро это событие имеет отношение к политике, значит, мы должны использовать его в своих политических интересах наилучшим образом. Может быть, Двадцать Домов и будут недовольны такими новостями, зато у провинций появится повод для радости.

— Все обстояло бы намного проще, если бы я был потомком одного из ваших Двадцати Домов, — беспечно произнес Сендарус.

— В этом случае ты не был бы сейчас со мной, — резко ответила на это Арива.

Сендарус был обескуражен такой переменой в ее голосе. Она шагнула к нему и взяла его за руку.

— Прости меня. Просто я не нахожу ничего веселого, когда речь заходит о моих дядюшках и кузенах.

Герцог Холо Амптра размышлял о своей племяннице, и мысли его отнюдь не были радостными. Он сидел у себя в саду на каменной скамье и наблюдал за тем, как птицы на деревьях ссорились, дрались, внезапно устремлялись вниз за добычей и клевали друг друга. Эта картина напомнила ему Двадцать Домов и их отношения с Розетемами.

«Если бы только у Ашарны был брат, сейчас наши Двадцать Домов не знали бы никаких неприятностей. Она никогда не смогла бы унаследовать трон, и никогда Ключи Силы не оказались бы все вместе в руках женщины. Нельзя было допускать того, чтобы такое могущество сосредоточилось в руках единственного человека».

На короткое время герцогу показалось, что с воцарением Береймы все пойдет своим правильным чередом. Однако потом этот полукровка, этот презренный Лйнан, так же, как в свое время его отец, нанес удар по самой сердцевине Двадцати Домов. То, что Линан утонул, пытаясь бежать, было слишком ничтожным наказанием за совершенное им преступление. Однако он, по крайней мере, был истинным уроженцем Кендры — в отличие от этого чужеземного принца, который с такой легкостью и так небрежно обольстил новую королеву. Холо теперь представлялось, что дела в королевстве не просто плохи, но идут хуже и хуже день ото дня, и он всей душой молил бога лишь о том, чтобы его наследники не знали бы подобных проблем, и восстановился бы прежний порядок вещей.

Краем глаза он заметил, как в дом вошел Гален, а спустя несколько мгновений он появился в саду.

— Недолго же ты пробыл во дворце, — заметил Холо.

— В этом не было необходимости. У всех на устах одно и то же. Слухи не врут. Арива и Сендарус собираются пожениться.

— И когда же они огласят помолвку?

— Возможно, что это произойдет в день коронации. Это все, что мне удалось узнать.

— Все это должно быть приостановлено.

Гален покачал головой.

— Это невозможно остановить. Мы не можем сделать ничего против Аривы. Гренда-Лир и без того немало пережил за последние недели, а Салокану не потребуется много времени, чтобы испытать свои силы в борьбе против королевства.

— Так значит, эти слухи о Хаксусе и его намерениях достоверны?

Гален уселся на скамью рядом с отцом.

— Думаю, что вскоре начнется война.

— А понимаешь ли ты, что произойдет, если этой свадьбе не воспрепятствовать?

— Да, конечно. Королевская ветвь отделится от Двадцати Домов — возможно, навсегда. Если только Арива выберет себе в мужья не кого-либо из нас, то это случится так или иначе.

— Но это путь гибельный.

— Возможно, что ты не прав, отец.

Холо в изумлении взглянул на собственного сына.

— Может статься, отец, что королевская кровь нуждается в обновлении. И прилив свежей крови из других королевских домов в нашу королевскую семью пойдет лишь на пользу Гренда-Лиру.

— Мы создали королевство, — возразил Холо. — Именно Двадцать Домов всегда поддерживали правителей королевства, именно они объединяли почти весь Тиир под властью единой короны. Мы еще не ослабели.

— Наша семья слаба в одном — в нашей верности короне.

Холо отвернулся.

— Это было слишком давно. Мой брат понес должное наказание за свое преступление.

— Однако не все Двадцать Домов были наказаны. Все мы позволили ему преуспеть в этой жизни, отец. Мы ответственны за его вину.

— Мне не хотелось бы говорить об этом. Долгие годы вся эта история сохранялась в тайне. Ашарна уверяла меня в том, что Ариве и Олио ничего не известно о преступлении их отца.

— Но нам не следует забывать об этом.

Холо глубоко вздохнул:

— Ты думаешь, что Арива и в самом деле может выйти замуж за этого аманита?

— Не знаю. Однако мне представляется, что у меня нет никаких прав противостоять этому. Чем большее давление мы станем оказывать на Ариву, тем сильнее она станет нам сопротивляться и продолжать идти избранным ею путем.

— Значит, мы погибли.

Гален покачал головой.

— Просто так ничто никогда не погибает.

— Розетемы, к своему стыду и позору, решились на преступление — но вряд ли дом Марина лучше, чем они.

— Я не сомневаюсь в том, что у этой пары смогут появиться дети. Однако королевская власть достаточно уязвима и постоянно нуждается в поддержке. Мы должны выждать до тех пор, пока снова не потребуется наша поддержка в нужное время и в нужных обстоятельствах. Нам следует отыграть обратно наше влияние, а не пытаться принуждать Ариву к каким-либо действиям. Ведь ты прекрасно знаешь, как она может ответить на наше давление.

— Значит, мы снова вынуждены ждать.

— Да, конечно, но может статься, что не так уж долго. Во время войны великие семьи, как правило, объединяются за спиной правителей, а сами правители скрепляют союз с великими семьями.

Примас Нортем с видимой неохотой, но со всем возможным вниманием отнесся к срочному сообщению, полученному от

одного из городских священнослужителей. День выдался сырой и очень ветреный, а его плащ служил не слишком надежной защитой от непогоды, пока примас шел по булыжным улицам, ставшим скользкими от дождя. Он приметил иронию в том, что в такой непогожий день, когда жизнь городских бедняков становилась еще более безотрадной, старые городские кварталы, где обитали самые обездоленные семьи, выглядели много лучше, чем обычно. Под ярким солнечным светом покосившиеся двухэтажные дома из дубовых бревен и выщербленного кирпича смотрелись блеклыми и мрачными, однако дождь заставил выбеленное временем дерево и старые камни заблестеть, придал им иллюзию новизны и даже несколько нарядный вид.

В квартале, по которому шел Нортем, имелось всего три часовни, и он надеялся лишь на то, что сразу попадет в нужную. С тех пор, как он лично проверял их, прошло уже немало времени. Из-за дождя ему приходилось все время смотреть под ноги, и потому он едва не пропустил вывеску на нужном ему здании.

Он постучал в дверь и торопливо вошел, едва она открылась. Примас сбросил с головы капюшон и тотчас вдохнул горьковатый запах крашеного дерева, исходивший от церковных скамей, который всегда напоминал ему о его собственном детстве. В отдалении послышались голоса людей, работавших в кухне; оттуда доносился запах варившейся каши. Определенно ничто здесь не казалось скверным.

Впустивший Нортема священнослужитель взял его плащ. Он широко улыбался.

— В вашем послании говорится о каком-то важном и безотлагательном деле, — строго произнес Нортем и попытался оглядеться. — Однако я не вижу крайней необходимости в моем присутствии.

Из кухни послышался дружный смех.

— Я даже слышу, что в этом нет никакой необходимости.

Однако священник отнюдь не выглядел виноватым.

— Поверьте, ваша светлость, необходимость в вашем присутствии есть. Прошу вас, пройдите в кухню.

Пытаясь напустить на себя скорее терпеливый, нежели сердитый вид, Нортем последовал за священником через все помещение капеллы в ярко освещенную кухню. Теперь примас различил не только запах каши. Пахло сидром, беконом и свежим хлебом. У священника было двое гостей. Примас с интересом посмотрел на их лица, и по его спине пробежали мурашки.

— Примас Н-н-нортем! — Принц Олио поднялся со своего места, чтобы приветствовать примаса. — Как замечательно, что в-в-вы смогли присоединиться к нам.

— У нас составится хорошая компания, — произнес прелат Эдейтор Фэнхоу, также поднявшись с места и отступив в сторону, чтобы пропустить примаса.

— Ваше высочество! Я и представить себе не мог! И прелат Фэнхоу!

Он взглянул на священнослужителя, улыбавшегося от уха до уха.

— Вот так неожиданность...

— Ради бога, святой отец, садитесь, — распорядился Олио и жестом показал на место, освобожденное для Нортема прелатом.

Примас послушно подчинился.

— У нас сложился отличный план помощи многим горожанам, но мы нуждаемся в вашем участии и... ну, в молчании.

— В моем участии и в молчании, ваше высочество? — переспросил примас, усевшись как следует. Священник немедленно положил перед ним ложку и поставил железный котелок с еще дымившейся кашей. Нортем изо всех сил пытался скрыть свое замешательство. На самом деле он чувствовал себя кроликом, которого пригласил на чай волк. Он взглянул на улыбавшееся лицо Олио. Что ж, возможно, это был гениальный и родовитый волк, однако разве это что-нибудь меняло?

— Кушайте вашу кашу, примас, — тоном, не допускавшим возражений, велел Олио. — Мы с Эдейтором хотим устроить приют.

Нортем осторожно попробовал кашу. Она была приправлена медом, и от этого в его груди сразу разлилось тепло. Он проглотил полную ложку. Он успел забыть вкус хорошей каши, а она в холодный и сырой день пришлась весьма кстати.

— Приют? Где?

— Как раз здесь, — ответил Эдейтор. — Это самая большая из ваших часовен в старой части города.

— Но кто же станет этим заниматься?

— Вот за этим мы вас и пригласили, — сказал Олио. — Нам непременно нужно еще одно духовное лицо. Или слуга для лежачих больных, если бы вы смогли его для этого найти.

— Простите меня, ваше высочество, но если я правильно понимаю ваше желание помочь беднякам Кендры, то ни один священник в одиночку не сможет сделать много, в особенности если речь идет о тяжелобольных. Для этого вам нужны настоящие врачи, а меж-

ду тем во всей Кендре есть только один такой врач. Это Трион, и он уже делает все возможное в своем собственном приюте.

— Это верно, — согласился Олио. — Однако для священника можно найти помощников.

— Помощников? Откуда они возьмутся?

— Из теургий, — сказал Эдейтор. – Я подберу магов для помощи в лечении.

Нортем опустил ложку в котелок.

— Магов? С каких это пор маги занимаются лечением больных?

Эдейтор и Олио заговорщицки переглянулись, словно забавляясь какой-то им одним известной шуткой.

— Маги не будут лечить больных, — продолжал Эдейтор. — По крайней мере, сами не будут.

Нортем вздохнул.

— Ваше высочество, вы играете со мной в игры, которые от меня скрыты.

Олио добродушно рассмеялся.

— Вовсе нет. Я обеспечу материальные возможности для открытия приюта и заплачу за любые травы и лекарственные средства, которые будут ему нужны. А что касается тяжелобольных, то... — он медленно достал из-под рубашки Ключ Сердца, — ...я стану исцелять их.

Примас посмотрел на принца внимательным долгим взглядом.

— Ваше высочество, вы не можете говорить это всерьез.

— Еще никогда за всю свою жизнь я не говорил ничего более серьезного.

— Ключ Исцеления предназначен для наиболее священных дел, ваше высочество.

— А что м-м-может быть более священным делом, чем спасение жизни?

— Однако откуда вам известно, что он станет действовать? Вы никогда не пользовались им...

Увидев выражение лиц своих собеседников, примас замолчал.

— Вы уже использовали его, верно?

— Несколько дней назад, внизу возле доков, — пояснил Эдейтор. — Ключ подействовал, когда мы вместе с принцем попытались вызвать это действие. Мы спасли жизнь человека. Точнее, Ключ спас его жизнь.

— По своему положению я принц Гренда-Лира и владею огромным богатством, — произнес Олио. — Но вместе с этим у м-м-меня нет той власти, которая п-п-позволила бы мне помогать

народу этого королевства. Мне к-к-казалось, что это могло бы стать возможным, что это самый подходящий случай.

— Ваше высочество, вы ведь не можете провести всю свою жизнь здесь. У вас существуют обязанности во дворце...

— В мои намерения вовсе не входит п-п-проводить все время в п-п-п-риюте. Я стану посещать его лишь в наиболее серьезных случаях, когда потребуется м-м-могущество Ключа.

— Однако вы не можете исцелять всех больных и умирающих, — неумолимо заявил Нортем. — Каким образом вы станете решать, кого нужно спасать, а кого оставить умирать?

Лицо Олио помрачнело.

— Здесь я буду полностью зависеть от советов вашего священника. Я знаю, что не в моих силах помочь всем. Старикам д-д-должно быть п-п-позволено умереть в мире, но даже и здесь приют может помочь. Этот приют станет для них местом, где облегчат их боль. Однако многие умирают б-б-без всякой необходимости, от б-б-болезни, от несчастного случая, еще от чего-нибудь. Вот тут-то я смогу помочь. В таких случаях я буду помогать. Для них я б-б-буду принцем.

Нортем посмотрел на Олио с новым чувством уважения и чем-то вроде благоговения. Он глубоко вздохнул и заговорил:

— Одна из наиболее тяжелых проблем для нас состоит в том, что мы не способны сделать больше для бедняков и больных страдальцев. Со времени окончания Невольничьей войны мне иногда кажется, что нашему ордену следует найти новый серьезный повод для расширения своей миссии, своих целей и задач. Может быть, вы даете нам такой повод. У вас будет свой священник.

Ни принц, ни Эдейтор не встретили его слова возгласами восторга, однако сам Нортем почувствовал глубокое успокоение.

— Вам нужны были от меня две вещи. Во-первых, вам требовалось мое участие. Вторым вы назвали мое молчание. От кого я должен держать все в тайне?

— От м-м-моей сестры, — сказал Олио таким тоном, словно это разумелось само собой. — И от всех, кто так или иначе связан со двором. Вы можете себе представить, что произойдет, если Ариве станет известно, чем я занимаюсь?

— Она от души похвалит ваше благородное дело! — воскликнул Нортем. — Неужели вы сомневаетесь в благодарности королевы?

— Конечно же, нет. Однако она будет настаивать на том, что-

 бы я передвигался исключительно с охраной. Отовсюду станут

приходить посмотреть на то, как принц Олио творит чудеса. Приют превратится в цирк, а не в м-м-место для исцеления больных. Нет, мое участие должно оставаться в т-т-тайне.

— Но вам непременно потребуется какая-то защита, — настойчиво заявил Нортем.

— Зачем? Почему кто-то должен заподозрить, будто я каким-то образом связан с приютом? А в случае, если м-м-мне будет угрожать какая-то опасность, меня будут окружать маги Эдейтора, и они смогут защитить меня от любой беды.

— Все равно рано или поздно ваше участие раскроется, — не сдавался Нортем.

— Но сейчас я просто д-д-должен настаивать на сохранении т-т-тайны, отец, — решительно сказал Олио. — Я б-б-буду делать все, как считаю нужным.

Нортем согласно кивнул, однако на его лице было написано, как огорчила его эта ситуация.

— Что ж, ваше высочество, раз вы так настаиваете, я буду хранить вашу тайну, хотя и думаю, что в конце концов все это добром не закончится.

Олио перегнулся через стол, взял примаса за руку и погладил, точно отец, успокаивавший ребенка.

— О том, когда все раскроется, мы будем думать тогда, когда до этого дойдет, если дойдет.

ГЛАВА 21

Камаля разбудил женский крик. Он выскочил из постели и в одном нижнем белье с обнаженным мечом в руках бросился в главный зал харчевни. Зал был пуст. Из кухни доносились рыдания.

К нему присоединился Эйджер, одетый немного лучше и тоже с мечом в руках, готовый к любым действиям.

— Линана нет в его комнате, — озабоченно произнес горбун.

Камаль громко выругался, и вместе друзья бросились в кухню, ожидая самого худшего. Посреди кухни было распростерто тело Айрана, окруженное, точно жутким ореолом, большой лужей крови. Горло хозяина было перерезано от левого уха до середины гортани. Эйджер опустился на колени возле тела и дотронулся сперва до шеи мертвеца, а затем ощупал его ладони. Рядом в кресле лежала, отчаянно рыдая, одна из помощниц Айрана по кухне.

Камаль метнулся к двери, однако Эйджер остановил его.

— Бесполезно, Камаль! Он мертв вот уже несколько часов. Шея и пальцы успели застыть, словно костяные.

Камаль, не обратив внимания на эти слова, выбежал из кухни. Эйджер схватил за руку кухонную работницу.

— Когда ты вошла сюда?

— Не больше чем пять минут назад, сударь! Я чистила снаружи, вошла сюда, чтобы поставить кастрюли, и увидела господина Айрана! О, боже, это ужасно... — Ее голос вновь сорвался на крик, однако Эйджер сильно встряхнул ее.

— Слушай меня! У вас здесь есть священник?

— Да, сэр.

— Ступай и приведи его сюда, да побыстрее. А еще собери всех, кто только работал здесь сегодня ночью!

— Да, сэр, — послушно повторила работница и вышла из кухни. Поток ее слез прекратился теперь, когда для нее нашлось дело. Вернулся Камаль с перекошенным от ярости лицом.

— Там сбоку к стене харчевни были привязаны три коня, а в грязи я обнаружил четыре пары следов. С тех пор, как там были люди, прошло около пяти часов.

— Линан был с ними?

Камаль пожал плечами.

— Не могу с уверенностью этого сказать. Мы ни за что не должны были оставлять его ночью одного!

— Ну, теперь с этим уже ничего не поделаешь.

— Мы с Дженрозой могли бы поискать повнимательнее.

— Ты бы сперва лучше оделся, если не хочешь своим видом перепугать горожан. Да, кстати, я попросил эту женщину привести священника.

— А что, если он нас узнает?

— Ради бога, друг, а что, если он заподозрит нас в убийстве Айрана? По крайней мере, если мы постараемся помочь понять, что здесь произошло, мы сумеем этого избежать.

Камаль взглянул на Эйджера так, будто собирался спорить, однако в конце концов кивнул и направился за Дженрозой. Вскоре в кухне появился невысокий толстяк с оранжевым поясом священника. Он едва дышал и был сильно взволнован. Не обращая внимания на Эйджера, он склонился над мертвым хозяином харчевни, горестно качая головой и цокая языком.

— О боже! Ничего подобного у нас долгие годы не случалось. И надо же, чтобы из всех горожан это произошло именно с Айраном! Боже мой!

Он шумно выдохнул через нос, как разозленный бык.

— Я попросил женщину, которая его нашла, собрать всех людей, которые работали здесь сегодня ночью, — сказал Эйджер. — Может быть, они смогут что-нибудь вам рассказать.

Священник взглянул на него с таким изумлением, будто Эйджер появился прямо из воздуха.

— Действительно, друг мой? Что ж, это было необычайно дельное решение. А кто вы такой?

— Я путешественник. Этой ночью мы заночевали здесь вместе с тремя товарищами.

Выражение лица священника тотчас стало подозрительным.

— Значит, вы чужестранцы?

— Чужестранцы, которые хотят вам помочь, — быстро ответил Эйджер. — Вполне возможно, что тот, кто это сделал, кроме этого, причинил какое-то зло одному из наших товарищей. Его нет в его комнате, он исчез.

— Или бежал из страха за собственную жизнь, сделав свое ужасное дело, — заметил священник.

— У него не было причин для этого.

— Айран был человеком небедным. Для кого-то и горстка золотых монет могла бы стать более чем достаточной причиной для того, чтобы загубить невинную душу.

— В таком случае, может быть, вы посмотрите, не пропали ли какие-нибудь золотые монеты? — предложил Эйджер.

— Боже мой, еще одно здравое предложение. Но я не знаю, где Айран хранил выручку.

В это мгновение появилась работница в сопровождении нескольких поваров и слуг, которых Эйджер видел ночью. Все они столпились у тела Айрана, точно щенки вокруг мертвой матери, всхлипывая с потерянным видом. Священник попытался было всех успокоить, однако от его слов собравшимся, казалось, стало еще хуже, всхлипывания превратились в подвывания.

— Деньги, — напомнил священнику Эйджер.

Тот кивнул.

— Левит, — сказал он, обняв за плечи одного из молодых людей. — Послушай меня, Левит. Где ваш хозяин хранил выручку?

— Он умер, господин Этин, — воскликнул Левит. — О боги, он умер!

Этин слегка встряхнул молодого человека.

— Слушай, Левит, ты должен мне сказать, где Айран хранил свою выручку. Мы должны знать, не воры ли его убили.

Левит показал под выщербленный стол, представлявший собой огромную деревянную плиту на стальных колесиках.

— Там, внизу. Там отходит одна доска.

Эйджер, не дожидаясь священника, подошел к столу и наклонился. Кончиком меча он стал проверять доски и вскоре нашел одну, которая приподнималась над остальными. Он сдвинул ее и стал шарить в образовавшемся отверстии. Вскоре он поднялся, держа в руке покрытую ржавчиной металлическую шкатулку. Он потряс ее, и все услышали звон монет.

— От нее должен быть ключ, — сказал священнику Эйджер.

— Он на веревке вокруг его... его шеи, — прошептал Левит, показывая на тело Айрана.

Этин, видимо, колебался, однако Эйджер решительно склонился над телом, снял с окровавленной шеи кожаную веревку, на которой висел ключ, и открыл металлическую шкатулку. Всем присутствующим он показал ее содержимое — шкатулка была наполовину заполнена монетами, среди которых виднелось несколько золотых, а остальные в большинстве своем медными.

— Ну так что вы скажете, вся ли здесь ночная выручка? — обратился Эйджер к Левиту.

— Здесь больше, сэр. Скорее всего, это деньги, полученные за две ночи. Должно быть, он собирался отнести эти деньги сегодня утром господину Шеллвизу.

— Господину Шеллвизу?

— Это наш судья, — пояснил Эйджеру Этин. — У него в кабинете есть железный сундук.

Он взглянул на Эйджера.

— А если это было сделано не для того, чтобы украсть деньги, то почему Айрана убили?

— Чтобы он не помешал похитить моего товарища, — отозвался Эйджер. — Второй наш друг уже осмотрел все вокруг харчевни. Он обнаружил следы трех лошадей, а кроме них, увидел следы четверых людей. Он смог определить, что этим следам по меньшей мере пять часов. К тому времени Айран был уже мертв. Вы можете потрогать его пальцы, если не верите мне.

Священник вздрогнул.

— Я верю вам, сэр. — После этого он повернулся к Левиту. — Я хотел бы, чтобы ты и все остальные отправились в зал. Разведите в камине огонь посильнее. Я скоро приду к вам, чтобы поговорить.

Как только все вышли из кухни, Этин вновь обратил внимание на Эйджера.

— А теперь скажите, мой друг, почему у кого-либо могло возникнуть желание похитить вашего товарища? За него можно получить выкуп? Или он кому-то задолжал деньги?

— Мы крестьяне, и ни один из нас не стоит более того, что может стоить наша одежда.

— Вы говорите и поступаете совсем не так, как крестьянин.

— Когда-то я был солдатом, так же, как и еще один из моих друзей. Однако пропавший — всего лишь юноша, неоперившийся и неопытный в житейских обстоятельствах.

— Тогда придется вернуться к моему вопросу. Почему его похитили?

В ответ Эйджер смог только пожать плечами. Ему не приходило в голову никакой складной истории, которая устроила бы священника, и потому он почел за лучшее промолчать и посмотреть, что произойдет дальше. Для человека, первостепенной обязанностью которого было поддерживать мир и покой в городе, священник задавал слишком каверзные вопросы.

В кухню быстрыми шагами вошли Камаль и Дженроза. Камаль успел полностью одеться, а их с Дженрозой сапоги были едва ли не до самых колен забрызганы грязью. Лицо Дженрозы даже при ярком свете казалось бледнее мела. Камаль угрюмо покачал головой.

— Главную дорогу сильно размыло дождем, однако нам удалось разглядеть следы копыт трех коней. Они направлены из города на север. — Он кивком указал на Этина: — Вы священник?

Этин смог ответить таким же кивком, очевидно, потрясенный огромным ростом и могучим сложением Камаля.

— Он как раз собирался расспросить поваров и рабочих обо всех гостях, которых они видели сегодня ночью, — ответил за него Эйджер.

Этин снова кивнул, подтверждая свое намерение, и направился к двери:

— Совершенно верно.

Камаль схватил священника за руку, и тот подскочил на месте, будто его ужалила змея.

— Боже мой, я только хотел задать вам вопрос. Где-нибудь поблизости мы не могли бы достать лошадей?

— У нас здесь два постоялых двора. Насколько мне известно, сейчас у старого Гересона есть лошади на продажу.

— Чем же мы сможем с ним расплатиться? — слабым голосом спросила Дженроза.

— Вы не могли бы представить нас? — спросил Камаль Этина.

— Представить вас? С чего вы взяли, что я мог бы это сделать?

— Но ведь это нужно для того, чтобы поймать выродков, которые похитили нашего товарища и убили Айрана, — резко ответил Камаль.

Этина предложение незнакомца обескуражило.

— Я никогда до сих пор не представлял чужеземцев...

— А кто же еще в вашем городе станет преследовать убийц с такой же яростью, как мы? — спросил Эйджер.

— Да, надо признаться, что, пожалуй, таких не найдется. Едва ли преследование опасных преступников может что-нибудь значить для крестьян и торговцев.

— Тогда отправьте нас, — настойчиво повторил Камаль.

— Ради чего, сударь? Так или иначе вы намерены догонять вашего похищенного товарища. Что изменит мое распоряжение?

Камаль облизал пересохшие губы.

— Тогда вы могли бы ссудить нам денег для наших нужд.

— Ссудить вам денег? — Этин был шокирован до глубины души. — Я не располагаю деньгами, чтобы нанимать лошадей для чужеземцев.

Эйджер потряс шкатулку Айрана.

— У вас есть эта шкатулка. Ссудите нам достаточно денег, чтобы мы смогли выбрать лошадей, хотя бы в память об Айране. У нас самих нет ничего, а без этого нам не поймать его убийц.

Этин впал в состояние столбняка. Он не знал, что делать.

— Гибель Айрана взывает об отмщении, — прорычал Эйджер.

Этин шумно выдохнул носом и взял из рук Эйджера шкатулку. Внимательно отобрав из нее горсть монет, он протянул их Камалю.

— Этих денег вам хватит на то, чтобы купить четырех отличных коней, — трех для вас и еще одного для вашего товарища, если вам удастся выручить его из беды, однако забудьте о том, что это ссуда. Я не думаю, что дух Айрана прогневается из-за этих денег, если вы сможете отомстить за его смерть. Гересона вы сможете найти в противоположном конце города. А пока вы улаживаете это дело, я расспрошу Левита и всех остальных, и тогда, может быть, смогу вам рассказать какие-нибудь новые подробности.

— Я останусь здесь вместе с господином Этином, — сказал друзьям Эйджер. — Когда здесь все закончится, я найду вас у Гересона.

Камаль кивнул и вместе с Дженрозой вышел. Они без труда нашли постоялый двор и предложили Гересону деньги, о которых тот сказал, что за такую сумму они могут выбрать любых лошадей, какие им только приглянутся. А он еще добавит седла, сбрую и дорожные мешки.

К тому времени, как они успели выбрать четырех упитанных бойких лошадей, к ним подошел Эйджер.

— Единственными посетителями, которые еще оставались в харчевне и пили, когда Айран отпустил своих рабочих, были Линан, два путешественника и трое крестьян. Священник нашел путешественников — они все еще оставались в своих комнатах. Они сообщили ему, что, когда они отправились спать, в зале оставались только Линан и крестьяне, а сам Айран находился в кухне. Одна из поварих знает имя одного из местных фермеров и сказала, что он владеет землями на востоке долины, на самых склонах.

— Так что же мы будем делать сначала? — спросила Дженроза.

— Мы поедем по следам, которые нашли вы с Камалем. Не думаю, чтобы они направлялись обратно на ферму.

— А почему нет? — спросил Камаль.

— Потому что фермер должен знать, что ночью его узнали, и что священник непременно придет к нему с вопросами, если его вообще сразу не арестуют. Фермера, между прочим, зовут Джес Прадо. Тебе это ни о чем не говорит?

Камаль мгновение подумал и медленно кивнул.

— Сам я никогда с ним не встречался, но знаю, что он был капитаном наемников и во время войны дрался на стороне работорговцев. Большинству наших капитанов после войны удалось рассеять их отряды, и все они осели где-то здесь. Наверное, Прадо выбрал эту долину.

— Что ж, раз так, то я мог бы держать пари, что он сейчас прилагает все усилия к тому, чтобы убраться из долины. А еще важнее то, что он направляется не на юг.

— Ну и что? — спросила Дженроза.

— Прадо не посмел бы похитить Линана, если бы не знал, кто он такой, а также о том, что мальчик объявлен вне закона. Однако, невзирая на все это, он не собирается, надо полагать, прямо в Кендру, чтобы доставить победный приз самой Ариве. А это означает, что совместно с ним действуют силы, о которых мы даже не способны предположить.

— Может быть, Арива вовсе не хочет, чтобы Линана увидели в столице, — предположил Камаль. — Может быть, она считает, что его поддержат именно здесь, среди простонародья.

— Тогда почему бы им не умертвить его сразу? — возразил Эйджер.

— По-моему, здесь замешано немало народу, и на своем пути Прадо может столкнуться с ними. Более того, Прадо прекрасно знает, что мы станем преследовать его, поэтому не следует надеяться, что он долго станет придерживаться прямой дороги. Наше счастье, что мы спохватились почти вовремя, — добавил Камаль, седлая выбранную им для себя лошадь. Это была большая кобыла с черной полосой на лбу.

Прежде чем его спутники успели ответить, перед ними появился священник.

— Не знаю, что такое в тебе есть, горбун, однако твое лицо вызывает у меня доверие.

— Спасибо, если так, — сухо ответил Эйджер.

— Я не поеду с вами. Не такой уж я наездник, и мне за вами не угнаться. Разыщите убийц Айрана и, если только сможете, верните их сюда, дабы свершилось правосудие.

Камаль мрачно взглянул на священника.

— Обещать мы этого не можем — но сделаем все, что только будет от нас зависеть.

Тем временем Эйджер и Дженроза оседлали своих лошадей, а Камаль взял за поводья четвертую. Они направились к северному выезду из города. В душе каждого из них теплилась надежда, что Линан еще жив и его можно спасти.

По дороге за спиной Прадо на его коне Линан все же заснул и свалился с седла. Он оставался в полубессознательном состоянии, и боль от удара головой о твердую землю почти ничего к этому не прибавила. Как сквозь сон он слышал проклятия и короткие приказы. Чьи-то грубые руки подняли его с земли, перетащили на более удобное место. Он плохо помнил и осознавал все, что с ним происходило до этого момента. Что-то чужое вцепилось в его подбородок, а потом все его тело пронзила боль. На миг его сознание прояснилось, и он увидел над собой ожесточенное лицо Джеса Прадо, еле видимое сквозь пелену красноватого тумана, застилавшего его глаза.

Линан застонал. Какая-то часть сознания подсказывала ему, что все случившееся ночью — не более чем ночной кошмар.

— Я собираюсь зашить твою рану, парень, — выдохнул Прадо ему в лицо. — Но сперва нам придется ее как следует прочистить.

Когда в глубокий порез кто-то стал втирать жирную мазь, Линан снова начал проваливаться в туман. Вновь по всему его телу прошла волна острой непереносимой боли. В какое-то мгновение ему показалось, что все закончено, и он снова может погрузиться в забытье, а кошмар и все, что с ним связано, остались позади. Однако это был короткий миг передышки перед новой бурей. Когда Прадо достал огромную иглу и стал жилой зашивать рану, Линан содрогнулся всем телом. Прадо сидел у него на груди, чтобы помешать любым его движениям, а оба его подручных головореза держали голову и ноги принца. Линан закричал от боли, и тотчас же сознание покинуло его.

Конечно, он не мог знать, долго ли пробыл в глубоком обмороке, однако когда юноша очнулся, оказалось, что его руки привязаны к передней луке седла, а Прадо железной хваткой держит его за пояс. Впереди он увидел Бейзика и услышал, как сзади стучат копыта коня Эзора. В зашитой ране пульсировала кровь, челюсть невыносимо болела и казалась вдвое больше своего истинного размера. Язык во рту точно распух, и когда Линан попытался попросить воды, то вместо слов он услышал свой жалобный хрип.

— Наш приятель проснулся, — заметил Бейзик, оглянувшись через плечо. Прадо в ответ только хмыкнул.

Линан попробовал повернуть голову и оглядеться, однако при этом движении боль в челюсти усилилась, и повернуться он смог лишь всем туловищем. Они ехали по узкой дороге, которая, однако, была хорошо наезжена и утрамбована, постепенно поднимаясь вверх по пологому, заросшему деревьями склону. С листьев на Линана капала вода. С бледно-голубого неба сквозь завесу ветвей пробивались неяркие солнечные лучи, но от их света он почувствовал озноб. Он еще раз попытался попросить воды, однако никто из негодяев не обратил на это внимания.

Вскоре дорога выровнялась, а заросли деревьев начали редеть. Линан быстро взглянул на солнце и определил, что они направлялись на север. Справа раскинулась Арранская долина с ее полями и садами. Слева от них тянулась равнина, поросшая густой высокой травой, кое-где виднелись деревья. Дальше к востоку горизонт терялся в зеленой дымке, и Линан подумал, что там должна быть река.

«Наверное, это река Барда, — мысленно сказал он сам себе. — Почему же они везут меня этой дорогой? Ведь мы направляемся вовсе не в Кендру, а в Хьюм».

По мере того, как разгорался день, становилось теплее, и промокшая одежда Линана стала подсыхать и плотно обтягивать его тело. Теперь они выбрались из тенистых зарослей и ехали по равнине, перебираясь от рощицы к рощице. Линану стало ясно, что Прадо пытался укрыться, где только это было возможно. Когда солнце оказалось в зените, они остановились в тени небольшой дубовой рощи. Линана стащили с седла на землю, и Прадо внимательно осмотрел свою работу.

— Будешь жить. Заразы в рану никакой не попало, а шов будет стягивать ее как следует. Правда, какое-то время ты не сможешь жевать.

Он запрокинул голову Линана и поднес к его губам флягу. В рот принца полилась вода, часть которой попала в дыхательное горло. От неожиданности он закашлялся, ощутив при этом резкую боль в челюсти, которая, казалось, разрывалась на части, однако Прадо схватил его за волосы и снова запрокинул его голову назад, заставляя его пить еще.

Подошел Бейзик и положил руку на плечо Прадо.

— Капитан, вы должны на это взглянуть.

Прадо последовал за Бейзиком к самому краю рощицы. Остановившись, оба они стали вглядываться на запад, откуда начали свой путь с плененным Линаном. Быстро жестикулируя, они переговаривались между собой. Прадо отдал какое-то распоряжение и вернулся к Линану, ударом в спину заставив того подняться на ноги. Бейзик с Эзором подняли Линана, усадили его на коня Прадо и опять крепко привязали его руки к передней луке седла. Кони устали и нуждались в хорошем отдыхе, однако Прадо пустил своего коня легким галопом, направляясь прямо на восток.

Линан отчаянно пытался приспособиться к движениям животного, но его руки были так крепко притянуты к луке, что ему не удавалось подняться над седлом. Его подбрасывало при каждом шаге коня, и боль от этого становилась все более невыносимой. Он закричал, однако на его крик никто не обратил внимания. Тогда он попытался сосредоточить свой взгляд на горизонте. Зеленоватая дымка казалась далекой, словно вечность. Он снова закричал, и Прадо грубо выругался. Линан услышал, как за его спиной из ножен освободили меч. Прадо с силой ударил Линана рукоятью меча по затылку, и все перед глазами принца погрузилось во мрак.

Камаль держался впереди. Ему никак не удавалось удерживать свою лошадь и заставлять ее двигаться быстрой рысью, вместе с тем внимательно вглядываясь в дорогу. Дженроза и Эйджер

ехали следом, при этом Эйджер был глубоко погружен в размышления, а Дженроза прилагала все усилия к тому, чтобы удерживаться в седле. Она знала правила верховой езды, но навыков в этом занятии у девушки было слишком мало.

Они ехали уже около трех часов, когда Камаль остановил свою лошадь.

— Я потерял след, — мрачно сказал он. — Дорога высыхает, и теперь я уже не могу отличить старые следы от свежих.

С этими словами он с досадой хлопнул себя по бедру.

— Так или иначе, но мы должны двигаться дальше, — решительно произнес Эйджер.

— А что, если ты ошибаешься? — спросил его Камаль. — Что, если Прадо повернул назад и теперь движется на юг, в Кендру?

Эйджер пожал плечами.

— Тут уж нам ничего не поделать. Мы должны продолжать двигаться и надеяться на то, что нам удастся заметить какой-нибудь знак.

Камаль с изумлением увидел, что Дженроза соскочила с лошади.

— Что вы делаете? Мы пока что не можем позволить себе отдых.

— У вас есть что-нибудь из вещей Линана?

— Какое это имеет отношение... — сердито начал Камаль, однако Эйджер жестом прервал его.

— У меня есть его меч и тот плащ, который дал ему с собой крестьянин из лесной деревни, — сказал горбун.

— Отрежьте мне кусок ткани от этого плаща.

Эйджер отвязал от седла скатанный плащ Линана и сделал то, о чем попросила Дженроза. Он протянул девушке кусок ткани. Камаль открыл было рот, чтобы спросить их, понимают ли они, что делают, но Эйджер повторил свой жест, призывая друга к молчанию.

— Друг мой, если она сейчас делает то, о чем я могу лишь догадываться, то скоро мы узнаем направление, в котором увезли Линана.

Камаль закрыл рот и принялся безучастно наблюдать за действиями Дженрозы.

Между тем Дженроза подошла к обочине дороги и сорвала большой пучок влажной травы, которую она тут же обсушила, энергично потерев ее между ладонями. Затем она сложила траву и кусок ткани небольшим холмиком. Достав из кармана маленькое стеклышко, девушка поймала солнечный луч и направила его на холмик. Довольно долго ничего не происходило, и Камаль начал уже заметно нервничать. Его состояние передалось лошади, и она натянула поводья.

— Трава все-таки слишком сырая, — негромко произнес Эйджер, однако не успели отзвучать эти его слова, как над сорванной травой поднялась тоненькая струйка дыма. Дженроза на одном дыхании пропела что-то монотонное, и внезапно весь холмик охватило яркое веселое пламя.

— Ужас как удивительно, — раздраженно заметил Камаль. — Теперь мы можем поджарить себе каштанов.

Дженроза и Эйджер не обратили внимания на это ядовитое замечание. Когда огонь догорел, девушка собрала в ладонь хлопья пепла и поднялась. Она опять негромко и монотонно что-то пропела и подбросила пепел в воздух, внимательно глядя, в каком направлении он полетит, прежде чем упадет на землю. Когда пепел опустился, Дженроза показала на восток.

— Туда, — коротко сказала она.

— Это какая-то абракадабра, — заявил Камаль Эйджеру. — Она всего лишь студентка...

— Камаль, откуда, по-твоему, дует ветер? — перебил его Эйджер.

— С севера. Какое это имеет отношение... — однако на сей раз вопрос замер у него на губах.

— А пепел летел на восток, — закончил Эйджер. — Пару километров назад мы проехали поворот на узкую дорогу.

— Я его помню, — сказал Камаль. — Только на той дороге не было видно свежих следов.

— Должно быть, Прадо срезал путь и лесом выехал с этой дороги на ту тропу, — ответил Эйджер. — Я думаю, что мы должны направиться тем путем.

— Сперва на север, потом на восток? — недоверчиво переспросил Камаль. — Куда же, в таком случае, направляется Прадо?

Эйджер пожал плечами.

— Мы должны следовать за ним, куда бы он ни направлялся.

Камаль кивнул в знак согласия. Дженроза снова уселась в седло, и они поехали назад, к малозаметной узкой тропинке. Вскоре после того, как друзья свернули на нее, она начала понемногу подниматься, а затем из долины ушла в лес.

Камаль показал вниз, на землю.

— Здесь еще пока достаточно сыро, и вот вам следы трех коней, причем следы одного из них глубже двух других.

Он взглянул на Дженрозу и обезоруживающе улыбнулся:

— Вы были правы.

Дженроза в ответ тоже улыбнулась, почти застенчиво, и про себя удивилась тому, что после этого признания Камаля почувствовала себя лучше.

По склону, хотя он был и не таким уж крутым, им пришлось подниматься шагом. Затем Камаль и вовсе велел всем сойти с лошадей и вести их на поводу, чтобы дать животным хотя бы небольшую передышку. Менее чем через час он внезапно остановился и внимательно осмотрел землю в стороне от тропы.

— Они останавливались здесь. Кто-то лежал на траве. Смотрите, здесь кровь.

— Боже, — ослабевшим голосом произнес Эйджер. — Они его ранили.

— Мы должны двигаться быстрее, — сказал Камаль и вскочил в седло. Он ласково похлопал свою лошадь по шее. — Прости, но нам очень нужна твоя сила, — обратился он к ней.

Тропа была еще скользкой после ночного дождя, ехать по ней было тяжело, однако мысль о раненом Линане подгоняла друзей, и животным, казалось, передалось их волнение и спешка. За час до полудня они добрались до восточной оконечности долины и рискнули на десять минут остановиться и спешиться, чтобы дать хоть небольшую передышку лошадям, затем продолжили путь. Подниматься стало легче, склон становился все более пологим, и вскоре подъем закончился. К тому моменту, когда солнце добралось до зенита, друзья выехали из леса, и теперь перед ними расстилалась равнина.

— Там вдалеке река Барда, — произнес Эйджер. — Когда я работал на торговцев, мне не один раз приходилось проплывать по ней. Обычно они пользуются баржами, доставляя товары из Спарро в Даавис.

— Что ж, вот и ответ на вопрос Камаля, — сказала Дженроза.

Друзья взглянули на девушку.

— На какой вопрос? — спросил Камаль.

— Прадо направляется к реке, — ответила она. — Эйджер предполагал, что он хочет с кем-то встретиться. А что, если встреча назначена где-нибудь далеко отсюда — например, в Хьюме? Не может же он всю дорогу проделать верхом и при этом надеяться ускользнуть от преследования — он везет королевский багаж, помните?

Эйджер широко раскрыл глаза.

— Ну конечно! Как только мне это не пришло в голову? Конечно, Прадо собирается воспользоваться рекой. Времени у него гораздо больше, чем у нас! Если бы Дженроза не указала нам верную

дорогу, мы никогда бы их не нашли. Мы могли навсегда потерять Линана.

— Но что это за встреча? — спросил Камаль. — Зачем ему нужно было рисковать и похищать Линана, если не для того, чтобы вернуть его в Кендру? С кем Прадо может встречаться по дороге туда? В качестве заложника Линан не стоит ни гроша. Арива скорее должна бы заплатить за то, чтобы его убили, а не избавляли.

— Может быть, как заложник он и в самом деле ничего не стоит, — медленно проговорил Эйджер, — но он кое-что стоит как символ.

— Что ты хочешь этим сказать?

Эйджер покачал головой.

— Я пока что не уверен...

— Смотрите, — воскликнула Дженроза, указывая вперед.

Камаль и Эйджер взглянули на равнину, но ничего не увидели.

— Вот там, под теми деревьями, — почти выкрикнула девушка.

— Под каким деревьями?

Дженроза подъехала к Камалю и остановила свою лошадь возле его чалой лошади, а затем обеими руками повернула его голову.

— Разве вы слепые? Вот под теми деревьями!

Сперва Камаль опять ничего не увидел, но спустя мгновение разглядел тени, двигавшиеся в маленькой рощице, показанной Дженрозой. Он напрягся в своем седле.

— Это они, — уверенно заявил он.

Теперь и Эйджер рассмотрел отдаленные фигуры в тени деревьев.

— У вас зоркие глаза, Дженроза. Конечно, с одним глазом трудно быть уверенным, однако я сказал бы, что до них около трех четвертей часа скачки отсюда.

Камаль вытянул палец в направлении рощицы, прищурил сперва правый глаз, затем левый, пробормотал себе под нос какие-то подсчеты и произнес:

— Пожалуй, скорее даже полчаса.

— Они уходят! — воскликнула Дженроза. — Они выехали из-под деревьев и направляются прямо к реке.

— Если только нам удастся добраться до Барды раньше, чем они найдут баржу, мы захватим их, — сказал Эйджер.

— Значит, чем скорее мы там окажемся, тем будет лучше, — отозвался Камаль, и все трое пришпорили своих лошадей, пустив их головокружительным галопом, пытаясь выжать из животных все силы до последней капли. Лес остался позади, теперь друзья

мчались по равнине, и в душе каждого впервые с момента исчезновения Линана теплилась надежда.

Кони Прадо и его соучастников не могли долго выдерживать галоп, поэтому Прадо перешел на спокойный шаг, чтобы дать животным возможность отдышаться.

— Они нас схватят! — закричал Эзор.

— Сперва мы доберемся до реки, — ответил Прадо ему и Бейзику. — Это все, что имеет значение. Их кони не смогут выдержать такую скорость дольше, чем наши.

— Может быть, их кони свежее наших, — заметил Бейзик.

— Перед ними путь по меньшей мере в пять лиг, — огрызнулся Прадо.

— Но что будет, если на реке не окажется барж? — спросил его Эзор.

— В этом месте Барда круто изгибается, и берег здесь крутой. На ночь судоводители встают здесь на якорь. Мы что-нибудь найдем.

— Хотел бы я на это надеяться, — едва ли не шепотом сказал Бейзик, обращаясь к Эзору так, чтобы этого не услышал Прадо. — Мне вовсе не улыбается мысль о том, что придется драться с Камалем Аларном.

Эзор с кислой физиономией взглянул на Бейзика и ничего не ответил. Он боролся с искушением пустить лошадь галопом, понимая, что если они измотают своих коней раньше времени, то их будет ждать незавидная участь. Он взглянул на принца, обвисшего на руках Прадо, как мешок с зерном, и мысленно пожелал, чтобы он сам оказался в стороне от происходившего. Он приказал себе спокойно сидеть в седле, однако не мог устоять и каждые несколько минут оглядывался. При этом всякий раз ему приходилось убеждаться, что погоня приближалась. Бейзик был прав — у их преследователей лошади были свежее, и они гнали животных на пределе возможностей, чередуя рысь и галоп.

До реки оставалось около пяти километров, когда произошло сразу два события. К принцу вернулось сознание, и он выпрямился в седле. Такое внезапное изменение веса седоков подхлестнуло коня Прадо, и тому пришлось изо всех сил натянуть поводья, чтобы конь не рвался в сторону. Эзор выругался и в сотый раз оглянулся.

— Прадо! — закричал он. — Они перешли на галоп!

Прадо свирепо ударил своего коня, и несчастное животное взвилось на дыбы, высоко подняв голову, а потом понеслось галопом прямо к реке. Бейзик и Эзор не отставали от своего вожака.

Линан не мог себе представить, что происходило. Перед его глазами по-прежнему оставалась зеленая равнина, а откуда-то спереди доносился свежий запах воды. Его мучители неслись во весь опор, и по застывшим выражениям их лиц он мог понять лишь то, что они были чем-то напуганы. Где-то в глубине его сознания мелькнула неясная мысль о том, что угрозой для них могли стать его друзья, однако у него не было ни сил, ни желания что-нибудь предпринимать. Он попробовал закрыть глаза, чтобы обрести хоть какую-нибудь ясность в мыслях, однако тотчас же он почувствовал, что теряет равновесие, и был вынужден снова открыть их.

Теперь они ехали между деревьями и были вынуждены замедлить бег коней. Откуда-то издалека сзади ветер донес до слуха Линана крики. Он узнал грохотавший голос Камаля и попытался закричать в ответ, однако из его горла вырвался лишь слабое хрипение. Конь свернул, обходя колючий куст, вновь галопом помчался вперед, потом Прадо натянул поводья, и животное резко остановилось. Разгоряченный конь переступал ногами, дергал головой, а изо рта у него капала пена.

Шагах в пятидесяти перед собой Линан увидел реку; у берега стояли две широкие баржи. Подоспели Бейзик и Эзор, и Прадо выкрикнул:

— Скорее! Это наш последний шанс!

Они снова пришпорили коней и остановились уже на берегу. Бейзик и Эзор спешились. Эзор побежал к барже, которая стояла справа и была меньших размеров, чем вторая, к которой бросился Бейзик. Прадо тоже соскочил с коня и взял в руку поводья всех трех животных. До слуха Линана вновь донесся боевой клич Камаля.

— Камаль! — крикнул он, однако крик получился слишком слабым, таким, что его услышал только Прадо. Он занес ногу и носком сапога ударил принца под колено. Линан вскрикнул от боли и повалился в сторону, однако привязанные к луке седла руки удержали его от падения. Впереди послышались неясные выкрики. Прадо мечом перерезал веревку, освободив руки Линана, и стащил его с коня. Появился Эзор, схватил Линана за волосы и поставил на ноги.

— Пошевеливайся! — приказал он и толкнул Линана в спину.

Дрожащей походкой Линан направился вперед, осторожно переставляя ноги, чтобы не упасть. Он дошел до берега, и грубые руки направили его к обшитому досками борту, а затем перебросили через него. Он почувствовал, как закачалось все под его ногами, вспомнил свое последнее приключение, связанное с лодкой.

— Нет... — вырвалось у него, однако прежде чем он успел договорить, последовал новый толчок, и он упал на дно баржи. Принц попытался поднять голову, но тут же получил резкий удар по лицу за эту попытку. Ему показалось, что его челюсть взорвалась от боли, и он закричал. Никто не обратил внимания на его крик, он слышал только ржание и топот коней, когда их вели на борт. Дважды их копыта оказывались не больше чем на ширине пальца от головы Линана. Прадо выкрикивал команды, и Линан почувствовал, что судно отходит от берега. Крики Камаля теперь слышались уже очень близко.

— Камаль... — Линан опять попытался поднять голову, однако тут же ему показалось, будто она тяжелее, чем все взятые вместе камни, из которых был построен дворец в Кендре.

Затем послышался громкий треск, и принц перекатился на спину. Белый парус затрепетал над ним, наполнился ветром, голос Камаля растворился и в конце концов пропал совсем.

Когда в сердце Камаля появилась уверенность в том, что лошади смогут преодолеть необходимое расстояние, он поднял голову и издал боевой клич Красных Щитов, пришпорив свою лошадь и пустив ее галопом. Эйджер и Дженроза не отставали от него.

Камаль выхватил из ножен меч и наклонился вперед, держа меч параллельно голове лошади. Ему много раз приходилось видеть, как враги бежали от него во время атаки, поэтому он знал, каким устрашающим был его вид на полном скаку, и надеялся, что Прадо и его сообщники поддадутся панике и сделают какую-нибудь глупость.

Было ясно, что они увидели его, потому что тоже пустили своих коней галопом. Теперь оставалось домчаться до реки, и Камаль с ужасающей ясностью понял, что если только какая-нибудь неожиданность не остановит негодяев, то они вместе со своей жертвой легко преодолеют это расстояние. Он с силой пришпорил лошадь, пытаясь заставить ее уставшие натруженные мышцы работать сильнее, однако ее голова уже начала склоняться, и он понимал, что бежать быстрее она уже не сможет. Позади него Эйджер и Дженроза начали понемногу отставать.

В ярости и отчаянии он снова и снова выкрикивал свой боевой клич. И все же наступил момент, когда враги скрылись за деревьями, отделявшими равнину от реки, а он был еще за добрых пятьсот шагов от них. Следующая минута показалась Камалю самой долгой за всю его жизнь. Когда ветви первых деревьев хлестнули его по лицу, он натянул поводья, озираясь в поисках свободного прохода к

реке. Впереди и слева послышались звуки борьбы, и он направил лошадь на эти звуки. Заросли стали гуще, и в конце концов ему пришлось спешиться. Тогда он побежал, упал, споткнувшись о корень, вскочил и снова бросился вперед. Когда ему удалось преодолеть последние деревья и высокие кусты, он увидел баржу, отходившую от берега, на борту которой стоял Прадо со своими сообщниками и конями. Линана видно не было, и горло Камаля перехватило от холодного страха. Он метнулся вперед, однако когда он добежал до берега, баржа была уже на середине реки, а ее парус наполнился попутным ветром.

Тут он заметил вторую баржу, поменьше, и бросился к ней, но тотчас остановился. На берегу лежало тело человека с головой, рассеченной от лба до подбородка, а рядом с телом валялось рулевое весло и обрывки паруса.

— Боже мой, нет! — вырвалось у него. — Линан!

Однако подойдя ближе, он понял, что покойник был гораздо большего роста, чем принц.

К нему подбежал Эйджер и опустился на колени возле мертвеца.

— Это шкипер, — мрачно произнес он и, поднявшись, показал на удалявшуюся баржу.

— Все-таки он остался у них в лапах, — с горечью сказал он.

Вместе с подошедшей Дженрозой они молча смотрели на реку до тех пор, пока очертания паруса не скрылись из виду.

ГЛАВА 22

В лицо Линана плеснула холодная вода, и он мгновенно проснулся. В первую очередь он ощутил, что непереносимая боль в челюсти притупилась и как будто отдалилась, кровь перестала так ужасно пульсировать, как это было до сих пор. Затем юноша осознал, что наступила ночь, и небо на самом деле темное. Тут он понял и то, что его собственное состояние наконец вернулось к нормальному. Но над ним, словно остаток последнего кошмара, стоял Прадо с бронзовым кувшином в руке.

— Ну что ж, по крайней мере, ты все еще жив, птенчик, — произнес он, отошел и перестал обращать на Линана какое-либо внимание.

Линан попробовал сделать несколько движений и обнаружил, что его руки и ноги слушаются его, хотя и неохотно. Он медленно поднялся и немного постоял на месте, привыкая к мягкому по-

качиванию баржи. Это оказалось не так ужасно, как то, что ему запомнилось, — но в последний раз его качали морские волны, а сейчас судно спокойно двигалось по безопасным спокойным водам реки Барда. Баржа была нагружена тюками чего-то, напоминавшего лен и сено, а кони его похитителей стояли на привязи возле единственной мачты. Эзор сидел на носу баржи, а Бейзик возле мачты рядом с конями. Сам Линан находился тоже на носу, рядом с ним стоял Прадо, а чуть дальше рулевой. Линану бросилась в глаза ужасная рана на лбу незнакомца. На одном из рукавов рулевого он заметил голубую полоску и по ней понял, что перед ним шкипер баржи. Это был высокий худой четт с золотистой кожей и волосами, черными, как сама ночь.

— Добро пожаловать, соня, — произнес четт глубоким певучим голосом и улыбнулся самым дружелюбным образом. Его правая нога стояла на педали, связанной с рулевым веслом, а руки были заняты шкотами, которые проходили сквозь сложную систему блоков к парусу.

— Меня зовут Гудон, — сказал шкипер. — А тебя? Ох!..

— Если не хочешь, чтобы я снова тебя ударил, заткнись со своими вопросами, — повелительно и угрожающе произнес Прадо.

— Очень своевременное напоминание о том, что я должен держать язык за зубами. Благодарю вас, благодетельный господин.

Линан не смог понять по голосу шкипера, с сарказмом или нет тот произнес свою благодарность, да и Прадо не понял этого по невозмутимому выражению лица четта. Гудон смотрел на реку и выглядел так, что его трудно было в чем-либо упрекнуть.

— Куда мы плывем? — спросил Линан у Прадо.

Прадо не обратил внимания на его вопрос, но сам спросил Гудона:

— Далеко ли отсюда до Даависа?

— До Даависа, господин, два дня пути при попутном ветре. При безветренной погоде путь займет дня четыре или даже больше. Ну, а если с ветром не повезет, то как минимум дней семь. Если ветер будет и вовсе плохим...

Прадо перебил его.

— Отлично, что бы там ни было. Так вот, если мы не доберемся до Даависа за два дня, я раскрою твою голову до конца, а потом сброшу тебя в реку.

Для большего впечатления он коснулся рукоятки своего меча.

Гудон энергично кивнул.

— О, конечно. Мне следует делать то, что мне велят, — заставить ветер подчиниться и доставить вас в Даавис за два дня. Иначе я погибну.

— Присматривай хорошенько за ними обоими, — приказал Прадо Бейзику и направился вперед, чтобы поговорить с Эзором.

Гудон взглянул на Линана.

— Значит, ты не злодей? — Линан отрицательно покачал головой. — А ты тоже сойдешь в Даависе?

— Хватит болтать, — рявкнул Бейзик, направляясь на корму.

Он ткнул пальцем в шкипера.

— Ты следи за рулем. А ты, — он перевел он палец на Линана, — ты просто сиди смирно и тихо.

Линан прислонился спиной к борту. Осторожно он коснулся пальцами своей раны и удивился тому, каким толстым был наложенный на нее шов. Рубец тянулся от левого уха к челюсти. Линан сохранил лишь обрывочные воспоминания о своей первой беседе с Прадо и теперь не мог понять, чем же таким он отличился, чтобы заслужить этот рубец. И неужели это произошло всего лишь прошлой ночью? Теперь тот ночной разговор казался невероятно далеким. Принц увидел, как Прадо, разрезав один тюк сена, распределил его между конями. Наблюдая за ним, Линан осознал, что впервые в жизни возненавидел человека так сильно, что с удовольствием убил бы его и ни на миг не пожалел бы об этом.

Ветер изменил направление с северного на северо-восточное. Гудон опытными движениями потянул канаты, чтобы парус баржи оставался тугим, однако на какой-то миг баржа накренилась в сторону. Кони беспокойно заржали и затопали копытами, поэтому Бейзик и Эзор бросились помогать Прадо успокаивать животных.

Линан увидел, что Гудон улыбается ему, и усомнился в том, что баржа накренилась случайно.

— С твоей раной все в порядке? — шепотом спросил он шкипера, пользуясь тем, что его похитители отвлеклись.

— О да, господин. Я приложил к ней мое зелье хэту, и теперь все будет хорошо.

— Зелье хэту?

— Удивительное снадобье. Оно залечивает небольшие раны, добавляет остроту соусам, придает аромат воде, а если вы подмешаете его в напиток для девушки, то она полюбит вас.

— Откуда ты родом, Гудон?

— С реки, маленький господин.

— Но ведь ты же четт.

— Да, это верно. Однако в дни моей юности я был путешественником и ушел далеко от Океанов Травы. Когда я впервые

увидел эту роскошную воду, которую вы все называете Барда, я родился заново. Потому я и говорю тебе, что я родом с реки.

— Из какого ты племени?

— Из племени щуки и форели, сребробрюха и мухолова, желтохвоста и карпа.

Линан поджал губы.

— Ты родом из реки.

— Верно, — ответил Гудон, по-прежнему улыбаясь. — А откуда родом ты?

Линан вздохнул.

— Может быть, тоже из реки, — уныло ответил он.

— Если так, то мы братья, ты и я, — сказал Гудон. — А доказательством тому могут служить шрамы на наших лицах.

— Благодаря Джесу Прадо.

— Благодаря судьбе.

— Долго ли на самом деле плыть до Даависа?

— Ты так сильно хочешь туда попасть?

— Нет.

— Тогда, может быть, целую вечность, — загадочно произнес Гудон. Однако прежде, чем Линан успел спросить, что означали эти слова, шкипер слегка кивнул в сторону Бейзика, возвращавшегося на корму после того, как негодяям удалось успокоить коней.

— Смотри на реку, маленький господин, на берега, которые проплывают мимо подобно снам. Для тебя это лучший способ провести время.

Благодаря этому странному разговору на сердце у Линана стало легче, и теперь он мог не обращать внимания на сердитые взгляды Бейзика и вообще на его присутствие. Воспользовавшись советом шкипера, он стал смотреть на реку, на ее широкие плесы, на блестевшую на воде лунную дорожку. Линан думал о том, будет ли конец у этого пути — или эта дорога приведет его к новой беде.

Он вспомнил голос Камаля, который он слышал несколькими часами раньше, голос, звавший его, когда баржа отходила от берега, и надеялся на то, что его друзья в безопасности. До сих пор он не сознавал своих чувств по отношению к ним. Какая-то часть его сознания хотела, чтобы они сейчас не пытались следовать за ним, опасаясь за их благополучие — но другая часть, та, что была сильнее, отчаянно и безнадежно желала, чтобы друзья нашли его и вырвали из цепких лап Прадо.

Ночь тянулась медленно. Прадо велел Бейзику отправляться отдыхать и сам занял пост стража на корме. Линан присел на

корточки, прислонившись к борту, и попытался заснуть, однако это у него не получилось. Его рана все еще ныла слишком сильно, не позволяя ему задремать, а по мере того, как проходило время, мрачные опасения лишь усиливались. Баржа медленно, но упорно поднималась вверх по реке по направлению к Даавису. Единственным утешением для Линана служила мысль о том, что он оказывался дальше и дальше от Кендры и все ближе к Океанам Травы. Если бы ему удалось бежать, он смог бы найти убежище среди свободных племен четтов, кочевавших по бесконечным зеленым равнинам со своими стадами маленьких выносливых лошадок, переходя от одного пастбища к другому.

Вскоре после полуночи Бейзик сменил Эзора на носу баржи, а за час до наступления рассвета Эзор появился на корме, и Прадо ушел. Судя по угрюмому виду Эзора, недолгий сон не помог ему прогнать дневную усталость, поэтому, когда Гудон что-то негромко запел, бандит сердито велел шкиперу заткнуться.

— Но ведь твой господин велел мне доставить вас в Даавис за два дня. Теперь я должен петь песню для ветра, чтобы он оставался попутным.

Эзор что-то проворчал себе под нос, но Гудону больше ничего не сказал, и шкипер возобновил пение. Его странная песня больше всего напоминала колыбельную, и в конце концов Линан задремал под звуки протяжной мелодии. Очнулся он от того, что Гудон легонько коснулся носком ноги его ребер.

— Наш сторож снова заснул и наслаждается сновидениями, — тихо сказал четт, кивнув в сторону Эзора, уткнувшегося лицом в тюки товара и размеренно всхрапывавшего. — Второй не сможет нас услышать, если мы станем говорить так же тихо, как говорит река.

— Ведь ты пел не для ветра, правда?

— Конечно. Но есть песни, которые сложены для того, чтобы успокоить ветер. Я должен предупредить тебя, маленький господин.

— Предупредить меня?

— Ты хочешь освободиться от этой компании негодяев?

— Да, очень хочу.

— Тогда слушай меня внимательно. Я кое-что придумал, только это будет опасно для нас обоих.

— Опасно? Насколько опасно?

Гудон пожал плечами.

— Ты умеешь плавать?

— Да, только не очень быстро.

Гудон нахмурился.

— Как ты думаешь, сможешь ли ты научиться плыть быстро, если для этого будет причина?

— Какая причина?

— Для тебя будет лучше пока не знать об этом.

— Когда я должен научиться?

— Уже скоро. Раньше, чем окончательно взойдет солнце. Раньше, чем благодетельный господин проснется и остановит нас.

— Нас?

— Да, верно. Наступило время, когда я должен оставить реку. Мне снова необходимо путешествовать.

— Ты поступаешь так из-за меня? Но почему?

— Для этого существуют знаки, маленький господин. Мы оба ранены, и эти раны на наших головах. Мы оба пленники. Мы оба хотим избежать судьбы, уготованной для нас благодетельным господином: а я совсем не верю, что он оставит меня в живых, когда мы доберемся до Даависа. Да и река говорит мне, что наступило время уходить. Я очень внимательно прислушиваюсь к воде. Я уже говорил тебе — это судьба.

— До сих пор судьба служила мне не слишком-то хорошо.

— А судьба никому не служит. У нее есть свои секреты, свои планы, и бывает так, что мы не умеем читать их.

Тут Линан заметил, что баржа приблизилась к берегу.

— Ты собираешься пристать к берегу?

— Я бы мог это сделать, но тогда остальные непременно бросятся в погоню за нами, а верхом они быстро нас поймают.

Линан вспомнил расспросы Гудона о том, умеет ли он плавать.

— Мы должны будем перебраться через борт и доплыть до берега?

— Да, но еще не сейчас. Опасность еще не так велика. Если сейчас остальные заметят наше исчезновение, то они сами смогут причалить баржу и станут нас преследовать.

— Похоже, что мне не слишком нравится твой план.

— Это хороший план, маленький господин. Есть только небольшая проблема.

— Что такое?

Гудон показал в сторону левого берега, который был теперь не дальше шестидесяти шагов от баржи.

— Вот она, наша небольшая проблема.

Линан встал и различил на фоне начинавшего мягко розоветь на востоке неба деревья на берегу.

— Но я не вижу ничего опасного.

В этот миг Эзор громко всхрапнул и раскрыл глаза.

— Просто ты не видишь ничего как следует, — быстро ответил Гудон, с силой оттолкнул от себя руль и одновременно налег на левый канат. Баржа повернула в сторону деревьев.

Эзор еще раз всхрапнул и, моргая, вскочил на ноги. Его движение в свою очередь разбудило Прадо, он тоже встал и с хрустом потянулся, затем посмотрел на изгиб реки, увидел, как близко они подошли к левому берегу, и велел Гудону отвести баржу от него. Гудон не обратил внимания на это приказание.

— Ты слышал, что сказал капитан! — прорычал Эзор. — Вернись обратно на середину реки!

И снова Гудон не обратил никакого внимания на распоряжение.

Эзор начал было обнажать меч, однако Гудон сильно толкнул рулевое весло и вновь рванул канаты. Баржа сильно накренилась, и Эзор потерял равновесие. Линан без единого колебания выбросил вперед правую ногу и ударил его по голове. Противник зарычал и потерял сознание. Линан схватил его меч, выпрямился и встал перед Гудоном.

— Мне остается только молить бога, чтобы ты был уверен в том, что делаешь, шкипер.

— Только одного бога? — переспросил Гудон, не отрывая взгляда от деревьев на берегу. — Тебе следовало бы быть более щедрым, маленький господин.

В этот миг Бейзик оказался рядом с Прадо, и вместе они направились к Линану с обнаженными мечами.

— Ну-ну, парень, не будь дураком. Ты не сможешь справиться с нами обоими.

— Смогу, — ответил Линан, вложив в это короткое слово куда больше уверенности, чем было на самом деле в его душе. На открытой арене, со своим собственным оружием, да еще если бы не болела так сильно челюсть, он вполне мог бы быть уверен в том, что совладает с двумя негодяями. Однако сейчас, на этой барже он не мог быть вполне уверенным в победе.

В следующие несколько секунд он с неподдельным удивлением доверился действиям Гудона, начавшего приводить в исполнение свой план.

Баржа двигалась теперь прямо по нависшим над водой ветвям ближнего дерева. Концы ветвей скрывались под водой, и движение баржи немного замедлилось. Затем ветви хлестнули по борту, полилась вода, и Линан увидел на каждой из них длинных рыб с

белыми отростками вдоль всего тела, которые, казалось, шевелились, подобно усам. Многие из этих невиданных тварей в мгновение ока нависли над баржей, после чего послышался шумный плеск воды возле противоположного борта. Прадо и Бейзик с изумлением смотрели на них. Линан успел увидеть, как некоторые из тварей обратились в черную массу и скрылись под водой.

Он быстро обернулся и спросил Гудона:

— А они не?..

— Да! Это — людоеды! — не дав принцу договорить, выкрикнул Гудон.

Кровь застыла в жилах Линана. Он понимал, что надо было бы найти укрытие, однако страх парализовал его. Гудон с силой толкнул его в спину, и он упал на доски палубы, а шкипер накрыл его своим телом. До его слуха донеслись звуки, напоминавшие треск разрывавшейся парусины, сменившиеся мягкими шлепками, означавшими, как он понял, падение чудовищных тварей на палубу, на тюки с товарами, на спины коней. Вслед за этим раздались громкие крики с той стороны, где стояли привязанные кони, и Линан подумал, что это кричал Бейзик.

— Пора! — выкрикнул у него над ухом Гудон, вскочил на ноги и потащил Линана за собой к борту. Принц успел мельком увидеть длинные узкие очертания извивавшихся повсюду тварей с широкими темно-красными плавниками. По большей части они плясали по палубе, однако многие уже набросились на теплую плоть и теперь широко разевали свои маленькие пасти, полные острых, точно гвозди, зубов, раздирая ее. Прадо выплясывал какую-то ужасную джигу, пытаясь стряхнуть со своей правой руки вцепившуюся в нее тварь, Бейзик распростерся на палубе в луже собственной крови, осажденный четырьмя или пятью чудовищами, одно из которых впилось в его глазницу. Кони неистово брыкались и становились на дыбы в тщетных попытках освободиться от привязи.

— Прыгай! — приказал Гудон и наполовину поднял Линана над планширом. Принц перевалился через борт и упал вниз. Холодная темная вода ударила его в грудь и в лицо. Он начал отчаянно барахтаться, вынырнул на поверхность и набрал полные легкие воздуха. Сверху на него смотрел Гудон.

— Плыви к берегу! — прокричал четт. — Плыви так быстро, как только можешь! Выбирайся из воды!

С этими словами Гудон исчез.

Что-то вцепилось в волосы Линана. Он закричал, шлепнул руками по воде, наглотавшись воды, развернулся, увидел берег

и поплыл к нему. Острые зубы прокусили его сапог и впились в кожу. Он яростно затряс ногой и сбился с ритма. Тотчас же зубы вонзились в его колено, и он почувствовал себя так, будто его ударили вилкой. На этот раз Линан, стиснув зубы, удержался от крика и снова поплыл к берегу. Последовал такой же удар по руке, возле запястья, в паху. Одна из отвратительных тварей пыталась разжать его зубы и пробраться в рот. Линану стало ясно, что он не сможет больше этого выдержать. Его рука коснулась чего-то впереди, и он машинально отдернул ее, однако вслед за этим другая рука тоже коснулась чего-то мягкого, податливого, и он понял, что это был прибрежный ил. Тогда он опустил ноги и, сделав три сильных гребка, выбрался на берег.

Плотоядная тварь коснулась его щеки плавником и шлепнулась на траву в трех шагах впереди, изогнувшись для броска. Второе подобное существо тем временем вцепилось в его спину. Юноша бросился вперед, в панике размахивая руками возле головы, поскользнулся, вскочил и снова поскользнулся. Но на этот раз силы ему изменили, и он не мог больше пошевелиться. Он свернулся клубком в ожидании следующего нападения, однако прошло несколько секунд, а никто словно и не собирался нападать на него. Тогда Линан медленно огляделся. Река блестела на расстоянии шагов двадцати, и твари не могли преодолеть их посуху. Добрый десяток их извивался между водой и принцем, их белые зубы влажно блестели в свете лучей восходившего солнца.

Помимо воли Линана затрясло, как в лихорадке. Он попытался подняться на ноги, однако они его не держали. Еле-еле ему удалось сесть на траву, и тотчас же он вспомнил о Гудоне и взглянул на баржу. Коням удалось невероятным образом освободиться от привязи, и они метались по палубе. Казалось, что их тела были покрыты сотнями черных полос. Кровь струилась по их головам и заливала тела. Вот один конь упал, следом за ним упал и второй. Линан услышал отчаянное ржание умиравших животных. Ни Гудона, ни Прадо с его сообщниками не было видно. Спустя мгновение баржа перестала раскачиваться, и над рекой повисла ужасающая тишина.

«Два коня? — внезапно подумал Линан. — Но ведь их было три...»

Наконец он смог подняться на ноги, вытер лицо ладонью и увидел на ней кровь. Его ладонь пересекал глубокий безобразный порез, однако вместо боли он чувствовал лишь странное онемение. Тогда он осмотрел свои ноги и заметил кровь еще в четырех местах.

Линан направился к берегу, стараясь оставаться недосягаемым для чудовищных угрей, несмотря на то, что вода теперь

была почти неподвижной. Здесь он позвал Гудона, однако никакого ответа на его зов не последовало. Тогда он пошел к небольшой рощице, где деревья стояли, едва ли не переплетаясь ветвями, склоненными к воде. Нигде поблизости не было никаких следов его спасителя. Он опять позвал его, и на этот раз услышал слабый голос, словно доносившийся издалека, но, оглядевшись, вновь никого не увидел.

— Гудон! — позвал снова Линан, на этот раз погромче, и вновь ему откликнулся слабый голос. Голос этот доносился слева, и Линан поспешно пошел вдоль берега, и вскоре ему преградила путь небольшая рощица деревьев с шипами. Он хотел было обойти эту рощицу, однако из самой гущи деревьев донесся мужской голос.

— Это ты, Гудон?

— Верно, это я, маленький господин. Все оказалось гораздо хуже, чем я мог себе представить.

Линан отогнул несколько колючих ветвей, не опасаясь порезов и царапин. Шкипер лежал на спине, и из нескольких его ран шла кровь. Глаза его были открыты, а в одной руке он держал кожаный мешок.

— Я просто не думал, что в тех зарослях окажется столько гнезд этих тварей.

Линан опустился возле него на колени. Большинство ран Гудона были такими же пустяковыми, как его собственные, однако рана вокруг его правого колена выглядела ужасной и глубокой, из нее торчала белая кость.

Гудон похлопал по мешку.

— Поищи здесь. Здесь мое снадобье.

Линан поднял мешок и развязал его. Внутри он увидел небольшую деревянную бутылочку с пробкой, обмотанной тряпицей и плотно закрывавшей сосуд.

— Это и есть мое зелье хэту, — слабым голосом сказал Гудон. — Налей немного мне на колено.

Линан размотал проволоку, зубами вытащил пробку и аккуратно накапал на рану немного зелья.

Гудон вздрогнул и зашипел сквозь сжатые зубы:

— О всемогущие боги! Никогда еще я не испытывал такой страшной боли!

Линан снова заткнул сосуд пробкой и тщательно замотал ее проволокой.

— Как ты здесь оказался?

— Это было единственное место, до которого я смог доползти, чтобы спастись от угрей.

Он показал наверх, и Линан увидел нескольких тварей, прижавшихся к ветвям.

— Сейчас чудовища уже успокоились, — сказал он. — Я вытащу тебя отсюда.

Гудон взял его за руку.

— Пока не нужно. Следует подождать, пока хэту подействует. Ты должен найти коня.

— Коня? Тебе удалось спасти одного из коней с баржи?

— Да. Я оседлал одного из них, а он был так напуган, что мне не составило труда заставить его перепрыгнуть через борт. Однако нужно было сильно сдерживать его, потому что он сильно брыкался, пытаясь отогнать людоедов, и если бы не я, он бы попросту утонул. К несчастью, это означало, что я не мог оторвать своих ног от его боков, и вот теперь расплачиваюсь за это.

— Где же он?

— Как только мы выбрались на берег, он сбросил меня и убежал. Ты должен найти его, а иначе нам придется идти пешком, и тогда, мой маленький господин, мне не поможет весь мой запас хэту.

— Я мог бы соорудить укрытие, и ты бы отдыхал там...

— Нет, нет. Мы должны убраться отсюда как можно скорее. Когда злодеи не доберутся до Даависа в положенный срок, то кто-нибудь может отправиться на их поиски.

Об этом Линан не успел подумать.

— Тогда жди. В какую сторону побежал конь?

Гудон слабо улыбнулся.

— Я был почти без сознания и не смог за этим проследить. Прочь от реки.

Линан кивнул, осторожно выбрался из зарослей и внимательно осмотрел землю возле берега. Он без труда нашел следы конских копыт и отправился туда, куда они вели. Перед ним оказался пологий склон холма, который через некоторое время стал более крутым. Линан поднимался по склону до тех пор, пока не вышел на его вершину, на которой начинался густой лес. Теперь Линану оставалось только молить бога, чтобы конь не успел убежать слишком далеко. Неожиданно он услышал справа ржание, остановился, огляделся и увидел коня не более чем в лиге от себя. По мере того, как он приближался, конь смотрел на него настороженно, однако не убегал прочь, а стоял на месте, точно вкопанный. Линан старался подходить к животному с большой осторожностью, чтобы нечаянно не спугнуть его, и это ему удалось. То ли благодаря тихим ласковым уговорам подхо-

дившего, то ли потому, что конь сам решил вернуться в людское общество, конь позволил Линану подойти к нему. Он доверчиво обнюхал ладони юноши, ожидая найти в них лакомство в качестве награды за послушание.

— Прости, сейчас у меня ничего для тебя нет. Однако если ты поможешь мне и моему товарищу добраться до безопасного места, то обещаю тебе купить для тебя столько сладкого сена, сколько смогу.

Линан внимательно осмотрел все тело животного, покрытое десятками укусов, однако никаких чересчур серьезных ран не обнаружил — хотя и не удержался от мысли о том, не сможет ли помочь коню зелье Гудона. Он взял поводья и повел коня обратно в сторону реки.

Поначалу конь шел за ним без всякого сопротивления, но по мере того, как запах речной воды становился более отчетливым, стал тянуть поводья назад и в конце концов вовсе остановился. Линан попробовал сильнее потянуть за поводья, но его попытка закончилась тем, что они вырвались из его руки. Конь отступил на несколько шагов и замер на месте. До того места, где лежал Гудон, оставалось добрых полкилометра. Линан должен был дотащить раненого до коня. Он пробормотал проклятие под нос себе.

Оркида одновременно забавляло и удовлетворяло то обстоятельство, что Арива и Сендарус вместе появились перед обществом. Забавляло то, что они изо всех сил пытались сосредоточиться и проявить должное внимание к текущим проблемам, в данный момент заключавшимся в организации приема для ведущих коммерческих деятелей столицы, — однако ни королева, ни принц были не в состоянии отвести глаза друг от друга больше, чем на минуту. Удовлетворение же канцлера было вызвано тем, что их взаимная любовь представляла собой именно то, к чему он стремился с тех самых пор, когда еще юношей начал работать в Кендре.

Решение влюбленных объявить об их намерении вступить в брак в день коронации Аривы недолго оставалось тайной для всего королевства. И в то время, как Двадцать Домов испытывали плохо скрываемую враждебность по отношению к Сендарусу, все остальные члены двора, казалось, были вполне удовлетворены этой новостью. А поскольку и горожане оставались вполне довольными, для Оркида это стало единственным лучом света, прорвавшимся сквозь сплошную черноту нескольких последних недель.

Конечно, огромную роль в отношении окружающих к Сендарусу сыграли и его личные достоинства — такие, как благородство

натуры. К нему было попросту невозможно относиться плохо, и даже те за пределами Двадцати Домов, кто ранее был настроен против замужества королевы, постепенно становились страстными приверженцами союза. Такие люди, как Шант Тенор, чье предубеждение ни для кого не было секретом, не смог долго противостоять обаянию аманского принца и теперь льнул к нему, как льнут к скалам моллюски. Он даже начал говорить о выгодах и преимуществах предстоявшего более тесного союза между Кендрой и провинциями, что еще несколько недель тому назад считал неприемлемым.

Остальные же горожане, такие, к примеру, как Кселла Поввис, относились к идее предстоявшей свадьбы с большей осторожностью, однако благоразумно держали свое мнение на этот счет при себе.

Кроме того, при дворе были и такие люди, как примас Гирос Нортем (именно сейчас он беседовал с королевой и Сендарусом), которые не были готовы поддерживать Ариву абсолютно во всем. Оркид не сомневался в добродетелях почтенного Нортема — однако примасу хватало мудрости, чтобы понять, что королева именно теперь постарается оказать максимальную поддержку его церкви. Несмотря на то, что бедные горожане никогда не перестали бы молиться, в таком королевстве, где вера всегда противостоит явной и демонстративной магии разного рода, именно королевская поддержка могла бы дать толчок к усилению церкви и вселила бы в аристократию дополнительное уважение к Единому Богу Нортема.

А вот отец Поул, правая рука Нортема, не внушал Оркиду ни малейшего доверия. Это был невысокий тщедушный человечек, всегда готовый приветливо заулыбаться, однако взгляд его серых стальных глаз оставался неизменно тяжелым. Недавно он сделался духовником Аривы, однако сама Ашарна говорила Оркиду о том, что Нортем не станет назначать Поула своим преемником. Оркид подозревал, что таково было желание Ашарны, которое Нортем обещал ей исполнить. По церковным правилам только сам Нортем и его названный преемник имели право знать истинное имя своего божества; надеялся ли отец Поул когда-нибудь услышать это имя, или ему было известно о том, что в качестве преемника Нортема он уже отвергнут? Кто-то из них мог стать для Оркида еще одним рычагом, на который ему придется нажимать.

К королеве и ее собеседникам присоединился прелат магии Эдейтор Фэнхоу, обменявшийся с Нортемом церемониальным приветствием. Оркид всегда считал величайшим достижением Ашарны как королевы то, что церковь и теургии она сделала союзниками, а не противниками. С тех пор, как она приняла церковь под свое по-

кровительство, не отказывая при этом в поддержке кабинету прелата, она жила в уверенности, что две эти могущественные силы станут опорой трона вместо того, чтобы вести перед его лицом вечную войну. Раскол между ними предоставил бы в руки врагов трона мощное оружие, и потому Оркид делал все, что только было в его власти, чтобы этого никогда не могло произойти.

Канцлер неспешно обошел весь приемный зал, спокойно и с достоинством отвечая на льстивые приветствия и исподтишка рассматривая тех гостей, которые держались ближе всех к Ариве и Сендарусу. Незаметной тенью возле них стоял Деджанус, на лице которого играла его вечная полуулыбка, а глаза выражали полную готовность отразить любой выпад против королевы. На какой-то миг взгляды Оркида и Деджануса встретились, и канцлер почувствовал пробежавшие по спине мурашки — так холоден был взгляд Деджануса.

Ну что ж, подумал он. Слишком много нам известно друг о друге для того, чтобы стать врагами, — но и друзьями мы никогда стать не сможем. Это, по мнению Оркида, было даже к лучшему: намного труднее стало бы уничтожить друга.

Эта мысль возникла у него неожиданно, и на мгновение он испытал нерешительность. Тотчас же его окружила толпа льстецов. Приветливо улыбнувшись, он извинился и притворился слушающим, однако его сознание лихорадочно работало, отыскивая источник посетившей его мысли.

Невольно его взгляд устремился к собственным рукам — к тем самым рукам, которыми он держал руки Береймы в тот миг, когда Деджанус перерезал горло короля. Тогда Оркида ошеломило количество крови, залившей королевский кабинет. Тем не менее канцлер ни на секунду не ощутил сожаления. Он никогда не испытывал любви к Берейме, и целых двадцать лет Оркида поддерживала величайшая идея. С такой же легкостью он мог бы поступить подобным образом и с тем щенком, Линаном. Но каково же было его истинное отношение к оставшимся в живых детям Ашарны?

Он снова посмотрел на Ариву, и на мгновение ему показалось, что он увидел старую королеву — такой, какой она была два десятка лет назад. Сердце замерло у него в груди. Да, он очень любил Ариву, он мог бы даже научиться поклоняться ей, как он поклонялся ее матери, — но было в ней что-то большее, что-то такое, что в глубине души волновало его. Лишь теперь он понял, что испытывал острую боль от ревности, от ревности к собственному племяннику. Осознав это, канцлер усилием воли заставил себя перейти мыслями к Олио.

Застенчивый, даже робкий принц за последние недели сильно изменился, стал сильнее и увереннее. Его по-прежнему мучило его ужасное заикание, однако в его манере держаться появилась властность. Что могло настолько изменить его — Ключ Сердца или то, что его сестра отчаянно нуждалась в поддержке? Оркиду всегда нравился Олио, однако сейчас канцлер подумал, что недалек тот час, когда принца придется опасаться. Олио всегда со всей пылкостью юности ставил Гренда-Лир выше самой Кендры с ее самовлюбленными Двадцатью Домами и торговцами, и потому Оркид долгое время благосклонно смотрел на него как на наследника. Более того, он видел в юноше принца, чьей обязанностью должна стать работа при дворе, в то время как Арива и Сендарус могли бы составить союз, пагубный для интересов Амана. Оркид подумал, что ему непременно нужно будет обратить самое пристальное внимание на юного принца.

А где же тем временем находился принц? Оркид обвел глазами зал и увидел Олио в окружении высоких чиновников, обступивших его и жаждавших его внимания. Еще совсем недавно Олио был бы чрезвычайно смущен такими проявлениями внимания к собственной персоне — однако за последнее время он научился относиться к подобным ситуациям спокойно, даже почти безразлично. Не успел Оркид отвести глаз от молодого принца, как тот оставил окружавших его чиновников и направился к сестре. Они с Аривой обменялись несколькими словами, после чего принц в сопровождении Эдейтора Фэнхоу покинул зал.

«Эти двое в последние недели слишком много времени проводят вместе, — подумал Оркид. — На какие только общие темы могут они беседовать?»

Как только Олио обрел уверенность в том, что сестра не могла его слышать, он спросил прелата о том, какие новости тот принес относительно приюта.

— Все готово, ваше высочество, — широко улыбаясь, ответил Эдейтор. — Примас Нортем держит свое слово. Уже поставлены десять кроватей для больных, он прислал еще одного священника, который будет все время заботиться о них. Ну, и я уже нашел нескольких магов для ухода за больными.

— Значит, теперь все, что нам нужно — это сами больные.

— Об этом для нас позаботятся священнослужители. Они постоянно навещают бедняков и тех, кто особенно нуждается, будут доставлять в приют. А когда пройдет еще немного времени, больные станут приходить сами.

— Д-д-достаточно ли будет десятка кроватей?

— На первое время достаточно. Однако примас сейчас обдумывает план постройки специального здания, в котором можно будет излечивать менее серьезных больных.

Олио удовлетворенно кивнул.

— Все это намного лучше, чем я ожидал. В конце концов я могу сделать что-то для моего народа.

Эдейтор, задумавшись, приложил палец к губам, но заговорить не решился.

Олио вздохнул, поняв невысказанное:

— Не думайте об этом, сударь.

— Но ведь мне не все равно, как целительство станет действовать на вас. Вы сами помните, как вы были утомлены после первого случая.

— Я убежден, что по мере того, как мы будем набираться опыта, исцелять станет намного легче.

Эдейтор пожал плечами.

— Для меня это тоже новое занятие, ваше высочество. Конечно, чем больше человек применяет магию на практике, тем легче она ему дается, однако Ключ — не простой талисман. Я помню, как ослабла ваша матушка после того, как исцелила горбуна.

— Но ведь она была уже больна и в преклонных годах.

— Это не подлежит сомнению, но ни один из нас не может быть уверенным в том, что если вы будете продолжать исцелять людей с помощью Ключа, это не окажет на вас определенного ослабляющего воздействия.

— Я буду осторожен, — заверил его Олио.

Эдейтор уловил в голосе принца волнение и решимость и подумал, что одной осторожности может оказаться мало. Он верил, что необходимо дать самые строгие указания своим магам для того, чтобы они не позволяли Олио изнурять себя.

Вниз по реке двигалось много барж, однако лишь час спустя после восхода солнца Дженроза увидела парус баржи, шедшей в противоположном направлении. Девушка позвала остальных, и когда баржу уже можно было хорошо рассмотреть, они начали размахивать руками и кричать. Шкипер баржи в ответ тоже помахал рукой, однако к берегу не повернул и продолжал свой путь. Друзья все еще посылали проклятия ему вслед, когда заметили вторую баржу, поднимавшуюся вверх по течению, и повторили свои действия. На

этот раз шкипер, невысокая женщина крепкого телосложения, приблизила баржу к берегу.

— Что вам нужно?

— Подняться по реке! — прокричал в ответ Камаль. — Да еще немного подкрепиться!

Несколько мгновений шкипер оглядывала их самих и их лошадей, потом спросила:

— Что я за это получу?

— Денег у нас нет, но вместо платы мы можем оставить тебе одну из наших лошадей, — крикнул Камаль.

Шкипер немного подумала, затем подвела баржу так близко к берегу, чтобы можно было бросить якорь, и достала две крепкие длинные доски, которые перебросила на берег. Когда друзья начали переводить на борт лошадей, она предупредила Камаля, что ее судно должно было дойти только до Даависа.

— Нам это подходит, — угрюмо буркнул он. Он не мог даже представить себе, куда Прадо намеревался доставить Линана, однако, оказавшись в Даависе, друзья по крайней мере получили бы хоть какой-то шанс обрести почву под ногами и напасть на след.

Они привязали лошадей к центральной мачте и помогли шкиперу убрать доски и поднять якорь.

— Однако твой груз не тяжел, — заметил Эйджер.

— Обычно я зарабатываю другим путем: доставляю в Спарро руду. Этот груз лишь покроет мои расходы.

Она кивком показала на лошадей.

— А в этот раз одна их них даже принесет мне доход.

После этих слов шкипер не была расположена продолжать разговоры, поэтому друзья нашли для себя место неподалеку от носа баржи среди тюков и ящиков.

— Как же мы сможем снова найти Линана? — спросила Дженроза.

Камаль пожал плечами.

— Мы доберемся до Даависа и там узнаем все возможное о барже, на которой его увезли. Если судно там не останавливалось, тогда мы продолжим подниматься вверх по реке до тех пор, пока не найдем какого-нибудь указания на его местонахождение.

— А если они вернутся?

— С этим мы ничего не сможем поделать, — угрюмо отозвался Камаль. — Мы не всесильны, и делаем только то, что можем.

— А по-моему, Прадо слишком спешил, чтобы ему пришла на ум такая хитрость, — произнес Эйджер. — Мне кажется, что

он направляется в Даавис либо для того, чтобы там с кем-то встретиться, либо для того, чтобы оттуда верхом отправиться на север в Хьюм.

— Дело становится все более и более странным, — сказала Дженроза. — Похоже, что они увозят Линана подальше от всех, кому только есть дело до того, жив он или мертв.

— Возможно, что королева Чариона могла бы оценить, если бы Линан оказался у нее, — произнес Эйджер, размышляя вслух. — Если бы она вернула его Ариве, то такой поступок непременно стал бы для нее средством победить в вечных торговых спорах с Чандрой.

— Если так, то все пропало, — мрачно заметила Дженроза. — Нечего и сомневаться в том, что они окажутся в Даависе раньше нас, а ведь это столица Чарионы.

Неожиданно Камаль поднял глаза и неуверенно предположил:

— А может быть, Прадо везет его в Хаксус.

— К королю Салокану? — ошеломленно спросил Эйджер. — Что может Салокан сделать с сыном своего злейшего врага?

— Убить его! — в ужасе воскликнула Дженроза.

Камаль покачал головой.

— Нет. Салокан далеко не глуп, и в Кендре есть его шпионы — так же, как наши шпионы есть при его дворе в Колби. Так что ему непременно станет известно обо всем, что произошло за последние несколько недель. Он использует Линана как оружие против Гренда-Лира, выдвинет его в качестве претендента на трон и завладеет королевством. В таком случае многие могут переметнуться под знамя Салокана — или, по крайней мере, станут лишь делать вид, что сопротивляются ему.

— Что ж, это не сильно отличается от наших намерений, — заметил Эйджер.

— Вовсе нет! Здесь огромная разница! — с неожиданной страстью воскликнул Камаль. — Мы собирались навести порядок в королевстве, восстановить Линана в его правах и положении и увидеть, как истинные убийцы Береймы будут схвачены и понесут наказание. Салокан же хочет нанести ущерб королевству — и не станет колебаться, используя Линана для того, чтобы осуществить свои планы. Его не заботят поиски справедливости и правосудия. Это наше дело!

Дженрозу обескуражила горячность Камаля. Девушка не могла понять, говорил ли он все это в свою защиту или же беспокоился о судьбе Линана. Камаль был — все еще оставался в собственных глазах — коннетаблем королевской гвардии Гренда-Лира, и

навести порядок в королевстве было его прямой обязанностью. Ей захотелось, чтобы ее цели были бы хоть отчасти так же благородны, однако на самом деле ее задача представлялась ей более неотложной: спасти Линана. Неожиданно ей открылось, что между ней и Камалем куда больше общего, чем ей казалось до сих пор. Она внимательно посмотрела на него, и на миг ей подумалось, что она смогла разглядеть человека под формой коннетабля и всеми его обязанностями человека. Его заботы о Линане были вызваны более сильным чувством, чем преданность юноше или память о генерале Чизеле. Он был Линану скорее отцом, чем телохранителем, и сейчас он боролся за жизнь собственного сына.

Эта внезапная догадка помогла девушке наконец разобраться в ее отношении к Линану. Он был для нее братом, но не возлюбленным.

Делало ли это Камаля и ее отцом? Подумав так, она не удержалась от улыбки. Нет, отцом он ей не был. Возможно, она испытывала к нему гораздо большее чувство, которое она сама пока не могла назвать. Невольно она покраснела и, отведя взгляд, стала смотреть на реку. Пока что ей самой было не под силу разобраться в своих чувствах.

Эйджер улегся на палубу и прикрыл глаза рукой, защищаясь от солнечных лучей.

— Что ж, все равно мы не можем решить, что делать дальше, пока не доберемся до Даависа, так что я собираюсь немного вздремнуть.

Камаль фыркнул — но, казалось, и он был бы не прочь отдохнуть. Дженроза отошла от них, встала на корме и начала вглядываться в коричневую речную воду. На мгновение ей захотелось стать рыбкой там, внизу, и плыть по жизни, не зная никаких забот.

«Нет, ты не должна даже думать о таких вещах, — мысленно сказала она самой себе. — В конце концов впервые в жизни ты начинаешь испытывать от нее наслаждение».

Эта мысль заставила ее снова улыбнуться.

ГЛАВА 23

Линан и Гудон вместе ехали верхом до тех пор, пока не добрались до подножия заросшего лесом горного хребта. Здесь Линан спешился, чтобы облегчить для коня подъем и провести его между выступавшими из земли переплетенными корнями старых деревьев. Гудон изо всех сил держался в седле, время от времени жалуясь на свою ужасную рану.

Около полудня они перебрались через небольшой ручеек, и Линан предложил ненадолго остановиться. Он помог Гудону слезть с коня и устроил его как можно удобнее, прежде чем еще раз накапать на его рану целебного снадобья хэту.

— Я должен перевязать твою рану, — сказал он четту.

Гудон отрицательно покачал головой.

— Она уже перестала кровоточить. На самом деле воздух будет для нее полезнее.

— Но она будет плохо заживать...

Гудон достал бутылочку с хэту.

— Только не с этим снадобьем, маленький господин. — Он протянул бутылочку Линану. — Смажь свою раненую челюсть. Тогда рана быстрее затянется.

Чтобы не обижать четта недоверием к целебным свойствам его зелья, Линан слегка смазал им свою рану. Кончики его пальцев почти мгновенно онемели. Он с благодарностью вернул снадобье Гудону.

— С тобой все будет в порядке, если ты на время останешься один? Я должен найти для нас что-нибудь съедобное.

— Нам надо было прихватить с собой нескольких погибших угрей. Из них получается замечательное жаркое.

Лицо Линана перекосила гримаса отвращения.

— После всего, что случилось сегодня утром, я ни за что не смогу взять в рот и кусочка этой гадости.

— Но ведь они были готовы съесть тебя — было бы только справедливо закусить ими в свою очередь.

Линану не пришлось уходить далеко в поисках еды. Он быстро набрал ягод и орехов, нашел семейку грибов, а на обратном пути ему встретились белые цветы с медовыми стеблями. Они с Гудоном быстро насытились и напились свежей воды из ручья.

— Этот хребет находится недалеко от середины гор Уферо, — сказал Линану Гудон. — Много-много лет назад я шел этой дорогой на восток. Если мы направимся дальше на северо-запад, то будем надежно скрыты от чужих глаз, а на пути нам будет встречаться множество ручьев и достаточно пищи до тех пор, пока мы не окажемся на другой стороне горной цепи.

— А что потом?

— Там ты должен будешь сам решить, что делать дальше. Я должен идти в Зеленое Море, в Океаны Травы. Для меня настала пора вернуться к своему народу. Но ты, если только пожелаешь, сможешь повернуть на север, в Хаксус, или обратно на юг.

— Меня похитили, разлучив с друзьями. Они станут искать меня.

— А куда вы направлялись?

— Мы собирались добраться до Океанов Травы.

Гудона это, казалось, удивило.

— Люди с юга редко приходят туда.

— У нас были для этого свои причины, — мрачно сказал Линан.

— В этом я не сомневаюсь. — Гудон слегка похлопал Линана по плечу. — Значит, мы должны идти дальше вместе. Твои друзья непременно придут туда и найдут там тебя.

— Этого не случится, если они решат, что меня нет в живых.

— Если они действительно твои друзья, то они должны быть уверены в том, что ты все еще жив, маленький господин.

— Гудон, пожалуйста, не называй меня так. Ведь я не господин тебе.

Однако прежде, чем Линан успел глазом моргнуть, Гудон протянул руку к его шее и вытащил из-под его рубашки Ключ Единения.

— Прости меня, маленький господин, но ты ошибаешься.

Линан схватил Ключ и спрятал его снова.

— Откуда ты узнал?..

— Когда благородный господин принес тебя на борт моей баржи, Ключ свешивался с твоей шеи. Конечно, я его узнал. Да и какой четт не узнал бы его? Это символ правления вашей семьи нашим народом. Должно быть, я выглядел слишком ошеломленным, потому что Прадо ударил меня.

Линан невольно отступил от Гудона.

— Что ты будешь делать теперь? — подозрительно спросил он.

— То же, что я делаю сейчас. Я буду помогать тебе добраться до тех мест, где ты окажешься в безопасности.

Линан сглотнул от волнения.

— Прости меня. Я научился быть недоверчивым.

— Если вы научитесь доверять мне, я почту это за великую честь... ваше величество, — с величайшим почтением ответил Гудон.

Линан покачал головой.

— Нет, не так. Я вовсе не король. Теперь в Кендре правит моя сестра Арива.

— То же самое слышали мы на реке, — осторожно подбирая слова, произнес Гудон. — Я не стану брать обратно свое обращение к вам, но лучше всего будет, если я приведу вас к своему народу. Там живут люди, которые дарят вам убежище, — а может быть, и более того.

— Более того?

— Я не могу пока сказать вам всего. Вы должны пойти и увидеть все своими глазами.

Как только конь достаточно отдохнул, Линан и Гудон отправились дальше. Земля на склоне становилась все более каменистой, и теперь им приходилось двигаться медленнее. Над их головами нависали тяжелые ветви деревьев, воздух постепенно стал тяжелым и влажным.

После недолгого молчания Линан спросил:

— А долго ли ты был шкипером на барже?

— Много, много лет. Вся моя юность прошла на реке.

— Но ведь ты не собирался становиться моряком?

— Нет. Я не мог знать, как закончится мой путь из Океанов Травы. Судьба заставила мои ноги идти по той тропе, которая привела меня к Барде.

— Судьба и указания, — спокойно произнес Линан.

— Что хочет сказать этим маленький господин?

— Как у моряка, у тебя есть причина путешествовать между столицами Хьюма и Чандры. Ты выслушиваешь от своих пассажиров сплетни и разные истории, видишь, какие перевозятся грузы, в том числе и передвижение армий, и у тебя есть возможность беседовать с путешественниками...

Лицо Гудона осветила улыбка.

— Судьба может принимать множество образов и форм. Что касается меня, то для меня это был не король, а принцесса, хотя сейчас она и стала королевой. А теперь моя очередь спросить вас: что вы теперь будете со мной делать?

— То же самое, что делаю сейчас, — ответил Линан, не пытаясь скрыть легкую иронию. — Буду помогать тебе добраться до безопасных мест.

Женщина-шкипер увидела опустевшую баржу и громко выругалась. Камаль поднялся, чтобы посмотреть, что случилось.

— Бедняга Гудон! — воскликнула она. — Уж кто-кто, а он ничем не заслужил такой судьбы!

Теперь поднялись и Эйджер с Дженрозой. Им не понадобилось много времени, чтобы понять, о чем сокрушалась шкипер.

— Это... — начала Дженроза, но не смогла закончить вопрос. Меньше всего ей хотелось услышать ответ.

— Подведи нас поближе! — велел шкиперу Камаль.

— Даже не подумаю! Посмотри на эти деревья: ты видишь, как низко нависли над водой их ветви? На них полным-полно гнезд угрей-людоедов! Если мы подойдем ближе, они могут точно так же наброситься на нас!

— Подведи нас ближе или будь проклята! — угрожающе повторил Камаль и направился на корму, чтобы убедиться в том, что она повиновалась его приказанию.

Женщина-шкипер снова запричитала, однако осторожно повернула свое судно и подвела его ближе к берегу. Эйджер взобрался на носовой планшир и стал приглядываться к палубе осиротевшей баржи.

— Здесь случилась беда, — процедил он сквозь зубы. — Я вижу по крайней мере двух мертвых коней.

— А есть какие-нибудь тела? — спросила Дженроза.

— Трудно сказать. Палуба сплошь залита кровью и покрыта мертвыми угрями. Разве что одно... нет, пожалуй, два тела! Подведи нас ближе!

Шкипер задрожала, однако под полным ярости взглядом Камаля сильнее налегла на рулевое весло. Эйджер попросил Дженрозу придержать его за плащ и едва ли не всем телом навис над водой.

— Один чересчур высок для того, чтобы это был Линан. А вот второй... я просто ничего не могу сказать. От лица ничего не осталось, и слишком много крови, так что одежду хорошенько не разглядеть.

Дженроза потянула его назад, и они подошли к Камалю на корму.

— Мы должны высадиться, — решительно сказал Камаль.

Тотчас же вода рядом с баржей точно закипела, и из реки вылетело несколько омерзительных черных и красных тварей с зубами, похожими на ножницы. Все они плюхнулись на палубу и стали извиваться, пытаясь вцепиться во что-нибудь, что можно было бы достать. Трое друзей отпрянули назад. Шкипер с силой ударила по рулю и потянула за канаты. Баржа накренилась и скользнула на середину реки.

— Здесь я не стану останавливаться, даже если ты изрубишь меня на мелкие кусочки своим мечом, — заявила она Камалю, глядя на него полными ужаса глазами.

— Она права, — напряженным голосом поддержал шкипера Эйджер. — В этом месте река слишком мелкая — баржа не сможет подойти достаточно близко к берегу. Нам пришлось бы пробираться по воде — а это значит, что все мы погибли бы прежде, чем наши ноги коснулись бы твердой земли.

— Но что ты скажешь о Линане? — выкрикнул Камаль. — Что, если он все-таки остался в живых? Может быть, он сейчас где-нибудь на берегу, и ему необходима наша помощь...

— Если Линан уцелел в реке, то он либо погиб на берегу от потери крови, либо уже ушел далеко отсюда. А если так, то нам нужно найти его следы и идти по ним.

— Далеко ли до ближайшего места, где мы могли бы высадиться на берег? — спросила Дженроза женщину-шкипера.

— Если вы хотите забрать с собой лошадей, то такое место будет отсюда лигах в трех.

— Но на каком берегу? — спросил Камаль.

— Он не смог бы остаться в живых, если бы попытался плыть к восточному берегу, — ответил Эйджер. — Угри расправились бы с ним мгновенно. Если он жив, то искать его нужно к западу от Барды.

— Значит, отправляемся туда, — заявил Камаль.

Им всем казалось, что баржа тащится слишком медленно, что прошли долгие часы, пока они не добрались до нужного места, однако солнце еще не достигло полуденной точки, когда шкипер повернула баржу к берегу и бросила якорь. Доски оказались не настолько длинными, чтобы можно было по ним сойти на берег, так что лошадей пришлось тянуть за поводья и вытаскивать силой на скользкую землю.

Как и договорились, одну лошадь друзья оставили шкиперу вместо платы.

— Я не доставила вас в Даавис, как договаривались, — сказала добрая женщина-шкипер и, чтобы покрыть разницу в оплате, дала им в дорогу двухдневный запас еды.

— Счастливого пути! — попрощалась она. — Надеюсь, что вам удастся найти вашего товарища.

Не прошло и часа, как друзья добрались до опасных зарослей на берегу и увидели за деревьями опустевшую баржу с грузом, от которой уже начало распространяться зловоние под жаркими солнечными лучами. Очень быстро они обнаружили на берегу следы двух людей и коня.

— Я думаю, что вот эти следы принадлежат Линану, — заявил Эйджер. — Они слишком малы для Прадо или кого-то из его сообщников.

— Вторые следы крупнее, однако шаги короче, и за ними тянется кровавый след — смотрите, как много крови, — сказал Камаль.

— Должно быть, это следы шкипера, — предположила Дженроза.

— А может быть, и нет, — мрачно возразил Эйджер.

По вторым следам Камаль добрался до колючих кустов.

— Здесь следы встречаются, потом следы Линана уходят к западу... — Он остановился и стал внимательно вглядываться в землю... — а потом опять возвращаются сюда... и опять уходят, но впечатление такое, будто они теперь намного глубже. Он тащит что-то тяжелое.

— Второго уцелевшего, — произнес Эйджер, склонившись рядом с Камалем. — Тогда Дженроза, пожалуй, права. Скорее всего, это шкипер. Не стал бы Линан тащить с собой Прадо или кого-то из его молодцов.

— Но ведь с Прадо было двое сообщников, — заметила Дженроза.

— Куда, в таком случае, делся один из этой троицы?

Эйджер пожал плечами.

— Может быть, его тело сейчас в реке — и скорее всего, от него не осталось ничего, кроме обглоданного скелета.

Надежда возродилась в сердцах спутников, и они направились вдоль цепочки следов на запад.

Так они прошли около половины лиги и обнаружили здесь конский след.

— Они верхом направляются на запад, — сказал Эйджер, указывая на горный хребет, видневшийся впереди. — Они едут в лес.

— Ловкий парнишка наш Линан, — выдохнул Камаль. — Они не могли отъехать слишком далеко. Скорее всего, они сейчас не дальше, чем в четырех часах езды от нас.

— Они окажутся дальше, несмотря на то, что коню, должно быть, приходится нелегко, — произнес Эйджер. — А нам придется ехать медленнее, чтобы не потерять след.

Лишь после полудня Линан добрался до вершины хребта. Путь был тяжелым — ведь юноше приходилось карабкаться наверх и еще вести в поводу коня. Гудон спал в седле, иногда он сбрасывал дремоту, похлопывал коня, улыбался Линану — и тут же снова начинал клевать носом. Но теперь, когда из-под деревьев они вышли на залитую солнцем поляну, четт окончательно проснулся и попытался соскользнуть с седла.

— Что ты делаешь? — с ужасом воскликнул Линан, пытаясь остановить его.

— Нет, нет, молодой господин! Мне нужно встать на ноги. Много лет мне не приходилось передвигаться верхом, и теперь мои бедра и спина ноют так, будто они навечно отделились от тела.

Он осторожно ступил на землю здоровой ногой, придерживаясь за седло, и медленно расправил затекшие мышцы.

Задул прохладный ветерок. Вершина хребта оказалась замечательным наблюдательным пунктом, и Линану было хорошо видно, что на западной стороне хребет круче, чем на восточной, а у его подножия раскинулась широкая сухая равнина без единого деревца и без всяких признаков жизни; она простиралась на север до подножия гораздо более высокой вершины. За этой горой виднелись другие высокие вершины, некоторые из них были покрыты снежными шапками. Линан оглянулся назад и увидел сплошные горы — хотя и не такие высокие, как на севере.

— Это пустыня Лессер, — сказал ему Гудон, указывая на голую равнину. — Она тянется почти по всей длине хребта Уферо. А к югу отсюда берет начало река Гелт, которая впадает в залив Пустельги.

Линан смутно припомнил, что когда он с друзьями выбрались из Кендры, то собирались прежде всего добраться до реки Гелт. Это воспоминание навело его на размышления о том, как сильно могло бы облегчиться их путешествие, если бы их, напуганных появлением военного корабля, не выбросило на злополучную скалу. Они бы смогли благополучно подняться до середины реки Гелт, а потом добрались бы по ее берегу до этих гор. Они не столкнулись бы ни с медведями, ни с вампирами, не встретились бы с Прадо, не увидели бы угрей-людоедов.

— К северу отсюда есть проход через горы, — продолжал Гудон. — Он называется ущелье Алгонка. Это часть караванного пути, и по нему мы доберемся до границ Океанов Травы. В конце караванного пути есть небольшое озерцо, мы называем его Суак Странников.

— Возле этого суака мы сможем найти убежище?

Гудон молча пожал плечами.

— А далеко ли отсюда до этого прохода?

— По меньшей мере два дня пути. Мы должны оставаться по эту сторону гор. Здесь мы сможем найти воду, но все равно путь предстоит не из легких.

Линан вытер вспотевший лоб и пробормотал:

— Замечательно.

Гудон, помогая себе руками, вскарабкался в седло без помощи Линана и невольно поморщился, когда неосторожно задел седло поврежденным коленом.

— Что ж, могло быть и хуже, — проговорил он сквозь зубы.

— Куда уж хуже?

— Маленький господин, вы могли бы оказаться единственным раненым из нас двоих, и мне пришлось бы идти в одиночку.

Стояла уже глубокая ночь, усталый и голодный Рендл вел нескончаемый спор с квартирмейстером Чарионы о припасах для своего отряда. Он находился не в лучшем расположении духа, когда, откинув полог, в его палатку вошел Эдер.

— Хорошо было бы, если бы ты принес добрые вести, Эдер.

— К вам посетитель, — коротко произнес Эдер и отодвинулся в сторону.

В первый миг Рендл не смог узнать вошедшего, несмотря на то, что Эдер зажег второй светильник.

— Кто?.. — начал было возмущенный Рендл, но в следующий миг искривленные губы и горбатый нос пробудили его память. — Прадо?

— Он самый, — ответил Джес Прадо и, не дожидаясь приглашения, опустился на скамейку Рендла. Он бережно придерживал руку, а его одежда была окровавленной и рваной.

Рендл налил в кружку вина и протянул его Прадо.

— Что с тобой случилось? Я не ждал тебя раньше завтрашнего дня. Ты нашел принца?

Прадо двумя большими глотками осушил кружку и протянул ее за новой порцией. Рендл молча наполнил ее.

— Принца мы нашли быстро, — произнес Прадо сиплым голосом. — И нам даже удалось довезти его до реки Барда. Однако после этого мы потеряли мальчишку.

Лицо Рендла приобрело каменное выражение, однако его голос оставался ровным:

— Потеряли его?

Прадо отпил еще глоток вина и начал громко рыгать. Рендл забрал у него кружку, подождал, пока тот не прекратил, затем протянул кружку обратно. Прадо встретился с ним глазами и тут же отвернулся, увидев выражение глаз Рендла.

— Но я знаю, куда он направляется, — быстро проговорил он. — За нами гнался Камаль со своими спутниками...

— С горбуном и девчонкой?

— Да. Мы едва успели добраться до реки и нанять баржу. Поначалу шкипер вел ее нормально, а потом резко свернул к берегу в самую гущу гнезд угрей-людоедов.

 Эдер побледнел, однако Рендл даже глазом не моргнул.

— Что было потом?

— Твари убили двух лучших моих людей и двух моих коней. Я успел увидеть, как шкипер перебросил Линана через борт, а потом оседлал одного коня и заставил его прыгнуть в реку. Я видел, как людоеды набросились на них, пока они плыли к берегу. Но еще больше угрей налетело на баржу. Я прыгнул в реку с другого борта в надежде на то, что их больше привлекут шкипер с конем. Я оказался прав...

— Дальше! — рявкнул Рендл без малейшего проявления симпатии.

— Когда я добрался до берега, то потерял сознание. Не знаю, сколько времени я так пролежал. Когда я пришел в себя, то увидел, как Линан тащит шкипера прочь от реки, держа направление на запад.

— А что с конем?

— В реке не оказалось его скелета. Думаю, что он мог убежать.

— И как ты думаешь, куда направляется Линан?

— Шкипер был четтом, — ответил Прадо. — Я думаю, что они будут двигаться к Океанам Травы. Куда еще может направляться принц?

— Как тебе удалось добраться до Даависа?

— Меня доставила другая баржа, которая шла вверх по реке. Мне пришлось отдать шкиперу последние деньги.

Он допил вино, но не решился еще раз протянуть кружку.

Рендл и Эдер переглянулись, Эдер понимающе кивнул и вышел из палатки.

— Как ты думаешь, ты сможешь ехать верхом? — спросил Рендл.

— Дай мне отдохнуть хотя бы ночь, и тогда я...

— Сейчас же, — перебил его Рендл. — Если мы хотим вовремя оказаться в ущелье Алгонка, чтобы перехватить принца, то должны выехать немедленно. Если ты прав, и Линан направляется к Океанам Трав, то другим путем ему не пройти.

— Сколько человек ты возьмешь с собой?

— Я возьму весь отряд, Прадо. Мне совсем не хочется оказываться где-нибудь рядом с четтами, не имея с собой достаточного количества солдат.

Вернулся Эдер.

— Я отправил гонцов. Отряд уйдет из Даависа небольшими частями и соберется вместе в четырех километрах к северу от города.

— Распорядись, чтобы убрали палатки, — отдал приказ Рендл. — Мы сюда не вернемся.

Он повернулся к Прадо.

— А ты отправишься с нами. Если мы захватим Линана, то я, может быть, прощу тебя за все, что ты наделал. Ну, а если нет... — Тут он налил еще вина в пустую кружку Прадо. — ...Тогда я смогу продать тебя четтам.

ГЛАВА 24

Утром следующего дня, на взгляд Линана, колено Гудона не стало выглядеть лучше, однако шкипер уверял его, что боль намного уменьшилась. Линан снова обработал обе их раны снадобьем хэту. Они позавтракали горсточкой ягод, которые нашлись поблизости, а потом опять отправились в путь, перебираясь через крутые места, ставшие скользкими из-за сорвавшихся камней.

Линану стало ясно, что самой трудной частью пути был не подъем, а спуск; ему приходилось прилагать все силы к тому, чтобы самому удержаться на ногах и вместе с этим внимательно и осторожно вести коня по каменистому склону. Мышцы и суставы его ног очень скоро так заныли, что ему стало казаться, будто он уже никогда не сможет ходить нормально, а между тем, несмотря на все его усилия, продвигались они очень медленно. Местность, по которой они продвигались, ничуть не менялась. Однако Гудон с мягким юмором и уверенностью продолжал указывать направление и всячески подбадривал юношу.

Высокое небо было затянуто тучами, отчего Линан испытывал в душе невероятную тоску, и хотя из-за туч в воздухе было прохладно, помимо прохлады в нем чувствовалась сырость. Путники время от времени останавливались, чтобы Линан и конь могли немного отдохнуть. К полудню они набрели на заросшую деревьями лощину и ручей, вода в котором оказалась такой холодной и свежей, что отлично подкрепила их силы. Гудон даже попытался стоять без поддержки и смог самостоятельно пройти три шага, после чего Линан помог ему сесть.

— Вот видите, маленький господин, я же говорил вам, что хэту — целебное снадобье.

— Мне хотелось бы, чтобы оно исцелило тебя настолько, что ты бы смог хоть немного провести коня. Ему совсем не по душе эти каменистые уступы.

— Да, пожалуй, даже больше, чем вам.

— Далеко ли еще до ущелья Алгонка?

— Мы доберемся до него завтра — может быть, даже утром. Спуск предстоит нелегкий, но как только мы окажемся вни-

зу, то попадем на ровную дорогу, которая приведет нас к самому Суаку Странников.

— А как далеко от прохода до Суака?

— На это уйдет еще один день.

Неожиданно Гудон начал копать твердую землю под деревом, каких Линану до тех пор встречать не приходилось.

— Такие деревья очень редко встречаются по эту сторону гор Уферо, — произнес взволнованный четт. Он копал до тех пор, пока корни дерева не обнажились настолько, что можно было подцепить один из них рукой. Гудон потянул корень из земли пару раз и поднял его в воздух. Затем с помощью небольшого ножичка, который он достал из-под своей рубахи, он отделил корень от главного ствола и стал очищать его. Верхний слой коры сходил легко, обнажая молочно-белую древесную плоть. Четт разрезал корень надвое и протянул половину Линану.

— Мы называем это божьим корнем, — сказал он и тут же набил полный рот. — Мы пользуемся им, когда приправляем пищу.

Линан последовал его примеру. Корень оказался мягче, чем он мог себе представить, однако был очень волокнистым. Поначалу его вкус показался Линану сладковатым, однако в следующий миг он почувствовал сильное жжение на языке и в горле. Ничего более ужасного ему не приходилось испытывать. Он выплюнул изо рта древесную жвачку и стал жадно пить воду из ручья.

— Что вы им приправляете? Кожу?

Принц чувствовал себя так, будто проглотил горящую ветку.

— Четты широко используют его, когда готовят. Если его на несколько дней оставить на солнце, потом растереть в порошок и добавить воды, получится хэту. А если бросить горсточку такого порошка в ручей или в реку, то рыба всплывет наверх, и ее будет легко поймать. А если натереть его соком кожу, то вам не будут страшны никакие насекомые.

— Это меня не удивляет.

— Это самое удивительное из всех растений на свете.

В желудке у Линана заурчало, и он подумал, что было бы хорошо найти что-нибудь более существенное, чем случайные ягоды или орехи, и подкрепиться.

В течение дня тучи разошлись, и очередным мучением для Линана стала наступившая жара. Несмотря на то, что спуск понемногу стал более пологим, теперь им идти приходилось по настоящим скалам, выступавшим из земли и окруженным выветренными

оврагами. Конь все больше капризничал, показывал норов, и его становилось все труднее держать. Один раз Гудон пропел что-то протяжное, отчего животное ненадолго успокоилось, однако после его пения над горами задул теплый ветер из пустыни Лессера.

— С песнями нужно обходиться осторожно, — вздохнул четт. — За любую магию непременно приходится чем-нибудь расплачиваться.

— Вероятно, — кисло отозвался Линан, часто моргая, чтобы пот не попал в глаза. Его уши и нос нещадно жгла жара. — Так для чего ваша принцесса отправила тебя к Барде?

Гудона, казалось, этот вопрос нимало не удивил, и он ответил без видимого колебания:

— Наемники из Хьюма и Хаксуса стали центром проклятой работорговли, и большинство своих жертв они находили среди моего народа. А рекой Бардой они пользовались для того, чтобы переправлять нас в Даавис на продажу.

— Но все это было много лет назад.

— У нас долгая память. Мы выставляем сторожевые посты, мы внимательно прислушиваемся ко всему, мы нюхаем воздух. Мы не позволим работорговцам снова поднять голову и завладеть нами, как это было прежде.

— Но все знают, что четты — сильные и умелые воины. Почему же вы не остановили их тогда?

— Много веков четты жили маленькими племенами, в каждом из которых насчитывалось не более сотни человек. А когда враг в три или даже в четыре раза сильнее тебя, а ты вдобавок должен защищать детей и скот, твоя храбрость перестает иметь значение. В конце концов мы стали собираться вместе в большие племена — однако вожди слишком много спорили между собой о том, кто должен взять на себя охрану. Мы дрались между собой почти столько же, сколько воевали с работорговцами. В конце концов отец нашей принцессы победил других четтов в большом сражении возле суака, который называется Верхним, и после этого мы начали думать о том, как бороться с врагами.

— Ваша армия была достаточно большой для того, чтобы справиться с ними?

— Не за одно сражение, маленький господин. Океаны Травы очень велики, и в них живет гораздо больше людей, чем может себе представить кто-нибудь на востоке, — но все же нас не так много, чтобы мы могли захватить богатые земли Хьюма или Хаксуса. Но мы могли совершать набеги и изматывать врагов. Однако до этого так и не дошло.

— Почему?

Гудон нагнулся и слегка похлопал Линана по плечу.

— Благодаря вашей матери и вашему отцу. Она приказала разгромить работорговцев, и он выполнил ее приказание.

Линан залился краской. Всю жизнь, с тех пор, как он себя помнил, он гордился своим отцом, как генералом-победителем, — но всегда это оставалось очень личным его чувством, не принося истинного понимания того, что значили победы Элинда для других людей. Внезапно у него возникла неожиданная догадка.

— Прадо был одним из капитанов наемников и работал на работорговцев?

— Да. Я никогда не видел его раньше, но всем четтам известно, как он выглядит, и все они знают его имя. Надеюсь, что людоеды джайзру дочиста обглодали его кости.

— Я тоже надеюсь на это, — отозвался Линан, прикоснувшись к своей ране. — Очень надеюсь.

— Сюда! — крикнул Эйджер. — Сюда, ко мне!

Камаль и Дженроза прекратили вглядываться в землю и подошли к Эйджеру, стоявшему на краю лощины. Эйджер держал в руке бесформенный белый комок.

— Поздравляю, — разочарованно произнес Камаль. — Что это такое, и что ты собираешься с этим делать?

Эйджер бросил предмет Камалю, тот поймал его и внимательно оглядел.

— Видишь следы зубов?

— Их мог оставить кто угодно.

— А ты обрати внимание на то, как ровно срезан корень с одной стороны.

Камаль вгляделся пристальнее.

— Да, пожалуй, ты прав.

— И вот сюда еще погляди, — сказал Эйджер, показывая на землю. — Их трудно увидеть, потому что земля здесь очень каменистая, но это, без сомнения, следы копыт.

Дженроза с облегчением вздохнула:

— Значит, Линан шел этим путем.

— Боитесь, как бы ваша магия вас не подвела? — насмешливо спросил Камаль.

— Я же назвала вам направление, в котором они двигались, — укоризненно ответила она.

— Ну что ж, теперь мы можем точно сказать, куда они направляются, — быстро ввернул Эйджер, по очереди взглянув на них обоих. Камаль и Дженроза стали вспыльчивыми с того момента, как они потеряли следы, по которым шли предыдущей ночью.

Камаль кивнул.

— К ущелью Алгонка.

— В этом есть смысл. Ведь мы все время собирались добраться до Океанов Травы, а отсюда это единственный путь.

— По крайней мере, он не пытается пересечь пустыню Лессер.

— Он мог бы поступить именно так, если бы шкипер, которого он спас, не знал дороги, — заметил Эйджер.

— Здравомыслие удержало бы его от перехода через пустыню, — возразил Камаль.

— Но все же он не знал бы, как двигаться вдоль гор Уферо и в каком направлении.

— Давно ли они были здесь? — спросила Дженроза.

— Часов пять назад, а может и больше.

— Они сильно опережают нас, несмотря на то, что шкипер ранен.

— Так получилось, потому что нам пришлось заново искать следы. А теперь, когда мы уверены в том, что они держат путь к ущелью Алгонка, мы можем направиться прямиком туда. Мы могли бы оказаться на месте вскоре после них.

— А почему бы нам не попытаться добраться до прохода раньше, чем они? — спросил Камаль. — Мы могли бы идти ночью.

— По этому склону? Не думаю, особенно если ты не хочешь потерять лошадей. Здесь трудно двигаться даже днем.

Камаль не стал спорить.

— Ладно, твоя взяла. Но тогда давайте поспешим. Чем большее расстояние нам удастся пройти до захода солнца, тем спокойнее будет у меня на душе.

Прадо уже начал страстно жалеть о том, что его не съели джайзру. Последние жалкие остатки сил ушли на то, чтобы удержаться на коне, которого дал ему Рендл. После четырех часов быстрой езды, когда первые закатные лучи озарили небо, отряд остановился на получасовой отдых. Рендл направил врача осмотреть раны Прадо, и целитель смазал их какой-то вонючей мазью, от которой боль немного отпустила, но усталость оставалась прежней.

Все утро отряд двигался, не упуская из виду реку Барда, направляясь на северо-запад в сторону гор Уферо и ущелья Ал-

гонка. Когда наемники проезжали по крестьянским полям, крестьяне осыпали их угрозами, и Эдеру пришлось с презрением швырнуть каждому из них по горстке монет. Торговцы скотом выкрикивали в их сторону самые страшные проклятия, когда солдаты рассеивали табуны лошадей и мулов, поднимая при этом тучи пыли, однако на такие мелочи Эдер уже не обращал внимания.

Перед наступлением полудня Рендл дал команду остановиться. Солдаты позавтракали холодными кусками сушеной говядины, а сам Рендл выслал вперед самых быстрых всадников, приказав им обнаружить Линана и, буде это окажется возможным, схватить его и удерживать до подхода подкрепления — либо в случае, если они встретят четтов в любом количестве, срочно отправиться назад и предупредить об этом отряд.

Отряд двигался с огромной скоростью в самую жаркую пору дня. Эдер просил Рендла перейти на более спокойный шаг, однако Рендл оставил эту просьбу без ответа. Когда кони начали отставать, задыхаясь от жары, хромая или страдая от жажды, а их всадники уже не могли держаться вместе с отрядом, они оставались позади, чтобы догнать остальных, как только это станет возможно.

Когда дорога повернула на запад и побежала вдоль Барды, Рендл позволил отряду остановиться еще на полчаса, чтобы напоить измученных коней. Когда отряд снова двинулся вперед, далекие горы стали медленно увеличиваться в размерах, далеко отбрасывая огромные тени.

Прадо накрутил поводья на ладони и таким образом умудрялся не падать с седла. Дорога была чересчур пыльной, и теперь он мечтал лишь о глотке свежего воздуха. Поводья врезались в кожу, однако эта боль казалась пустяком по сравнению со всеми страданиями, которые ему приходилось испытывать.

Рендл заставлял отряд погонять лошадей без устали до тех пор, когда передвигаться верхом стало невозможно из-за опустившейся темноты. Стоило ему отдать приказ об остановке, как солдаты стали падать с лошадей, а животные стояли, дрожа, как в лихорадке, покрытые обильным потом. Рендл обошел лагерь, не позволяя себе лечь до тех пор, пока он не перемолвился хотя бы словом с каждым из своих людей, подбадривая их, одаривая щедрыми посулами и предупреждая о важности возложенной на них задачи. Когда он закончил обход, повсюду уже горели костры, а напоенные лошади улеглись на землю. Потом он постоял в одиночестве на краю лагеря, вглядываясь в неясные очертания гор, точно мог приблизить

их этим напряженным взглядом. Вскоре к нему подошел Эдер с кружкой теплого пива. Осушив ее, Рендл вернул пустую кружку Эдеру.

— Еще только один день, — сказал он.

— Люди не смогут выдержать такого напряжения даже еще один день. Кони станут падать замертво.

— Завтра мы сбавим скорость. — Услышав, что Эдер с облегчением вздохнул, он повернулся к нему. — Но сбавим ненамного. Мы должны добраться до нужного места вовремя, чтобы найти там принца Линана.

— С Прадо может стать совсем плохо. А Линан, возможно, направляется совсем в другое место.

— А куда же еще он может направляться? Он находится вне закона во всем королевстве. У него есть надежда только на то, что ему удастся скрыться в Океанах Травы.

— Может быть, он движется прямо на север, в Хаксус, — предположил Эдер.

— Нет. Там может укрыться кто угодно, только не сын Элинда. Во время войны Хаксус был основной базой армий работорговцев.

Эдер опустился на землю.

— А как будет сладко передать его королю Салокану.

Эта мысль, высказанная вслух, заставила его улыбнуться.

Гудон спал, а Линан, лежа на спине, вглядывался в ночное небо. Он знал единственную звезду, которая называлась Леуртас, и теперь он видел эту звезду прямо над горизонтом на юге. «Там Кендра», — подумал он, ожидая, что сейчас испытает жестокую тоску по родному дому. Однако вместо этого он ощутил некую отчужденность. Неужели Кендра перестала быть для него домом? Подумав так, он попытался разобраться в своих чувствах по отношению к прежней жизни, которая для него так внезапно закончилась. Тотчас же ему вспомнилось ощущение надежности и безопасности, размеренность жизни изо дня в день. Тогда он мысленно задал себе вопрос об отношениях с людьми и о друзьях — и тут же понял, что сейчас хотел бы увидеть снова лишь Олио и Пайрема. Но теперь Олио был самым близким человеком для его злейшего врага, для сестры Аривы, — а Пайрем погиб, спасая его жизнь. А все его друзья, которых он обрел в целом свете, сейчас были где-то далеко — может быть, искали его, а может быть, пытались найти надежное укрытие. Может быть, их даже не было в живых. Сейчас он отдал бы что угодно, лишь бы ус-

лышать грубоватое ворчание Камаля, или предложение Эйджера померяться ловкостью в бою на коротких мечах, или даже стать жертвой какой-нибудь насмешливой реплики Дженрозы.

Он закрыл глаза и принялся думать о Дженрозе. Когда-то он испытал мгновенную тягу к этой девушке, а теперь не мог понять, какие чувства испытывает к ней сейчас; она была его другом, его спутником, но больше ничего в его душе не встрепенулось. От этого он тоже почувствовал разочарование. Может быть, той ночью в харчевне ему следовало проводить ее в ее комнату — по крайней мере, в таком случае Прадо со своими бандитами не смог бы похитить его.

Гудон пошевелился во сне и пробормотал что-то на непонятном для Линана языке. «Вот он я, — подумал Линан, — в самом центре проклятых гор, вместе с изувеченным четтом и усталым конем. Мне надо было бы в своем отчаянии заползти под камень и не двигаться». Однако вместо отчаяния он испытывал сейчас что-то совсем другое... он не мог подобрать нужного слова, но в конце концов понял, что самым верным определением было бы «удовлетворение», и это немало его удивило. Ничего подобного он не ожидал. Однако, поразмыслив еще немного, юноша понял, в чем заключались причины такого ощущения. Он все еще был жив, он находился в двух днях пути от какого-то неизвестного убежища, а если его могущественные недруги вообще думали о нем, то именно как о возможной угрозе для их благополучия.

Он снова нашел в небе Леуртас и посмотрел на него так сердито, будто эта ни в чем не повинная звезда представляла все те силы на юге, которые желали, чтобы он погиб, пропал, и сама память о нем стерлась бы. В сердце Линана вспыхнуло холодное пламя ярости, и чувство удовлетворения обострилось.

«Я буду жить, — мысленно пообещал он далекой звезде. — Я непременно вернусь, чтобы получить то, что принадлежит мне, кто бы ни пытался мне в этом помешать. Я принц Линан Розетем, сын королевы Ашарны и Элинда Чизела, и я владею Ключом Силы».

ГЛАВА 25

Наступил момент, когда Линана и Гудона обступили чахлые деревца и кустарник, их ноги и копыта коня заскользили на каменистой осыпи, а спустя еще несколько мгновений, едва не упав, они оказались на ровной поверхности. Над ними возвышались подобные каменным великанам серые и мрачные склоны гор Уферо. Впервые за

два дня Линан увидел цветущие растения и услышал пение птиц. Птиц ему, правда, увидеть не удалось — но они подавали голос где-то над его головой. Откуда-то слышался и плеск воды.

— Это и есть ущелье Алгонка?

— Это его южная сторона. Видите ту дальнюю полосу деревьев в нескольких сотнях шагов отсюда? За ними идет дорога вдоль берега реки.

Они позволили себе недолгий отдых после тяжелого спуска, Линан снова смазал хэту колено Гудона и собственный шрам. При этом он был вынужден признать, что мазь и в самом деле оказывала целебное действие; из раны Гудона уже не торчала кость, сама рана постепенно затягивалась плотью и кожей, оставляя уродливый шрам. Рубец на лице Линана стал более гладким на ощупь, а невыносимая боль исчезла, будто ее и не было никогда.

— Похоже на то, что я буду хромать, — почти весело произнес Гудон, похлопывая себя по ноге.

— Вряд ли стоит так сильно радоваться этому.

— Ну, если представить, что я мог вообще потерять ногу, хромота покажется замечательным результатом. Между прочим, мы, четты, всю жизнь проводим в седле. Ну, если не все, то большинство. Меня испортила моя жизнь на реке.

Алгонка в самом деле оказалась мелкой речкой, и хотя вода в ней была просто ледяной, Линан с Гудоном без труда перешли ее и остановились на берегу за деревьями неподалеку от дороги. По дороге неспешно шел огромный караван, голова которого терялась в легкой дымке где-то на западе, а хвост невозможно было увидеть далеко на востоке. В огромные повозки было запряжено по доброму десятку лошадей, а тяжелые колеса самых невероятных размеров громыхали так, будто по дороге катились чередой груды камней. Над караваном коричневой пеленой висели тучи пыли. Линан увидел людей, ехавших верхом на лохматых пони и мулах; эти люди ревниво посматривали на свою собственность и время от времени хлестали тяговых лошадей, пытаясь заставить их двигаться быстрее. Юноше никогда не приходилось видеть ничего подобного. В Кендру почти все товары доставлялись морским путем.

— Караван Слабеющего Солнца, — сказал Гудон. — Я очень надеялся, что нам удастся смешаться с ним.

— Слабеющего Солнца?

— Последний великий караван перед началом зимы идет сейчас и делает дорогу непроезжей. Все торговцы Хьюма и даже

Чандры, у кого только находится товар на продажу, идут с этим караваном. Они везут металл и вино, оружие и инструменты — а обратно гонят тысячные стада скота и лóшадей. Между прочим, на запад идти намного легче, чем на восток, уж можете мне поверить. Не слишком-то большое удовольствие путешествовать с таким количеством животных. Мне когда-то довелось пройти этот путь с таким стадом.

— Что мы теперь будем делать? Просто пойдем в караване?

— Верно. В караване так много народу, что еще два человека никому не бросятся в глаза. Ни торговцы, ни их стражники не обратят на нас внимания, и мы не будем обращать внимания на них.

Линан потянул коня за поводья, и они слились с огромным потоком людей и повозок. Теперь их окружали торговцы, ехавшие верхом или пешие, их слуги, торопливо трусившие за хозяевами или ехавшие в повозках; были здесь и дети — мимо них пробежала стайка ребятишек, игравших в пятнашки; старик на осле продавал медовое вино, наливая его из огромной фляги, привязанной к его спине. В конце концов Линан и Гудон устроились позади повозки с грузом ярко раскрашенной глиняной посуды, тщательно упакованной в солому. Почти весь следующий час Линану пришлось обходить конский навоз, однако наконец он сдался и просто устало тащился дальше, уже не замечая, куда ступает. Вскоре прямо ему в лицо поднялось облако пыли, она попала ему в рот и в уши. Тогда он предложил Гудону перебраться из середины каравана поближе к реке.

— Мне кажется, что это не слишком хорошая идея, маленький господин. Здесь мы затерялись среди множества людей. У нас нет причины для того, чтобы выбраться отсюда.

— Гудон, я умираю от жажды.

— Что ж, это дело поправимое.

Он окликнул торговца медовым вином и предложил ему немного своего снадобья хэту в обмен на два стакана; торговец охотно согласился. Линан не без колебания взял грязный стакан, однако вино, омывшее его горло, оказалось сладчайшим из всех напитков, которые ему когда-либо доводилось пробовать. Ему показалось даже, что оно унесло с собой всю пыль, попавшую ему в рот. Напившись, они продолжали двигаться в середине каравана, и тут он заметил, что некоторые из окружавших их людей на ходу жуют галеты.

— Разве никто не останавливается, чтобы пообедать? — спросил он Гудона.

— Караван останавливается лишь на ночь. Двигаться ночью слишком тяжело, а кроме того, на стоянках легче обороняться.

— От кого?

— В этих местах бродит немало разбойников, которые грабят торговцев, по глупости отставших от каравана. Некоторые из них явились из Хьюма, некоторые происходят из четтов или даже обитателей более дальних земель. Они не могут жить иначе, кроме как промышляя грабежом, нападая на слабых и беззащитных.

После двухдневного преодоления горного хребта Линану было нетрудно идти с той же скоростью, с какой двигались большие повозки. Все вокруг он разглядывал с нескрываемым любопытством, а Гудон пояснял ему то, что оставалось для него непонятным.

— Вот этот человек проделал путь из Луризии — видите в его повозке бревна? Наши племена смогут использовать их для строительства домов и укреплений, а из более тонких стволов оружейники смастерят луки... А вот там, могу поклясться, идут священники Владыки Горы из Амана, чтобы проповедовать свою веру среди моего народа. Боюсь только, что они попусту потратили время и силы на этот путь. А вот тот торговец в высокой шляпе прибыл из Шаррока — для того, чтобы вернуться домой, ему понадобится полгода...

Сначала Линан подумал, что все эти люди были из Тиира. Но оказалось, что большинство их собралось из самых разных частей Гренда-Лира. Впервые в жизни он осознал, какие разные народы населяют королевство. Карты, которые он разглядывал во дворце, не давали точного представления об этом. Сейчас, в этом караване, он испытал что-то вроде гордости от того, что был потомком семьи, сумевшей объединить все эти народы под властью одной короны.

Гудон похлопал его по плечу:

— Не оборачивайтесь, подождите, пока он проедет мимо нас. Высокий мужчина на большом коне.

Спустя мгновение Линан увидел этого человека. На нем была кожаная одежда, и он внимательно приглядывался ко всем, мимо кого проезжал. Линана и Гудона он окинул долгим взглядом, однако не задержался возле них, а двинулся дальше.

— Наемник, — сказал Линан.

— Верно. Ищет нас. Должно быть, Прадо или кому-то из его людей удалось уцелеть, и теперь их друзья появились здесь, чтобы отыскать нас.

— Откуда ты можешь это знать? Они вполне могут искать кого-нибудь другого... — Однако это возражение прозвучало неубедительно даже для самого Линана. — Но тогда почему он не оглядел нас внимательнее?

— Подумайте сами, маленький господин. Если бы вы разыскивали принца и шкипера, за кого вы приняли бы человека, сидящего на коне?

Линан от души рассмеялся.

— Твоя рана, оказывается, все же может сослужить нам добрую службу.

— На этот раз так и вышло, но, может быть, в следующий раз все будет по-другому, — возразил Гудон. — Пожалуй, нам даже следует побольше бросаться в глаза. Рано утром, пока еще не поднимется пыль, мы постараемся, чтобы на нас обратили внимание.

Неожиданно колесо повозки, за которой они держались, попало в выбоину дороги. Узел на веревке, которой был стянут груз расписной глиняной посуды, развязался, горшки и тарелки заскользили свободно и непременно побились бы, если бы Линан не бросился вперед, передав поводья Гудону. Он подхватил веревку, закрепил ее и завязал на ней тугой узел. Тотчас же возле него возник невысокий бородатый крепыш на осле и уже занес было палку, чтобы ударить Линана по рукам.

— Добрый человек, не делай этого! — закричал Гудон. — Он спас твой товар!

Услышав это, торговец заколебался, однако палку не опустил.

— Сударь, — произнес со всей возможной кротостью Линан , — веревка развязалась. Посмотрите, как я завязал узел. Разве это ваша работа?

Торговец опустил руку и нагнулся, чтобы разглядеть узел. Его лицо было маленьким и остроносым, и от этого он походил на крысу, чему немало способствовали маленькие блестящие глазки.

— О боже, — произнес он, покачав головой. — Клянусь душой моего отца, это не мой узел. Простите меня, сударь. Вы оказали мне величайшую услугу, а я вместо благодарности собирался побить вас. — Он сплюнул сквозь зубы. — Однако теперь я в долгу перед вами. Нынче вечером вы будете ужинать в моей палатке.

— Это слишком великодушно с вашей стороны, — возразил Гудон. — Ведь это был всего лишь узел!

Линан с удивлением взглянул на него. Еды у них не было никакой, а шкипер отказывался от дарового угощения!

— Слишком великодушно! — воскликнул торговец. — Я, по-вашему, слишком великодушен! Так вот, вы не только будете сегодня ужинать со мной, вы будете спать вместе со мной и моими слугами, чтобы вам не угрожали разбойники!

Гудон поклонился.

— Ваша щедрость не знает пределов.

Торговец надулся от сознания собственной важности.

— Да. А кроме того, я великодушен.

— Истинно так, — подтвердил Гудон с мягкой улыбкой. — Меня зовут Гудон. Имя моего друга...

— Мигам, — быстро сказал Линан.

— Мигам, — подтвердил Гудон.

— Мне повезло с такими попутчиками. Зовите меня Гатерас, я торговец из Спарро, торгую самой лучшей на свете глиняной посудой. Вы видели мою посуду?

— Да, конечно, — тотчас же ответил Гудон. — Мы едем за вашей повозкой уже несколько часов, и все это время мы любовались вашим товаром.

— Четты все это купят? — спросил Линан.

— Почти наверняка все, — ответил Гатерас. — Но потом, ближе к весне, они перепродадут большую часть товара торговцам из Хаксуса. Я тоже продаю часть своего товара другим торговцам. Караван Слабеющего Солнца — замечательная возможность торговать с людьми из дальних стран.

Он опустил глаза.

— Конечно, и ворам здесь раздолье. — Взглянув на Линана, он добавил: — Я ведь и вас принял за вора.

— Пустяки, — ответил Линан.

Гатерас выпрямился в седле и стал похож на преисполненного важности короля, по недоразумению одетого в платье простого торговца и сидящего на осле.

— Я не только щедр и великодушен, — проговорил он. — Вы не только разделите с нами пищу и кров, но я обещаю охранять вас в продолжение всего пути к Суаку Странников.

— О, какова ваша благожелательность, — вскричал Гудон, воздевая руки к небу. — Какой удачей обернулся для нас простой узел!

Торговец наклонил голову с довольным видом, принимая похвалы своей добросердечности.

— Простите, но я вынужден вас оставить, — мне нужно проверить все узлы на остальных повозках. — Легонько хлестнув своего осла, он растворился в облаке пыли, бормоча себе под нос: — Великодушный... щедрый... благожелательный...

— Ваш добрый поступок сослужил нам неплохую службу, — заметил Линану Гудон.

— Наемник возвращается, — затаив дыхание, отозвался Линан.

Всадник в кожаном обмундировании быстро проскакал в обратную сторону, едва взглянув на Гудона и Линана.

— Настоящая опасность будет ждать нас в Суаке, — хмуро произнес Гудон. — Там им будет легче распознать нас и отличить от торговцев.

— Как же мы сможем найти Линана среди всего этого хаоса? — спросила Дженроза и закашлялась от сухой пыли, которая попала ей в горло. Ее окружали повозки, толпы народа, кони беспокойно перебирали копытами. Ей хотелось сесть на лошадь и выбраться из пыльных облаков — однако Камаль настаивал на том, что надо двигаться пешими, потому что только таким образом они с Эйджером могли бы оставаться не слишком заметными.

Прошло не меньше часа с тех пор, как они добрались до ущелья. Эйджер давно знал о существовании каравана Слабеющего Солнца — ведь ему пришлось немало работать с торговцами, а вот Камаля и Дженрозу ошеломило невиданное зрелище, и они даже слегка растерялись, почувствовав себя легкими пылинками, подхваченными течением бурной реки. Солнце, склонявшееся к западу, освещало их лица, било в глаза; перед заходом оно уже не было таким ярким, как днем, однако красноватый свет его лучей все еще ослеплял путников, и их глаза слезились.

— Мы не сможем отыскать его в этом столпотворении, не привлекая к себе внимания. Нам придется подождать, пока мы не доберемся до Суака Странников, — задумчиво произнес Эйджер.

— Это далеко? — спросила Дженроза.

— Мне никогда не приходилось проходить этим путем, однако я слышал, что от Даависа эта дорога занимает четыре дня, если везти с собой повозку: два дня пути до ущелья Алгонка, да еще день или того больше до самого Суака. Мы добрались до этой дороги примерно на половине пути, так что у нас остается еще день или самое большее два.

— А если нам удастся найти Линана, что дальше?

— Дальше наш путь ляжет в Океаны Травы, — ответил Камаль, однако в его голосе не слышалось особенной радости. — Если уж здесь на нас кто-нибудь обратит внимание, то и наемники не останутся незамеченными.

Друзья увидели солдат, рыскавших вдоль всего каравана, и спешились, прежде чем броситься им в глаза, а вдобавок укрылись за огромной повозкой, груженной овечьими шкурами.

— Может быть, мы будем похожи всего лишь на охранников какого-нибудь торговца, — неуверенно произнес Эйджер.

— Мы не можем ожидать от судьбы, чтобы она внезапно повернулась к нам лицом, — жестко возразила Дженроза.

— Она права, — подтвердил Камаль. — Они сразу узнают нас, если только увидят.

— Раз так, значит ночью, когда караван остановится, нам надо будет пробраться в середину, — решительно произнес Эйджер. — Там можно будет затеряться.

Камаль согласился с товарищем.

— Если Линан где-то здесь, может быть, нам удастся его найти.

— Будет лучше, если мы станем искать его раненого спутника, — неуверенно произнесла Дженроза.

— Хорошая мысль, — отозвался Эйджер. — Но все-таки самое главное для нас — это остаться неузнанными до самого Приюта.

Друзья присоединились к каравану, не забывая осторожно озираться по сторонам, чтобы вовремя заметить солдат. Дженроза из последних сил пыталась разобраться в том, что происходило вокруг. Она видела торговцев в разноцветных одеяниях, самые разные товары в повозках, но в конце концов сосредоточилась лишь на том, чтобы ее ноги не заплетались. Оказалось, что она устала так, как не утомлялась за всю свою школярскую жизнь. Со странной отрешенностью девушка подумала о том, суждено ли ей когда-нибудь вернуться к прежнему спокойному существованию, когда ее никто не будет преследовать, когда не нужно будет лихорадочно искать надежного пристанища.

Затем ее мысли обратились к Океанам Травы — одно это название говорило о пространствах, в которых легко могла бы затеряться целая армия. От этой мысли в ее сердце снова вселилась слабая надежда. Может быть, именно там, в неизведанном краю, ее душе суждено было снова обрести покой. Однако при этой мысли ее сердце снова тревожно забилось. Жизнь в Кендре, конечно, была спокойной и удобной — но вместе с тем в ней было что-то отупляющее. Позволят ли ей четты заниматься магией? Какова их магия? Смогут ли они научить ее чему-нибудь?

Так Дженроза определила главные для себя вопросы, и шагать ей стало легче.

Эдер передал Рендлу последний отчет, полученный от солдат, которые обследовали ущелье Алгонка. Отряд держался строем, по четыре всадника в ряд. Они все еще оставались в трех часах

езды от каравана и не смогли бы догнать его до наступления ночи. Капитан выслушал Эдера без единого слова.

— По крайней мере, ни одного четта нам в ущелье найти не удалось, — чистосердечно признался Эдер.

— Они появятся возле суака, — Рендл сплюнул. — И если только мы не найдем принца как можно скорее, тогда нам придет конец.

— Значит, вы хотите выждать в ущелье?

Рендл покачал головой.

— Даже если мы не сможем найти его, я все же намерен направиться на север в Хаксус. Эта новая королева в Кендре не вполне уверенно сидит на троне. А с какой еще стати поднимать отряды наемников и отправлять их на север? Сейчас судьба обернулась лицом к королю Салокану. Ему понадобятся опытные вояки вроде нас. Принц Линан был всего-навсего поводом для срочной сделки. Даже если нам не удастся его найти, мы сможем оповестить Салокана о том, что он все еще жив.

Эдер кивком головы указал на Прадо, ехавшего в нескольких шагах от них и с трудом державшегося в седле.

— Он не сможет добраться до Хаксуса.

— Пусть он доберется только до Суака Странников. В конце концов только он может с уверенностью узнать в лицо и принца, и шкипера. — Рендл с досадой хлопнул себя по бедру. — Ты уверен в том, что солдаты не заметили парочки, подходящей под описание Прадо?

— Они видели не одну пару, кого-то с одним конем, кого-то с двумя, некоторых пеших. Под описание никто не подошел. Среди всех есть и четты. Но разве солдаты могли быть в чем-то уверены, никого не остановив и не допросив? А это могло бы только разозлить торговцев и их охранников.

— Вышли вперед побольше солдат, — распорядился Рендл. — Даже если мы просто узнаем их, мы сможем подождать до тех пор, пока они не доберутся до Суака, а тогда захватить принца.

— Едва ли это понравится четтам и купцам, — заметил Эдер. — В этих местах не принято обнажать оружие.

— А что они смогут нам сделать? У нас около сотни вооруженных всадников. Никто не сможет остановить нас, а прежде, чем четты соберутся дать нам отпор, мы уже будем далеко на пути в Хаксус.

Эдер отправился выполнять приказание. Оставшись один, Рендл ощутил прилив гнева и разочарования одновременно, и почувствовал, что ему требовалось выплеснуть все это на кого-то, неважно, на кого. Он придержал коня, дождался момента, когда с ним поравнялся Прадо, и толкнул его в спину.

Тот выпрямился, точно тряпичная кукла.

— Держись в седле, Прадо, — угрожающе произнес Рендл. — Ты еще не закончил своего дела.

Прадо взглянул на него полными муки глазами.

— Ты не смог бы обращаться со мной так, будь рядом со мной мои ветераны. Всю жизнь я командовал лучшим отрядом, чем твой сброд.

— Однако сейчас у тебя никого нет, да и не будет никогда, если только мы не найдем принца и не передадим его Салокану. У тебя нет ни денег, ни отряда. Сейчас ты просто бедный старый солдат, которому доводится переживать недоброе время.

Прадо отвернулся, но Рендл со злостью схватил его за волосы и снова повернул лицом к себе. Их кони затоптались на месте, и солдаты Рендла стали обтекать их, как поток воды обтекает скалу.

— Почему ты так уверен, что принц выбрался из реки? Ведь ты не лжешь мне, верно?

Прадо резко отклонил голову, оставив при этом клок волос в кулаке Рендла, и одарил капитана язвительной ухмылкой.

— Если бы я лгал тебе, ты все равно не узнал бы об этом до последнего момента. Как ты думаешь, поведут себя четты, когда они увидят капитана Рендла с вооруженным отрядом возле Суака Странников? Они еще не успели забыть о тебе, старый работорговец, и скоро ты вспомнишь мои слова.

— В таком случае они вспомнят и о тебе, — парировал Рендл, пришпорив своего коня и оставив Прадо позади.

Линан не мог заснуть.

Гатерас ошеломил его своим гостеприимством, великодушием и щедростью. Линан не мог припомнить, когда он наедался до такой степени. Он подумал, что у этого торговца должна быть целая отдельная повозка с припасами и вином. Ужин состоял из жареной свинины, дичи, картофеля и горохового супа, а в довершение всего подали пшеничный хлеб с жареной рыбой и йогуртом, да еще медовые лепешки, а запивать все это изобилие хозяин предложил белым или красным — на выбор — вином, так что под конец Линан ощутил даже легкую тошноту. Его желудок определенно сопротивлялся такому количеству еды после долгих дней голодания.

«Если я сейчас засну, мне будут видеться кошмары, — подумал он. — Ведь до сих пор я не ел ничего, кроме ягод и орехов».

С этой мыслью он застонал и попытался повернуться на том ложе, которое предложил ему Гатерас. Ему захотелось посмо-

треть на звездное небо — однако и он, и Гудон этой ночью разделяли ночлег с Гатерасом и семью его слугами из восьми в палатке огромнейших размеров. Рядом с ним слышались всхрапывания и чье-то громкое сопение, было душно, и в воздухе стоял запах пота. Движимый бессонницей, Линан поднялся и, стараясь поменьше шуметь, добрался до выхода из палатки. Снаружи стоял восьмой слуга, охраняя покой хозяина и его гостей. Увидев Линана, он осклабился с понимающим видом, показал на свой живот и громко хмыкнул.

Теперь, когда Линан мог посмотреть на звездное небо, его отвлекали бесчисленные костры, ярко горевшие вдоль всего каравана. Он оказался среди множества спавших людей, их была не одна сотня. Десятки палаток, среди которых виднелись и огромные, больше, чем палатка их благодетеля Гатераса, виднелись в ночной мгле, а весь огромный лагерь был окружен повозками, как непроходимой стеной. Линан отошел немного от палатки гостеприимного торговца, облегчился и замер на месте, зачарованный ночными звуками. Ему было слышно, как журчала вода Алгонки, он прислушивался к ночным шорохам, среди которых ему удалось различить ржание множества лошадей. Прислушавшись внимательнее, он услышал шуршание кожаных одежд и знакомые звуки — бряцание оружия. Линан осторожно дошел до крайней палатки и попытался вглядеться в темноту. Там, где берег реки уходил под уклон, между деревьями он различил множество лошадиных теней. Рядом с лошадьми он разглядел людей в кожаных одеждах, точно таких же наемников, которых они с Гудоном видели днем.

«Проклятье! — подумал он. — Ведь это же Прадо и его люди!».

Тотчас же у него родилось желание укрыться в палатке Гатераса и поднять тревогу, однако он сумел преодолеть этот порыв. Что хорошего вышло бы из того? Кому могло быть до него хоть какое-то дело? Ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы добрый и великодушный Гатерас оказался вовлечен в неприятности и даже в опасность. Линан сделал над собой усилие, чтобы спокойно все обдумать. Если только наемники искали его, то они явно не знали в точности, что он шел с караваном, иначе они уже давно схватили бы его. Он подумал, что нужно предупредить Гудона об опасности, однако тут же понял, что пока они не доберутся до Приюта Странников, ничто не сможет им помочь.

Забыв о своем переполненном желудке, он вернулся в палатку Гатераса и осторожно разбудил Гудона.

Сонный Гудон выслушал Линана и, зевнув, произнес:

— Коль скоро поделать ничего нельзя, то я советую вам попытаться немного поспать. — И он снова закрыл глаза.

— Поспать?! Неужели я теперь смогу заснуть?

Гудон вздохнул, сел на своей подстилке и ласково уложил Линана, а потом тихо запел. Линан попытался воспротивиться:

— Я не малый ребенок, чтобы меня укачивать... укачивать...

Его глаза закрылись сами собой, и он провалился в темноту.

ГЛАВА 26

Кто-то нежно целовал Линана в щеку. Тщетно он пытался открыть глаза, — сделать это оказалось намного сложнее, чем обычно. Поцелуй стал жарче, и Линан с трудом припомнил, где он находился. Тогда он с ужасом представил себе невероятную картину — целующий его с определенными намерениями хозяин палатки Гатерас. Это видение заставило его раскрыть глаза. Перед его взором оказался вовсе не Гатерас, а Гудон, легонько и ласково похлопывавший его по щеке.

— Что ты делаешь? — спросил еще не вполне проснувшийся Линан.

— Пытаюсь разбудить вас, маленький господин.

— А что, уже рассвет?

— Пока еще нет.

— Что случилось?

— Я должен идти.

Линан в недоумении потряс головой, чтобы обрести некоторую ясность.

— Что ты сказал?

— Я должен идти. Я должен оставить вас, пока не рассвело.

Линан сел и выпрямился.

— Не понимаю, о чем ты говоришь.

В его голосе прозвучала неуверенность. Снова его оставляли одного на произвол судьбы.

— Я хочу добраться до Суака Странников раньше, чем к нему подойдет караван. Я должен найти своих друзей, чтобы все устроить.

— Разве я не могу отправиться с тобой?

— Наемники выслали патрули, они шныряют по дороге. На одинокого четта никто не обратит внимания — очень многие из нас пробираются этим ущельем в обе стороны. Однако если они увидят вас, это их непременно насторожит.

— Но что я буду делать? — Линан старался скрыть сильное волнение, найти в сердце хоть немного храбрости, однако это ему не удалось.

— Я попросил Гатераса позволить вам остаться при нем. Я пообещал ему достойную награду от четтов. Он согласился и возьмет вас с собой к Суаку.

— Но что я стану делать, когда окажусь там?

— Если к тому времени меня там не будет, то вам следует отыскать четтского торговца по имени Кайякан. Вы можете полностью довериться этому человеку. Он будет знать, что делать, только вам придется полностью положиться на него и в точности исполнять все его указания. Вы поняли меня?

Линан кивнул, хотя и не вполне все понимая, только потому, что хотел верить Гудону.

— Как же твое колено?

— Гатерас поможет мне и даст коня. Верхом я благополучно доберусь до Суака. Для одинокого всадника это недальний путь. — Гудон ободряюще похлопал Линана по плечу. — С вами все будет в порядке. Будьте только осторожны. Не разговаривайте ни с кем, кроме Гатераса. Если меня не окажется возле Суака, отыщите Кайякана.

— Ты готов? — раздался за спиной Линана голос Гатераса, заставив юношу вздрогнуть от неожиданности.

Гудон кивнул, Гатерас подошел к нему и протянул руку. Четт вышел из палатки, не произнеся больше ни слова. Линан обхватил руками колени. Ему захотелось свернуться клубком, чтобы окружавший его мир проходил мимо со своими заботами, не задевая его. Он не хотел вставать, выходить из палатки, либо добираться до Суака Странников и разыскивать там человека по имени Кайякан. В его душе возникло страстное желание, чтобы все события последних недель обратились в кошмар, от которого он мог бы очнуться в своей теплой и безопасной постели во дворце Кендры.

Так он сидел еще несколько минут. Вернулся Гатерас и опустился рядом с ним.

— В жизни существуют маленькие пустяки, которые делают ее более или менее сносной, — произнес торговец деловым тоном. — Подумайте, к примеру, о том узле, который вы завязали на веревке вокруг моей повозки. Это был пустяк, однако мне вы оказали неоценимую услугу. Я довезу вас до Суака Странников. Это тоже пустяк — но, думаю, для вас он будет означать очень много. Я прав?

Линан кивнул.

— Хорошо. Теперь вы должны сделать еще один пустяк. Вы должны встать.

Линан взглянул Гатерасу в глаза.

— Я...

— Только не говорите, что вы боитесь. Никто не боится вставать. — С этими словами Гатерас сам встал и широко раскинул руки, как бы в знак подтверждения. — Это пустяк.

Линан сглотнул слюну и встал.

— Это пустяк, — повторил он дрожащим голосом.

Гатерас уже держал в руках тунику.

— На этой одежде стоит знак моего дома. Вы сейчас оденете ее и не будете снимать до тех пор, пока мы не доберемся до Суака Странников. Это настоятельная просьба Гудона.

Линан снял рубашку и облачился в тунику.

— Ну вот, теперь все будут считать, что вы работаете на меня, и никто дважды не посмотрит в вашу сторону.

Линан нахмурился.

— Что рассказал вам обо мне Гудон?

Гатерас ничего на это не ответил, лишь загадочно улыбнулся.

— Вы голодны?

Вспомнив о том непомерном количестве еды, из которого состоял ужин, Линан уже собирался ответить отрицательно, однако когда он об этом подумал, то понял, что действительно голоден.

— Да, — только и произнес он.

— Значит, следующий пустяк, который мы сделаем, будет завтрак. Я не могу позволить моим слугам оставаться голодными. Идите со мной.

Гудон пустил коня легкой рысью. По мере того, как он удалялся от лагеря, дорога шла слегка под уклон в западном направлении. Ему предстояло проехать по ней несколько километров, и тогда через час быстрой езды он оказался бы возле первых пограничных застав четтов. Эти заставы представляли собой просто отдельных четтских воинов, прятавшихся среди высокой травы и внимательно наблюдавших за всеми, кто выходил из ущелья Алгонка.

К нему направился стражник из наемников и ехал поблизости до тех пор, пока Гудон не помахал ему приветливо рукой и не показал на две веревочные корзинки, в каждой из которых было по образцу красивых расписных глиняных горшков Гатераса. Наемник покачал головой. В ответ Гудон пожал плечами и продолжал свой путь.

Мгновение спустя стражник повернул обратно.

Только успел Гудон вздохнуть с облегчением, как неожиданно из небольшой рощицы неподалеку от реки выехал еще один наемник. Гудон вовсе не хотел привлекать в себе внимание, поэтому он придержал коня и дождался, пока наемник не поравняется с ним. Всадник поставил своего коня поперек дороги, преградив Гудону путь. Сложения он был борцовского, с волосатыми руками и неровно остриженными черными волосами, стянутыми на затылке в пучок серебряной заколкой. Он достаточно добродушно улыбнулся и почесал мозолистым пальцем подбородок.

— Рано пустился в дорогу? — спросил он.

— И на самом деле, рано, — ответил Гудон и взялся за свои корзины. — Меня послали вперед, чтобы проверить рынки, с товарами моего хозяина.

— Кто такой?

— Его зовут Гатерас, он едет из Спарро.

Наемник с важностью кивнул, затем показал на ногу Гудона.

— Страшная рана. Как это тебя угораздило?

— Меня ударил конь, господин.

Наемник рассмеялся.

— Этот что ли?

— Нет-нет. Того, что меня ударил, я съел.

— Я слыхал, будто четты едят своих обидчиков, даже людей.

— Прости меня, господин, но насчет людей — это сказки. Мы никогда не едим ничего такого, что ходит на двух ногах. То есть мы не едим ни людей, ни птиц.

— Звучит убедительно. — Наемник тронул поводья и приблизился вплотную к Гудону. — Думаю, что мне хочется забрать тебя с собой. Мой капитан не отказался бы с тобой побеседовать.

Лицо Гудона выразило удивление.

— Вашего капитана интересует глиняная посуда?

— Равно как и всякое другое.

Наемник потянулся, чтобы взять поводья коня Гудона и не увидел острого костяного ножа, который Гудон вонзил в основание его шеи. Солдат успел лишь раз захрипеть, свалился с седла, но прежде чем его тело ударилось о землю, он был уже мертв.

Гудон быстро нагнулся и схватился за стремя коня наемника. Животное заржало и переступило ногами, однако конь не попытался убежать. Тогда Гудон скользящим движением отправил нож на его обычное место — в рукав у плеча, привязал поводья к

собственному седлу и осторожно спешился, стараясь, чтобы вес его тела приходился по большей части на левую ногу. Он наклонился над мертвым наемником и его ножом вырезал небольшой кусочек из щеки мертвеца, тотчас же проглотив его.

— Я солгал тебе, господин, — сказал он мертвому солдату. — Мы всегда едим наших врагов.

Затем Гудон быстро обвязал веревкой руки наемника и туго привязал эту веревку к седлу покойника. Подойдя к коню с другой стороны, он приложил всю свою силу, чтобы сдвинуть животное с места. Когда это ему удалось, он взобрался в седло своего коня, взял в руки поводья второго и возобновил свой путь, тихо напевая какую-то протяжную мелодию.

— Я проголодался, — прорычал Камаль. Он поднялся с земли и отряхнул плащ, на котором лежал.

— Думай о том жарком, которое ожидает тебя в Океанах Травы, — предложил другу Эйджер. — Тысячи, нет, даже миллионы коров и быков, которые только того и ждут, чтобы их сожрал какой-нибудь плотоядный обжора вроде тебя.

На эти слова желудок Камаля отозвался таким урчанием, что люди, оказавшиеся поблизости, начали в тревоге оглядываться.

— Или, наоборот, совсем не думай об этом, — продолжал Эйджер. — Думай вместо этого о том, чтобы стать маленьким, незаметным. А в особенности думай о том, чтобы не издавать больше таких звуков, которые привлекут к тебе внимание.

Камаль сердито взглянул на горбуна.

— Тебе легко говорить, а я просто ничего не могу с этим поделать. Мы не ели уже несколько дней.

К ним подошла Дженроза, державшая поводья их лошадей.

— Первые повозки уже отправились.

— Не удалось ли тебе увидеть каких-нибудь признаков?.. — начал Камаль, однако Дженроза в ответ покачала головой.

— Линан здесь. Это я знаю. Я чувствую это.

— Ты ведь не маг, Камаль, — произнес Эйджер. — Не придавай нашим надеждам слишком большое значение. Может быть, он уже впереди нас. — Он задумчиво посмотрел на реку, где наемники поили своих коней. — По крайней мере, им он пока не попался.

— Я думаю, что Камаль прав, — вмешалась Дженроза. — Но ведь я-то маг. Я способна кое-что чувствовать, а своим чувствам я доверяю.

— Но, несмотря на это, мы ни в чем не можем быть уверены и не можем отправиться на поиски Линана. Нам следует идти с караваном до Суака. Когда караван распадется, мы сможем увидеть его.

— Наемники уходят, — сказал Камаль. Эйджер и Дженроза посмотрели в сторону реки и увидели, что отряд наемников рысью направился вперед, обгоняя караван и тучи пыли, которые он поднимал. Камаль от всей души желал, чтобы и они могли отправиться быстрее вперед. Однако он заметил, что некоторые солдаты отстали. Он показал в их сторону. — Эти останутся позади, чтобы прочесывать караван.

— Я скоро вернусь, — сказала Дженроза и направилась к реке, уводя за собой лошадей.

— Что она делает? — спросил Эйджер Камаля, обеспокоенный тем, что девушка шла в сторону отряда солдат, ожидавших, пока караван пройдет.

Камаль одобрительно хмыкнул:

— То, что мы с тобой сами сделать не можем. С моим сложением и твоим горбом нас тотчас же узнают.

Они провели несколько беспокойных минут, глядя, как девушка поила лошадей и набирала воду во фляги. Не больше чем в десятке шагов от нее стояли два солдата и о чем-то взволнованно разговаривали.

Как только Дженроза вернулась, они тотчас же двинулись в путь, держась как только было можно ближе к большой повозке, которая скрывала их от любопытных взглядов.

— Тебе удалось что-нибудь услышать? — нетерпеливо спросил Эйджер.

— Они знают, что их капитан кого-то разыскивает, но не знают, кого именно. Они встревожены тем, что он завел их так близко к четтской территории. Они напуганы этой близостью к четтам.

— А они не называли имя капитана?

— Нет, однако это не Прадо. Они говорили о том, что он здесь рядом с их командиром, однако похоже на то, что он им не очень-то нравится.

— Ну, это неудивительно, — заметил Камаль. — Особенно после того, как он выпустил из рук свою добычу.

— Они говорили еще кое о чем, — продолжала Дженроза. — Они говорили о том, что не вернутся в Хьюм, и это их весьма огорчает.

Камаль и Эйджер переглянулись.

— Ты был прав, — сказал Камаль. — Они направляются на север.

— Да, с Линаном или без него, — подтвердил Эйджер. — Это означает, что если мы найдем Линана и укроем его от их глаз, то в конце концов они прекратят поиски и уедут отсюда.

— Я думаю, что чем ближе мы будем подходить к Суаку, тем внимательнее станут наемники, — сказала девушка. — Важно, чтобы мы нашли Линана раньше их.

— Мы говорили об этом... — начал Эйджер, но Дженроза перебила его неожиданно властным жестом руки.

— Нет, это *вы* говорили об этом. Я ни с чем не соглашалась. Я собираюсь найти Линана. Вы оба оставайтесь здесь. И не тревожьтесь, меня никто не обидит.

С этими словами она отдала Камалю поводья своей лошади, и прежде чем друзья успели остановить ее, затерялась в толпе.

— Она всех нас доведет до гибели, — заметил Эйджер.

Камаль покачал головой.

— Нет, я так не думаю. Она будет молодцом.

Эйджеру показалось, что в интонации великана он расслышал нечто большее, чем уважение. Он пристально посмотрел на Камаля, однако не смог прочитать ничего особенного на лице своего друга.

Поднялся ветер и запорошил их глаза пылью. Они наклонили головы и продолжали свой путь.

Линан, ехавший в одной из повозок Гатераса, неожиданно увидел впереди буйную зелень, окружавшую Суак Странников. Он встал в повозке, чтобы получше разглядеть открывавшийся перед ним вид. К югу от Суака начиналась пустыня Лессера, ее серая каменистая поверхность выглядела особенно мрачно под яркими лучами осеннего солнца. Однако к западу и северу от Суака раскинулись Океаны Травы. Издали они выглядели не такими изумрудно-зелеными, как ему до сих пор представлялось; зелень, представшая его изумленным глазам, была нежной, подобно светлому нефриту.

И эта зелень двигалась. От изумления и восторга у него перехватило дыхание. Ветер играл травой, словно невидимые пальцы. Линану показалось, что раскинувшиеся перед ним равнины были живыми.

— Как красиво, — вслух произнес он.

Возница, сидевший рядом с ним, хмыкнул.

— Мне довелось побывать здесь во время засухи. Тогда все это море трав было мертво, как пустыня.

Однако Линан не мог поверить в то, что все это зеленое пространство когда-то могло быть мертво. «Это самая великая жизнь, которую я когда-либо видел», — подумал он.

— Сядь, мальчик, — прошептал Гатерас, ехавший рядом с повозкой на своем осле. Линан послушно сел, испытывая настоящее ошеломление. Торговец увидел выражение лица юноши и хихикнул.

— Потрясающее зрелище для первого раза, верно?

— Как красиво, — повторил Линан.

Гатерас задумчиво посмотрел на него.

— Единственными людьми, от которых мне приходилось раньше слышать подобное, были четты.

— Моя бабушка была из четтов, — рассеянно произнес Линан, все внимание которого было поглощено зеленой равниной.

— В самом деле? Должно быть, она была слишком маленького роста для четтов.

Дженроза переходила от повозки к повозке со всей осторожностью, на какую только была способна, и пыталась вглядеться в лицо каждого человека так, чтобы это никому не бросилось в глаза. Вдоль каравана больше не ездили наемники, однако нельзя было быть абсолютно уверенной в том, что среди людей и повозок они не оставили своих соглядатаев, которые обращали бы внимание на любую странность. Она проходила мимо повозок с сушеными фруктами, пряностями, посудой, слитками железа и меди, веревками и нарядной одеждой; она шла вперед мимо торговцев и их слуг, мимо путешественников и священников. Никого, похожего на Линана, девушка пока не увидела.

Когда впереди каравана показался Суак Странников, ее внимание рассеялось. У нее перехватило дыхание при виде бескрайних зеленых равнин, простиравшихся до самого далекого горизонта. Казалось, что травы двигались вместе с облаками, проплывавшими над головой. Девушка глубоко вздохнула и ощутила запах травы, заполненного воздухом простора... и почувствовала свободу. Это чувство не было похоже ни на что, что ей приходилось испытывать раньше, однако теперь, когда ей открылись зеленые дали, она поняла, что именно это она искала всю жизнь. «Новый мир, — подумала она. — Мой дом».

Чьи-то сердитые слова вырвали ее из забытья, и она быстро шагнула в сторону, пропуская повозку, груженную бревнами. Возница продолжал выкрикивать что-то в ее сторону, она отскочила

назад. В ее сознании уже возник грозный призрак высокой темницы, когда она увидела в следующей повозке юношу, так же, как и она сама, захваченного открывшимся зрелищем Суака. Он стоял в этой повозке, которая везла на продажу глиняную посуду. С ним поравнялся какой-то человек верхом на осле, что-то сказал ему, и юноша сел, продолжая завороженно смотреть вперед. Она обратила внимание на его одежду, и поскольку уже вспомнила, чем была занята, смогла представить себе его сложение.

Девушка замерла на мгновение. «О боже, боже, боже...» — пронеслось в ее сознании. Она побежала вдогонку проехавшей повозке, затем передумала и снова остановилась. Человек, шагавший с длинной палкой, замахнулся на нее и пробормотал что-то невразумительное, однако она не обратила на это внимания. Ведь она не могла прямо сейчас подбежать к повозке и обхватить Линана, сжать его в объятиях и закричать от восторга. Это могло бы привлечь к ним гораздо больше внимания, чем требовалось.

Дженроза лихорадочно думала. Теперь ей стало известно, где он. Она должна была возвращаться к Камалю и Эйджеру. Они тогда ехали бы в хвосте каравана, а когда караван добрался бы до цели, быстро догнали бы нужную повозку. Девушка едва сдерживала радостное возбуждение.

Она повернула обратно, чтобы теперь найти друзей, и вскоре на самом деле обнаружила их за той же самой повозкой, за которой оставила. Когда девушка села на свою лошадь и оказалась почти на одном уровне с ними, она похлопала их обоих по плечам. Она была уверена в том, что ее лицо ничего не выражало, однако для этого ей пришлось выдержать внутреннюю борьбу.

Камаль взглянул на нее.

— Ну что ж, по крайней мере ты попыталась, — ободряюще произнес он.

— Да, действительно, — вздохнув, ответила Дженроза.

— Я все-таки считаю, что это было опасно, — подал голос Эйджер, однако его тон был не сердитым, а сочувственным.

— Так оно и есть.

— Я не перестаю думать о том, где он сейчас находится и что делает, — мрачно сказал Камаль.

— Сидит в повозке, которая везет груз глиняной посуды, — предположила Дженроза.

Камаль хмыкнул:

 — Вполне возможно.

Несколько мгновений они продолжали ехать молча, до тех пор, пока не стал виден Суак, и перед глазами Камаля и Эйджера оказалось удивительное зрелище.

— Вот это вид, — произнес Эйджер. — Думаю, что на Линана он произвел бы впечатление.

— Так оно и было, — сказала Дженроза.

Друзья снова замолчали, а минуту спустя Эйджер искоса взглянул на Дженрозу.

— Что ты сказала? — Дженроза притворилась, что не поняла, о чем он спрашивает. — Ты сказала что-то о Линане.

— Я сказала?

Снова наступило недолгое молчание, а затем, вопреки всем своим усилиям, девушка разразилась веселым смехом. Некоторое время она не могла ничего сказать, но постепенно смех перешел в долгое хихиканье, сотрясавшее ее грудь. В глазах Эйджера появилось выражение внезапного понимания, и он тоже рассмеялся. Камаль смотрел на них так, будто оба они сошли с ума. Выражение его лица еще больше развеселило Эйджера и Дженрозу, однако в конце концов оба они овладели собой и немного успокоились.

— Люди смотрят, — прошипел Камаль.

— Верно, — со строгим выражением лица согласился Эйджер, но это замечание только развеселило их с Дженрозой еще больше.

— Ради богов! — воскликнул Камаль. — Что вас так сильно рассмешило?

— Неужели ты не понимаешь? — давясь от смеха, отозвался Эйджер. — Дженроза нашла его!

От неожиданности лицо Камаля стало белым, точно мел, но тотчас же его лицо осветила самая широкая улыбка, какую Дженрозе только удавалось видеть, а при виде этой улыбки ее собственное сердце запело еще громче.

Теперь Линан уже мог разглядеть среди деревьев белые каменные здания. Все они были двухэтажными, с плоскими крышами и скошеннными углами. Дорога обвивалась узкой лентой вокруг суака, а конец ее терялся где-то в свободном пространстве на западе. А встречали караван наемники в своей кожаной форме и блестевших на солнце доспехах. Большинство из них спешились, однако не было видно никаких признаков того, что они собирались разбить лагерь.

Они жадно ждали. Между деревьев Линан смог разглядеть местных жителей, внимательно наблюдавших за солдатами. Ему

оставалось надеяться лишь на то, что Гудон не подвел его и сделал все так, как обещал.

Рядом с ним снова появился Гатерас, и Линан спросил его, не знает ли он, где отыскать Кайякана.

Гатерас отрицательно покачал головой.

— Может быть, Гудон собирался как раз предупредить его, чтобы он мог нас здесь встретить.

— Если только самому Гудону удалось добраться до этого места, — заметил Линан.

— Я не так хорошо успел узнать этого Гудона, как узнал его ты, мальчик, но могу сказать тебе, что если он хотя бы наполовину знает то, что известно каждому четту, то он не только добрался до Приюта, но, скорее всего, заказал для нас комнаты в единственной здесь таверне, да еще позаботился о пяти порциях еды для всех нас.

К тому времени, когда они добрались до открытого пространства, оно было уже заполнено повозками и их хозяевами, распоряжавшимися установкой палаток и навесов. Множество местных жителей, большинство которых были четтами, бродили вокруг, разглядывая товары, привезенные для продажи и обмена. Линан старался лишь не заглядывать в лицо каждому четту, останавливавшемуся возле повозок Гатераса, пока помогал разгружать их. Вместе со слугами он выстраивал небольшие пирамиды из глиняной посуды, так, чтобы можно было увидеть в этих пирамидах изделия любого размера и любых форм. Сам Гатерас весьма любезно осведомлялся у каждого подходившего о здоровье, а затем с поражавшей Линана ловкостью заводил беседу о том, как необходимо было иметь в хозяйстве глиняные горшки и кувшины для еды и вина, зерна и приправ. Он и сам поверил в истинную необходимость этой посуды, слушая разговоры Гатераса с любопытными.

Работа оказалась тяжелой, и Линан успел подумать, что ей не будет конца на долгие часы. Когда он вместе с остальными слугами Гатераса закончил разгружать повозки, солнце еще не успело опуститься до самого горизонта, и несмотря на то, что с равнин к горам задул теплый ветер, дневной жар все же начал спадать. Некоторые из слуг успели разжечь костры и уже готовили ужин. Теперь, когда время приблизилось к ночи, еще больше посетителей подходили к палаткам, пользуясь преимуществами вечерней прохлады, привлеченные товарами, которые предлагали им торговцы, прибывшие с караваном.

Линан заметил, что все здешние четты, в отличие от своих собратьев, обитавших на востоке, были одеты в традиционные

одежды — плотно облегавшие ноги полотняные штаны и свободные рубахи с шнурованным вырезом; на некоторых были широкие тяжелые пончо, украшенные блестящими знаками, обозначавшими их принадлежность к тому или иному племени, клану и семье. Перед ним как бы проходил парад всевозможных одеяний — гораздо более захватывающий, чем парад солдат, носивших на своих мундирах самые разные знаки отличия, или же парад одежд слуг в разных провинциях на восточной стороне гор.

К этому времени Линану уже ничего не оставалось делать, кроме как раздумывать о том, что могло случиться с Гудоном. Пока его нигде не было видно, и никто не подходил к нему от имени Гудона.

Как раз в ту минуту, когда он размышлял обо всем этом, его окликнул Гатерас. Торговец стоял рядом с четтом, рост которого был необычен даже для его народа. Его темные волосы местами были тронуты сединой, а золотистая кожа казалась грубой, как у ящерицы. Четт взглянул на Линана сверху вниз.

— Этот слуга? — спросил он.

Линан внимательно всматривался в лицо четта. Был ли это Кайякан? Юноша уже собирался спросить об этом сам, когда Гатерас крепко сжал его руку.

— Конечно, сударь, он весьма невысок ростом, но Мигам на самом деле много сильнее, чем кажется на первый взгляд. Он может унести три больших горшка и не упасть при этом под их тяжестью. — Он повернулся к Линану. — Этот знатный господин выбирает наши товары, но сейчас ему нужны три разных горшка, чтобы показать их другим четтским покупателям, которые остаются с ним здесь до тех пор, пока не уйдет наш караван. Ты отнесешь их в его дом.

Линан коротко кивнул. Где-то в животе у него появился холодок.

— Какие горшки, сэр? — спросил он, стараясь, чтобы его голос звучал как можно безразличнее.

Четт не снизошел до разговора с Линаном, а просто указал ему на три выбранные посудины, которые ему приглянулись.

Мысленно Линан застонал — эти горшки были поистине велики.

Однако он хладнокровно поставил их друг на друга и, поднимая этот груз на левое плечо, как видел у других слуг, изо всех сил пытался делать вид, что не ощущает их тяжести. Четт направился прочь, и Линан последовал за ним.

Они прошли через лагерь и вскоре оказались среди высоких деревьев, с ветвей которых свисали красивые львиные цветы, кивая на вечернем ветерке своими головками. За четтом Линан

вскоре дошел до грунтовой дороги и увидел стоявшие вдоль нее дома и лавки, открытые до сих пор по случаю прибытия каравана. Повсюду витал запах съестного, напомнивший Линану о том, что он снова успел проголодаться.

— Не оглядывайся, за нами следуют, — небрежно бросил четт через плечо. — Пять человек в плащах, но под плащами я смог разглядеть кожаную форму.

Сердце Линана застучало сильнее.

— Сударь, я думаю, что они хотят причинить мне зло.

— Может быть, и так, — спокойно произнес четт, однако казалось, что его нимало не смутили слова Линана. — Я предпочел бы драку не в столь людном месте.

Они прошли мимо открытой двери таверны и свернули налево, вперед по узкому переулку, который с обеих сторон тесно обступили домики.

— Но это верный конец! — воскликнул Линан.

— Обгони меня и поставь на землю свои горшки, — спокойно произнес четт. В тот миг, когда Линан проходил мимо него, он круто повернулся назад и выхватил из-под своего пончо длинный нож. Не слишком заботясь об аккуратности, Линан прислонил горшки к ближайшей стене и встал за спиной четта, В тени переулка появились пятеро мужчин, казавшиеся тенями в лучах заходившего солнца. Увидев перед собой вооруженного человека, они остановились. Минуту помедлив, вперед выступил самый важный из них, отличавшийся от остальных своим высоким ростом и внушительно широкими плечами.

— Ты нам не нужен, — обратился он к четту. — Нам нужен этот парень.

— Вы можете забрать посуду, которую я купил, но за мальчика я в ответе перед его хозяином до тех пор, пока не приведу его обратно.

Наемник широко раскинул руки, одновременно с этим показав длинный кавалерийский меч под полой плаща.

— Мы не хотим причинить ему никакого вреда. У моего капитана есть к нему дело.

Он потряс кошельком, висевшим на поясе, послышался звон монет.

— Мы заплатим тебе, если ты оставишь парня на нашем попечении. Ты всегда можешь сказать его хозяину, что он сбежал. Никто не останется в дураках.

На мгновение четт задумался, как бы взвешивая предложе-
 ние. Линан приготовился к нападению. Если бы ему удалось зав-

ладеть ножом четта, он смог бы проложить себе дорогу, прежде чем солдаты успели бы опомниться и сообразить, что к чему. Но в этот миг к его величайшему удивлению четт покачал головой.

— Нет, ваше предложение мне не подходит.

Наемник со вздохом взмахнул рукой, призывая своих солдат присоединиться к нему. Переулок был настолько узким, что им пришлось разбиться на пары. Как один, они перебросили плащи через плечи и обнажили мечи.

— Мне жаль, что я слышал твои слова, — сказал тот, что был предводителем. Проговорив это, он бросился вперед с обнаженным оружием.

Неожиданно четт метнулся вперед с проворством, удивившим как Линана, так и солдат. Его нож блеснул в воздухе раз, другой, затем четт вновь отступил. Предводитель наемников с жутким шлепком рухнул на землю лицом вниз. Из-под его тела показалась кровь. Остальные солдаты заколебались и нервно переглядывались.

— Я способен без особого труда расправиться со всеми вами при помощи этого испытанного оружия, — едва ли не со скукой в голосе произнес четт.

— Он говорит правду, — сказал спутникам один из солдат. — Будет лучше, если трое из нас подождут за переулком, пока четвертый не приведет подмогу.

Послышалось перешептывание, в итоге которых остальные согласились на предложение своего приятеля, и солдаты начали отступать. Однако поскольку их внимание целиком было сосредоточено на четте и Линане, они не заметили, как за их спинами в переулке появились две тени, — одна гигантская, а вторая какая-то бесформенная. Они смогли услышать лишь звон стали, скользнувшей из ножен, однако даже не успели обернуться — в следующее мгновение трое из них распростерлись на земле бездыханными. Четвертый вскрикнул, резко повернулся обратно к четту, потом в отчаянии развернулся опять — но лишь для того, чтобы встретиться лицом к лицу со смертью. На долю секунды в воздухе над ним блеснул меч, опустившийся вниз с такой силой, что надвое разрубил наемнику голову. Кровь фонтаном брызнула в воздух и тотчас же залила то, что только что было человеческим лицом. Однако, к изумлению Линана, тело наемника осталось стоять — а меч, унесший его жизнь, торчал из кости черепа. Мечник, повернув свой клинок, вынул его из страшной раны. Только тогда мертвец рухнул на землю под стеной, его руки и ноги неестественно вывернулись, и все затихло.

В конце переулка появилась еще одна хрупкая фигурка.

— Линан?

Линан неуверенно шагнул вперед. Он узнал этот голос и обе тени мужчин, пришедших к нему на помощь, однако все еще не мог в это поверить.

— Позвольте приветствовать вас, ваше высочество, — произнес великан. — Ну и заставили же вы нас за вами побегать.

— Ты знаешь этих людей? — спросил четт.

Не ответив, Линан бросился вперед. Он прыгнул на грудь гиганта, его руки обвились вокруг широких плеч, ладони хлопали по широкой спине.

— О боги, Камаль! Камаль! — Из его глаз уже текли слезы радости, однако это его мало заботило.

Великан в свою очередь сжал Линана в объятиях и поднял его над землей.

— Я уж думал, что мы навсегда потеряли тебя, малыш, — прохрипел он.

К ним подошли Эйджер и Дженроза, немедленно добавив свой вес к обнимавшимся Камалю и Линану. Тотчас же они принялись подобно малым детям скакать вокруг Линана и хлопать в ладоши.

Четт смотрел на все происходившее с удовлетворенной ухмылкой.

— Что ж, это отвечает на все мои вопросы, — произнес он, убирая в ножны свой нож, и стал ожидать окончания бурной встречи. Когда четверо друзей в конце концов смогли отделиться друг от друга, он заявил:

— Мигам, Линан... Мне не важно ваше имя. Однако вам по-прежнему осталось донести эти три горшка.

Линан вытер мокрые от слез щеки и согласно кивнул.

— Да, конечно. — Внезапно он вскинул голову, словно вспомнил о чем-то важном. — Я до сих пор не поблагодарил вас, сэр, за то, что вы встали на мою защиту! Простите меня, сэр...

Четт жестом оборвал его извинения.

— Я только рад тому, что мне представилась возможность разделаться с одним из наемников Рендла. Между прочим, Гудон никогда не простил бы меня, если бы я допустил, чтобы вам нанесли какой-нибудь вред.

— Рендл! — удивленно воскликнул Камаль. — Так за всем стоит этот выродок?!

Четт ответил Камалю, вложив в голос нечто вроде уважения.

— Да, так и есть. Я узнал его, как только он появился здесь со своим отрядом.

— А был ли с ним Джес Прадо?

Теперь наступила очередь четта удивляться.

— Прадо вместе с ним? О все божества земли!

— Вы знаете Гудона? — спросил Линан.

— Он ждет вас в моем доме.

— Значит, вы — Кайякан, — удовлетворенно произнес Линан.

Четт в ответ глубоко поклонился.

— Ваше высочество.

— Кто такой Гудон, Линан? — спросил, нахмурившись, Камаль.

Линан только рассмеялся в ответ.

— Прости меня. Это, может быть, тебя сконфузит.

— Так расскажи же наконец.

— Гудон был шкипером на той барже, которую нанял Прадо. Это он спас мне жизнь и жестоко поплатился за это. А Кайякан — человек Гудона здесь, в Суаке.

— Агент? — Вид у Камаля был самый что ни на есть недоверчивый. — Каким образом у шкипера баржи может оказаться человек здесь, в Суаке Странников?

— Гудон тоже четт.

— Ах, вот оно в чем дело, — протяжно произнес Камаль. Вид у него по-прежнему оставался недоверчивым, однако других вопросов он задавать не стал.

Неожиданно Дженроза вскрикнула и протянула руку, чтобы коснуться страшного шрама на щеке Линана, протянувшегося до самой челюсти.

— Линан, что это с вами случилось?

— Это подарок мне на память от Прадо, — ответил он.

— Я искрошу этого ублюдка на мелкие ленточки, — медленно произнес Камаль.

— Идите со мной, — сказал Кайякан. — Мы должны поскорее убраться отсюда. Я велю нескольким своим людям очистить переулок от этой падали. Капитан Рендл никогда не сможет узнать, что случилось с его людьми.

Линан подхватил горшки. Камаль предложил ему взять на себя тяжелую ношу, однако Линан решительно от этого отказался.

— Для меня это отличная тренировка, — заявил он. — Я должен исполнить эту работу сам.

В конце переулка Кайякан остановился, чтобы убедиться в том, что никто их не видел, после чего вышел на улицу. Спустя недолгое время они подошли к одному из самых больших домов в

городке. Однако вместо того, чтобы войти через парадный вход, Кайякан провел друзей к черному входу, и перед ними оказалась тяжелая деревянная дверь, перехваченная железными полосами. Войдя в дом через этот вход, друзья оказались в большой кухне. От чугунной плиты, протянувшейся вдоль одной из стен, исходило тепло, а большую часть места здесь занимал огромный длинный деревянный стол. Тотчас же в кухне появились суетливые слуги. Один из них сразу же освободил Линана от его ноши, другой снял с друзей плащи, третий забрал тунику Линана со знаками дома Гатераса, а взамен предложил ему четтскую рубашку. После всей этой суеты появился Гудон. Сперва при виде нежданных гостей на его лице выразилось удивление, однако он быстро справился с ним и обнял Линана.

— Ведь правда, маленький господин, разве я не говорил вам, что все будет хорошо?

— Да, это так, — подтвердил Линан и представил Гудона своим друзьям.

— Мы должны отблагодарить тебя за то, что ты присматривал за нашим другом в последние несколько дней, — заявил Камаль.

— Это было моей обязанностью, — просто ответил Гудон.

Кайякан пригласил всех садиться к столу. Прислуга внесла глиняные кружки с вином, приправленным разными специями. Кайякан велел слугам убрать из переулка тела наемников, и они тотчас же скрылись.

— Тела? — спросил Гудон.

Кайякан коротко рассказал ему о том, как их с Линаном преследовали пятеро наемников, об их короткой беседе и о внезапном появлении друзей Линана.

— Мы сидели в таверне и ломали головы над тем, как бы нам найти Линана, — пояснил Камаль, — и тут он сам вместе с Кайяканом прошел мимо окон. А следом за ними шли эти самые наемники.

Кайякан описал короткую схватку, осторожно выбирая слова.

— Это доставит капитану Рендлу большое разочарование, — заметил Гудон.

— Так все же, что будет дальше? — спросил Камаль.

Он слабо представлял себе, как посреди ночи можно ускользнуть из Суака Странников и отправиться дальше на запад, вглубь Океанов Травы, чтобы найти в них какое-нибудь племя, в котором все они смогли бы обрести надежное убежище. Он лелеял надежду на то, что новые друзья Линана смогут хотя бы указать им направление или просто посоветовать, куда направиться.

— Мы мало что можем сделать, пока наемники бродят вокруг суака, — заметил Гудон. — Но ведь не могут же они оставаться здесь вечно. Им, должно быть, уже хорошо известно, что весть об их появлении разнеслась по всем ближайшим племенам, и о том, что грозная армия четтов поднимается для войны с ними. Мы вовсе не забыли, кто такой капитан Рендл и сколько бед он и ему подобные принесли нашему народу перед Невольничьей войной.

— А скоро ли будет здесь ваша грозная армия?

— Мы не можем сейчас сказать этого с уверенностью, — ответил Гудон.

— Нам нельзя оставаться здесь, — заявил Камаль. — Даже если Рендл уберется отсюда, он оставит здесь своих подручных или даст знать обо всем людям, которые желают Линану зла. Может быть, он уже успел сделать это. Для нас оставаться здесь небезопасно.

— Но ведь он не станет обыскивать весь суак? — спросила Дженроза.

Кайякан покачал головой.

— Каждый из этих домов — маленькая крепость. Его силы не приспособлены к сражению в ограниченном пространстве узких улочек и переулков, в то время как мы не готовы сражаться с ним в открытом поле.

— Тогда это тупик, — пожал плечами Эйджер.

— Если только Рендл не получит подкрепления своим силам, — отозвался Кайякан. — Возможно, что сейчас сюда уже движется армия с востока.

Наступило тягостное для всех молчание. Эйджер прокашлялся.

— А что же вам известно о нашем Линане и о том, что происходит в Кендре?

— Все, — ответил Гудон.

— Вы приносили присягу на верность короне Гренда-Лира — и, несмотря на это, готовы помогать Линану? Кое-кто сочтет это изменой.

— Но ведь вы, несмотря ни на что, сопровождаете и защищаете его, — возразил Гудон.

— Это не ответ, — настойчиво произнес Эйджер.

Гудон вздохнул.

— Здесь и сейчас я не могу объяснить всего, но скажу вам, что четты никогда не смогут забыть того, что сделал для нас генерал Элинд Чизел. Принц Линан — его сын, и он всегда будет желанным гостем для нас, даже если все остальные народы королевства отвернутся от него.

На секунду взгляды Гудона и Эйджера встретились, потом Эйджер удовлетворенно кивнул.

— Это хорошо.

— Не забывайте, что мы отвлеклись от главного — что мы будем делать после того, как Рендл со своими людьми уйдет отсюда, если он вообще уйдет, — напомнил им Камаль.

— У нас есть еще выход, благодаря которому все вы окажетесь в безопасности, и никто из ваших недругов не сможет вас найти, — сказал Гудон. — Я сам провожу вас.

— Что это за место?

— Я не сказал бы, что это какое-то место.

— У нас нет времени разгадывать загадки, — угрюмо произнес Камаль.

— Я и не пытаюсь говорить загадками, о друг Линана, но все же вам придется потерпеть и увидеть все самим. Не могу ничего больше сказать об этом. Вам придется довериться мне.

В воздухе повисло тягостное молчание, затем Линан сказал:

— Я доверяю тебе, Гудон. Я отправлюсь с тобой.

Гудон взглянул на него по-дружески.

— Я знал, что вы доверитесь мне, маленький господин.

Он обвел взглядом товарищей Линана:

— Но что скажут ваши спутники?

Прежде чем успели подать голос Эйджер и Камаль, Дженроза произнесла:

— Если вам доверяется Линан, то я тоже доверюсь.

Она взглянула на своих спутников.

— И они поступят так же.

— Хорошенькое дело, — проворчал Эйджер.

Кайякан хлопнул в ладоши.

— Как хорошо, что все мы здесь друзья, особенно в наше беспокойное время. А теперь я предлагаю...

Однако он не успел ничего предложить. В кухню вбежал один из его слуг и прошептал что-то на ухо хозяину. Его лицо приобрело серьезное выражение. Слуга хотел было исчезнуть, однако Кайякан остановил его.

— Принеси ужин нашим гостям. — Слуга отвесил поклон и скрылся за дверью.

Желудок Камаля забурчал при одном только упоминании о еде. Он выразительно взглянул на хозяина дома.

— Я не ел как следует уже несколько дней, да и мои друзья тоже.

— Сейчас об этом позаботятся, — заверил его Кайякан. — Однако появились обстоятельства намного посерьезнее, чем еда. Мой слуга доложил мне, что Рендл со своим отрядом уходит отсюда, а кроме того, из разговоров между некоторыми торговцами он понял, что наемники говорили, будто бы направятся теперь на север, в Хаксус. — Он повернулся к Гудону. — Как только они уйдут, придется уйти и вам — на тот случай, если Рендл переменит свои намерения и вернется сюда с солдатами.

Рендл выводил свой отряд из суака. На первом же взгорке он задержал Эдера и Прадо и оглянулся.

— Насколько ты уверен в том, что парнишка, которого ты видел, и был Линан? — спросил он у Прадо.

— Пятеро твоих солдат не вернулись и уже никогда не вернутся. Вот тебе и ответ на твой вопрос.

— В один прекрасный день я вернусь сюда, — сказал Рендл. — Я вернусь с тысячным войском, и мы опустошим эту землю.

Прадо ухмыльнулся.

— Ты и на самом деле думаешь, что четты позволят тебе прожить так долго?

Рендл пропустил его издевку мимо ушей.

— Мне было бы лучше ехать, — неуверенно произнес Эдер.

— Твои люди готовы?

— Да, в точности, как вы приказали. Двадцать пять всадников.

— Когда вы закончите все свои дела, отправляйтесь прямиком в Колби.

Эдер кивнул и поскакал прочь.

— Все, что теперь тебе нужно — чтобы Линан и его друзья делали все в точности, как тебе того хочется, — насмешливо произнес Прадо.

Рендл перехватил его насмешливый взгляд и продолжал смотреть прямо ему в глаза до тех пор, пока тот не стушевался и не отвел взгляда в сторону.

— Линан сбежит из суака. Что бы особенного ни знали его друзья об этих местах, здесь он не останется в безопасности. Каждый день, который Линан промедлит, оставаясь здесь, грозит ему либо окончательной утратой его наследственных прав, либо очередным

изгнанием. Только вдали отсюда, среди Океанов Травы, он окажется в настоящей безопасности.

Рендл улыбнулся собственным мыслям.

— По крайней мере, они думают именно так, и эта ошибка дорого им обойдется.

ГЛАВА 27

Впервые с того времени, как его похитил Джес Прадо, Линан ощутил полноту жизни. Его теперь окружали друзья, среди которых был и Гудон. Все они были сыты и теперь неслись вскачь на резвых и свежих лошадях — шестеро кобылиц, родных сестер, оседланных по всем правилам. По бокам висели дорожные сумки с запасом еды и фляги со свежайшей водой, а кроме того, с особенными запасами Гудона. Сам четт, вооружившегося тугим луком и добрым запасом стрел, ехал впереди всех.

Линан забросил свой меч за спину. Меч этот был не простым — его всю дорогу до Приюта Странников сохранял для Линана Эйджер. Что ж, думал Линан, хоть это и не его собственный, доставшийся в наследство от отца меч, он все же оказался добрым и надежным оружием.

Но самым лучшим из всех его ощущений было то, что его тело избавилось от старой привычной одежды, из тонкой ткани, пропитанной грязью, кровью и потом и хранившей все эти запахи. Кайякан одел их всех в новехонькие четтские одежды состоявшие из полотняных штанов и рубах, толстых пончо и широкополых кожаных шляп. Единственным, что Линан сохранил для себя, был зеленый плащ, подаренный ему хозяином дома и бережно сохраненный Эйджером. В глубине души Линан сознавал, что все они должны были выглядеть по меньшей мере странно в этом одеянии — учитывая, что пончо едва прикрывало плечи Камаля, а Эйджер напоминал своим видом увядающий и поникший цветок.

Луна светила настолько ярко, что при ее свете можно было бы читать, так что, когда Линан пожал протянутую руку Кайякана и поблагодарил его за всю помощь, которую тот оказал путникам, он без труда различил залегшие на лбу четта тревожные складки. Кайякан, прощаясь, отвесил такой глубокий поклон, от которого, как показалось Линану, все четты получали только удовольствие:

— Доброй дороги, ваше величество.

После прощания с Линаном Кайякан попрощался и с его спутниками, однако возле Гудона он задержался, и четты обменялись несколькими приглушенными словами.

Когда их разговор закончился, Гудон повернулся в седле лицом к своим спутникам.

— Теперь, друзья мои, едем как можно быстрее, по крайней мере, первый час дороги. Чем дальше мы окажемся от Суака, тем в большей будем безопасности.

Он помахал рукой Кайякану и пустил свою лошадь рысью. Остальные старались не отстать от него.

Когда Суак Странников остался далеко позади, Гудон придержал свою лошадь и перешел на спокойный шаг. Теперь лошади бежали легким галопом, их гривы развевались на ветру, точно знамена.

Линан чувствовал, что входит в сказочный мир своей мечты. Если под солнечными лучами Океаны Травы пленили его воображение, то сейчас, при свете луны, они заворожили его душу. Ему уже не казалось, будто они ехали по обычной равнине, поросшей травой, — нет, перед ними простирался настоящий океан, по которому перекатывались настоящие волны. Линан чувствовал себя божеством, скачущим на лошади по поверхности воды, а где-то внизу он слышал сердцебиение великих созданий, одиноких и дремавших в глубине, которых никогда не беспокоили движения созданий меньших. Темное небо над его головой казалось дымчатым стеклянным куполом, по которому были рассыпаны драгоценные камни. На пути вырастали и исчезали невысокие холмы.

Спустя некоторое время Гудон снова пустил лошадь быстрее, и все лошади дружно побежали следом. Линан начал постепенно различать звуки безбрежной равнины. В густой траве скрывалось великое множество кузнечиков, стрекотавших так слаженно, что их рокот сливался в какую-то необыкновенную мелодию. Время от времени слышалось уханье совы и шорох крыльев летучих мышей. Потом он услышал крик пустельги, однако в первый миг не придал этому значения — ведь пустельги летают над всеми океанами на свете.

Затем он натянул поводья и остановил своего коня. Остальные не заметили этого сразу, но спустя несколько мгновений тоже остановились.

— Что случилось? — крикнул Гудон.

Линан прижал палец к губам, призывая друзей к молчанию.

Крик морской птицы повторился. Значит ему не померещилось.

— Я прежде никогда не слыхал подобных звуков, — сказал Гудон. Он привстал на стременах, опираясь на левую ногу, и внимательно огляделся.

— Их и нельзя услышать вдалеке от моря, — заметила Дженроза.

Линан поравнялся с ними.

— Это Рендл? — спросил он.

Гудон не ответил на вопрос и подъехал ближе к Дженрозе.

— Линан говорил мне, что вы магичка?

— Я была студенткой и лишь училась магии.

Четт запустил руку в один из мешков, свисавших с его седла, и достал из него что-то, похожее на осколки прозрачного камня.

— Вы умеете бросать камни?

— Я знаю это в теории, — осторожно ответила девушка.

Тогда Гудон передал ей осколки.

— Это должно помочь, только поторопитесь. У нас не очень-то много времени.

Настойчивость, с которой он это произнес, исключала возможные вопросы. Дженроза поднесла раскрытую ладонь ближе к глазам, чтобы как следует рассмотреть то, что передал ей Гудон. В свете луны мягко сверкнули полупрозрачные серебристые плашки. Она выудила из памяти нужное заклинание. Это был один из самых нелепых наборов фраз, однако Дженроза сжала плашки в кулаке, закрыла глаза и начала декламировать строчки.

Ее рука задрожала, но Дженроза не испытала того благодатного облегчения, которое волной проходило по ее телу, когда магическое действо заканчивалось успешно. Девушка глубоко вздохнула и попыталась еще раз произнести заклинание, но и эта попытка окончилась безуспешно. Она открыла глаза и встретила серьезный взгляд Гудона.

— Простите меня, я...

— Подождите, — перебил ее четт. Он достал из рукава свой маленький костяной нож и провел его лезвием по собственной ладони. После этого он обхватил своей рукой кулак Дженрозы. — Теперь попробуйте снова.

Дженроза кивнула, закрыла глаза и начала повторять заклинание в третий раз. Теплая кровь Гудона струилась по ее пальцам. Теперь слова заклинания словно стали вибрировать в ее сознании, они росли, точно живые существа. Девушка заговорила вслух, слова потекли рекой. Плашки, зажатые в ее кулаке, начали двигаться, и она уронила бы их, если бы ее руку не сжимала крепко рука Гудона.

Остальным, внимательно наблюдавшим за магическим действом, поначалу казалось, что не происходит ничего необычного. Однако заклинание набирало силу, голос Дженрозы окреп, зазвучал громче, и все вдруг увидели, что воздух вокруг нее сгустился и задрожал. В какое-то мгновение Линан заметил в ночном небе силуэт огромной змеи — однако он исчез так быстро, что юноша решил, будто ему это померещилось.

Последнее слово заклинания Дженроза почти выкрикнула, и по всему ее телу прошла теплая волна сильного возбуждения.

Она качнулась в седле. Гудон бережно поддержал девушку и раскрыл ее кулак. Печатки исчезли.

— Хорошо, — сказал он. — Помощь придет. — Он снова внимательно огляделся. — Остается только надеяться, что она придет вовремя.

Ласково взяв Дженрозу за подбородок, он спросил:

— Вы можете ехать дальше?

Девушка слабо кивнула и, чтобы доказать свою силу, отстранилась от него и выпрямилась в седле.

— Вот они, там, смотрите! — воскликнул Камаль, указывая на север.

Друзья увидели между двумя низкими буграми на полпути к горизонту двигавшиеся по траве темные зловещие тени.

— Нам не обойти их, — угрюмо произнес Эйджер. — У отряда Рендла отличные кавалерийские скакуны. Они либо загонят наших лошадей, либо сами попадают замертво по пути отсюда до другого края Тиира.

— Мы должны попытаться уйти от них! — с жаром крикнул Гудон. — Наши лошади рождены и вскормлены в Океанах Травы, им нет равных в этом мире.

С этими словами он пустил свою лошадь в галоп. Остальные лошади без всяких понуканий бросились следом за ней.

Ветер свистел в ушах Линана, бил его в лицо, обжигал кожу и заставлял глаза слезиться, однако сердце юноши было исполнено не страха, а странной радости. Его возбуждение передалось лошади, и она летела над травой. На какой-то миг юноше показалось, что время как будто остановилось и застыло, что вращение мира зависело только от стука лошадиных копыт, поворачивавших мировую ось с небывалой скоростью. Когда Линан пытался взглянуть в сторону неприятеля, ему казалось, что наемники не приближались.

Однако на самом деле враги отличались не меньшим упорством в погоне. Неожиданно время опять словно остановилось,

лошади замедлили бег, и зловещие черные фигуры всадников Рендла начали неумолимо сокращать расстояние между собой и беглецами. Луна, еще недавно казавшаяся такой близкой, высокой и яркой, теперь склонилась к самому горизонту, ночь стала темнее и холоднее. Веселости Линана не осталось и в помине — судьба опять строила для него ловушку, и теперь он испытывал истинный ужас.

Гудон продолжал вести их за собой за запад. Впереди Линан разглядел очертания довольно высокого холма и понял, что четт направлялся именно к этому холму — видимо, выбрав его местом для последнего боя. Юноша взглянул в направлении севера и не увидел там неприятеля, но в следующий миг, словно от толчка, он оглянулся. Наемники были совсем рядом, они подгоняли своих коней ударами рукоятей мечей. Сперва он увидел пятерых, потом насчитал десятерых и сбился. Уже были отчетливо слышны их боевые крики. Он вновь посмотрел вперед и осознал, что ему с друзьями никогда не удастся добраться до заветного холма, до места последнего боя. Солдаты Рендла догонят и набросятся на них сзади, как стая котов набрасывается на мышей.

Гудон прокричал что-то Дженрозе, однако ветер отнес его слова, так что Линан не смог ничего понять. Он только увидел, как Дженроза кивнула, придержала лошадь и подождала, пока юноша не поравнялся с ней. Тогда девушка быстро намотала на руку поводья, вцепилась в гривы обеих лошадей и быстро пробормотала ровно шесть слов. Действие этих слов наступило мгновенно — в лошадей словно влилась свежая сила, и они легко понеслись вперед, обгоняя остальных троих всадников.

— Теперь остальные! — крикнул Линан Дженрозе, однако ему показалось, что она его не услышала. — Дженроза, помоги же остальным!

Девушка взглянула на него с такой печалью и отчаянием, что его сердце на миг превратилось в льдинку. Он еще раз оглянулся и увидел, что Гудон, Камаль и Эйджер повернули своих лошадей. Все трое на мгновение остановились, и Линан понял, что они в последний раз смотрели ему вслед. Затем Гудон снял с плеча лук, вложил в него стрелу, и друзья ринулись навстречу врагам с такими громкими боевыми восклицаниями, что казалось, будто в небе задрожали звезды.

— Нет! — выкрикнул Линан. — Нет! — Он резко натянул поводья, и его лошадь громко заржала. Когда она остановилась, Линан начал поворачивать ее назад.

— Не делай этого, Линан! — крикнула Дженроза и схватила поводья его лошади, пытаясь остановить его. Ее глаза были пол-

ны слез. — Другого выхода у нас нет! Они дарят тебе последнюю возможность. Не делай их гибель напрасной!

Линан повернулся к ней и гневно крикнул:

— А как же ты? Что ты принесешь в жертву для принца Линана?

Она показала на холм.

— Там я остановлюсь. Все те небольшие магические возможности, которыми я наделена, я употреблю, чтобы защитить тебя по дороге на запад. Гудон сказал, что помощь уже вышла, и если мы сможем задержать врагов на достаточное время, то ты сможешь оказаться в безопасности раньше, чем тебя схватят.

Гнев Линана словно испарился.

— Я не хочу, чтобы ты погибла ради меня! — воскликнул он. — Я не хочу, чтобы еще хоть кто-то погибал ради меня!

— Но почему ты считаешь, что выбор за тобой? — спросила Дженроза, и в ее голосе прозвучала едва ли не насмешка. — Ни один из нас не выбирал такой участи, однако ни Гудон, ни Камаль с Эйджером не отступят перед судьбой, и я тоже.

Она схватила Линана за ворот рубашки и притянула его лицо к своему.

— А если бы ты обладал хотя бы десятой долей отваги своего отца, не отступил бы и ты! — Линан отпрянул от нее.

— Я не выберу этой судьбы! — крикнул он ей в лицо и, пустив лошадь галопом, ринулся назад, навстречу врагам.

— Проклятье! — выдохнула Дженроза и выхватила меч из ножен. В том состоянии, в котором девушка находилась в это мгновение, ей подумалось, что меч в ее руках будет уместнее любой магии. Ее друзья шли на верную смерть, и она со странным чувством удовлетворения поняла, что не хочет жить без них. Она попробовала взмахнуть мечом над головой, и он просвистел в воздухе. «Это добрый знак», — решила она и шепнула на ухо лошади единственное слово. Лошадь заржала, тряхнув головой, и галопом пустилась догонять свою сестру.

Линан тоже успел обнажить свой меч и несся вперед, наклонившись к голове лошади и держа меч перед собой. Он молил бога о том, чтобы его храбрость не исчезла. Юноша видел, как трое его друзей бились по меньшей мере с пятью солдатами. Их оружие стремительно поднималось и опускалось, кони вставали на дыбы друг перед другом. Еще трое или четверо наемников лежали замертво со стрелами, торчавшими из горла или из глаз. Остальные солдаты не очень решительно окружали сражавшихся, однако не решались присоединиться к схватке. Друзья Линана использовали врагов как щиты,

а их легкие лошади позволяли без лишних усилий маневрировать среди топтавшихся и храпевших кавалерийских коней.

Линан ринулся в бой молча. Первой его жертвой стал солдат, круживший возле сражавшихся и, судя по всему, тоже намеревавшийся вступить в схватку. Меч Линана с силой опустился на голову наемника, с которой от этого удара слетел шлем вместе с отрубленным ухом. Солдат повернулся в сторону неожиданной опасности, и Линан ткнул его острием меча в лицо. Молниеносно выдернув клинок, он выбросил его выпрямленной рукой вперед, прямо в направлении следующей жертвы, — в точности так, как учил Камаль. Теперь перед ним оказался наемник, на голове которого шлема уже не было. Он успел увидеть бросившегося на него Линана, однако противостоять ему уже не смог — удар меча пришелся в плечо солдата, разрубив ключицу и ребра. Удар этот был настолько силен, что рука Линана заболела; выдергивая лезвие из тела поверженного врага, он мысленно выругал себя за то, что не согнул ее в локте прежде, чем удар достиг цели. Увы, не все уроки Камаля пошли впрок.

Теперь, увидев Линана, многие солдаты разворачивались к нему с явным намерением разоружить и захватить принца. Линан видел перед собой лишь один путь — вперед. На несколько мгновений среди сражавшихся солдат и его друзей образовалось небольшое свободное пространство, и юноша, не раздумывая, направил лошадь через него. Он успел заметить полный ужаса взгляд Камаля, увидевшего своего воспитанника, однако времени на приветствие не было. В сторону Камаля, казалось, ниоткуда, летел меч.

Однако коннетабль был достаточно ловок и с легкостью отразил удар. Линану не хватило скорости, чтобы увернуться, и лезвие плашмя ударило его по уху. Он вскрикнул от боли, парировал удар и почувствовал, что меч попал во что-то твердое. Тем временем к Камалю приблизился еще один солдат, вертевший над головой короткую булаву. Линан стремительно повернул лошадь и ударил наемника мечом по запястью. Тот с криком упал, однако быстро вскочил на ноги. Не успел Линан ударить во второй раз, как наемника сшибла его лошадь, и тот успел лишь слабо вскрикнуть, когда копыта раздавили его грудь и голову.

Тотчас же вслед за этим Линан оказался зажатым с двух сторон солдатами, потеряв возможность поднять руку с мечом. Наемник с правой стороны занес собственный меч и хотел было ударить Линана рукоятью по голове. Однако юноша проворно уклонился, и солдат потерял равновесие. Линан тотчас же выпрямился, резко дви-

нул головой и лбом расшиб противнику нос. Тот откинулся назад в седле рухнул под копыта своей лошади. Высвободив таким образом правую руку, принц ударил врага, теснившего его слева. Но на этот раз удар оказался неточным. Солдат попытался оттащить Линана в сторону, но тут за его спиной появился Эйджер. Один тычок короткого меча свалил наемника с седла.

— Какого черта ты здесь делаешь, малыш? — гневно выкрикнул Эйджер, однако лошадь Линана внезапно рванулась вперед, и он не успел ничего ответить горбуну. Теперь юноша рубил мечом, почти не глядя, направо и налево, сбивал чьи-то шлемы и распарывал кожаные латы. Однако все это были пустяки, и особенных результатов эти удары не приносили. Неожиданно пространство вокруг него опустело, и он оказался в стороне от основной схватки.

На него обратили внимание двое солдат: лицо одного из них напоминало медвежью задницу, а нос второго прорезал страшный шрам. Они приблизились, и Линану пришлось развернуть свою лошадь. Следом пришла отчаянная мысль, что лучше было бы снова затеряться в гуще схватки и раствориться там, среди друзей и врагов, чтобы остаться неузнанным. В это мгновение кто-то проскакал мимо него, держа меч в самом нелепом положении. Линан услышал звук удара стали о плоть, и снова повернул лошадь. Кобыла Дженрозы продолжала бежать, унося девушку от солдата, чье лицо она искалечила; одновременно его напарник со шрамом попытался нанести ей удар, когда она проскакала мимо него.

Теперь наступила очередь Линана. Коленом он с силой ударил в бедро солдата, задетого мечом Дженрозы, лишил его равновесия и одновременно ударил острием меча прямо в лицо второго наемника. Солдат даже не успел вскрикнуть — его кровь забрызгала Линана, а лошадь принца попыталась отшатнуться от опасного места. Линан повернул ее в третий раз, слегка приподнялся в седле и вложил всю свою силу в новый удар. На этот раз он ударил по шее наемника с медвежьим лицом, его клинок разрубил мышцы и сухожилия. Солдату удалось лишь открыть рот — однако закричать он уже не мог, лишь воздух со свистом вырвался из страшной раны. Конь под ним заржал, встал на дыбы и рухнул поверх тела своего хозяина.

Тем временем Дженроза успела справиться с лошадью и уже озиралась в поисках новых жертв. Но у Линана не было времени беспокоиться о девушке. Он увидел пятерых солдат, спешивших к месту главной схватки, и тотчас же понял, что теперь численный перевес вновь окажется не в пользу его друзей. Не думая более ни о

чем, он ринулся к ним, держа перед собой наготове свой меч. Он уже наметил для себя солдата слева, однако вместо того, чтобы броситься на него, наемники рассеялись и окружили Линана. Теперь его меч лишь впустую рассекал воздух.

Один из солдат крикнул:

— Мы вовсе не желаем тебе зла, принц Линан. Брось свой меч и сдавайся!

В ответ Линан снова яростно взмахнул мечом, однако наемники чуть расступились, а затем вновь сомкнулись кольцом возле него.

— Что ж, тогда придется выбрать путь потруднее, — произнес тот, что кричал, и кивнул своим спутникам.

По этому сигналу все они сдвинулись, держа свои мечи так, чтобы возможные удары пришлись плашмя. Линан сосредоточил свое внимание на одном из них и направил свой удар в голову врага, однако промахнулся. Тогда наступила их очередь. Тяжелые стальные удары обрушились на спину и на руки Линана, потом на правую ладонь. Меч выскользнул из онемевших пальцев юноши. Он попытался повернуться и выхватить меч у одного из солдат, однако все они успели ускользнуть от его захвата и вновь развернулись для новой порции ударов, которые на этот раз пришлись по бедрам и плечам. Все мышцы Линана точно одеревенели. Он успел только почувствовать, что одна его нога выскользнула из стремени, и тут же начал валиться набок. Из последних сил он ухватился за седло одного из солдат и освободил вторую ногу. Наемник зарычал и рукоятью меча ударил Линана по рукам.

С криком Линан отпустил седло. Он упал, прижался к земле и замер. Спустя мгновение он попытался повернуться на бок и подняться, однако наемники не дремали, и вновь его окружили лезвия мечей, повернутые плашмя. Его обступили кони, спасения не было, на него снова посыпались удары. Внезапно они прекратились, чьи-то грубые руки схватили его за пончо, еще одни руки, сбросив с его головы шляпу, вцепились в волосы. Линан чувствовал себя раздавленным. Он еще пытался дышать, однако каждый глоток воздуха вызывал безумную боль в его горле и в груди.

Словно в тумане, он услышал чей-то дикий крик, однако ему уже не было никакого дела до того, чей это был крик и что он мог бы означать...

Камаль упивался ощущением последней схватки. Он сознавал, что неминуемо должен погибнуть, и это сознание придавало ему сил для того, чтобы расправиться с возможно большим числом

врагов, угрожавших Линану. Чтобы дать мальчику, которого последние пятнадцать лет он любил как собственного сына, единственную возможность уцелеть. Он чувствовал себя непобедимым. Его меч разил врагов направо и налево, разрубая тела и перерезая шеи, подобно лезвию косы, подрубавшей стебли пшеницы, а когда он краем глаза увидел, как сражался рядом с ним Эйджер, он не мог сдержать ликующего возгласа.

За его спиной сгрудились солдаты, чтобы напасть на него исподтишка, не будучи замеченными вовремя, — однако у Камаля словно появились глаза на затылке. Он яростно отражал все попытки выбить его из седла, и всякий раз, когда его меч опускался, это означало верную гибель очередного противника. Чем больше наемников присоединялись к нападавшим, тем больше становилось среди них тех, кто закрыл глаза навечно.

Теперь вокруг великана, горбуна и дикого четта гарцевали на конях девять солдат, однако в течение ближайшего времени все они нашли свою гибель. Тут же появился еще один боец — маленький и хрупко сложенный, с огромным мечом в руке. Они не успели узнать принца и не думали о нем больше, потому что он исчез из виду так же внезапно, как и появился.

Однако Камаль успел разглядеть знакомые черты, и для него появление Линана посреди схватки стало непереносимым ударом. Внезапно удаль и вдохновение боя сменились неописуемым страхом за судьбу своего воспитанника. Он видел, как Линан оказался в стороне, попытался пробиться к принцу — но теперь солдат вокруг стало слишком много, и ему ничего не оставалось делать, кроме как защищать собственную жизнь.

В конце концов даже его непомерные силы начали иссякать.

Он пытался выбраться из свалки и таким образом освободить побольше пространства, чтобы найти своему могучему телосложению лучшее применение, однако всякий раз при подобных попытках кто-нибудь оказывался у него на пути. Эйджер, должно быть, угадал замыслы товарища, потому что тоже начал пытаться пробить проход в толпе солдат. Но даже совместные усилия друзей ни к чему не привели.

Тогда Гудон, стряхнув навалившегося на него наемника, врезался в водоворот сражавшихся. Солдаты, преграждавшие путь Камалю, дрогнули. Гудон не замедлил воспользоваться этим и бросился в атаку — но в тот же миг увидел, как Эйджер приник к лошадиной шее, раненный в голову. Тотчас же четт повернул обратно, однако краем глаза успел заметить Линана, окруженного пятью солдатами.

На долю секунды четт заколебался, и в это короткое мгновение на него набросились двое врагов. Быстрым движением Гудон свалил одного из них, однако второму удалось увернуться от удара. Четт оглянулся назад. Эйджер держался в седле, из раны на голове текла кровь — но, несмотря на это, горбун продолжал проворно и ловко орудовать своим мечом.

Гудон вынырнул рядом с Камалем и прокричал:

— Спасай Линана! — после чего снова исчез в массе сражавшихся. От этой массы отделились несколько солдат и попытались преградить дорогу великану, но Камаль повернул лошадь и увидел наемников, окружавших Линана. Принц стоял на земле, а вражеские мечи поднимались и падали, словно крылья ветряной мельницы. До его слуха донесся крик, в котором слышались ненависть и ярость, и внезапно еще один всадник врезался в кольцо солдат. В этом всаднике Камаль узнал Дженрозу. Она размахивала мечом, как кнутом, по обе стороны, и хотя ее удары никому из солдат не нанесли ни малейшего ущерба, наемники растерялись и рассеялись.

Камаль еще успел увидеть упавшего на землю Линана, а в следующий миг он уже был возле первого из врагов. Его меч опустился в сокрушительном ударе и отсек руку солдата. Не задерживаясь ни на мгновение, он бросился на следующего наемника. Этого он ударил в глаз рукоятью меча, потому что ему не хватало времени для настоящего удара. Солдат отпрянул с криком боли и ужаса. Камаль взглянул на Дженрозу. Девушка спешилась и пыталась поднять Линана на свою лошадь, однако ей не хватало сил.

Боясь самого худшего, он бросился к ней, наклонился к Линану и, схватив его за пончо, одним мощным движением поднял его с земли и перекинул поперек шеи лошади Дженрозы. Девушка проворно вскочила в седло, но уехать прочь не успела — уцелевшие наемники пришли в себя и бросились в атаку. Двое из них напали на Камаля, третий бросился к Дженрозе. С одним из нападавших Камаль расправился легко — но другой неплохо знал свое дело, без труда отражал удары Камаля и не пытался приблизиться, задерживая великана.

Дженроза отважно защищалась, однако солдат с легкостью преодолел эту защиту и ранил девушку в бедро. Подавив крик, она повернула свою лошадь, пытаясь поставить ее так, чтобы между ней и врагом оказалась лошадиная голова. Но при этом она на мгновение отпустила Линана, и он соскользнул на землю. Наемник издал победный вопль и продолжил атаку, вынуждая Дженрозу отсту-

пить прочь от принца. Несмотря на то, что ей удавалось парировать удары, девушка понимала, что близка к гибели как никогда. Ей было странно от того, что она не испытывала страха: была лишь злость на саму себя за то, что ей не удалось спасти Линана.

Камаль видел, в каком трудном положении оказалась Дженроза, но ничем не мог ей помочь. Всякий раз, лишь только он пытался повернуться к ней, перед ним снова оказывался его противник, бывший намного опытнее остальных, перекрывал ему путь и удачно избегал опасности для себя. В отчаянии Камаль перехватил меч и бросил его в солдата, как копье. Изумленный наемник успел увернуться и отразить удар, но у Камаля уже появилась та секунда, которая была ему так нужна. Теперь он попросту ударил солдата кулаком в лицо. Глаза наемника сошлись у переносицы, рот открылся сам собой, и он начал валиться с коня. Камаль выхватил нож и вонзил его в горло наемника. Из смертельной раны хлынула кровь, а Камаль оттолкнул тело в сторону и наполовину соскользнул с седла, чтобы поднять меч. Выпрямившись, он взглянул на Дженрозу и с горечью понял, что опоздал. Девушка стояла на одном колене, а ее противник, сидевший на коне, уже заносил меч для гибельного удара.

Внезапно кто-то, появившийся за спиной всадника, схватил его за штаны и стянул с коня. Оба человека покатились по земле. Наемнику удалось вскочить на ноги, и Камаль увидел Линана, пытавшегося из последних сил отползти в сторону. Наемник издал торжествующий крик, занес меч и опустил его. В тот самый миг, когда конец лезвия коснулся спины Линана, острие меча Камаля чудесным образом пронзило грудь солдата. Сила удара была такова, что наемник повис на лезвии меча, как рыба на остроге. Из его рта хлынула кровь. Камаль опустил меч, стряхнул тело на землю, точно мешок с зерном, соскочил с лошади и бросился к Линану.

Дженроза опередила его. Она кричала, не переставая. Девушка стиснула тело Линана в объятиях, ее заливала его кровь. Камаль опустился возле них на колени, его сердце билось так сильно, что ему казалось, будто оно вот-вот выскочит из груди. Линан был смертельно бледен, однако между его губами кровь не выступила. Камаль быстро забрал принца из рук Дженрозы и перевернул его. Рана оказалась глубокой, но кости видно не было. Камаль понимал, что если они не смогут остановить кровотечение, Линан неминуемо погибнет.

Тут он вспомнил о друзьях и посмотрел в их сторону. Лошади Эйджера и Гудона стояли бок о бок, а сами они, беспредельно

измученные, продолжали отражать каждый удар. Их окружали восемь солдат, лица которых уже выражали торжество победы.

— Зажми его рану руками, — велел он Дженрозе. — Я вернусь.

Он подбежал к своей лошади, вскочил в седло и последним усилием пустил ее в галоп. Лошадь пробежала половину расстояния, но неожиданно ее передние ноги подкосились и она рухнула на землю. Камаль упал, выругался, вскочил на ноги и побежал к месту схватки, лелея в душе надежду, что успеет вовремя, однако чувствовал себя так, словно бежал по песку.

А в следующий миг он увидел, как что-то изменилось. Один из солдат, окружавших Эйджера и Гудона, отступил назад, следом за ним отшагнул второй. Они повернули своих коней и поскакали прочь. За ними последовал третий, затем все остальные один за другим повернули коней. Камаль в изумлении замер на месте. На его глазах что-то длинное, черное и оперенное вонзилось в спину последнего всадника, и тот упал с седла. Камаль взглянул на Гудона, но лук по-прежнему висел у четта за спиной. Внезапно из темноты появился новый отряд всадников с луками в руках. Они преследовали наемников, держа зубами поводья своих лошадей. Вот всадники выпустили стрелы, потом еще и еще — до тех пор, пока все солдаты, пытавшиеся спастись бегством, не покинули своих седел. Из спины каждого торчало черное древко.

Линана захлестывали волны агонии. С каждым вдохом его грудь и спина разрывались от боли. Он сознавал, что его глаза открыты, потому что он видел звезды в темном небе, а время от времени очертания чьих-то лиц. Кроме того, он слышал какие-то возгласы, топот копыт. Потом чьи-то руки передвинули его, потом еще раз.

Ему казалось, будто он слышал, как кричала на него Дженроза, а следом за ней Камаль. Почему они так сердиты на него? Кто-то попытался его поднять. Он хотел сказать им всем, чтобы они уходили. Он слишком тяжело ранен. Почему они не оставят его в покое? Он был уверен, что если бы его оставили в покое, он мог бы заснуть, и тогда все стало бы хорошо.

Потом он услышал голос Пайрема. Нет, этого не могло быть. Пайрем остался в Кендре. Тогда где же был он сам? Его снова подняли, и его тело захлестнули новые волны боли. Море. Что было связано с морем? Он должен был вспомнить. Что-то важное. Он не хотел тонуть. Он просто хотел спать.

А потом все опять стало спокойно, хотя он чувствовал какое-то движение. Мимо него проплывали какие-то фигуры, он видел конские ноги.

Он взглянул в небо, но звезды исчезли. Он хотел было закрыть глаза, но оказалось, что они были уже закрыты. «Я засыпаю, — подумал он. — Наконец-то я засыпаю».

ГЛАВА 28

Выйдя из часовни и увидев перед собой море лиц, Арива прищурила глаза, чтобы не ослепнуть от яркого света. Наступила маленькая заминка, все вокруг замерли, а в следующий миг началось приветствие королевы. Первыми подходили дворцовые приближенные, офицеры и королевские стражники, потом волна приветственных возгласов прокатилась вдаль по толпе. Возгласы сливались, наполняя сердце королевы радостью и унося его в поднебесье. Перед ней стоял ее народ, все ее королевство.

Пустельги плясали в небе над заливом — и на развевавшихся знаменах дома Розетемов, на каждом флагштоке во дворце и в городе, казалось, тоже били крыльями живые птицы. Арива высоко подняла два Ключа, сверкнувшие в ярком солнечном свете — Ключ Скипетра, дававший ей право властвовать, и Ключ Меча, устанавливавший право защищать свое королевство от самых неожиданных напастей.

Олио взял ее за руку, а Деджанус и Оркид заняли свои места за ее спиной. Она медленно спустилась по широкой лестнице в большой приемный зал, сопровождаемая придворным сержантом со знаменем короля Тибальда, на котором был изображен Меч Государства. Приветственные возгласы не смолкали, слышались аплодисменты и пение. Перед королевой был ее народ. Аристократы и послы, правители вассальных государств, главы гильдий, священнослужители, представители теургий — все присоединялись к процессии, следовавшей за королевой. Она вышла из дворца, и началось ее торжественное шествие через всю столицу, главная улица которой была заполнена народом, едва сдерживаемым королевской гвардией. Стоило Ариве миновать какой-либо отрезок пути, как стражники тотчас меняли свои позиции, бежали боковыми улочками, чтобы оказаться впереди процессии.

Арива старалась выдерживать неторопливую величавую поступь, однако ее так переполняло торжество и веселье, что ей больше всего хотелось подобрать юбки и побежать вперед.

Между стражниками пробирались дети, бросая ей под ноги цветы. Арива смеялась вместе с ними. Старики и старухи

тянулись, чтобы поцеловать ее руку, и она охотно позволяла им это. Ее имя слышалось повсюду, его произносили солдаты, крестьяне, пивовары, портные, и она улыбалась всем вместе и каждому в отдельности.

Когда она вступила в старый квартал возле гавани, то увидела людей, свисавших из окон вторых этажей и жаждавших увидеть королеву. Из тех же окон свешивались знамена, расшитые золотым и черным — цветами Розетемов. Они развевались на ветру, касаясь ее волос. Арива смеялась, махала людям рукой, целовала края знамен, что-то кричала в ответ на приветствия. Она была до того счастлива, что на ее глазах выступили слезы.

Наконец шествие дотащилось до самой гавани. Там королеву уже ожидали военные корабли с надраенными до блеска палубами, свежеокрашенными бортами и развевавшимися на мачтах флагами с изображением пустельги. Когда появилась Арива, экипажи всех судов, выстроившись на палубах, дружно прокричали слова приветствия так громко, что в окнах ближайших зданий задребезжали стекла. Стая чаек взлетела к небу.

Арива одна взошла на помост, выстроенный перед кораблями, на котором стояло единственное простое кресло без всяких украшений. Подойдя к этому креслу, она остановилась и повернулась лицом к волновавшемуся морю народа. Наступил самый главный момент в ритуале коронации, все затихло, люди опустились на колени и низко, едва ли не до земли, склонили головы.

Наступила тишина, в которой раздался звонкий голос Аривы.

— Вы мой народ, — произнесла она, перекрывая шорох набегавших волн. — Я всегда буду вашей королевой. Ничто не сможет встать между нами. Я живу для того, чтобы служить великому королевству Гренда-Лир, всем его жителям и промыслу божьему.

Она села в кресло, и вновь отовсюду послышались приветственные возгласы. Олио взобрался на помост, встал перед сестрой на колени и лбом коснулся ее колен.

— Истинно, сестра, ты наша королева, и никто не посмеет в этом усомниться.

Арива наклонилась и поцеловала его.

— Нам пришлось многое пережить с тех пор, как умерла наша матушка и двое братьев, дорогой Олио, но теперь все пойдет своим чередом. — Брат взглянул в ее глаза, светившиеся счастьем и серьезностью. — Мне кажется, что в мире снова воцаряется гармония.

* * *

Джес Прадо, пошатываясь, вышел из палатки с кожаной флягой в руке и не очень уверенно прошел через весь лагерь. За ним со злобной заинтересованностью наблюдал часовой. Прадо удалось без приключений добраться до середины лагеря, однако когда он начал обследовать свой пояс, то не удержался на ногах и упал в большую лужу мочи. Его падение сопровождалось громким хлюпающим звуком. Часовой долго и громко хохотал и оборвал смех лишь тогда, когда заметил сержанта, вышедшего из своей палатки и начавшего обычный обход лагеря. Солдат тотчас же забыл о пьяном Джесе Прадо и одернул куртку.

Прадо, которого теперь не было видно, отбросил флягу и пополз на четвереньках к тому месту, где стояли на привязи кони. Здесь он выбрал самого спокойного скакуна, отвязал его и тихо, с величайшей осторожностью вывел в темноту за пределы лагеря. Когда звуки лагерной жизни остались позади, он вскочил в седло, сжал коленями бока коня, вцепился руками в его гриву и опасной дорогой направился обратно в Хьюм.

Он долго ждал возможности удрать из-под пристального надзора — но рискнул попытаться сделать это лишь нынешней ночью.

Возраставший день ото дня гнев Рендла повергал его в ужас. С тех пор, как отряд подошел к границам Хаксуса, Рендл ждал донесения от Эдера, однако никто так и не явился с этим донесением. Рендл не желал признавать, что его верный лейтенант предал его. Несмотря на то, что даже известие о существовании Линана и его приблизительном местонахождении могло возвысить его в глазах короля Салокана, он был в ярости от того, что юный принц вновь ускользнул.

Прадо понимал, что теперь его собственная жизнь не стоила для Рендла ни гроша, и если этот побег не удастся, то его ждет неминуемая гибель. Кроме того, он считал, что если Рендл мог оповестить о Линане короля Хаксуса, то сам он с таким же успехом мог бы продать эти сведения Ариве.

Он поднял глаза и посмотрел в яркое далекое небо — тотчас же подумал о том, как было бы хорошо стать птицей и благополучно долететь до дома. Тяжело вздохнув от разочарования, он осознал себя ничтожным одиноким человеком, волей судьбы оторванным от друзей и близких. Маленьким человеком, которому предстоял далекий и опасный путь — не менее опасный, чем путь, пройденный

вместе с Рендлом. Однако ему было необходимо преодолеть эту дорогу. У него имелись важные сведения для новой королевы. В последний раз он оглянулся на лагерь Рендла.

«А еще остался долг, который нужно вернуть, — подумал он. — Отыщи-ка меня, капитан Рендл. В один прекрасный день я вернусь и сниму тебе голову с плеч».

Дженроза вошла в шатер и тотчас же почувствовала себя плохо от жары. Посреди хижины ярко горел очаг, обложенный белым камнем. Рядом с ним лежала груда пушистых шкур, а на ней покоился Линан. Он не приходил в сознание, его лихорадило. Лихорадка не проходила вот уже пять дней. Кожа принца пожелтела, лицо искажала не проходящая гримаса боли.

Камаль не отходил от юноши, он почти неподвижно сидел рядом. Поначалу Дженрозе показалось, что бывший коннетабль молится, но потом она расслышала имя Элинда Чизела. Девушка подошла ближе и прислушалась.

— Так и вышло, что, когда твоего отца убили, я принял тебя, как родного сына. Конечно, без всяких формальностей. Я хочу сказать, что солдат не смеет указывать королеве, как ей относиться к собственному ребенку, но я хотел быть уверенным в том, что ты будешь расти таким, каким хотел бы тебя видеть наш генерал. — Камаль замолчал и прокашлялся. — А теперь вот ты лежишь здесь, и у четтов нет никакого лекарства или магического способа вылечить тебя, потому что ты слишком тяжело ранен. Так что тебе надо выкарабкиваться собственными силами. Я больше ничем не могу тебе помочь. Никто не в силах тебе помочь. Но пойми, я не собираюсь отступаться от тебя. Я не собираюсь просто так позволить тебе умереть, малыш. Я буду говорить с тобой. Ты слышишь мои слова, и они должны подействовать.

Дженроза склонилась над Линаном рядом с Камалем, стараясь не сгибать перевязанную ногу. Глаза Камаля покраснели, обеими руками он держал правую руку Линана. На миг Дженроза положила свои ладони поверх ладоней Камаля.

— Ничего больше нельзя сделать, — горестно произнес он.

Дженроза дотронулась до лба Линана. Он был влажным и холодным, несмотря на жару.

— Тебе надо хоть немного отдохнуть. Я останусь с ним.

— Ведь ты же маг... — с робкой надеждой сказал Камаль, глядя в ее глаза.

В его взгляде отразились ее собственные боль и горечь. Она покачала головой.

— На самом деле я была всего лишь студенткой, Камаль. Мне известны кое-какие штучки, я знаю некоторые простые заклинания — но то, что нужно Линану, лежит за пределами моих возможностей. А может быть, за пределами возможностей всех других магов, которых я знаю.

Камаль вскинул голову.

— Я не собираюсь позволить ему умереть, — произнес он с жаром.

Дженроза приложила ухо к груди Линана. Его сердце билось слабо и замедленно. В этот миг ей пришло в голову, что она отдала бы за принца свою жизнь, если бы это было нужно.

«Это была бы справедливая замена, — подумала девушка со слабой надеждой на то, что бог где-то слышал ее. — Сейчас моя жизнь стала для меня что-то значить. Это была бы жертва».

Однако ему требовалось нечто более сильное, чем ее жизнь. «Его душа сейчас где-то очень далеко... может быть, он видит мир мертвых. Если бы он только не потерял столько крови».

Она прищурилась. Кровь. Источник всей жизни. В ее сознании возникло неясное воспоминание, а когда ей удалось поймать собственную мысль, она вздохнула и широко раскрыла глаза, полные страха. Могла ли она посметь? Это могло бы убить его, и все же...

Девушка снова взглянула на бледное лицо Линана и поняла, что у нее не осталось другого выбора. Она с трудом выпрямилась и вышла из палатки, оставив Камаля, который нахмурился, глядя ей вслед. На траве возле палатки сидели Гудон и Эйджер. Оба они с испугом взглянули на Дженрозу.

— Он не?.. — спросил Эйджер, не в силах закончить вопрос.

— Нет, но скоро это случится, если мы ничего не сделаем.

Она огляделась, однако не увидела того, что ей было нужно.

— Где седельные сумки Линана?

— Что?

— Ради бога, Эйджер! Его седельные сумки! Где седельные сумки Линана?

— В нашей палатке, — ответил он. — Для чего они тебе?

Дженроза не ответила и обратилась к Гудону.

— Принеси мне их и немного твоего снадобья.

— Хэту больше не поможет, — возразил Гудон. — Его раны слишком глубоки.....

— Принеси мне все это! — выкрикнула девушка ему в лицо и скользнула обратно в палатку.

Спустя несколько мгновений вошли Эйджер с Гудоном. Гудон протянул ей сумки и маленькую склянку с хэту. Она вытряхнула на землю содержимое одной сумки, но не нашла среди вещей того, что ей было нужно.

— Дерьмо, дерьмо, дерьмо! — воскликнула она и раскрыла вторую сумку, содержимое которой тоже высыпала себе под ноги. Наклонившись, она подняла плащ лесного жителя, порылась в его накладных карманах и достала перепачканный кусок зеленой ткани. — Хвала богам!

Остальные в недоумении смотрели на нее.

— Что ты делаешь? — спросил Камаль.

Все внимательно смотрели, как она вынула пробку из флакончика с хэту, потом осторожно соскребла ножом что-то темное с клочка ткани и всыпала его во флакон.

— Что это? — спросил Гудон. — Что ты делаешь?

— Спасаю жизнь Линана. — Девушка посмотрела на них, и друзья увидели, как напугана она сама. — Кровь за кровь, — произнесла она.

С этими словами она заткнула склянку пальцем и сильно встряхнула ее. Содержимое склянки окрасилось в рубиново-красный цвет. Дженроза наклонилась над Линаном, раздвинула его губы и медленно вылила жидкость из склянки ему в рот.

Когда склянка опустела, девушка села рядом с Линаном. Остальные с волнением наблюдали за происходившим.

— Если это подействует, то займет не больше мгновения, — сказала Дженроза.

Не успела она произнести эти слова, как из груди Линана вырвался страшный тихий звук. Его мышцы окрепли, спина выгнулась. Он открыл рот и закричал. Дженроза и все остальные с ужасом смотрели на него.

Линан опять упал на груду шкур и затих.

— О боже, не допусти, чтобы я убила его, — прошептала девушка.

Эйджер приник ухом к груди Линана.

— Он еще жив. — Его глаза округлились. — Сердце забилось сильнее! — Горбун выпрямился и взглянул на Дженрозу. — Что ты сделала?

 — Я ни в чем не уверена...

— Ты спасла его жизнь! — с восторгом произнес Камаль. Он подхватил девушку-магичку своими могучими руками и закружил ее по шатру. Затем, осторожно опустив Дженрозу на ноги, он неожиданно поцеловал ее. На мгновение их глаза встретились, и оба они одновременно залились краской.

— Ты спасла его жизнь, — повторил Камаль.

«Или забрала его душу», — подумала Дженроза. Ее чувства были в таком смятении, какого ей никогда еще не приходилось испытывать.

ГЛАВА 29

Арива уединилась в своих покоях. Она выставила за двери всех фрейлин с их непременной и непрерывной болтовней, удалила секретаря со всеми его бумагами и даже выгнала стражников, имевших самый что ни на есть торжественный и важный вид. Впервые с тех пор... она даже не могла вспомнить, с какого момента осталась в полном одиночестве. Сейчас она бодрствовала и наслаждалась покоем.

Ее возлюбленный проводил последние часы со своим отцом перед возвращением короля Марина в Аман. Олио снова исчез из дворца; она подумала, что следовало бы присмотреть за ним — ей вовсе не хотелось, чтобы с братом что-нибудь случилось.

Большинство гостей из провинций, прибывших на коронацию, уже покинули Кендру, и после нескольких дней праздничной суматохи жизнь в городе вернулась в обычное русло. Во время коронации все аристократы из Двадцати Домов, все ее дядюшки и тетушки, все дальние родственники вели себя превосходно и даже сообщение о ее помолвке с Сендарусом восприняли с полной невозмутимостью.

А вот представителей провинций эта новость, конечно же, весьма обрадовала. Одному из них предстояло стать членом королевской семьи, женившись на самой королеве! Возможно, что все они покидали столицу, думая о том, что королю Марину выпала удача; о том, что теперь можно было надеяться даже на то, что их собственные внуки и правнуки смогут стать супругами будущих поколений семьи Розетемов. Эта мысль развеселила и взволновала Ариву. Близилось время, когда Гренда-Лир должен был стать настоящим королевством — на деле, а не только по названию.

Она положила ладонь на живот. Она была вполне уверена в том, что еще не забеременела — однако не сомневалась и в том,

что в будущем году беременность непременно наступит. Ей хотелось иметь дочь. Конечно, она была бы счастлива и в том случае, если бы родился сын, но больше всего ей хотелось иметь дочь. Как бы она назвала девочку? Конечно, Ашарной. А если бы появился сын, какое имя она выбрала бы для него? Берейма? Олио? Сендарус или Марин? Она поморщилась. Только не Линан. Ни за что на свете. Это имя на все времена должно исчезнуть из королевской семьи.

Арива вышла на балкон. Белый камень дворцовых стен казался золотистым в лучах заходившего солнца. «Маяк для самых дальних кораблей, — подумала она. — Великий символ для самых дальних земель». Ветер с моря играл знаменами Розетемов, украшавшими дворец, и казалось, что черные пустельги взлетали вверх.

За дверью послышались звуки борьбы. Стражники кого-то удерживали. Затем Арива услышала голос Харнана, который объяснял кому-то, что королева занята и не может никого принять. Вслед за этим мужской голос настойчиво заговорил о том, что у него срочное сообщение. Его звали Прадо, и у него было срочное сообщение для королевы.

«Может быть, что-то о Хаксусе», — подумала Арива и улыбнулась. Конечно, тогда, несколько недель назад, Харнан был прав. Работа на самом деле никогда не могла прекратиться. Ей припомнились и слова Олио, и Арива ощутила гордость от того, что, может быть, она действительно все больше и больше начинала походить на свою мать.

Она уверенно подошла к большой двери и распахнула ее. Харнан взглянул на королеву с удивлением. Рядом с ним стражники все еще удерживали самого неряшливого и грязного человека, какого Ариве когда-либо приходилось видеть. Он посмотрел ей прямо в глаза, и она смогла прочесть в его взгляде что-то неясное, но серьезное.

Она улыбнулась Харнану.

— Я королева для всех своих подданных, мой добрый секретарь. Я буду рада выслушать известия, которые принес этот человек.

— На этой неделе в основном дети, ваше высочество, — произнес отец Лукас.

Олио одним пальцем слегка отодвинул занавеску и заглянул в палату. Все семь кроватей были заняты, и только на двух из них лежали взрослые люди.

— Ваше высочество, — сказал маг за его спиной, — никто из них не болен серьезно. Они не нуждаются в вашем внимании. —

Маг помнил о наказе, полученном от Эдейтора Фэнхоу, который строго велел не позволять принцу Олио изнурять себя в тех случаях, когда дело не касалось жизни и смерти.

Олио попытался прогнать усталость.

— Я не могу допустить, чтобы дети страдали, — ответил он. — Подождем до тех пор, пока они заснут, а тогда я буду лечить их.

Отец Лукас проводил принца обратно в кухню, поставил на стол свежий хлеб, вино и деревянную тарелку с ветчиной, сыром и луком.

Олио взглянул на угощение, однако решил, что не голоден. Впрочем, вино бы не помешало. Он наполнил кружку и быстро выпил. Тотчас же по всему его телу разлилось приятное тепло, и он почувствовал себя лучше. Тепло исходило и от Ключа Сердца, висевшего на его груди.

«Уже скоро, — подумал он. — Пока что дети еще не спят, но скоро мы сможем исполнить наш долг».

Гудон взял его за руку и не спеша вывел из палатки. Линан зажмурился от яркого света и стоял с закрытыми глазами до тех пор, пока кто-то не водрузил на его голову широкополую четтскую шляпу. Солнце все-таки немного слепило глаза, но когда Линан прищурился, они почти перестали болеть. Поблизости горел костер, на котором готовилась пища, и юноше пришлось побороть желание вернуться в сумрак палатки, чтобы не видеть желтых языков пламени. Ему следовало привыкнуть ко всему, что его окружало.

Он огляделся и увидел рядом Камаля, Дженрозу и Эйджера с перевязанной головой. Они улыбались ему, и он ощутил такую огромную любовь к своим друзьям, что едва удержался от слез. Потом он увидел четтов, сотни четтов, склонившихся перед ним с поднятыми головами так, чтобы они могли его видеть. Лишь одна женщина стояла, выпрямившись, и в его душу закрался страх, странно смешанный с неясной надеждой. Женщина слегка улыбнулась и чуть наклонила голову. Линан кивнул ей. Гудон назвал ему ее имя, однако принц не смог его вспомнить. Он и вообще мало что помнил с тех пор, как очнулся от своего страшного сна.

Гудон перестал держать его за руку. Линан медленно прошел десяток шагов, заново привыкая к теплу солнечного света. Он оглядел землю вокруг, и вид зеленых равнин наполнил его сердце необъяснимой радостью. «Вот я и дома, — подумал он. — Уже пора».

— Мое имя Линан Розетем, — сказал он. Голос прозвучал слабо, однако в тишине его слова услышали все люди. — Я сын

королевы Ашарны Розетем и генерала Элинда Чизела. Я владею Ключом Единения. Я пришел к вам.

Все четты как один повторили его имя. Слово пронеслось по рядам людей, звук их голосов поднимался к небу и летел над Океанами Травы. Его эхо донеслось до каждого города, до каждой деревни Тиира, достигло слуха всех королей и королев Гренда-Лира. Для одних оно прозвучало подобно шепоту любовного признания, для других — подобно свистящему шипению вражеского проклятия.

Линан был жив.

Огонь и меч

ГЛАВА 1

Осенью, когда знойные летние ветры уже стихли, а свирепые зимние бури еще не грянули, Океаны Травы — несомненно, самое тихое место на континенте Тиир. Иногда случайно налетевший ветерок негромко шелестит золотистым морем, но этот звук не громче, чем проклятье умирающего врага или шепот влюбленного. Даже насекомые прекращают гудеть и зарываются глубоко в землю, дожидаясь весны и новых дождей.

В этот день солнце, еще не утратившее своей летней силы, поднялось высоко над равниной, заставляя воздух над землей переливаться, словно шелк. Единственный водопой на много лиг вокруг сделался всего лишь илистой лужей, и окружающее его кольцо грязи пересекали следы сотни животных. Из этого источника пила семья караков с обвисшими от жажды ушами. Жара заставила их потерять осторожность — они не уловили запаха степной волчицы, которая внимательно наблюдала за ними из зарослей кустарника всего в пятидесяти шагах от источника.

Волчица кралась за ними следом больше двух часов, постоянно держась позади, дожидаясь случая напасть и утащить одного из детенышей. Она чувствовала, что время настало.

Матка зашла глубже в грязь и принялась кататься по ней, оставив детеныша без присмотра. Волчица смерила взглядом расстояние, внимательно отмечая, насколько далеко от группы отошел крупный самец-секач, и напрягла мускулы.

А затем раздался звук — настолько глухой, что она сперва ощутила его как вибрацию в почве. Караки тоже что-то почувствовали и навострили уши, раздувая ноздри. Секач хрюкнул, и стадо поспешило присоединиться к нему; самцы помладше заняли свои позиции на флангах и в тылу.

Звук нарастал в неподвижном воздухе, словно раскат далекого грома. Волчицу он озадачил. Много лет назад, когда была едва ли не детенышем, она слышала что-то подобное, но не помнила, что же это означает.

Караки занервничали. Детеныш, на которого нацелилась волчица, взвизгнул и бросился бежать, оторвавшись от группы. Волчица снова напряглась, готовая воспользоваться растерянностью стада.

И тут появились всадники. Из-под копыт их сивых скакунов летели комья грязи; лошади пронзительно ржали, когда удила глубоко впивались им в губы. Всадники кричали. Градом падали стрелы и дротики. Вот рухнул один молодой карак, затем еще один. Пытавшейся защитить детеныша матке копьем проткнуло шею.

Волчица ошеломленно наблюдала за происходящим. Намеченного ею детеныша поразили две стрелы, и он взвизгнул в последний раз. Замешательство волчицы сменилось внезапным и сильным гневом. Она выпрыгнула из кустов и бросилась не к убитому караку, а к всадникам.

Горбун Эйджер Пармер раскраснелся от волнения. Из его уст вырвался безумный смех. Он развернул коня вправо и извлек свое короткое копье из бока еще дышащего карака. Подняв глаза, Эйджер увидел, как Линан загнал карака и пронзил его дротиком. Принц поймал взгляд и усмехнулся во весь рот. Эйджер снова рассмеялся, очень обрадованный тем, что бледный юноша снова начал наслаждаться жизнью. К Линану присоединился его четтский друг и опекун Гудон, и они вместе погнались за новой добычей. За ними рванул еще один всадник, вернее — всадница; Эйджер узнал в ней четтскую королеву Коригану. Он восхищенно смотрел, как она управляла своей кобылой одними коленями, оставляя руки свободными для стрельбы из крепкого изогнутого лука.

Внимание Эйджера привлекло нечто, промелькнувшее на периферии зрения, и он увидел как молодая карачка рванулась к высокой траве. Пришпорив лошадь, он погнался за ней. Карачка увидела его и свернула в сторону. Эйджер выругался вслух: теперь придется бить копьем между лопаток, куда попасть гораздо труднее. Он дождался, когда кобыла окажется достаточно близко к самке карака, чтобы заставить ее споткнуться, и вонзил в беглянку свое оружие. Та хрюкнула, передние ноги ее подкосились; она перекувырнулась, рухнула в грязь, выдирая копье из руки Эйджера, и перестала двигаться.

Эйджер издал победный клич. «Уже второй! Камаль навер-

 няка пожалеет, что не отправился на охоту!»

Он проверил, нет ли поблизости еще караков, быстро спешился и прикончил добычу ножом. А затем услышал звук, издаваемый отнюдь не караком. Резко развернувшись, он увидел, как из травы на поляну выскочило что-то длинное и серое, величиной с половину четтской кобылы. Оно пробежало под одной из лошадей и, молниеносно распахнув широкую пасть, вспороло ей брюхо. Кобыла пронзительно заржала, взбрыкнула. Ее всадник тяжело упал на землю и оказался придавлен.

«Боже мой! — подумал Эйджер. — Это же степной волк!»

Зверь не стал дожидаться и приканчивать свою первую жертву, а помчался дальше, нырнув под брюхо другой лошади. Наездник увидел мчащегося волка и попытался развернуться но волк оказался слишком проворным и цапнул лошадь зубами за шею. Из порванного горла хлынула кровь, животное рухнуло наземь; увлекая так и оставшегося в седле хозяина. Волк прыгнул на павшую лошадь, порвал горло человеку и метнулся в сторону.

Эйджер не верил своим глазам — так быстро двигалась эта тварь. Остальные кони теснились, прижимаясь друг к другу, инстинктивно пытаясь найти защиту друг у друга, но люди знали — это как раз худшее, что могли сделать скакуны — и отчаянно пытались развести их в стороны, чтобы дать хоть какое-то место для маневра.

Эйджер выдернул из тела карачки копье и вскочил на собственную кобылу, после чего попытался заставить ее броситься на волка — но та лишь пятилась и выкатывала глаза. Волк бросился к сбившимся в кучу скакунам, пытаясь отыскать возможность прорваться в самую гущу. Мимо уха зверя просвистел дротик, а затем и стрела.

Одна лошадь вырвалась из общей группы, и Эйджер увидел, что на ней скачет Коригана. Волк зигзагом рванул прочь от нее, а затем направился к зарослям травы, с легкостью обогнав кобылу королевы. Коригана выпустила короткую белую охотничью стрелу. Та с резким звуком ударила в землю всего в шаге впереди от волчьей морды, и зверюга развернулась обратно к водопою. Лошадь без колебаний последовала за волком, и четты издали восхищенный крик. А затем он сменился криками ужаса, потому что волк внезапно обернулся и цапнул за одну из щеток над копытами. Лошадь споткнулась, и Коригана перелетела через ее голову, врезавшись в землю плечом. Прижав к груди лук, королева перевернулась. Волк не обратил на нее внимания и набросился на несчастное животное, расчленив его двумя движениями жестоких челюстей.

К этому времени из массы топчущихся на месте скакунов сумел выбиться и Гудон. Он не целясь метнул дротик, надеясь

отвлечь внимание волка от своей королевы. Это сработало. Волк прыгнул, и зубы его щелкнули всего в пальце от лица Гудона. Четт выхватил длинный меч и отчаянно попытался развернуть лошадь, но волк снова оказался чуть ли не быстрее, чем видел глаз, и очутился уже позади Гудона. Кобыла перепугалась, встала на дыбы, и Гудон тяжело упал наземь, где и остался лежать, не шевелясь. Волк взвыл, чуть ли не радостно, и бросился на потерявших лошадей всадников.

И тут раздался другой вой, более ужасающий, но издал его не волк. От главной группы отделилась третья лошадь, и Эйджер увидел, что скачет на ней Линан.

— Нет! — закричал Эйджер. — Линан, нет!

И с такой силой вонзил шпоры в бока своей кобылы, что лошадь действительно тронулась вперед — но он знал, что все равно не успеет остановить своего принца.

— Ему не следовало уезжать туда! — заявил Камаль, неопределенно махнув рукой в сторону горизонта. Несколько стоявших поблизости четтов отступили за пределы досягаемости рук этого великана.

Дженроза подавила улыбку.

— А где именно следовало быть Линану?

— Да здесь, конечно, обдумывать свой следующий шаг. А он вместо этого шастает где-то с Эйджером и Гудоном — которым обоим полагалось бы знать, чем ему лучше заниматься!

— Охоту эту затеяла Коригана. А она не из тех, на кого можно не обращать внимания.

Камаль с кислым видом огляделся кругом и понизил голос.

— Она, может, и королева этих четтов, к которым нас занесло, но Линан по рангу выше нее. А он ведет себя так, словно это *она* наследница трона Гренда-Лира.

— Он обзаводится друзьями.

— У него и так есть друзья.

На этот раз Дженроза не смогла удержаться от улыбки.

— В самом деле, Камаль, я знаю, что вид у тебя очень внушительный, а Эйджер — отличный боец, но если Линан хочет отвоевать принадлежащее ему по рождению право, то нужно, чтобы на его стороне выступали не только мы трое.

Камаль хмыкнул и снова принялся сверлить взглядом горизонт.

— Может, оно и так...

— Кроме того, Линану нужно восстановить уверенность в себе. После боя с наемниками Рендла он ни разу не садился на лошадь. И он заслужил право хоть ненадолго освободиться от забот.

— А разве мы все его не заслужили?

— Ты мог бы тоже отправиться на охоту.

— У меня есть дела поважней.

— Например, стоять здесь и жаловаться, что у Линана есть дела поважней?

— Именно, — кивнул великан. Он услышал смех Дженрозы и не захотел повернуться к ней лицом, но все равно не смог сдержать усмешки.

— Должно быть, я иной раз говорю как дурак, — тихо произнес он через некоторое время.

— Нет, совсем не как дурак. — Дженроза мягко коснулась его руки.

Камаль повернулся к ней. Ему хотелось взять ее за руку и прижать эту руку к своей груди.

— Полагаю, ты права.

— Обычно так и бывает. Но насчет чего именно — в данном случае?

— Насчет Линана. Ему нужно вырваться из лагеря. Он так долго болел, что прогулка верхом, вероятно, пойдет ему на пользу. Надеюсь, с ним все в порядке.

Дженроза увидела в его глазах большую любовь, которую он питал к своему принцу. Когда Линана ранили так тяжело, что он находился на пороге смерти, она случайно услышала, как Камаль говорил с ним, и впервые по-настоящему поняла, что он относился к принцу словно к родному сыну. И тогда же впервые заподозрила, что она, возможно, испытывает к Камалю нечто большее, чем уважение и дружеские чувства.

— Я беспокоюсь о нем, вот и все, — добавил Камаль. — Все время о нем беспокоюсь, особенно с тех пор, как...

— С тех пор как произошла эта перемена?

Камаль кивнул.

— Я знаю, у тебя не было выбора. Если б ты не дала ему кровь той лесной вампирши, он бы умер от ран после столкновения с наемниками Рендла. Ты спасла ему жизнь, Дженроза. И хотя мы знаем, что это изменило его кожу, его реакцию на свет, нам неизвестно, как именно эта кровь повлияла на его рассудок.

— С ним все будет отлично, — сказала Дженроза и расслышала сомнение в собственном голосе. На этот раз ей пришлось выдавливать из себя улыбку. — Да в любом случае, что такого с ним может случиться, когда рядом Эйджер и Гудон?

Волк ринулся на Коригану. Та отбила его наскок неловко нацеленным ударом позаимствованного у Гудона меча. Зверь увернулся и кинулся вновь. Споткнувшись о тело Гудона, Коригана повалилась навзничь. Волк напрягся для последнего броска, и она поняла, что ей предстоит умереть.

Волк прыгнул.

И вдруг его отшвырнуло в сторону. Коригана сперва не поняла, что именно случилось. Рядом с ней поднялся столб пыли и произошла дикая свалка, волк выгнулся дугой, силясь цапнуть зубами кого-то, схватившего его сзади. А затем она узнала кендрийского принца. Его белая фигурка накрепко приникла к волку. Коригана охнула и вскочила на ноги, готовая броситься спасать принца — а затем потрясенно сообразила, что спасать его вовсе не требуется. Каким-то образом он заваливал волка наземь. Королева увидела, как руки Линана обхватили волка за шею и потянули на себя. Раздался тошнотворный хруст — и зверюга обмякла, вывалив из громадной пасти язык.

Чья-то лошадь резко остановилась, упершись копытами в землю, и горбун Эйджер, с готовым к удару копьем в руке, оказался на земле рядом с Линаном, оттаскивая его от волка.

Какой-то миг никто не шевелился. Эйджер сжимал копье, Коригана сжимала меч, а Линан стоял над мертвым волком, дыша так же ровно, как всегда.

— Как ты это сделал? — в изумлении спросила Коригана.

Он ничего не сказал, лишь изумленно смотрел на свои руки.

— Линан? — попробовал вывести его из оцепенения Эйджер. — Это же степной волк. Он силен, как Камаль. Как тебе удалось сломать ему шею?

Линан освободил подбородок от ремешка широкополой четтской шляпы. Его белая как слоновая кость кожа сверкала от пота. Он прищурился от яркого света и покачал головой.

— Не знаю. — И встретился с обеспокоенным взглядом Эйджера и озадаченным взором Кориганы. А затем увидел Гудона.

— О нет! — застонал он и опустился на колени рядом с другом.

Коснувшись пальцами горла четта, Эйджер осторожно приложил к его груди ладонь и объявил:

— С ним все в порядке.

Линан облегченно вздохнул.

— Принеси мне немного воды.

Принц сходил к кобыле Эйджера и вернулся с флягой. Горбун смочил водой платок и похлопал им Гудона по лбу, затем вылил немного воды ему на губы. Они дрогнули, и он позволил Гудону глотнуть немного воды.

— Ох... Все боги ненавидят меня, — пробормотал четт. И моргнув, посмотрел Эйджеру прямо в лицо. — Я в аду.

— Пока еще нет, — хмыкнул тот.

— Что случилось? — слабым голосом спросил пострадавший и попытался сесть. Эйджер обхватил его рукой за плечи. И тут он увидел волчицу. — Это ты сделал?

Эйджер покачал головой и кивнул на Линана.

— Это сделал наш юный принц.

— Метко стреляешь, — Гудон улыбнулся Линану.

— Он сделал это голыми руками, — уточнил Эйджер.

Глаза Гудона расширились.

— Такую тварь не смогли свалить и трое самых сильных наших воинов.

Линан неловко поднялся. Он не знал, куда деть руки.

— Что со мной произошло?

Никто не мог ему ответить.

ГЛАВА 2

Оркид Грейвспир, канцлер Гренда-Лира, нашел свою королеву стоящей в южной галерее дворца. Не застав Ариву у нее в гостиной, он сразу понял, что обнаружит ее здесь. Ему подумалось: есть некоторая ирония в том, что она, как и ненавидимый ею брат Линан, приходила сюда, когда ей хотелось побыть одной. С миг он постоял в ведущих на галерею двустворчатых дверях, изучая ее взглядом.

Арива была высокой и светловолосой, с прямой, как каменная стена, спиной. Красоту она унаследовала от матери, покойной королевы Ашарны, но характер ее был странной смесью материнской мудрости и отцовского эгоистического упрямства. Оркид еще не нашел способа воздействовать на нее, что ему неплохо удавалось с ее матерью.

Эта мысль заставила канцлера печально улыбнуться. После смерти Ашарны ему пришло в голову, что на самом деле это она

умела получать от него то, что ей было нужно — и придавать этому такой вид, будто дело обстояло совсем наоборот. Но молодая королева была для этого слишком прямолинейна и еще не научилась замысловатым приемам своей матери по части тонкой лести.

Арива стояла, пристально глядя на тянущийся за королевским городом Кендрой порт и залив Пустельги. Тиару свою она держала в правой руке, и несущий прохладу южный ветерок слегка колыхал ее длинные волосы.

Оркид вежливо кашлянул в кулак и подошел к ней.

— Мне нужно немного побыть одной, канцлер, — не глядя на него, сказала она.

— Нам всем это нужно, ваше величество, но из всех людей вы меньше всего можете себе это позволить.

Он увидел гримасу раздражения у нее на лице.

— Когда вы так говорите, мне слышится голос моей матери.

— Она была мудрейшей из женщин.

— Возможно, не столь уж и мудрой.

— Как так?

— После того, как умер мой отец, она вышла замуж за Генерала и породила Линана.

Оркид глубоко вздохнул. Он так и подозревал, что ее нынешнее настроение связано больше с Линаном, чем с другими государственными делами.

— Задним числом мы все мудры, — промолвил он.

— Да, — кивнула она. — Это было несправедливо с моей стороны. — Она повернулась лицом к нему. — Не правда ли, странно, что, говоря об отце Линана, мы всегда называем его «Генерал»? Почему не «Простолюдин» или просто «Элинд Чизел»?

— Потому что он был самым великим генералом, какого когда-либо видела Кендра.

— А Ашарна была самой великой королевой, какую когда-либо видела Кендра?

— Несомненно.

— Тогда почему же мы не называем ее просто «Королева»?

— Со временем, возможно, и будем так называть. Но, возможно, вы превзойдете ее, ваше величество. И может быть будущие поколения станут колебаться, кого же из вас следует называть просто «Королева».

— А кого всего лишь «мать Королевы» или «дочь Королевы»? Мне не нравится, как это выглядит. Я не хочу быть более великой, чем Ашарна.

— А следовало бы. Если вы не станете стремиться быть самым великим монархом, какой когда-либо бывал в Кендре, то перестанете выполнять свой долг.

Оркид завороженно наблюдал за тем, как щеки ее залил румянец розетемской ярости.

— Да как вы смеете!..

— Теперь мне удалось привлечь ваше внимание? — резко перебил он ее.

Арива со стуком захлопнула рот. На лице у нее все еще оставался румянец, но уголки губ изогнулись в улыбке, которую ей оказалось трудно подавить.

— Именно так вы и разговаривали с моей матерью?

— Нет, ваше величество. Она была моей наставницей во всем.

Арива услышала в голосе Оркида искреннюю печаль и почувствовала к нему жалость.

— Значит, тогда вы мой наставник?

— Нет, королева Арива. Я ваш канцлер. И нас ждут дела.

Она снова устремила взгляд на город. Листва деревьев, заполнявших сады и парки самых богатых граждан Кендры, сделалась красно-золотой, окрашивая город великолепным цветом.

— Не могу отделаться от мыслей о Линане. Я искренне верила, что он навеки умер и погребен, и когда тот наемник...

— Джес Прадо, — с некоторым отвращением произнес Оркид.

— ...Прадо сообщил мне, что он все еще жив, у меня возникло такое чувство, словно это я умерла.

— Понимаю. Я ощутил то же самое. Но нас все равно ждут дела.

— Я хочу чтобы меня избавили от него, Оркид. Мне хочется освободить мое королевство от его влияния, от его заразы.

— Он безвреден, ваше величество. Его занесло далеко к четтам, немногочисленному народу, живущему в степи и не знающему ни городов, ни армий.

— Нет, ты не прав. Пока Линан жив, он никак не может быть безвредным. Самая *мысль* о Линане все равно что язва, и, подобно язве, будет все разрастаться, если ее не вырезать. Он — мул, рожденный от королевы и простолюдина. И цареубийца.

Оркид глубоко вздохнул.

— Этот вопрос вам следует обсудить со своим Советом. Вам многое следует обсудить с Королевским Советом.

— И что же, по-вашему, мне посоветуют? Возможно, то же, что и вы?

— Ваше величество, возможно, я и мог бы обладать подобным влиянием на Совет, если б не был аманитом. Советники во всем вас поддержат, но могут дать рекомендацию, выходящую далеко за рамки моих скромных возможностей.

— О, теперь вы меня дразните, — пренебрежительно бросила она. — Мать полагалась на ваши советы так же сильно, как и я. К тому же большинство советников смотрит теперь на аманитов более благожелательно.

— Потому что вы выходите замуж за одного из нас? Может быть.

Арива сосредоточенно нахмурилась.

— Наверное, вы правы. Я созову Королевский Совет обсудить этот вопрос.

— Уверен, советники помогут вам выбрать правильный курс. — Добившись того, за чем пришел, Оркид повернулся к выходу. Он велит Харнану Бересарду, личному секретарю королевы, немедля созвать Королевский Совет. Ариве требовалось усиленно потрудиться для избавления от уныния, вызванного новостью, принесенной Джесом Прадо.

— Оркид, — окликнула его Арива.

— Ваше величество? — обернулся он.

Арива провела языком по губам, казалось не решаясь заговорить.

— Есть еще что-то?

— Мой брат, принц Олио. Вы заметили в нем в последнее время что-нибудь... странное?

— Странное? — Оркид задумчиво опустил взгляд. — Он кажется чрезмерно усталым.

— И больше ничего?

Оркид покачал головой. Принц Олио? С тех пор, как во дворец прибыл Прадо, он почти не думал об этом юноше. Не упустил ли он что-то важное?

— С его высочеством что-то стряслось?

— Не знаю. Возможно мне просто мнится.

— Что именно вас тревожит, королева Арива? Я помогу, если сумею.

— Он меняется, — быстро произнесла она, словно на самом деле не хотела произносить этих слов.

— Меняется?

— Он не такой... ну, не такой милый, каким был когда-то.

Лицо Оркида отразило его удивление.

 — Милый?

— В смысле мягкий, нежный. Он часто кажется мрачным.

— Сожалею, не заметил. Если желаете, я немного разузнаю.

— Да, — кивнула Арива̀, — но так, чтоб он ничего об этом не проведал.

Оркид поклонился и снова повернулся к выходу.

— И еще, Оркид. Я, может, и согласилась созвать Совет, но мое решение насчет Линана останется неизменным. Я хочу, чтобы его разыскали. И убили.

Олио находился в длинном темном помещении, заполненном тысячей коек, и на каждой койке лежал ребенок. Он посмотрел на первую — сыпь молочницы. Девочка лежала с полуоткрытыми глазами, и зрачки у нее настолько расширились, что почти вовсе не проглядывало белков; она втягивала воздух в легкие короткими тяжелыми вдохами, словно больная собака. Олио положил правую руку на лоб девочки, а левой рукой крепко сжал Ключ Сердца. Он почувствовал мягкое прикосновение мага к своему плечу, и сила хлынула через ключ в его тело, а затем в тело девочки. Сыпь испарилась, глаза закрылись, дыхание сделалось ровным, когда она погрузилась в глубокий целительный сон.

В груди у Олио появилась дыра — маленькая, словно заостренный кончик пера, но он видел прямо сквозь нее. С соседней койки раздался стон. На ней метался мальчик, расчесывая обезображивающие его лицо и руки нарывы. Олио возложил правую руку на один из нарывов; через него снова хлынула сила. Нарывы растворились, мальчик глубоко вздохнул и улыбнулся ему. Олио улыбнулся в ответ, а затем заметил, что дыра у него в груди стала шире.

Крик боли со следующей койки. Олио увидел еще одного мальчика, весь торс которого изрезали ожоги, а кожа сделалась черно-красной. Олио исцелил его. Дыра в груди расширилась, став величиной с древко копья.

Теперь все помещение наполнилось стенаниями страдающих детей. Они хлестали по нему, словно волны бушующего моря.

— Иду, иду, — успокоил он. — Дайте мне время.

Он переходил от койки к койке, исцеляя всех детей подряд, а дыра у него в груди сделалась настолько большой, что перерезала его пополам, вся ее окружность теперь уже была не видна. Олио совершенно вымотался, но дети все еще нуждались в нем.

Он все шел и шел вдоль коек, леча больных, и все это время его медленно разъедало — до тех пор, пока он, добравшись

наконец до конца, не увидел, что правая рука у него замерцала, сделалась полупрозрачной, а затем вообще исчезла.

Он посмотрел на последнюю койку. На ней лежал Линан, маленький Линан, с белым и раздувшимся от пребывания в морской воде телом, с выеденными глазами, с губами, от которых остались лишь обрывки кожи.

— Брат, я исцелю тебя, — сказал Олио и возложил руку. Но никакой руки у него не было. От Олио остался лишь воздух и свет.

— О нет! — воскликнул он. — Только не сейчас!

Раздувшееся тело Линана зашевелилось, и Олио увидел, как черви поедают плоть его сводного брата.

— Нет! — завопил он и повернулся бежать...

...и упал. Голова его столкнулась с чем-то твердым. Глаза открылись, и он увидел, что лежит на полу в собственных покоях. Олио застонал и попытался встать, но смог вместо этого лишь скорчиться в спазме рвоты, так ничего и не извергнув.

— О боже!..

Он оттолкнулся руками от пола и привалился к постели. В голове что-то стучало. Он прижал ладони к вискам, затем к челюсти. Во рту пересохло как в пустыне, его целиком заполнял распухший язык.

Он попытался снова встать на ноги, но согнулся пополам, так как барабанный бой в голове достиг крещендо. Он посидел на краю постели, пока этот грохот не поутих, а затем подошел к умывальнику и плеснул на лицо холодной водой. Полученный шок, казалось, в какой-то мере смыл боль.

Кто-то постучал в дверь.

— В чем дело? — проговорил он заплетающимся языком, почти совсем беззвучно.

— Ваше высочество, здесь прелат Фэнхоу хочет вас видеть. — Голос принадлежал слуге Олио. — Впустить его?

— Конечно, впустить! — крикнул в ответ Олио. Сколько раз надо втолковывать этому болвану, что Эдейтору Фэнхоу никогда не следует препятствовать заходить к нему? Он поднял взгляд на дверь, уловил свое отражение в зеркале над умывальником. И сперва не узнал увиденного лица.

— Нет, подожди! — попытался крикнуть он, но смог лишь что-то прохрипеть. Да и все равно было уже поздно. За дверью послышались шаги поспешившего привести прелата слуги.

Он плеснул еще воды на лицо и снова посмотрел в зеркало. Глаза красные, а кожа такая бледновато-желтая, что походила

цветом на старинную слоновую кость. А из-за двухдневной щетины он выглядел как разбойник, а не принц королевства.

В дверь снова постучали, и она открылась. Вошел прелат Фэнхоу и закрыл за собой дверь. Олио втянул голову в плечи.

— Ваше высочество, с вами все в порядке?

— Просто устал, Фэнхоу, — кивнул Олио.

— Рад это слышать. Мне зайти попозже?

— Да, — слабо произнес Олио, а затем быстро поправился: — Нет. Нет, останьтесь.

И встал, выпрямившись, чтобы прелат увидел его лицо. Эдейтор побледнел.

— Ваше высочество! Что с вами?

— Мне плоховато спится.

— У вас такой вид, словно вы месяц не спали.

Олио заставил себя улыбнуться.

— Действительно н-настолько п-плохо? Надо б-будет п-перестать есть эту дорогую дворцовую еду.

Эдейтор не ответил на его улыбку.

— Вы хотите сказать, пить это дорогое чандрийское вино.

Веселое выражение на лице Олио исчезло, сменившись смесью потрясения и гнева.

— Как вы смеете!..

— Если мне нельзя сказать это вам в лицо, принц Олио, то кому же можно?

— В-вы слишком м-много на себя б-берете...

— Несомненно. Вы пили прошлой ночью?

— Не понимаю, какое вам д-дело до этого.

Эдейтор ничего не сказал. На лбу у прелата выступил пот, и его почти одолело тоскливое сосание под ложечкой, убедившее Эдейтора, что принц и вправду пил.

— Я даже не люблю вина, — продолжал миг спустя Олио. В голосе его теперь звучал притворный гнев. — И редко пью. Я не могу... — Он дал голосу стихнуть.

Эдейтор сглотнул.

— Не можете удержаться, ваше высочество?

— Я совсем не это хотел сказать! — выпалил Олио. — Если рта не можешь раскрыть, не п-предъявляя мне н-нелепых обвинений, то лучше уж вообще не раскрывай его.

Эдейтор развел руки жестом, который мог бы сделать взывающий к суду.

— Мой господин, я не собирался оскорблять вас...

— По вашим словам этого не скажешь.

— Я *не собирался* оскорблять вас. Мы с вами вместе участвуем в великом эксперименте во благо нашего королевства, и я вас уважаю и восхищаюсь вами больше, чем каким-либо другим известным мне человеком, но когда вижу вас таким — это разрывает мне сердце. — Эдейтор снова сглотнул, на этот раз — сдерживая слезы. Тон принца сильно уязвил его, но он стыдился проявить это чувство.

Олио зевнул и оперся рукой о умывальник. Рукав его окунулся в воду, и он рассеянно посмотрел на него.

— Это я тебя оскорбил.

— Нет, ваше высочество...

Олио взмахом руки велел ему замолчать.

— Н-не возражай. Мы не можем позволить себе притворства друг с другом. — Он на миг закрыл глаза, и когда открыл их, то они показались Эдейтору вдвое краснее, чем раньше. — Возможно, я и п-потворствую иной раз своим слабостям, д-друг мой, но прежде я тебе не солгал. Мне плохо спится. Я вижу ужасные сны. Вино помогает мне заснуть. И оно же помогает забыть сны, когда я все-таки засыпаю.

— Сны о ваших исцелениях?

У Олио побелело лицо.

— Откуда ты знаешь?

— Мы имеем дело с великой магией, ваше величество. Те, кто занимаются ею, часто страдают от последствий. Некоторые из магов, поручившие мне помогать вам, жаловались в точности на то же самое. Сны эти всегда заканчиваются плохо, горем и неудачей.

— Да, да. Именно так.

— И вино тут не поможет, — тихо добавил Эдейтор.

Олио провел пятерней по волосам. Ломота в висках ослабла, но не прекратилась.

— Клянусь тебе, Эдейтор, дело не в вине.

— В вине или же в магии, но вам нельзя продолжать в подобном духе.

— Н-но все те больные! Что они будут делать?

— Исцеляться сами, как часто и поступают. Когда мы открыли клинику, то должны были лечить только умирающих, и только умирающих от несчастных случаев, а не от старости. Я знаю, что вы лечите всех детей, какие к нам приходят.

— Я не м-могу вынести в-вида их страданий.

— Мы все страдаем, ваше высочество. Таков, в конечном счете, наш жизненный удел. Но если вы будете и дальше помогать всем, кого к нам приводят, то боюсь, настанет время, когда вы никому не сможете помочь, даже тем, кто сильней всего нуждается в вашей целительной силе.

— Ты прав, — вздохнул Олио. — Сегодня утром я сам себя не узнал. И сны становятся все хуже. Они всегда заканчиваются... — он не смог договорить.

— Чем, ваше высочество?

Олио покачал головой.

— Н-неважно. — Он снова улыбнулся. — Обещаю п-позаботиться о себе, Эдейтор. Я отдохну. И буду больше спать.

— Думаю нужно не просто выспаться, — предупредил его Эдейтор. — Вы должны какое-то время не пытаться больше исцелять. Вам надо прекратить пользоваться Ключом Сердца.

— Прекратить пользоваться им? Ты это наверняка не всерьез.

— Никогда не говорил серьезней. Именно он источник ваших кошмаров и недомоганий.

— Н-но я не могу прекратить, Эдейтор. Ты сам это знаешь.

— Лишь на некоторое время. Ровно настолько, чтобы вы восстановили силы.

— Сколько на это потребуется времени?

— Вы молоды. Думаю, долго ждать не придется. Но когда вы будете достаточно здоровы, чтобы возобновить исцеление, оно должно проходить так, как мы договаривались: помогать только тем, кому грозит смертельная опасность.

— Это довольно сурово с твоей стороны.

— Только тем, кому грозит смертельная опасность, — еще строже повторил Эдейтор.

— Ладно, друг мой, — устало кивнул Олио. — Как скажешь. Даю тебе слово.

— Мне не нужно вашего слова, ваше высочество. — Эдейтор подошел к принцу и положил руку ему на плечо. — Я вам доверяю.

Джес Прадо потянулся всем телом, морщась от боли, когда сократились мышцы.

— Но это лучше, — простонал он сквозь зубы. Обмякнув, он осел в кресло и принялся сжимать и разжимать кулаки. Боли уже почти не ощущалось. Он постоянно упражнялся с мечом с тех пор,

как ему обработал раны личный хирург королевы, доктор Трион. «Странный старикан, — подумал Прадо, — но знает свое дело. Жаль, раньше в моем отряде наемников не было кого-нибудь вроде него».

Он снова встал и медленно оделся. Королева выдала ему новую одежду взамен изорванной в клочья в ходе приключения нынешним летом. Прадо поморщился, вспомнив, как похитил принца Линана из-под носа у его спутников, а затем в последнюю минуту ему помешал доставить пленника в целости и сохранности другой капитан наемников по имени Рендл. И вспомнил ярость Рендла, когда и тому не удалось сохранить пленника. И как жестоко после этого Рендл обошелся с ним, истязая и постоянно угрожая его убить. Вспомнил долгое, опасное и изматывающее бегство из когтей Рендла в далеком северном королевстве Хаксус, всю дорогу обратно до Кендры, где он и прибыл во дворец Аривы — скорее мертвым, чем живым.

«Рендл, сукин ты сын. В один прекрасный день я найду тебя и выпущу тебе кишки, пока ты еще не перестал дышать».

И этот прекрасный день скоро наступит, напомнил себе Прадо, если молодая королева согласиться с его планом. Но как же ее убедить дать ему армию? Эта проблема беспокоила его с тех самых пор, как он прибыл в Кендру, но за последние несколько дней в голове у него постепенно сложился некий план. Способ существовал, но требовалось преподнести идею нужным людям и нужным образом.

Он подошел к окну. Из комнатушки в одном из углов дворца ему была видна арена, где упражнялись королевские гвардейцы. Солдаты тренировались во владении мечом под бдительным оком своего нового коннетабля, Деджануса.

«Никак не думал, что когда-нибудь увижу кого-то покрупнее прежнего коннетабля, — признался про себя Прадо. — Камаль против Деджануса. Да, увидеть такое — это было бы нечто».

Он продолжал с завистью наблюдать за тренирующимися гвардейцами. Будь у него пятьдесят таких молодцов, он бы тут же отправился прямиком к лагерю Рендла и вырезал весь его отряд. Хотя нет, это значило бы просить слишком многого.

Но сперва Линан, напомнил он себе. Линан был ключом ко всему. Мысль эта показалась ему болезненно забавной. Подумать только, этот бесполезный щенок невольно помогает ему отомстить Рендлу. Он вдруг сообразил, что Линан действительно должен сыграть центральную роль в задуманном плане. В конце концов, много месяцев назад все началось как раз с него. Прадо гадал, не следует ли ему дать принцу прожить достаточно долго, чтобы увидеть смерть Рендла. Ему

никак не повредит пленник королевской крови — неважно, насколько сильно впавший в немилость — в случае, если все пойдет наперекосяк.

«Да, — подумал он. — Возможно, я дам принцу еще пожить. Немного».

ГЛАВА 3

— Наилучшая стратегия ясна, — сказал Камаль, прохаживаясь медленным твердым шагом вокруг бивачного костра и собравшейся около него маленькой группы. Гудон и Эйджер следовали за ним взглядами, в то время как Коригана не сводила пристального взора с пламени костра. Камаль расхаживал, сцепив руки за спиной и задумчиво опустив голову. — Набираем здесь, на востоке Океанов Травы, армию. Мы неподалеку от ущелья Алгонка, а за ним Хаксус и Хьюм. Здесь у нас есть возможность наблюдать за врагами, и нам не понадобится далеко идти, когда мы будем готовы выступить.

— Нет, — возразила, не отрывая взгляда от пламени, королева Коригана. — Это не самый лучший путь.

Камаль прекратил расхаживать и посмотрел на нее. Она была молода, не намного старше Линана, но по тому, как она держалась, Камаль видел, что Коригана была уже опытным воином. Когда Камаль впервые повстречал ее, то заметил на левой руке рваный шрам от удара мечом, еще достаточно недавний, чтобы ярко выделяться на фоне ее золотистой кожи. Но при всем при том она не обладала его военным опытом.

— Нам обоим доводилось сражаться во многих битвах, — сказал он ей. — О да, я это вижу. Но сколько войн вы повидали?

— Мне было пятнадцать, когда я убила своего первого воина, — с вызовом ответила она.

Камаль кивнул.

— Война с Хаксусом или Гренда-Лиром будет совсем иным делом. Я воевал с Хаксусом и сражался за Гренда-Лир почти всю жизнь. Я их знаю. И говорю вам, что нам нужно держаться поближе к их границам; когда придет время выступить против той или иной страны, мы должны выступить быстро.

— Нет, — повторила Коригана.

— Не могу поверить, что слышу это от вас, — недоуменно произнес Камаль. — Ведь вы же четтка; а никто лучше четтов не понимает, как важна мобильность.

— Это правда, — кивнула Коригана. — Но ты упорно думаешь о предстоящей борьбе как о чисто военной задаче. А она не просто военная.

— Что вы имеете в виду?

— Я полностью поддерживаю принца Линана. Мой народ очень уважает того, кто владеет Ключом Единения, а также очень уважает сына Элинда Чизела. — Она посмотрела на Камаля. — А также прославленного капитана его Красных Щитов. Но моя поддержка ничего не будет значить, если меня, в свою очередь, не поддержат северные четты.

— Но вы же их королева! — возразил Эйджер. Коригана и Гудон переглянулись. Эйджеру не понравилось то, что он прочел в их взглядах. — Вы ведь их королева, не так ли?

— О да, — подтвердил Гудон, — она определенно наша королева.

— Тогда в чем тут сложность? — настойчиво спросил Камаль.

— Моя родственница — королева только по названию. Все четты, которые принадлежат к ее клану, клану Белого Волка, — Гудон развел руки в стороны, как бы охватывая весь лагерь, — последуют за Кориганой, если она их попросит, даже через Разделяющее море. Но северные четты состоят из многих кланов, и не все из них столь же рьяно пойдуют за ней.

— Правда заключается в том, что некоторые из вождей тех кланов желали бы сами быть королями или королевами вместо меня, — добавила Коригана.

— Но ведь ваш отец объединил их.

— Отец объединил четтов вопреки их воле. Тогда у нас было общее дело: разгром работорговцев. А коль скоро ваш Генерал разгромил их, некоторые из кланов сочли, что монарх четтам больше не нужен.

— Но ведь угроза никуда не делась, — настойчиво указал Камаль. — Прадо и Рендл вернулись.

— Те вожди кланов, которые более всего настроены против меня, не станут полагаться в этом на мое слово. Они подумают что я лгу, желая остаться их королевой.

— Так что же вы предлагаете?

— Чтобы мы перебрались на зиму в Верхний Суак. Кланы собираются там торговать и заключать браки. И там же со времен моего отца монарх совещается с вождями кланов. В прошлом году несколько кланов создали оппозицию трону, но большинство предпочло видеть на троне королеву, которую они считают наивной и подвластной их воле, а не одного из нынешних глав кланов.

— В том-то и состоит сложность, — сказал Гудон. — Если вы хотите набрать армию четтов, вам понадобится не только наш клан. Но если Коригана попытается поднять на войну другие кланы, у ее врагов будет больше оснований сместить ее.

— Решение тут простое и очевидное, — указал ровным тоном Камаль. — Оставаться здесь на востоке, наблюдая за ущельем Алгонка и совершая набеги на врагов. Слух об этом постепенно распространится среди всех кланов и они в конечном итоге присоединятся к нашему общему делу.

— Камаль, а сколько у вас в запасе лет? — спросила Коригана.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, сколько у вас еще времени, прежде чем всем в Гренда-Лире станет наплевать, жив Линан или умер, позабыт или восстановлен в правах? Если у них будет десять лет мира и процветания при новой королеве, то какие у вас шансы настоять на обвинениях, выдвигаемых Линаном против тех, кто убил его сводного брата короля Береймy? Потому что для сбора армии предлагаемым тобой способом потребуется лет десять.

— И что же вы нам предлагаете делать? По вашим словам, кланы скорей сместят вас, чем последуют за вами на войну.

— Отправиться в Верхний Суак *всем* нам. Я попытаюсь сплотить кланы, но если они заколеблются, то нашим ключом будет Линан. Ему они поверят.

— Ему там будет грозить опасность? — спросил Камаль.

— Никто не причинит вреда сыну Элинда Чизела, — заявила Коригана.

— Даже если это будет означать избавление от вас?

Коригана пристально посмотрела ему в глаза, но ничего не сказала.

— Тогда еще раз скажу: решение у нас простое. Остаемся здесь. Совершаем набеги. Отправляем к другим кланам посланцев, а также подарки, добычу, все, что потребуется, дабы заставить их поддержать наше дело.

— Ты не понимаешь четтов. Подарки и добыча — дело хорошее, но ими не накормить наш скот, они не принесут дождей в Океаны Травы и не управляют временами года. Нам нужно общее дело, и Линан может дать нам это общее дело.

— Вы хотите сказать, что Линан может закрепить за вами трон, — резко бросил Камаль. И еще произнося эти слова, понял, что перегнул палку. Вокруг костра внезапно воцарилось холодноватое молчание.

— Не нужно было этого говорить, Камаль, — произнес Эйджер.

— Эйджер прав, — кивнул Камаль. — Прошу прощения, ваше величество. Вы такого не заслуживаете.

— Лучше было оставить это невысказанным, — согласился Гудон.

— И все же Камаль прав, — сказала Коригана. — Мне действительно нужен Линан для укрепления своего права на трон. — Она не отрывала глаз от Камаля. — Но разве вам не нужна моя поддержка для того, чтобы закрепить за Линаном трон Гренда-Лира?

Вскоре после наступления темноты Линан притворился крайне усталым и удалился в свой шатер. Ему требовалось побыть одному. Он попытался подумать о будущем, о том, что же необходимо предпринять, чтобы вновь оказаться в Кендре, вернуть Дженрозу в Теургию, восстановить Камаля в звании коннетабля, Эйджера — в звании капитана, а его самого — в правах принца королевства. И, самое главное, что именно нужно сделать для отмщения за убийство Береймы.

Принимала ли Арива участие в заговоре? Он не мог поверить, что его сводная сестра могла так поступить. Она любила Берейму, да и в любом случае не сделала бы ничего, нарушающего последнюю волю Ашарны. Но как же еще убийцы могли надеяться, что цареубийство сойдет им с рук? Ни Оркид, ни Деджанус, которые и совершили это деяние, не могли надеяться сами взойти на трон. Для наследования короны им требовался один из детей Ашарны, но они убили Берейму и попытались убить Линана. Ему ни на миг не приходило в голову, что они попытались бы посадить на трон Олио. Значит, оставалась только Арива. Действительно ли она поверила утверждениям Оркида и Деджануса, что Линан убил родного брата? Или она с самого начала участвовала в заговоре?

Как он ни пытался, никак не удавалось разобраться с этой запутанной историей. И еще кое-что занимало его мысли. Иногда лишь нечто мимолетное, как вспышка света — то ликование, которое он ощутил, когда сломал шею степному волку, — а в иные моменты он словно заново переживал всю охоту.

Линан не знал, что именно произошло с ним в тот день. Помнил только, что когда жизнь Гудона подверглась опасности, все его существо наполнила горячая ярость — неохватная, как летняя гроза. Помнил, как пришпорил лошадь, вырываясь из общей группы, как спрыгнул наземь и кинулся к волчице. Но он не знал, *как* произошло что-либо из этого. И не знал, откуда взялась у него та огромная сила.

Линан встал. Выглянув из шатра, увидел несколько горящих костров. Вокруг некоторых сидели люди. А еще с высоты холма, на котором они разбили лагерь, были видны просторы слегка всхолмленной степи. Где-то вдалеке он различил купы деревьев. Гудон называл их стреловниками. Линану удалось разглядеть даже отдельные листья, столь же острые и смертельные, как оружие, в честь которого их назвали. Хотя днем он едва видел, даже прищурясь, ночью его зрение делалось не хуже, чем у ястреба. Он вышел из шатра. Неподалеку лежал большой валун. Линан нагнулся и попытался поднять его. Валун не шелохнулся. Он с таким же успехом мог попытаться сдвинуть весь мир. Какой бы силой он ни обладал во время схватки с волчицей, теперь она исчезла. Он снова был всего лишь обыкновенным Линаном.

Лунный свет отразился от бледной кожи его руки. «Теперь уже не совсем прежний обыкновенный Линан», — подумал он. И никогда больше не будет прежним.

Он вдруг насторожился. Огляделся кругом, но не увидел ничего необычного. Что же тогда привлекло его внимание?

Принц навострил уши, но услышал только фырканье лошадей, похрапывание четтов, неотчетливое бормотание ведущегося поблизости разговора, потрескивание пламени костров. А также чувствовал запах дыма костров и лошадиных шкур. И еще что-то.

Вот оно. Тот запах. Он медленно повернулся. Там, на северо-западе. Он *знал* этот запах, совсем недавно сталкивался с ним. Карак. Линан втянул носом воздух. «Один карак», — уверенно определил он.

А затем новое ощущение. Сродни голоду, но более сильное и свирепое.

Он быстро зашагал к источнику запаха. Прошел мимо одинокой караульной, которая поклонилась ему. Линан перешел на рысь. Караульная что-то крикнула ему вслед. Он взмахом руки велел ей помалкивать, и она замолчала. Через несколько мгновений он почти скрылся из виду со стороны лагеря. Принц заколебался. Часть его хотела вернуться в шатер, отдохнуть, но другая часть, более могучая и настойчивая, гнала его дальше.

При последнем замечании Кориганы Камаль с Эйджером лишились дара речи.

— Не хотите же вы сказать, что вовсе не собираетесь сделать его правителем Гренда-Лира вместо Аривы? — недоверчиво спросила она.

— Конечно, не собираемся, — ответил Камаль, в голосе которого звучало скорее замешательство, чем праведное негодование. — Арива была следующей по старшинству после Береймы. А после нее идет Олио, ее брат. Возведение на престол Линана никто бы не одобрил.

— Четты одобрили бы, — возразила ровным тоном Коригана.

— Линан — королевского происхождения, — добавил Гудон. — Его несправедливо объявили вне закона. Те же, кто на самом деле убил его брата, теперь правят, стоя за троном, а Арива если и не была замешана в убийстве Береймы, то определенно выгадала от него.

— Но мы не уверены, что Арива была осведомлена о заговоре убийц, — возразил Эйджер. — Ее короновали потому, что она стояла следующей в ряду наследников.

— А она предоставила Линану амнистию, чтобы дать ему возможность защищаться перед судом? — осведомился Гудон.

— Ну нет...

— Тогда, возможно, она не желает слышать того, что может сказать Линан.

— Это нелепо...

— Нелепо другое, — перебил Гудон. — А именно — то, что никто из вас не попытался заглянуть вглубь. Неважно, виновна Арива в соучастии в заговоре или нет. Это больше не имеет значения. Враг Линана теперь *она*, а не убийцы Береймы, сколь бы справедливым ни было желание разоблачить их злодеяния.

— Линан никогда не будет в безопасности в Гренда-Лире, пока не коронуется, — добавила Коригана. — А что до того, какие к тому основания... В его жилах течет королевская кровь, на его стороне расположение четтов — а также, судя по тому, что рассказал мне Гудон, расположение правителя и народа Чандры. У Линана один из Ключей Силы, Ключ Единения, Ключ, который представляет все провинции королевства за пределами самой Кендры.

— Мы забегаем вперед, — сказал Камаль. Эйджеру подумалось, что выглядит великан каким-то внезапно посеревшим, а в голосе его зазвучала неуверенность. — Нам надо решить, что делать *сейчас*, а не в грядущие годы.

— В таком случае разве здесь не следует присутствовать и Линану? — спросила Коригана.

— Мы с Эйджером всегда давали ему советы. Когда все мы решим, каким будет для нас наилучший курс действий, то ознакомим его с ним.

— Вот так, значит, и вершатся дела в Гренда-Лире? — расширила глаза Коригана.

— Линан еще молод, — терпеливо объяснил Камаль. — Никто не ожидал, что он унаследует трон, и поэтому его никогда не обучали править или вести за собой людей. Он должен обучиться этому под нашим руководством.

— Вообще-то обучаться лучше по ходу дела, — высказал мнение Гудон.

— В надлежащее время и надлежащим образом, — кратко отозвался Камаль.

Когда они снова вернулись к обсуждению того, следует ли клану откочевать на запад и провести зиму в Верхнем Суаке или оставаться на месте, Эйджер поймал себя на том, что больше не прислушивается к словам собеседников. Он встал, извинился и вышел в ночь.

Слова Кориганы и Гудона потрясли его, так как мысль о том, чтобы Линан сам сделался королем, ни разу не приходила ему в голову — но чем больше он об этом думал, тем логичней ему казались выводы четтов. Эйджер не согласился с ними — против этого восставали его воспитание и подготовка преданного Гренда-Лиру солдата, но он видел смысл в приведенных доводах.

Он повернул обратно к остальным. Костер тускло мерцал в темноте, гигантский силуэт Камаля отбрасывал на лагерь сверхъестественную тень.

Линан заставил себя повернуть назад.

«Да что я делаю? Я принц королевства, а не зверь в ночи».

Он сухо посмеялся над собственной гордостью. Ничего себе принц королевства: изгнанник в Океанах Травы, с будущим, в котором мог углядеть надежду только величайший оптимист, а теперь еще и донимаемый желаниями, которые были отнюдь не человеческими. Ариву это, конечно, не удивило бы, она всегда считала его недочеловеком. Ему живо помнился их последний разговор на южной галерее дворца всего за несколько часов до убийства Береймы; он тогда увидел по ее глазам, что именно она на самом деле думала о нем.

Вместе с этим воспоминанием пришел и очень даже человеческий гнев, и это чувство изгнало последние остатки его неестественного голода. «Именно так я справляюсь с этим, — с удивлением подумал он. — Ни на миг не забывая первопричину моего изгнания и преображения».

С этой возобновившейся, хотя и не полностью восстановленной уверенностью в себе Линан прошел обратно мимо караульной в лагерь. Добравшись до своего шатра, он посмотрел на восток, в сторону цивилизации, в сторону своих врагов. Он представил Ариву в тронном зале, считающую его погибшим и радующуюся этому, и убийц Береймы около нее.

Если б только она знала, что с ним стало на самом деле!

Он уже собирался зайти в шатер, когда заметил стоявшего в одиночестве Эйджера. Подойдя к нему, Линан положил руку ему на плечо.

— Я думал, ты давно уже спишь, — сказал он горбуну. — На сегодняшней охоте ты разволновался как ребенок.

— Давно уже не испытывал такого удовольствия, — застенчиво улыбнулся Эйджер. — С самого начала Невольничьей войны.

— Другие еще не легли? Где Гудон?

— С Кориганой.

— А, — неправильно истолковал его слова Линан. — Тогда не буду ему мешать.

После Эйджер так и не мог толком объяснить, что же заставило его вслед за тем добавить:

— И с Камалем.

— И с Камалем? — недоуменно моргнул Линан. — Понятно. И ты тоже был с ними.

Эйджер кивнул.

— А почему мне не сообщили?

— Ты ушел к себе в шатер. Сказал, что совсем вымотался.

— Могли бы подождать до завтра.

— Линан, все совсем не так...

Но Линан уже не слушал. Он круто повернулся и направился к шатру Кориганы.

— Линан, подожди!

Но Линан не обратил на него внимания. Приблизившись к шатру, он увидел королеву четтов сидящей с Гудоном и Камалем у костра. Увидев его, они прервали разговор. Он улыбнулся им, но ничего не сказал.

— Не смог уснуть, малыш? — спросил Камаль. Губы его были плотно сжаты, а кожа казалась тонкой и морщинистой.

— Судя по твоему виду, тебе тоже не помешал бы сон, — ответил Линан.

И подождал.

Трое других беспокойно переглянулись. Затем к ним присоединился слегка запыхавшийся Эйджер.

— Где ты был? — требовательно спросил его Камаль.

— Мне требовалось прогуляться, — пожал плечами Эйджер.

— Прогуляться? Мне бы не помешала твоя поддержка...

— Поддержка в чем? — перебил его Линан.

Камаль бросил взгляд на Линана, затем на Эйджера, но Эйджер решительно уперся взглядом в землю.

— По правде говоря, маленький господин, речь шла о деле не особо важном, — легковесным тоном сказал Гудон.

— О погоде?

Напряжение в лице и повадке Линана подсказало Гудону, что принц не в настроении обмениваться шутками.

— Нет, ваше величество.

— Я не «величество», Гудон. Официально я «ваше высочество». По-моему, Арива все еще королева.

Гудон, подобно Эйджеру, принялся сверлить взглядом землю.

Линан поймал взгляд Камаля и удержал его.

— Мой друг. Самый старый мой друг. О чем вы толковали?

Камаль стиснул челюсти.

— Это мы можем обсудить позже, Линан.

— Нет, — отрезал тот ровным тоном.

— Мы обсуждали, что нам следует делать дальше, — сказала вдруг Коригана и поднялась на ноги. Подойдя к Линану, она встала прямо перед ним. Линану пришлось поднять взгляд, чтобы посмотреть ей в лицо. — На самом-то деле мы *спорили* о том, что нам следует делать дальше.

— Нам? Вы имели в виду — мне, не так ли?

— Линан, тебе незачем из-за этого беспокоиться, — вмешался Камаль. — Мы с Эйджером собирались утром рассказать тебе обо всем, что здесь обсуждалось нынче ночью.

Линан оставил его слова без внимания.

— И о чем же шла речь — виноват, спор?

— О том, следует ли нам оставаться здесь, на востоке Океанов Травы, и быть неподалеку от Хаксуса и Хьюма, или отправиться к Верхнему Суаку и привлечь к твоему делу весь народ четтов.

— Камаль хотел, чтобы мы оставались здесь, — сказал Линан, не спрашивая, а утверждая.

— Да.

Линан посмотрел на Гудона.

— А ты? На чьей ты стороне?

— Веские доводы есть у обеих сторон, — пожал плечами Гудон. — Но я поддерживаю мою королеву.

— А ты? — повернулся Линан к Эйджеру.

— Я склоняюсь на сторону Камаля, ваше высочество.

— А Дженроза? Она участвовала в этом обсуждении? На чьей она стороне?

— У нее нет никакого опыта в подобных делах, — грубовато бухнул Камаль.

— Видимо, так же, как и у меня — хотя и она, и я заслуживаем того, чтобы нас все же поставили в известность, не так ли?

— Конечно, малыш, но мы не принимали никаких решений...

— За исключением того, какой курс действий мне следует выбрать.

— Все было совсем не так.

— Да всегда было именно так, Камаль. Я помню свои разговоры с тобой и Эйджером до того, как меня похитил Джес Прадо. «Линан, мы думаем, эта тактика будет наилучшей. Если ты не согласен, мы тебя не поддержим».

— Да никогда такого не было! — возразил ошеломленный Камаль.

— Именно так все и было, — без злобы повторил Линан. — Но я изменился, Камаль. Такое случается, когда тебя похитят, изрубят на куски и вернут с порога смерти. — Он повернулся и зашагал прочь, не оглядываясь бросив через плечо: — Утром мы отправляемся в Верхний Суак.

После ухода других Камаль остался у костра. Эйджер заколебался было, но Камаль взмахом руки отослал его прочь, и он ушел, ничего не сказав.

— Ну, это был поворотный пункт, — тихо произнес про себя Камаль. Он ощущал гнев и стыд — сочетание, приведшее его в замешательство. Он всегда был уверен, что Линан в один прекрасный день станет самостоятельным и как принц, и как мужчина; но это произошло так внезапно и на такой лад, что застало его врасплох.

Он понял, что неправильно поступил, не подключив мальчика к обсуждению, но был уверен, что Линан принял решение в гневе. Если б только Камаль устроил все получше, Линан наверняка в конце концов склонился бы к его точке зрения.

«Это не то решение, какое принял бы его отец, — удрученно подумал он. — Генерал бы понял, насколько разумно оставаться поблизости от врага».

Но Линан был не таким, как его отец — во всех смыслах. Проявивший себя в бою, но еще не на войне, наследник скверного наследия, но также и наследник самого великого трона на континенте Тиир, жертва несправедливого суда, объявленный вне закона, Линан был чем-то намного большим и намного меньшим, чем когда-либо бывал его отец. Там, где Элинд Чизел был прям и прост, Линан был загадкой.

И все же Камаль подозревал, что Линан мог оказаться даже более великим. «Он также и мой сын».

Камаль не мог больше смотреть в будущее с той же уверенностью, какой некогда обладал. Всякая уверенность ушла из его жизни, ее сменили лишь смутные надежды. Эта мысль обеспокоила Камаля; он знал, что некогда его взволновал бы такой вызов как необходимость идти навстречу неизвестному.

И Линан — он впервые пренебрег его мнением. Это тяготило Камаля больше всего остального. Он чувствовал себя отвергнутым, и это ощущение вызывало у него гнев на собственную ребячливость и жалость к себе.

Камаль подбросил дров в костер, наблюдая, как тот разгорается все ярче и ярче.

Он мысленно покорился судьбе.

«Да будет так. Будущее теперь темно для меня, но я не дам Линану вступить в него в одиночку».

ГЛАВА 4

Солнце склонилось к закату, и Кендра сделалась золотым городом.

— Это небо — цвета моей любви к тебе, — промолвил Сендарус.

Арива покосилась в его сторону и увидела улыбку, которую он пытался скрыть.

— Я слышала более благозвучные песни даже от ворон, — отозвалась она.

— Но никакие вороны не любили тебя так, как я.

— Ах, прекрати это, — покачала головой Арива. — Тебе не нужно доказывать мне, что у тебя есть чувство юмора.

Сендарус поднялся с каменной скамьи, на которой они с ней сидели, и опустился на колени перед Аривой.

— Но есть столько всего, что я хочу доказать тебе, — серьезно произнес он, взяв ее за руки.

— У нас будет на это время. Целая жизнь.

— Ее не хватит.

Она поцеловала его в лоб и высвободила руки из его пальцев.

— Придется ей быть долгой. Ты получил послание от своего отца?

— Неужели мы всегда должны обсуждать дела, когда остаемся наедине друг с другом?

— Лучше разобраться с делами, чтобы они нам не мешали.

— Ты, бывало, относилась к ним более легкомысленно.

— Прекрати, Сендарус, — коротко велела она. — Если ты хочешь сыграть свадьбу так сильно, как утверждаешь, то поможешь мне устранить последние препятствия. Совет хочет получить от Амана соглашение, подписанное твоим отцом, прежде чем его члены полностью поддержат наш союз. Особенно это волнует Двадцать Домов.

— Да ты же нисколько не считаешься со своей знатью, — возразил Сендарус. — С чего вдруг возникла эта внезапная потребность умиротворить Двадцать Домов?

— Я питаю большое уважение к ним и к их влиянию в королевстве.

— А почему ты так озабочена поддержкой Совета? В конце концов, он же назначен тобой, а не кем-то. Ты можешь распустить его в любое время, когда захочешь. Я слышал, как ты заявляла об этом советникам прямо в лицо.

Арива потрепала его по щеке.

— Совет и ожидает от монарха, чтобы тот время от времени угрожал ему. Это считается хорошим тоном. Но вот оставлять без внимания его рекомендации — это уже дурной тон, а Совет рекомендует добиться от твоего отца гарантии, что мой брак с тобой не дает Аману никаких прав наследования престола кем-либо, кроме нашего с тобой потомства.

— Ну что за судейское выражение для именования детей, которых мы будем растить! «Потомство»! Такое слово подходит для государственных дел.

— А наши дети, нравится нам это или нет, и будут государственным делом.

— Только не для меня, — покачал головой Сендарус.

Арива уже хотела согласиться с ним, но внезапно осознала: скажи она, что для нее это тоже будет делом личным, она солгала бы. Это осознание удивило и испугало ее. Она не сомневалась, что будет любить своих детей, но не было сомнений и в том, что как королева будет в полной мере использовать их для блага своего ко-

ролевства. «Как поступала моя родная мать с Береймой, а под конец жизни, через Ключи Силы, пыталась использовать всех нас, даже Линана».

— Так ты получил послание от своего отца? — снова спросила она.

Сендарус присел рядом с ней, лицо его тоже сделалось серьезным.

— Пока нет. Я ждал его на прошлой неделе, но оно еще не пришло.

— Ты не думаешь, что твой отец...

— Не согласится? Нет. Но, возможно, он попросит уступок в других областях. В душе он политик.

— Каким ему и следует быть. Ведь он же правитель.

Сендарус покосился на Ариву.

— Думаю, он встретит в твоем лице достойного соперника.

— По иронии судьбы.

— Почему?

— Потому что один из моих учителей — его брат, мой канцлер.

Сендарус рассмеялся, и смех этот был таким заразительным, что его подхватила и Арива.

— Рад видеть, что вы довольны, ваше величество, — произнес голос у них за спиной.

Парочка обернулась и увидела Оркида, стоящего с таким же суровым видом как всегда. Оба рассмеялись еще сильнее.

— Как приятно вашему скромному слуге быть источником веселья для ваших царственных особ, — произнес он деревянным голосом, без всякого следа сарказма.

— Да полно, Оркид, не принимайте близко к сердцу, — легко отозвалась Арива, и подошла к нему. — Для меня вы больше, чем слуга.

— Ах, какое облегчение, — вздохнул Оркид.

— Ну и ну! Оркид, да вы, по-моему, действительно пытались сострить.

— Пытался? — мрачно переспросил он. — Вообще-то, я служу у вас канцлером, а не шутом.

— Идемте, присядьте с нами. — Она взяла его за руку и увлекла к каменной скамье. — На самом деле мы обсуждали государственные дела — в частности, относящиеся к твоему брату. Почему он не прислал свое согласие на условия Совета для заключения брака?

— Как мне представляется, он придумывает какой-то способ заключить на этом выгодную сделку.

— Именно так и сказал Сендарус. Вы, аманиты, все мыслите одинаково.

— Я явился в связи с другим делом. Столь же безотлагательным.

Арива подняла бровь:

— Какое дело может быть таким же важным, как мой брак?

— Дело вашего брата, ваше величество, отверженного принца Линана.

— А!.. — Веселость ее как рукой сняло. Она осела на скамью рядом с Седарусом.

— Вы просили меня заняться этим делом. Мне кажется, что появилась возможность его решения.

— В каком смысле?

Оркид громко позвал кого-то:

— Можешь теперь подойти!

Миг спустя откуда-то появился Джес Прадо и встал рядом с ним. Королева изучила его взглядом. Сейчас он выглядел в сто раз лучше, чем в первый раз, когда она увидела его у себя в покоях несколько недель назад, но в его глазах, в плотно сжатых губах по-прежнему проглядывало что-то суровое и жестокое; угроза ощущалась и в том, как он стоял — словно кот, готовый броситься на мышь.

— Когда мы встретились впервые, ты принес мне плохие новости, — произнесла ровным тоном королева. — Надеюсь, на сей раз у тебя есть для меня нечто получше.

— Желал бы не быть тем, кто принес вам такие дурные вести, — но думаю, я могу предложить вашему величеству лечение для этой особенной раны.

Арива бросила взгляд на Оркида, но лицо того ничего не выдавало.

— Продолжай.

— Вам известно о моем прошлом?

— Конечно, — ответила она, не скрывая отвращения.

— Тогда я предлагаю вам воспользоваться им.

— Я не потерплю воскрешения работорговли в моем королевстве, — негромко заявила она.

— Вам и не нужно, — быстро ответил Прадо. — Но вот *наемники* все еще по-своему полезны. Вы даже сейчас берете их служить на границе с Хаксусом.

— В небольшом числе.

— Позвольте мне собрать прежний отряд и дайте ваше разрешение набрать еще бойцов. Я готов разыскать и захватить для вас в плен принца Линана.

— Мне нужно чтобы его убили, а не захватывали в плен.

— Это еще проще.

От его слов по спине у Аривы пробежал холодок. Она справилась с дрожью, устыдившись своей реакции.

— А вы какого мнения? — спросила она у Оркида. Тот просто кивнул. — У вас есть какие-то подробности?

— Пока нет, — ответил канцлер. — Я хотел, чтобы вы сами выслушали это предложение, прежде чем вникать в детали.

— Вникайте. Заседание Совета состоится через три дня; приготовьте к тому времени свой доклад, и я представлю его Совету.

Оркид и Прадо поклонились и ушли.

— Не нравится мне этот наемник, — сказал Сендарус.

— Совсем не обязательно любить камень, чтобы раздавить им паука, — отозвалась она.

Мальчику было года четыре. Он лежал на койке, сжавшись в тугой комок, затрудненно дыша, с лицом, блестящим от пота при свете факела.

— Что это? — спросил Олио.

Священник мягко прикоснулся ладонью ко лбу мальчика.

— Астма. Он страдал ею с трехмесячного возраста. За последний год она сделалась хуже. Вот уж несколько дней он такой, как сейчас. Совсем не ест и извергает почти все выпитое.

— Он умирает?

— Да, ваше высочество, умирает. Он не доживет до утра.

Олио глубоко вздохнул и посмотрел на Эдейтора Фэнхоу.

— У меня нет выбора. Я не могу отказаться исцелить его, несмотря на мои заверения, что я не стану пользоваться ключом.

— Да. — Эдейтор был мрачен. — Я понимаю.

Олио кивнул священнику, который отступил от койки, а затем возложил правую руку на тяжело подымающуюся грудь мальчика. Левой рукой он извлек из под рубахи Ключ Сердца и крепко сжал его.

— Порядок.

Эдейтор возложил руки на плечи Олио и почти сразу же ощутил, как через принца хлынул поток магической силы. Сколько бы раз он ни проделывал это, его всегда удивляла мощь магии, но на этот раз его удивила и скорость, с которой она нахлынула. Ключ настраивался на своего владельца. Эдейтор гадал, не сможет ли Олио вскоре действовать вообще без помощимага. Эта мысль обеспокоила его.

Принц начал оседать на пол, и Эдейтор оттащил его от койки. Олио слабо вскрикнул и бессильно оперся о прелата.

— Ваше высочество? — озабоченно спросил священник. Его направили в приют недавно, и он еще ни разу не работал с принцем.

— Со мной все в порядке, — подняв руку, успокоил его Олио. — Просто немного устал, вот и все.

— Идемте, присядьте. — Священник и Эдейтор отвели его к деревянному табурету. — Хотите я вам что-нибудь принесу?

— Нет, — ответил он, и тут же поправился: — Да. Вина.

— Ваше высочество... — начал было возражать Эдейтор, но гневный взгляд Олио заставил его умолкнуть.

— Всего одну чашу, прелат.

Священник вернулся с вином. Олио жадно осушил чашу и отдал ее.

— Еще, ваше высочество? — спросил священник.

— Нет, — твердо заявил Эдейтор. Священник быстро перевел взгляд с прелата на принца и опять на прелата. — Нет, — повторил Эдейтор. — Спасибо. Мне надо поговорить с принцем. Наедине.

Священник поспешил выйти.

— Я бы и не стал просить еще, — сразу принялся оправдываться Олио, чуть ли не поскуливая.

— Тогда я избавил вас от хлопот, сказав ему это сам.

Принц нетвердо поднялся на ноги. Эдейтор протянул было руку поддержать его, но Олио отмахнулся.

— Я думал, вы мне доверяли...

Прежде чем Эдейтор успел ответить, раздался тихий голосок:

— Хочу есть.

Больной мальчик приподнялся и сел на койке. Он выглядел худым и бледным, но дышал нормально.

— Есть хочу, — снова произнес он.

— Я что-нибудь тебе принесу, — заверил Олио. — Как ты себя чувствуешь?

Мальчик с миг подумал над вопросом.

— Голодным.

— Тогда мы скормим тебе целую гору. — Принц повернулся лицом к прелату. — Разве это не стоит всего?

Эдейтор покраснел, стыдясь, что у него нет на это ответа.

Теперь, когда королевский Совет заседал уже с полдюжины раз, его члены имели склонность занимать на каждом заседании одни и те же места за столом. Арива с Оркидом и Олио по бокам сидела в одном конце, далее, справа от нее — правительственные чинов-

ники, такие, как Харнан Бересард, прелат Эдейтор Фэнхоу и мэр Кендры Шант Тенор, а также те члены Двадцати Домов, которым предоставили места в Совете, в первую очередь двоюродный брат Аривы Гален Амптра. С левой же стороны располагались различные представители гильдий и торговых домов королевства, а также примас Гирос Нортем, глава Церкви Подлинного Бога, и его секретарь, исповедник Аривы отец Поул. В противоположном конце стола по обеим сторонам от нового коннетабля Деджануса сидели адмирал флота Зоул Сечмар и маршал Триам Льеф.

Помещение заливал солнечный свет, проникавший через длинные остекленные окна в одной из стен. Советники ждали, когда Арива откроет заседание, но та была занята совещанием с Оркидом. Некоторые советники делали заметки или погрузились в изучение документов, кто-то скучал, с трудом подавляя зевоту. Большинство же просто терпеливо ждали.

— Вы все слышали, что мой брат все еще жив, — внезапно заговорила Арива. Один или два советника так и подскочили в своих креслах.

— До нас доходили слухи, ваше величество, — сказал отец Поул, — но не полная история.

— Линан не утонул. Он сбежал в Океаны Травы.

По палате пробежал тихий шорох перешептываний, но — удовлетворенно отметила Арива — в голосах не слышалось ни чрезмерной взволнованности, ни паники.

— Его по-прежнему сопровождают бывший коннетабль Камаль с Эйджером Пармером и студенткой магии... — Она справилась с лежавшей перед ней на столе бумагой.

— Дженроза Алукар, — быстро и негромко подсказал Эдейтор Фэнхоу, словно стыдясь того, что она была его студенткой.

— ...Да, она из Теургии Звезд.

— Была, — быстро поправил Эдейтор.

— Да. Была. Они у четтов.

— Значит, они безвредны, — сделал вывод маршал Льеф. — Из Океанов Травы они не смогут причинить вреда королевству.

Со стороны Совета раздался ропот общего согласия.

— Пока принц Линан жив, он опасен, — тихо проговорила Арива. Эти слова каким-то образом дошли сквозь гул голосов до всех — и все мгновенно умолкли. Олио посмотрел на нее с чем-то похожим на смятение.

— Ваше величество? — переспросил маршал.

— Чем он располагает? — спросила она.

— Сейчас уже ничем, кроме травы, — пошутил Шант Тенор.

— И Ключом Единения, — указала Арива.

— Стоит ли тот чего-нибудь сам по себе? — осведомился мэр, приподнимая руки и переводя взгляд с одного советника на другого, словно адресуя вопрос им всем.

— Для меня он кое-чего стоит, — строго сказала Арива. — Ключ Единения нужен мне для другой цели.

— Сестра, у тебя уже есть два, — мягко указал Олио.

— А у моего будущего мужа ни одного.

Олио, казалось, удивился.

— А, конечно, — промямлил он наконец.

— Ваше величество, тут вы затронули деликатный вопрос, — заговорила Кселла Поввис, глава купеческой гильдии. — Мы все еще не получили ответа короля Амана касательно его гарантий по потомству, наследующему престол.

— Поправка, — уточнила Арива и протянула руку ладонью кверху. Оркид вручил ей скатанный пергамент, который она развернула и расстелила на столе перед собой. — Его гонец прибыл вчера вечером. — Она помолчала, оглядела застывшие в ожидании лица. — И он согласен.

Совет вздохнул словно одно большое животное.

— При двух условиях, — закончила Арива.

Животное снова затаило дыхание, пока Гален Амптра не спросил:

— И каких же?

— Он хочет, чтобы в порту построили еще один причал для аманитских торговых кораблей.

— Это даст им столько же причалов, сколько у Луризии, и на два больше, чем у Чандры или Хьюма, — указала Кселла Поввис.

— Несомненно, именно потому он их и хочет.

— А второе условие, ваше величество?

— Чтобы снова был введен Гелтский сбор.

В ответ раздался дружный рев. Все заговорили разом.

Во взгляде, который Арива бросила на Оркида и Олио, явственно просматривалось разочарование. Она подождала, пока не стихнет шум.

— С этим какие-то сложности?

В палате снова поднялся рев, на сей раз направленный против нее. Арива побледнела.

— Довольно! — крикнула она, и бушующая в палате буря стихла так же быстро как и поднялась. — Так-то вы обращаетесь к своей королеве?

— Сожалею, ваше величество, — извинилась Кселла Поввис, — но одной из причин войны Кендры с Аманом века назад был Гелтский сбор со всех кораблей, проплывающих мимо или через устье той реки — сбор, который они навязывали силой. Аман предлагает нам добровольно подчиниться этому пиратству?

Арива почувствовала, как напрягся рядом с ней Оркид, но он сохранил самообладание и ничего не сказал. «Если б только все мои советники были такими же дисциплинированными».

— Ничего столь жестокого, — ответила купеческой старшине Арива. — Они просят, чтобы все торговые корабли, проплывающие мимо или через реку Гелт, платили сбор стоимостью в одну сотую часть своего груза. Как я понимаю, прежний сбор равнялся одной трети стоимости груза.

— Это верно, — признала несколько успокоенная Кселла Поввис, — но тут затронут принцип...

— Затронутый принцип заключается в том, что в обмен на эти два условия Аман не только подпишет гарантии наследования, но и построит маяк на Треугольной Скале в устье Гелта и будет обслуживать его. Скажите, Кселла Поввис, разве не из-за той скалы мы даже сегодня теряем каждый год с полдюжины кораблей?

Глава купеческой гильдии кивнула.

— И по сравнению с этой потерей насколько велик сбор в одну сотую стоимости?

— Это выгодная сделка, — признала Кселла Поввис и склонила голову перед королевой в знак извинения и капитуляции.

Арива слегка улыбнулась.

— Тогда, как я понимаю, больше нет никаких возражений против моего брака с принцем Сендарусом?

Несогласных не нашлось. Гален Амптра и еще один или двое других казались не обрадованными, но ничего не могли поделать.

— И, возвращаясь к первоначально обсуждаемому нами вопросу, будет ли честным и справедливым, что мой муж и консорт останется без одного из Ключей Силы, тогда как объявленный вне закона принц Линан по-прежнему обладает Ключом Единения? И кому же носить этот ключ, как не принцу Сендарусу, аманиту, который соединится в брачном союзе с вашей монархиней?

— Все это хорошо и правильно, ваше величество, — грубовато бухнул маршал Льеф, — но как вы предлагаете заполучить тот Ключ?

— Вы хотите сказать, что армия Гренда-Лира не способна совершить поход на союзную территорию и отыскать одинокую

группу отверженных? — осведомилась Арива. — И особенно такую приметную группу? Один принц, не старше мальчишки, владеющий Ключом Силы, один бывший коннетабль гигантского роста, один горбатый бывший солдат и одна студентка?..

— Четтам это не понравится. И отправка солдат в Океаны Травы может вызвать еще большую напряженность в отношениях с Хаксусом. Король Салокан обязательно призадумается, не готовимся ли мы выступить против него.

— С четтами мы сможем договориться — они не возражали против прохода наших армий по их территории, когда мы очищали их степь от работорговцев. И меня нисколько не волнует, встревожит ли этот шаг короля Салокана; я желаю лишь, чтобы все мои действия тревожили короля Салокана.

— Я поведу отряд, — быстро вызвался Деджанус. — Я не боюсь четтов.

— Меня волновало не это... — запальчиво начал было маршал, но Арива подняла руку.

— Коннетабль, насколько хорошо вы знаете Океаны Травы? — спросила она.

Деджанус замедлил с ответом, внезапно испугавшись. Уж не прознала ли она о его предыдущей жизни в качестве работорговца? Не рассказал ли ей Оркид? С миг он отчаянно размышлял, что ответить.

— Коннетабль? — поторопила его с ответом Арива.

«Нет, она не могла узнать, иначе я уже сидел бы в тюрьме».

— Не слишком хорошо, ваше величество. Но у нас есть карты...

— Ни к чему, Деджанус, хоть я и хвалю вас за рвение, — отмахнулась она, бросив взгляд на маршала, который покраснел и отвел глаза.

— Что же тогда предлагает ваше величество? — спросил Деджанус.

— Мы отправим тех, кто знает Океаны Травы и четтов лучше всех здесь сидящих. Возьмем на службу капитана наемников, одного из тех, кто сражался в последней войне.

— Работорговца? — возмущенно переспросил маршал. — К примеру, того же Джеса Прадо? Того, который, говорят, и принес вам новости о Линане?

— Уже не работорговца. И да, я думаю о Джесе Прадо.

— И что же *он* сделает? — спросил Олио.

— Наберет отряд наемников, чтобы изловить Линана.

— И захватить его в плен, — закончил за нее Олио.

— Нет. Убить его.

Все присутствующие в палате Совета притихли.

— С-сестра, ведь н-нашего б-брата не судили за якобы со-совершенные им преступления.

— А разве его бегства не достаточно? — повысила голос Арива. — Разве против него мало неопровержимых улик? — потребовала ответа она.

— Н-но его все-таки м-можно взять в п-плен, — настаивал Олио.

Тут к Совету в первый раз за все заседание обратился Оркид.

— Мы не можем рисковать, ваше высочество. Если он будет захвачен в плен и сбежит, то насколько прочнее станет его положение?

— Среди кого, канцлер? У него наверняка нет никаких сторонников среди нас, и никаких — в других провинциях, о которых я слышал. Н-народ п-почти забыл о нем.

— А если он будет убит, оставшись в одиночестве и всеми покинутый в Океанах Травы, то про него вообще забудут, — пояснила Арива Олио, а затем обратилась к Совету: — Он изменник, объявлен вне закона и совершил цареубийство. Он заслуживает смерти.

— И набор достаточно большого отряда наемников для его поимки обойдется королевству не так уж дорого, — заметил Шант Тенор.

— Задача перед Прадо будет поставлена более широкая, — уведомила Арива членов Совета. — Он рассказал мне о наемнике, которому мы недавно поручили патрулировать границу с Хаксусом — неком Рендле, который взял наше золото, а затем сбежал в Хаксус служить его королю. Я убеждена, что он тоже должен быть найден, иначе другие наемные отряды могут счесть, что и они вольны безнаказанно сделать то же самое.

— Зачем же тогда доверять этому Прадо? — спросил Деджанус. — Ведь он всего лишь такой же наемник. Ваше величество, дозвольте мне повести в Океаны Травы полк нашей собственной кавалерии. Если хотите, Прадо может послужить проводником, а уж наша преданность не подлежит сомнению.

— Мы не можем так легко выделить подобный полк, — покачал головой Оркид. — После стольких лет мира наши войска сильно разбросаны. И, хотя мы мобилизуем армию на случай возможной угрозы со стороны Хаксуса, если король Салокан вскоре вторгнется в наши земли, то нам понадобятся все преданные части, какие у нас есть.

— К тому же в краткосрочном плане набрать наемников дешевле, — добавила Арива и заметила, что это вызвало улыбки на лицах некоторых советников. Им нравилась мысль тратить не больше денег, чем необходимо — на что она, собственно, и рассчитывала.

— Но насколько надежен этот Прадо? — настаивал маршал.

— Он будет надежен, — заверил Оркид. — Я позабочусь об этом. Даю Совету слово.

Возражений больше не было, и только Оркид заметил кислый взгляд, брошенный на него Деджанусом.

Арива и Сендарус впервые за несколько недель провели ночь вместе.

— Нам следует делать это почаще, — сказал ей наутро Сендарус.

— До окончательного одобрения Советом нашего брака это было бы трудно. Возникло бы впечатление, будто мы откровенно пренебрегаем мнением всех моих советников, а также и многих простолюдинов.

Сендарус наклонился над Аривой, провел ладонью по ее скуле и шее, а затем по груди и плоскому животу.

— И вместо этого ты пренебрегаешь мной, — надулся он.

— Продолжай в том же духе, и я тебя высеку, — пригрозила она и оттолкнула его. Он притворно зарычал от ярости и попытался броситься на нее, но Арива увернулась и вместо этого сама накинулась на него.

— Ты слишком медлительный, аманит.

— Медленней работаешь, — отозвался он, — лучше в постели.

— Ах ты, обманщик, — рассмеялась Арива.

Сендарус крутанулся под ней.

— Сегодня ты не такая изнуренная заботами.

— Сама это чувствую. Признаться, новость о том, что Линан жив, поколебала мою уверенность. Но теперь я снова на высоте.

— Больше чем в одном смысле, — хмыкнул Сендарус.

Арива стукнула его подушкой по голове.

— Это естественное положение дел. Я уже королева, а ты всего лишь принц.

— Да, ваше величество.

Она улеглась на него и заключила его лицо в ладони.

— Я люблю тебя и всегда буду любить, принц ты или не принц. — Она быстро поцеловала его и двинулась подняться с постели.

— Уже? — пожаловался Сендарус. — Я надеялся на повторную схватку.

— Возможно, сегодня ночью. У меня много дел.

— А после вступления в брак мы наконец-то устроим себе медовый месяц?

— Конечно. Наутро после свадьбы я на лишний час останусь в постели. Этого должно хватить.

— Слишком быстро для меня, — вздохнул он.

— Но не для меня, — парировала Арива, уже наполовину одевшись. Она подошла к восточному окну и открыла его. Внизу шла смена караула, наконечники копий и шлемы гвардейцев сверкали в лучах зари. Она увидела также, как через главные ворота проходит еще одна фигура, одинокая и печальная на вид. И потрясенно сообразила, что это Олио. В своей депрессии из-за Линана она в последние несколько недель не уделяла ему много времени, и он, казалось, выглядел день ото дня все хуже. Что с ним творилось? Арива не хотела приобрести мужа, но потерять любимого брата.

Сендарус заметил, как у нее вытянулось лицо.

— Что такое? — озабоченно спросил он.

Она покачала головой, ничего не сказав.

Прадо переполняло нервное нетерпение.

— Когда можно будет отправляться? — требовательно спросил он.

Оркид изучил его внимательным взглядом. Когда Прадо впервые появился во дворце, вид он имел весьма жалкий — оборванный голодный человек, весь в кровоподтеках и порезах. Но теперь он выглядел воином до кончиков ногтей, поджарым и сильным, несмотря на свой возраст. Услышав о решении Совета, наемник сразу отправился в город и купил себе новые штаны, кожаную безрукавку, сапоги и перчатки, а также отличный чандрийский меч и нож, все в кредит. Если кто и может найти и убить Линана, то только он, подумал Оркид.

— Скоро. Королева сегодня же подпишет приказ, а я уже получил из казначейства твою долговую расписку. У тебя будет достаточно средств для найма на несколько месяцев небольшой армии. Надеюсь, этого хватит, так как большего тебе не получить.

— Этого хватит, — бросил с надменной уверенностью Прадо. — В оплату я привезу вам две головы: принца Линана и Рендла.

— Хватит и одной головы. А останки Рендла можешь оставить там, где его убьешь.

— О нет. У меня есть свои планы для этого трофея.

Оркид поморщился.

— Твоя задача — убить Линана. Добейся этого любой ценой.

— Добьюсь.

— И не подведи меня.

— Вас? — рассмеялся резким лающим смехом Прадо. — А я думал, что служу вашей королеве.

— *Нашей* королеве, — прошипел Оркид. Он встал вплотную к наемнику. — А в этом задании ты отвечаешь передо мной. Провала я не потерплю.

Взгляд Прадо посуровел.

— Я не подведу, канцлер, но тем не менее не люблю, когда мне угрожают.

— Обещаю тебе, Джес Прадо, если ты все-таки подведешь меня, я буду охотиться на тебя, как на бешенного карака.

В голосе Оркида прозвучала такая угроза, что Прадо на шаг отступил. Он избегал смотреть в глаза канцлеру.

— Я уже сказал вам, что не подведу.

Оркид кивнул и перешел к своему столу, где взял официального вида пергамент и протянул его Прадо.

— Твоя долговая расписка.

— Хорошо, — обронил Прадо, беря пергамент.

— Вернись сегодня вечером за приказом. Кстати, в нем будет дополнительный пункт, о котором не знает Совет.

— Дополнительный пункт?

— Вам будет присвоено звание генерала армии Гренда-Лира. Это предоставит вам полномочия привлекать, если понадобится, регулярные войска на границе.

— Я? — ахнул Прадо. — Генерал вашей армии? Вот это поворот!

— Куда вы направитесь в первую очередь?

— В Арранскую долину. Там живут многие из моего прежнего отряда, и они образуют ядро моего войска. А оттуда двинусь на север, подбирая группы там, где смогу их найти.

— Где будете базироваться?

— На границе с Хаксусом, неподалеку от ущелья Алгонка. Так я смогу двинуться в любом направлении, в зависимости от того, какая цель подвернется первой.

— Когда отправляетесь?

— Если получу приказ сегодня к ночи, то завтра рано утром. — Он усмехнулся канцлеру. — И дворец наконец-то избавится от меня!

— Я дам знать королеве, — ответил Оркид. — Она будет очень довольна.

ГЛАВА 5

На взгляд Камаля, одна часть Океанов Травы мало чем от-
 личалась с виду от любой другой. Во время Невольничьей вой-

ны он прошел с армией Генерала немало таких частей и так и не понял тогда, как их проводники-четты узнавали, куда едут. Он достаточно уверенно отличал север от юга и восток от запада, но вот куда именно на севере, юге, востоке или западе они направляются, всегда ускользало от его понимания. Повсюду, куда ни глянь, всхолмленный ландшафт покрывала желтеющая осенью высокая трава. Хотя в степи и попадались ручьи, в ней не было рек или долин, и не росло ничего выше изредка встречающихся куп деревьев-стреловников. Он знал, что впечатление абсолютной плоскости равнины обманчиво, что можно выбраться на гребень одного взгорка и обнаружить поджидающую тебя на другой стороне армию, скрытую пологими складками местности, но ощущал в себе тоску по какой-никакой настоящей географии — по широкой реке, лесу, одной-другой горе — по чему угодно, нарушающему монотонность.

К нему подъехал Эйджер.

— К этому краю требуется привыкнуть, — промолвил горбун.

— Я к нему никогда не привыкну, — ворчливо ответил Камаль. — Откуда мы знаем, что ему есть конец? Мы можем ехать, пока не состаримся, и так и не добраться до другой его стороны.

— Бывает судьба и похуже. У Океанов Травы есть особая красота.

Камаль с тревогой посмотрел на друга.

— От всех этих ран у тебя наступает размягчение мозгов. Нет здесь никакой красоты. Этот край какой-то... не знаю...

— Безжалостный, — предположил Эйджер.

— Да, именно.

— Линан, похоже, чувствует себя здесь как дома.

— Он на четверть четт. И кроме того, здесь он чувствует себя в безопасности.

— А ты разве нет?

— Я не почувствую себя в безопасности до тех пор, пока Линан не будет восстановлен в правах в Кендре, а на мне снова не окажется мундир коннетабля, — хмыкнул Камаль.

— Восстановлен в правах кого? — помолчав, спросил Эйджер.

— Ты думал о нашем разговоре с Кориганой и Гудоном той ночью?

Эйджер кивнул.

— Их слова имели смысл.

— Линан не является законным наследником трона Гренда-Лира, Эйджер. Есть моральное и законное отличие между помощью в устранении несправедливости с объявлением его вне закона — и помощью в узурпации трона королевы Аривы.

— Арива — его заклятый враг. Он сын ненавистного простолюдина, который заменил ее любимого отца в качестве мужа и консорта Ашарны. Она никогда его не любила. Восстановление Линана в правах во дворце не сделает его положение надежным.

— Что ты имеешь в виду?

— Двадцать Домов, а может, даже и сама Арива по-прежнему будут видеть в нем угрозу.

— С этим мы сможем справиться.

— И не забывай, всегда остается вероятность, что Арива была в сговоре с Оркидом и Деджанусом.

— Никогда в это не поверю.

Эйджер наклонился и, взяв узду Камаля, натянул ее.

— Даже если Арива и не участвовала в первоначальном заговоре, то сейчас она, должно быть, полагается на Оркида и Деджануса. Она не может допустить возвращения Линана.

Камаль высвободил узду.

— Ты понимаешь, о чем говоришь? Что именно это будет означать для всех нас.

— Возможно, это означает для нас спасение.

— Нас могут повесить за измену.

— Если нас поймают, то так и так повесят за измену.

Камаль пришпорил лошадь, не желая слушать его.

— Или, вероятно, просто отрубят нам головы, как только захватят в плен! — крикнул ему вслед горбун.

«Проклятье! — сердито подумал Эйджер. — Это был едва ли не наихудший способ попытаться в чем-то убедить Камаля».

К нему подъехала Дженроза.

— О чем шла речь?

— Говорили о политике, — небрежно обронил он.

— Тут у вас никогда раньше не было разногласий, — фыркнула Дженроза.

Эйджер пожал плечами.

— Ему не по душе Океаны Травы, — непринужденно ответил он. — Они делают его раздражительным.

Они с миг молча ехала рядом, а затем Дженроза сказала:

— Дело ведь не только в этом, не так ли?

— В какой-то мере, — согласился Эйджер, не готовый сказать больше. Дженроза молчала, но ее присутствие требовало ответа. Она отлично умела добиваться того, чего хотела. — Не беспокойся об этом. В конце концов один из нас склонится к точке зрения

другого. Ну, я прихожу кружным путем к его взгляду на вещи; обычно все выходит именно так.

— Речь шла о Линане, да? — не отставала она.

— А когда мы обсуждаем что-то иное? Где он, кстати? Я все утро его не видел.

— С Гудоном, едет позади вон тех всадников.

— А также, бьюсь об заклад, и с Кориганой.

— Нет. Она едет впереди. Ты ее недолюбливаешь, не правда ли?

Эйджер обдумал вопрос.

— Она необязательно не нравится мне. Думаю, Камалю она не очень-то по душе.

— Камаль подобен отцу, приглядывающему за единственным сыном, обольщаемым женщиной, которую он не одобряет.

Эйджер кивнул.

— Я смотрел на это иначе, но ты права.

— Камаль рассказал мне о своем столкновении с Линаном. Он не знает, сердится ему или грустить оттого, что принц выступил против него.

— Это было бы трудно по многим причинам.

— Он говорил мне, что у них с Кориганой вышел спор.

— Он рассказал тебе о том, что... — голос Эйджера стих.

— Что случилось?

Эйджер показал на авангард колонны. Дженроза посмотрела и увидела, что головные всадники устремились галопом к гребню ближайшего взгорка. Она наблюдала за тем, как они достигли его, а затем исчезли, перевалив на другую сторону. Следом за ними устремились и другие четты. Горизонт слегка затуманился от пыли.

— Рендл? — спросила она.

Эйджер не ответил, но дал шпоры лошади. Дженроза изо всех сил старалась не отстать от него, но он держался в седле лучше и вырвался вперед. Она смотрела, как он достиг гребня, потом вдруг натянул узду, и его лошадь уперлась копытами в землю. Через несколько секунд она поравнялась с ним и глянула вниз. Дыхание застряло у нее в горле.

В каких-то пяти лигах паслось самое большое стадо скота, какое ей когда-либо доводилось видеть. Она понятия не имела, сколько в нем голов, но на желтой и бледно-зеленой равнине оно выглядело, словно темный поток.

Рядом с ней появились Линан и Гудон. Глаза Линана широко раскрылись, несмотря на яркое солнце.

— Оно больше, чем мне помнится, — со своего рода благоговением прошептал Гудон. — Маленький господин, это и есть богатство клана Белого Волка. *Моего* клана.

Кроме скота, Дженроза теперь разглядела и нечто, с виду похожее на две длинные цепочки насекомых яркой расцветки, тянущихся по обеим сторонам от основной массы стада. Вскоре она увидела, что это большие шатры на широких телегах, и каждую такую телегу везли четыре и более лошадей. А на одиночных лошадях четты разъезжали вокруг и среди стада, погоняя скот и не давая ему разбредаться. Казалось, четтов было почти столько же, сколько и скота.

— Насколько велик ваш клан? — спросила Дженроза у Гудона.

— Один из самых больших, — с гордостью ответил он. — Мы ехали пока с Левым Рогом, личной охраной Кориганы — это тысяча воинов. А есть еще Правый Рог и основная группа, Голова, в пять тысяч воинов. Если мы не воюем, то Голова всегда остается со стадом, в то время как два Рога поочередно ведут разведку впереди и по сторонам, обычно на расстоянии многих лиг от основной группы.

— Не понимаю, Гудон, — проговорил Линан, лицо которого все еще отражало испытанное им удивление. — Я думал, четты жили группами человек в сто или около того. Ты сам говорил мне это по пути к ущелью Алгонка.

— Мы жили так много веков, до войны с работорговцами. Отец Кориганы понял, что мы должны объединиться для борьбы с набегами налетчиков вроде Рендла и Прадо. Но прежде, чем он смог объединить кланы, должен был объединиться и каждый клан. Вражда и грызня между семействами в каждом клане шла не меньшая, чем между самими кланами. Ныне каждый клан кочует и сражается как единое целое. Это означает, что кочевать им приходится намного больше, иначе объединенное стадо уничтожит все пастбища, но большая безопасность стоит того.

Эйджер внимательно наблюдал за ползущим внизу кланом.

— На первый взгляд кажется, будто клан перемещается беспорядочно, — сказал он. — Но теперь я вижу, как дозорные всадники держатся на одном и том же расстоянии. Они всегда движутся, но всегда к другому посту. — Он посмотрел на Гудона. — Очень впечатляет. Думаю, в Гренда-Лире никто не понимает, насколько организованными стали четты.

— Там нас считают простыми пастухами, — согласился Гудон. — И нас это вполне устраивает.

— Они останавливаются, — отметил Линан.

Дозорные сомкнулись вокруг стада, сжимая кольцо, и постепенно оно медленно, словно растекающийся по лезвию ножа мед, остановилось. Затем везущие шатры телеги образовали корраль, сомкнувшись вокруг всех, кроме дюжины самых крупных животных, которых увели прочь и привязали к вбитым поблизости кольям.

— Это быки, — объяснил Гудон.

— Почему так много?

— Для торговли. Стадо у нас большое и здоровое. Другие кланы многое отдадут за возможность заполучить одного из наших быков, думая, будто в них и заключается тайна успеха нашего клана.

— А в чем же тайна успеха вашего клана? — спросил Эйджер.

— Наша королева, — просто ответил Гудон.

— Смотрите, вон Камаль, — показала Дженроза. Она заметила его на середине спуска по склону. Его, как и остальных, заворожил вид клана и его стада. Никто из жителей востока не ожидал увидеть в Океанах Травы чего-либо подобных масштабов.

— А вон Коригана, — указал Гудон на едущую к ним одинокую всадницу. Высокая и гибкая, столь уверенно держащаяся в седле, она была легко различима в толпе. Подъехав к ним, она остановилась перед Линаном.

— Добро пожаловать в самое сердце клана Белого Волка, ваше величество. Вы всегда будете для нас желанным гостем.

Линан кивнул, по-прежнему охваченный чувством благоговения.

— Спасибо, Коригана. Для меня это большая честь.

— Мой народ ждет встречи со всеми вами, — сказала она, обращаясь ко всем, и поехала впереди вниз по склону к корралю, а Камаль присоединился к ним, когда они проезжали мимо него.

Когда спутники подъехали ближе, из шатров выскочили маленькие дети и собрались вокруг них. Внимание в основном уделялось Камалю и Эйджеру: первый был таким громадным, что, должно быть, казался им ходячей горой, а второй — такой согбенный, что их удивляло, как он вообще мог ездить верхом. На Линана они сперва не смотрели; в своем пончо и широкополой шляпе он мог почти сойти за одного из них.

К детям вскоре присоединилось несколько дозорных, и процессия наконец двинулась извилистым путем к самому большому шатру, стоящему на самом огромном фургоне, какой когда-либо доводилось видеть Линану и его спутникам. Шатер этот был сделан из нескольких широких полос дубленой кожи, сшитых друг с другом толстыми прядями скрученных жил. Каждая полоса была выкрашена в иной

цвет, а прямо над дверью; кроме того, красовалось изображение белого волка.

Прежде чем всадники остановились, раздался быстро приближающийся цокот копыт. Они оглянулись и увидели дозорного со сбившейся за плечи шляпой, вонзающего пятки в бока своей кобылы.

— Боги! — воскликнул Гудон, лицо которого расплылось в широкой улыбке. — Это Макон!

Тот, которого назвали Маконом, подождал, пока не оказался всего в нескольких шагах от группы, аккуратно остановил лошадь и выпрыгнул из седла. К удивлению новоприбывших, прыгнул он прямо на круп лошади Гудона. Худые жилистые руки обхватили Гудона за талию.

— Гудон! Брат! Ты наконец-то вернулся к нам!

Гудон наполовину повернулся в седле и обнял брата, звучно хлопнув его по спине.

— Я же тебе сказал, что вернусь, карак!

Они упали с кобылы и повалились грудой на землю. Окружившие их четты рассмеялись, в том числе и Коригана. Линан и его друзья ошеломленно глядели на происходящее, не уверенные, как все это понимать.

Гудон с Маконом поднялись, все еще держась друг за друга, на лицах у них расползлись самые широкие улыбки, какие Линан когда-либо видел на физиономии четта.

— Это мой младший брат! — громко объявил Гудон.

— Вот бы никогда не догадались, — сухо отозвался Камаль.

— Моя королева, чем вы его кормили? Он слишком высок, чтоб быть мне родней.

И в самом деле, теперь, когда они стояли на земле, Линан увидел, что Макон по меньшей мере на пядь выше Гудона.

— Это ты усох от жизни на востоке, — заявил Макон и махнул рукой в сторону чужаков. — А кто эти друзья, которых ты привел с собой?

Гудон подошел к Дженрозе и положил руку ей на плечо.

— Это Дженроза Алукар, прославленная магичка из Теургии Звезд в Кендре!

Толпа разразилась приветственными криками прежде, чем Дженроза успела объяснить, что она не магичка, а всего лишь студентка и еще нисколько не прославилась.

Вслед за тем Гудон перешел к Эйджеру.

— Эйджер Пармер, один из самых известных воинов в Грендалире! Свои увечья он получил в Невольничьей войне, где доблестно сражался под началом Элинда Чизела!

Еще более громкие приветственные крики. Эйджер покраснел. С любопытством глядевшие на него ребятишки сгрудились поближе, а некоторые и тянули руки, стремясь прикоснуться к нему.

Гудон перешел к Камалю.

— А это — воин, слава которого известна даже нам. Правая рука Генерала, покончившего с нападениями работорговцев на четтов. Камаль Аларн, капитан Красных Щитов!

Линан подумал, что у него уши лопнут от последовавших за объявлением Гудона криков и воплей. Теперь даже дозорные спешились и толпились вокруг. Все взгляды устремились к Камалю, и Линан расслышал благоговение в голосах четтов.

— Это он! Генералов Гигант! Это Камаль!

Линан наблюдал за реакцией Камаля. Его бледная кожа сделалась темно-красной; даже выбеленные временем корни волос, казалось, порыжели. Ошеломленный бурными приветствиями, он не мог ничего ни сказать, ни сделать. Гудон подождал, пока крики не начали стихать, прежде чем перейти к Линану. Когда он двинулся положить руку на плечо принцу, то остановился и отступил на шаг. Линан оглянулся и увидел подошедшую встать рядом с ним Коригану. Толпа умолкла, ожидая, пока не заговорит королева. Та протянула руку и сняла с Линана шляпу. Он сильно зажмурился от внезапного потока света. Когда же он сумел раскрыть глаза достаточно широко, чтобы увидеть происходящее, то наткнулся на взгляды уставившихся на него всех окружающих четтов. Одна девочка осмелилась коснуться бледно-белой руки Линана, но быстро отдернула ладошку. Линан улыбнулся ей, но она явно слишком напугалась, чтобы ответить на его улыбку.

— Это Линан Розетем, сын королевы Ашарны и Генерала Элинда Чизела. Он принц королевства Гренда-Лир и носитель одного из Ключей Силы. Это Белый Волк, и он вернулся к нам!

Какой-то миг ничего не происходило, а затем, не обменявшись между собой ни единым словом, все как один низко поклонились, словно скошенная одним взмахом косы пшеница. Даже Коригана кланялась. Линан сощурился, глаза у него заслезились от резкого света солнца.

Миг спустя Коригана выпрямилась, и остальные четты последовали ее примеру. Она снова надела на него шляпу и мягко взяла его за руку.

— Наш клан будет тебе семьей и домом, сколько ни пожелаешь.

— Белый Волк? — переспросил Линан у Гудона. Они сидели вместе на вершине взгорка, откуда открывался вид на лагерь четтов, а их кобылы щипали траву у них за спиной. В вышине мерцали в

идеально ясном небе звезды, а внизу корраль окружали десятки маленьких костров. До них доносилось негромкое мычание кланового стада, а иногда и громкий рев быков.

— Как гласит легенда, маленький господин, давным-давно, когда мой клан был лишь маленьким племенем из двух-трех семейств, нас защитил от хищников из других племен белый степной волк-одиночка. Увидеть его могли только ночью, и то издалека. Он стал нашим тотемом и, в конечном итоге, одним из наших богов. И вот ты здесь. Ты явился к четтам почти умершим, а затем был воскрешен с кожей белой, как кобылье молоко. И на первой же своей охоте ты в одиночку убил степную волчицу, угрожавшую королеве нашего клана.

— Я пытался спасти тебя, — резко сказал Линан.

— Верно, маленький господин. Но думаю, тебе понятно, почему Коригана назвала тебя белым волком.

Линан обхватил колени.

— Я не хочу, чтобы клан ожидал от меня слишком многого, Гудон. Мне не хочется их разочаровывать.

— Этого не будет.

Некоторое время ни тот, ни другой не говорили ни слова, пока над ними не сверкнула падающая звезда.

— Добрый знак, — показал на нее Гудон. — Видишь, мы защищены.

— У меня такое ощущение, что ты куда менее суеверен, чем прикидываешься, — сказал Линан. Гудон вопросительно посмотрел на него. — Ты ведь четт практичный. Как и ваша королева.

— Этого и следовало ожидать. Ведь мы же родственники.

— И судьбу можно творить самим.

— И что же такое хочет этим сказать маленький господин?

— Когда мы впервые встретились на реке, ты мне сказал, что судьба никому не служит.

— Верно.

— Нет, неверно, Гудон. Ты спас меня от Джеса Прадо, за что я всегда буду тебе благодарен. Но ты знал, кто я такой.

Гудон кивнул.

— И понимал, что я буду ценен для твоей королевы.

Гудон глубоко вздохнул, а затем сказал:

— Ты хотел отправиться в Океаны Травы.

— А ты хотел чтобы я отправился в Океаны Травы, но не попал в руки другого клана, особенно такого, чей вождь находится в числе противников Кориганы. Верно?

— Да, маленький господин, — тихо ответил четт.
— Я помогу вашей королеве, но цена будет высока.
— Коригана это понимает, — без колебаний заявил Гудон.
— Сколько нам еще добираться до Верхнего Суака?
— Много дней, особенно со стадом. Мы будем там к зиме.

Осень подходила к концу, степью начал овладевать холод. Первым признаком надвигающейся зимы стал иней по утрам, сперва такой легкий, что исчезал вскоре после восхода солнца, но через несколько дней уже достаточно густой, чтобы дотянуть до середины утра. Когда стадо трогали в путь, было слышно, как хрустит под копытами скота хрупкая трава. В это время Коригана приказала забить всех холощеных бычков, и клан провел два дня в одном из лагерей, занимаясь засолкой мяса и выделыванием шкур. Мясо хранили в специальных шатрах, выкрашенных в ярко-белый цвет для отражения солнечного света и сохранения охлажденным мяса, все еще ждущего консервации. Покуда одни забивали волов, другие старались собрать как можно больше травы. Часть ее связывалась в пучки на корм скоту самой глухой зимой, а остальная провеивалась для отбора семян, необходимых для приготовления хлеба.

По сравнению со скоростью их передвижения до того, как они догнали стадо, клан теперь полз, на взгляд Линана, со скоростью улитки, но ему очень даже нравилось не мчаться сломя голову куда-то или от кого-то. Большую часть дней он проводил, разъезжая с Гудоном вдоль цепочки дозорных клана, узнавая много нового об Океанах Травы, о местных созданиях, растениях и кланах, о временах года, о богах, верованиях и обычаях четтов. Линан жадно впитывал все, чему мог научить его Гудон, а когда Гудона подводила память, к ним присоединялся Макон и заполнял пробелы в рисуемой старшим братом картине. Линан никогда не переставал задавать вопросы.

Камаль, Эйджер и Дженроза почти все время ехали с основной группой, держась вместе ради компании и чтобы не путаться под ногами у пытающихся не дать стаду разбрестись четтов. Они никогда не оставались одни надолго, так как их часто сопровождали дети и отдыхающие дозорные, засыпая вопросами о востоке и о Линане. Эйджер и Дженроза наслаждались путешествием, ценя, подобно Линану, пребывание в безопасности, которое обрели впервые с тех пор, как покинули Кендру, но вот Камаля бездействие угнетало. Он сожалел о каждом дне, не потраченном на усилия по возвращению

Линана в Кендру и уводящем их все дальше и дальше от цивилизации, все глубже и глубже в неизвестность Океанов Травы.

Через несколько дней Эйджер начал проводить больше времени в стороне от Камаля и Дженрозы и принялся общаться с самими четтами. Однажды он сел править фургоном королевы под присмотром его возницы, старого и почти беззубого четта по имени Кисойны. Ему понадобилось некоторое время для того, чтобы привыкнуть везти такой огромный груз и управлять восьмеркой лошадей, но Кисойны оказался терпеливым учителем. После того, как Эйджер усвоил урок, они провели остаток дня, рассказывая друг другу анекдоты. Эйджер с удивлением узнал, что не торговые моряки, а четты обладали самым грубым чувством юмора в мире — и решил, что это, вероятно, объясняется жизнью рядом с огромным стадом скота и дюжиной быков.

Постепенное удаление Эйджера от спутников было вызвано частично любопытством и потребностью заняться еще чем-то, кроме позволения своей кобыле влечь его по Океанам Травы, но в основном оно произошло с целью дать Камалю и Дженрозе время побыть вдвоем. Они не собирались исключать его из своих разговоров, но все чаще говорили только друг с другом, оставляя Эйджера на периферии. Эйджера радовало, что у Камаля есть Дженроза, способная отвлечь его от растущей депрессии, но он гадал, к лучшему ли это. Дженроза отправилась с ними потому, что была с Линаном в ночь, когда убили короля Берейму, и ей пришлось бежать из дворца вместе с принцем. Эйджер не знал, чем Дженроза занималась в ту ночь с Линаном, но был уверен, что наверняка не обсуждением истории Гренда-Лира. Какие же чувства Линан испытывал к ней теперь?

Но Эйджеру было определенно ясно, с кем предпочитала проводить время сама Дженроза.

Линан выехал из корраля в холодный ночной воздух. Второй раз он почувствовал, как его охватил темный голод; запах скота сводил его с ума. Ветер дул с юга, и от него у Линана коченели щеки и руки; на освещаемом лунным светом горизонте он различил направляющиеся к нему массы облаков, похожих на наковальню.

Когда корраль скрылся из виду, он остановился, намотал на руки узду и застыл в седле, плотно зажмурив глаза и стиснув челюсти. Ему хотелось есть и пить, хотелось почувствовать на губах вкус теплой крови. Кобыла под ним была напряжена и хотела бежать, но Линан держал узду крепко прижатой к животу.

Постепенно ветер унес все запахи стада, и в голове начало проясняться. Он глубоко вдохнул и осел в седле. Кобыла тоже расслабилась и принялась щипать траву.

На сей раз справиться с наваждением оказалось легче, и Линан гадал, не вызвано ли это тем, что он теперь дальше от Силоны и ее сверхъестественного влияния. Почему-то он был уверен: в жилах его текла уже не только кровь вампирши. Он посмотрел на восток и вспомнил все — хорошее и плохое — оставленное позади. Тоска по дому, которую он ощущал первые несколько недель после бегства из Кендры, сделалась теперь лишь воспоминанием. Затем его взгляд обратился к западу, устремляясь над великой степью, которая казалась безграничной. Здесь он был не более чем песчинкой, и это ощущение незначительности казалось ему привлекательным. Тут налетел ветер и взвил вокруг него пончо. Линан потуже затянул ремешок шляпы на подбородке. Лошадь принялась тихонько ржать; ей хотелось вернуться к своим сестрам.

К принцу приближался всадник. Четт, слишком высокий для Гудона. Возможно, Макон. Нет, сказал он себе, узнавая явное самообладание всадника, а точнее — всадницы, так как это была Коригана. Она остановила лошадь рядом с ним.

— Я гадала, чем это ты занимаешься здесь в одиночестве, особенно в подобную ночь.

— Мне нравятся подобные ночи, — отозвался он.

Королева огляделась кругом, и Линан увидел удовольствие у нее на лице, когда она окинула взглядом Океаны Травы. Такое же удовольствие испытывал и он.

— Мне они тоже нравятся, — призналась Коригана. — Они буйные и какие-то свободные от человека. Возникает такое ощущение, словно нашей расы вообще не существует. Ты когда-нибудь испытывал такое?

От ее слов у него по спине пробежала дрожь; он вспомнил свои сны, в которых ему являлась Силона, а она, как ему представлялось, должно быть существовала задолго до появления человека.

— Только здесь, — быстро ответил Линан. — На востоке никак нельзя игнорировать существование цивилизации.

— Ведь тут *и есть* твой родной дом, не так ли?

— Ощущение у меня именно такое, — кивнул Линан.

Коригана на мгновение задумчиво опустила голову, а затем сказала:

— Сожалею что встала между тобой и Камалем.

— Нам не требовалось, чтобы кто-то вставал между нами. Он все еще считает меня всего лишь самоуверенным и несколько безответственным мальчишкой.

— Ты не такой.

— Теперь уже нет.

— Он любит тебя.

— Знаю, и я люблю его. Сколько я себя помню, он был мне отцом.

— Ты говорил ему это?

Линан моргнул.

— Нет. Ему нет необходимости слышать это.

Коригана пожала плечами.

— Но вот мне нужно от тебя кое-что услышать. Ты решил отправиться в Верхний Суак, потому что счел этот курс наилучшим, или потому, что он шел вразрез с мнением Камаля?

— Вероятно, по обеим причинам. Мне как-то трудно вспомнить, что именно я думал той ночью; помню только свой гнев.

— Камаль той ночью тоже был в гневе.

— Он думал, я всегда буду следовать за ним, — фыркнул Линан.

— Теперь, когда ты становишься самостоятельным, думаю, обнаружишь, что он всегда будет следовать за тобой.

Налетел сильный порыв ветра. На руку Линана упали снежинки и тут же растаяли.

— Сонные Снегопады, — пробормотал Линан. Лицо Кориганы отразило ее удивление. — Гудон рассказывал мне, что эти холодные осенние ветры с юга почти всегда приносят снегопады, и их приход отмечает время, когда многие животные начинают впадать в спячку.

— Ты провел немало времени с Гудоном, разузнавая об Океанах Травы и о тех, кто в них живет. Это хорошо. Но название свое эти ветры получили не из-за впадающих в спячку животных.

— Да?

— Помню как-то однажды поздней осенью я с отцом воевала против одного мятежного четтского клана. Нас застиг один из этих снегопадов. На следующий день мы нашли двух наших дозорных замерзшими насмерть. Они уснули, да так и не проснулись. Вот потому мы и называем их «Сонными Снегопадами». — Снег вокруг них закружился еще гуще. — Нам следует вернуться.

— Я не засну, — заверил ее Линан.

 — Но твоя лошадь может и заснуть.

* * *

— Надвигается снегопад, — отметил Эйджер.

— Да это просто ветерок, — ответил Камаль. Он проходился оселком по лезвию меча и почти не замечал ветра, начинающего завывать вокруг шатра в котором они сидели.

— Я его костями чую. С тех пор, как топор рассек мне спину, я сделался чувствительным к дождям и снегопадам. У меня от них мышцы ноют.

— Чушь, — крякнул Камаль.

— Я слышала похожие рассказы и от других, получивших серьезные раны, — рассудительно заметила Дженроза, сдерживая порыв сказать Камалю какую-нибудь резкость; его безапелляционность начинала ее утомлять.

Камаль начисто вытер клинок уголком своего пончо, а затем лизнул большой палец и провел им по плоскости клинка около режущей кромки. Кромка стала надвигаться на кожу, и он понял, что она достаточно острая. Теперь он принялся быстро водить вдоль лезвия оселком под противоположными углами, делая его слегка зазубренным, а затем повторил проверку большим пальцем и дважды чуть поранил его.

Полог шатра вдруг распахнулся и яростно заколыхался под внезапным порывом ветра.

— Божья погибель! — ругнулся Камаль и потянулся вновь завязать полог. Но не успел он закончить, в шатер влетел снежный вихрь.

— Говорил же я тебе, надвигается снегопад, — надменно сказал довольный Эйджер.

Камаль бросил на него кислый взгляд.

— Снег. Только его нам еще и не хватало. Он вдвое снизит скорость передвижения клана.

— Я думал, после всех наших метаний летом ты оценишь более неторопливый аллюр.

— У нас много дел, а здесь мы их сделать не можем.

— Линан все для себя решил, — мягко сказал Эйджер. — А мы всегда хотели, чтобы он именно так и поступал.

— Не только для себя, — указала Дженроза. — Он решил за всех нас.

— Конечно, он же наш принц, — парировал Эйджер. — А теперь еще и наш вождь.

— Если эта четтская королева добьется своего, он будет больше, чем принцем, — буркнул Камаль.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Дженроза.

Эйджер с Камалем быстро переглянулись. Эйджер кивнул.

— Коригана считает, что Линану следует добиваться трона, — напряженно произнес Камаль.

— Не понимаю. Зачем Коригане нужно, чтобы Линан стал королем четтов?

— Не ее трона, — ответил Эйджер. — Коригана думает, что Линану следует узурпировать престол Аривы.

Глаза Дженрозы расширились от удивления.

— О!

— А Камаль не согласен, — закончил Эйджер.

— А ты?

Эйджер пожал плечами.

— Я уже не знаю, что и думать.

— Той ночью ты был согласен со мной, — напомнил ему Камаль.

— Я согласился, что нам не надо в Верхний Суак. А насчет занятия Линаном трона Гренда-Лира я не высказался ни за, ни против.

Камаль уперся взглядом в землю. Казалось, он ушел в себя. Дженроза села с ним рядом.

— Камаль, а есть ли другой способ?

— Что ты имеешь в виду? — буркнул Камаль.

— Может ли Линан вернуться в Кендру и продолжить прежнюю жизнь с того места, на котором она прервалась? Возможно ли такое?

— Не вижу, почему бы и нет. Если мы изобличим Оркида и Деджануса как убийц Береймы, ничто не может помешать Линану вновь занять свое положение во дворце.

— А тебе — снова сделаться коннетаблем, а Эйджеру — капитаном королевской гвардии.

— А тебе — вернуться к своим штудиям в Теургии Звезд. Да. Разве не именно этого мы все и хотим?

— Ты хочешь именно этого, как и прежде?

— Да.

— А как насчет Аривы и Двадцати Домов?

— Арива не глупа. Она помирится с Линаном. А Двадцать Домов сделают то, что им велят.

— А что если Линан решит бороться за престол? Ты остановишь его?

Пораженный, Камаль поднял взгляд на Дженрозу.

— Нет, он этого не сделает.

— Линан изменился. Эйджер сказал, что он стал вождем. Может он пойти войной на Ариву и в итоге отнять у нее трон?

Камаль быстро встал.

— Нет. Линан этого не сделает. Я его знаю.

— Ты знал Линана-мальчика, — напомнила ему Дженроза. — Насколько может быть уверен кто-либо из нас, что мы знаем Линана — Белого Волка?

— Белого Волка? — лающим смехом рассмеялся Камаль. — Ба!

Дженроза тоже встала. Камаль пытался избегать встречаться с ней взглядом, но она протянула руку и взяла его за подбородок, повернув лицом к себе.

— Ты слышал, что говорят четты? — бросила она, внезапно рассвирепев. — Они чуть ли не преклоняются перед ним, а он совсем недолго пробыл с ними. Если он решит отправиться добывать престол, и Коригана поддержит его — думаешь, четты не пойдут за ним?

— Для победы над всем Гренда-Лиром ему понадобится нечто большее, чем четты.

— Ты так уверен? — спросил Эйджер. — Ведь это же всего один клан. Семь тысяч воинов. А сколько тут кланов, по словам Гудона? По меньшей мере семнадцать крупных.

— Они все верховые лучники, — отмахнулся Камаль. — Среди гор, холмов, полей и рек востока их поймают в западню и перебьют.

— Если их не обучат драться по-иному.

— С какой стати нам обучать их? Чтобы Линан мог посягнуть на корону Аривы?

— Мы так и так собирались набрать армию, чтобы добиться рассмотрения дела о цареубийстве, — возразил Эйджер.

Камаль не ответил.

— Разве не так? — настаивал Эйджер.

— Так. — Камалю пришлось выдавливать из себя это слово.

— И что же вы собирались делать с той армией? — спросила его Дженроза.

— Вынудить Ариву подчиниться, — ошеломленно признал он. — Заставить ее отдать под суд Оркида и Деджануса. — Он внезапно повысил голос. — Заставить ее исправить несправедливость, вызванную убийством Береймы и изгнанием Линана!

— И сделав все это под давлением, надолго ли Арива позволила бы Линану оставаться на свободе во дворце? Долго ли оставался бы на свободе любой из нас?

Камаль снова не ответил.

— Я устал, — заявил Эйджер. — Мы можем доспорить позже.

Дженроза последовала ко входу за Эйджером; отвязав полог, он придержал его открытым для нее, но она покачала головой. Бросив на нее вопросительный взгляд, он улыбнулся, затем пожал плечами, вышел и исчез в вихре кружимого ветром снега. Дженроза завязала за ним полог и повернулась лицом к Камалю.

— Он не хотел так вот загонять тебя в угол, — сказала Дженроза.

— Знаю. Но я не... не могу... согласиться с ним, так же, как с Кориганой или Гудоном.

Дженроза встала перед Камалем.

— Знаю, — сказала она.

— То, чего они хотят — неправильно.

— Знаю.

— Ты, должно быть, тоже устала.

— Ты хочешь, чтобы я ушла? — поджала губы Дженроза.

Камаль застыл на месте.

— Нет.

Дженроза подалась к нему, привстала на цыпочки и поцеловала его в губы.

ГЛАВА 6

Прадо подтягивал седельные ремни на своем коне, покуда Оркид давал ему последние наставления. Канцлер разглагольствовал о тяжелой ответственности, возложенной на Прадо королевой, но у наемника вся эта болтовня влетала в одно ухо и вылетала в другое. Прадо мог думать только о том, что его ждало впереди. Потребуется несколько дней, чтобы добраться до Арранской долины, и по меньшей мере месяц на вербовку новобранцев и экипировку собственных наемников, а потом еще месяц или около того, чтобы добраться до границы с Хаксусом, набирая по дороге новых бойцов. Потом месяц, а если повезет, то и меньше, на получение надежных сведений о передвижениях Рендла и местонахождении четтского племени, защищающего Линана. Ему не терпелось отправиться в путь. Но Оркид все еще нудил.

— И не злоупотребляй своей должностью. Помни, королева может сделать тебя отверженным с той же легкостью, что и генералом. И не забирай для своей маленькой экспедиции наших войск на границе.

«Маленькой? Этот придурок ничего не смыслит в военных операциях».

— Хьюмскую королеву Чариону уведомили о вашем предстоящем прибытии и рекомендовали ей оказать вам любую помощь, какая понадобится. Но будьте с ней поосторожней: Чариона — женщина умная.

— Я слышал о ней вещи и похуже, — небрежно обронил Прадо. — Кое-кто говорит, что она лживая сука, которая ненавидит Чандру больше, чем Хаксус.

— Как бы там ни было, она подданная королевы Аривы. Отнеситесь к ней с подобающей вежливостью.

— Как скажете.

— А кто эти господа? — спросил Оркид, оглядываясь на дожидающихся Прадо шестерых рослых и грубо одетых всадников.

— Мои первые новобранцы.

— Где ты их нашел?

— Большей частью — в тавернах. Все они бывшие солдаты или наемники, оказавшиеся малость на мели, но заинтересованные в полезной работе. — Он полуулыбнулся Оркиду. — Полезной работе на службе королеве, конечно.

— Надеюсь, другие будут хоть немного лучше, — с отвращением сказал Оркид.

— Для порученного дела они годятся, — кратко ответил Прадо. — Я ведь не парадную часть создаю, канцлер. Мне нужны опытные воины, к тому же привыкшие не задавать ненужных вопросов. — Он вскочил на коня и поудобней устроился в седле. — Есть еще что-то, прежде чем я отправлюсь? Передать что-нибудь на словах принцу Линану?

— Просто сделай свое дело, Прадо. Вот все, чего я прошу.

— Тогда не просите большего, — отозвался он и пришпорил коня.

Он покинул дворец, зная, что скоро под его командованием окажется большой отряд наемников. За все годы пребывания на покое в Арранской долине он ни разу не думал, что когда-нибудь это снова произойдет. Наверное, всего лишь наверное, размышлял он, старые добрые времена еще вернутся. Мир полностью переменился, и ему снова понадобились люди вроде Прадо и услуги, которые могли предоставить только они.

Оркид глядел, как Прадо покидает дворец в сопровождении следующих за ним по пятам подручных. Канцлер покачал головой, рассерженный явным пренебрежением в голосе наемника.

«Пусть себе и дальше высокомерничает, — подумал он. — Если он уцелеет, его всегда можно укоротить на несколько вершков».

* * *

Арива из своих покоев тоже наблюдала за отбытием Прадо и его людей. Подобно Прадо, она чувствовала, что мир совершенно переменился, но в сторону чего-то нового, а не старого. Грядет век, не похожий ни на какой из прежних, и она не была уверена, к добру это или к худу. Она подняла взгляд и оглядела всю Кендру. Та по-прежнему оставалась одним из самых прекрасных зрелищ, какие ей когда-либо доводилось видеть, и всякий раз укрепляла ее дух, когда она смотрела на нее, но какая-то часть блеска исчезла. Город все меньше выглядел воплощенной идеей государственности и власти естественного права, и все больше походил просто на место, где пребывала власть. Арива давно усвоила, что власть подобна ртути — всегда готова течь в любую сторону, куда ни направит ее фортуна.

Личный секретарь королевы Харнан Бересард, сидящий за письменным столиком, вежливо кашлянул. Арива какой-то миг непонимающе смотрела на него.

— Чем мы собирались заняться?

— Вашей перепиской с королем Томаром и королевой Чарионой касательно их торгового спора.

— Ах да. — Она мысленно вернулась к непосредственному делу и принялась диктовать: — «Хотя я считаю своим долгом обеспечить надлежащий доступ в Кендру обоим вашим государствам, я мало что могу сделать для установления тарифов в пределах ваших собственных владений. Моя мать считала, что должно оставлять местные дела местным правителям, и мне не хочется менять эту политику».

По-прежнему глядя в окно, она видела, как Оркид широким шагом шел через двор к собственному кабинету, когда через главные ворота вдруг галопом промчался гонец. Вместо того, чтобы остановиться и дать служителю забрать его коня, всадник поскакал прямо к Оркиду и вручил ему послание. Арива смотрела, как Оркид прочел сообщение, и заметила, как напряглась его фигура. Он что-то сказал посланнице, и та сразу же снова ускакала.

— Ваше величество?

— На чем я остановилась? — рассеянно спросила она.

Оркид посмотрел в сторону покоев королевы и увидел ее, после чего изменил направление движения и повернул к ее крылу дворца.

— Вам не хочется менять политику вашей матери касательно невмешательства в местные дела, — вкратце подытожил Харнан.

— «Однако я глубоко озабочена этим текущим спором между двумя столь верными подданными и желаю видеть его разрешенным как можно скорее».

Она услышала тяжелые шаги Оркида по каменной лестнице, а потом и по коридору, ведущему к ее покоям.

— «С этой целью, — продолжала она, — я решила учредить группу компетентных советников, которые будут давать мне рекомендации по данному вопросу и другим вопросам, относящимся к торговле и тарифам».

Раздался стук в дверь и караульный открыл ее. Оркид замер в дверях с мрачным и недовольным видом.

— «И, конечно же, я ожидаю, что каждый из вас пришлет заседать в Совете своего представителя. С наилучшими пожеланиями», и так далее и тому подобное. Подписано мной сегодня вечером.

— Ваше величество, — склонил голову Харнан.

— Оркид? У вас вид, как у потревоженного медведя.

— Нельзя ли мне немного поговорить с вашим величеством наедине?

Арива кивнула.

— Спасибо Харнан. Я позову вас, когда буду готова.

Харнан быстро встал, собрал свои письменные принадлежности и столик, поклонился королеве и, шаркая, вышел за дверь. Оркид закрыл ее за ним.

— Я видела прибывшую к вам посланницу, — начала Арива.

— Она прискакала с причалов. У меня там есть пост.

— Знаю. Оплачиваю-то его я, помните?

Оркид, похоже, почувствовал себя неуютно.

— Да полно, канцлер. Не можете же вы рассчитывать, что будете оставлять все тайны при себе.

— Мои операции — открытая книга для вас, ваше величество. Вам следует это знать. Меня беспокоит нечто иное.

Арива кивнула.

— Послание пришло от одного из моих агентов на прибывшем сегодня луризийском корабле. Этот корабль недавно завершил долгое плавание вдоль восточного побережья Тиира, на север к Чандре и Хьюму... и Хаксусу.

— Так значит, Салокан все еще дозволяет вести торговлю? Многообещающий признак.

— Боюсь, что последний, — мрачно отозвался Оркид.

Арива почувствовала, как ей стеснило грудь.

— Какие у вас известия? — требовательно спросила она.

— Агент сумел проехать с караваном от устья Ойно до самого Колби. Он доносит, что во время его пребывания в городе там действовал комендантский час. Несколько ночей подряд он слышал, как по улицам передвигалось в сторону юга большое число солдат. Он полагал, что они двигались из королевских казарм. В последнее утро пребывания в городе он посетил рынок около казарм, и там никто не открывал торговлю, поскольку не было больше никакой торговли. Гарнизон Колби пропал — причем весь.

— Салокан мобилизует свои силы.

Оркид тяжело вздохнул.

— Да, ваше величество, именно так я и полагаю. — Он опустил взгляд, и пальцы его беспокойно задвигались.

— Есть еще какие-то сведения?

— Агент сообщает также, что среди многих жителей Колби ходят слухи, что Линана видели в Хаксусе.

— Это невозможно. Он сбежал от Рендла. Прадо сам нам об этом рассказал.

— Это не означает, что Рендл — или какой-либо другой капитан — не захватил его впоследствии в плен или что Линан не отправился к Салокану по собственной воле.

Арива почувствовала, как пол под ней покачнулся.

— Нет. Никогда в это не поверю. Даже Линан на такое не способен.

— Он убил Береймy, ваше величество. По сравнению с этим бегство в Хаксус — не великая измена.

Арива не ответила. Кожа ее побледнела до пепельного цвета, руки мертвым грузом лежали на коленях.

— Есть еще кое-что, —напряженно произнес Оркид.

— Продолжай, — медленно проговорила Арива.

— Некоторые из слухов утверждают, что Линан назначен главнокомандующим армии Хаксуса, выступающей походом на юг в Гренда-Лир.

Арива снова не ответила.

— Если это правда, то не может быть более веских доказательств его виновности, — продолжал Оркид. — И Линан при всем желании не мог бы сделать ничего, способного заставить народ Гренда-Лира еще больше охладеть к нему.

— Мог ли он повести армию против собственного народа? — спросила Арива, но Оркид знал, что вопрос этот адресован не

ему. — Мог ли он поднять оружие против родной страны? — Лицо ее потемнело от гнева. Она внезапно встала, сжав кулаки. Ее льдисто-голубые глаза, казалось, засверкали.

— Давно твой агент побывал в Колби?

— Около трех недель назад, ваше величество.

— Трех недель!

— Он вернулся как можно скорее, но ему приходилось быть осторожным, возвращаясь к кораблю в дельте Ойно.

— А сколько времени потребуется гарнизону Колби, чтобы достичь границы с Хьюмом?

— Примерно столько же, покуда он не останавливается набрать новых бойцов или подобрать по пути дополнительные части.

Арива принялась расхаживать взад-вперед по покоям, по-прежнему сжимая кулаки и держа руки за спиной.

— Нападать будет для них слишком поздно. Через месяц наступит зима.

— Согласен, ваше величество, но король Салокан — или принц Линан — удобно расположится, чтобы напасть, как только начнется весенняя оттепель.

— Значит, мы должны сейчас же мобилизовать свои войска и отправить полки на север.

— К тому времени, когда они будут готовы покинуть юг, уже выпадут первые снега.

— Наплевать. Они обязаны выступить на север. К концу зимы наша оборона должна быть подготовлена.

— Вам понадобится увеличить налоги, ваше величество. Казна не истощена, но не сможет долго выдерживать военные расходы.

— Немедленно созвать Королевский Совет. Он меня поддержит.

— Как и весь Гренда-Лир, — сказал Оркид.

Она мрачно посмотрела на него.

— Надеюсь вы правы, канцлер — ради нас всех.

Несмотря на туман в голове, Олио каким-то образом нашел старинную библиотечную башню. Поднялся наверх, с преувеличенной осторожностью подымаясь на каждую ступеньку лестницы. Остановившись в середине помещения, он повернулся кругом, глядя на множество старинных книг, не читанных никем сотни лет, поскольку уже никто не знал этой письменности.

«Знания, ждущие кого-то, кто откроет тайну, — подумал он. — Какую же магию они таят в себе?»

Вопрос этот утомил его, и принц осел на пол, заботливо придержав рукой кувшин с дорогим красным вином. Он сделал из него хороший глоток и усмехнулся про себя.

«Бьюсь об заклад, Эдейтор и Теургии выходят из себя при мысли о том, что здесь есть сила, о которой они ничего не знают и которой не могут воспользоваться. Какая ирония!»

Из единственного окна в башню просачивался утренний свет. Олио поднял голову и увидел, что ставни слегка приоткрыты.

«Линану здесь нравилось, — вспомнил он. — Вероятно, мой брат был последним, кто выглядывал из этого окна».

Олио нетвердо поднялся на ноги и широко распахнул ставни. Из окна была видна только часть города, но он узнал маячившее вдали побережье Луризии и отдаленные горные вершины в Амане. А на западе расстилались Океаны Травы. И где-то там находился его брат. «Боже, Линан, жив ли ты еще?»

Он снова рухнул на пол, охваченный внезапным горем.

«Я желал бы, чтоб ты был здесь, Линан. Мне бы так хотелось, чтоб ты был дома».

К глазам неожиданно подступили слезы, и Олио выбранил себя за слюнтяйство. Он попытался сдержаться, но не мог перестать плакать.

Некоторое время он, обессилев, лежал на холодном каменном полу, прижимая к груди кувшин. Сон пришел быстро, и ему снилось, что младший брат сидит здесь, в библиотеке, приглядывая за ним.

Совет выслушал преподнесенные Оркидом новости молча. Никто не знал, что сказать. Арива дала советникам немного поразмыслить над тем, что именно означали эти новости для королевства, а затем спросила маршала Льефа о состоянии готовности армий Гренда-Лира.

— Прошлым летом я по вашему приказу мобилизовал несколько полков, главным образом кавалерийских, для укрепления наших пограничных частей в Хьюме. Они сейчас там.

— Их хватит для отражения полномасштабного вторжения из Хаксуса?

— Нет, ваше величество. Никак не хватит. Они могут достаточно уверенно справиться с любыми набегами из-за границы, но если столкнутся с чем-либо посильней пары вражеских дивизий, то рассеются. Я никогда по-настоящему не верил, что Хаксус действительно пойдет на войну без каких-то пограничных рейдов с целью прощупать наши силы.

— Так же, как и я, — с горечью промолвила Арива. — Канцлер Оркид, какими силами располагает по нашей оценке Хаксус?

— Двадцать тысяч пехоты, по меньшей мере пять тысяч кавалерии. Это их регулярные войска. Сколько они могут призвать ополченцев, нам неизвестно.

— Ваше величество, — сказал маршал, — при последней войне они обладали армией схожей численности, но не тыловым обеспечением, позволяющим им углубиться на нашу территорию.

— Это было пятнадцать лет назад, — отмахнулся от слов маршала Оркид. — Насколько хорошее тыловое обеспечение у них теперь, нам неизвестно. Кроме того, если они достаточно быстро двинутся вперед и захватят Даавис, у них будет база снабжения, необходимая для наступления дальше, в Чандру, а оттуда и на саму Кендру.

— Сколько понадобится времени для мобилизации всей нашей армии, маршал? — спросила Арива.

— По меньшей мере три месяца. В наших арсеналах нет оружия и снаряжения, чтобы выставить в поле армию намного больше двадцати тысяч, хотя со временем, когда оружейная и сукновальная промышленность и сельское хозяйство перейдут на обслуживание армии, мы сможем удвоить и даже утроить их запасы. Но войскам придется выступать из Луризии, Стории и Амана, а это тоже потребует времени. И если основная масса наших сил прибудет в Хьюм остановить вторжение, нам понадобится помощь торгового флота, чтобы армия оставалась сытой и одетой, а также понадобится военный флот для перевозки на север изрядной части южных сил.

— А из этого возникает еще одна сложность, — указал адмирал Сечмар. — Большая часть нашего флота стоит на приколе. Слишком дорого в мирное время держать на плаву все транспортные суда и боевые корабли. Нам потребуется по меньшей мере два месяца на их подготовку и набор экипажей. И даже если их подготовят раньше, будет глупо отправлять флот навстречу зимним штормам — так можно потерять все.

— Сколько войск вы можете перебросить к границе с Хаксусом к концу зимы?

— Двадцать тысяч, — подавленно ответил маршал. — Может быть. Считая и полки, которые уже там.

— Вы ведь не включаете в это число и тяжелую кавалерию, маршал? — спросил Гален Амптра.

— Я бы не дерзнул взять на себя... — покраснел маршал.

Гален взмахом руки велел ему замолчать и повернулся к Ариве.

— Ваше величество, кавалерия Двадцати Домов может выехать на север через неделю. Это три тысячи самых лучших солдат на континенте.

«Да, и рисковать, что Двадцать Домов заберут в свои руки командование моей армией на севере», — подумала Арива.

— Ваше величество, это будет идеальным решением, — вступил Шант Тенор. Новость о мобилизации войск Хаксуса вызвала у него чуть ли не спазм страха, но затем мысль о промыслах родимого города, работающих на войну, и прибылях, которые это принесет Кендре, замечательно быстро успокоила его. А при мысли о продаже продовольствия и дополнительных припасов, которые понадобятся тяжелой кавалерии Двадцати Домов, у него чуть ли слюнки не потекли.

— Мы неправильно к этому подходим, — произнес новый голос, спокойный и размеренный. Все взгляды обратились в сторону отца Поула. За четыре заседания, с тех пор, как он стал одним из членов Совета, священник вообще почти не высказывался. Даже примас Нортем, похоже, удивился.

Арива смерила его задумчивым взглядом.

— Отец?

— Думаю, отправлять нашу армию на север по частям значит провоцировать катастрофу.

— Но ведь королевство в опасности! — воскликнул Шант Тенор. — Мы не можем ждать, пока враги подступят к стенам самой Кендры!

— А именно это и произойдет, если позволить королю Салокану уничтожить один полк здесь и два там. Даже прославленная кавалерия Двадцати Домов сама по себе мало что сможет сделать против десятикратно превосходящей ее армии.

— Он говорит правду, — подавленно согласился со священником маршал Льеф. — Нас захватили врасплох, и наши войска слишком разбросаны или недоукомплектованы.

— Не совсем врасплох, — поправил его отец Поул, — благодаря заботам канцлера Оркида Грейвспира. — Священник и канцлер обменялись вежливыми взглядами. — И есть способ справиться с этой трудностью.

Шант Тенор увидел, как все краткосрочные прибыли города испаряются прямо у него на глазах.

— При всем должном уважении к отцу Поулу, составление военных планов по-моему лучше всего предоставить маршалу.

— Продолжайте, отец, — попросила священника Арива, бросив предупреждающий взгляд на мэра.

— Я предлагаю сократить пограничный гарнизон до цепи наблюдательных постов. А остальные силы следует отправить на усиление гарнизона Даависа. В то же время здесь собирается надлежащая армия и отправляется на север, как только придет весна.

— Но так мы отдадим врагу почти весь Хьюм! — возмутился Гален.

— Самое большее лишь на несколько недель, — поддержал священника маршал Льеф. — Отец Поул прав. Если уже имеющиеся в Хьюме войска усилят гарнизон Даависа, то город сможет защищаться достаточно долго для подхода нашей деблокирующей армии.

— Нужно также учесть еще одно обстоятельство, — указал Поул. — Прадо и его отряд наемников. Он будет в Хьюме еще до того, как начнутся настоящие холода. Он сможет усилить гарнизон Даависа, или поддержать войска, которые мы оставим на границе.

— Или переметнуться на другую сторону, как только Салокан перейдет границу, — проворчал Деджанус, которого все еще уязвляло, что командовать той экспедицией поручили не ему.

— Я бы не хотела, чтобы Прадо отвлекали от его задания, — возразила Арива.

— Если принц Линан и правда с Салоканом, то это задание и наши надобности совпадают, ваше величество, — указал Поул.

— Спасибо, отец, — поблагодарила священника Арива. — Ваши слова сразу сделали положение менее ужасающим, а его разрешение намного более очевидным.

Поул любезно кивнул:

— Есть еще один вопрос.

— Да?

— Кто поведет армию на север?

— Я, конечно, — быстро ответила Арива.

— Простите, ваше величество, но это нежелательно, — вмешался Оркид. — Никто не может отрицать, что вы мастерски владеете оружием — в конце концов, ваша мать поручала вам командовать вооруженными силами королевства, — но ваше место здесь, во дворце. Что, если в ваше отсутствие случится еще что-то чрезвычайное? А отсутствовать вы будете долго. То же относится и к маршалу. Он нужен в Кендре для организации набора армии, а потом — ее непрерывного снабжения.

— Кого же вы тогда предлагаете? — спросила она канцлера.

— Почему бы не кого-нибудь из Двадцати Домов? — спросил Гален.

— Или принца Олио, — предложил отец Поул. — Будет вполне подобающим, если армию Гренда-Лира возглавит принц королевства, особенно если вражескую армию ведет другой.

Сидящие вокруг стола закивали, и тут все заметили отсутствие Олио. Обычно он вел себя так тихо, что вплоть до этой минуты его отсутствия по настоящему не замечали. Королева выглядела озадаченной.

— Харнан, принца Олио уведомили о предстоящем заседании?

— Мои писцы не смогли его найти, — доложил секретарь. — Могу еще раз послать их поискать его.

— Нет, — покачала головой Арива. — Мне нужно многое обдумать. По этому вопросу я посоветуюсь с братом наедине. — Она поднялась, и все остальные тоже сразу встали. — Сегодня Совет хорошо послужил мне.

Когда Олио наконец проснулся, он ощутил, что мышцы спины скрутились в болезненные узлы. Та сторона лица, которая покоилась на каменном полу башни, занемела от холода. Он застонал, поднялся в сидячее положение. В голове стучало, словно молотом били по наковальне. Рука принца пребывала в чем-то влажном. Он опустил взгляд и увидел большую красную лужу вина. Олио неловко поднялся на ноги. Двинувшись к лестнице, он ногой сшиб пустой кувшин. Тот зазвенел, катясь по каменному полу, и принцу пришлось закрыть глаза от боли.

— Божья погибель, — пробормотал он, держась за голову.

Когда боль поутихла, он медленно спустился по лестнице башни, а затем проследовал по коридорам к своим покоям. Когда он открыл дверь, его встретила комната, наполненная светом. Он плотно зажмурил глаза и, закрыв за собой дверь, проковылял в спальню.

— Оставь ее открытой. Я долго не задержусь.

— Сестра? — он приоткрыл один глаз и еле-еле различил сидящую в кресле у его постели Ариву.

— Ты пропустил заседание Совета.

— Сожалею. Я был занят иным... делом. — Он добрался до постели и уселся в самом конце. — Оно было важным?

— Хаксус мобилизовал свою армию. Мы не можем встретить ее всеми своими силами. К середине весны может пасть Хьюм. А в остальном — нет, ничего важного.

Олио помотал головой, пытаясь прочистить ее. Не получилось.

— Я как-то не совсем понял все это.

— От тебя пахнет вином. Ты пьян?

— Н-нет, н-не пьян. У м-меня болит голова.

— Ты мне нужен. А тебя там не было.

— Я же сказал, что сожалею, Арива. По-повтори еще раз. Что произошло на Совете?

— Через четыре месяца, а может, и раньше нас ждет война с Хаксусом.

Глаза Олио резко распахнулись.

— Война? — Арива кивнула. — С Хаксусом? — Арива кивнула вновь. — Н-но там же наверняка были м-маршал и адмирал? И Оркид?

— Всплыло и твое имя.

Олио вздохнул. Глаза его наконец привыкли к яркому свету.

— Что с тобой происходит? — спросила Арива.

— Да н-ничего со м-мной не происходит, — пожал плечами Олио. — Просто у меня выдалась плохая ночь, вот и все.

— Я вижу, как ты все время бродишь из дворца в город и обратно. Я не желаю больше слушать пересуды. Мои слуги слышали, как твои слуги жаловались, что от твоей одежды всегда разит вином. Что с тобой происходит? — снова спросила королева.

— Н-ничего со мной не происходит! — огрызнулся Олио.

Арива ахнула от удивления.

Олио застонал и потянулся взять ее за руку, но она отдернула свою.

— Извини, сестра, я н-не хотел... — Арива не сделала ни малейшей попытки протянуть ему руку, и он в конце концов опустил свою.

— Умойся, — властно приказала она, вставая. — Переоденься. Побрейся. Избавься от этого ужасного запаха. Через час я желаю видеть тебя в своих покоях. Будь там, а не то я пошлю за тобой гвардейцев.

Олио заставил себя рассмеяться.

— Арива, ты не можешь говорить этого всерьез.

— Будь там, — сурово повторила она и вышла.

Оркид постучал в дверь кабинета примаса и вошел, не дожидаясь приглашения. Отец Поул сидел за огромным письменным столом, читая стопку документов; увидев Оркида, он торопливо встал.

— Канцлер, вы редко наведываетесь в это крыло дворца. Боюсь, вы разминулись с примасом. Он отправился в город.

— Хорошо. Я вообще-то зашел к вам.

Отец Поул, похоже, удивился. Он взмахом руки предложил гостю занять кресло и уселся сам.

— Чем могу помочь?

— Я хотел бы поблагодарить вас за ваш вклад в заседание Совета сегодняшним утром.

— Рад послужить ее величеству.

— Как я понимаю, вы по-прежнему ее исповедник?

— Боюсь, что в последнее время в меньшей степени. Меня теперь по большей части замещает в этом качестве отец Роун. Я постоянно занят горой дел, свалившихся на меня как на секретаря примаса Нортема.

— Ваша рекомендация на Совете несколько удивила большинство из нас. В конце концов, едва ли можно ожидать от клирика, что тот продемонстрирует такое четкое понимание военной стратегии.

— Я усваивал знания с тех пор, как пошел в священники. Наша библиотека содержит не только религиозные тексты; в ней есть исторические сочинения и биографии, рассказы о путешествиях и мифы, анналы прежних военных кампаний. Надлежащий курс действий казался мне очевидным, и промолчать было бы недопустимо.

Оркид непринужденно улыбнулся.

— Льеф — старый солдат, ставший командующим в долгие годы мира, последовавшие за войной с работорговцами. До этого он был отличным полевым командиром. Большая стратегия никогда не относилась к числу его сильных сторон.

— Он может научиться, — возразил отец Поул.

— Ему придется научиться, — сухо отозвался Оркид. — Однако бремя его облегчат добрые советы. Советы королевы. Мои советы. И, как я подозреваю, ваши советы.

Сказанное, похоже, потрясло отца Поула.

— Канцлер, я никогда бы не стал действовать в обход Королевского Совета!

— Я и не предлагаю вам этого. Но бывают случаи, когда Совет является не самым подходящим местом.

— Простите за резкость, канцлер, но к чему вы клоните?

— Я бы высоко оценил привилегию быть доверителем ваших познаний.

— Вы предлагаете мне приходить со своими рекомендациями к вам, а не выносить их на Совет?

— Вовсе нет. Королева надеется, что ее советники будут высказываться напрямик. Но если у вас, к примеру, будет какое-то озарение, которое может касаться срочных дел, вам не обязательно ждать созыва Совета. Если вы придете ко мне, я напрямую доведу вашу рекомендацию до сведения королевы.

Отец Поул откинулся на спинку кресла и соединил пальцы домиком.

— Мне понадобится обсудить это с примасом.

— Нет, не думаю, — покачал головой Оркид. — Пусть это останется между вами, мной и королевой Аривой. Так будет лучше. Меньше инстанций, замедляющих прохождение вопроса.

— С вашего позволения, мне хотелось бы четко оговорить вашу позицию, чтобы между нами не было непонимания. У меня будет прямой доступ к вам?

— Да.

Отец Поул улыбнулся поверх соединенных домиком пальцев.

— Я чувствую себя польщенным.

— Вы согласны?

— Согласен, — кивнул священник. — Думаю эти отношения пойдут на пользу обоим нашим ведомствам.

«И тем, кто ведает ими», — подумал Оркид.

Арива пыталась сидеть как можно царственней, но сохранять подобную позу перед братом было невозможно. Олио стоял перед ней, жалкий и пристыженный.

— Если мои слова показались чересчур суровыми... — начала она, но Олио перебил ее.

— П-прошу п-простить меня, сестра, за м-мое п-поведение, — выпалил он. — Я не могу объяснить, почему ты увидела меня в таком состоянии — во всяком случае пока, — но этого больше не п-повторится. Обещаю.

Арива вздохнула и взяла его руки в свои.

— Я беспокоилась за тебя. Мне никогда раньше не доводилось видеть тебя таким. Сейчас столько всего происходит, и мне нужна твоя поддержка.

— Я всегда готов по-поддержать тебя, Арива. Ты сама это знаешь.

Она кивнула и улыбнулась ему.

— Ты должен стать генералом.

— Генералом? — моргнул Олио.

— Мы создаем армию, противостоящую Хаксусу. И считаем, что Хаксус выступит на юг в Хьюм, как только минет зима. Их армия уже сосредоточивается на границе. Ходят слухи, что их ведет Линан.

— Боже мой... — Олио покачал головой. — Нет, не верю. Только не Линан.

— И я никогда бы не сочла Линана способным на убийство Береймы! — отрывисто сказала Арива. Олио открыл было рот,

собираясь возразить, но она опередила его. — Мы приказываем силам, какие есть у нас в Хьюме, удерживать в случае осады столицу провинции. Наша армия должна быть готова выступить на север весной; в ней будут контингенты из всех южных провинций и тяжелая кавалерия Двадцати Домов. Ей нужен предводитель, превосходящий по рангу всех капитанов, предводитель, которому подчинятся все. Я должна находиться в Кендре. И значит, остаешься только ты. Положение будет опасным, Олио.

— Я понимаю. И, конечно, сделаю все, что могу, н-но у меня же нет никакого военного опыта.

— А его мало кто имеет, брат. Мы долго жили в мире. Но то же относится и к армии Хаксуса. По крайней мере, в этом мы равны.

— Ч-что я должен делать?

— Быть рядом со мной. Советовать мне. Поддерживать связь с маршалом и Оркидом. Они будут давать тебе советы.

— Когда об этом б-будет объявлено на-народу?

— Я рассылаю гонцов во все наши провинции; они отправятся сегодня вечером. К тому времени в Кендре будут знать уже все. Советники вроде Шанта Тенора и Кселлы Поввис вряд ли станут помалкивать об этом.

— Ты собираешься объявить войну Хаксусу?

Арива покачала головой.

— Пусть первый ход сделают они. Пусть весь Тиир знает, кто тут агрессор. Им будет не Гренда-Лир.

— Ты все б-больше и б-больше походишь на нашу м-мать, — улыбнулся Олио.

— Надеюсь, мне выпадет на войне такая же удача, как и ей.

— Удача тебе не понадобится.

Арива уже мысленно слышала шум битвы. Чувствовала запах дыма, крови и страха. Видела перед глазами груды умирающих и раненых, и развевающиеся на сломанных копьях потрепанные вымпелы.

— Возможно, — тихо проговорила она. — Но я не откажусь от любой, какую смогу заполучить.

ГЛАВА 7

Всадники остановились на гребне невысокого холма. Впереди, на некотором расстоянии от него, высилась роща стреловников, окружающая непересыхающее озеро — явление, редкое в Океа-

нах Травы. Рощу, в свою очередь, окружал темно-зеленый ковер растительности, тянущийся на не одну лигу во всех направлениях. Вокруг рощи на равном расстоянии друг от друга располагались скопления шатров, выкрашенных в яркие цвета. Каждая такая стоянка была отмечена своим знаменем, а вокруг шатров толпились тысячи голов скота.

— Верхний Суак, — промолвила Коригана. — Это самое богатое пастбище на континенте. Отсюда ты видишь все богатство северных четтов.

Линану не верилось, что может быть столько скота.

— Он же наверняка съест тут все? — полуспросил он.

— К середине зимы выпас в основном завершится. А потом мы будем кормить скот заготовленными кормами. К концу зимы они иссякнут, и кланы рассеются в поисках весенней травы. А к тому времени, когда мы все снова соберемся здесь на следующий год, пастбища уже восстановятся.

— Мы ждем, пока не подоспеют все ваши, прежде чем спуститься? — спросил Камаль. Днем раньше спутники покинули клан Белого Волка.

— Нет, — ответила Коригана. — Спускаемся сейчас. Сегодня вечером будет собрание глав кланов, и я хочу посмотреть, насколько сильно будут давить на меня мои противники, прежде чем прознают, что с нами принц Линан. — Она быстро взглянула на Камаля. — Или ты.

Камаль не стал разыгрывать скромность. Времена, когда тянувшаяся за ним как шлейф слава капитана Красных Щитов Элинда Чизела доставляла ему какое-то удовольствие или питала его гордость, давно миновали. Она была просто реальностью его жизни и за годы, минувшие с окончания Невольничьей войны, послужила скорее хорошо, чем плохо — именно эта слава и обеспечила ему пост коннетабля при королеве Ашарне.

— Значит, вы беспокоитесь о безопасности Линана? — кисло спросил он.

— Конечно, — признала она. — Но его величеству настало время пойти на этот риск.

— Мне бы не хотелось, чтобы вы его так называли, — покачал головой Камаль.

— Да перестанете вы говорить обо мне так, словно меня здесь нет? — не выдержал Линан, хотя и сказал это без гнева. — Каков твой план, Коригана?

— Сегодняшнее собрание будет испытанием для меня. Если оно закончится в мою пользу, мы объявим о твоем присутствии.

А если нет — сохраним его в тайне; я не стану без нужды рисковать твоей безопасностью.

— Как только прибудет остальной ваш клан, оно перестанет быть тайной, — указал Камаль. — Вашим соплеменникам будет невтерпеж поделиться новостями.

— На таких собраниях новости ходят вместо денег, — подтвердил Гудон.

— Если собрание пойдет неважно для нашего дела, ваше величество, — сказала Коригана, — я дам вам сопровождение в тысячу воинов для доставки вас обратно на восток Океанов Травы. Там, если пожелаете, вы можете следовать плану Камаля, а я присоединюсь к вам, когда смогу. Или можете отправиться в другую часть королевства на поиски поддержки среди жителей Чандры или Хьюма.

Линан ничего не сказал, но на сердце у него, впервые с тех пор, как он в конце лета оправился от ран, стало действительно тяжело. Он знал: если его не поддержат четты, то вообще никто больше не поддержит, даже если и будут сочувствовать его делу. Арива была законной королевой Гренда-Лира, и никто из правителей восточных провинций не выступит добровольно против нее на стороне Линана.

Чья-то рука коснулась его локтя и, обернувшись, он увидел смотрящего на него Эйджера.

— Что бы ни произошло, Линан, твои друзья останутся с тобой.

Линан улыбнулся, и тяжесть у него на сердце уменьшилась.

— Нам следует спуститься, — непринужденно промолвил он. — Посмотрим, как кланы относятся к своей королеве. — И чуть поклонился Коригане.

Коригана ответила тем же и тоже улыбнулась.

— Или, на самом-то деле, к королю, — отозвалась она.

На пути к Суаку они проехали мимо трех станов. Линан, Эйджер и Камаль дружно держались в середине группы, нахлобучив по самые брови свои широкополые шляпы. Дженроза же, которая внешне не так сильно отличалась от четтов, а после того, как почти всю осень провела в степи, была не намного светлее их, с удовольствием ехала впереди. Ее заворожили рисунки, которыми кланы украшали свои шатры и пончо. В используемых цветах, казалось, не существовало никакой системы, но вот рисунок у каждого клана был свой.

Гудон ехал рядом с ней.

— Это клан Солнца, — сообщил он. Их рисунок представлял собой ярко-желтый диск, окруженный кривыми белыми

лучами, подобными вспышкам молний. Этот узор повторялся в клане повсюду, но с тонкими отличиями: у одного шатра он располагался на голубом поле, у другого — в серии концентрических кругов.

— Солнце было союзником Белого Волка, — продолжал Гудон, — поскольку одному нравится день, а другому ночь, и им нечего делить друг с другом. А вот следующий клан — иное дело.

— Дай-ка догадаюсь сама, — рассмеялась Дженроза. — Клан Совы. — Их рисунок не вызывал никаких сомнений.

— Да, и подобно Белому Волку, ночной хищник. Вождь его Пиктар, и он враждовал с отцом Кориганы. Та вражда перешла и на мою королеву.

Враждовали они с Белыми Волками или нет, но обитатели этого стана пропустили всадников Белого Волка так же охотно как и члены клана Солнца.

— Они не кажутся враждебными, — заметила она.

— Мы с ними не воюем, — объяснил Гудон. — В добавок это Верхний Суак. Здесь никаких боев не допускается. На самом-то деле, для молодых воинов Белого Волка не такое уж неслыханное дело взять мужа или жену из клана Совы. — Говоря эти слова, он нашел время улыбнуться и помахать рукой ехавшей в противоположном направлении особенно гибкой четтке с изображенным на пончо отчетливым рисунком совы. Та улыбнулась и помахала ему в ответ.

— Четтка может выходить замуж, за кого хочет?

— Верно. Воительница также может выбирать, членом какого клана ей быть после брака. Иногда, во избежание стычек, двое воинов из разных кланов могут пожениться и присоединиться к третьему, нейтральному клану.

— Я думала, ваши кланы были основаны на семьях.

— Они и сейчас на них основываются, по большей части, но клановая традиция и история поважнее любой родословной.

Рисунок последнего стана, мимо которого они проехали, состоял из трех волнистых линий.

— Клан Реки? — предположила Дженроза.

— Клан Океана, — покачал головой Гудон.

— Океанов Травы?

— Нет.

— Это странно, не правда ли? Ваш народ принадлежит степи, а не морю.

— Сейчас да, но самые древние наши предания как раз о море. Мы много веков назад пришли из-за моря.

— Какого моря?

— Разделяющего.

— Вы прибыли из Дальнего Королевства?

— Кто может сказать, что правда, а что миф в тех древних преданиях?

— А они враг или союзник вашего клана?

— Союзник, с самых недавних пор. Они были первым кланом, побежденным отцом Кориганы в ходе войны за объединение всех кланов под его началом. С тех пор они всегда оставались преданными.

Что-то в голосе Гудона заставило Дженрозу гадать, действительно ли он считает, что клан Океана всегда оставался верным союзником. Но прежде, чем она смогла задать еще какие-либо вопросы, они уже ехали меж высоких стреловников, и их кобылы, которые наконец почуяли воду сквозь наполнявший всю округу запах скота, ускорили шаг. По мере продвижения деревья становились все гуще, а любое свободное пространство между ними занимали высокие кусты. Тропу теперь стали пересекать тени ветвей и листьев.

Первым увиденным ими намеком на Суак был проблеск лазури, сверкающей сквозь зелень. Когда они подъехали ближе, стреловники начали редеть, сменяясь пальмами и папоротниками. Во все стороны брызнули птицы с ярким оперением. Начали появляться постоянные дома из глиняных кирпичей, построенные наподобие тех, которые Дженроза видела в Суаке Странников.

— А какому клану принадлежит этот суак?

— Никакому. Те, кто постоянно здесь живет, не похожи на других четтов. Они не держат никакого своего скота.

— Тогда чем же они живут?

— Получают десятину от наведывающихся зимой кланов и имеют кое-какую прибыль от торговли. Травы для выпечки хлеба у них в избытке, здешние деревья дают самые сочные плоды, а в озере полно рыбы. По сравнению с той жизнью, какой живет большинство четтов, здесь живется легко.

Они достигли берега озера и спешились. Их окружили улыбающиеся дети, которые взяли у них поводья лошадей и увели их на водопой. А вокруг Кориганы собрались взрослые, по большей части с глиняными блюдами, заваленными едой. Дженроза наблюдала за тем, как Коригана старательно взяла и съела что-нибудь с каждого блюда.

Когда королева касалась блюда, его владелец дотрагивался до ее руки или на мгновение накрывал ее своей.

— Они приветствуют ее на свой лад, — пояснил Дженрозе Гудон. — Деля с ними еду, она обязуется защищать их.

— Они проделывают это со всеми предводителями кланов?

Гудон кивнул.

— Поэтому у них нет врагов, и все кланы знают, что никакой другой клан не может забрать суак и не пускать их туда зимой.

Когда Коригана закончила, местные затянули песню, протяжное завывание, которое волнообразно подымалось и опускалось.

— Похоже, они очень довольны этим, — заметила Дженроза.

— Верно. Потому что однажды настал год, когда отец Кориганы не принял еду, — голос Гудона сделался мрачным.

— Он забрал у этих людей суак?

— Не в смысле прямого захвата — но отказавшись защищать его, он бросил вызов всем кланам, которые не заключили с ним союз. Вызов, который они не могли оставить без внимания. В ту зиму произошла самая большая и самая страшная битва нашей гражданской войны. Пало много воинов.

— И что произошло?

— Отец Кориганы стал королем, — просто ответил Гудон.

— Значит всякий, кто против Кориганы, может сделать то же самое?

— Только если его поддержит достаточно много кланов.

Пение прекратилось, и одна из местных, слегка согбенная от возраста женщина с седыми как дым волосами, выступила вперед, протягивая в приветствии руки. Коригана взяла их в свои. Женщины обменялись несколькими словами, которых Дженроза не расслышала в силу своей отдаленности, а затем рука об руку прошли к одному из домов и исчезли в нем. Местные начали расходиться. Сопровождающие Коригану разбились на мелкие группы, большинство которых уселось на землю или пошло к краю озера посмотреть на воду. Дженроза и Гудон присоединились к Линану, Камалю, Эйджеру и Макону.

— Все прошло хорошо, — сказал Макон.

— Кто была та старая женщина? Местный вождь? — спросила Дженроза.

— Херита. Она их старейшая и потому говорит от имени всех. А вождя как такового у них нет.

— А что Коригана и Херита сказали друг другу? — спросил у брата Гудон.

— Коригана спросила о других вождях. Херита сказала, что еду приняли все, но кое-кто из них казался мрачным.

— Это нехорошая новость, — молвил Камаль.

— В этой жизни хватает причин быть мрачным, — указал Гудон. — Но, да, мы могли бы надеяться на лучший знак.

— Кто может сегодня явиться на это собрание? — спросил Камаль.

— Мы все, но только во второй круг.

— Второй круг?

— Первый круг — внутренний круг — для вождей. Сопровождающие, те пятьдесят воинов, которых они могут привести с собой, образуют вокруг второй круг.

— Сопровождающие будут при оружии?

— А ты когда-нибудь видел четта без него?

Камаль покачал головой.

— А бывает так, что подобные собрания заканчиваются кровопролитием?

— Иной раз бывает, но между вождями — никогда, только между их сопровождающими. И с тех пор, как отец Кориганы стал королем, такого насилия не бывало ни разу.

— Вы так и не назвали его по имени, — сказал Линан.

— Кого, маленький господин?

— Отца Кориганы.

Гудон пристально посмотрел на принца.

— Имя его много значит для нас, четтов, даже для четтов из его родного клана. Оно означает единство и цель. А также означает борьбу и кровопролитие. Мы употребляем его только когда вынуждены.

— Можно мне узнать, как его звали?

Гудон кивнул.

— Его звали Линан.

Уже почти стемнело. Коригана и ее свита направились к собранию из двух кругов. Дженроза и Камаль прошли в хвост группы и недолго — слишком недолго для них обоих — подержались за руки.

— Жаль, у нас не нашлось больше времени побыть наедине, — сказала Дженроза.

— Это было довольно трудно и тогда, когда мы были только с кланом Белого Волка, — рассмеялся Камаль. — А теперь мы со всем народом четтов... — Он с досадой покачал головой.

— Возможно нам удастся вызваться добровольцами в дозор, — предположила она. — В котором будем только мы вдвоем и шатер.

Камаль обдумал это предложение.

— Думаешь, нам понадобится много чего разведывать?

— Это уж будет зависеть от того, что мы ищем.

— Да, я это понимаю. Нам понадобится карта или, проводник-четт?

— Я и так уже знаю дорогу, — заявила она.

— Ну, это полезно.

Когда группа проходила мимо различных лагерей кланов, оказываемый ей прием колебался от непринужденных приветствий до сумрачного молчания.

— Думаешь, Коригане сегодня будет грозить опасность?

— Почти наверняка. Меня больше волнует безопасность Линана. Он не понимает, во что ввязывается.

— А кто-нибудь из нас понимает?

Камаль пожал плечами.

— Возможно, никто из нас, с тех пор, как мы бежали из Кендры. — Он чуть выдвинул из ножен меч и задвинул его обратно.

Дженроза рискнула снова взять его за руку.

— Пожалуйста, будь осторожен. Я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось.

Собрание проходило в стороне от суака, в конце неглубокой длинной долины, где теперь обитали все семнадцать крупных кланов четтов и десятки мелких. Явиться решили почти тридцать вождей, в большинстве случаев — сопровождаемые пятьюдесятью воинами. Первый круг уселся вокруг пылающего костра. Второй круг, заполненный более чем тысячей воинов, сбился потесней; люди в нем стояли, чтобы занимать поменьше места. Линан и его спутники находились поблизости от внутреннего края этого круга, но темнота помогала маскироваться; только рост Камаля выделял его из толпы, но все внимание было сосредоточено на вождях.

Первой выступила Херита, у которой не было ни клана, ни свиты, и приветствовала всех собравшихся в Верхнем Суаке как желанных гостей; затем она спросила, не желает ли кто выступить. Линан ожидал, что Коригана заявит о своем праве выступить первой, но та осталась сидеть и ничего не сказала. Даже Херита вопросительно посмотрела на нее, но после короткой паузы снова спросила, не хочет ли кто-нибудь выступить.

— Что делает Коригана? — спросил у Гудона Линан.

— Выжидает, хочет посмотреть, кто посмеет забрать себе ее привилегию, — пояснил Гудон. — Если противники хорошо организованы, то возглавлять их будет какой-то один вождь клана, и она или он обязательно ухватится за такую возможность. И Коригана хочет знать, кто же это.

Но ни один вождь не откликнулся на зов Хериты.

Херита вернулась на свое место, встав рядом с Кориганой.

— Моя королева, не выступите ли вы перед своим народом? — Этот призыв повторили, словно эхо, и некоторые из вождей.

Коригана медленно поднялась на ноги.

— Я принимаю честь выступить первой.

Из второго круга раздалось несколько приветственных криков, и не только со стороны ее свиты.

— С востока поступили новости, — начала она, и голос ее, сильный и решительный, разнесся по всему собранию. — Вернулись наемники.

На самый краткий миг внезапно наступила тишина, а затем все собрание разразилось яростным гамом. Несколько вождей вскочили на ноги и кричали, некоторые встревоженно, а некоторые — гневно отрицая сказанное.

— А, вот теперь мы видим, кто против нее, — порадовался Гудон.

Коригана подождала, пока шум несколько поутихнет.

— Мой народ сражался с ними. Тридцать наемников было убито.

— Чьих наемников? — потребовал ответа мужской голос. Все взгляды обратились на вождя по другую сторону костра от Кориганы. Он был рослым для четта, широкоплечим и с сильными руками. Лицо его изрыли оспины и глубокие морщины, а нос над широким ртом с тонкими губами был приплюснут.

— Рендла, — ответила Коригана.

— Откуда ты знаешь? С ними был Рендл?

— Нет, но тебе же известно, Эйнон, у меня есть свои источники сведений и за пределами Океанов Травы.

— Твои шпионы, — выпалил Эйнон.

— Это вождь клана Лошади, — прошептал Гудон на ухо Камалю. — Его отец был самым решительным и сильным противником отца Кориганы и потерпел здесь, у Верхнего Суака, поражение в последней великой битве. Совсем не удивительно, что он противостоит Коригане.

— *Мои* шпионы? — холодно переспросила Коригана. — *Наши* шпионы.

— Мы нисколько не нуждались в них до... — Эйнон дал окончанию фразы повиснуть в воздухе, но все знали, что он хотел сказать: до того, как отец Кориганы объединил четтов.

— До войны с работорговцами? — Коригана сделала вид, будто не поняла намека. — Возможно, именно поэтому мы и пострадали так жестоко от рук Рендла и ему подобных.

— О, красиво сработано, — восхитился Эйджер. — Она вывернула все наизнанку.

— Рендл в первую очередь и прежде всего наемник, — произнес другой голос. На ноги поднялся еще один вождь, женщина. Она выглядела такой же старой, как Херита, но обладала более прямой осанкой. — Его присутствие в Океанах Травы еще не означает, что он вернулся захватывать рабов.

— Акота, — сообщил Линану Гудон. — Вождь клана Луны.

— Еще один старый враг?

— Нет, но этот клан издавна отличается ярой независимостью. Его воины всегда сомневаются в том, чего они сами не видели.

— Кем бы ни был Рендл, в прошлом он занимался ремеслом работорговца; откуда нам знать, что он не вернулся к нему? — требовательно спросила Коригана, задавая этот вопрос всему первому кругу.

— Но великая королева в Кендре не позволит работорговцам снова взяться за старое, — возразил еще один вождь, вставая, чтобы привлечь внимание. — Она обещала нам, что они никогда не вернутся!

Раздался громкий ропот согласия со стороны многих вождей и их сопровождающих.

— Великая королева умерла! — объявила Коригана.

Возражавший вождь застыл. Акота осела на землю. Даже Эйнон выглядел озадаченным.

— Умерла? — переспросил он. — Когда?

— В начале лета, — ответила Коригана.

— Но ее сын потерпит работорговцев не больше, чем она...

— Берейма был убит еще до того, как его короновали. Ныне Гренда-Лиром правит его сестра Арива.

Теперь сел даже Эйнон.

— Заговорив, ты каждый раз наносишь нам удар, — хрипло произнесла Херита. — Твои шпионы сообщили тебе об этом?

— Для таких новостей шпионы мне не нужны. Как вам известно, территория моего клана граничит с Суаком Странников. Новости о смерти Ашарны и ее сына общеизвестны.

Тут сразу же встала Акота.

— Но Арива — или кто угодно из детей Ашарны — никогда не позволит работорговцам снова заняться прежним делом.

— Арива — не Ашарна, — ровным тоном ответила Коригана. — Мне известно, что Рендл и другие уполномочены ее властью.

— С какой целью? — спросила Акота. — И кто другие?

— Для охраны границы с Хаксусом — или, во всяком случае, так говорит Арива. А кто другие? Да хотя бы Джес Прадо.

Вожди и их сопровождающие снова разразились громкими криками, некоторые в тревоге, а некоторые — отрицая слова Кориганы. Теперь уже все вожди вскочили на ноги и гомонили одновременно.

— Хаксус не воюет с Гренда-Лиром! — выкрикнул один из вождей. — Зачем Ариве использовать наемников вместо собственных войск?

— Тут кто-то лжет! — громогласно объявил Эйнон, и все остальные голоса умолкли. — Либо Арива, либо Коригана! И я знаю, которой королеве я верю!

— Так-то ты верен нашей королеве? — бросила Акота прежде, чем Коригана успела что-нибудь сказать.

— Нашей королеве? — хрипло рассмеялся Эйнон. — Которой?

— Ты отлично знаешь, что я говорю о Коригане. И я снова спрашиваю, что же это за верность?

Эйнон показал на Коригану.

— Скорее тебе следовало спросить: что же это за королева? — Он повернулся лицом ко второму кругу и, говоря, медленно поворачивался, широко раскинув руки, как бы охватывая всех слушателей. — Эта девушка унаследовала свой титул! Она его не заслужила! Ей известно, что некоторые кланы не приветствуют ее, и объединить нас всех и увлечь за собой она может только одним способом: заставив нас подумать, будто вернулись работорговцы. Нет никаких работорговцев! Нет никаких наемников! Есть только Коригана, бледная тень того, чем когда-то был ее отец!

— А чего хотел бы ты? — требовательно спросила Коригана. — Нового правителя на мое место? Кого-нибудь вроде тебя самого?

Эйнон повернулся лицом прямо к ней и покачал головой.

— Я не желал бы в Океанах Травы никакого короля или королевы. Хватит и одной королевы в далекой Кендре. Других нам не надо.

— Со времен наших отцов мир сильно изменился, — ответила Коригана. — Мы не можем рассчитывать на подмогу из Кендры. Теперь, со смертью Ашарны, мы не можем рассчитывать даже на то, что Кендра будет сколь-нибудь доброжелательно смотреть на нас. Мы *должны* объединиться!

— Против кого? — поинтересовался Эйнон. И повернулся к одному из вождей, молодому парню, который судя по его виду,

и бриться-то начал совсем недавно. — Терин! Территория твоего клана ближе всего к Хаксусу! Твой народ подвергался набегам каких-нибудь наемников?

Терин неуверенно покачал головой и беспомощно посмотрел на Коригану. Он явно не дружил с Эйноном, понял Линан; несомненно, потому-то Эйнон и выбрал именно его: если даже союзники Кориганы не могли подтвердить ее слов, то с какой стати еще кому-либо верить им? Линан двинулся было вперед, но тут тяжелая рука схватила его за локоть. Он оглянулся через плечо и увидел Камаля.

— Это слишком опасно, малыш, — яростно прошептал Камаль.

А Гудон схватил его за другую руку.

— Он прав, ваше величество.

Эйнон снова повернулся лицом ко второму кругу.

— Кто-нибудь видел тех наемников? — Ему никто не ответил. — Неужели никто не выступит в поддержку Кориганы? — В голосе его явственно слышалась насмешка.

— Королеву поддержит ее клан! — крикнул Гудон. Отпустив руку Линана, он шагнул из второго круга вперед.

— Кто выступает? — требовательно спросила Херита.

— Я Гудон, сын Катеры Правдоречицы, родич королевы Кориганы.

— Гудон? — переспросил с подозрением в голосе Эйнон. — О тебе много лет не было ни слуху, ни духу. Откуда нам знать, что это *ты*? Выйди на свет!

Гудон широким шагом подошел к костру и снял шляпу. Херита, Эйнон и Акота подошли поближе и внимательно пригляделись к его лицу.

— Я не уверена, — сказала Херита.

— Возможно, это вовсе не он, — предположил Эйнон.

— Это он, — уверенно заявила Акота. — Я знала Правдоречицу, и это точно ее сын.

По двум кругам пролетел, словно ветерок по степи, ропот голосов.

— Похоже, он хорошо известен, — пробормотал Эйджер.

— Где ты был все это время? — спросила Акота.

— На востоке, — невесело улыбнулся Эйнону Гудон. — Я был одним из тех самых шпионов Кориганы. Именно я и принес известие о Рендле и Прадо. Они снова в седле.

— Это нелепо! — гневно бросил Эйнон. — Если он сын Правдоречицы, это еще не значит, что и его речь правдива! Он просто червь, пресмыкающийся у ног Кориганы!

Рука Гудона опустилась к эфесу меча.

— Я не пресмыкаюсь ни у чьих ног, — холодно отчеканил он.

— Здесь ни к чему оскорбления или угрозы, — выпалила Акота, и они с Херитой встали между Эйноном и Гудоном. Эйнон отступил на шаг, нарочито держа руки подальше от оружия, и Гудон тоже убрал руку с эфеса.

— Я немного погорячился, — признал Эйнон и снова повернулся ко второму кругу. — Но если мы не верим Коригане, то с какой стати нам верить ее родичу? Еще раз спрашиваю, видел ли кто-нибудь тех наемников? И я спрашиваю об этом не у членов клана Белого Волка, так как нам известно, в чем они заинтересованы.

Тут Линан так быстро выступил вперед, что вырвался из захвата Камаля прежде, чем великан успел плотнее сжать руку.

— Ради бога, малыш! — прошипел Камаль, но Линан проигнорировал его. Он вышел полностью на свет костра. Шляпа отбрасывала густую тень на лицо и скрывала его черты. Эйнон и другие вожди повернулись к нему. Гудон застонал. Коригана подошла к нему и еле слышно прошептала:

— Линан ты не обязан этого делать!

Линан посмотрел ей прямо в глаза.

— Я сделал выбор, решив ехать в Верхний Суак. И теперь я обязан заставить этот выбор оправдать себя.

— И несмотря на мои слова, к костру все же выходит еще один из клана Кориганы, — громко воскликнул Эйнон. — Ее сопровождающее слишком преданны ей, но у них не слишком хорошо со слухом.

Многие в обоих кругах рассмеялись, глядя на появившуюся перед ними невысокую фигурку.

— Я рожден не в клане Белого Волка, — достаточно громко для того, чтоб его расслышали все в первом круге, произнес Линан. — И я видел наемников.

— Тогда в каком же клане ты рожден? — все еще шутливым тоном осведомился Эйнон.

— В клане, который ты хорошо знаешь, Эйнон. В клане Пустельги.

— Никогда не слышал об этой пустельге, — заявил Эйнон. — И определенно не знаю никакого похожего клана.

— Ты знаешь его под другим именем.

— Скажи-ка сперва, мой маленький четт, под каким именем мы должны знать *тебя*?

— Меня зовут Линан.

Лицо Эйнона сделалось кислым.

— Это не смешно. Никакой четт не может быть назван Линаном после того, как скончался последний, кто так звался. — Со стороны всех вождей послышался ропот общего согласия. — Имя его пользуется у нас любовью.

— А я не четт.

Эйнон был слишком поражен, чтобы говорить, однако Херита задала законный вопрос:

— Если ты не четт, то какое право ты имеешь выступать перед двумя кругами? — Она повернулась к Коригане. — Неужели ты столь легко нарушишь нашу традицию?

— У меня есть такое право, — заявил Линан прежде, чем Коригана успела ответить, и, сняв шляпу, вынул из-под пончо Ключ Единения. Свет костра отражался отблесками от его белой кожи и Ключа. Он услышал, как все вокруг ахнули.

— Узнаете? — спросил он.

— Никогда его не видела, — пробормотала Акота, — но я его знаю. Все четты знают его, он был символом верховной власти Ашарны над нами.

— Ключ Единения, — онемевшими губами произнес Эйнон. — Как он мог попасть к тебе?.. — Голос его стих, когда он понял правду.

— Я Линан Розетем, и морской ястреб — герб моей семьи. Как сын королевы Ашарны я имею право быть выслушанным двумя кругами. И как сын Элинда Чизела, рожденного от матери-четтки, я имею право быть выслушанным двумя кругами. И как вернувшийся Белый Волк я имею право быть выслушанным двумя кругами.

В последовавшем за его словами оглушительном реве Эйджер повернулся к Камалю и сказал:

— Он становится большим умельцем по этой части, не правда ли?

Камаль хмыкнул, но не мог отрицать радости, вдруг зазвучавшей в криках окружающих его четтов.

— Я бы не удивился, если б нашлось пророчество, предсказывающее такое вот явление Линана народу, — продолжал Эйджер.

— А если не найдется, — бросил Камаль, — то мы всегда можем сочинить его.

Они наблюдали за тем, как Линан стоял, освещаемый огнем костра, подняв Ключ Единения, дабы его было видно всем в двух кругах. Коригана стояла перед ним. На лице ее явственно читалось облегчение. Гудон двинулся встать рядом с обоими, улыбка у него на лице соперничала шириной с рекой Гелт. Но Эйджер с Камалем наблюдали за Эйноном; именно его реакция определит, что же произойдет дальше.

Эйнон обвел взглядом второй круг, прислушиваясь к приветственным и взволнованным крикам. Он подошел к Линану — и в собрании воцарилось настороженное молчание.

Линан не отступил перед ним, надменно глядя на вождя. Оказавшись от него не более чем в двух шагах, Эйнон склонил голову. Какой-то миг больше ничего не происходило, затем Акота и Херита встали перед Линаном и тоже поклонились. А затем выразил почтение каждый из вождей в первом круге. Когда поклонился последний, все четты во втором круге тоже склонили головы.

— Впечатляюще, — пробормотал себе под нос Эйджер.

— Да, — признал Камаль и невольно почувствовал немалую гордость достижением Линана. — Я бы сделал это не так, но именно так все и следовало сделать.

Дженроза одной рукой обняла Камаля за талию.

— Ты привык к тому, как делаются дела на востоке, при королевском дворе. А Линан, похоже, инстинктивно понимает, как надо вести себя с четтами.

— Ну, возможно, это объясняет, почему он не добился никакого успеха дома, в Кендре, — сказал Эйджер. — Линан в душе варвар.

От слов Эйджера у Камаля по спине пробежал холодок.

— Ради всего королевства надеюсь, что ты ошибаешься.

ГЛАВА 8

Фрейма разбрасывал по выгулу последнюю связку корма, когда увидел приближающуюся по южной дороге группу всадников. Он быстренько поразмыслил и сообразил, что до того, как они подъедут, не успеет добраться до дома и достать свой меч. Однако в хлеву имелись вилы, а против конного врага они могли оказаться сподручней, чем меч. Он кликнул своих пятерых коров, и те лениво побрели через выгул заняться кормом. Притворяясь таким же равнодушным ко всему окружающему, как и его скотина, Фрейма небрежно подошел к хлеву, открыл лишь одну из старых скрипучих деревянных дверей, убедился, что вилы в пределах досягаемости, и принялся ждать гостей.

Один всадник скакал галопом впереди остальных. Он увидел Фрейму, но не обратил на него внимания и вместо этого объехал кругом двор, заглядывая в окна и за углы. На всаднике были хорошие кожаные доспехи с твердым и сверкающим от дубления нагрудником, а в пристегнутых к седлу ножнах покоился длинный ка-

валерийский меч. Когда всадник остановился перед хлевом, то посмотрел на Фрейму с чем-то, похожим на любопытство.

— Привет, друг, — поздоровался Фрейма.

Всадник кивнул, но не ответил.

— Надеюсь, вы подъехали просто за водой или купить немного яиц.

Всадник покачал головой и показал на остальную группу, шестерых всадников, въезжающих теперь в ворота фермы.

«Против семерых особо не повоюешь, — подумал Фрейма. — Но если я сейчас разделаюсь с этим, то по крайней мере немного рассчитаюсь за себя».

Он прислонился к двери хлева и схватился правой рукой за вилы.

— Одна из ваших лошадей хромает, — сказал он.

Незнакомец оглянулся через плечо, и как только он отвернулся, Фрейма быстро двинулся вперед, вскидывая и разворачивая вилы.

— Постой, Фрейма! — крикнул резкий голос, и фермер заколебался. Всадник, которого Фрейма собирался насадить на вилы, стремительно обернулся с уже выхваченным мечом в руке. Прежде чем Фрейма успел что-либо сделать, вилы выкрутили у него из рук.

— Божья погибель, ну и быстрый же ты, — выругался Фрейма, ожидая, что меч вонзится ему в шею. Но всадник лишь усмехался, глядя на него.

К этому времени к хлеву подъехали и другие всадники. Один из них спешился и медленно снял черные перчатки.

— С возрастом ты стал менее проворным, друг мой, — усмехнулся приезжий.

Фрейма уставился на незнакомца.

— Не верю своим глазам. Проклятый Джес Прадо.

Прадо подбоченился и расхохотался.

— Видел бы ты цвет своего лица. Можно подумать, будто я призрак.

— Я думал, это *мне* предстоит стать призраком, — огрызнулся Фрейма и махнул рукой в сторону других всадников. — А кто твои друзья?

— Моя охрана.

— Охрана? И с каких же это пор фермеру в Арранской долине нужна охрана?

— Новости здесь по-прежнему ходят медленнее, чем труп, — покачал головой Прадо. — Я уже свыше полугода как уехал из долины.

— Уехал? Куда? Кто же приглядывает за твоей фермой?

— Вот уж никак не думал услышать, что ты будешь так озабочен судьбой нескольких квадратных лиг грязи, — фыркнул Прадо.

— Именно тем мы и кормимся, не забыл? — негодующе отозвался Фрейма и снова посмотрел на спутников Прадо. — Или забыл? Ты явно поднялся в мире.

— Сколько ты здесь заколачиваешь, Фрейма?

— Не твое дело.

— После того, как уплатишь налоги, выплатишь за доставку своего молока, зерна и яиц. Сколько? С десяток золотых в год?

— Опять же не твое дело.

— А сколько ты заколачивал, когда ездил со мной? В иных компаниях ты заколачивал по десятку золотых в день.

— Те дни давно минули, Джес. Я теперь просто фермер.

Прадо усмехнулся и обнял Фрейму за плечи.

— Я приехал сюда сообщить тебе, что те дни вернулись вновь.

У Фреймы не хватило еды на всех семерых гостей, и поэтому Прадо с ходу заплатил ему три золотых за одну из коров. За такую сумму они, по словам Фреймы, могли получить молочного теленка. Через два часа вся компания поедала зажаренную на огне говядину, запивая ее несколькими кувшинами лучшего сидра и меда, какие имелись у Фреймы.

— Так ты действительно работаешь теперь на Розетемов? — недоверчиво покачал головой Фрейма. — Никак не думал, что такое случится. Даже через тысячу лет.

— Совершенно верно. Я даже получил от нее офицерский чин.

— Тебя сделали капитаном?

— Генералом, — поправил его Прадо. — Я хочу, чтобы ты был моим капитаном.

Фрейма сузил глаза.

— Я же тебе сказал, Джес, у меня есть моя ферма.

— Я буду платить тебе вдвое больше того, что ты получаешь со своей фермы. И еще будет добыча.

— Рабы?

— Нет, — покачал головой Прадо. — Так далеко щедрость Аривы не простирается. Но в Хаксусе найдется много чего ценного, так же, как и в Суаке Странников.

— Это верно, — признал Фрейма. — Сколько продлится это задание?

— Шесть месяцев, год. Пока не выполним свою задачу.

— Ты собираешься растянуть ее выполнение?

Взгляд Прадо посуровел.

— Я хочу убить Рендла. Хочу убить Линана. И единственное, что мне хочется растянуть, так это их шеи.

Фрейма задумчиво наморщил лоб.

— Знаю, о чем ты думаешь, старый пес. Ты можешь быть моим капитаном, разбогатеть и вернуться сюда еще до следующего лета. — Прадо хохотнул. — Ну, меня вполне устраивает, если ты хочешь разыграть все именно так. Но у меня такое ощущение, что после того, как мы выполним это задание, для нас найдется еще и другая работа.

— Мне осталось не так уж много хороших лет, Джес. И не хотелось бы умереть с мечом в руке.

— Да, все мы уже не так молоды. Я считаю, если мне удастся собрать большую часть бойцов прежнего отряда и принять в него их сыновей и дочерей, которые умеют ездить верхом и орудовать мечом, то мы почти восстановим прежнюю численность.

— Чтобы разделаться с Рендлом, тебе понадобится побольше бойцов, особенно если его поддерживает Салокан.

Прадо кивнул.

— Как я слышал, Черный Петра поселился со своим отрядом неподалеку от Спарро.

— Совершенно верно. Минувшей осенью я сталкивался с некоторыми из них на ярмарке в Спарро. Но Черный Петра мертв, Прадо.

— Его, несомненно, поддел на рога один из его быков. Как мне помнится, он тоже любил заниматься сельским хозяйством.

— Его зарезали. Получил нож в бок в драке с местным.

Прадо с шипением втянул в себя воздух.

— Не годится так умирать солдату.

— Да и фермеру тоже не годится так умирать. Ты думаешь завербовать и его бойцов?

— Скольких удастся привлечь.

— Сэль Солвей расположилась со своим отрядом неподалеку от отряда Черного Петры. Это еще сотня или около того. Сама она, во всяком случае, присоединится. Как я слышал, ее трактир сгорел.

— Мы сколотим самый большой отряд, какой когда-либо видел Тиир, — сверкнул глазами Прадо.

— Мы? Я не сказал, что присоединяюсь к вам, Прадо.

— Да, верно, не сказал.

— Пятнадцать золотых, и я ухожу летом со всей добычей, какую смогу унести.

— Всяк подумал бы, что ты был наемником.

Фрейма рассмеялся, и старые приятели пожали друг другу руки.

Прадо поселился во втором по величине трактире в наиболее крупном городке долины. Его бойцы терялись в догадках, почему он не остановился на самом большом постоялом дворе, но Прадо не стал им рассказывать, что именно там он и похитил Линана, убив по ходу дела трактирщика.

Как только пошел гулять слух, что он набирает войско, к нему явилось свыше восьмидесяти бойцов из его прежнего отряда, и многие из них привели с собой записываться в бойцы и детей. К концу первой недели в его списке стояло уже свыше сотни имен.

Прадо отправил Фрейму распространить известие среди любых других наемников, каких он мог найти поближе к столице Чандры, Спарро, и к концу второй недели численность его воинства увеличилась до четырехсот бойцов, в основном — ветеранов, и даже включала в себя немногих местных — бе всяких навыков воинской службы, но жаждущих приключений и легких денег. Фрейма оказался прав насчет Солвей, и у Прадо теперь был второй капитан. Он предоставил Фрейме и Сэли самим выбирать себе сержантов и лейтенантов, и через месяц с момента прибытия в Арранскую долину у Прадо образовалось воинство в пятьсот наемников, сплошь конных, разделенных на два отряда примерно равной силы. Фрейма хотел сразу же приступить к обучению, но Прадо велел ему подождать, пока они не окажутся на границе с Хаксусом.

— Я хочу попасть на север и подыскать, где расквартировать бойцов до весны.

— Зимой они не смогут обучаться, — пожаловалась Сэль.

— Могут и будут, — отрезал Прадо. — Если они хотят остаться в моем отряде, то будут делать все, что должны.

— Сколько мы еще пробудем тут, прежде чем покинем долину? — спросил Фрейма.

— Еще день-два, а потом направимся в Спарро, набирая любых бойцов из прежних отрядов Сэли и Черного Петры, какие еще захотят присоединиться. А потом на север, вербуя где только можем, пока не доберемся до границы с Хьюмом. Надеюсь, под моим началом будет по меньшей мере две тысячи, прежде чем я начну обращаться к королеве Чарионе с призывами выделить мне какие-то из ее полков.

Амбиции Прадо произвели сильное впечатление на Сэль.

— Две тысячи! С двумя тысячами наемников мы можем добиться многого.

— Мы должны добиться только двух целей, — напомнил ей Прадо. — Убить Рендла и убить Линана. Если я смогу обойтись без регулярных войск Чарионы, то не воспользуюсь их помощью.

— Ты говорил, что именно Арива-то как раз и наняла Рендла... — начал было Фрейма.

— И что из этого?

— ...а не подрядила ли она одновременно и другие отряды? Не могли бы мы добиться их присоединения к нам?

— Они уже получили золото от Аривы. Ей не слишком понравится, если мы станем снова платить им.

— Ну, может и не целые отряды, — принялся рассуждать Фрейма, — но одного солдата здесь, другого там?

— Ну, может одного солдата здесь, другого там, — усмехнулся Прадо. — Это я предоставлю тебе.

— Удивляюсь, что с тобой сейчас нет по меньшей мере еще двоих, — заметила Сэль, обращаясь к Прадо.

— Кого ты имеешь в виду?

— Бейзика и Эзора. Они ведь одно время были твоими лейтенантами, не так ли? Держались к тебе ближе, чем клещи к собаке.

— Вот и я все гадал, когда же они появятся, — добавил Фрейма.

— Их здесь не будет, — мрачно отозвался Прадо, и что-то в его тоне подсказало Сэли и Фрейме, что им лучше не будить лиха.

В последний день пребывания в долине, когда их отряд собрался на главной улице, Прадо все еще держал вербовочный стол открытым для любых храбрецов, решивших записаться в последнюю минуту. И порадовался своей предусмотрительности. Покамест записалось еще пятеро местных, все вооруженные собственными луками и стрелами, и все еще ждала зачисления небольшая очередь других желающих. Он желал иметь столько лучников из Арранской долины, сколько вообще удастся заполучить в свои руки: лучших стрелков было не сыскать на всем Тиире.

— Участвовал прежде в каких-нибудь боях? — спрашивал Фрейма следующего в очереди, паренька, явно совсем недавно начавшего бриться, но при оружии и с лошадью.

— Нет, сударь.

— Тогда тебе будут платить один золотой в день и одну долю добычи после каждого боя.

— Годится.

— Писать умеешь?

— Нет, сударь.

Фрейма пододвинул к пареньку страницу, которую исписывал, покуда задавал вопросы.

— Поставь вот здесь свой знак, — показал он пареньку, передавая ему стило. Паренек так и поступил, а Фрейма затем передал стило Прадо для второй подписи. — Отлично, подойди к лейтенанту Овель в конце строя; это та, которая на чалой кобыле и со шрамом, как наконечник стрелы, на лбу.

Паренек кивнул, чуть поклонился Прадо, который весело хлопнул его по спине, и уступил дорогу следующему в очереди — мужчине, знававшему лучшие времена и явившемуся с повязанным через плечо желтым шарфом грива и парадным мечом, не годящимся ни для чего, кроме нанизывания на него фруктов.

«Ну, нельзя же ожидать, что все новобранцы будут воинами», — подумал про себя Прадо, но повеселел, увидев приближающуюся с северной стороны городка небольшую группу всадников. Все они ехали на отличных лошадях и были хорошо вооружены. Вот эти — именно такие новобранцы, какие ему требовались.

— Имя? — спросил Фрейма у человека с желтым шарфом через плечо.

— Йомен Этин.

— Занятие?

— Сукновал.

— Какой-нибудь военный опыт?

— Никакого. Но в настоящее время я здешний грив.

Фрейма кивнул.

— Подойдет. — Он показал на меч йомена Этина. — Мы не можем позволить себе вооружить тебя чем-нибудь получше. Будешь драться тем, что у тебя есть.

— Я здесь не для того, чтобы записываться в отряд Джеса Прадо, — заявил грив.

— Тогда зачем же ты, во имя господа, заставил меня зря терять время? — сплюнул с досады Фрейма.

— Чтобы арестовать вашего генерала. — Грив повернулся к Джесу Прадо. — Сударь, я арестовываю вас по обвинению в убийстве и похищении.

Пораженный Прадо уставился на грива во все глаза.

— Чего-чего ты делаешь, любезный?

— Я обвиняю вас в убийстве местного трактирщика, Айрана, и похищении юноши однажды ночью минувшим летом.

— Ты, должно быть, шутишь! — посмеялся над гривом Фрейма.

Некоторые из местных в очереди начали потихоньку расползаться.

Лицо Прадо побагровело от гнева и удивления.

— У вас есть какие-то свидетели либо убийства, либо похищения?

— А вы отрицаете обвинения? — задал встречный вопрос грив.

— У вас есть хоть какие-то доказательства? — настаивал Прадо.

— У меня есть свидетельские показания посетителей трактира, что той ночью, когда произошли данные события, вы были в числе последних клиентов в таверне. В любом случае я арестовываю вас до тех пор, пока эти обвинения не будут доказаны или сняты.

— Вы не можете этого сделать! — негодующе крикнул Фрейма. — Он *генерал* на службе у королевы Аривы!

Йомен Этин смерил его прохладным взглядом.

— Даже королева не выше закона.

— А вот тот юноша, о котором идет речь, был вне закона, — заявил Прадо.

— Значит, вы признаете свою причастность! — провозгласил грив.

— Джес, о чем ты толкуешь? — уставился на Прадо Фрейма.

— Ничего я не признаю, — огрызнулся Прадо. — Я произвел задержание того юнца. Его требовалось доставить на суд к королеве.

— К королеве, говорите! А с чего бы ей так интересоваться им?

— Потому что это был принц Линан, убийца Береймы и изменник короне.

Лицо грива побелело.

— Нет.

— О, да. Вы помните его спутников?

— Конечно...

— Камаль Аларн, бывший коннетабль королевской гвардии, Эйджер Пармер, бывший капитан королевской гвардии, и Дженроза Алукар, студентка-магичка. И *все* объявлены вне закона.

— Тот рослый был Камаль Аларн? Камаль Красных Щитов? — Глаза грива чуть не выскочили из орбит. Он покачал головой. — Но как насчет Айрана? Вы отрицаете, что убили его?

— Умертвил его? Нет, не отрицаю. Убил его? Да, отрицаю. Он пытался защитить принца Линана.

— Это невероятно, — покачал головой грив и внимательно посмотрел на Прадо. — Тем не менее обвинения по-прежнему

остаются в силе. Если вы говорите правду, то вас признают невиновным и вы сможете продолжать свое дело...

— У меня нет на это времени. Я выполняю важное — жизненно важное! — задание королевы. И ничто не должно задержать меня.

— На определенное время, — заявил грив, голос которого начинал дрожать, — вас, сударь, задержит закон.

Прадо видел, как все больше и больше его потенциальных новобранцев убираются прочь, а затем увидел, как группа замеченных им ранее всадников собралась вокруг. Ему не хотелось потерять еще и их.

— Фрейма, позаботься об этом лезущем не в свое дело дураке.

— С удовольствием, — натянуто улыбнулся Фрейма и поднялся, обнажив меч. Грив отступил на два шага и обнажил собственное хлипкое оружие.

— Это едва ли назовешь честным боем, — произнес один из новоприбывших. Взгляды всех обратились к заговорившему — высокому, худощавому мужчине с длинными седеющими волосами и глазами такими же темными, как у ястреба. Он сидел на вороном жеребце и был облачен в короткую кольчугу хорошей выделки с вмятинами и царапинами от многочисленных ударов. За спиной у него висел длинный меч в простых ножнах.

— Может, ты хотел бы одолжить ему свой меч? — язвительно предложил Фрейма.

— Бездушного не может коснуться никто, кроме меня.

— Ты даешь своему мечу *имя*? — презрительно фыркнул Фрейма, и многие из наемников рассмеялись. — Да еще и *Бездушный*?

— Я не давал ему имени, — спокойно ответил незнакомец. — Бездушным его назвал отец моего отца. — Он положил руки на переднюю луку седла и оперся на них, выглядя со стороны так, словно его не особенно волновало, в каком направлении пойдет разговор.

— Тебя это не касается, — вставил и свое слово Прадо. — Этот человек мешает делу королевы.

— Он грив короля Томара. А поскольку король Томар — вассал королевы Аривы, то он здесь тоже по делу королевы.

Прадо подбоченился и заявил самым властным тоном, на какой был способен:

— Я выполняю задание королевы. Дело мое срочное и не терпящее помех.

— Знаю, — отозвался ровным тоном незнакомец.

Прадо и Фрейма обменялись быстрыми взглядами.

— А кто вы, собственно, такой? — потребовал ответа Прадо.

— Меня зовут Барис Малайка.

— Это имя мне знакомо, — сузил глаза Прадо.

— Как и следовало бы, Джес Прадо. Я — поединщик короля Томара. Именно я возглавлял атаку чандрийской кавалерии на ваш отряд в битве под Спарро.

По рядам наемников постарше пробежал тихий ропот.

— Да, помню. Вы нанесли мне немалый урон.

— А вы и ваш отряд нанесли огромный урон Чандре во время Невольничьей войны. Я пытался добраться до вашего знамени. Хотел снести вам голову и отдать ее королю Томару.

Все посмотрели на Прадо, ожидая, что тот вспыхнет гневом, но тот вместо этого непринужденно улыбнулся.

— Это было тогда. А теперь мы на одной стороне.

Барис обдумал данное заявление.

— К сожалению.

— Вы приехали сюда записаться в отряд? — спросил Фрейма. Прадо хохотнул.

— Я здесь по официальному делу, — покачал головой Барис.

— И что же это будет за дело?

— Король Томар услышал от королевы, что вы будете вербовать здесь солдат, и отправил меня убедиться, что ваши методы изменились с тех пор, как вы последний раз занимались в Чандре вербовкой.

— А почему король сам не явился, если он так озабочен этим? — ворчливо спросил Фрейма, заработав еще один смешок со стороны Прадо.

— Король явился, — произнес новый голос, и один из всадников позади Бариса тронул коня, отделившись от группы.

Прадо выпучил глаза. Не могло быть никаких сомнений в том, кто такой этот рослый бородатый мужчина, выступивший из группы своих телохранителей. В волосах у него прибавилось седины с тех пор, как Прадо в последний раз видел короля Томара, но его карие глаза по-прежнему оставались самыми печальными из всех, какие доводилось видеть Джесу; казалось, их наполняла боль всего мира.

Местные сразу преклонили колено, в том числе и грив. Йомен Этин к этому времени весь обливался потом, чувствуя себя словно крыса, угодившая между двумя очень голодными змеями. И сильно сожалел, что не остался сукновалом.

Наемники колен не преклоняли, но, за исключением Прадо, отвели глаза, избегая встречаться взглядом с королем. Прадо лишь

самую малость склонил голову. Король проигнорировал его и обратился к йомену Этину.

— Свой долг грива ты выполнял с похвальной храбростью, — сказал Томар. — К несчастью, то, о чем тебе говорил Прадо, правда. Королеве Ариве отлично известно о его действиях в этой долине прошлым летом, и она дала ему особое задание, которое не терпит задержки. Все обвинения против него сняты.

Не смея прямо посмотреть на своего короля, грив энергично кивнул.

— Понимаю, ваше величество.

— Встань, — велел король, и грив поднялся на ноги. Томар извлек из пристегнутых к седлу ножен собственный меч и подал его рукоятью вперед гриву. Грив принял его, руки у него при этом дрожали, словно осенние листья на дереве. — В знак моего доверия этому человеку и моей решимости видеть подобную преданность своему делу вознагражденной, он будет отныне действуя в качестве грива Арранской долины носить мой меч. Если ему будет нанесен какой-либо вред или учинены какие-либо помехи, я гарантирую, что совершившие это будут найдены и наказаны.

Король Томар посмотрел прямо в глаза Прадо.

— Всем понятно?

Прадо напряженно кивнул. Никто другой больше не сказал ни слова.

— Сколько еще вы намерены пробыть в Чандре? — спросил его Томар.

— Долину мы покидаем сегодня. Проедем в дне пути от Спарро, а потом на север в Хьюм.

— Это должно занять не более трех-четырех недель.

— Четырех-пяти, в зависимости от того, как пойдет вербовка.

— Четырех, — стоял на своем Томар.

— Ладно, — вздохнул Прадо.

Томар повернулся к Барису.

— Оставайся с наемниками, пока они не покинут Чандру.

— Ваше величество...

— Надеюсь, мы никогда больше не встретимся, Джес Прадо, — промолвил Томар и повернул коня. Охрана последовала за ним, за исключением Бариса, который спешился и встал рядом с йоменом Этином.

Прадо крякнул разок, а затем приказал Фрейме продолжать запись новобранцев.

— Но никаких новобранцев больше нет, — указал Фрейма, и это было правдой. Все местные, выстроившиеся в очередь на запись в отряд, куда-то пропали.

— Думаю, пора покидать долину, генерал Прадо, — непринужденно обронил Барис.

ГЛАВА 9

Олио сидел, прислонившись к стене дома. Старая древесина стен обветшала, и он почувствовал, как какая-то щепка впивается ему в спину сквозь рубашку. Это заставило его открыть глаза. Он попытался сглотнуть, затем выпрямился, подымаясь на ноги — и снова осел, привалившись к стене. В правой руке Олио держал пустую кожаную флягу. Он перевернул ее, и на ладонь ему упало несколько капель.

— Ничего не осталось? — вслух подивился он.

Ему смутно помнилось, как он после вечерней трапезы стащил эту флягу с одной из кухонь дворца. Если ему предстояло быть генералом, он вполне мог выпить разок — напоследок. Никто не видел, как он стянул ее, и никто не помешал ему покинуть после этого дворец. Потом он, казалось, много часов бродил по городу, посетив по пути по меньшей мере две таверны для пополнения опорожненной фляги.

Олио огляделся по сторонам. Было темно, и он не особенно разглядел улицу, на которой находился. Судя по тому, как нависали над улицей дома, его, надо полагать, занесло в старый квартал города. Кругом не было ни души. В десяти шагах от его ног валялась дохлая собака, маленькая и облезлая, с белесыми глазами, и что-то внутри нее копошилось там, где у псины был желудок, вызывая рябь на собачьей шкуре.

Он снова попытался встать, но смог справиться с этим, только держась свободной рукой за стену. Олио сделал шаг, затем другой и вынужден был остановиться. Земля у него под ногами закружилась, и он упал. Он снова попытался сглотнуть, но возникало такое ощущение, словно его язык прилип к небу.

Олио услышал позади шаги и обернулся. Мимо него пыталась незаметно пройти молодая женщина с закутанной в шаль головой. Она тащила за собой босоногого мальчика с сопливым носом.

— Мама...

— Не смотри. Нам надо домой.

— Он болен, мама.

— Я не болен, — произнес вслух Олио. — Я генерал. Подать мне моего коня. — Он попытался встать, но безуспешно. — А еще лучше — подать мне мою карету.

— Мама?

Но мама лишь ускорила шаг, буквально оторвав мальчика от земли, таща его мимо пьяного.

Олио поглядел им вслед, чувствуя себя немного униженным.

— И кроме того, я принц! — крикнул он им вдогонку, но они лишь продолжали уходить.

— Мне следовало надеть мою корону, — сказал себе Олио. Он сидел прямо рядом с дохлой собакой. Из дыры в собачьем брюхе высунулась крысиная голова, понюхала воздух и снова исчезла.

Хоть он теперь и сидел, земля под ним, казалось, по-прежнему вращалась. Он опустил руки, оперся о землю ладонями, но они будто ничего не нащупали. Олио рухнул набок и лежал согнувшись, выпустив наконец из руки кожаную флягу. Миг спустя около него остановились двое мужчин в капюшонах. Один склонился над ним и слегка потряс его за плечо.

— Он болен, — сказал не нагнувшийся к нему.

— Он напился, — поправил его склонившийся. Он нащупал под рукой у себя дорогую ткань. — Наверно, какой-то аристократ. — Он ухватил Олио за подбородок и повернул его лицом к себе. — Не может этого быть.

— Кто это?

— Не может этого быть. — Склонившийся над Олио встал. — Приведи отца Поула. А я останусь здесь с ним.

— Отца Поула?

— Живо! Со всех ног!

Брат-мирянин разбудил примаса Гироса Нортема.

— Ваша милость, у меня срочное сообщение от отца Поула.

Нортем помотал головой, стряхивая последние остатки сна, и поднялся в сидячее положение. Брат-мирянин подал ему чашу с подогретым вином. Примас жадно осушил ее.

— Сообщение принес он сам?

— Его оставил другой брат-мирянин у отца Тери, который сегодня ночью на бдении.

— Дай-ка мне его.

Брат-мирянин забрал пустую чашку и передал ему записку. Нортем быстро прочел ее, и прочитанное заставило его застонать вслух.

— Плохие вести, ваша милость?

— Принесший ее брат-мирянин все еще здесь?

— Да.

— Он должен идти к отцу Поулу и передать ему, что я тотчас же прибуду. Отец Поул должен меня ждать.

— Да, ваша милость.

Брат-мирянин вышел, и Нортем быстро оделся.

— Я знал, что дойдет и до этого, — пробормотал он себе под нос. — Я знал, что это плохо кончится. *Знал.*

Позже, когда он покидал дворец, стражники услышали, как он все еще что-то бормотал про себя.

Отец Поул сидел в комнате, где двое его учеников-священников уложили принца Олио. Учеников он отослал и сидел теперь с принцем один, опершись подбородком о ладонь и гадая, что же подкинул ему бог — великолепную возможность или великое бремя.

До Поула, конечно же, доходили слухи о принце Олио, но он считал их не более чем сплетнями о человеке, у которого, казалось, не было никаких очевидных пороков. Но вот же он, Олио, лежит тут, от него вовсю разит вином, и, что еще больше расстроило Поула, когда он это обнаружил — мочой. Мысль, что принц мог настолько напиться, что перестал справляться с собственным мочевым пузырем, оказалась для священника и потрясением, и откровением.

Это могло стать тем нужным Поулу рычагом для восстановления доверительных отношений с примасом, который с тех пор, как умерла Ашарна, сильно отдалился от него. Поула ранило такое охлаждение отношений с начальником, отношений, которые прежде были столь теплыми. Но он отмахнулся от этих чувств и с головой ушел в выполнение своих обязанностей. А данное происшествие могло создать между ними новую близость, это совместное обладание тайным — на самом деле почти священным — знанием.

Бремя, вызванное падением Олио, будет, конечно, отягощать ему душу и сердце. Тут Поул остановился. Он ведь не Подлинный Бог, и не ему судить собрата-человека, не говоря уже о принце крови. Тем не менее, произошедшее поколебало убежденность Поула в основной правильности структуры общества. Ему хотелось бы верить, что члены королевской семьи — нечто большее, чем просто люди, что они содержат в себе какую-то искру божественного. Естественно, такого нельзя было ожидать от этого отверженного Линана, королевская кровь в жилах которого была в лучшем случае сильно разбавленной, а

в худшем — испорченной. Но здесь лежал сам принц Олио собственной персоной, самый кроткий из всех Розетемов, сваленный самым обыкновенным из всех пороков — невоздержанностью в питье.

Он услышал, как примас вошел в часовню, перебросился несколькими торопливыми словами с местным священником, а затем направился к комнате. Отец Поул встал, собираясь приветствовать его. Дверь открылась и вошел примас. Он даже не взглянул на Поула, а сразу направился к принцу. Склонившись над ним, он принюхался к дыханию Олио, а затем сделал нечто, показавшееся Поулу весьма странным: вытащил из под рубашки Олио Ключ Сердца и мгновение осторожно подержал его, прежде чем положить обратно.

— Ваша милость? — кашлянул Поул.

Похоже, занятый своими мыслями, Нортон бросил на него беглый взгляд.

— Хм-м-м?

— Двое из моих учеников, возвращаясь после выполнения своих обязанностей на причалах, нашли его на улице неподалеку отсюда и сразу же вызвали меня.

— Кто-нибудь еще видел принца?

— Только здешний капеллан.

— Очень плохо, — покачал головой Нортем. — Это очень плохо.

— Мы же наверняка можем положиться на осмотрительность капеллана, ваша милость? И я поговорю с этими учениками.

Теперь Нортем изучил священника более внимательным взглядом.

— Вы уверены, что они будут молчать?

— Я тщательно объяснил им всю серьезность положения; они не скажут об увиденном ни одной живой душе.

Нортем снова повернулся к Олио.

— Это уже не впервые.

— До меня доходили... слухи.

— Да, слухи эти теперь доходят до всех в Кендре, но никто не знает всей правды.

— Ваша милость?

— Не имеет значения. Вам незачем знать.

— Я ваш секретарь, примас. Если на ваших плечах какое-то ужасное бремя, то я наверняка смогу помочь вам нести его.

— Предложение щедрое, но я должен отказаться от него. — Он снова повернулся лицом к Поулу и крепко схватил его за плечи. — Как вы понимаете, королева никогда не должна услышать об этом.

— Это я ее исповедник, ваша милость, а не она мой.

Примас отпустил его.

— Да, конечно. Знаю. — Он устало закрыл глаза. — Вы должны оказать мне услугу.

— Все что угодно.

— Найдите мага-прелата и попросите его немедля явиться сюда.

— Эдейтора Фэнхоу? Какое он имеет к этому отношение?

— Больше никаких вопросов. Я ничего не могу сказать вам об этом. Только пришлите мне прелата.

— Конечно, ваша милость, — поклонился Поул и вышел.

Нортем сел на место священника и взял Олио за руку. «Не доверяю я этому человеку, — подумал он и сразу же испытал чувство вины за такие мысли о собственном секретаре, человеке, который некогда был его другом. — Если б я ему позволил, он мог бы снова стать мне другом. Но это было бы слишком опасно».

Олио снова снились дети. Он осматривал все койки в поисках брата. Олио слышал, как голос Линана зовет его, но не мог найти брата. На койках лежали дети, истерзанные болезнями, покрытые язвами и ранами, но он оставлял их без внимания. Чудилось, что комната тянулась целую вечность, койки выстроились тремя четкими рядами, и на каждой лежал ребенок, нуждавшийся в исцелении его силой. Но никакого Линана.

А затем он заметил, что лица всех детей начинают выглядеть одинаково. Они все стали мальчиками. И сплошь шатенами. Круглоголовыми. Они все стали Линанами, когда ему было лет семь или восемь. Олио вспомнил, как он приглядывал за братишкой, когда тот был в этом возрасте.

Но лица продолжали меняться. Кожа приобретает цвет слоновой кости, а белки глаз стали золотисто-желтыми.

— Олио! — взывали дети. — Исцели меня!

Он перебегал от койки к койке, возлагая руку на каждый лоб, чувствуя, как его собственная жизнь высасывается из него, когда он исцелял каждого Линана.

Полностью опустошенный, он остановился, медленно падая на колени. Дети поднялись с коек и окружили его, их бледные ручонки тянулись к Ключу Сердца.

— Нет, Линан, прекрати! — выкрикнул он. Ключ у него на груди горел, словно раскаленное тавро.

— Нет!..

Он проснулся с безмолвным криком, все мускулы его тела сплелись в узлы боли, одежда насквозь промокла от пота. Олио вскочил с постели, хватаясь за Ключ, пытаясь оторвать его от своей кожи. Нащупав цепочку, он с силой рванул ее. Ключ так и вылетел у него из-под рубашки. Он прикоснулся к нему, а затем, охнув, выпустил и подул на пальцы. Распахнув рубашку, Олио посмотрел на свою грудь и увидел выжженный напротив сердца знак в виде Ключа. Он сдернул цепочку с шеи и отбросил Ключ. Тот с лязгом упал на пол.

Хватая воздух раскрытым ртом, Олио скинул ноги с постели, зарылся лицом в ладони и заплакал навзрыд. Он испытывал одновременно и страх, и стыд, и замешательство. Олио не понимал, что с ним происходило. Когда рыдания наконец стихли, он поднял голову и сообразил, что не знает, где находится. Какая-то комнатушка, единственная постель. В нем начал подыматься панический страх, а затем он услышал два голоса, отдаленных, словно эхо воспоминаний.

Олио нетвердо поднялся на ноги и подошел к двери. Та была слегка приоткрыта, и он прислушался к звукам, доносящимся через щель.

— На улице, прелат! Вы понимаете, что могло с ним случится?

Олио знал этот голос. Старческий, с убывающей властностью в нем.

— Он обещал мне бросить пить.

Этот голос он тоже знал. Полный раскаяния, отчаяния.

Они принадлежали его друзьям, в этом он был уверен. Ему следовало выйти к ним.

— Мы должны остановить его ради него самого. — Снова стариковский голос. — Он мог умереть. Или упасть с причала. Видит бог...

— Как? Он не прекратит исцелять, но исцеления изматывают его и вызывают кошмары. Вот потому-то он и пьет.

— Тогда добейтесь, чтобы он побольше отдыхал.

— Усталость эта не просто физическая. Ключ словно берет у него не только энергию.

Это говорил Эдейтор Фэнхоу. Он был хорошим человеком.

— Что вы имеете в виду?

А это Гирос Нортем. Тоже хороший человек. И они говорили о нем. Они беспокоились за него. Он сделал что-то не то.

— Меняется его природа. Могли вы когда-нибудь представить себе, что он сделается таким вот?

— Нет, конечно же, не мог. И никогда бы не стал содействовать вам с принцем, знай я, что случится такое.

— Я просто не знаю, что же делать.

 — Мы его остановим, вот что мы сделаем.

— Но говорю же вам, он *не станет* останавливаться. Его неудержимо тянет исцелять тех, кто нуждается в его помощи.

— Ничего, остановится, — решительно заявил примас. — Мы скажем Ариве.

— Боже, нет!

— А что еще мы можем сделать? Нельзя позволять ему продолжать в том же духе.

Олио сообразил, что говорят о нем. Что же он наделал? Он потряс головой, пытаясь прояснить ее. Что-то воняло. Он отошел от двери, но запах переместился вместе с ним. Он опустил взгляд и посмотрел на себя, снова увидел ожог, а затем заметил пятна на рубашке и штанах. Он обмочился в штаны. И было также еще кое-что. Он чувствовал запах вина. Дешевого, загустевшего вина.

Он услышал как Эдейтор что-то сказал, но не разобрал слов и вернулся к двери.

— Закрыть приют! — Теперь говорил уже примас. — Я не могу этого сделать. Слишком много бедняков знает о его существовании, знают, что туда являются умирающие, но уходят полностью исцеленные.

— Тогда переместите его туда, где Олио не сможет его найти.

— Да как мы ему помешаем? Он же принц.

— Тогда с ним все время должен быть кто-то, кому мы доверяем.

— Кто?

— Охранник, священник, маг. Не знаю.

— Он этого не допустит.

— Допустит, — голос Эдейтора внезапно сделался твердым. — Допустит, или же мы и правда обратимся к Ариве. Он на все согласится, лишь бы мы этого не делали. Его до ужаса пугает мысль, что она может положить конец его целительству или даже заставит отдать ключ.

Какой-то миг оба собеседника не говорили ни слова, или, если и говорили, то Олио их не слышал. Шаги, идущие к нему. Он торопливо отступил от двери, наткнулся на постель и споткнулся. С глухим стуком сев на пол, он выбросил руки за спину, чтоб не упасть навзничь. Его правая ладонь опустилась на Ключ. Пораженный этим, он оглянулся, и одновременно распахнулась дверь. Он снова посмотрел в ту сторону и увидел мрачные лица глядящих на него примаса и прелата.

— Он слышал наш разговор, — констатировал Нортем.

— Но сколь долго?

— Думаю, п-почти весь, — признался Олио, голос которого мало отличался от хриплого шепота.

— Что сегодня произошло? — потребовал объяснений Нортем.

— Я... я не знаю. Д-должно быть, я пил.

— Ты нарушил слово, — печально промолвил Эдейтор. — Не думал, что ты когда-нибудь сделаешь такое.

— Я не хотел, — слабо произнес Олио и отвернул от них лицо.

— Мы собираемся прекратить исцеления, — сказал Нортем.

— Знаю.

Он поднял Ключ и надел цепь на шею. Теперь тот холодил ему кожу.

— Он тебя обжег, — Нортем показал на грудь принца. — Ты знаешь, почему он это сделал? — спросил он у прелата.

Эдейтор покачал головой.

— Никто по-настоящему не знает и не понимает всей степени сил Ключа. Им явно никогда не предназначалось быть используемыми так часто, как использовался этот с тех пор, как им владеет его высочество.

На глазах у Олио снова выступили слезы.

— Но те дети... Я не мог дать им умереть.

— Они будут умирать, как всегда умирали дети в этом городе, — заявил ему Нортем. — Как всегда умирали они во всех городах в Грендa-Лире.

— Пусть приют действует и дальше, — взмолился Олио. — Я буду обходить его стороной, но смогу по-прежнему поддерживать его. Это спасет некоторых больных.

Нортем задумчиво опустил голову.

— Отлично, — согласился наконец он. — Но как только я услышу, что вы пользовались Ключом или снова начали пить — сразу закрою-таки его... навсегда.

Олио как будто весь съежился. Нортему и Эдейтору он сам показался в тот миг таким же потерявшимся ребенком, покинутым и испуганным.

ГЛАВА 10

Травянистую степь вокруг Верхнего Суака покрыл тонкий слой снега. Скот лизал снег, не нуждаясь в водопое, а потом ел покрытую им пожелтевшую траву. Дыхание скота наполняло неглубокую долину облаками пара. А надо всем этим сияло солнце — далекое и слабое, но желанное зрелище в холодном, пустом голубом небе.

Линан сидел в седле, пытаясь не улыбаться во весь рот, глядя на силу и богатство объединенных кланов.

«Я принадлежу к ним», — подумал он.

Прошло уже немало времени с тех пор, как он в последний раз почувствовал нечеловеческую ярость и жажду, которые посетили его осенью, и с тех пор, как видел какие-либо кошмары о Силоне и ее лесе; и теперь, когда температура снизилась, он мог наслаждаться днем. В первый раз с тех пор, как ему пришлось бежать в Суак Странников, он почувствовал себя цельным и полностью самостоятельным.

С уколом вины он вспомнил, как обращался с Камалем, но это напомнило ему, что он стал также совершенно независимым. Теперь он сам принимал решения, которые влияли на его будущее. Линан понимал, что повзрослел, и гордился этим.

А с взрослением пришла и новая ответственность. Из уроков Камаля и Эйджера он усвоил, что его решения влияли не только на него самого; поскольку он принц, его мысли и действия определяют происходящее с теми, кто следовал за ним. Каким-то странным образом понимание этого укрепляло его уверенность; он понимал, что был прав, приехав в Верхний Суак, но это не означало, что Камаль был совсем уж неправ. В конечном счете, его будущее — и будущее его спутников — будет определяться на востоке. Именно туда-то он и должен обратить свой взор.

«Мне нужны две вещи. Армия и воля воспользоваться ей».

Последняя, как ему думалось, у него имелась, и теперь пришла пора заняться получением первой.

К нему приближались два всадника, разрушая его уединение. Он желал бы остаться один, но они все равно ехали к нему. Вскоре он узнал Коригану, но второго всадника опознал, лишь когда они подъехали намного ближе. Это был Терин, молодой вождь клана Дождя и верный союзник Кориганы. Тут Линан вспомнил, как упомянул при Коригане о желании встретиться с Терином — но он вовсе не имел в виду, что хочет увидеться с ним этим самым утром.

— Коригана сказала, что вы хотели меня видеть, ваше величество, — проговорил немного запыхавшийся Терин.

Линан открыл было рот, собираясь попросить вождя не называть его «ваше величество», но передумал. Он просил о том же Коригану и Гудона, притом не один раз, и все без толку. И вместо этого поблагодарил:

— Спасибо, что приехал.

Терин выглядел удивленным, словно просьба Линана о встрече была приказом, который он должен выполнять, и не

требовала никакой благодарности. Подобная мысль расстраивала Линана.

— Прошлой ночью Эйнон спросил у тебя, сталкивался ли кто-нибудь из вашего клана с наемниками.

— Совершенно верно, ваше величество. Насколько мне известно, никто из моего клана с ними не сталкивался.

— А не замечали ли вы чего-нибудь странного, происходящего за границей? Каких-нибудь передвижений войск или другой военной деятельности?

Терин задумчиво наморщил лоб.

— Нет... — Он умолк. — Хотя осенью мы потеряли двух дозорных, патрулирующих ту часть нашей территории.

— Что с ними случилось? — спросил Линан.

Терин пожал плечами.

— Каждый клан теряет каких-то дозорных, наткнувшихся на волков или вспугнувших секача-карака. Я отправил воинов отыскать их, но они вернулись ни с чем, не найдя даже их лошадей.

— А редко бывает, чтобы пропадали не только всадники, но и лошади?

— Такое случается, но не часто. Кобылы умеют найти дорогу обратно к клану.

— Может, те дозорные что-то увидели, — предположила Коригана.

— Возможно.

— Что от меня требуется? — спросил Терин.

— Насколько скоро ваш клан может без опаски покинуть Верхний Суак?

— Не раньше, чем еще через два месяца, ваше величество, но если прикажете нам выехать, мы отправимся завтра же...

— Нет. Я не стану подвергать опасности ваш клан.

Терин просто кивнул, но лицо его выразило явное облегчение.

— Но я могу отправить небольшой отряд. Пусть захватят запасных лошадей с припасами.

— Что ты задумал? — спросила у Линана Коригана.

— Мне нужно знать, что же происходит на границе. Нужно выяснить, собираются ли наемники совершить набег в Океаны Травы. Если собираются и намерены сделать свой ход весной, наверняка будут какие-то признаки этого.

— Мои всадники смогут их обнаружить, — заверил его Терин. — Они знают ту местность лучше кого угодно, и если будут знать, что именно им надо высматривать, их не захватят врасплох.

— Они не должны ввязываться в бой, — поспешил уточнить Линан. — Мне нужны сведения.

— А что, если возникнет возможность захватить пленника? — спросила Коригана.

— Хорошо, пусть захватывают, если смогут это сделать, не встревожив врага.

— Смогут, ваше величество, — уверенно сказал Терин.

— Получится ли выехать завтра?

— Я сегодня же отправлю два отряда, — усмехнулся Терин. — Через неделю они будут уже на границе.

Линан невольно усмехнулся в ответ. Энтузиазм молодого вождя оказался заразительным.

— Спасибо, Терин.

Терин склонил голову, развернул лошадь и ускакал галопом к себе в лагерь.

Коригана подъехала ближе к Линану.

— Что ты задумал?

— Задумал? В данный момент ничего. Я понятия не имею, что же замышляют наемники, если они и правда хоть что-то замышляют. Но, думаю, чем раньше мы дадим четтам повод волноваться, тем скорее они объединятся под твоим знаменем.

— Они объединятся вокруг тебя, чем бы ни обернулось дело, — уверенно ответила Коригана.

— Нет, — покачал головой Линан. — Неожиданность, которую мы преподнесли им на собрании прошлой ночью, скоро увянет, и некоторые из вождей, настроенные против тебя, поймут, что сопротивляться мне совсем не опасно. Я ведь не привел с собой никакой армии, а восточные дела для них не имеют значения.

Коригана подумала над словами Линана и кивнула.

— Возможно, ты прав. Но воины Терина могут вернуться со сведениями лишь через несколько недель, если вообще доставят какие-то сведения.

— Значит, тем временем мы должны чем-то занять кланы.

— Каким образом? Они и так уже заняты зимними хлопотами.

— Значит, они должны быть заняты еще больше, — решил Линан. — Мы должны обучить их. Нам надо создать армию.

Два круга редко созывали дважды за одну зиму, но ни один из вождей не отказал в просьбе Линану. Собрание устроили вскоре

после того, как рассвело, и первый круг нетерпеливо сошелся погреться вокруг центрального костра.

Когда Херита призвала Линана выступить, он сразу объявил о своем намерении.

— Наемники представляют для четтов настоящую угрозу. Многие помнят, что они сделали кланам до войны с работорговцами. Мы должны помешать вернуться тем временам. А сделать это можно только одним способом — выступить против наемников раньше, чем они выступят против нас.

На это никто не возразил, раздалось даже несколько одобрительных криков.

— Для того, чтобы армия четтов воевала действенно, она должна быть обучена сражаться как единое целое.

Его слова встретили ошеломленным молчанием.

— Обучены? — переспросила через некоторое время Акота. — *Мы*? Обучены сражаться?

— Да, — спокойно ответил Линан.

— Но мы же четты, — сказала она, явно сбитая с толку подобной идеей. — Мы обучены быть воинами, как только достаточно вырастаем для езды верхом, а это случается еще до того, как научаемся ходить.

— Тем не менее, чтобы сражаться с наемниками, сражаться на востоке, вам понадобится обучение; и для войны с Аривой, если наемников против вас направляет она, вам необходимо обучаться.

Акота, похоже, хотела продолжить, но покачала головой. И вместо нее поднялся другой вождь.

— Меня зовут Катан, и я вождь клана Океана.

Херита взглянула на Линана, и тот кивнул Катану, разрешая продолжать.

— Чему нас, собственно, может научить по части боев кто-то там с востока?

— Никто не сомневается в превосходстве четтов по части смелости и мастерского владения луком и саблей, — чуть улыбнулся Линан. — Думаю, в этом отношении с четтами не может соперничать никто на всем континенте Тиир.

— Тогда о каком же обучении ты толкуешь?

— Отличные бойцы не обязательно делаются отличными солдатами.

— Это всего лишь слова, — насмешливо бросил Катан.

— Это не просто слова. — Камаль выступил вперед, встав рядом с Линаном. — Я видел, что происходит, когда обученная

армия сражается с необученной толпой. Дело всегда кончается резней. Никакой боец, независимо от его личной храбрости или умения владеть оружием, не может тягаться с обученным солдатом.

— Я могу доказать обратное, — выпятил грудь Катан.

Линан с миг посмотрел на него, окидывая вождя взглядом, а затем согласился:

— Отлично. Что ты предлагаешь?

— Мое боевое мастерство против самого лучшего солдата с востока. Я вызываю на бой Камаля Аларна.

Члены обоих кругов одобрительно взревели.

— Принимаю, — ответил Камаль. Снова одобрительный рев. Камаль высоко поднял голову и расправил плечи, положив руку на меч. Линан вдруг почувствовал себя маленьким рядом с этим великаном. Даже Катан словно сделался мельче, но не отказался от своего вызова.

Линан подождал, пока шум не поутих, и коротко отрубил:

— Нет.

— Малыш, да кто же еще?.. — уставился на него Камаль, разинув рот.

— Эйджер.

Эйджер вышел вперед и встал по другую сторону от Линана, скаля зубы, будто дружелюбный дурень.

— Это глупость! — вспылил Катан. — Победа над твоим горбуном ничего не докажет!

— С другой стороны, если мой горбун все-таки победит тебя, это докажет все. — Линан положил руку на плечо Эйджера. — Капитан Пармер обучен как солдат, а не просто как боец. Он сражался во время Невольничьей войны, командуя кендрийскими копьеносцами. В бою я без колебаний доверил бы ему свою жизнь.

— Ты берешь свой вызов назад, Катан? — спросила Херита достаточно громко, чтобы услышали оба круга.

— Нет, — пробурчал вождь.

Херита повернулась к Эйджеру.

— Тебе брошен вызов, Эйджер Пармер. Какое оружие?

— Катан может драться любым оружием по своему выбору, — небрежно обронил Эйджер и похлопал по сабле у себя на боку. — А я буду драться вот этим.

— Так же, как и я, — согласился Катан.

Первый круг расширился, освобождая пространство для бойцов.

— А правила? — спросила Херита.

— Я не допущу боя насмерть, — заявил Линан. И Катан, и Эйджер согласились.

— Тогда проигрывает первый, потерявший оружие? — предложила Херита.

— Первый, кому пустят кровь, — выдвинул свое условие Катан.

Херита посмотрела на Эйджера, и тот кивнул.

— Отлично. Первый, кому пустят кровь. Если кого-либо из противников случайно убьют, другой заплатит семье погибшего пять голов скота, включая быка не старше четырех лет.

— Я заплачу за Эйджера, — вызвался из второго круга Гудон.

Эйджер улыбнулся Гудону в знак благодарности и обнажил саблю. Катан, явно еще недовольный тем, что его втянули в нечестный бой, обнажил свою. Противники встали в десяти шагах против друг друга.

— Начали, — скомандовала Херита.

Катан сразу же бросился вперед, вращая над головой саблей. Эйджер же вместо того, чтобы отступить, быстро пригнулся и сделал выпад. Звякнули клинки — и сабля Катана внезапно взвилась в воздух. Она упала, вонзившись в землю, дрожа подобно камышинке.

— Оно и к лучшему, что мы деремся до первой крови, — легко обронил Эйджер.

Катан выругался вслух, выдернул саблю и снова двинулся на горбуна, хотя и осторожней, чем прежде. На каждый шаг Катана вперед Эйджер отвечал шагом назад. Линан следил за боем с веселым пониманием, поскольку и сам не раз бился один на один с капитаном.

Катан с раздражением сделал выпад. Эйджер с легкостью отбил клинок, а затем сблизился с противником на шаг, сделал полувыпад и чиркнул лезвием сабли по руке Катана, оставив длинный порез. Катан зарычал и отступил, зажимая порез свободной рукой; между пальцев у него сочилась кровь.

— Вот и все, — заключил Эйджер с легким удовлетворением, вытирая клинок и убирая оружие в ножны.

— Поединок окончен, — объявила Херита. — Победил капитан Эйджер Пармер. Катан из клана Океана потерпел поражение.

— Никто не сомневается в смелости или мастерстве Катана, — обратился к обоим кругам Линан. — Но теперь все вы не могли не видеть, что подготовка Эйджера — несмотря на его горб и единственный глаз — дала ему преимущество.

— Ты обучишь нас всех драться так же, как горбун? — раздался голос из второго круга. — Как шмыгающий в траве жук?

Некоторые рассмеялись, но большинство четтов остались безмолвными; они отлично понимали — Эйджер более чем доказал свое мастерство в честном бою.

— Пешим, в рукопашном бою, никто из нас не сможет драться лучше, чем Эйджер, — без гнева ответил Линан. — Но Камаль обучит вас кавалерийскому бою.

— Не сочтите за неуважение к Камалю Аларну, — сказала Акота, — но мы и так уже воины-всадники.

— И это будет огромным преимуществом для армии, — ответил Линан. — Но Камаль обучит избранных как ударную кавалерию.

— Мы потеряем мобильность, — указал еще один четт из второго круга.

— Хорошо обученная кавалерия никогда не теряет своей мобильности, — возразил Камаль.

Тут поднялся Эйнон, и Херита кивнула, разрешая ему говорить.

— Насколько большой будет эта армия?

— Сперва все кланы сообща выделят по десять своих воинов, — ответил Линан. — Эти десять помогут обучить десять других, и так далее до тех пор, пока каждый клан не даст армии число, равное одному из его Рогов. Это оставит каждому клану более чем достаточно воинов для защиты своих семей и скота.

— А кто будет ею командовать? — уточнил Эйнон. — Коригана?

— Я не буду ею командовать, — ответила ему Коригана. — Командиром будет Линан Розетем.

— Но ты будешь состоять в ней.

— Да, Эйнон, но и ты тоже сможешь, если пожелаешь.

— В качестве кого? — спросил Эйнон. — Я не дам опустить себя до дозорного.

Со стороны первого круга раздался громыхающий ропот согласия.

Линан подошел к Эйнону и пристально посмотрел в его покрытое шрамами лицо.

— Ни один хороший командир не станет попусту растрачивать способности такого опытного вождя, как ты.

Эйнон отвел взгляд. Вид жесткой, белой как снег кожи принца вызывал у него дрожь.

— Как и должно быть, — быстро сказал он.

Херита подождала, не пожелают ли высказаться какие-то другие вожди, но никто не поднялся воспользоваться этим правом.

— Похоже, ты получишь свою армию, — сказала Линану Херита.

* * *

Дженрозе просто не верилось, что эти маленькие каменные горны могут создавать такой жар. Верхний Суак покрыло слоем снега в несколько пальцев толщиной, но в этой части деревни снег таял, прежде чем долетал до земли. Она наблюдала за тем, как раздетые до пояса четты разравнивали граблями угольные слои, качали небольшие меха в виде рогов, забирали докрасна раскаленные ковши, наполненные расплавленной сталью, и разливали ее по формам. С того момента, как два круга согласились с Линаном на создание армии, кланы занимались отливкой оружия — сабель, наконечников копий и стрел, в том числе новых мечей и наконечников копий по планам, составленным Камалем и Эйджером.

В Кендре ей доводилось бывать в большой литейной мастерской, управляемой Теургией Огня, и хотя ее устройство производило впечатление, создаваемая ей жара не шла ни в какое сравнение с той, что вызывали эти примитивные четтские горны.

Дженроза заметила одну четтку, склонившуюся к устью горна, но, казалось, не принимавшую никакого участия в кипевшей вокруг нее работе. Ее лицо, шея и маленькие груди блестели от пота, а глаза были плотно закрыты, словно она на чем-то сосредоточилась. Дженроза пригляделась повнимательней и увидела, что губы четтки шевелятся.

«Это магичка», — с удивлением подумала Дженроза. Она знала, что у четтов были шаманы, практики магии, на которых мастера Теургии посматривали свысока. Но Дженроза ощущала уверенность, что эта женщина была не просто шаманкой.

Тут Дженрозу вежливо отодвинули с дороги двое четтов, тащивших ручную тележку. Они быстро выгрузили у горна пустые формы, загрузили обратно наполненные, а потом покатили назад, сопя от напряжения. Дженроза вернулась на свое место наблюдения за магичкой, но там теперь стоял мужчина, губы которого шевелились в безмолвном песнопении. Дженроза подняла взгляд и увидела первую магичку. Она стояла в стороне, разминая мускулы. Женщина оглянулась и увидела рассматривающую ее Дженрозу.

— Жаркая это работа, — улыбнулась она.

— Вы творили магию, — сказала Дженроза.

— О да, — согласилась женщина, и отошла туда, где лежало нечто, похожее на снег. Взяв две горсти, она обтерла себе лицо и грудь.

Дженроза неуверенно приблизилась к ней.

— Я вообще не знала, что четты умеют делать это.

Женщина странно посмотрела на нее.

— А почему бы нам не уметь?

— У вас же нет ни одной теургии.

— Верно, — весело кивнула женщина. — А это имеет значение?

Дженроза не знала, что ответить. Она всегда считала, что магия имела место потому, что существовала Теургия, которая организовывала и практиковала ее; магия не могла существовать без объединенного груза знаний — кропотливо и медленно накопленных за долгие века. Все прочее было иллюзией или простым шаманством — той мелкой магией, какую можно было собрать в природном мире.

Женщина огляделась в поисках своей рубашки и пончо, быстро оделась, а затем, прежде чем Дженроза успела среагировать, взяла руки Дженрозы в свои и внимательно изучила взглядом каждую ладонь.

— А, вижу, у тебя есть кое-какие способности.

— Я была всего лишь ученицей.

Женщина, казалось, удивилась.

— Я чувствую намного больше этого. — Она окинула лицо Дженрозы внимательным немигающим, но мягким взглядом больших карих глаз. — Правильно, я чувствую в тебе что-то очень великое.

Сама не зная почему, Дженроза призналась ей:

— Я умею творить магию смежных дисциплин.

— Дисциплин?

— Я способна на магию нескольких теургий: огня, воздуха, воды...

— А это было чем-то особенным?

— Да. В Кендре.

Женщина рассмеялась и покачала головой.

— Но только не в Океанах Травы. Это же надо себе такое вообразить — учиться ползать, но не ходить, бегать или лазать. Для меня это загадка.

— Ты обучаешь других?

Женщина пожала плечами.

— Подытоживающая много чем занимается. Я и всадница, и воин, и мать, и магичка — а иногда, всего лишь иногда, и обучаю.

— А много таких, как ты? — спросила удивленная Дженроза.

— В каждом клане есть по меньшей мере один маг или магичка. Я хороша в магии, это тебе скажут многие, но я отнюдь не Правдоречица.

— Правдоречица? Как мать Гудона?

— Гудона из клана Кориганы? — Дженроза кивнула. — Да, она была последней Правдоречицей четтов. Увы, Правдоречицы редкость, среди всех появляется, может, одна на каждые два-три поколения. Их чтят все кланы. Мать Гудона учила меня, когда я была еще маленькой. С тех пор, как она умерла, не появилось никого, притязающего на ее место.

— Подытоживающая, ты не могла бы обучить меня?

Теперь настала очередь Подытоживающей удивляться.

— Мне хотелось бы обучать тебя, но ты же с Кориганой.

— Почему это вызывает сложности?

— Я из клана Океана. Мне было бы невместно обучать тебя. Тебе следует найти мага в клане Белого Волка.

— Но тебя ведь обучала Правдоречица, а она была из клана Белого Волка.

— Правдоречица не принадлежит ни к какому клану, в каком бы из них она ни родилась.

— О!..

— Я знаю, что с Кориганой ездят хорошие маги, — сказала Подытоживающая.

— У меня их двое, — раздался голос позади них. Дженроза обернулась и увидела Коригану собственной персоной.

— Изготовление оружия идет хорошо, — доложила Подытоживающая.

— Вижу, — промолвила королева, но происходящее у горна ее, похоже, не интересовало. Она присоединилась к ним, непринужденно улыбаясь Дженрозе. — Мы не могли бы поговорить?

— Конечно.

— Вы должны извинить меня, — дипломатично сказала Подытоживающая. — Я устала и должна отдохнуть, прежде чем придет моя очередь петь огню.

Коригана кивнула, и Подытоживающая удалилась. Дженроза с некоторым сожалением посмотрела ей вслед. Она предпочла бы продолжить беседу.

Коригана взяла Дженрозу под руку и пошла к озеру. Неподвижные голубые воды были словно перевернутое вверх тормашками небо, и по их поверхности скользили отражения облаков.

— О чем ты желаешь поговорить? — спросила Дженроза.

Коригана поколебалась, а затем сказала:

— О Линане.

 — Линане?

— Думаю, он продемонстрировал изрядную зрелость для столь юного человека.

— Ты имеешь в виду — соглашаясь с тобой по вопросам стратегии?

— Возможно, — несколько смутилась Коригана. — Я думала больше о том, как он справился с ответственностью предводителя.

— Весьма необходимое качество для будущего короля.

Коригана внезапно остановилась.

— Ты надо мной смеешься?

— Я даже не понимаю тебя; как я могу над тобой смеяться?

— Мои мотивы достаточно ясны.

— Разве? Я знаю, что ты хочешь сделать Линана королем Гренда-Лира. Но зачем ты рискуешь будущим всего народа четтов, ставя на такую малоперспективную лошадку? Ведь Океаны Травы практически не затронуты внешними бурями.

— Так было не всегда. Ты слишком молода, чтобы помнить Невольничью войну.

— С той поры вы сплотились. Наемники не представляют угрозы вашему народу.

— Ты недооцениваешь способность капитанов наемников учиться и приспосабливаться не хуже нас.

Дженроза кивнула, уступая по этому пункту.

— Но дело не только в Рендле и ему подобных, не так ли?

— Что ты имеешь в виду?

— Это связано с тобой и твоей короной.

— Не стану притворяться, будто Линан не упрочил мое положение среди народа.

— Но этого недостаточно, не так ли?

— Для четтов — нет. С тех пор, как мы свыше ста лет назад попали под власть трона Гренда-Лира, мы всегда отдавали дань уважения далеким монархам. Нам это ничего не стоило. А теперь нам это может стоить очень многого.

— Из-за того, что вы поддерживаете Линана?

— Конечно, но есть и другие обстоятельства. Если Гренда-Лир нестабилен, Хаксус может попытаться привести нас под свое влияние, а его король сидит к нашей территории намного ближе. А что, если Хьюм отделится от королевства? Куда он станет расширяться? Не на юг в Чандру — Кендра этого не допустит. На север в Хаксус? Нет, Хьюм слишком мал, и вместо этого сам падет под натиском Хаксуса. Он может расширяться только на запад, в Океаны Травы.

— Но зачем вынуждать Линана стать королем?

— Затем, что я знаю — Хьюм давит на трон, добиваясь увеличения торговых выгод. И теперь, когда Ариве нужна вся возможная поддержка, она может уступить этим требованиям.

— Какое это имеет отношение к Линану?

— Хьюм может увеличить свою торговлю лишь двумя путями. Первый — за счет тех торговых прав, какие даны его главному сопернику, Чандре. Арива этого не допустит, так как ей нужна и поддержка короля Томара.

— А какой второй путь?

— Арива может передать Хьюму контроль над ущельем Алгонка.

Дженроза внезапно поняла.

— Но король Линан поддержал бы тебя против Хьюма.

Коригана кивнула.

— Мы не хотим владеть ущельем. Нам даже желательно, чтобы оно оставалось свободным караванным путем, не принадлежащим никакому королю или королеве. Тогда торговля между востоком и западом будет процветать и дальше.

— Для изолированной в Океанах Травы ты очень хорошо разбираешься в тонкостях политики королевства.

— Не повторяй ошибку Камаля, считая нас всего лишь кочевыми варварами. — Дженроза открыла было рот, собираясь возразить, что он никогда так не считал, но Коригана остановила ее, подняв руку. — Ты знаешь, что это правда. Это видно по каждому слову Камаля, по тому, как он смотрит на меня и других четтов. Большинство жителей востока глядят свысока, видя в нас лишь пастухов, воинов-всадников и потенциальных рабов; у Камаля, возможно, более широкий взгляд, но все равно мы для него варвары. Может, у нас и нет огромных городов и дворцов, Дженроза, но это не означает, будто мы глупы и невежественны.

— Нет, никак не означает.

— Я вижу, у тебя есть некоторое влияние на Камаля.

Дженроза резко подняла голову, посмотрев прямо на Коригану.

— В смысле?

— Вы с Камалем не только друзья.

— Ты шпионишь за мной? — Дженроза поставила вопрос ребром.

— Вы сейчас в *моем* королевстве, Дженроза Алукар, — грустно улыбнулась Коригана. — Здесь не происходит ничего, о чем я не знаю. А о твоих отношениях с Камалем Красных Щитов среди моих соплеменников известно всем. Хотя не могу сказать, знает ли о них Линан.

По-моему, нет.

— Это не твое дело.

— Ну, само по себе не мое. Но я озабочена тем, как это может подействовать на Линана, если он узнает, что вы с Камалем любите друг друга.

— А кто говорил о любви? — покраснела Дженроза.

— Я скажу о ней, даже если ты не признаешься в этом самой себе. Не думаю, что Линан влюблен в тебя, но я верно полагаю — одно время он считал, будто любит тебя?

— Об этом тебе следует спросить его.

— Но я спрашиваю тебя.

— Возможно, одно время он так и думал.

— И то, что он, вероятно, больше так не думает, не помешает ему ревновать к Камалю. Разлюбить — это одно, но когда предмет твоей любви любит другого — это тяжелый удар.

— Я не могу изменить того, что мы с Камалем... стали... испытывать друг к другу.

— Тогда ты скажешь о ваших чувствах Линану?

Дженроза зашагала прочь от Кориганы.

— Я уже сказала, это наше дело и больше ничье.

— Хотела бы я, чтобы так оно и было, — бросила ей вслед Кориган, но Дженроза не ответила.

За приозерной деревней властвовала настоящая зима. Скот сбился в кучу, опустив головы под холодными южными ветрами. Отряд из десяти верховых четтов, сбившийся в кучу с подветренной стороны невысокого холма, желал бы сидеть сейчас в хижинах или вокруг одного из сотен бивачных костров. Четты эти были из разных кланов и не разговаривали друг с другом. Камаль держался в стороне от них, и погода, по-видимому, совершенно на него не действовала.

— У вас нет доспехов, заслуживающих подобного названия, — говорил он им. — А то, что вы называете копьями — не более чем дротики. Лошади ваши хорошо обучены, но не очень-то хорошо скачут вплотную друг к другу. Вы не кавалерия.

Несколько четтов вызывающе на него посмотрели.

— Повторяю, вы *не* кавалерия, — отчеканил Камаль. — Видите вон тот одинокий стреловник в трехстах шагах к северу?

Четты оглянулись через плечо. Один-двое кивнули.

— Съездите туда на своих лошадях и вернитесь.

— И все? — спросил один из четтов.

— Пускайте лошадей только шагом.

Шесть минут спустя группа вернулась, все такая же замерзшая. Их лошади выглядели еще менее довольными.

— А теперь проделайте это снова, быстрым шагом.

Чуть меньше чем через шесть минут они снова вернулись. В то время как четты выглядели такими же несчастными, как и до того, даже еще больше сбитыми с толку, их лошади, казалось, более сознавали окружающее.

— А теперь — на то же расстояние рысью. Когда вернетесь, проскачите его кентером*. А потом галопом.

К тому времени, когда они закончили три пробежки, и лошади, и всадники несколько согрелись; проделанные упражнения также обострили их интерес.

— Еще раз, — велел Камаль. — Быстрым шагом. Выстроившись в один ряд и не более чем в трех шагах друг от друга.

На этот раз он внимательно следил за тем, как они едут. Ему никогда не доводилось видеть никого, кто сидел бы на лошади более естественно, чем четт, а связь между четтом и его кобылой казалась чуть ли не телепатической, но вот вместе четты скакали с куда меньшей упорядоченностью и изяществом.

— У вас сложности с сохранением близкого расстояния, — уведомил он их, когда они вернулись.

— Нам стало тесно, — сказал один из четтов.

— Привыкайте к этому. На этот раз держитесь на том же расстоянии, но двигайтесь рысью.

В итоге получилась еще большая дезорганизованность. Камаль заставил их снова проехать быстрым шагом, и на сей раз кобылы и всадники сумели добраться до стреловника, сохраняя нечто похожее на ровный строй. И тогда он велел им проделать маневр кентером. Кавардак.

— А теперь еще раз, но снизьте аллюр до рыси.

Вышло получше, и теперь уже всадники начинали понимать, в чем смысл смены аллюра и постоянного расстояния. А их лошади привыкали скакать неподалеку друг от друга.

— Давайте попробуем проскакать галопом! — взволнованно предложил один из четтов.

— Рано пока, — твердо сказал Камаль. — На сегодня достаточно.

— Но мы же только-только начали! — пожаловался тот же юноша.

Камаль невольно усмехнулся. Ему нравился их энтузиазм. Он знал, что в грядущие дни и недели он им очень даже понадобится.

* *Кентер* — легкий галоп.

— Я сказал, что на сегодня достаточно. Возвращайтесь сюда завтра, в то же время.

Четты кивнули и разъехались.

— Так вот, сабля — интересное оружие, — сказал Эйджер. — И полезное, когда сражаешься верхом на лошади. Но когда ты пеший, есть оружие получше.

Собравшаяся перед ним группа четтов смотрела и слушала с острым интересом. Как и в группе Камаля, они были из разных кланов. Новость о победе Горбуна над Катаном распространилась с быстротой степного пожара, и они хотели узнать, как же он это сделал. И им также было любопытно, что у него в принесенном с собой мешке.

— Но четты же не сражаются пешими, — возразил один из них.

— Пока, — пробормотал про себя Эйджер, а вслух сказал: — Уроки, которые я вам преподам, пойдут на пользу, если вы будете драться стоя, верхом, согнувшись или ползком. — Он показал на заговорившего четта. — Тебя как зовут?

— Орлма.

— Подойди сюда, Орлма.

Орлма нервно посмотрел на своих сотоварищей, но выполнил просьбу Эйджера. Эйджер бросил мешок на землю и извлек из него два деревянных меча, один похожий на саблю, а другой покороче и пошире по сравнению с ним.

— Гладиус, — произнес Эйджер, и четты услышали в его голосе нечто, похожее на благоговение.

— Этот будет потяжелей любой сабли, какую я держал в руках, — отметил Орлма, вертя в руке учебное оружие.

— К тому времени, когда я закончу обучать всех вас, собственные сабли будут казаться вам легкими как перышко. Нападай на меня.

Четт усмехнулся.

— Я не повторю ошибки Катана, капитан Горбун.

— Рад это слышать. А теперь нападай.

Орлма осторожно двинулся вперед, держа саблю чуть выше уровня пояса, слегка приподняв острие. Он ожидал, что противник отступит перед его более длинным клинком, но Эйджер вместо этого ждал его чуть ли не скучая.

— Хорошо ею владеешь, не так ли?

Четт нахмурился и занес саблю над головой для рубящего удара. Но прежде, чем он успел что-либо сделать, Орлма

почувствовал, как твердое острие деревянного оружия Эйджера ударило его в грудь, и воин упал.

— Еще раз! — приказал Эйджер. Четт кое-как поднялся на ноги, снова выставил перед собой саблю и помедлил, желая посмотреть, станет ли атаковать Эйджер. Эйджер атаковал. Увидев удобный случай, Орлма повернул запястье и взмахнул саблей, метя горбуну в живот. Эйджер отступил на полшага, дав сабле просвистеть мимо, а затем сделал выпад, снова угодив противнику в грудь.

— Я разберусь, как ты это проделываешь, — пообещал Орлма, вторично подымаясь с земли.

— Не трудись, — посоветовал ему Эйджер. — Я сам тебе скажу. Стань, где стоял.

Четт выполнил приказ. Эйджер встал перед ним на расстоянии удара.

— Может ли любой из вас промахнуться на таком расстоянии? — спросил он остальных четтов. Все покачали головами. — Теперь медленно начинай свою атаку, — велел он своему противнику. Орлма откинул руку назад, а Эйджер просто ткнул перед собой так, чтобы острие его гладиуса остановилось над сердцем четта.

— Чтобы ударить меня, противник должен сделать два шага со своей саблей. А мне надо сделать только один. Вот в этом-то и состоит преимущество колющего оружия над рубящим.

— Но когда ты побил Катана, то дрался саблей, — указал один из четтов.

— Это потому, что я умею драться пешим, а Катан — нет. Если у вас только сабля или тесак, всегда делайте свои движения как можно менее длинными. Чтобы убить врага, совсем не обязательно отрубать ему голову. Перерезанная артерия справится с ним ничуть не хуже, и почти так же быстро. Что еще важнее, для победы в бою не обязательно убивать врагов; можно вывести их из строя, а прикончить потом. Обнажите сабли. — Эйджер проверил три клинка. — Как я и думал. Вы затачиваете их ровно.

— Это единственный способ сделать их достаточно острыми, — сказал Орлма.

Эйджер обнажил собственную саблю и предложил Орлме попробовать наощупь ее лезвие.

— Оно неровное.

Горбун извлек из мешка короткую ветку и положил ее на два камня.

 — Перерубы ее своей саблей, — предложил он Орлме.

Четт размахнулся как можно выше и со свистом опустил клинок. Тот врезался глубоко в ветку. Он потянул оружие на себя, высвобождая его, а затем поднял ветку, показывая остальным, насколько глубоко он врубился в нее.

— Будь это тело врага, сабля разрубила бы его до самых почек! — похвалился он.

— Ах как верно, — усмехнулся Эйджер. — Положи ее обратно.

Теперь Эйджер взмахнул собственной саблей. Клинок вонзился далеко не так глубоко, но и вышел из деревяшки без всякого труда, а оставленный им разрез получился широким и рваным. Эйджер поднял ветку.

— Будь это тело врага, такой удар уничтожил бы ему не только почки. Подобную рану нельзя исцелить, и моя сабля выходит с легкостью.

По кучке зрителей пробежал пораженный шепот.

— А теперь я хочу, чтобы вы пошли и сделали себе деревянную саблю и короткий меч. Сделайте их к завтрашнему дню, и мы начнем ваше обучение.

После вечерней трапезы Линан отошел от бивачного костра и своего круга друзей. Он обнаружил, что ему спокойней в одиночестве, и это открытие как-то приводило его в замешательство. Он вырос одиночкой, так как заботливая опека Камаля создавала лишь легкое и иногда угрожающе отдаленное присутствие, но во время бегства из Кендры в Океаны Травы Линан научился полагаться на постоянное товарищество и защиту со стороны Камаля и Эйджера, Дженрозы и Гудона. Он по-прежнему искренне переживал за них, но все больше ощущал потребность отделиться от спутников, сохранять некоторую дистанцию между своей прежней жизнью и нынешней.

Свет костра отражался от его жесткой, бледной кожи, и юноша провел пальцем по голубой жилке на одной из рук. Он нащупал пульс и, понимая, что это нелепо, все же испытал немалое облегчение. Линан знал, что никакой он не вампир, но все же инстинктивно понимал , что он более и не совсем человек. Он не переставал гадать, сколь много в его новообретенной уверенности — его изменившейся натуре — вызвано кровью Силоны. Ему хотелось быть существом, созданным им самим, основанным на его собственном опыте и приобретенных знаниях, но он не мог отделаться от мысли, что присущие Силоне целеустремленность и мрачная потребность в изоляции в какой-то мере передались и ему.

Он наблюдал за своими гревшимися у костра спутниками. Непринужденно улыбающийся Гудон наклонил голову поближе

к голове Эйджера. Между этими воинами образовалась прочная дружба, и Линан увидел некоторое их сходство по духу — соединение внешнего цинизма и принятия существующего миропорядка. Рядом с Эйджером сидела Коригана, которая, чувствовал Линан, так же, как и он, разрывалась между двумя натурами. Возрастом не намного старше его, она уже хорошо знала обычаи монарха. В ней присутствовала некая яростная решимость, которая немного пугала его, но являлась чем-то таким, что он теперь узнавал и в себе самом.

И потом была Дженроза — по-прежнему казавшаяся ему прекрасной, несмотря на свою знакомость. Она уже не прикрикивала на него и не шутила над ним при других. Когда она смотрела на него, он видел в ее глазах печаль и чувство вины за свой поступок, которые спас ему жизнь, сделав его тем, чем он стал. Он не знал, как сказать ей, что она поступила правильно, и ему приходило в голову, что он и сам точно не знал, правильно ли она поступила. А рядом с Дженрозой сидел Камаль, отец-не-отец, опекун и товарищ, советник и опытный воин. Между ними теперь возникла напряженность, и Линана это печалило.

Глядя на спутников, Линан вдруг увидел, как Камаль и Дженроза подержались за руки. Контакт был недолгим, но внезапное осознание поразило Линана, словно удар в живот. Он перестал дышать.

«Нет. Это невозможно».

Пара быстро переглянулась, соприкоснувшись взглядами в соединении столь же коротком и интимном, как и держание за руки.

Линан отвернулся от костра и зашагал в ночь.

— У нас есть новые мечи, которые ты просил сделать, — сообщил Гудон Эйджеру. — Пока еще только горстка.

— Уже? — удивился Эйджер. Кузницы проработали всего три дня.

— Мы бы изготовили их еще вчера, да первая отливка треснула.

— Можно посмотреть на них?

— Конечно. Надо сходить в деревню.

Друзья извинились перед остальными и ушли. Когда они удалились от тепла костра, Эйджер поплотнее закутался в пончо и с завистью посмотрел на Гудона, шагавшего так, словно стоял знойный летний вечер. Ему думалось, что к такой штуке, как холод, он не привыкнет никогда. Дыхание его превращалось на ночном воздухе в пар. Сделавшаяся ломкой трава хрустела у них под ногами, и этот хруст был единственным звуком, кроме доносящегося издали мычания скота.

Они прошли между стреловников, ловя на себе взгляды со стороны других бивачных костров. Эйджер не видел никого во-

круг, но каким-то образом чувствовал тяжелое присутствие тысяч четтов, окружавших их.

«Здесь, должно быть, сто́лько же народу, сколько проживает в городах Спарро или Даавис, — подумал он, — но с таким же успехом эти люди могли бы быть призраками».

Приблизившись к деревне, Эйджер услышал шум горнов и стук молота, свирепое шипение разливаемой в формы стали. Звуки сплошь механические, неуместные здесь, в Океанах Травы. Впереди он увидел желтый отблеск расплавленного металла и гневное рдяное пылание горячих углей.

Прежде чем они достигли горнов, Гудон отвел его к хижине. Новое оружие аккуратно стояло у деревянной рамы. Эйджер увидел короткие мечи и нетерпеливо схватил один за хвостовик.

— Когда они будут закончены?

— Скоро. Рукоять мы делаем из кости, а поверх нее обматываем кожей и жилами. Как тебе?

— Трудно сказать, пока рукоять не закончена, но вес, похоже, какой надо. — Эйджер вынес меч из хижины и поднес к глазам, внимательно изучая клинок при свете луны. Клинок был неотшлифован, но казался плоским и тупым. — Над ними нужно еще немного поработать, но, думаю, они получатся отличными.

— Будь у нас побольше времени, мы могли бы проковать их, но чтобы получить нужное тебе число, пришлось удовольствоваться отливкой.

Эйджер хмыкнул. Не выпуская из руки хвостовика, он приложил острие меча к большому камню и наступил на клинок. Острие чиркнуло по камню, выбрасывая в воздух снопы искр.

— Прочный. — Он рубанул лезвием клинка по камню и с удовлетворением вслушался в звук. — Клинок совсем не хрупкий. Хорошая работа. — Эйджер вернул незаконченный меч обратно. — Вернемся к костру. А то я замерзаю.

— У тебя будет время привыкнуть к этому, — усмехнулся Гудон.

— И от этого мне полагается почувствовать себя лучше?

— Надеюсь, что нет.

Они прошли уже полпути обратно к костру, когда Гудон вдруг остановился и, нахмурясь, чуть склонил голову набок, словно к чему-то прислушиваясь.

— Что случилось? — спросил Эйджер.

— Что-то не так.

— Что именно?

— Сам не...

Раньше, чем он успел закончить фразу, из непроглядного мрака, окружавшего их, поднялись темные фигуры. Эйджер увидел отблеск лунного света на стали. Без единого крика или боевого клича незнакомцы разом набросились на них. У Эйджера хватило времени выхватить саблю, но ее вышибли у него из руки прежде, чем он успел замахнуться. Он бросился вперед, прямо под ноги ближайшему из неизвестных, и они вместе рухнули на снег. Он вцепился пятерней в лицо врага, нащупал что-то мягкое и изо всех сил надавил пальцами. Раздался пронзительный женский визг. Эйджер скатился с тела и зашарил по земле в поисках сабли. В воздухе свистнул клинок; он снова откатился и услышал, как лезвие вонзилось в землю там, где только что была его голова. Резко ударив ногой, он отбросил саблю врага, а затем тяжело поднялся на ноги. Ему тут же заехали по уху кулаком. Эйджер вскрикнул от боли, пригнулся и бросился вперед, но нападавший ушел с линии атаки; Эйджер споткнулся, снова упав наземь, перевернулся на спину — и сделал это как раз вовремя, так как увидел надвигающийся на него силуэт с высоко занесенной саблей. А затем силуэт дернулся и упал, и Эйджер увидел, как Гудон круто развернулся навстречу уцелевшим противникам.

Ругаясь на чем свет стоит, Эйджер вторично поднялся на ноги, подобрал саблю павшего врага и присоединился к Гудону. Они разделились, тесня напавших в разные стороны. Луна оказалась у Эйджера за спиной — и он ахнул от удивления.

— Катан! — прошипел он.

Четт попытался отступить, но Эйджер рассвирепел и удвоил усилия. Их клинки высекали искры в ночи. Эйджер сделал выпад, еще один, пытаясь действовать острием, но Катан оказался слишком проворным. Эйджер парировал удар в шею, перенес правую ногу назад и молниеносно развернул корпус. И услышал, как клинок Катана, нацеленный в его сердце, свистнул мимо. Лезвие его сабли ударило четта в бок и дернулось в руке, проламывая грудную клетку. Катан громко втянул воздух, удивленно поднял взгляд на противника и упал как сноп. Сабля Эйджера выскользнула из раны легко, словно выходя из ножен.

Эйджер резко развернулся и увидел, как Гудон вытирает клинок о пончо лежащей у его ног убитой женщины.

— Это был Катан. — Эйджер показал на труп вождя.

— И жена Катана, — добавил Гудон. Вместе они подошли к первому убитому.

— Сын Катана? — спросил Эйджер.

Гудон кивнул.

— Ни отец, ни сын не отличались мастерством в сабельном бою. А вот женщина отлично владела саблей. Лучше меня.

— Как же ты ее победил?

— У нее из одной глазницы хлестала кровь, — хмыкнул Гудон.

— А-а... — Эйджер бросил позаимствованную саблю и нашел свою. — Как по-твоему, кого они собирались прихлопнуть? Тебя за поддержку Кориганы или меня за унижение Катана на глазах у двух кругов?

— Или Катан хотел в какой-то мере лишить поддержки Коригану и Линана?

— По собственной инициативе?

— Никак не выяснить. — Гудон пожал плечами. — Ты не ранен?

— Ухо онемело и в голове звон, как от боя колоколов.

— По крайней мере, ты не слышишь, как свистит воздух в твоем перерезанном горле.

Тут появились другие четты; многие несли факелы. В скором времени их окружила небольшая толпа.

— Нам следует идти дальше, на случай, если появится еще кто-то из клана Океана и решит отомстить, — тихо посоветовал Гудон.

Вскоре они оставили толпу позади.

— Если Катан охотился на нас с целью ослабить положение Линана, — размышлял Эйджер, — и был лишь одним из многих недовольных вождей, то они могут попытаться убить самого Линана.

— Верно.

— Ему нужны телохранители.

— Верно.

— А телохранителям нужен капитан. Некто, знающий, как мыслят четты. Тот, кто выберет в свой отряд только самых преданных воинов.

Гудон обдумал предложение.

— У тебя есть какие-то мысли насчет того, кто бы это мог быть?

— Уверен, у тебя какие-нибудь найдутся, — сказал Эйджер и добавил: — Думаю, тебе не придется искать далеко.

ГЛАВА 11

Ариве было холодно у себя в опочивальне. В камине пылал огонь, через восточное окно лился утренний свет, но она все равно мерзла. Камеристки уложили ей волосы, затем одели ее. Когда

закончили с платьем, были надеты также кольца и тиара, а также венок из звездовок — единственных цветов, которые цвели зимой. И, наконец, камеристки осторожно повесили королеве на шею Ключ Скипетра и Ключ Меча. Кто-то постучался, и дверь медленно открылась. В проеме появилось лицо Харнана Бересарда.

— Ваше величество?

— Можешь войти, Харнан. Я закончила одеваться.

Он сделал несколько шагов в опочивальню и охнул, глядя на нее.

— Ваше величество! Вы... — Он несколько раз открыл и закрыл рот, но так и не смог произнести ни слова.

Арива повернулась к секретарю. Ее платье — слои бело-золотистой шерсти — прошуршало по деревянному полу. Харнан пораженно покачал головой. Если бы зима могла быть воплощена, подумалось ему, она выглядела бы, как его королева. Высокая и бледная, суровая, болезненно прекрасная. Вся, кроме глаз, взгляд которых блуждал.

— Что случилось? — спросил он.

Арива кивнула камеристкам, и те поспешили удалиться.

— Я правильно поступаю? — спросила она.

Харнан моргнул. Он никак не ожидал, что королева огласит подобный вопрос.

— Ваше величество?

— Выходя замуж за Сендаруса. Это правильный поступок?

Харнан беспомощно развел руками.

— Весь Гренда-Лир в восторге. Все рады за вас. Безумно рады.

Арива выглядела разочарованной, но кивнула. Харнан покраснел, понимая, что ответил как-то не так, но он не знал, какой ответ будет «тем».

— Чего ты хотел?

— Уведомить вас, что прибыл король Марин.

— А... Хорошо.

— Он хотел узнать, не пожелаете ли вы принять его сразу же.

— Пусть сперва поздоровается с сыном, — покачала головой Арива. — Они несколько месяцев не виделись друг с другом. А у меня и после свадьбы будет много случаев поговорить с королем... с моим свекром. — Она сглотнула.

— Как пожелаете. — Харнан поклонился и двинулся к выходу, но заколебался. У него возникло невольное ощущение, что ее не следует оставлять одну.

— Есть что-то еще? — невыразительно спросила Арива.

— Нет, ваше величество. — Он снова поклонился и направился к двери. Та открылась прежде, чем он добрался до нее, и в

опочивальню вошел Олио. Харнан встретил его появление неслышным вздохом облегчения.

— Д-доброе утро, сестра,— весело поздоровался Олио.

— Я правильно поступаю? — сразу же спросила она и у него.

Олио бросил взгляд на Харнана; секретарь поднял брови, но ничего не сказал, а затем вышел.

— В чем?

— Не валяй дурака, — резко сказала она, а затем закрыла глаза. — Извини.

— Ты любишь Сендаруса? — осторожно спросил Олио.

— Всем сердцем.

— Значит, ты волнуешься о королевстве.

— Я его королева, — кивнула Арива.

— Но ты еще и женщина. Никакое королевство не требует, чтобы его правительница сохраняла целомудрие. — И он улыбнулся своему выбору слов, отлично зная, что с целомудрием как раз сложностей не возникало. — Или безбрачие.

— Но замужество не с кем-либо из Двадцати Домов?

— Наша мать тоже вышла не за кого-то из Двад... — Олио со стуком закрыл рот и мысленно обругал себя.

— И произвела на свет Линана.

— Но ты-то в-выходишь не за простолюдина, — возразил Олио. — Ты выходишь замуж за принца.

— И вступая в брак, заключаю союз.

— Невозможно з-заключать союз с покоренной п-провинцией.

— Выходя замуж за Сендаруса, я поднимаю Аман с колен. Ему больше не нужно преклоняться перед Кендрой.

— М-может, это не так уж и плохо.

Арива посмотрела на него с чем-то, похожим на отчаяние.

— Ты это серьезно?

— Да, если Гренда-Лир хочет быть чем-то большим, чем Кендра.

— Хотелось бы верить. Но я все гадаю: а не выдумываю ли я всяческие оправдания моей любви к Сендарусу?

— М-могущество Двадцати Домов д-должно быть снижено. А привнесение новой королевской крови поможет это сделать. — Его слова, похоже, не убедили Ариву. Он подошел к ней и взял ее руки в свои; они оказались удивительно холодными на ощупь. — Хоть я и не думаю, что на Тиире есть кто-то, равный тебе, Сендарус, подозреваю, к этому ближе всех. Ваш союз усилит королевство, уж в этом-то я уверен.

Арива наклонилась и поцеловала брата в щеку.

Тот застенчиво улыбнулся и, отступив на шаг, развел ее руки в стороны, чтобы как следует рассмотреть ее.

— Ты ве-великолепна.

— Я чувствую себя заледеневшей, — тускло ответила она.

Олио озабоченно поглядел на нее, но она отказывалась встретиться с ним взглядом.

— Ничего, согреешься, когда рядом с тобой будет Сендарус, — утешил он, надеясь, что это окажется правдой.

Дворцовый служащий, которому Харнан поручил проводить Марина к сыну, терпеливо ждал аманитского короля у входа в гостевое крыло. Марин, вместе с несколькими помощниками и телохранителями, стоящими рядом, все еще разглядывал город из окна дворца. По выражению лица короля слуга видел, что тот изумлен увиденным. Он был недалек от истины, но происходящее в данный момент в голове короля было потоком более сложных чувств.

«Вы только посмотрите на величину этого местечка! Я знал, что оно огромно, но и понятия не имел, до какой степени». Его собственная столица, Пилла, считалась одним из самых больших городов на континенте, но по масштабу была несопоставима с Кендрой. «И мой сын женится на ее хозяйке».

Он покачал головой и грустно улыбнулся самому себе. Кендра произвела на него такое сильное впечатление, что он запросто мог ошибочно принять ее за все королевство, и впервые понял, отчего граждане Кендры могли стать надменными. «Их гордость не назовешь беспочвенной».

Он услышал, как служащий вежливо кашлянул. Отвернувшись от панорамы города, король проследовал за провожатым в крыло для гостей, где снова остановился. Каменные стены по обе стороны от него высились, словно горные склоны. Потолок казался таким далеким, что мог быть чуть ли не небом. Он заметил, что спутники его охвачены ничуть не меньшим трепетом. «Мы должны казаться этому писаришке неотесанными сельскими мужланами», — подумал Марин.

— Ну, может так оно и есть.

— Ваше величество? — не понял писец.

Марин покачал головой.

— Где мой сын?

— Покои принца неподалеку отсюда; не последуете ли за мной...

Они проходили через залы с гобеленами во всю стену, мимо настенных росписей и фресок, пестрящих цветами, как летний луг. Вокруг сновали служащие и придворные, а иногда и знатные особы, безмолвно кивая в знак приветствия. Они миновали стену, часть которой состояла из сплошного куска стекла, и на один захватывающий миг гости увидели залив Пустельги, лежащие за ним земли и огромную, раскинувшуюся на переднем плане Кендру, вписанную в пейзаж, словно картина в раму.

Наконец служащий замедлил шаг возле галереи, пересекавшей их путь под прямым углом, свернул налево и остановился перед большой двустворчатой дверью. Постучавшись, он открыл створки и посторонился, давая войти Марину и его свите.

Сендарус, окруженный слугами, помогавшими ему одеться, выглядел, словно фруктовое дерево, атакованное стаей птиц. Принц стоял спиной к двери. А в другом конце залы, неотрывно глядя в окно, стоял Оркид.

— Кто там? — не оборачиваясь, спросил Сендарус.

Никто из слуг не узнал Марина, но все догадались, кем он должен быть, и отошли от принца, чтоб тот сам мог обернуться и посмотреть. При виде отца лицо его расплылось в широкой улыбке, но Марин приложил палец к губам — и озадаченный Сендарус ничего не сказал. Марин подошел к Оркиду и, встав у него за спиной, посмотрел через его плечо туда же, куда и он. Вдали виднелись самые высокие горы в Амане, нечеткие и темные на фоне горизонта.

— Скучаешь по дому? — спросил Марин.

Оркид кивнул.

— Все больше и больше. — Он нахмурился. Голос походил на голос Сендаруса, но был более глухим, более низким. Канцлер оглянулся через плечо и увидел Марина. Челюсть у него так и отвисла.

— Ну здравствуй, брат, — сказал Марин и раскрыл объятия.

Оркид вскрикнул от радости и обнял брата, колотя его по спине.

— Владыка Горы! — воскликнул он. — Владыка Горы! Я знал, что ты сумеешь!

Марин столь же горячо обнял его. Они отстранились, но по-прежнему держали друг друга за руки.

— Наш корабль причалил меньше часа назад. Шторм задержал нас за четыре дня пути до Кендры.

— Я уж думал, мы утонем, — добавил голос из свиты Марина.

— Амемун! — дружно воскликнули Сендарус и Оркид.

Старый аманит поклонился им.

— Во плоти, и не благодаря морским богам.

— Амемун преувеличивает, — возразил Марин. — Через день шторм закончился.

— Через два дня, — огрызнулся Амемун. — И я ничуть не преувеличиваю.

Братья все еще держались за руки, словно боялись, что если разожмут их, то не увидятся друг с другом еще двадцать лет. Сендарус подошел к ним и положил руку отцу на плечо.

— Ну, теперь ты здесь, целый и невредимый.

— Даже морские боги не помешали бы мне явиться на твою свадьбу, — ответил ему Марин. Оркид отпустил его, чтоб король мог обнять сына. — Так какая же она?

— Арива?

— Да кто же еще, мой мальчик! Амемун в своих донесениях расписывал мне ее в самых восторженных выражениях. Я им, конечно же, не верю.

— Она замечательная, отец. Это самая прекрасная женщина на Тиире. Самая...

— Довольно! — воскликнул Марин, подымая руку. — Теперь и ты говоришь, словно Амемун, а одного такого достаточно, спасибо.

— Вот и все уважение, которого я добился у твоего отца после десятилетий верной службы, — пожаловался принцу Амемун.

— Амемун и Сендарус говорят об Ариве чистую правду, — сказал Оркид. — Она исключительная особа.

— Вот тебе я верю. — Марин кивнул. — Ты смотришь на все настолько мрачно и равнодушно, что если уж ты говоришь об исключительности этой кендрийской королевы, то она, должно быть, и впрямь единственная в своем роде.

— Ты сам увидишь ее на свадьбе сегодня вечером, — заверил его Сендарус.

Марин кивнул.

— Это будет великой кульминацией.

— Кульминацией? — Сендарус вопросительно посмотрел на отца.

— Любви между тобой и Аривой, — быстро сказал Оркид.

Марин кашлянул в кулак.

— Да.

— Где мы разместимся? — спросил Амемун, чтобы сменить тему.

— Да прямо здесь! — весело ответил Сендарус. — В конце концов, после свадьбы мне эти покои будут уже не нужны. Что вы думаете о дворце?

— Он очень просторный, — осторожно промолвил Марин.

— Он огромный, — сказал Сендарус. — Я все еще не привык жить здесь.

— Ты скучаешь по горам? — спросил Марин.

— Да. И по лесам. — Принц на мгновение умолк, а затем добавил: — Владыка Горы кажется очень далеким.

— Но он по-прежнему в Амане и по-прежнему слышит твои молитвы, — мягко заверил его Амемун.

— Он определенно улыбнулся мне, — согласился Сендарус, отводя взгляд, и нетерпеливо встряхнул головой. — Вы, верно, хотите отдохнуть после долгого пути. — Повернувшись к одному из слуг, он попросил принести горячую воду и духи. Слуга тут же улетучился. — В соседней комнате есть большая ванна. Где ваши сумки?

— Несут следом за нами, — ответил Амемун.

— Я позабочусь, чтобы их отправили сюда.

Марин рассмеялся и повернулся к Оркиду.

— Нас просят удалиться?

— У жениха перед свадьбой дел много, — дипломатично ответил Оркид.

Сендарус поцеловал отца в щеку.

— Я никак не могу удалить тебя, отец. Ты всегда в моих мыслях.

Марин потрепал Сендаруса по щеке.

— Но, думаю, только не сегодня ночью. Хотя спасибо. — Он повернулся к свите. — Ну, ступайте. От нас, должно быть, несет, как от медведей перед спариванием.

Еще один слуга провел гостей в соседнее помещение, оставив Сендаруса и Оркида одних, если не считать слуг. Оба какой-то миг смотрели друг на друга, сияя от радости.

— Я и не сознавал, как сильно тоскую по нему, — признался Оркид.

— Я знаю, что он тоже тосковал по тебе, — мягко ответил Сендарус. — Ты никогда не бывал далек от его мыслей.

«Так же, как и план, — подумал Оркид. — И теперь, наконец, мы оба сделали для Амана все, что в наших силах. Остальное решит судьба».

Арива, по-прежнему мерзнущая, сидела на троне, мечтая быть где-нибудь в другом месте. Она почувствовала лежащую у нее на плече руку Олио и чуть повернула голову, посмотрев брату в глаза. Они были полны любви к ней, и на душе у нее стало легче. Она взглянула направо, туда, где стоял Оркид, и с удивлением увидела, что лицо его совсем не строгое. «Это с ним впервые», — подумала Арива. Уж

не тень ли улыбки заметила она на губах канцлера? Если да, то она никогда не скажет ему об этом; он ужаснется, узнав, что может быть столь же человечен, как и весь остальной двор.

Тронный зал перед ней был заполнен людьми, по большей части простолюдинами, и, глядя на них, она невольно ощутила гордость от того, что была их королевой. «Это мой народ. Я служу ему, как и он служит мне. Он понимает». А затем она взглянула на представителей Двадцати Домов, стоящих между троном и толпой. Она видела за деланными улыбками их истинное настроение. Ах, как им хотелось бы, чтобы люди не понимали свою королеву! «Что бы они ни делали, им не по силам разорвать узы, связывающие меня с моим народом».

Огромные двери в конце зала многократно отразили гулкое «бам-м»; звук эхом разнесся по просторному залу с высоким потолком. Некоторые из присутствующих подпрыгнули. Еще один удар, пауза — и третий. Двое стражей распахнули двери; за ними стоял Деджанус, коннетабль королевской гвардии, с большим дубовым копьем в руке. Позади него выстроились еще десять гвардейцев, за ними — свита жениха; замыкала шествие вторая десятка гвардейцев.

Медленным размеренным шагом Деджанус проследовал во главе процессии в тронный зал. Когда вошел Сендарус, все взгляды устремились на него, и даже недоброжелатели восхитились тем, как замечательно он выглядит в свадебном наряде — крашеных льняных штанах и куртке из выделанной шкуры медведя. Не считая узкой золотой короны, украшенной некрупными рубинами, принц шел простоволосым. Когда процессия приблизилась к самому трону, гвардейцы отделились и выстроились по обе стороны прохода в толпе. Деджанус остановился перед королевой, по-прежнему находясь впереди Сендаруса и его свиты.

На мгновение воцарилась тишина. К этому времени в зал набилось еще больше простолюдинов, как один вытягивающих шеи, чтобы хоть мельком самолично увидеть то величие, какого они требовали от подобных событий государственного значения. Все действующие лица оставались совершенно неподвижными, дожидаясь следующего акта.

Арива мягко коснулась руки Олио, и тот выступил вперед.

— Кто предстал перед Аривой Розетем, дочерью Ашарны Розетем, королевой Кендры и через сие королевой Гренда-Лира и всех его королевств?

— Принц Сендарус, сын Марина, короля Амана, — официально ответил Деджанус.

— Чего желает принц Сендарус, сын Марина, от королевы Аривы?

— Покориться ее воле.

Олио повернулся к сестре.

— И какой же будет в сем д-деле воля королевы Аривы?

Арива встала, обвела взглядом всех присутствующих в зале и наконец остановила его на принце Сендарусе. Она сглотнула, но не отвела взгляд.

— Взять его за себя, телом и душой. Ибо он самый преданный и любящий из моих подданных.

Простолюдины разразились одобрительным ревом, приветственными криками и аплодисментами. Лицо Сендаруса расплылось в улыбке счастья и облегчения. В тот миг Арива почувствовала себя так, словно над головой у нее взошло ее собственное, личное солнце, и терзавшие ее холод и страх испарились, словно их вовсе и не было.

«Я поступила правильно, — с уверенностью поняла она. — Я выполнила свой долг в согласии со своей совестью и своим сердцем».

Как и полагалось по традициям Кендры, сама свадебная церемония была делом недолгим и частным, на ней присутствовали только Арива с Олио в роли ее опекуна, Сендарус с Марином, примас Гирос Нортем и двое свидетелей — Харнан и Амемун. Деджанус стоял на страже у дверей.

Сияя при виде пары, Нортем со степенной четкостью совершил брачные обряды и соединил руки новобрачных. Принц поцеловал ладонь королевы и с этим жестом стал ее мужем, ее консортом и ее первым подданным, превыше всех в королевстве. Молодожены долго смотрели друг другу в глаза; остальные держались позади со смесью гордости и смущения, словно они злоупотребляли гостеприимством.

Примас Нортем вежливо кашлянул в ладонь.

— Ваше величество, ваше высочество, ваш народ ждет. Они хотят празднования.

Арива кивнула, по-прежнему не отрывая глаз от Сендаруса.

— Да, конечно. Ведите нас.

Нортем направился к двери, за ним последовали Харнан и Амемун, а затем Олио и Марин. Арива и Сендарус остались, где стояли. Олио вернулся, мягко коснулся руки сестры и прошептал:

— Если мы вернемся в тронный зал без вас, твой на-народ нас растерзает.

Деджанус шагнул в тронный зал, сознавая, что все взгляды устремились на него, пусть даже всего лишь на миг.

— Ее величество Арива, королева Гренда-Лира, и его высочество Сендарус, королевский консорт.

Зал захлестнули аплодисменты, и он посторонился, пропуская возвращающуюся свадебную процессию. Народ громкими криками приветствовал Нортема, двух свидетелей, Олио с Марином, а затем разразился буйными воплями радости — новобрачные впервые появились на людях в качестве королевы и консорта.

Деджанус с иронией наблюдал за двигающейся сквозь толпу процессией. Его забавляло, что последним человеком в должности коннетабля, выступавшим как герольд, был Камаль — и происходило это по случаю бракосочетания Ашарны и ее возлюбленного, генерала Элинда Чизела. А Деджанус в то время воевал в качестве наемника работорговцев — о чем не ведал никто, кроме Оркида Грейвспира. И вот теперь он здесь, уважаемый и почитаемый. И могущественный.

С изрядным самодовольством обведя взглядом толпу, он разглядел в ней мэра города, Шанта Тенора — и отметил, что у него, Деджануса, как у коннетабля, в руках бóльшая власть. Заметил Кселлу Поввис, главу купеческой гильдии — и знал, что сам будет помогущественней ее. Были там также главы других гильдий — их он просто выбросил из головы. А кроме того в толпе были маги с клириками — но в его руках сосредоточено больше власти, чем у любого из них. А потом увидел канцлера и поспешил продолжить обзор. Вот уж Оркид-то нисколько не уступал ему в могуществе — но подобных людей при дворе было очень немного. Конечно же, королева. И, наверное, Олио, хотя о нем доходили слухи, обещавшие способ действий в обход принца — или, если понадобится, через него. А Сендарус? Он был симпатичным малым — но, как подозревал Деджанус, довольно слабым. Новый консорт не будет представлять собой угрозы. И еще есть знать из Двадцати Домов, традиционный источник могущества в королевстве. Он презирал ее так же неистово, как Арива и Оркид; если что и сплотило их с Оркидом, так именно это чувство, наряду с кровавой тайной их преступления против Береймы.

Будучи коннетаблем королевской гвардии, он, возможно, сумеет кое-что предпринять в отношении этих породистых, вечно мешающих свою кровь свиней. Это были паразиты, не стоящие той одежды, в которой щеголяли. Деджанус улыбнулся про себя. Ему надо снова испытать свои силы. И коль скоро Двадцать Домов окажутся ук-

 рощены, их с Оркидом уже ничто не будет связывать.

* * *

Герцог Холо Амптра ощу́щал внутри пустоту. Он научился терпеть Ашарну, когда та была королевой. Сперва ручались, что она выйдет замуж за человека из круга Двадцати Домов — но его дуреньбрат, второй муж королевы, встал на сторону ее врагов во время Невольничьей войны, чем свел на нет всякий контроль, который знать имела над ней. Ашарна вышла замуж за Генерала — злейшего врага работорговцев — и все, чей образ мыслей был подобен убеждениям самого Холо, сочли это началом конца. Но потом — проблеск надежды: Берейма, ее старший сын и наследник, сам пришел к ним, ища союза и дружбы в семье и клане своего отца. И Двадцать Домов поверили, что Ашарна окажется исключением, единственной черной отметиной в длинном ряду правителей, удерживаемых знатью в определенных рамках.

А затем снова трагедия. Ашарна умерла, и сразу после этого Берейма был убит этим червем при дворе, этим полупростолюдином принцем Линаном, потомком рабов. И теперь королевством правит племянница Холо, женщина, которая ненавидит Двадцать Домов еще сильней, чем ее мать. И в этот самый день она собралась раз и навсегда сломить мощь кендрийской знати, выйдя замуж за человека не из самой Кендры.

Холо Амптра был стар и знал, что злосчастьям этого мира уже недолго мучить его, но ему так хотелось оставить королевство сильным и единым для своего сына, Галена. Герцог фыркнул. Сам Гален, похоже, не сознавал, насколько сильно изменилось королевство с былых времен. Хотя и трудно было винить его в этом — он родился уже при Ашарне и, вероятно, проведет остальную жизнь при царствовании другой женщины, свой двоюродной сестры Аривы.

Холо наблюдал за тем, как Гален болтал с аристократами — своими сверстниками. Они думали только о грядущей войне с Хаксусом и с нетерпением дожидались весны, когда смогут проявить себя на поле боя. «Не будь слишком суров с ними, — сказал он себе. — В этом возрасте ты ничем от них не отличался».

Гален увидел отца и подошел к нему.

— Ты выглядишь таким мрачным, отец.

— Сегодня мрачный день.

— Наверное, все же не настолько мрачный, как ты опасался. По крайней мере, Арива вышла замуж за человека знатного.

— За аманита.

— За *знатного* аманита. И к тому же хорошего человека.

— Ничуть не сомневаюсь, — грубовато отозвался Холо. — Но мне не следует жаловаться. Ныне уже твое время, а не мое. Весной ты добудешь себе славу в бою и с честью вернешься в Кендру. Я не виню тебя за то, что ты думаешь не о настоящем, а о будущем.

— Мы вернемся с войны не просто со славой. Возвратившись, мы также обретем больше власти.

— Э?

— Я уже говорил тебе, что наступит время, когда Арива снова научится полагаться на нас. Грядущая кампания дает нам превосходную возможность вновь добиться расположения нашей правительницы. Кто знает, вдруг нам даже удастся перетянуть на свою сторону ее канцлера?

Холо скривился.

— Ничто и никогда не убедит Оркида Грейвспира смотреть на Двадцать Домов иначе, чем со злобой.

— Мы можем воздействовать на него через Сендаруса. Завоюем приязнь принца-консорта — и, может статься, сумеем со временем завоевать приязнь и королевы, и канцлера. Но сперва мы должны доказать свою преданность.

Холо, похоже, оскорбился.

— Никто и никогда не сомневался в нашей преданности Кендре!

— Верно, но многие сомневались в нашей преданности Ашарне и ее семье. Мы должны это исправить. Что есть королевство без трона? И что есть трон без монарха?

Отец Поул покинул свое почетное место среди приглашенных гостей вскоре после того, как в зал вошли Арива с Сендарусом. Он пробирался сквозь толпу простых людей, пробившихся в тронный зал, прислушиваясь к их взволнованной болтовне. Они так гордились своей королевой, и уже не один из них сравнивал Ариву с ее матерью.

Священник невольно почувствовал гордость. Отец Поул долгое время был ее исповедником, и ему хотелось думать, что он помог ей повзрослеть. Отношения их были официальными, но при этом он знал интимные подробности ее жизни и неплохо представлял, как именно работал ее ум. Он знал, что в душе она добрая, строгая к себе и другим, дисциплинированная, вспыльчивая и почти без пороков. О ее способности к ненависти он не знал, пока Линан не убил Берейму, и его удивило, насколько сильно питала эту ненависть ее предубежденность против брата.

Он наблюдал, как фермеры и кожевенники, повара и уборщики, плотники и сукновалы толкались, норовя хоть мельком взглянуть на свою прекрасную монархиню и ее красавца консорта. Им нравилась мысль, что она выходит за человека, не принадлежащего к кругу Двадцати Домов — они так же радовались, когда Ашарна вышла замуж за простолюдина. Это вызывало у них ощущение, что они тоже в какой-то мере делят власть с королевой и имеют свою долю в королевстве.

Отец Поул не был настолько наивен, чтобы думать, будто Арива не понимает политической выгоды заигрывания с простонародьем — но он знал, что она также питала глубокую приязнь к своему народу и гордилась им. Их союз был счастливым браком по любви, который не только предшествовал ее союзу с Сендарусом, но и мог, в конечном счете, оказаться более важным для ее царствования.

Он прекратил бесцельно брести, на мгновение заблудившись в своих размышлениях. Могущество могло проистечь из самого маловероятного источника, но вот завладеть им и что-то от этого выгадать могли только наделенные мудростью и проницательностью. Он изучающим взглядом посмотрел на свои руки и пожалел, что на его долю не выпала более трудная юность. Было что-то неправильное в таких мягких ладонях, в таких не мозолистых пальцах рук, наделенных тем влиянием, которым, как Поул знал, он теперь обладал. Ему следовало бы вырасти в стане лесорубов или в рыбацкой деревне, или на ферме; наверное, так бы и случилось, если б неизвестные родители закутанным в пеленки младенцем не оставили его у двери часовни Подлинного Бога. Но он всю жизнь был изолирован от таких трудов, защищен от тягот и опасностей, которые выносил простой народ, дабы поддерживать это государство. Отец Поул не ощущал вины — чувство, мучившее его, было глубже. Он чувствовал, что не заслужил того, что имел.

Баловень судьбы, находящийся некогда под покровительством самого примаса, сделанный исповедником Аривы, а теперь пользующийся благосклонным вниманием канцлера и обладающий тайнами, ставящими его чуть ли не в самый центр сложной политической паутины, он чувствовал себя совершенно всего этого не заслужившим.

Олио отказался от предложенного ему слугой вина.

«Это уже второй раз за сегодняшний вечер. Должно быть, дело у меня идет на лад». Руки у него немного дрожали, и он чуть ли не все, что угодно, сделал бы за чашу вина, но вид счастья сестры облегчал ему воздержание.

«Не старайся ради себя, постарайся ради нее».

Люди что-то говорили ему, он что-то говорил им в ответ — но уже через несколько мгновений не мог вспомнить, о чем шла речь. Олио надеялся, что он не пообещал полкоролевства какому-нибудь просителю из Хьюма или Луризии. Ему чудилось, будто он плыл по тронному залу, шагая по воздуху. Он гадал, вызвано ли это головокружение отказом от спиртного или каким-то побочным эффектом Ключа Исцеления. Олио нащупал амулет. На ощупь он казался холодным. Холодным и тяжелым.

Его блуждания прервал король Марин, положив руку ему на плечи и по-медвежьи обняв.

— Если твоя сестра теперь моя невестка, значит, ты мне зять?

— К-как бы си-сильно ни привлекала меня такая мысль, — мягко ответил Олио, — по-моему, родство считается не совсем так.

— А, думаю ты прав. Жаль. Ты мог бы называть меня отцом. — Марин вдруг рассмеялся, и Олио сделал вид, будто присоединился к нему. Марин побрел дальше, ища, кому бы еще улыбнуться во весь рот.

«Интересно, он действительно набрался?» — гадал Олио. Он подозревал, что Марин никогда не бывает пьян. Принц ощутил укол зависти.

Он увидел, как Арива с Сендарусом переходят от одной группы к другой, благодаря за высказанные пожелания. Они все время прижимались друг к другу и то и дело целовались — с горящими, словно светильники, глазами.

«Теперь Арива сможет опираться на него. Мое неумение придать ей сил уже не так важно».

Эта мысль заставила его нервничать, словно он слишком легко уступил собственным демонам. Олио бездумно огляделся кругом, ища взглядом родных — и осознав, что они с Аривой единственные оставшиеся из всей семьи, почувствовал, как по желудку прокатилась рябь тошноты.

После свадьбы Марин пригласил Оркида к себе в покои. Там, отослав слуг, двое братьев и Амемун расположились в удобных глубоких креслах, с несколькими бутылками отличного сторийского вина на столике между ними. Едва усевшись, Оркид и Амемун завели разговор о возникшей теперь новой политической ситуации, обусловленной женитьбой Сендаруса на правительнице Гренда-Лира. Когда Оркид задал королю вопрос и не получил ответа, Амемун велел Марину прекратить пьяные слезы.

— Вы не потеряли Сендаруса, ваше величество. И в скором времени, если Владыка Горы благословит этот союз, вам придется беспокоиться уже о внуках.

— Я не чувствую желания заливаться пьяными слезами, старый друг, — серьезно ответил Марин. Он обвел взглядом помещение. — Но мне не нравится это местечко.

Оркид с удивлением поднял взгляд.

— Должно быть, я привык к нему, — сказал он.

— Я говорю не о дворце, брат, а о тех, кто живет в нем и вокруг него. Весь день меня не покидало ощущение, что мне сверлят спину взгляды сотен кендрийцев. У меня прямо зуд между лопаток, куда мне не дотянуться. — Он наклонился вперед, схватив Оркида за руку. — Мой сын будет здесь в безопасности?

Оркид глубоко вздохнул.

— В такой же безопасности, как и в любом другом месте, кроме самой Пиллы. Я буду защищать его, Марин, хотя, подозреваю, Арива сама позаботится о том, чтобы моя защита ему не понадобилась.

Марин откинулся на спинку кресла и мрачно кивнул.

— Женщина она красивая и сильная, — признал он. — Но мне не нравится здешняя знать, и некоторые из чиновников — вроде того мэра, как бишь его там...

— Шант Тенор.

— ...Мэр Шант Тенор и ему подобные вызывают у меня желание наброситься на них со своей секирой.

— Тебе станет легче, если я скажу, что такие же чувства испытывает и Арива?

— Все это я знаю, — махнул рукой Марин. — Что бы ты ни думал, Оркид, я лично читал твои донесения.

— Я никогда в этом не сомневался.

— Это местечко какое-то перекошенное, — настойчиво повторил Марин, и тело его напряглось. — В нем есть что-то неправильное, что-то глубинное.

— Это древний рассадник интриг и заговоров, — сказал Оркид. В памяти его промелькнуло мертвое лицо Береймы, и он невольно скривился. — Здесь все и всегда не совсем то, чем кажется с виду.

— Они должны съездить в Пиллу, — решил Марин.

— Кто?

— Сендарус и его новобрачная, конечно.

— Нужно ли мне напоминать тебе, что столица королевства *этот* город, а не Пилла?

— Я имею в виду — погостить. И вскоре. Я хочу посмотреть, как ведет себя Арива за пределами собственной берлоги, и мне хотелось бы видеть своего сына убравшимся подальше от этого двора, хотя бы на короткое время.

— Уверен, это можно будет устроить, — сказал Оркид. — Например, следующим летом? Я могу предложить поездку в Пиллу как часть путешествия по всему королевству. Это будет полезно для поднятия боевого духа, если весной начнется война с Хаксусом.

— Пожалуй, это мысль.

— А теперь — расслабься, — велел Оркид. — Событие, которое мы столько лет планировали, наконец свершилось. Аман больше не будет считаться маленькой отсталой провинцией Гренда-Лира. В жилах следующего правителя Кендры будет течь и наша кровь.

— Всю эту работу проделал ты. И за это я так тебе благодарен, что не передать словами.

Канцлер склонил голову.

— Что дальше?

— Нужно забрать у Линана Ключ Единения — гарантирую, что его отдадут Сендарусу, — сказал Оркид.

— Лучше бы ему получить Ключ Меча, — ответил Марин.

Оркид посмотрел на него с удивлением.

— Что?

— Мы убедим Ариву вручить Сендарусу Ключ Меча. Если брак делает его приемлемым для большинства кендрийцев, то пребывание носителем этого Ключа сделает его приемлемым для всех. Даже Двадцать Домов не станут открыто выступать против него.

— И как же добиться этого?

— Поставив его командовать армией, которая должна выступить весной на север.

— Я думал, что командование поручено принцу Олио, — указал Амемун.

— Можно ли убедить его отказаться от командования?

— Убедить мы должны не его, а Ариву, — поправил брата Оркид.

— Ну, я уверен, ты сможешь с этим справиться, — заявил довольный Марин.

— Будь осторожен, брат. Она женщина самостоятельная, точно так же, как ее мать Ашарна.

— Я никогда не забываю об этом. Тем не менее я видел, как она на тебя смотрит. Итеперь, когда твой племянник сделался ее мужем, думаю, она будет еще более уступчивой.

— Возможно, ты прав. Так или иначе, время покажет.

— И уж чего-чего, — сказал Марин, — а времени у нас в избытке.

Свадебные торжества шли по всему городу. Из своего окна Арива видела костры почти на всех площадях. На мачтах всех кораблей в порту подняли фонари. Вечерний бриз доносил во дворец обрывки песен.

— Мы сделали их счастливыми, — сказала Арива.

Сендарус стоял у нее за спиной, обняв ее обеими руками за талию и положив подбородок ей на плечо.

— Рад, что немного моего счастья выплеснулось наружу. — Он поцеловал ее в шею и поднял руку, проводя пальцем по ее подбородку.

— В один год мне приходится учиться быть королевой и женой. Это больше, чем я когда-либо ожидала.

Он поцеловал ее в ушко, а затем в висок. И почувствовал, как она вдруг напряглась.

— Что-то случилось?

Она нервно хихикнула.

— Я боюсь.

— Сегодняшней ночи?

Она кивнула, чувствуя себя девчонкой.

— Глупо, не правда ли? Ведь мы же... — голос ее стих.

— Раньше мы никогда не занимались любовью как муж с женой. Это совсем иное. Теперь мы не просто любовники. — Он отступил, повернул ее к себе, и поцеловал в губы. — Мы — одна жизнь; у нас одно будущее.

Услышав эти слова, она осознала, насколько они правдивы, и поцеловала его в ответ. И когда она почувствовала, как участилось ее дыхание, а кожа зарумянилась от прилива крови, Ключи у нее над сердцем, казалось, потеплели от собственного внутреннего жара.

ГЛАВА 12

Шел мелкий снег, но земля была еще теплой, и он сразу таял. Дорога стала длинной лентой жидкой грязи. Всадники тщательно выбирали путь, но лошади и вьючные мулы все равно оскальзывались и иногда падали. Джес Прадо тяжело вздохнул, когда пришлось прикончить еще одного одра, потому что тот сломал ногу, а его всадника — отправить в хвост колонны с тем снаряжением, какое он смог унести.

— Это уже третий сегодня, — покачал головой Фрейма.

Прадо ничего не сказал.

— Сейчас не лучшее время для путешествий. Даже ждать, когда еще больше похолодает, было бы лучше.

— У нас нет времени, — коротко ответил Прадо. — Мы должны быть на севере Хьюма еще до конца зимы.

Фрейма поковырял в зубах острием кинжала, извлекая застрявшие между ними частички обеда. Он знал, что если Прадо не снизит темп, они потеряют и других лошадей, а может, даже нескольких всадников со сломанными шеями, но также знал, что Прадо не передумает. Правда, для отряда такого размера подобные потери мало что значили. Он покачал головой, дивясь тому, сколь многого удалось добиться Прадо. Ни один отдельно взятый капитан наемников (*генерал* — напомнил себе Фрейма) никогда не командовал такими крупными силами. В его воинстве числилось свыше двух тысяч всадников и почти пять сотен пехоты — большей частью арранских лучников, самых лучших на Тиире. Колонна растянулась на пять лиг от передового разведчика до хвоста, и чтобы миновать какую-то отдельную точку, ей требовалось добрых три часа — и это по хорошей дороге. А по этакой грязи понадобится часов пять, а то и больше.

Нет, его беспокоило не то, что потери могут сказаться на численности, а то, как они скажутся на боевом духе. По опыту участия в Невольничьей войне Фрейма знал, что из-за упадка боевого духа битва могла оказаться проигранной, еще не начавшись.

Но Прадо был полон решимости, а действия Прадо никто не ставил под сомнения, во всяком случае не Фрейма и даже не Сэль Солвей, которая сама одно время командовала отрядом наемников.

Он бросил взгляд на Прадо, гадая, какие мысли бродили у того в голове и что же так сильно гнало его вперед. В душе его точно поселился какой-то демон. Громкий крик привлек его внимание к хвосту колонны. Мул соскальзывал с дороги, и погонщики никак не могли остановить его скольжение.

— Снимите эти клятые вьюки! — заорал Фрейма. Он выругался себе под нос и в тщетной надежде успеть добраться, пока еще не поздно, пришпорил коня, оставив Прадо наедине с его мыслями.

Но Прадо этого не заметил. Он не видел тащившихся по грязи всадников, шедших мимо — даже тех, кто приветствовал его, и не видел, как мул упал с обочины, придавив собой одного из погонщиков. Прадо думал о Рендле и гадал, чем же сейчас занимается этот ублюдок, спрятавшийся в своем хаксусском убежище. Губы

его скривились в подобии улыбки при мысли о том, как удивится Рендл, когда увидит Прадо и его наемников, обрушивающихся на его собственный жалкий отряд. Именно эта мысль согревала Прадо даже самыми холодными ночами.

Прадо был бы разочарован, узнав, что за долгие месяцы с тех пор, как Джес ускользнул из его когтей, Рендл ни разу не подумал о нем. Он был чересчур занят собственными планами, и они не имели никакого отношения к мести.

— Ну, мой друг-наемник, что ты думаешь?

Рендл оторвал взгляд от расстеленной на коленях карты. Сидевший перед ним человек выглядел преждевременно состарившимся и переутомленным, но Рендл заметил и то, как он держался, и выражение безжалостности в его глазах, и не заблуждался на его счет.

— Ваше величество?

Король Салокан из королевства Хаксус сделал слегка раздраженную гримасу.

— Что ты думаешь об этом? — Он развел руки в стороны, как бы охватывая весь лежащий перед ними военный лагерь.

— Хорош, — хмыкнул Рендл. — Четыре тысячи, как вы и обещали?

— Конечно, и все конные.

— И командовать ими буду я?

— Ну... — поджал губы Салокан.

— Это было одним из условий.

— Знаю! Знаю! — огрызнулся король, раздражение его теперь сделалось вполне искренним. — Но они люди гордые, капитан Рендл. И не привыкли служить под началом... под началом...

— Солдата удачи, — закончил за него Рендл без всякого сочувствия в голосе.

— Вот ты сам и сказал, — пожал плечами Салокан. — Трудно было убедить моих офицеров...

— Кто командир бригады? — перебил Рендл.

— Что?

— Кто командует их бригадой? Полагаю, именно он сильнее всех противился отдаче своего воинства под мое начало.

— Генерал Тевор. Преданный солдат. Много-много лет службы...

— Он сражался в Невольничей войне?

— Да. — Салокан задумчиво нахмурился. — Да, по-моему, сражался.

— Тогда в то время он, вероятно, служил под началом одного из твоих командиров наемников. Может, даже под моим.

— Возможно.

— Тогда, ваше величество, предлагаю вам напомнить ему об этом. Если он однажды мог служить под моим началом, ему может выпасть честь послужить под ним вторично.

— Не знаю, согласится ли Тевор с такой логикой.

Рендл тяжело вздохнул и отбросил карту. Король чуть подпрыгнул, а его телохранитель вперил угрожающий взгляд в Рендла — но тот знал характер первого и проигнорировал последнего. Салокан был высоким, тощим, аскетического вида мясником. Он обладал хитрым умом, острым чувством самосохранения и — на взгляд наемника, дело удивительное — огромными запасами патриотизма; вот этого последнего Рендл никогда не мог понять.

Салокан так и не простил Гренда-Лиру разгрома своего отца в Невольничьей войне много лет назад. Он твердо решил найти какой-то способ и отплатить соседу за это унижение. Рендл знал, что являлся одним из ключей Салокана для этой мести.

— Я не поведу на вражескую территорию войска, которое не будет полностью подчинено мне.

— Ты поступишь так, как тебе приказано, — отчеканил Салокан.

— Нет, ваше величество. Если вам нужен Линан, то захватить его могу только я.

— Я казню тебя, — обронил король, тон которого внезапно сделался мягким. — А в Океаны Травы твой отряд поведет один из твоих старших офицеров под командованием моего генерала.

— Если бы вы действительно в это верили, ваше величество, то казнили бы меня уже много месяцев назад.

Салокан попытался прикинуться обиженным, но вместо этого смог лишь сдавленно хохотнуть.

— Мы слишком хорошо понимаем друг друга. Это опасно.

— Для кого?

— Для тебя, конечно. Ведь я же король.

Салокан произнес эти слова без всякой надменности, и Рендл знал, что это правда.

— Через несколько коротких недель я уже исчезну. Тогда вам не придется беспокоиться из-за меня.

— Но ты вернешься. По крайней мере, я надеюсь на твое возвращение с принцем Линаном в качестве пленника. В конце концов, именно ради этого все и затевается.

— Нет, ваше величество, — покачал головой Рендл. — Все это затевается ради вашего вторжения в Гренда-Лир. С Линаном или без него, вы туда все равно вторгнетесь. Это королевство переживает большее замешательство и смуту, чем оно видело за четверть века. Присутствие Линана в вашей армии придает вторжению более законный вид, но это лишь политический флер. Победите или проиграете вы благодаря своей армии.

— И часть этой армии едет с тобой в Океаны Травы, что возвращает нас к нашему первоначальному пункту разногласия.

— В самом деле. Вы хотите, чтобы мое задание завершилось успехом. А я не могу допустить, чтобы во главе этого предприятия стоял какой-то гражданский сановник. Я знаю Океаны Травы, знаю четтов. А ваш генерал Тевор, как только окажется на равнинах, сразу перестанет представлять, куда надо двигаться и не узнает четта, если тот не выскочит и не откусит ему конец.

— С этим я спорить не стану.

— Но будете спорить со своим генералом?

— Полагаю, придется. — Салокан отвел взгляд. Поражение это было небольшое, и оно в основном лишь уязвляло его гордость, но он негодовал из-за него больше, чем следовало бы; король это понимал и обуздывал свой норов. Армия у него была сильна и готова к боям, но ей остро не хватало опытных командиров; он не мог обойтись без Рендла. По крайней мере, пока. Вот после того, как он разобьет Гренда-Лир и отвоюет Хьюм — и кто знает, может, даже Чандру? — можно будет и с Рендлом разделаться. Или повысить его в чине. Салокан находил, что это хороший способ привязывать к себе людей — он вполне себя оправдывал с большинством мужчин и некоторыми женщинами, покуда их не подымали слишком высоко. Нет смысла позволять им возомнить о себе невесть что; подданные не должны заноситься мыслью выше отведенного им шестка — и определенно не выше шестка самого Салокана.

Король встал, собираясь уходить. Рендл поднялся вместе с ним.

— Не хочешь пойти со мной навестить генерала?

— О, уверен, вы с этим справитесь, — натянуто улыбнулся Рендл.

— Несомненно, — кивнул Салокан. — И все же, мне думалось, ты хотел бы увидеть лицо Тевора, когда я сообщу ему новость.

Рендл покачал головой.

— Я не питаю к нему злобы.

«Пока», — подумал Салокан.

— Как скажешь. Завтра мы встретимся вновь.

Рендл хотел спросить, зачем, но подумал, что на сегодня он и так достаточно испытывал судьбу в разговоре с королем.

— С нетерпением жду этой встречи.

— Вон пограничный столб. — Прадо показал на тонкий красный шест на обочине дороги. — Мы вступаем в Хьюм. Еще три недели — и мы будем на границе, там отряд сможет отдыхать, пока не начнется оттепель.

Фрейма и Сэль кивнули, не столько приободренные тем, что добрались наконец до Хьюма, сколько угнетаемые мыслью о еще трех неделях похода в таких условиях. Последние два дня шли сильные снегопады, а температура была достаточно низкой, чтобы снег оставался на земле. При месящих его двух с лишним тысячах людей и лошадей дорога по-прежнему походила на топь, только обочины сделались потверже. И все же по ночам становилось страшно холодно, а утром отряд было трудно снова привести в движение.

«После этаких мытарств кампания покажется им легкой», — подумал Фрейма, но в данный момент его это мало утешало.

Он посмотрел на небо и поморщился при виде темнеющих туч. К ночи выпадет снег. Если он выпадет после того, как разобьют палатки, им будет в них потеплей, но ненамного. И, коль о том зашла речь, им вскорости придется разбить лагерь. Зимние дни были такими короткими, и приличная часть каждого дня уходила на приведение отряда в порядок для похода.

Он посмотрел на лежащую впереди дорогу и увидел, что еще час, и последние наемники покинут Чандру. Вот тогда Прадо, вероятно, и скомандует разбить лагерь. Внезапно его взгляд остановился на человеке, сидящем верхом на вороном жеребце у обочины дороги, не более чем в ста шагах от пограничного столба.

«Барис Малайка. Рад буду больше не видеть этого ублюдка. Слишком уж вплотную он следовал за нами для моего душевного спокойствия, он и его меч. — Фрейма улыбнулся про себя. — Его меч, Бездушный. Хотелось бы мне лишить души его самого».

Со своей стороны, Малайка был не менее счастлив видеть, как наемники покидают Чандру. Теперь он мог ехать обратно в Спарро и уведомить короля Томара, что эта зараза покинула его земли. Он был разочарован, увидев, сколько арранских лучников последовало за Прадо — но догадывался, что большинство из них отправились на поиски приключений, не помня по молодости лет, что сотво-

рили с сельской местностью Прадо и ему подобные во время войны с работорговцами; впрочем, опять же, Арранскую долину война практически не затронула. Прадо и другие капитаны наемников поселились там после войны и принесли ей некоторое процветание. Благодаря амнистии Ашарны король Томар не мог выступить против них так, как ему хотелось.

Но может, теперь, когда снова пришла война, какая-то возможность все же представится. Малайке нравилась эта мысль. У него все еще чесались руки преподнести королю Томару голову Прадо; король насадит ее на пику и воткнет посреди навозной кучи. Или сохранит в назидание прочим наемникам.

Он дождался, пока границу не перешли последние из отряда, а затем развернул коня и начал долгий путь обратно в столицу Чандры. На это потребуется несколько дней из-за того, что эти шуты Прадо размесили грязь на дороге, и весной Томару придется заплатить за то, чтобы снова сделать ее ровной и утрамбованной. Однако дело того стоило; благодаря этому будут стерты всякие следы Прадо.

Малайка оглянулся через плечо, но ничего не смог разглядеть в нарастающем мраке. Отряд исчез, словно его и не было вовсе, и в этот миг Малайка нутром почуял, что никто из ушедших в поход с Прадо никогда больше не вернется в Чандру живым. Он подавил невольную дрожь. Времена и без того достаточно мрачные, ни к чему еще и прислушиваться к каким-то неясным предчувствиям. В любом случае, ему-то какое дело до этих бродяг? Туда им и дорога. Всем им туда и дорога.

ГЛАВА 13

Станы вокруг Верхнего Суака казались покинутыми. Вокруг нескольких костров еще теснились старики со старухами и детьми помладше, но все остальные обучались сражаться, или ковали оружие, или пасли скот. Линан наклонился к земле и очистил ее руками от снега. Трава под снегом была ломкой и желтой, а земля затвердела от замерзшей воды. По словам Гудона, раз земля сделалась холодной, значит, зима достигла своего пика. Отныне будет становиться все теплее.

Он выпрямился и откинул за плечи свое новое пончо — длинную одежду с меховым подбоем, подаренную Кориганой. — Ему становилось в нем жарко. Он уже почти не чувствовал холода, относя это на счет своей новой природы и той части крови, которая была

четтской. В воздухе стоял густой запах гари и коровьего навоза — аромат, оказавшийся, против ожидания, довольно приятным. Не очень далеко от него скот сбился для согрева в кучу. Он слышал, хотя и не видел, как идет обучение: стук деревянных мечей, рысь, кентер и галоп кавалерии, рявканье выкрикиваемых приказов.

Линан узнал голос Камаля и сдержал подобно желчи поднявшиеся в нем гнев и ревность. Он ненавидел себя за подобные чувства. У него не было никаких прав на Дженрозу, он даже перестал думать о ней как о предмете воздыханий — но мысль о ней с Камалем заставляла его чувствовать себя презрительно отвергнутым. Ему думалось, что он мог бы совладать с этим чувством, если бы речь шла об Эйджере, Гудоне или Коригане... фактически о ком угодно, кто не занимал в жизни Линана такого важного места, как Камаль.

«Что она вообще нашла в этом старике? Из него же песок сыплется!»

Он обругал себя вслух. Камаль заслуживал лучшего отношения. Если вдуматься, он *всегда* заслуживал лучшего отношения со стороны Линана.

Принц закрыл разум от этих мыслей и заглянул поглубже, пытаясь осмыслить все происходящее. В иные дни он желал, чтобы все просто шло своим чередом, чтобы закончилась зима, чтобы он мог выступить в поход на восток, вступить в борьбу с Аривой и — так или иначе — разрешить спор между ними. А в другие дни ему больше всего хотелось замедлить все до черепашьего шага, так, чтобы у него нашлось время полностью осмыслить происходящее, особенно сейчас, когда он принимал решения не только за себя, но и за тысячи — десятки тысяч! — других людей. Он не мог даже вообразить, каково приходилось его матери, которая правила миллионами. Было ли это чем-то таким, к чему она приучила себя?

Линан в общих чертах представлял, как будут обстоять дела к концу зимы. К тому времени у него будет армия. Но что с ней делать? Выступить на восток в Хьюм? Да, пожалуй. Необходимо завладеть ущельем Алгонка, единственным легким путем из восточных провинций Гренда-Лира в Океаны Травы. На юге расстилалась пустыня, населенная более дикими и еще более воинственными южными четтами, людьми, о которых он ничего не знал и о которых даже северные четты знали немногое. Если армия попытается идти этим маршрутом и не умрет от жажды, ее вырежут во сне. Значит, оставался только север. Равнины были отделены от Хаксуса идущим на восток отрогом горного хребта Уферо; его пронзали немногочисленные узкие и опасные ущелья, которые не могла успешно пре-

одолеть никакая армия — по крайней мере, так уверял Гудон. Если считать это правдой, ущелье Алгонка было ключом ко всему.

А коль скоро ущелье окажется у него в руках? Что дальше? Линан с досадой покачал головой. Он не знал. Трудно принять подобное решение, не имея достаточно сведений о том, что поделывала Арива. И существовал только один верный способ получить эти сведения.

Ему потребовалось двадцать минут, чтобы дойти до тренировочной площадки Эйджера, заполненной сотней воинов, упорно упражняющихся с гладиусами. Многие из них только начинали обучаться и упрямо применяли оружие для размашистых рубящих ударов; они расплачивались за это ушибленными ребрами, когда их более опытные противники тыкали им деревянными мечами в грудь и живот. Эйджер стоял, окруженный небольшой группой четтов, в которой присутствовал и Гудон. Линан с удивлением увидел, что правые руки у многих тренирующихся четтов выкрашены в ярко-красный цвет. Эйджер держал одну из воительниц за запястья, чтобы ее движения поневоле копировали его собственные, когда он фехтовал с Гудоном.

— Видишь? — говорил ей Эйджер. — Твои движения должны быть короткими, точными. Никогда не двигайся просто ради того, чтобы что-то делать. Не теряй равновесия при атаке. Шаг ты можешь удлинить, только когда делаешь выпад! — С этими словами он внезапно сделал выпад, наклонив все тело над правым коленом и вытянув правую руку; его ученица чуть не опрокинулась, но сумела остаться на ногах, тело ее вытянулось до предела. Гудон отступил, едва успев отразить удар. Эйджер выпрямился и отпустил воительницу. — Видишь? Ты поражаешь не так далеко, как могла бы длинным мечом, но все равно сможешь достать того, кто размахивает саблей.

Прихрамывая, женщина отошла, благодарно улыбаясь. Подняв взгляд, она увидела Линана, отвесила глубокий поклон, а затем поспешила дальше по своим делам.

Линан обернулся к Эйджеру.

— И что это было?

— Урок фехтования...

— Не это. Поклон.

Эйджер переглянулся с Гудоном, который выглядел очень довольным собой.

— Ты же принц королевства, — небрежно ответил Эйджер.

— Я был им и вчера, но тогда мне никто так не кланялся.

— Но вчера никто не принадлежал к отряду Красноруких, — сказал Гудон.

— Красно... каких?

— Красноруких. Ну, вроде Красных Щитов, — объяснил Эйджер. — Только у этого отряда красные не щиты, а руки. Со щитами возникли бы трудности, поскольку четты, как правило, ими не пользуются.

— Красные Щиты? Красные Руки? О чем ты, Эйджер?

— Ваши телохранители, ваше величество, — пояснил Гудон.

— Мои телохранители? — поразился Линан. — Но мне не нужны телохранители. Мне нужна *армия*.

— Ты получишь и то, и другое, — заверил его Эйджер. — Краснорукие поклялись защищать тебя, несмотря ни на что. Они готовы погибнуть ради тебя. Тебе следует гордиться.

Линан прикрыл глаза. «Я не хочу, чтобы кто-то умирал ради меня». Он вздохнул. «Тогда оставь эту армию, — сказал он себе. — Покинь четтов; вообще беги прочь с континента».

Он знал, что не сделает ни того, ни другого — и, открыв глаза, устало кивнул.

— Как давно вы это спланировали?

— Начали три ночи назад, — бодро ответил Эйджер.

— Почему?

Эйджер с Гудоном снова переглянулись.

— Три ночи назад что-то случилось, не так ли? — настаивал Линан.

— Да, ваше величество, но это не было прямо направлено против вас.

— Понятно. Оно было направлено против тебя или Гудона.

— По правде говоря, маленький господин, — сказал Гудон, — наверное, против нас обоих... или, быть может, против тебя через нас. Мы точно не знаем.

— Кто-нибудь пострадал?

— Да, — напрямик ответил Эйджер.

— И когда же мои телохранители начнут... ну... телохранительствовать?

Гудон оглянулся через плечо и кому-то кивнул. Линан услышал у себя за спиной шаги двух человек. Обернувшись, он увидел двух рослых четтов, мужчину и женщину; правые руки у обоих были ярко-красные. Они отвесили ему глубокий поклон и с бесстрастными лицами застыли в ожидании приказаний. По узорам на их пончо он видел, что мужчина принадлежал к клану Белого Волка, а женщина к клану Совы.

— Они только что начали, ваше величество.

 — Кто у них капитан?

На сей раз низко поклонился Гудон.

— Если маленький господин примет меня.

Линан ощутил прилив симпатии к обоим своим друзьям — и гордости.

— Но их капитан не сможет оставаться с ними.

Гудон вопросительно посмотрел на него.

— У меня есть для тебя поручение. — Он повернулся к Эйджеру. — Обучай дальше, старый горбун. Мне нужно кое-что обсудить с моим новым капитаном королевских телохранителей.

— Красноруких, ваше величество, — поправил его Эйджер.

— В самом деле. — Линан чуть улыбнулся. — Моих Красноруких.

Эйджер закончил обучать бойцов вскоре после ухода Линана и Гудона; вечером ему предстояло тренировать другую группу воинов и было необходимо отдохнуть. Группа из четырех четтов дожидалась его возле шатра. Он узнал вышитый у них на пончо символ клана Океана. Трое мужчин среднего возраста и одна молодая женщина. Все при оружии.

«Чудесно. И где же этот Гудон, когда он мне нужен?»

Он огляделся по сторонам в поисках хоть какой-то поддержки, но в пределах видимости никого больше не наблюдалось. Эйджер бросил взгляд на свой деревянный меч; его собственная сабля лежала у него в шатре. С покалеченной спиной ему от них никак не убежать. Он сделал глубокий вдох и зашагал прямо к ним.

— Я устал, — грубовато бросил он. — Посторонитесь, пожалуйста.

Вперед выступила молодая женщина; по щеке у нее тянулся длинный шрам.

— Это не займет много времени, Эйджер Горбун.

Эйджер кивнул.

— В таком случае, кто первый? Или все скопом? — Он поудобнее перехватил деревянный меч. Его тяжесть несколько успокоила Эйджера. Если он шарахнет им по одной-другой голове, то, может, и переживет это столкновение.

Женщина странно посмотрела на него.

— Не понимаю...

— Вы ведь собираетесь убить меня. Так давайте не будем болтать попусту.

— Убить тебя? За что?

— За убийство вашего вождя, его жены и его сына. Смею думать, это весьма веские причины в клановой политике.

Выражение лица женщины изменилось, когда до нее дошел смысл его слов. И она внезапно рассмеялась — теплым и веселым смехом. Она была миловидной, и шрам скорее придавал ее красоте некую таинственность, а не отвлекал от нее. Эйджеру не хотелось ее убивать.

— Мы пришли присягнуть тебе на верность.

— На верность вам следует присягать Коригане.

— Ты не понимаешь. Она наша королева. А ты наш вождь.

Эйджер сморгнул.

— Я же не четт.

— Ты победил в бою нашего вождя. Его жена и сын погибли вместе с ним. Из его ближайших родственников не осталось никого. Своего брата Катан убил, когда ему было всего четырнадцать, чтобы у него наверняка не осталось в клане соперников. Теперь ты наш вождь.

— Понимаю, — проговорил он, на самом деле совершенно ничего не понимая. Четты бесстрастно взирали на него. — Существует какая-то церемония? — спросил он, и в голове его промелькнула непрошенная мысль о нанесении ритуальных шрамов или обрезании.

Женщина покачала головой.

— Ты стал нашим вождем в тот самый миг, когда убил Катана. Никто не бросил тебе вызов, оспаривая твое право.

— А что, если я не хочу быть вождем?

— Тут ты ничего не можешь поделать, — ровным тоном ответила четтка.

— Понимаю, — повторил он.

Они молча стояли перед его шатром.

Эйджер перенес вес на другую ногу.

— Сейчас мне надо отдохнуть, — сказал он.

— Конечно, — согласилась четтка, и группа зашагала прочь.

Эйджер внезапно сообразил, что понятия не имеет, чего от него ожидают в его новом положении.

— Погодите, — окликнул он.

Четты остановились и оглянулись.

— Как тебя зовут? — спросил он у женщины.

— Мофэст, — ответила она.

— Сегодня ночью я приду повидать вас, — сказал он всем сразу.

Мофэст кивнула, и группа ушла.

Эйджер какое-то время в замешательстве постоял у шатра, затем покачал головой и вошел внутрь.

Голова Дженрозы покоилась на груди Камаля. Она слышала, как бьется его сердце, и эта близость была в каком-то смысле

более интимной, чем занятие любовью. Правой рукой он закручивал ее волосы в кольца и раскручивал их, а левой водил по ее руке. Ей казалось странным, что они могли делить этот миг покоя и уединения в сердце Верхнего Суака, в шатре, окруженном тысячами других шатров.

— Думаю, сегодня обучение шло хорошо, — промолвил через некоторое время Камаль. — Никогда не видел людей, настолько привыкших к седлу, но мне думалось, что с дисциплиной будут трудности. Я ошибся.

Дженроза ничего не сказала. Ей не хотелось говорить о приготовлениях к войне.

— Ты нашла кого-нибудь, кто продолжил бы обучать тебя магии?

— Нет. Сейчас среди кланов нет Правдоречицы.

— Но у клана Белого Волка есть маги.

— Я не говорила об этом с Кориганой. — Она не сказала, что после последней их встречи ей вообще не хотелось разговаривать с Кориганой.

Они снова умолкли; потом Камаль спросил:

— Ты в последнее время говорила с Линаном?

— Нет. А ты?

— Нет. А следовало бы. Он должен знать, что мы... что ты и я...

— Любовники, — закончила она за него. Почему он заколебался? — Думаешь, это разумно?

— Что ты имеешь в виду?

— Как он это воспримет?

— Он наш принц. И имеет право знать.

— Нет у него такого права, — твердо заявила Дженроза. — Не припомню, чтобы в Кендре любовники докладывали о своих отношениях королеве. С какой стати нам делать это для Линана?

— Это не одно и то же.

— Потому что он интересовался мной?

— Нет. — Камаль сел.

Дженроза высвободилась из его объятий и глубоко вздохнула. Покой и уединение исчезли. С таким же успехом Линан мог стоять прямо перед ними.

— Потому что *я* обязан сделать это, — продолжал Камаль. — Я не понимал, как сильно он возмужал с тех пор, как отправился в изгнание, и из-за этого между нами возникла трещина. Я пытался скрыть от него важные сведения. Это было неправильно.

— Наша любовь друг к другу вовсе не государственное дело. Это касается только нас.

— Он не только наш принц, — мягко проговорил Камаль и обнял ее за плечи.

— Да. Он тебе сын.

Она ожидала, что при этих словах он отпрянет от нее, но вместо этого Камаль еще теснее прижал ее к себе.

— Да. С тех самых пор, как умер его отец, он был мне сыном.

По ее спине словно провели холодным пальцем. Его слова прозвучали скорее как предостережение, а не откровение; Дженроза ощутила невольный страх и поспешила отодвинуть его подальше, в самую глубину сознания.

Закрыв глаза, она попыталась сделать вид, будто ничего не изменилось.

Коригана не могла уснуть. Будущее надвигалось, словно темная стена; она стояла на грани великой победы или страшной катастрофы — и не могла определить, чего именно. И сознание того, что это будущее она создала сама, придавало ситуации некоторую иронию, но ничего не меняло. С тех пор, как умер ее отец, она всегда боролась за укрепление своего трона, и когда несколько месяцев назад до нее дошла весточка из Суака Странников от Гудона, Коригана сразу поняла: у нее появился способ добиться этого. Спасение Гудоном жизни Линана и то, что он привез его с собой на запад, было даром богов, и она использовала этот дар максимально действенно. Но вот цена...

Королева покачала головой. Теперь уже не было выбора. Она поставила свой народ под знамя Линана, и теперь они должны следовать туда, куда Линан поведет их. Еще большая ирония судьбы состояла в том, что она укрепила собственный трон, демонстративно подчинив его воле изгнанного принца. Коригана понимала, что если Линан проиграет, ее народ может пострадать от страшного возмездия со стороны Аривы; и все же, если Линан завоюет корону Гренда-Лира, его контроль над четтами грозит сделать ее собственную власть номинальной.

Если ей не удастся заставить события пойти по третьему пути — но вот тут-то и таилась наибольшая опасность. Это уже не было делом выбора; дело заключалось в решимости проскакать по краю пропасти, надеясь не сорваться в нее.

Она чувствовала себя намного старше своих двадцати двух лет.

Поеживающийся от холода одинокий часовой направил Эйджера к шатру Мофэст. Он окликнул ее, и входной полог быстро развязали. Он пригнулся и вошел в шатер.

— Спасибо, что согласилась увидеться со мной, — поблагодарил Эйджер. — Мне нужно с тобой поговорить о...

Когда его глаза привыкли к темноте, он сообразил, что Мофэст стоит перед ним совершенно нагая.

— ...об этом... деле... с вождем...

Мофэст ничего не сказала. Она пыталась выглядеть расслабившейся, но он видел, что девушка напряжена, как натянутая тетива. Эйджер отвел взгляд.

— А тебе не холодно? — спросил он.

— Конечно, холодно, — раздраженно отозвалась она.

Эйджер потер нос.

— Тогда почему же ты не одета?

— А, — сказала она, — ты хочешь сам меня раздеть.

— Что? — не понял он и поднял на нее глаза. А затем сообразил. — Черт! — И снова быстро отвел взгляд. — Я допустил страшную ошибку. Извини...

— Разве ты меня не хочешь? — В ее устах это прозвучало как обвинение.

— Нет! — Он покачал головой.

— Я для тебя недостаточно красива? Могу привести кого-нибудь помоложе.

— Нет!

— Ты желаешь мужчину?

— Мужчину? Нет, я не желаю мужчину. И женщину не желаю. И, опережая твой вопрос, лошадь я тоже не желаю. А желаю, чтобы ты оделась.

Он подождал, услышал, что она одевается, и лишь после этого снова посмотрел на нее. Девушка натянула на себя пончо. Похоже, она пребывала почти в таком же замешательстве, как и он.

— Слушай, Мофэст, я сожалею. Я хотел повидаться с тобой сегодня ночью, чтобы порасспросить об этом назначении вождем. Мне никогда раньше не доводилось быть вождем. Вы уверены, что хотите меня?

— В вожди или...

— В вожди! — торопливо подтвердил он.

— Если ты откажешься, клан Океана должен будет подчиниться воле двух кругов. Они могут выбрать для нас вождя из другого клана или заставить нас объединиться с каким-нибудь кланом.

— И кого бы они выбрали?

— Кого-то, кто сможет убить тебя в бою один на один, поскольку ты убил Катана.

— Понятно. А если вы объединитесь с другим кланом?

— Тогда мы все потеряем себя. Молодежь, может, и сумеет приспособиться, но те из нас, кто помнит собственные традиции и обычаи, будут как дети без матери и отца.

— Но я же не знаком с вашими традициями и обычаями, — взмолился Эйджер.

— Мы тебя научим, — просто ответила она.

— Боже!

Он схватился за голову.

— Мы позорим тебя?

— Нет. Ни в коем случае. Но я ведь с принцем. Я не могу его покинуть.

— Ты его не покинешь.

— Но он отправится на восток. Ему необходимо идти на Кендру и победить — или погибнуть. И я должен быть с ним.

— Тогда мы пойдем на Кендру вместе с тобой и погибнем, если понадобится. Судьбу нашу решат боги.

Эйджер тяжело опустился на расстеленное одеяло. Девушка села рядом. Он отодвинулся.

— Ты не находишь меня красивой, — печально заключила она.

Он поймал ее взгляд и покачал головой.

— Это не так. Ты очень красива. Но я не могу взять тебя просто потому, что я вождь.

— Значит, ты согласен с тем, что ты наш вождь?

Эйджер кивнул, покорившись судьбе.

— Похоже, у меня нет выбора. Я не отдам вас двум кругам. — Он вспомнил, как близка была Коригана к тому, чтобы лишиться трона. — Сам видел, какими они могут быть непостоянными.

Она улыбнулась ему.

— Все в клане будут рады. У нас снова есть вождь, и наши обычаи не исчезнут.

Он встал.

— Сколько вас тут?

— Нас, — поправила Мофэст. — Почти четыре тысячи, и две из них — воины. У нас свыше тысячи голов скота. Мы не самый большой клан и не самый богатый, но зато один из самых старых, и нас весьма уважают в Океанах Травы.

— А кто, собственно, *ты*?

— Я племянница жены Катана. Именно потому меня и отправили сегодня к тебе.

— А кто остальные трое?

— В клане этих людей очень уважают за ум и смелость. Если ты желаешь увидеться с ними сейчас, я могу позвать их.

— Не нужно.

— Чего ты ждешь от нас? Что нам делать?

— Делать?

— Ты ведь наш вождь. И должен вести нас.

— Пока вы стоите в Верхнем Суаке, продолжайте делать то же, что и раньше. А потом... — Он помолчал, все еще пытаясь привыкнуть к мысли о том, что он — вождь клана четтов. — ...потом увидим.

Он потянулся к пологу шатра, но ладонь Мофэст легла на его руку.

— Тебе не обязательно уходить. Теперь я вижу, что ты не намерен заставлять меня спать с тобой, и благодарна тебе. И я буду рада разделить с тобой одеяло.

Эйджер улыбнулся ей. Он видел очертания ее фигуры под пончо и почувствовал первый укол желания, чего с ним не было уже много лет. Но он не мог взять ее сейчас и вот так. Эйджер мягко убрал ее руку со своей и вышел из шатра.

ГЛАВА 14

Из всех коек были заняты только две — на одной лежала девочка лет пяти с сильным жаром, впрочем, мирно спящая, на другой — мальчик лет трех с кашлем.

— Вы уверены, что ни ему, ни ей ничто не угрожает? — спросил Олио.

— Ничего, ваше высочество, — покачал головой священник. — За последний час жар у девочки спал, а мальчик уже меньше кашляет. К концу недели оба будут здоровы.

Олио кивнул, но рука его все еще держала Ключ Исцеления, словно тот мог понадобится в любую секунду. Он казался теплым на ощупь, даже нынешней холодной ночью. «Он хочет, чтобы им пользовались, — подумал Олио. — Но я дал слово. И по крайней мере сегодня ночью нет никакого искушения воспользоваться им».

— И больше никого нет?

Священник снова покачал головой.

— Разве для зимы это не редкость?

Священник посмотрел ему в глаза.

— В общем-то нет. Самые холодные месяцы уже подходят к концу. Есть два времени года, когда бедняки болеют чаще всего — когда на улицах лед и когда по ночам так жарко, что им приходится оставляют двери и ставни открытыми, чтобы хоть как-то охладить свое жилище. Летом у нас бывает много больных трясучкой. А зимой болеют главным образом грудными заболеваниями.

— Понятно. — Олио повернулся к сопровождавшему его из дворца магу. Он не мог вспомнить, как того зовут. — Где сегодня прелат Фэнхоу?

— У него важная встреча с теургией, ваше высочество. Что-то, связанное с армией, которую мы отправляем весной на север.

Тут Олио вспомнил, как Эдейтор что-то говорил об этой встрече. Мысли его перескочили к планированию кампании; до сих пор он был лишь косвенно вовлечен в это, но отныне ему придется присутствовать на военных советах — в конце концов, ему ведь предстояло стать генералом той самой армии. Такая мысль, бывало, забавляла его, но по мере того, как близилось время выступления в поход, перспектива вести в бой более опытных людей представлялась ему все более тягостной. Он видел себя целителем, а не воином. Олио считал, что его роль в жизни — возвращать людей с порога смерти, а не вести их на нее. Но его сестра — королева, она дала ему поручение, и он не мог отказаться от него.

— У нас приготовлено перекусить с дороги, ваше высочество, — предложил священник и провел его на кухню. На грубо обтесанном деревянном столе уже стояли миски с ухой и блюда с хлебом и выпечкой; в центре высился кубок красного вина.

— Превосходно, — одобрил Олио, а затем показал на кубок. — Но это заберите. Горло мне лучше прочистит немного свежего сидра.

— Конечно. — Священник исчез вместе с кубком. Олио ожидал укола сожаления, но не почувствовал его.

«Кое-что все-таки улучшается», — сказал он себе.

Священник появился вновь с небольшим бочонком сидра, и Олио уселся за стол с ним и магом. Сперва его сотрапезники говорили слишком почтительно, но через некоторое время они почувствовали себя уютнее, и Олио, к своему удивлению, обнаружил, что это застолье ему действительно по душе.

Арива положила ладони на живот. «Да, — подумала она. — Девочка». Ее переполняло какое-то чудесное, незнакомое ощущение, и она рассмеялась от радости. Спящий рядом с ней Сенда-

рус что-то пробормотал во сне и перевернулся, уронив руку ей на грудь. Она рассмеялась еще сильней.

Сколько времени она беременна? Одному богу известно. За последние два месяца они с Сендарусом так часто занимались любовью — и ночью, и утром, как-то раз на соломе в королевских конюшнях, а другой раз — у него в покоях, покуда его отец ожидал встречи с ним.

Значит, ребенок появится летом или осенью. Возможно, у ее дочери будет общий с ней день рождения. А у королевства будет еще одна Ашарна. И какие же у Ашарны будут братья и сестры? Например, еще одна Арива, и Берейма, и Олио. А почему бы и не Марин? Или даже Оркид? Это вызвало бы улыбку на лице канцлера и — что столь же приятно — гримасу на лицах всех аристократов из Двадцати Домов.

К концу осени Хаксус наверняка будет усмирен, а Линан — убит. Девять месяцев — и королевство снова обретет мир, которым оно наслаждалось при первой Ашарне, а также получит новую наследницу престола.

— Быть может, мы не остановимся на разгроме армий Хаксуса, — сказала Арива дочери. — Быть может, мы займем и сам Хаксус, и тогда все земли, кроме пустыни южных четтов, будут принадлежать Грендалиру. Я сделаю тебя правительницей Хаксуса, и это назначение сможет подготовить тебя к моему трону, когда придет мое время. — Эта идея показалась королеве весьма привлекательной; у ее матери был лишь один изъян — слишком уж крепко она держала вожжи управления в собственных руках. Берейма начал обучаться править слишком поздно и проучился слишком мало; теперь она поняла это.

Арива перестала думать, дав себе потихоньку уснуть; рука мужа по-прежнему покоилась на ее груди, и снилось ей будущее.

Деджанус сидел за плохо освещенным угловым столиком таверны «Пропавший моряк», закутав в плащ свое массивное тело. Любой, видевший, как он вошел, не мог усомниться в том, кто он такой, но новоприбывшие его не замечали. Он медленно цедил хорошее сторийское вино, которое теперь, будучи коннетаблем королевской гвардии, мог себе позволить, и поджидал женщину, которая, как ему сообщили, почти каждую ночь работала здесь.

Она пришла чуть ли не к полуночи, видимо, сильно торопясь, и исчезла на кухне. Через некоторое время она появилась вновь, в замызганном белом фартуке и с деревянным подносом, на котором лежала мелочь на сдачу. Деджанус наблюдал за ней, покуда она переходила от столика к столику, принимая заказы и непринужденно

улыбаясь, засовывая в кармашек чаевые. Женщина была пышногрудой, миловидной и чувственной. «Оно и понятно, — подумал он про себя. — Все в его вкусе». Когда она сообразила, наконец, что за плохо освещенном угловым столиком кто-то сидит, то подошла к нему.

— Извините, благородный господин, я не разглядела вас здесь, в темноте. Вам что-нибудь принести?

— Еще вина. — Он протянул ей пустую кружку, и она удалилась. Когда она вернулась, он заплатил за вино, а затем показал ей серебряную крону. Лицо ее расплылось в широкой улыбке, и она потянулась за монетой, но Деджанус убрал руку.

— Присядь.

Улыбка женщины исчезла.

— Понимаю, — безрадостно проговорила она, но тем не менее присела.

— Мне нужна твоя помощь, — сказал он.

— Могу себе представить.

— Не такая помощь, Икана, — невесело рассмеялся Деджанус.

— Откуда ты знаешь, как меня зовут? — напряглась женщина.

— У нас однажды был общий друг.

— У меня много друзей.

— Этого звали Камаль Аларн.

Женщина охнула и двинулась было встать, но рука Деджануса стремительно метнулась вперед и схватила ее за запястье, удержав на месте.

— Кто ты? — прошипела она.

Свободной рукой Деджанус снова показал ей монету.

— Новый друг. Взамен старого.

Он отпустил ее руку, и она больше не пыталась уйти.

— Ты не ответил на вопрос.

— Я на него отвечу, Икана, но это будет последним вопросом, какой ты когда-либо задаешь мне. Перед тобой Деджанус.

Глаза ее расширились от удивления и страха. Деджанус увидел, что она борется с порывом бежать от него без оглядки, но ее взгляд был прикован к серебряной кроне.

— Тебе незачем бояться. Я не виню тебя за знакомство с Камалем. Даже я был его другом до того, как он стал изменником. — Он отдал ей монету, и она упрятала ее в блузу, между пышных грудей.

— Сведения, — продолжал он. — Мне нужно знать то же, что узнавал Камаль. Я хочу, чтобы всякий раз, когда происходит что-то, о чем, на твой взгляд, мне следует знать, ты сообщала мне об этом.

 Обо всем незаконном, обо всем идущем вразрез с интересами

королевства. Обо всем, идущем вразрез с *моими* интересами. *Обо всем* необычном или неожиданном.

Икана кивнула. Он видел, что она все еще напугана, и это было хорошо. Весьма важно, чтобы Икана поняла — он такой; если она разозлит его, он может столь же легко наказать ее, как и вознаградить.

— Ты взяла мою монету. Теперь ты работаешь на меня. Я буду время от времени наведываться сюда, и ты будешь рассказывать мне обо всем, что увидишь и услышишь, и что мне тоже следовало бы видеть и слышать. Будешь работать хорошо — будут тебе новые кроны. Подведешь меня — убью.

Она снова кивнула и встала, собираясь уйти.

— Я не закончил, — негромко произнес он, и она упала обратно на место. — Мы можем начать прямо сейчас. Мне нужно знать, кому еще платил Камаль за сведения.

Через минуту она убралась, а Деджанус откинулся на спинку стула, расслабившийся и довольный ходом дела. Через несколько дней он полностью восстановит прежнюю сеть Камаля из нищих, пьяниц и шлюх, ту самую сеть, благодаря которой тот все время был в курсе происходящего в старом квартале города; это сыграло немалую роль в успешной деятельности Камаля на посту коннетабля. Эта была сеть, соперничавшая с сетью самого Оркида; она и позволит Деджанусу следить за деятельностью самого Оркида в Кендре — именно ради этого он главным образом и выискивал Икану и ей подобных. Деджанус допил вино и ушел, довольный собой и могуществом одной серебряной монеты.

Оркид и Марин стояли на небольшой террасе перед гостевыми покоями Марина. Сверкающий город уступил место темным, спокойным водам залива Пустельги. Они смотрели на запад, на свою родину, и Марин глубоко вздохнул.

— Ты скучаешь по горам, — определил Оркид.

— И по своему двору. Знаю, он жалкий по сравнению с двором Аривы, но там я чувствую себя уютней, чем здесь. В Кендре слишком многие борются за власть; дома я знаю, что удар в спину мне не грозит.

— Особенно теперь, когда ты так тесно связал нашу землю с королевством.

— Да, сделано было неплохо, — без малейшего высокомерия молвил король. Он потрепал брата по плечу. — Сделано нами. Но теперь мы должны извлечь из этого выгоду.

— Так скоро? Разве нам не следует подождать, пока все утрясется, прежде чем снова взяться за дело? Ведь Двадцати Домам — не говоря уже о правителях других провинций Гренда-Лира — понадобится некоторое время для восстановления своей уязвленной гордости.

— Да, знаю, план был именно таков, но обстоятельства предоставили нам возможность сослужить еще большую службу Гренда-Лиру, укрепив тем самым свои позиции.

— Какие обстоятельства?

— Задуманное Салоканом нападение и бегство принца Линана в Океаны Травы — или к Салокану, если верить слухам.

— Какая нам с того польза?

— Ты слишком долго жил в Кендре, и твой мозг привык следовать самым извилистым путем. Давай сперва разберемся с проблемой Линана. Подумай, Оркид. Если он в Океанах Травы, под защитой четтов — что может выбить четтов из колеи больше, чем все прочее?

— Восстановление рабства.

— А кроме этого? Не думаю, что Арива позволит такое, да и нашему народу рабство всегда было отвратительно. Мы ведь сродни четтам, помнишь?

— Тогда я в растерянности...

— Я дал тебе подсказку. — Марин таинственно улыбнулся.

Канцлер нахмурился, но покачал головой, смирившись с неудачей.

— Аман был создан южными четтами, селившимися в долинах вокруг гор к востоку от пустыни. У нас до сих пор есть некоторые связи с ними. Мы можем с помощью крупных взяток и своего влияния подтолкнуть их к выступлению против северных четтов. Это по меньшей мере отвлечет их, облегчив задачу Джесу Прадо.

Оркид кивнул.

— Это может помочь. Такой ход ослабит любую поддержку, какую мог приобрести Линан. А что насчет Салокана?

— Помнишь, мы обсуждали, как бы поставить Сендаруса во главе армии Аривы? Я могу подсластить эту пилюлю. Для этого я отправлю для пополнения армии тысячу нашей лучшей легкой пехоты, и это в дополнение к тем войскам, которые она в любом случае призовет из Амана. Она будет рада получить профессиональных солдат.

— Это должно сработать, — задумчиво произнес Оркид. — Думаю, мне не составит труда убедить Олио, что так будет лучше для всех. А если он устранится, станет легче склонить к такому решению и Ариву. А коль скоро она согласится, за ней последует и Совет.

— И если Сендарус получит командование армией, — медленно проговорил Марин, — Арива даст ему Ключ Меча.

— Владыка Горы! Ты не мелочишься, верно?

Марин пожал плечами.

— Нам выпал случай существенно упрочить свое влияние в Кендре. Если все пройдет отлично, в Амане будут видеть спасителя королевства. А после этого возможно все.

Оркид молчал, ошеломленный мечтой брата.

— Скоро мне придется уехать, — продолжил в конце концов после паузы Марин. — Думаю, дня через два. Мне потребуется дней пять, чтобы добраться до Пиллы, и как только я доберусь — сразу отправлю пехоту. Можно отправить их вверх по Гелту до Чандры — это избавит Ариву от необходимости оплачивать доставку. А еще я свяжусь с теми племенами южных четтов, с которыми мы торгуем. Остальное будет зависеть от тебя.

— Я сделаю все от меня зависящее. — Оркид покачал головой. — Я-то надеялся, что когда Сендарус женится на Ариве, закончатся времена столь масштабных и рискованных планов.

— Мы рождены для подобных замыслов, — сказал Марин. — Думаю, мы оба никогда не сможем остановиться — ни я, ни ты.

ГЛАВА 15

Два человека вывели своих лошадей из ущелья и остановились. Перед ними раскинулись Океаны Травы, и они с большим чувством облегчения поняли, что выполнили свою задачу. Младший хотел ехать дальше.

— Рендл будет вдвойне доволен, если мы найдем поблизости реку или суак. При переходе через горы отряд израсходует почти всю воду.

— Если поблизости есть река или суак, то есть и четты, — хмуро ответил старший товарищ, смахивая снег с подбитой мехом кожаной куртки и шлема. — Мы свое дело сделали. Давай-ка очистим подковы лошадей и поедем обратно. Мы и так-то доберемся до лагеря не раньше, чем еще через неделю.

— Да ведь зима, сержант, — насмешливо бросил младший. — Все четты сейчас в Верхнем Суаке.

Сержант поднял одну из ног своей лошади и принялся ножом выковыривать камешки из стершейся подковы.

— Поступай как знаешь, но я тут болтаться не собираюсь. Тебе придется нагонять меня.

Младший вполголоса выругал сержанта. Несмотря на показную легкомысленность и браваду, ему не улыбалось одному заезжать в Океаны Травы — но и показаться трусом или дураком не хотелось.

— Я недалеко, — пообещал он и пришпорил коня.

Сержант ничего не сказал, но покачал головой. Когда он закончил заниматься лошадью, то нашел незаснеженный камень, уселся на него и принялся жевать длинную полосу вяленого мяса. Четыре последних ночи ему снилось горячее тушеное мясо и свежее пиво. Лошадь его щипала поблизости желтую траву. Он посмотрел на небо. Бледному солнцу еще час оставалось ползти до зенита. До полудня он подождет, а потом...

Воздух разорвал страшный пронзительный вой, и сердце замерло у сержанта в груди. Он влез на камень и, стоя на нем, встревоженно обшарил взглядом расстилавшуюся перед ним траву, но ничего не увидел. А затем услышал еще один звук — долгий победный вой степного волка. Миг спустя в поле зрения появился галопом мчащийся конь его спутника; пустые стремена шлепали жеребца по бокам.

— Ну, все, — прошипел сержант и вскочил на собственную лошадь. Он хлестнул ее поводьями и пришпорил, направив обратно по ущелью, наплевав на опасность непрочно держащихся камней и крутого склона. Лошадь бежала неохотно — пока мимо не промчался конь без седока, — зато уж потом не нуждалась в понуканиях всадника.

Перепуганный наемник почти не мог дышать. Дикого вида четт уперся коленом ему в грудь и приставил к его горлу короткий нож. Четт, казалось, к чему-то прислушивался, а через некоторое время усмехнулся и встал.

— Не уби-би-бивай меня! — взмолился наемник.

Четт с пренебрежением взглянул на него.

— Не буду. Во всяком случае, пока. — А затем снова усмехнулся. — Пока не буду. — Он откинул голову и снова издал протяжный вой.

Наемник обмочился, но был слишком напуган, чтобы устыдиться.

В четырехстах лигах от ущелья Гудон трудился на причалах Даависа. По опыту работы лоцманом на реке Барда он знал, насколько деловитой бывает зимой столица Хьюма, но раньше не замечал ничего похожего на нынешнюю активность. Корабли из Спарро

постоянно подвозили огромные корзины с зерном, бочки с вином и ящики сушеного мяса. Кроме того, наблюдалось больше обычного солдат, и все они выглядели мрачными. От других рабочих он узнавал слухи о грядущей войне с Хаксусом, слухи, которые не менялись по существу, из какого бы источника ни исходили; а вот о том, что именно предпринимает в сложившейся ситуации королева Арива, слухи ходили разные. Зачастую они звучали весьма дико — и почти наверняка были ненадежны.

К причалу подвалила еще одна баржа, и Гудон вместе с кучкой других рабочих поспешил помочь разгружать ее, пока бригадир не сделал ему выволочку. А затем он вздрогнул, узнав нетерпеливо стоящую на носу фигуру, и быстро пригнул голову. Спрятавшись за одним особенно рослым портовым грузчиком с веревкой на плечах, Гудон помог ему поднять над головой кипу фуража для лошадей и сунуть ее в веревочную петлю. Затем он проскользнул, прячась за ящиками с зерном и капустой, на корму баржи. На мгновение подняв взгляд, он увидел, как Джес Прадо быстро отдал бригадиру распоряжения и исчез в портовой толпе.

Гудон испустил глубокий вздох облегчения; шок, испытанный им при виде Джеса Прадо, постепенно растаял.

— Эй, ты! Чалат! Шагай вон туда! Я тебе плачу не за то, чтоб ты пялился на свои ноги!

Гудон быстро поклонился бригадиру и присоединился к цепочке рабочих, дожидающихся на корме разгрузки товаров. Через несколько минут баржа опустела, отчалила, и ее место тут же заняла другая. Она была заполнена усталыми, измотанными наемниками, вместе с ними плыло шесть лошадей, выглядевших так же плохо, как и их хозяева. Через планшир этой баржи перекинули более широкие сходни, и наемники начали выходить на берег, ведя лошадей.

С этой части причала Гудон видел происходящее намного ниже по течению реки, и видел он там только нескончаемую цепь барж, набитых солдатами и лошадьми.

— Что происходит? — спросил он стоящего рядом рабочего.

Тот пожал плечами.

— Новые подкрепления для предстоящей войны. Королева Чариона сильно рассердится. Ей нужны регулярные войска, а не эта наемная шваль. — Рабочий сплюнул. — По крайней мере, это означает, что выгружать нам придется меньше.

Выгружать, может, пришлось и меньше, но количество барж более чем сглаживало разницу. Гудон не мог припомнить, что-

бы ему когда-либо в жизни приходилось так тяжело трудиться. Бедра и плечи гудели от предельного напряжения, а ладони начали покрываться волдырями.

К вечеру баржи прекратили подплывать, но активность в порту вместо того, чтобы ослабнуть, возросла. Пустые баржи связали друг с другом по две, начиная от конца причала, пока они не соединились с паромным причалом на другой стороне реки. На баржах настелили огромные толстые доски и закрепили их толстыми, как канаты, веревками. Когда этот понтонный мост закончили, он был двадцать шагов в ширину и двести в длину; течение тащило его, заставляя выгибаться посередине, словно лук. Гудон и рабочие сначала помогали сооружать мост, а затем принялись привязывать веревки к железным петлям каменных якорей и сбрасывать их — по два с каждой баржи. Как только работа была завершена, рабочих поспешно выдворили, и у паромного причала противоположного берега появилась колонна солдат, ведущих в поводу лошадей.

Хотя примерно в полночь рабочих отпустили по домам, некоторые, в том числе и Гудон, остались посмотреть, как эта процессия переправится через Барду и войдет в город. Каждый десяток солдат Гудон отмечал зарубкой на ящике. Он добрался до сотни, а колонне все не было конца. Ему никогда раньше не доводилось видеть столько наемников, подчиненных одному командиру.

«Куда они направляются? — не переставал гадать он. — На войну? Или же Прадо снова отправился ловить Линана?»

Гудон увидел у соединения моста с причалом бригадира и подошел к нему.

— Сколько мы еще будем держать понтонный мост? — спросил он. — Пока он тут, у нас не будет новых барж.

— Не знаю, — неопределенно хмыкнул бригадир. — И мне все равно. А покуда нам платят за простой, тебе тоже должно быть все равно.

— Думаю, они идут на войну.

— Надо полагать, хотя зачем нам нужна какая-то кавалерия на границе — мне никак не понять. Нам нужна пехота, пехота для усиления гарнизона Даависа. А кавалерия при осаде на хрен не нужна.

— Да, — сочувственно согласился Гудон. — Но слухи-то о войне ходят уже неделями, так как же вышло, что Кендра не присылает пехоту?

— Неделями? — бригадир посмотрел на Гудона с легким отвращением. — Уж не знаю, с кем ты болтал, но я впервые об этом услышал меньше пяти дней назад.

Гудон поспешил убраться. На лбу у него выступил холодный пот. Прадо не мог организовать такой большой отряд меньше чем за месяц. Наемники явились сюда не воевать.

Он быстро зашагал к тесной каморке, которую снимал на захудалом приречном постоялом дворе. Зайдя туда через черный ход, он быстро собрал свои немногочисленные пожитки, в том числе и припрятанный под отодранной половицей меч. Оттуда он направился к конюшне, разбудил раздраженного владельца и, уплатив за содержание двух своих лошадей, быстрой рысью поскакал из Даависа на север. К рассвету он оставил город и реку далеко позади. Он пересаживался с лошади на лошадь и сохранял хороший темп, но испытывал невольное желание иметь на ногах крылья. Даже при самой лучшей скорости он доберется до Верхнего Суака не раньше начала весны, а к тому времени может оказаться уже слишком поздно.

Прадо обыкновенно выходил из себя, когда ему приходилось ждать у моря погоды, но ради данного случая он приложил особые усилия; зайдя так далеко в осуществлении своего плана, он не собирался позволять чему бы то ни было останавливать его продвижение к цели. Служащие при дворе королевы Чарионы чиновники сновали мимо Джеса по своим делам, почти не обращая на него внимания. Сперва он докучал каждому из них, пытаясь выяснить, когда же королева соизволит принять его, но те беспомощно пожимали плечами и старательно обходили его стороной, поэтому он в конце концов махнул рукой.

От придворного пристава он услышал новость о мобилизации Аривой войск для войны с Хаксусом и испугался, как бы она не прислала его отряду приказ укрепить собой оборону Даависа. Данная новость определенно заставляла забыть о намерении попросить у Чарионы один-два эскадрона ее регулярной конницы, чтобы помочь в выполнении его задачи.

«Не имеет значения, — сказал он себе. — Я справлюсь и с теми двадцатью пятью сотнями, которые у меня есть, лишь бы никто не ставил мне палки в колеса».

Примерно к середине утра к нему присоединились Фрейма и Сэль.

— Ты слышал? — взволнованно начал было Фрейма.

— О войне? — Прадо сплюнул. — Конечно, слышал.

— А другой слух? — спросила Сэль.

— Какой другой слух? — сузил глаза Прадо.

— Что армии Хаксуса ведет Линан.

Прадо не мог скрыть удивления. Если это правда, то Арива почти наверняка прикажет Чарионе мобилизовать его отряд, присоединив к своему. Он принялся бешено соображать, расхаживая взад-вперед по изукрашенному мозаикой атриуму и нервно поглядывая на бронзовые двери, ведшие в тронный зал королевы. Теперь он уже не был уверен в том, что ему хочется аудиенции у нее.

Если слух верен, значит, Рендл вернулся в Океаны Травы и захватил Линана в плен. Но каким образом? Прадо был с Рендлом, когда провалилась первая попытка захватить принца в плен — сорванная, надо полагать, четами. Если дело обстояло именно так, то четты наверняка позаботились о дальнейшей безопасности Линана, а это, в свою очередь, означало, что для поимки Линана Рендлу пришлось бы углубиться далеко в степь поздней осенью — или того хуже, зимой.

Он покачал головой. Нет, это невозможно. Должно быть, это всего лишь слух.

— Линан по-прежнему у четтов, — произнес он вслух, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Откуда у тебя такая уверенность? — спросила Сэль.

Он строго посмотрел на нее.

— Я просто *знаю*.

За последние два месяца Сэль усвоила, что означало такое выражение, и не стала спорить.

Бронзовые двери открылись, и к Прадо шмыгнул усталый на вид чиновник.

— Сейчас королева примет вас. — Чиновник неодобрительно взглянул на одежду наемника. — И будьте кратки.

Он провел троицу в тронный зал. После тронного зала Аривы в Кендре он казался не слишком просторным, но был богато изукрашен. Повсюду виднелись придворные, солдаты и секретари, то и дело тявкающие друг на друга, тычущие пальцами в документы на переносных столах; все они выглядели напряженными. Сама Чариона сидела на троне, окруженная обеспокоенной толпой свитских, и выглядела среди них подобной оазису спокойствия.

Это была невысокая женщина, изящная, словно резная фигурка. Ее округлое бледное лицо обрамляли свободно спадающие на плечи черные волосы. Карие глаза равнодушно разглядывали наемников, пока те приближались к ней.

— Ваше величество... — начал, низко кланяясь, Прадо.

— Я получила от королевы Аривы послание, касающееся вашего задания, — перебила Чариона. Голос ее казался неестественно низким для такой маленькой женщины. — Это досадно.

— Сожалею, государыня, что мы явились в такой неудоб...

— В посланиях подчеркивалось, что я не должна препятствовать вам, — продолжала она. — Под этим, как я понимаю, она подразумевает, что нельзя на время присоединить ваш отряд к моим силам.

— Отряд состоит главным образом из кавалерии, ваше величество. При осаде от нее мало толку.

— Осаде? А кто говорил что-то об осаде? — Голос ее сделался твердым как сталь.

— О ней все говорят, государыня, — поторопился уверить королеву Прадо. — И припасы, которые мы видели...

— Фарбен? — обратилась она к кому-то.

Проводивший наемников в тронный зал чиновник спешно покинул их и опустился на колени перед Чарионой.

— Ваше величество?

— По-моему, я приказала, чтобы припасы отправляли на склады, как только их доставят. Я не хочу, чтобы шпионы Салокана знали о наших планах.

Фарбен, оправдываясь, пожал плечами.

— Мы отправляем их на склады как можно скорей, но прошлой ночью эта работа была прервана из-за... — Он взглянул на Прадо. — ...прибытия генерала и его отряда.

Чариона кисло посмотрела на Прадо.

— Еще одна причина не радоваться вам.

— Да мы понятия не имели, ваше величество, — взмолился Прадо. — Если б мы были в...

— То все равно вошли бы в город со всей помпой. Я знаю таких, как вы, генерал. И знаю Ариву.

Прадо не знал, что сказать на это, да и все равно она перебила бы, и поэтому он снова поклонился. Фрейма и Сэль благоразумно держались позади, старательно разглядывая носки своих сапог.

— Так зачем вы здесь? — потребовала ответа королева.

— Забрать припасы, — сказал Прадо.

— Невозможно, — отрезала она. — Как видите, нам самим нужны все припасы. Салокан выступит, как только начнется оттепель. — Она снова посмотрела на Фарбена. — Когда, по словам наших магов, это произойдет?

— Через четыре или может, пять недель, ваше величество, — ответил он.

— Так что, сами видите, генерал, о припасах не может быть и речи.

Прадо провел языком по губам.

— Ваше величество, я понимаю ваше затруднительное положение, но моя задача крайне важна.

— И в чем же именно состоит ваша задача? — наклонилась вперед Чариона.

Прадо моргнул. Этого он не ожидал.

— Ваше величество?

— Да ради бога, генерал, не прикидывайтесь дурачком. Вопрос был достаточно прост.

— Я полагал, королева Арива уведомит вас об этом.

Чариона снова выпрямилась на троне, и ее бледное лицо залилось краской гнева.

— Очевидно, какой-то недосмотр с ее стороны. В нынешние времена мы все крайне заняты, и нечто столь очевидное могли и проглядеть. Итак, какая у вас задача?

— Я далек от того, чтобы утаивать от вашего величества какие-то сведения, но королева велела мне не обсуждать цель моего похода. — Он надеялся, что лжет убедительно. Если Арива ничего не сообщила Чарионе, значит, у нее были на то свои причины. Или, скорее, на то были свои причины у Оркида. Не опасался ли канцлер, что Чариона станет мешать? Или возьмет выполнение задачи на себя? Да, вот в чем все дело. В своей борьбе с Чандрой она готова что угодно сделать, лишь бы снискать расположение Аривы.

— Понимаю, — ледяным тоном промолвила Чариона. — Тогда вам лучше приступить к выполнению своей задачи.

— Мне нужны припасы, государыня.

— Я уже сказала, что ничего не могу вам выделить.

— Но мое задание...

— Если б я знала, в чем заключается ваше задание, генерал, то, возможно, и нашла бы какой-то способ дать то, что требуется вашему отряду.

— Но можно послать в Кендру почтового голубя и прояснить положение, — нашелся Прадо и в третий раз склонил голову, но на сей раз с целью скрыть, как нервно сглотнул. И задержал дыхание, ожидая вспышки возмущения.

Наступила страшная тишина. Она распространялась от трона по всему залу, словно рябь в пруду. Прадо осмелился поднять взгляд. Лицо Чарионы сделалось почти таким же бледным, как у Аривы.

«Но она не из Розетемов, — напомнил он себе. — Она разгневана, потому что проиграла». И удержался от порыва облегченно вздохнуть.

— Фарбен. — Чариона произнесла это имя голосом, подобным льду. — Проводи этого человека на главные склады. Выдать ему те припасы, в каких он нуждается. Он должен расписаться за них.

Фарбен поклонился и попятился, потянув за собой за рукав и Прадо. Когда Прадо отступил, Чариона заявила:

— Я больше никогда не желаю вас видеть, генерал. А если все же увижу, то распоряжусь отрубить вам голову и отправить ее Ариве вместо голубя.

Прадо повернулся к ней спиной и вышел из тронного зала следом за Фарбеном.

Рендл терпеливо выслушал сержанта; этот боец служил с ним почти двадцать лет и он знал его как человека, храброго настолько, насколько это вообще нужно любому наемнику. А также как человека ответственного, что Рендл встречал реже, чем смелость. Когда сержант закончил, Рендл одобрительно потрепал его по плечу.

— Ты правильно поступил. Если б тот молодой дурак сделал, как ты советовал, он был бы все еще жив.

Сержант беспомощно кивнул.

— Да, капитан, знаю.

— И самое главное, вы обнаружили, что путь этот проходимый.

— Но крутой, не быстрый и холодный, капитан. Даже если мы двинемся сейчас же, то весь отряд к весне не провести.

— Ладно. Иди отдохни.

Сержант вышел, по-прежнему с опущенной головой.

Рендл зашел в палатку и сверился с картой, с которой работал вот уже несколько недель. На ней было отмечено несколько горных троп, ведущих в Океаны Травы — его всадники разведали их еще летом. Синими чернилами он старательно провел от своего лагеря к Океанам Травы линию, проходящую через ущелье, которым следовали сержант и его покойный товарищ. К этому времени у него было уже три линии, ведущие через горы — главным образом старые тропы, образовавшиеся естественным образом. Все прочие линии были отмечены красным цветом — сплошь тупики или места, непроходимые зимой

для конницы. И самое важное: три проходимые тропы находились не более чем в сорока лигах друг от друга, в двух днях удобной езды по Океанам Травы. Он мог перебросить в Океаны Травы все войско и ударить по четтам, когда они, усталые и голодные, вернутся на летние пастбища. Он не ожидал, что ему посчастливится обнаружить Линана в первом же атакованном клане, но хоть один из четтов да будет располагать сведениями о том, какой именно клан защищал принца. Если повезет, он сможет напасть на тот клан, захватить в плен принца и отступить обратно в Хаксус прежде, чем четты сумеют организовать сколь-нибудь действенное сопротивление. План это выглядел весьма рискованным, но риск был частью жизни любого наемника: выберешь не ту сторону в войне — и даже если спасешь свою жизнь, то не получишь с войны никакой выгоды. Если б не прибыль, полученная им от торговли рабами, последняя война оставила бы его на мели и без отряда.

За спиной у него кто-то вежливо кашлянул.

— Что такое? — проворчал он. — Разве не видно, что я занят?

— В нынешние времена все заняты, — ответил негромкий голос.

Рендл внутренне застонал.

— Король Салокан. — Он повернулся к гостю. — Какая приятная неожиданность.

— Ты хотел сказать иное. — Салокан натянуто улыбнулся и подошел к карте. — Вижу, у тебя есть третий путь через горы.

— Да. Я могу перебросить войска через горы за две недели.

— Ты разделишь свои силы.

— Ненадолго. — Он показал на средний маршрут. — Мы снова соединимся вот здесь. И через два дня после того, как доберемся до Океанов Травы, у нас будут самые крупные военные силы в степи.

— Пока четты не организуют сопротивление. Как, по-твоему, сколько у тебя будет времени?

— Недель пять, а может, и больше. В любом случае я намерен вернуться в пределах месяца. А как обстоит дело с вашим собственным крайним сроком?

— Все идет по плану. Мы пересечем границу через две недели.

— Вы намерены вторгнуться в Хьюм еще до оттепели?

Салокан кивнул.

— Ты будешь переправляться через горы; нас по сравнению с этим ждет легкая прогулка. Кроме того, Арива к этому времени уже должна знать, что мы у нее на границе. Если ей удалось сформировать армию, она выступит в поход весной. Это даст нам всего несколько недель. Выступив пораньше, я смогу смести ее погра-

ничные дозоры и быть у Даависа прежде, чем ее армия сделает свой первый шаг. А как только я возьму Даавис, ей придется отступить для защиты Спарро и своей линий снабжения.

— А к тому времени в ваших руках уже будет Линан, и вы сможете поработать над Чандрой, убеждая ее перейти на вашу сторону. Король Томар всегда питал слабость к Генералу и его щенку.

Салокан внимательно изучил взглядом Рендла.

— Если твой план сработает.

— И если сработает ваш план, — уточнил Рендл. Будь он проклят, если собирается брать на себя ответственность за успех всего вторжения.

— Мы в руках друг у друга, — непринужденно заметил король. — Мы оба сыграем свою роль.

— И мы одержим победу.

— Победу одержу *я*, — поправил его Салокан. — А *ты* мне поможешь.

Рендл чуть поклонился.

— Ваше величество.

— В самом деле. — Салокан тяжело вздохнул. — Сегодня я отправляюсь на границу. Жалко. Наши короткие беседы доставляли мне большое удовольствие. Когда выходишь?

— Теперь, когда у меня есть нужные горные перевалы, через две недели.

— Кстати, ты обсудил свои планы с генералом Тевором?

— Да.

— Надеюсь он не доставил тебе никаких хлопот? Я хорошенько поговорил с ним насчет этого вопроса о командовании.

— Никаких хлопот. Он был смирен, как хромая лошадь. Как вы убедили его?

— Уведомил его, что собираюсь завести для защиты своей особы новых элитных телохранителей, и если он причинит тебе какие-то хлопоты, то окажется их командиром.

— А почему это должно было отпугнуть его?

— Эти телохранители будут сплошь евнухами.

ГЛАВА 16

Эйджер проснулся с восходом солнца, проспав всего несколько часов. Быстро одевшись, он, прихрамывая, вышел из шатра, почесывая одной рукой живот, а другой голову. И почти сразу осознал,

что на него глядит около сотни зрителей-четтов, причем все они смотрят с куда большим уважением, чем он заслуживал в данный момент. Он прекратил почесываться и опустил руки.

— Привет, — поздоровался он, немного оробев. Его дыхание застывало в воздухе облачками пара.

Из толпы вышла Мофэст и встала рядом с ним.

— Я собрала глав семейств клана Океана как можно быстрей. Они должны присягнуть тебе в верности...

— Все? — перебил пораженный Эйджер. — Нынче утром?

— ...Или должны будут покинуть клан.

— О... — Эйджер быстро огляделся, выясняя, не глядит ли на них еще кто-нибудь. Несколько проходящих мимо четтов остановились посмотреть. — Ладно.

Все закончилось замечательно быстро. Главы семейств один за другим подходили к Эйджеру и клали его руку на свои склоненные головы, а затем отходили, уступая место следующему. Хотя прежде, чем все это закончилось, Эйджер не успел даже по-настоящему замерзнуть, церемония длилась достаточно долго, чтобы вокруг них собралась толпа.

— У тебя есть для меня еще какие-нибудь сюрпризы? — спросил Эйджер у Мофэст.

— Я собиралась предложить тебе сходить к Коригане и сообщить ей, что ты теперь вождь клана Океана.

— А нельзя ли подождать с этим до окончания завтрака?

— Незачем, — ответила Мофэст. — Она и клан Белого Волка сами видели всю церемонию.

— И это была к тому же отличная церемония, — сказала Коригана, подходя и останавливаясь перед Эйджером вместе с шедшим чуть позади нее Линаном. Принц широко улыбался ему, во взгляде его читались гордость и веселье.

Мофэст толкнула Эйджера локтем в бок.

— Что? — спросил тот. — Мне все это в новинку, поэтому просто скажи, что надо делать.

— Так же, как главы семейств твоего клана обязались служить тебе, так и ты теперь должен обязаться служить мне, — ответила за Мофэст Коригана.

Эйджер покраснел и взглянул на Линана.

— О! А как насчет моей присяги на верность принцу?

— Поскольку я считаю принца своим государем, он по-прежнему будет твоим сюзереном.

Эйджер, похоже, чувствовал себя как-то неуютно.

— Что такое? — спросила Коригана.

— А что если... я хочу сказать, что если дойдет до... — У него не нашлось больше подходящих слов. Он чувствовал себя так, словно угодил в засаду.

— Думаю, я понимаю, — доброжелательно проговорила Коригана. — Что, если наши с Линаном пути разойдутся?

— Именно, — кивнул Эйджер.

Коригана улыбнулась.

— Тебе будет легче, если я сейчас, не сходя с этого места, при членах твоего клана пообещаю, что никогда не попрошу тебя делать что-либо, направленное против его величества?

Эйджер вздохнул и снова кивнул.

— Тогда я объявляю, что Эйджера Пармера, солдата Гренда-Лира и вождя клана Океана никогда не призовут выступить с оружием против Линана, который является вернувшимся Белым Волком. — Коригана вытянула перед собой руку, давая Эйджеру взять ее.

Тот благодарно улыбнулся, взял королеву за руку и возложил ее ладонь себе на голову.

— Отлично сделано, — подойдя, одобрительно произнес Линан. — Для одинокого пропащего горбуна, которого я встретил в таверне в Кендре, ты далеко пошел.

Эйджер выпрямился, насколько мог.

— Как и все мы, — искренне сказал он, начиная думать, что, возможно, наследование клана покойного Катана было одной из наиболее счастливых случайностей, выпавших на его долю. Линан промычал в ответ что-то неопределенное и взглянул на свои бледные руки.

— Кто-то, наверное, больше других, — быстро добавил Эйджер, пытаясь сказать принцу, что он все понимает.

Они на мгновение встретились друг с другом взглядами, и Эйджер снова разглядел в глубине души Линана боль и неуверенность.

— Всадники, — указала Мофэст. — Они скачут к нам.

— Это Терин и еще кто-то. — Коригана узнала одного из всадников, и Эйджер заметил, как они с Линаном напряглись. Он попытался припомнить, кто такой Терин, а потом воспоминание всплыло само — это его собрат-вождь, тот, который поддерживал королеву.

«Собрат-вождь, — подумал Эйджер. — Мне нравится, как это звучит».

Всадники натянули поводья, затормозив прямо перед Линаном и Кориганой; из-под копыт их лошадей взметнулись комья снега. Линан взял лошадь Терина за узду.

— Какие новости? — настойчиво спросил он.

Эйджер увидел, что Терин был очень молод, даже моложе Линана. В ответ он кивнул на своего товарища.

— Лучше, если об этом расскажет Игелко.

Все взгляды переключились на второго всадника, который явно крайне вымотался; кобыла его еще чуть-чуть — и могла оказаться загнанной.

Игелко попытался заговорить, но мог лишь хватать воздух раскрытым ртом.

— Переведи дух, — распорядился Линан. — Кто-нибудь, возьмите его лошадь и позаботьтесь о ней.

Кто-то из клана Эйджера бросился вперед и помог Игелко сойти с седла, а затем увел его кобылу.

— Ваше величество, — доложил Игелко, тяжело дыша. — Мы поймали одного.

Линан и Коригана быстро переглянулись.

— Что именно поймали? — спросил Эйджер.

Игелко взглянул на него.

— Наемника. У северного отрога гор Уферо.

— У северного отрога? — переспросила удивленная Мофэст. — Как они угодили так далеко в Океаны Травы?

— Прошли через горы, — ответил Игелко.

— С севера? — Мофэст побледнела. — Ты уверен?

Эйджер положил руку ей на плечо.

— Спрашивать не тебе, — тихо сказал он.

— Ва-ваше величество, — запинаясь, произнесла Мофэст. — Извините, но эта новость...

— Знаю, мрачная, — согласился Линан. И, подойдя к Игелко, помог ему выпрямиться. — Как ты себя чувствуешь?

— Спасибо, мой государь, лучше.

— Где ваш пленник?

— В дне пути позади меня. Его везет мой брат.

— Много успел сказать пленный?

— Только то, что он служит у капитана Рендла.

— У Рендла! — выпалила Коригана и свирепо посмотрела на Линана. — Теперь у нас есть доказательство. Оно убедит даже Эйнона.

— Терин, вышли отряд сопровождать брата этого воина — и особенно пленника. Я не хочу, чтобы по пути с ними что-то приключилось.

— Уже отправил, — доложил Терин, гордый тем, что подумал об этом.

— Отлично, — похвалил его Линан, а затем хлопнул Игелко по плечу. — И вы с братом тоже отлично поработали. Я куплю пять голов скота для каждого из вас.

Игелко низко поклонился.

— Спасибо, ваше величество.

— Убедись, что этот воин как следует отдохнет, — велел Линан Терину. — Как только прибудет пленный, я хочу допросить его.

Терин кивнул и ушел, ведя свою лошадь шагом и о чем-то серьезно говоря с Игелко. Молодой вождь улыбался во весь рот.

— Терин добавит по быку к каждым пяти головам скота, — предсказала Коригана. — Он понимает, какой почет завоевали Игелко и его брат для клана Южного Ветра.

— Ты не могла бы оказать мне услугу? — попросил ее Линан.

— Конечно.

— Не одолжишь ли десять голов скота?

Почти каждый день Дженроза торчала у горнов, наблюдая и слушая, как четтские маги плели свои чары, заставляя огонь пылать жарче. Она пыталась читать по губам, но для сформированного теургией ума все, что ей удалось расшифровать, не имело ни малейшего смысла. Ее это сильно угнетало, и она все отчетливей понимала, что ей придется пойти к Коригане и попросить приставить к ней одного из магов клана Белого Волка для дальнейшего обучения. Необходимость обратиться с какой бы то ни было просьбой к Коригане выводила ее из себя, но перспектива оказаться единственной из спутников Линана, у кого нет ни цели, ни своего места в период их пребывания в изгнании, представлялась и вовсе немыслимой.

Ее кто-то окликнул, и она узнала Подытоживающую, магичку клана Океана.

— Я вижу тебя здесь каждый день.

— Я хочу научиться, — просто ответила Дженроза.

— Ты не станешь просить о помощи королеву.

— Придется просить, — вздохнула Дженроза, — но делать это мне не хочется.

Подытоживающая изучила ее внимательным взглядом.

— Не стану спрашивать почему, меня это не касается. Ты знаешь о переменах в положении моего клана?

— Мне известно, что ваш вождь теперь Эйджер.

— Если б он попросил меня, я сочла бы себя обязанной заняться твоим обучением.

— Я думала, что...

— Эйджер может спросить у Кориганы разрешения позволить мне обучать тебя. Не думаю, что она станет возражать.

— Я сейчас же попрошу Эйджера, — взволнованно сказала Дженроза.

— Можешь не торопиться. Я некоторое время не смогу заняться тобой, пока столько тружусь у горнов. Но позже, когда мы покинем Верхний Суак, у нас будет время.

— Спасибо. — Дженроза не могла придумать, как еще выразить благодарность.

— Это будет интересным упражнением, Дженроза Алукар.

Дженроза моргнула.

— Откуда ты знаешь, как меня зовут?

— Все четты знают о спутниках принца Линана. Вы стали для нас героями.

— Не пойму, с чего бы, — напрямик сказала Дженроза. — Ну, Камаль и Эйджер — это понятно, но я-то совсем не воин.

— Ты спасла жизнь Белому Волку.

— В этом не было никакой магии, — мрачно отозвалась она.

— Но потребовало большой смелости. И если ты истинно желаешь познать путь нашей магии, тебе понадобится большая смелость.

У него никто не спрашивал, как его зовут. Он бы назвал свое имя столь же охотно, как сообщил им все прочее. Сидящий перед ним, проверяя пальцем лезвие своего меча, сумасшедший на вид четт не сводил с него глаз.

— Я не хочу умирать, — в десятый раз повторил он.

— Но тебе все равно предстоит умереть, — заметила ходившая вокруг него высокая четтка. — Вопрос лишь в том, насколько скоро.

Наемник давно уже выплакал все слезы и мог лишь прерывисто вдохнуть.

— Сколько бойцов возьмет Рендл регулярных войск Хаксуса?

— Точно не знаю. Мне говорили — бригаду.

— Ты должен был видеть их.

— Всех не видел. Мы отправились на разведку ущелья до того, как прибыли все.

— Две тысячи? Три?

— Не знаю.

— Сколько было, когда вы отправились на разведку?

— Много. Может, тысячи две.

— А может, и больше?

— Может быть.

Наступило молчание, затем сидевший четт с нетерпением поднял взгляд на женщину. Та покачала головой, и на лице четта отразилось разочарование.

— Значит, у самого Рендла сейчас тысяча всадников?

— Я ведь уже говорил.

— И по меньшей мере еще две тысячи регулярных войск.

— Думаю, да. Может, и больше.

— И когда они двинутся в Океаны Травы?

— Я уже говорил. Не знаю. Мне о таких вещах не докладывают.

— Но до тебя, должно быть, доходили слухи.

Наемник закрыл глаза. Все это он уже выдал им, и если только ему удастся сохранить хоть некоторые из своих тайн, четты, возможно, еще поплатятся за то, что собираются сделать с ним.

— Нет.

— Ладно, — сказала четтка. Наемник сперва облегченно обмяк, но затем сообразил, что она говорит это четту с мечом, который надвигался на него. Как раз в этот миг полог шатра откинулся, и вошел еще один четт.

По крайней мере, подумал наемник, одет он как четт. Но ростом он был ниже любого когда-либо виденного им четта. Низко надвинутая на лоб шляпа не позволяла наемнику разглядеть, каков этот низкорослый с виду.

— Ты узнала, что нам нужно? — спросил новоприбывший.

— Все, кроме сроков, — ответила Коригана.

— Оставьте меня с ним наедине.

Двое других четтов вышли. Наемник слегка выпрямился сидя на кошме, напряженно пробуя на прочность свои путы. Невысокий четт просто смотрел на него.

— Я рассказал той женщине все, что знаю.

Четт по-прежнему не говорил ни слова.

Наемник провел языком по истертым губам, но во рту у него не осталось достаточно слюны, чтобы от этого был какой-то прок.

— Просто убейте меня. Кончайте с этим.

Невысокий снял шляпу, и наемник впервые разглядел его лицо. И уперся пятками в землю, пытаясь отодвинуться как можно дальше.

Четт сгорбился, его правая рука метнулась вперед, схватив наемника за щеки. Тот завопил, но ничего не мог противопоставить силе захвата и вынужден был снова посмотреть в это белое, как кость, лицо со шрамом.

— Кто ты?

— Разве ты меня не знаешь?

— Ты делаешь мне больно.

— Я намерен убить тебя, — отозвался бледнолицый. Наемник закрыл глаза, ожидая самого худшего. — Если ты мне не скажешь того, что я хочу узнать. Давай начнем с твоего имени.

— Арейн, — назвался наемник. И снова открыл глаза, впервые с тех пор, как его захватили в плен, почувствовав тонкую нить надежды.

— Мне нужно знать, Арейн, когда Рендл переправляется через горы.

— Я не знаю.

— Ты знаешь, кто я?

Арейн попытался покачать головой.

— Нет, — с жалким видом признался он.

— Я — Белый Волк.

— О боже, о боже...

— И я намерен съесть тебя заживо.

— ...о боже, о боже...

— Скажи мне то, что я желаю узнать, и обещаю — будешь жить.

— С какой стати мне доверять тебе?

— Белый Волк никогда не лжет.

— Не знаю я никакого белого волка!..

— Ты меня знаешь, Арейн. Знаешь принца Линана Розетема. — Бледнолицый вынул из-под пончо амулет.

— Ключ Единения! — Арейн в удивлении поднял взгляд. — Нет, ты не можешь быть принцем...

— Я изменился, — невесело усмехнулся бледнолицый. — Но я принц Линан. Я сказал тебе, что Белый Волк никогда не лжет. Мне это ни к чему. А теперь скажи мне, когда Рендл переправляется через горы.

— До... — Арейн остановился. Нет. Ему *все равно* предстояло умереть. Он был уверен, что эта безумная тварь собиралась убить его. Схватившие его за щеки пальцы сжались еще плотнее, и он вскрикнул от боли. — До окончания зимы! — выпалил он, и боль тут же исчезла.

Бледнолицый выпрямился.

— Еще до конца зимы. Ты уверен?

— Рендлу нужен принц Линан для помощи Салокану при вторжении в Гренда-Лир. — Арейн посмотрел на низкорослого и снова увидел Ключ Единения. — Ему нужны *вы*.

Принц круто повернулся и распахнул полог шатра.

— Мы узнали, что нам требовалось, — сказал он кому-то, и высокая женщина вернулась в шатер, на этот раз сопровождаемая мужчиной настолько же огромного роста, насколько принц был маленького.

— Хорошо, — прогромыхал великан. — Теперь мы можем егои убить.

— Нет, — запретил Линан.

Камаль, похоже, был готов заспорить, но вспомнил, что говорят они при пленнике, и взглянул на Коригану, которая казалась столь же озадаченной, как и он.

— Ваше высочество, мы не могли бы с минутку поговорить снаружи?

Как только они вышли из шатра, Камаль спросил у Линана, желает ли он задать пленнику еще какие-то вопросы.

— У меня больше нет вопросов, — признал Линан.

— Мы не можем просто отпустить его... — начал было Камаль.

— Я и не говорил, что мы его отпустим. По крайней мере, пока.

— Мы не можем таскать его с собой, — сказала Коригана. — У клана нет никого для пригляда за пленником.

— После нашего отъезда он останется здесь, в Верхнем Суаке. Караульного к нему приставлять не понадобится, потому что бежать ему отсюда некуда. Когда придет время освободить его, мы отправим Херите сообщение.

— Что-то я не понимаю твоих рассуждений, Линан. — Камаль почесал в затылке. — Почему бы попросту не убить его?

— Во-первых, потому, что я обещал пощадить его жизнь, если он скажет правду. Во-вторых, потому что я хочу, чтобы наши враги знали — если они сдадутся, их не зарежут на месте.

— Красные Щиты никогда не брали пленных, — грубовато заявил Камаль.

— Как и четты, — добавила Коригана.

Линан счел не лишенным иронии то обстоятельство, что они оказались наконец на одной стороне — но против него.

— Я буду воевать с собственным народом, — сказал он им. — Тут я ничего не могу поделать. Рано или поздно я

выступлю против армий Гренда-Лира. И ты будешь со мной, Камаль. Мы оба почти наверняка столкнемся с людьми, которых некогда знали.

— На войне такое случается. — Камаль не стал спорить.

— Мы не будем убивать тех, кто нам сдается. Я не допущу, чтобы мои солдаты резали мой родной народ.

— Он же наемник. — Камаль через плечо ткнул пальцем в сторону шатра. — Их ты тоже будешь щадить? А как насчет Рендла? Ты оставишь его в живых, если он сдастся? А Джеса Прадо?

— Четтам будет трудно брать наемников в плен во время боя, — сказала Коригана. — Слишком уж их ненавидят за все, что они сделали нам во время Невольничьей войны.

Линану, похоже, сделалось неуютно.

— Наемников я в амнистию не включаю. Но этот будет жить, потому что я дал ему слово.

— Да будет так, — кивнула Коригана.

Линан посмотрел на Камаля и сверлил его взглядом, пока великан не кивнул с заметной неохотой.

— Я поступлю, как ты прикажешь, — пообещал он, а затем снова поднял голову, глаза его загорелись. — Теперь, когда мы знаем, в чем состоит план Рендла и Салокана, что мы предпримем?

— Когда кланы покинут Верхний Суак? — спросил Линан у Кориганы.

— В скором времени. Я бы сказала, где-то в пределах десяти дней.

— Если мы будем столько ждать, — прикинул Камаль, — то не доберемся вовремя к горам Уферо.

— Вовремя для чего? — непринужденно спросил Линан.

— Чтобы прижать к ним Рендла, конечно, — провозгласил Камаль с таким видом, словно это было очевидным. Линан ничего не сказал. Камаль покачал головой.

— Ты ведь не собираешься этого делать, не так ли?

— Пока еще не знаю, — сказал Линан. — Мне требуется узнать побольше.

— Божья погибель, Линан, мы неплохо представляем, сколько народу приедет с Рендлом, когда и где они пересекут горы. Что еще тебе нужно знать?

— Имеющихся сведений все еще недостаточно. Прежде чем задействовать наши силы, мне необходимо узнать, что именно происходит на востоке.

— Им наверняка придется бросить все силы на борьбу с Салоканом, — сказала Коригана. — Судя по узнанному от нашего гостя, Хьюму очень трудно будет пережить нападение Хаксуса.

— Мы не получили ни одной весточки от Гудона. И пока она не придет, я не стану связывать себя выбором какой-либо стратегии.

— Ты что, будешь оставаться здесь, словно какой-то парализованный жук? — потребовал ответа Камаль.

— Нет. Мы выйдем вместе с кланом Белого Волка и двинемся на восток, не торопясь.

— Весенняя трава не сможет долго прокормить всю нашу армию, ваше величество, — сказала Коригана.

— Я и не намерен надолго задерживать армию в Океанах Травы.

— Но *сейчас* эта армия здесь, — повысив голос, напомнил ему Камаль. — У тебя в руках орудие, способное уничтожить Рендла и его воинство, как только он вступит в Океаны Травы.

— Его воинство будет уничтожено, — пообещал Линан. — Но не тогда. — Он повернулся лицом к Коригане. — Попроси Терина как можно скорее выехать со своим кланом на летние пастбища. Я хочу, чтобы он выставил дозоры у тех ущелий, которыми воспользуется Рендл для проведения своей армии через горы. Терин не должен пытаться нападать на них или досаждать им. Как только отряд наемников оставит горы позади, Терин должен уничтожить любую оставленную у ущелий охрану и надежно перекрыть их, чтобы Рендл не мог отступить тем же путем.

— Я немедля повидаю Терина, — пообещала Коригана и покинула их.

Линан кивнул охраннику.

— Приведи пленного. — Охранник кивнул и исчез в шатре, а миг спустя появился вновь вместе с Арейном. Наемник весь трясся, явно думая, что его сейчас прирежут.

— Ты останешься здесь, пока я не пришлю приказ освободить тебя, — уведомил его Линан. Наемник облегченно обмяк. — Но если попытаешься сбежать, четты тут же убьют тебя. И если ты соврал мне насчет Рендла и его передвижений, я вернусь сюда и съем твое сердце.

Арейн онемело кивнул.

— Отпусти его, — приказал Линан, и охранник разжал захват на руках пленника. Арейн неуверенно постоял на месте.

— Если ты отправишься к сердцу суака, то найдешь там старейшину по имени Херита. Скажи ей, кто ты такой, и передай

мои слова. Она даст тебе занятие, а также крышу над головой. Охранник покажет тебе дорогу.

Охранник двинулся прочь, и Арейн последовал за ним.

Камаль покачал головой.

— По-моему, это глупо, — тихо сказал он.

— Что именно? Отпускать пленного или не нападать на Рендла сразу, как тот появится в степи?

— И то, и другое.

— Полагаю, мой отец не сделал бы ни того, ни другого.

— Да.

— Тогда у меня уже на очко больше, чем у моих врагов! — бросил Линан, и ушел, оставив Камаля глядеть ему вслед.

ГЛАВА 17

Оркид нашел Олио во дворе дворца, где тот смотрел, как упражняются королевские гвардейцы. Канцлер видел, как принц упражнялся, когда подрос; хоть он и неплохо научился обращаться с мечом, но не обладал ни сложением, ни склонностью быть воином. Весь вопрос в том, считал ли так и сам Олио?

— Если бы ваша армия была так же хорошо экипирована и обучена, как эти превосходные бойцы, — вздохнул Оркид.

Олио повернулся и натянуто улыбнулся Оркиду.

— Я не услышал, как вы подошли, канцлер. П-простите, что не об-братил на вас внимания.

— Я не в обиде, — отмахнулся Оркид. — Вы еще не видели собственных солдат?

— Двадцать Домов почти закончили н-набор. Я ожидаю, что они будут го-готовы через несколько дней. А первые подразделения из других провинций прибывают нынче к вечеру; из Стории, по-моему.

— Я думал, что и сама Кендра обеспечит вас несколькими отрядами мечников и копьеносцев.

— Тремя. Они уже в к-казармах около порта и отплывут, как только адмирал Сечмар поймет, что худшие зимние шторма миновали.

— А вы? Когда вы отправитесь?

— С основным войском. По меньшей мере через двадцать дней. Сначала отсюда до Спарро.

— А потом к Даавису и к славе, — добавил Оркид.

Олио вперил взгляд в пол, явно не уверенный в себе.

— В самом деле, — пробормотал он.

Оркид встал рядом с ним.

— Вы возьмете с собой консорта?

— Сендаруса? — Олио в удивлении поднял взгляд. — Ясное дело, не возьму. Он же новобрачный. Сомневаюсь, что он горит желанием расстаться с Аривой. Да и в любом с-случае сестра этого не до-допустит.

— Сендарус может пожелать отправиться в поход, — как бы размышляя вслух, произнес Оркид. — В конце концов, он ведь аманский воин. Ему будет тяжело смотреть, как другие отправляются воевать в то время, как он остается... — Он дал голосу утихнуть

— Ублажать королеву, канцлер? — спросил Олио, голос которого выдавал его гнев. — Уж по крайней мере вам-то не следовало так плохо ду-думать о собственном племяннике.

— Я никогда бы не усомнился в мотивах Сендаруса. Он славный юноша и человек чести. И пожелал бы отправиться в поход ради блага королевы, а не своего личного.

«Если бы генералом вместо меня был Сендарус, — с тоской подумал Олио. — Тогда он мог бы отправиться в поход, а я — остаться здесь, где от меня будет меньше всего вреда».

— Так или иначе, поскольку генерал вы, он не сможет отправиться в поход, — небрежно добавил Оркид.

— Что вы имеете в виду?

— Ну, это сделало бы его вашим подчиненным.

— Только в армии. И кроме того, ду-думаю, гордыня не относится к числу по-пороков Сендаруса. На самом-то деле я не уверен, что у него вообще есть пороки.

— Я и не имел в виду, что сложности могут возникнуть из-за его тщеславия. Дело лишь в том, что он обладает, после королевы, самой большой властью в королевстве. И если данная власть будет подчинена вашей, это создаст политические и юридические трудности.

Олио счел этот момент весьма тонким, слишком тонким для того, чтобы серьезно его обдумывать, но благодаря этому перед ним смутно замаячила иная идея. Гвардейцы закончили упражняться и строем шагали обратно в казармы. А он пошел во дворец, сделав Оркиду знак сопровождать его.

— По-вашему, Сендарус озабочен тем, что не отправляется с армией на север?

— Несомненно. Но он понимает стоящие за этим причины. И не сердится на вас, если вы этим обеспокоены.

— Нет, не этим, — покачал головой Олио. Он задумчиво нахмурился, а затем спросил: — Как по вашему, если б он бы-был консортом на том заседании Совета, на котором меня утвердили генералом, Совет доверил бы этот пост ему?

Оркид притворился, будто обдумывает этот вопрос.

— Не уверен. Наверное... — Он сделал вид, что поразмыслил еще. — Возможно, — задумчиво произнес он наконец. — Теперь, когда вы сказали об этом, мне думается, что такое возможно. Для Сендаруса это было бы еще одним способом доказать свою преданность Гренда-Лиру, и гарантировало бы безопасность обоих уцелевших Розетемов. — Канцлер пожал плечами. — Но дело обстоит иначе.

— Нет, — сказал Олио больше себе, чем Оркиду.

— Я вам нужен для чего-то определенного, ваше высочество? — спросил Оркид.

Олио остановился и рассеянно посмотрел на канцлера.

— Нет. Спасибо, но не нужны. — Он повернулся и продолжил путь, задумчиво опустив голову.

Оркид смотрел ему вслед с улыбкой на строгом лице. «Дело прошло куда легче, чем я смел рассчитывать».

Примас Гирос Нортем сидел за письменным столом, положив крепко сцепленные руки на колени. Он услышал, как в дверь постучали, и быстро сглотнул.

Вошел отец Поул и закрыл за собой дверь.

— Один брат сказал, что вы хотели меня видеть, ваша милость.

Нортем кивнул и жестом предложил священнику присесть. Отец Поул занял кресло и посмотрел на примаса ровным взглядом, спокойно и заинтересованно.

— Мы должны кое-что обсудить, — начал Нортем. — Нечто, важное для вас и для Церкви Подлинного Бога.

Нортем увидел, как Поул слегка напрягся. Значит, священник догадывался, к чему он клонит.

— Мы с вами дружим очень давно, — продолжал он. — И некогда были весьма близки.

На этот раз Поул избегал встречаться с Нортемом взглядом и кивнул несколько сдержанно; лицо его чуть покраснело.

— Вы не согласны? — смущенно спросил Нортем.

— Конечно согласен, ваша милость, — покачал головой Поул. — Но та близость...

— Знаю, прекратилась.

— И по вашей инициативе, а не по моей, — поспешно добавил Поул, глядя на примаса почти умоляющим взглядом.

— Это я тоже знаю. — Нортем тяжело вздохнул. — Желал бы я, чтоб это можно было сделать по-другому.

— Что именно вы желали бы иметь возможность сделать по-другому?

— Не знаю, как вам это объяснить. Вероятно, нам следовало поговорить об этом много месяцев назад. Вы заслуживаете правды.

Лицо Поула внезапно сделалось спокойным, словно чутье подсказало ему, что будет дальше.

— Речь идет о вашем преемнике, не так ли?

Нортем кивнул.

— Вы не знаете истинного имени Божьего. И не можете быть его защитником.

Поул тоже кивнул, повторяя движение примаса и словно говоря: «Понимаю. Конечно». Но взгляд его сделался горящим и жестким.

— Это неправильно, — напряженно произнес он.

— *Напротив*, правильно, — подчеркнул Нортем. — Но не легко. Для вас. И для меня.

Теперь Поул уже не кивал, а качал головой.

— Нет, ваша милость. Это неправильно. Как такое может быть правильным? Вы десятки лет готовили меня к этому посту.

— Я никогда этого не говорил, — стал оправдываться Нортем.

— Ваши намерения не вызывали сомнений, — сказал Поул. — Вы натаскивали меня не просто для того, чтобы я был вашим секретарем.

— Вы были хорошим послушником, отец. И привлекли внимание всех своих начальников. Но вышли за рамки усвоенного вами, сочтя, будто знаете, о чем я думаю.

Поул уперся взглядом в глаза Нортема.

— Взгляните на меня, ваша милость, и скажите, что не намеревались подготовить меня быть примасом вместо вас, когда вы отойдете в царство господне.

И конечно, Нортем не мог посмотреть ему в глаза. Он отвел взгляд, но в какой-то мере спас свою гордость, не пытаясь больше лгать на сей счет.

— Это была королева, — торопливо сказал он, а затем со стыдом закрыл глаза. Поула нисколько не касалось, с чего было принято такое решение, а ему не следовало упоминать о ее роли в этом деле.

— Арива? — недоверчиво переспросил Поул. Нет, не его Арива, несомненно...

— Ашарна, — сказал Нортем. — Она заявила мне, что вы не можете быть примасом. Она этого не потерпит.

— Ашарна? — Поул с недоумением посмотрел на примаса. — Почему? И почему вы подчиняетесь ей теперь, когда она умерла? Что говорит об этом ее дочь?

— Ее дочь об этом не узнает. Я пообещал Ашарне выдвинуть своим преемником кого-нибудь другого вместо вас. Она умерла прежде, чем я успел это сделать.

— Кого... Кого вы избрали преемником?

— Я еще не решил. Не принял окончательного решения.

— Приняли, ваша милость, иначе не рассказали бы мне об этом. — И внезапно, словно кто-то зажег свет в темной комнате, Поул понял. — Это ведь Роун, не так ли? Именно поэтому вы и позволили ему заменить меня в качестве исповедника королевы?

Нортем ничего не сказал.

— Но почему? — настаивал Поул. — Почему Ашарна воспрепятствовала вам выдвинуть в преемники меня?

— Она так толком и не объяснила, — ответил Нортем, и Поул увидел, что примас говорит правду. — Вы ей чем-то не нравились. Она не доверяла вам. И так и не сказала, почему.

Поул обмяк в кресле, и Нортему было крайне неприятно это видеть.

— Вас весьма почитают в Церкви, — утешил он священника. — И вы являетесь членом Королевского Совета. Я позабочусь о том, чтобы вы не утратили этого места. Церкви нужны такие усердные, преданные своему делу и умные люди, как вы, дабы помогать направлять ее путь в мире сем. Надеюсь, вы мне поверите, когда я скажу, что желал бы видеть своим преемником именно вас. Я горячо желал этого. Мне хочется, чтобы вы продолжали служить моим секретарем, и... и я хотел бы возобновить нашу дружбу.

Поул ничего не ответил; он даже не взглянул на примаса.

— Если, конечно, вы думаете, что это возможно, — печально добавил Нортем.

Арива выкроила время для Олио после своей ежедневной встречи с Харнаном Бересардом. Олио особо попросил о разговоре с ней наедине — единственный в королевстве, кроме ее мужа, кто имел право просить об этом, — и она согласилась. Он нервно расхаживал взад-вперед по ее покоям, ломая руки.

— Что-то случилось, — догадалась Арива.

— Да? — Олио посмотрел на нее.

Она пожала плечами.

— А почему еще ты расхаживаешь, словно медведь с колючкой в заднице?

— Нет, — он покачал головой. — Ничего не случилось. — Он остановился. — На самом деле это неправда. Кое-что случилось. Я должен быть генералом армии, которую по весне ты отправляешь на север.

— И что в этом такого? — недоуменно моргнула Арива. — Ты же Розетем. Я в поход идти не могу. Кто-то же должен возглавить эту армию.

— Я не с-самый лучший выбор.

— Ты боишься?

— Конечно, боюсь, — сказал он, даже не обидевшись на подобный вопрос. — Но быть твоим генералом я не хочу не поэтому.

— Не понимаю.

— Я не с-самый подходящий для этого, Арива. Я не солдат. В лучшем случае умею владеть ме-мечом. Во мне нет ни капельки гнева. Тебе не нужно, чтобы атаку на Салокана возглавлял кто-то вроде меня.

— Тогда кто же мне нужен?

Олио посмотрел прямо на нее.

— Тебе нужен кто-то вроде Сендаруса.

— Нет, — коротко отрубила она.

— Н-но, Арива, взгляни на разницу между нами...

— Нет.

Олио вздохнул и снова принялся расхаживать.

— Именно поэтому ты и просил меня о встрече? — спросила она.

— Да. Не думаю, что по-поручить мне вести армию было удачной мыслью. По моему, это принесет де-делу больше вреда, чем пользы.

— Совет думает иначе.

— Совет не понимает, — возразил Олио. — М-многие ли из нынешних членов Совета входили в Совет нашей матери во время Невольничьей войны?

— Хм-м! Никто.

— Именно. Бо-большинство из них понимает в войне и стратегии меньше моего портного. Кто, собственно, предложил назначить меня генералом?

Ариве пришлось подумать над этим, прежде чем она вспомнила.

— Отец Поул, — сказала она наконец.

— Твой исповедник? — Арива кивнула. — Ты приняла решение, основываясь на совете своего исповедника?

— Совет его показался здравым всем, кто там был.

— Советники не хотели подвергать тебя опасности.

— И, значит, оставался только ты, — подытожила она.

— Уже не то-только я. Теперь есть еще и Сендарус.

Арива открыла было рот, собираясь снова сказать «нет», но закрыла его прежде, чем успела произнести это. Она вдруг поняла, что Олио прав. Для того, чтобы возглавить армию, больше всего подходил Сендарус, а не ее брат.

— Сендарус не поймет... — начала было она.

— Да конечно, поймет, — перебил ее Олио. — Он ухватится за возможность показать всем свою преданность королевству. И, что еще ва-важнее, ухватится за возможность п-проявить до-доблесть у тебя на службе.

— А ты нет?

— Я готов погибнуть ради тебя, если понадобится, — фыркнул Олио. — Согласен, не столь охотно, как твой возлюбленный, н-но скорей погиб бы, чем допустил, чтобы тебе причинили вред.

Арива улыбнулась словам брата; она знала, что они искренни. Если она снимет с его плеч бремя генеральского звания и передаст его Сендарусу, некоторые решат, будто это сделано из-за того, что Олио трус, но они-то оба знают, как все на самом деле.

— У твоего предложения есть свои достоинства, — признала она.

Олио перестал расхаживать и остановился перед ней.

— Значит, ты это сделаешь?

— Этого я не говорила. Но я над ним подумаю.

Олио облегченно опустил плечи.

— Так будет лу-лучше всего.

— Это большой риск. А что, если армия проиграет войну? В этом ведь обвинят моего мужа.

— Под командованием Сендаруса армия ее не проиграет. Вот под мо-моим — может, и тогда народ обвинит в по-поражении тебя.

Отец Поул гадал, какое же у бога имя. Он гадал, сколько в нем букв, односложное ли оно или многосложное, и на одном ли слоге ставится ударение. А больше всего ему хотелось бы знать, не записал ли его где-нибудь примас Нортем, не записал ли он са-

мое священное слово на случай, если забудет его. Или на случай, если скоропостижно скончается.

Поул никак не мог уснуть, зная о том, что вот-вот произойдет. Его опасение все росло и росло, пока не сделалось почти нестерпимым. И когда наконец события пошли косяком, начались они с торопливых шагов служителя Нортема, послушника, подающего кое-какие надежды, но малоинициативного. Хотя Поул и знал, куда в первую очередь отправится этот служитель, когда его дверь загремела от стука, он вздрогнул от удивления. Поул открыл дверь, одетый лишь в ночную рубашку, и притворяясь, будто со сна протирает глаза.

— Который час, брат Антикус?

— Ранний, отец. — Послушник глядел на Поула ошалелыми глазами.

— Брат, что случилось?

— Примас Нортем.

— С его милостью что-то случилось? — нахмурился Поул.

Антикус схватил было Поула за руку, но тот убрал ее.

— Пожалуйста, брат, скажите же, что случилось.

— Вы должны пойти взглянуть, отец. Вы должны пойти взглянуть. — На этот раз Поул позволил Антикусу взять его руку и дал увлечь себя босиком по холодному каменному полу коридора к покоям Нортема.

Нортем лежал в постели, уставясь в потолок широко раскрытыми и слегка выпученными глазами, словно перед ним вдруг предстало видение бога. Поул подошел к телу и дотронулся пальцем чуть ниже шеи. Пульса не было. Тело уже порядком остыло, но еще не сделалось совершенно холодным.

— Брат Антикус, я хочу, чтобы вы привели отца Роуна. Никому больше не говорите о том, что увидели, но сейчас же приведите отца Роуна.

Брат Антикус бросился выполнять, дыхание его уже прерывалось рыданиями. Дожидаясь его возвращения, Поул придал примасу достойный вид — одернул ночную рубашку, закрыл глаза, сложил руки крестом на груди. Он не знал, сколько у него времени, и поэтому поискал в комнате лишь поверхностно. Услышав приближающиеся шаги двух человек, он выпрямился и склонил голову в молитве.

— О боже, нет, — раздался у него за спиной голос отца Роуна.

— Заходите, — пригласил Поул, взмахом руки предлагая священнику и Антикусу войти в комнату. — Закройте за собой дверь, — приказал он. Антикус так и сделал.

Отец Роун тоже проверил пульс. Не почувствовав его, он в ужасе повернулся к Поулу.

— Вы... вы...

— Я что, отец? — спросил, задержав дыхание, Поул.

— Вы знаете, кого... — Роун съежился под нахмуренным взглядом Поула. — ...Я хочу сказать, вы знаете, *какое* это слово?

— Слово?

— Примас Нортем передал вам...

— А, имя Божье, — закончил за него Поул и снова задышал.

— Да, да! — со сжавшимся от напряжения лицом подтвердил Роун.

— Конечно, передал, — не моргнув, соврал Поул. — Думаете, Нортем забыл бы про такое?

Роун облегченно вздохнул. Лицо его, казалось, расправилось до своего нормального состояния.

— Вы должны разбудить братию, — велел Антикусу Поул. — Не сообщайте им новость. Велите всем собраться в королевской часовне.

Антикус поспешил выполнять распоряжение.

— Вы сами сообщите им новость? — спросил Роун.

— Нет, отец, ее сообщите вы.

— Я? Почему я?

— Потому что мой первый долг как преемника примаса — это уведомить королеву и ее канцлера. Я займусь этим сейчас же. И мой долг также избрать нового секретаря на мое прежнее место. Я избираю вас, отец Роун. А теперь ступайте и исполните *свой* долг.

Отец Роун поклонился в знак благодарности и признания восхождения Поула на более высокий пост. Когда он снова поднял голову, на лице его появилась полуулыбка.

— Я исполню свой долг.

— Знаю. А теперь я должен исполнить свой.

Оркид поднял голову, оторвав взгляд от бумаг на столе, и увидел стоящую в дверях его кабинета королеву. И встал так быстро, что рассыпал по полу стопку документов.

— Ваше величество! Я вас не ожидал...

— Это было вчера, канцлер? Или днем раньше?

Оркид пытался подобрать бумаги и сообразить, к чему именно клонит королева. Двое секретарей ползали на четвереньках, тоже собирая бумаги, и пригоршнями передавая их канцлеру.

— Мне интересно, как вы завязали разговор на эту тему? Наверное, сказали что-то о том, как холодно в это время года в Хьюме?

И Оркид понял. Он выпрямился, тогда как секретари по-прежнему ползали по полу около него.

— Вы на меня сердитесь.

— Конечно же, чертовски сержусь, — сказала она без малейшего раздражения в голосе. — Об этом вам следовало в первую очередь поговорить со мной.

— Вы бы ответили отказом.

— Такова моя прерогатива. Вы бы убедили меня своими доводами.

— В конечном итоге, возможно, и убедил бы. Но таким способом было быстрее.

— Этот способ вам не подходит.

— Мой долг подавать вам самые наилучшие советы и добиваться, чтобы ваши пожелания исполнялись, — развел руками Оркид. — Поговорить с Олио для того, чтобы он мог убедить вас, было кратчайшим путем, который я выбрал для достижения обеих целей.

Арива круто повернулась и ушла. Оркид не был уверен, как ему следует поступить — последовать за ней или остаться. Он посмотрел на беспорядок у себя на полу и решил, что принесет больше пользы подальше от своего кабинета.

— Ваше величество! — крикнул он вслед Ариве. Та замедлила шаг, но не остановилась дождаться его. — Ваше величество, я сожалею, если вы сочли, что я манипулировал вами...

— Вы всегда мной манипулируете, Оркид. Я к этому привыкла. Но вот к тому, чтобы мною манипулировали у меня за спиной, я никак не привыкла.

Оркид кивнул.

— Этого больше не повторится.

— Хорошо.

Они зашагали дальше, и придворные с гостями расступались перед ними. Королевские гвардейцы вытягивались по стойке «смирно», когда они проходили мимо.

— Есть еще кое-что, — сказал в конце концов Оркид.

Арива сделала глубокий вдох.

— У вас всегда находится еще кое-что.

— Это касается Сендаруса.

— Продолжайте.

— Если вы собираетесь назначить его генералом...

— Вы знаете, что я собираюсь назначить его генералом. Именно вокруг этого все и вращалось, не так ли?

Оркид сглотнул.

— Да, ваше величество. Разрешите мне закончить. *Когда* вы назначите его генералом, возможно, будет разумным обеспечить уважение к его полномочиям среди ваших офицеров.

— Они будут уважать его или ответят передо мной, — кратко сказала она.

— Легче в первую очередь придать его полномочиям силу.

Арива внезапно остановилась, заставив Оркида забежать вперед нее. Он попятился и повернул голову, встретившись взглядом с королевой.

— И как именно вы предлагаете этого добиться?

Оркид указал на открыто висящие у нее на груди Ключи Силы.

— Дайте ему Ключ Меча.

Арива моргнула. «По крайней мере, — подумал Оркид, — она не отказала сразу».

— Ключ Меча?

— Да, ваше величество. Вам, как правительнице, нужен только Ключ Скипетра. А Сендарус поведет вашу армию на север против Хаксуса, на защиту королевства. И Ключ Меча наверняка был бы идеальным символом вашей королевской власти и доверия к своему консорту.

Арива медленно кивнула.

— Мне нравится эта мысль. — Она снова двинулась широким шагом по дворцовому коридору, со следующим за ней Оркидом. — Мне эта мысль очень даже нравится. Думаете, Совет согласится с этим? — Выражение ее лица стало удрученным. — С кончиной примаса Нортема перевес в нем на стороне Двадцати Домов.

Оркид пожал плечами.

— Даже при этом, если данная мысль получит ваше одобрение, то не вижу, почему бы и нет.

— Двадцать Домов будут против нее, — медленно произнесла она.

Оркиду не требовалось даже думать, как ответить на это.

— Верно, ваше величество. Еще один довод в ее пользу.

ГЛАВА 18

Три вооруженных группировки поочередно выступили из лагеря с интервалом в два дня. Первым на вражескую террито-

рию двинулся летучий отряд Рендла — почти четыре тысячи мечей. Разделенные на три колонны, всадники цепочками по одному потянулись из трех ущелий, обнаруженных разведчиками в конце зимы. Двигались они быстро, даже рискованно быстро, но везли с собой лишь ограниченные припасы, необходимые для того, чтобы как можно скорей добраться до Океанов Травы.

На следующий день Салокан начал свое вторжение в Гренда-Лир. Его войско было в несколько раз больше отряда Рендла, и ему потребовалось существенно больше времени для одоления схожего расстояния, хотя местность, по которой оно передвигалось, была ровной и в основном свободной от снега или грязи. Пограничные посты Хьюма смело прочь, как горным обвалом сметает одиночные деревья.

В тот же день, прежде, чем до его ушей могла дойти новость о вторжении Салокана, Джес Прадо повел в поход собственный отряд, направляясь прямо к ущелью Алгонка.

В небе парили грифы. Рендл выругал их и переключил внимание на плетущуюся по ущелью колонну. Посмотрев на запад, он увидел, что самая большая часть его отряда уже миновала перевал и спускалась к Океанам Травы, до которых оставалось еще добрых два дня пути. Грифы дожидались несчастных случаев, которые неизбежно должны произойти. Оскользнувшееся на непрочной осыпи копыто отправит всадника и его скакуна в неудержимое падение под откос, заканчивающееся переломанными руками и ногами, а может и шеями. Они не могли позволить себе оставлять тут кого-то позаботиться о пострадавших.

«Но почти все пройдут еще до того, как сойдет снег», — сказал он себе. Холода Рендл опасался больше всего прочего.

Генерал Тевор держался неподалеку от Рендла, как держался с самого начала вторжения, просто дожидаясь, когда тот допустит ошибку. Рендл так и чувствовал, как он торчит за спиной, словно приставшая к нему неудача, но почти не обращал на него внимания.

— Нам повезло, — заметил генерал.

Рендл и сам это знал, но не собирался так легко спустить ему подобное замечание.

— Свое везение мы создали сами, генерал. Тем, что выступили в самое подходящее время.

Генерал фыркнул, но ничего больше не сказал. Он знал, что командовать этой экспедицией полагалось бы ему — его кавалерия составляла больше половины всадников! — но понимал, почему Салокан поручил командовать этому стареющему мелкому наемнику.

Покуда им предстояло продвигаться через территорию четтов, Рендл оставался нужен; но в тот же миг, как Линан окажется у них в руках и они без риска вернутся в Хаксус или контролируемую Салоканом часть Хьюма, Тевор самолично позаботится о казни Рендла.

— Ваши бойцы замедляют наше продвижение, — показал Рендл на кучку всадников в мундирах, плетущихся в конце колонны.

— Они не привыкли к холоду, — принялся оправдываться Тевор.

— Правда в том, что они не привыкли к таким тяжким трудам, — отозвался Рендл. — Есть большая разница между гарцеванием на плацу и настоящей кампанией.

Тевор безуспешно попытался не покраснеть. Он выкрикнул приказ, и адъютант поскакал к хвосту колонны поторопить отстающих.

— Еще два дня, генерал. Удержите их единой группой всего два дня, а потом мы выйдем в Океаны Травы.

— Они туда доберутся.

Рендл хмыкнул, но спорить не стал. Пришпорив коня, он поскакал догонять основную колонну, а Тевор следовал за ним по пятам как тень.

На глаза Салокана на мгновение навернулись слезы. Он подумал, что это вызвано величием происходящего, тем, как сомкнутые ряды копьеносцев, разодетых в прекрасные голубые мундиры, атакующей колонной маршируют через границу с Хьюмом. Атаковать им, конечно, было некого — шедшая в четырех лигах впереди кавалерия сметала любое сопротивление и служила заслоном остальным частям,— но такое построение отлично подымало боевой дух остальной армии, дожидающейся своей очереди вторгнуться в Гренда-Лир. Через час полковники и майоры выкрикнут приказы перестроиться в походный порядок, и копья будут подняты на плечо, а колонна разомкнется, и скорость передвижения замедлится до шестидесяти шагов в минуту.

Салокан, при всей его эмоциональности, был куда более прагматичным, чем его почитало большинство противников. За исключением Рендла, вспомнил он. Рендл понимал его, как лягушка понимает зимородка: с уважением, истинным знанием и некоторым страхом. Он вытер слезы, зная, что не прольет ни одной по тем, кто будет убит или ранен в следующие несколько недель, и пытаясь не чувствовать себя из-за этого лицемером.

«Все мы орудия государства, — мысленно сказал он солдатам. — Все мы должны сыграть свою роль для блага Хаксуса,

дабы блестящей победой стереть позор поражения наших отцов от рук солдат Гренда-Лира».

Теперь мимо него маршировали солдаты в синих мундирах. Это были в основном мобилизованные, и долго им не протянуть, если Гренда-Лир получит возможность выставить в поле регулярные войска. Но они могли неплохо держать строй или копать, а потом и занимать осадные траншеи; и, если повезет, большинство из них проживет достаточно долго, чтобы стать ветеранами.

Двадцать полков копьеносцев промаршировали мимо него тем утром, а потом еще десять, вооруженных мечами и щитами. И наконец, его кавалерия, в полной шикарной экипировке, которую ни один из бойцов и не подумал бы применить в настоящем бою. А еще пять тысяч легкой пехоты уже развернулись веером впереди для захвата мостов и бродов. В целом почти тридцать тысяч солдат. Неплохие силы для начала вторжения в королевство в несколько раз крупнее его собственного.

«Но вражеские войска разбросаны, — напомнил он себе, — и не подготовлены».

Кроме того, если Рендл выполнит свою задачу, то у него скоро будет еще четыре тысячи кавалерии и принц Линан Розетем — символ, который Салокан использует с максимальной отдачей. У него также имелось в резерве десять тысяч регулярной пехоты и кавалерии, стоящих лагерем около столицы, хотя он надеялся, что ему не понадобится звать их на помощь. Эта война будет зависеть от быстроты и удачи. Если дела пойдут хорошо, то скоро он будет контролировать весь Хьюм. Тогда можно будет добавить к своему торговому флоту немалый флот Хьюма, получить новые пастбища и контролировать доступ к ущелью Алгонка. Наверное, он даже сможет укрепиться в этом ущелье и контролировать его напрямую. Это ж только представить, какие оттуда пойдут сборы и подати! Его мозг проделал несколько быстрых и не слишком нереальных расчетов. Ему понравились крутившиеся в голове цифры. С такими деньгами можно удвоить численность своей армии и приблизиться к равенству в силах с Гренда-Лиром.

«А с Линаном в руках я наверняка смогу заставить Чандру заключить союз. Я смогу гарантировать независимость Томара от Кендры. Думаю, ему это понравится. И тогда я буду во всех отношениях равен Гренда-Лиру».

Но только если сработает первоначальный план, напомнил себе Салокан. Он знал, что лучше всего оставаться прагматичным: если

станет совсем уж худо, он должен понять, когда придет пора отступать обратно, дабы зализать раны и дождаться другой возможности.

Однако как раз сейчас, глядя, как его чудесная армия марширует мимо во всем своем блеске и неиспытанной смелости, было трудновато оставаться прагматичным.

На глаза у него снова навернулись слезы, и на сей раз он не потрудился вытирать их.

Отряд Прадо продвигался медленнее, чем ему бы хотелось. С кавалерией не возникало никаких затруднений, но его пять сотен арранских лучников не привыкли долгие часы шагать зимой по чужой территории. Он лично убедился, что все они экипированы для холодов, но короткие дни, серые небеса и тающие снега все же оказали свое воздействие на снижение боевого духа. Он знал, что самая трудная часть перехода еще впереди — проход через ущелье Алгонка, где к их несчастьем добавится ещё и высота на перевале,— но коль скоро отряд окажется в Океанах Травы, положение улучшится, и потому он безжалостно поторапливал их. Сейчас бойцы ненавидели его за это, но после будут благодарить. Капитаны Прадо, Фрейма и Сэль, по собственному опыту знали, что он делает, и полностью поддерживали его, как и наемники постарше, прошедшие Невольничью войну; так что могло быть и хуже.

Его разведчики были уже у подножья гор Уферо и пока не обнаружили никаких признаков передвижений четтов. Угроза войны заставила Прадо оставить свой первоначальный план совершить рейд в сам Хаксус, но ничто не мешало вынудить Линана и его защитников к сражению, напав на Суак Странников. Если он вернется в Кендру с трупом Линана, то будет человеком с положением; Арива может даже позволить ему сохранить свой отряд неразделенным для предстоящей войны с Хаксусом. Как бы ни повернулось дело, нынешней весной он не мог, как надеялся, уйти охотиться на Рендла, но, возможно, ему удастся изловить его летом или весной следующего года.

Прадо поедал свой ужин из густого овощного супа, когда его занятие прервал взволнованный Фрейма.

— Новости из ущелья? — спросил он.

Фрейма покачал головой.

— Один из пограничников Чарионы остановился взять свежую лошадь. Салокан сделал свой ход.

— Уже? — Прадо не мог скрыть удивления. — Есть какие-

 нибудь признаки Рендла?

— Судя по тому, что смог определить тот пограничник — нет. Он видел только легкую кавалерию, и на кавалеристах были мундиры цветов Хаксуса. По его словам, они служили заслоном.

— Значит, за ними следом шла и пехота Салокана.

— Именно так он и полагал. Он подождал только, когда ему приготовят нового коня, и тут же поскакал дальше.

Прадо поставил миску с супом.

— Нам нежелательно оказаться на пути у Салокана. — Он встал и пристегнул пояс с мечом. — Как только бойцы закончат ужинать, двигаемся дальше. Я хочу через два дня быть у ущелья.

Фрейма кивнул; Прадо не хуже него знал, что бойцам это не понравится, но еще меньше им понравится, если их задавит армия Хаксуса.

— Найди Сэль и возвращайся сюда.

Фрейма ушел, и Прадо кликнул ординарца. Юноша ворвался в палатку. Прадо приказал приготовить лошадей и сворачивать палатку, а затем вышел из нее. Расстелив на земле карту, он пришпилил ее двумя кинжалами. Появились его капитаны, причем Сэль слегка запыхалась.

— Мне нужно, чтобы ты взяла отряд и охраняла наш правый фланг, — сказал он Сэли. — В стычки с неприятелем не ввязывайся. Если увидишь его — отправь всадника уведомить меня о местонахождении, а затем отступай. Если понадобится, мы скорее последуем к ущелью вдоль берега Барды, чем по главной дороге.

— Думаешь, Салокан попытается захватить ущелье? — спросила Сэль.

— Обязательно попытается, если у него вообще есть хоть какие-то мозги, но это будет для него не самой важной задачей. Сперва ему нужно окружить войска Хьюма.

— Он может отправить небольшой отряд запереть ущелье с этой стороны, — предположил Фрейма.

— Если так, ты будешь следовать за тем отрядом как тень, Сэль. Когда мы будем готовы, то позаботимся о нем и уберемся за горы прежде, чем за перебитым отрядом сможет последовать сам Салокан. В любом случае он никого не отправит преследовать нас, пока не будет контролировать всю провинцию.

— Все происходит быстрей, чем мы ожидали, — сказала Сэль.

Прадо убрал кинжалы в ножны и скатал карту.

— Тем лучше для нас, — заключил он. — В спешке враги допускают ошибки.

— Ты думаешь о Рендле, — догадался Фрейма.

— Я могу надеяться, — кивнул Прадо. — Но это не имеет значения. Если Салокан здесь, в Хьюме, то в Океанах Травы у нас будут развязаны руки. Если мы возьмем Суак Странников, ответить нам смогут только четты, а мы сумеем справиться с любым кланом, какой бы ни выступил против нас.

— Покуда выступает только один клан, — обронила Сэль.

Прадо встал.

— Большинство из них будет все еще в Верхнем Суаке, в месяце усиленной скачки от Суака Странников. К тому времени мы наверняка уже узнаем, какой именно клан защищает Линана, и сможем сделать свой ход. — Он смерил своих двух капитанов изучающим взглядом. Они выглядели мрачными, но готовыми. Все трое знали, что пришло время действовать — показать свои силы в боях или убраться за границу и оставаться в стороне, пока военный конфликт между Хаксусом и Гренда-Лиром не разрешится тем или иным образом. Если б командовали Фрейма или Сэль, мог быть сделан и тот, и другой выбор.

Но поскольку командовал Прадо, то на самом деле никакого выбора не было вовсе.

ГЛАВА 19

Просачивающийся сквозь заросли свет расходился золотым веером. Линан чуть склонил голову набок, прислушиваясь к звукам, издаваемым птицами и насекомыми, но не услышал ни пения, ни гудения. Ветерок колыхал в вышине лесной полог. Он сделал неуверенный шаг вперед, ступив сапогом на мягкий коричневый перегной. Он чувствовал запах гниющих листьев и прутьев. Основания древесных стволов украшали яркие грибы. Воздух казался прохладным и влажным.

Самые тихие звуки. Подобные свисту пролетающей мимо стрелы. И опять. Не стрела, а крыло птицы. Линан перестал двигаться и поднял голову, обшаривая взглядом деревья. И опять. Нет, не птица; звук этот слишком жесткий для птицы. Значит, летучая мышь.

Он увидел, как что-то движется в самых верхних ветвях. Какое-то мерцание. Он дал глазам расфокусироваться, медленно повернул голову. Вот — трепетание крыльев, — но оно пропало так же быстро, как и возникло.

А затем лицо — увиденное лишь мельком, но знакомое. Он почувствовал страх и желание. Ему хотелось бежать без оглядки и хотелось подождать. Он не мог ни на что решиться.

Снова запах перегноя, но за ним еще что-то, что-то более плотское.

— Нет.

Он решил удрать. Повернувшись, он начал было бежать, но складывалось такое впечатление, словно он пробивался сквозь воду; ноги его двигались недостаточно быстро. Крылья хлопали теперь намного ближе, непосредственно у него за спиной, а затем снова над ним. А затем впереди.

Он остановился, прерывисто дыша. Свет как будто рассеялся, оставляя лишь тени. Заколыхались листья и ветви, и перед ним возникла она. Такая молодая, такая прекрасная. Зеленые глаза приковали к себе его взор. Он больше не хотел убегать.

— Где же ты был? — спросила она. — Я разыскивала тебя по всему миру. Ты принадлежишь мне.

— Нет. — Он уперся, но желание в нем было сильнее страха.

— Да. Взгляни на свою кожу. Такая бледная и холодная.

— Нет.

— Мы можем быть вместе. Всегда.

— Нет.

— Иди ко мне.

Линан пошел к ней. Она раскрыла ему объятия, обвила его руками. Дыхание ее было холодным как лед и зловонным. Она поцеловала его в губы, а затем поцеловала ему шею, грудь. Ее ладони двигались по его спине, заставляя его теснее прижиматься к ней. Он увидел, как ее глаза меняют очертания, и не мог отвести взгляда.

— Ты хочешь меня так же сильно, как я хочу тебя, — сказала она и снова поцеловала его в губы.

— Да, — ответил он и понял, что это правда.

Она рассмеялась и так крепко сжала его в объятиях, что выжала из тела всякое дыхание. За спиной у нее развернулись два черных крыла, вот они хлопнули, и он почувствовал, как его отрывает от земли. Мимо них замелькали ветки. Она рассмеялась, и они поднялись в небо. Он глянул вниз и увидел, что мир под ним исчез.

«Линан?»

Он посмотрел на нее, но ее отвлекали иные заботы. Она что-то искала внизу под ними.

«Линан?»

Это был не ее голос. Когда она открыла рот, то не назвала его по имени, а закричала в неожиданной ярости. Она выпустила его, и он упал с неба.

«Не-ет!»

— Линан!

Спустив ноги с ложа из кипы стеганых одеял, он широко раскрыл глаза, но не смог ничего разглядеть. Чьи-то руки схватили его за плечи, и он отпрянул.

— Прочь! — закричал он.

Новые голоса, мужской и женский. Яркая вспышка.

— Мой государь? Что случилось?

Кто-то держал факел. Кто-то *настоящий*.

— Мой государь? Вы заболели?

— Дай сюда факел, — велел еще один голос, тот самый, который звал его. — Выйдите. Ему снился сон. Никому не говорите о том, что произошло.

— Да, ваше величество.

Снова появился свет. Он увидел, как чья-то рука вставляет факел в подставку. А затем увидел в его свете лицо. Волевое лицо с золотистой кожей.

— Коригана?

— Да. Тебе снился кошмар.

— Кошмар?

— Ты помнишь его?

Линан закрыл глаза. В мозгу у него плавали туманные воспоминания — темный лес, бледная женщина, запах смерти, — а затем все пропало. Он содрогнулся. Сильные руки Кориганы помогли ему вернуться на койку.

— Думаю, это был не просто кошмар, — сказал он. И повернулся лицом к Коригане. — Почему ты здесь?

— Услышала, как ты кричишь во сне, — ответила она.

В голосе ее слышалось что-то, подсказавшее Линану, что она лжет, но он ничего не сказал.

— Тебе холодно? — спросила она.

— Нет.

— Все равно следовало бы что-то надеть.

Он посмотрел на себя и увидел, что сидит нагишом. Хуже того, у него была эрекция. Он пошарил в поисках одеяла и положил его себе на колени.

— Извини, — пробормотал он.

— Я видела и похуже, — Она полуулыбнулась. — Что ты хочешь сказать, говоря, что это был не просто кошмар?

— Не имеет значения, — покачал головой Линан.

— Как ее звали?

— Дело не в том, — кратко ответил он.

— Я не это имела в виду, — вздохнула Коригана. — Мне известно, что именно с тобой случилось, Линан. Я знаю о Силоне.

Он невольно содрогнулся, и Коригана придвинулась к нему поближе, обняв за плечи.

— Ведь это была Силона, не так ли? — Он кивнул. — Она уже снилась тебе прежде?

— Нет.

— Среди моего народа ходят рассказы о вампирах, которые в былые времена обитали в Океанах Травы. — Линан в удивлении поднял взгляд. — О да, у нас они тоже водились. Но их давным-давно разыскали и перебили. Все вампиры на этом континенте были уничтожены нашими предками — все, кроме одной.

— Силоны.

— Она была самой сильной. Даже в такой дали от ее леса мы знаем о ней. Все люди по меньшей мере раз в жизни видят ее во сне. Для тебя же дело обстоит еще хуже.

— Она звала меня.

— Я боялась, что именно это и произойдет.

— Ты *знала*? — уставился на нее Линан.

— Нет, не знала. Но подозревала. В тебе есть ее кровь. Это должно давать ей некоторую власть над тобой.

— Насколько сильную власть?

— Чем ближе ты к ней, тем сильней будет эта власть.

Линана затрясло, и Коригана еще крепче прижала его к себе.

— Твой народ не позволит ей забрать тебя, Линан. Это я тебе обещаю.

Ее дыхание согревало ему щеку. В создаваемом единственным факелом полумраке ее глаза казались такими же золотистыми, как и ее кожа. Линан впервые поймал себя на том, что думает о четтской королеве просто как о женщине, и впервые за долгое время почувствовал, как в нем шевельнулось настоящее человеческое желание.

Снаружи послышался шум. Коригана отодвинулась от него, как раз когда открылся полог шатра, и вошел один из телохранителей.

Вошедший посмотрел на них обоих с чем-то, похожим на любопытство.

— Ваше величество, извините, что прерываю...

— Ты ничего не прерываешь, — слишком уж быстро ответил Линан и встал, но не забыл держать перед собой одеяло. — В чем дело?

— В кланах, мой государь. Они ушли.

Лицо Макона было белым.

— Три главных клана — Лошади, Луны и Совы — и четыре поменьше.

— Как же они ушли, что мы не услышали их ночью? — спросил Линан.

— Сделать это довольно легко, — ответила Коригана. — У них было немало дней на то, чтобы потихоньку перегнать свои стада к краю суака. Вероятно, они всю последнюю неделю отправляли мелкие отряды.

— Сколько же воинов мы потеряли? — спросил Камаль.

— По меньшей мере пятнадцать тысяч, — мрачно ответила королева. — И это только кланы, которые открыто отделились от нас. А многие другие будут подумывать о том же.

— Но почему? — спросил Линан. — Что заставило их сделать это именно сейчас?

— Вероятно, они замышляли это уже давно, — объяснила Коригана. — Им пришлось ждать, пока почти совсем не закончится зима, чтобы на принадлежащей им территории росла какая-то трава, и пришлось откочевать прежде, чем ты прикажешь армии выступать в поход.

— Камаль, сколько твоих улан было из ушедших кланов? — спросил Линан.

— Не уверен, — пожал плечами Камаль. — Наверное, двести из тысячи.

— А Красноруких? — спросил Линан у Макона, который командовал ими в отсутствие своего брата.

— Из них не ушел ни один, — гордо ответил Макон. — Красные Руки поклялись защищать тебя превыше всего остального.

— Значит, бойцов потеряно не так уж и много, — сказал Линан больше себе, чем другим.

— Меня больше волнует потеря боевого духа, — сказала Коригана. — Чем дольше мы ждем, тем больше вероятность распространения разлада.

— Давайте догоним их, — гневно предложил Камаль. — Я приведу назад глав кланов, а их кланы последуют за ними.

— Сделать это ты сможешь только силой. Они подчинятся Линану, но не тебе, и сейчас определенно не мне.

— Тогда отправлюсь я... — начал было Линан.

— Тебе нельзя, — твердо сказала Коригана.

— Король не может гоняться за своими подданными, ваше величество, — добавил Эйджер. — Так ты потеряешь всякое уважение и авторитет.

— Они все очень умно провернули, — заметила Коригана. — Не нарушили никакого приказа. Просто откочевали прежде, чем им могли отдать какой-то приказ.

— У нас нет выбора, — вздохнул Линан. — Чтобы удержать в армии остальных четтов, мы должны выступать сейчас. — Он повернулся к Макону. — Распространи известие среди кланов: всех оставшихся рекрутов они должны предоставить сегодня. — Затем повернулся к Камалю. — Собери своих улан, всех, какие остались. Они займут место в авангарде. Пусть кланы увидят, что мы создали.

Оба соратника кивнули и ушли, радуясь возможности заняться делом. А Линан повернулся лицом к Коригане и Эйджеру.

— Приготовьте своих людей. Верхний Суак мы покидаем сегодня.

— Ты поедешь с кланом Белого Волка? — спросила Коригана.

— Некоторое время. Армия двинется на восток, и я поведу ее.

— Я поеду с тобой, — быстро сказал Эйджер.

— Ты теперь вождь клана, — напомнил ему Линан. — У тебя есть другие обязанности.

— Я поеду с тобой, — еще тверже повторил Эйджер. — И приведу с собой столько воинов, сколько сможет выделить клан. Остальные заберут стадо на наши весенние кормовые угодья.

Линан кивнул, не готовый спорить, особенно когда любые дополнительные воины будут дороги.

— Спасибо тебе, дружище.

Эйджер улыбнулся и ушел, оставив Линана с Кориганой.

— Кажется, меня всегда принуждают действовать действия других, — сказал он ей. — Неплохо было бы хотя бы изредка самому проявить инициативу.

— Если будешь действовать достаточно быстро, то снова захватишь ее, — доверительно ответила Коригана. — Никто не мог предсказать, что Эйнон, Пиктар и Акота так скоро уведут свои кланы. Больше мы не совершим ошибки, доверяя им.

— Но в этом-то и вся трудность, — сказал Линан. — Если мы хотим сохранить единство четтов, нам поневоле придется доверять им, а только при сохранении единства любой из нас может надеяться пережить грядущую бурю.

К Дженрозе подошла Подытоживающая.

— Ты должна отправиться со мной.

Дженроза подчинилась без колебаний. Женщины обогнули основную часть суака и выехали на вершину холма. Оттуда им были видны все начинающие разъезжаться кланы. В центре собиралась армия Линана.

— Мой народ никогда не видел ничего подобного, — сказала Подытоживающая. — Твой принц вызвал большие перемены, чем сам понимает.

— Ты боишься.

— Я всегда боюсь, — рассмеялась Подытоживающая. Она мягко коснулась руки Дженрозы. — Такова природа нашего призвания. Мы видим, слышим и носом чуем такое, чего не может уловить никто другой, и это приносит нам знание. А знание — это страх.

— Не понимаю. Я всегда думала, что знание освобождает нас от страха.

— Кое-какое знание, несомненно, — двусмысленно ответила Подытоживающая, но не продолжила мысль.

— Зачем ты привела меня сюда?

— Для помощи в поиске.

Подытоживающая открыла приторченную у седлу кожаную сумку и достала оттуда орлиное перо.

— Чтобы далеко видеть, — объяснила она. А затем извлекла что-то округлое и кожистое. — Сердце секача-карака, для силы.

Дженроза моргнула. Это слишком походило на шаманство, чтобы она чувствовала себя уютно, но девушка ничего не сказала. Подытоживающая взяла перо и сушеное сердце в одну руку. Потом пробормотала несколько слов, и ее руку окружило легкое желтое свечение. Когда она убрала руку, предметы остались висеть в воздухе.

«А вот это уже нечто такое, чего никогда не знала теургия, — сказала себе Дженроза. — Шаманство это или нет, но такая магия действует».

— Теперь мы прочтем заклинание, — сказала Подытоживающая. — Я хочу, чтобы ты повторяла за мной.

Дженроза кивнула, и покуда Подытоживающая читала свое заклинание, она повторяла слова; некоторые из них были знакомыми, а некоторые нет.

Перо и сердце задымились, а затем вспыхнули. Цвет огня менялся с желтого на голубой, а Подытоживающая все читала заклинание, и Дженроза все повторяла за ней.

— А теперь сосредоточься на сердце пламени, — сказала Подытоживающая. — Мы увидим, что можно увидеть.

Дженроза сделала, как ей велели. Почти сразу же у нее перед глазами возникло видение местности, весьма схожей с окружающей Верхний Суак, но затем она обнаружила и некоторые различия. Трава там была зеленее и не так сильно пострадала от зимы. На заднем плане виднелись горы. И высились здания, похожие на строения вокруг здешнего озера, и похожие на дома в...

— Суак Странников, — определила Дженроза.

— Да. Но почему нас потянуло туда? Сосредоточься дальше.

Видение, казалось, повернулось, словно плоскость земли под ними вращалась. Дженроза увидела, что в центре вращения находилась какая-то фигура, и куда бы ни направлялась та фигура, они словно следовали за ней.

— Четт, — определила в свою очередь Подытоживающая. — Не очень высокий.

— Гудон! — уверенно воскликнула Дженроза.

Подытоживающая с удивлением посмотрела на нее.

— Да, думаю, ты права. Я этого не увидела.

Гудон посмотрел на небо, глядя прямо на них.

— Он нас чувствует, — сказала Дженроза.

— Нет, он чувствует тебя, — с трепетом поправила Подытоживающая. — Заклинание твое и впрямь мощное.

— Что же мне делать?

— Магия, должно быть, показывает его нам не без причины. Мысленно расскажи ему о том, что здесь произошло.

Дженроза вспомнила о бегстве из Верхнего Суака оппозиционных Коригане кланов, а затем мысленно вставила картину собирающейся и выступающей в поход армии Линана. Она увидела, что Гудон улыбнулся, как ей показалось, с чувством облегчения.

— Замечательно, — одобрила Подытоживающая.

— Прадо! — вдруг выкрикнула Дженроза.

— Что?

— Гудон везет вести о Прадо.

— Он сообщает их тебе с помощью чар?

— Нет. Я вижу их у него в голове. Гудон совсем измотан. Он несколько дней скакал во всю прыть. Когда он был в Даависе, то видел там Прадо, и по его мнению, тот не сильно отстает от него. Он говорит, что Прадо направляется в Океаны Травы, и что войска Хаксуса вторглись в Хьюм.

Дженроза мысленно сообщила Гудону, что им известно о вторжении, но не о Прадо. А затем рассказала, что Рендл тоже двинулся в Океаны Травы. Гудон ответил, но она не смогла его толком расслышать. Где-то в голове у нее возникла боль, и видение начало таять. Девушка попыталась удержать его, но боль усилилась так внезапно, что она закричала. Пламя исчезло, не оставив после себя ничего, кроме струйки темного маслянистого дыма, который поднялся в небо и рассеялся.

Дженроза обмякла в седле. Подытоживающая протянула руку и поддержала ее.

— Никогда не видела ничего подобного, — сказала она ей. — Ты обладаешь силой, которой никогда не видели среди четтов — с тех пор, как умерла Правдоречица.

Дженроза едва расслышала ее слова. Когда видение исчезло, боль быстро стихла, но девушка устала больше, чем когда-либо за всю свою жизнь. Если бы Подытоживающая не поддержала ее, она бы свалилась с лошади.

С помощью Мофэст Эйджер быстро организовал клан Океана. Их традиционная территория располагалась к северу от владений клана Белого Волка и к юго-востоку от териновского клана Южного Ветра. Это и объясняло их своеобразную верность отцу Кориганы — они веками были мухой меж двух твердых камней, и все, что они делали, определялось отношением вождей к соседним кланам. Но теперь этому пришел конец; клан Океана был предан принцу Линану, самому Белому Волку. Пополнить собой армию четтов хотели слишком многие воины, и Эйджеру пришлось убеждать их, что кто-то все-таки должен остаться защищать стадо в грядущие месяцы опасности и неопределенности. Он оставил с кланом тысячу воинов и отдал их под начало некого Догала, по словам Мофэст, человека весьма уважаемого и мудрого, а с остальными — еще одной тысячей — присоединился к армии Линана. Воины гордились тем, что их вождем был Горбун — ведь он доводился Линану близким дру-

гом и доверенным лицом, и, несмотря на свои увечья, доказал свое превосходство в схватках с самыми грозными воинами.

Сперва выступила армия, почти двадцать тысяч бойцов. Она была разделена на знамена по тысяче воинов в каждом, каждое знамя состояло из десяти отрядов, а каждый отряд — из ста всадников одного клана. Некоторые из наиболее крупных кланов, такие, как клан Белого Волка, дали армии несколько отрядов; их распределяли по разным знаменам, так, чтобы в знаменах не было преобладания какого-то одного клана. Знаменами обычно командовали вожди кланов, но одним знаменем командовал Камаль — оно состояло из тех воинов, с которыми он начинал обучение. А еще одно знамя целиком составляли Краснорукие, которые, кроме сабель, гордо носили на поясе гладиусы — в отсутствие Гудона ими командовал Макон.

Наблюдая за тем, как армия выступает из Верхнего Суака, Эйджер невольно ощутил, как в нем растет гордость. Она была большей, чем та, что он испытывал молодым капитаном, служа под командованием Генерала, отца Линана, потому что он сыграл немалую роль в создании этой армии. Он ощущал великую преданность этой армии. Даже до того, как стать одним из четтских вождей, он начал подумывать, что нашел свой истинный дом, и его скитания наконец завершились. После Невольничьей войны его привлекло к себе море, потому что оно обещало жизнь без границ; Океаны Травы обещали нечто похожее. Здесь даже горбун мог обрести уважение и внутреннее равновесие.

Линан ехал почти в самом авангарде, окруженный Краснорукими. Они везли войсковые знамена, и Эйджер с удивлением увидел, что изображен на них не Белый Волк, а новый узор. Это был простой золотой круг на кроваво-красном поле. Эйджер улыбнулся про себя. «Умно, — подумал он. — Наш флаг — Ключ Единения. И все, кто сражается против нас, сражаются против единства». Он гадал, кто же додумался до подобной идеи — зная, что Камалю такое никогда не пришло бы в голову. «Коригана, конечно. Она умнее и опаснее крупного раненого медведя. Рад, что она на нашей стороне. — Эйджер покачал головой. — По крайней мере, *надеюсь,* что она и вправду на нашей стороне».

Мофэст подтолкнула его под локоть, и он повернулся взглянуть на выступающие из Верхнего Суака кланы, в том числе и на свой. Он с трудом сглотнул, лишь теперь понимая, что значило располагать преданностью столь многих. Подобная ответственность и ужасала его, и наполняла буйной радостью.

«Мой народ», — подумал он. Эйджер не знал, удастся ли ему уцелеть в последующие несколько месяцев, но если он-таки уцелеет, ничто не помешает ему вернуться к своим.

— Они будут тебя ждать. — Мофэст словно прочла его мысли. — Тебе суждено умереть среди них, а не вдали от них.

— Так ты пророчица, Мофэст? — хмыкнул Эйджер.

Та усмехнулась и покачала головой.

— Нет. Но ты должен признать — прозвучало это хорошо.

— Тебе нипочем не узнать, насколько хорошо, — усмехнулся ей в ответ Эйджер.

К концу первого дня армия четтов недалеко ушла, отчасти потому, что начала отделяться от стад и фургонов вокруг Верхнего Суака, но в основном потому, что столько четтских воинов впервые собрались в единое войско — почти вдвое большее, чем самая крупная армия, какую сколотил отец Кориганы во время гражданской войны. Камаль приложил все силы для организации ее в походный порядок, и к концу дня воины действительно начали передвигаться в некотором роде согласованно. Вечером Камаль убедился, что все знамена разбили лагеря в соответствии со своим местом в завтрашнем переходе, и попал на собрание командиров, когда то уже давно началось.

Собрание было большим, на него явились все вожди и их заместители, Линан и Дженроза. Все расселись вокруг большого костра. Этой ночью почти ничего не требовалось обсуждать, главным образом мелкие осложнения, связанные с уязвленной гордостью вождей, знамена которых перевели в арьергардную половину армии. Линан заверил их, что такая ротация знамен проводилась по необходимости, поскольку нельзя было ожидать от любого знамени постоянного несения ответственности, связанной с нахождением в авангарде или арьергарде.

Когда вожди перестали задавать вопросы, Линан спросил, есть ли еще какие-нибудь дела. Тогда поднялась Дженроза и нервно сказала:

— Джес Прадо скоро будет в Океанах Травы. — И с этими словами снова села.

Все взгляды устремились к ней, и ей захотелось быть букашкой и иметь возможность уползти под ближайший камень. Несколько собравшихся заговорили разом.

— Тихо, — скомандовал Линан, и все замолчали. — Дженроза, как ты об этом узнала?

— Она помогла мне с чарами, — раздался новый голос, и вперед выступила Подытоживающая. Магичка покачала головой и полуулыбнулась. — По правде говоря, наведение чар взяла на себя она.

— Что ты имеешь в виду? — потребовала разъяснений Коригана. Ее не слишком радовало, что Дженроза обучалась у магички не из клана Белого Волка, но Эйджер привел очень убедительные доводы, и, кроме того, данное обучение было еще одним способом привязать клан Океана к своему делу. Поэтому она в конце концов согласилась.

— Я имею в виду, моя королева, — почтительно ответила Подытоживающая, — что Дженроза — без моей помощи — действительно связалась с другим четтом, тем, который находился в Суаке Странников.

— Так далеко! — удивилась Коригана. — Никто из наших не мог сделать такого с тех пор, как...

— С тех пор, как умерла Правдоречица, — закончила за нее Подытоживающая. — И тот, с кем связалась Дженроза, был сыном Правдоречицы.

— Гудон! — Камаль вскочил на ноги.

— Так что с Гудоном? — спросил Линан, поочередно устремляя пристальный взгляд на Коригану и на Дженрозу.

— Он скачет, ненамного опережая Прадо, — ответила Дженроза. — Гудон находился в Даависе, шпионя по твоему приказу за Чарионой, когда там появился Джес Прадо с большим войском наемников. Он уверен, что идут они за тобой.

Со стороны многих собравшихся раздались гневные крики — крики возмущения тем, что королева Гренда-Лира опускается до найма солдат удачи для поимки родного брата. И еще большего возмущения тем, что она отправляет наемников в Океаны Травы.

— Сколько времени? — прогремел голос Камаля, перекрывая шум. Все снова притихли.

— Что? — переспросила Дженроза.

— Сколько времени пройдет прежде, чем Прадо доберется до степи?

— Гудон не знал, — пожала плечами Дженроза. — Он чувствовал, что они не сильно отстают от него. Возможно, они уже перевалили через горы.

Камаль повернулся к Линану.

— Я знал, что нам следовало выступить на северо-восток и позаботиться о Рендле. А теперь нам придется беспокоиться о двух отрядах наемников, пока мы еще даже не попали на восток и

находимся между ними. Мы должны во всю прыть гнать к Суаку Странников. Он к нам ближе всего. Видит бог, мы не успеем прибыть вовремя, чтобы спасти его, но, если повезет, попадем туда раньше, чем Прадо снова двинется в степь.

— А может, он идет не к Суаку Странников, — высказал сомнение еще один голос, и собравшиеся заспорили о намереньях Прадо.

Линан хранил молчание. Он понимал досаду Камаля. Его сперва тоже потрясла новость Дженрозы. Но здесь открывалась какая-то отличная возможность, он чувствовал это. Если б ему удалось схватить за хвост ускользающую мысль, крутившуюся где-то на задворках сознания!

А затем он поймал ее.

— Мы продолжим путь прямо на восток, — негромко произнес он. Некоторые из вождей все еще спорили и не услышали этого. Однако Коригана расслышала и посмотрела на него. — Мы двинемся на восток, с Рендлом на одной стороне и Прадо на другой.

— Что ты такое говоришь? — спросила Коригана. — У нас большое войско, но пока еще нет опыта боев в составе единой армии. А ты хочешь, чтобы мы схватились с двумя отрядами наемников одновременно? Наверняка будет лучше сначала сосредоточиться либо на Рендле, либо на Прадо, а потом переключиться на другого.

Линан покачал головой, на лице его мелькнула улыбка.

— Нет, так будет не лучше.

К этому времени уже все поняли, что Линан высказывает свое мнение, и смолкли, желая послушать, что он предложит.

— Я правильно расслышал? Ты говоришь, что мы просто продолжаем ехать на восток? — спросил Камаль.

— Да.

— Это глупо, малыш, — медленно произнес Камаль. — Ты поставишь нас туда, где мы будем раздавлены между врагами.

Улыбка Линана исчезла. Он пристально посмотрел на великана, сияя бледным лицом в свете костра.

— Я готов выслушивать твои советы, Камаль Аларн, но не готов выслушивать твои оскорбления.

Лицо Камаля залилось ярко-красным румянцем. Все вокруг затаили дыхание. Даже Линан не знал, что сейчас сделает его старый друг. Дженроза поднялась со своего места и двинулась к Камалю, собираясь встать рядом с ним, но Эйджер внезапно очутился около девушки и удержал ее.

— Не разделяй их еще сильней, — прошипел он ей на ухо.

Камаль опустил взгляд на свои руки. Он был сбит с толку собственным гневом и чувством унижения. А затем посмотрел на Линана и, увидев непримиримый взгляд юноши, сообразил, что тот тоже чувствовал себя униженным.

— Сожалею, — грубовато извинился Камаль. — У меня не было никакого права на это.

Линан сглотнул. Он не мог допустить, чтобы это закончилось вот так. Слишком много негодования будет с обеих сторон.

— Камаль, Эйджер и Дженроза, нам надо поговорить. Остальные, пожалуйста, возвращайтесь к своим знаменам.

Линан увидел, что Коригана колеблется, но кивнул ей, и она ушла.

Четверо сотоварищей сошлись и стояли, пытаясь понять, что же недавно произошло между ними — и не радуясь ответу. Они расходились; после всего, пережитого ими вместе, они расходились.

— Камаль, — начал Линан, — у меня есть веские причины позволить армии продолжать следовать тем же путем.

— Мне думается, ты поступаешь неразумно, рискуя угодить с армией между двух врагов.

— Я это прекрасно понимаю. И не допущу, чтобы это случилось.

Камаль коротко кивнул, не довольный таким ответом, но опасаясь снова ставить под вопрос действия Линана.

— Я не против тебя, Камаль, — добавил Линан.

— Да я и не думал, что ты... — выпалил Камаль.

— Нет, думал. Ты думаешь, что я повернул против тебя, встав на сторону Кориганы. Думаешь, что я пытаюсь наказать тебя за то, что ты обращался со мной, как с ребенком.

Он остановился. Ему хотелось добавить: «И думаешь, что я наказываю тебя за любовную связь с Дженрозой», — но он не мог произнести этого и сказал:

— Отчасти так и было в ту ночь, когда я принял решение отправляться в Верхний Суак. Но сейчас дело обстоит иначе.

— Я принимаю это, — сказал Камаль. Честность Линана притупила его гнев. — Но что же мне, помалкивать в дальнейшем, если я с тобой не согласен?

— Надеюсь, что нет. Знаешь ты это или нет, но я полагаюсь на тебя, старый друг. Ты мне нужен. Но мне не нужно, чтобы ты поучал меня.

Камаль сглотнул.

— Я всегда на твоей стороне.

Линан повернулся к Эйджеру и Дженрозе.

— То же относится и к вам. Я не забыл узы дружбы. Но наряду с прочим вы научили меня и ответственности вождя, и теперь, когда я стал вождем, на мне ответственность не только за нашу дружбу. В грядущем я, возможно, буду говорить и делать много такого, что заставит вас забыть об этой дружбе, но я о ней никогда не забуду.

Эйджер и Дженроза кивнули.

— Мне нужно поговорить с Камалем наедине, — сказал Линан, и они ушли.

Линан и Камаль робко посмотрели друг на друга и одновременно открыли было рты, собираясь заговорить, а затем дружно закрыли их. Это заставило обоих усмехнуться.

— Я рассчитываю на тебя больше, чем могу сказать, — быстро сказал Линан. — Ты был мне одновременно и отцом, и старшим братом, и учителем. Я всегда считал само собой разумеющимся, что ты будешь на моей стороне.

Камаль попытался сглотнуть, но у него внезапно перехватило горло.

— Я знаю о тебе и Дженрозе, — продолжал Линан. — Меня удивило, когда я узнал. — Он горько рассмеялся. — И задело.

— Малыш, я не хотел...

— Знаю, — остановил его подняв руку Линан. — С моей стороны это было жалостью к себе, чем-то таким, на что я, как тебе известно, большой мастер. Я сожалею об этом. И хочу, чтобы ты знал: я даю вам свое благословение. — Камаль остро посмотрел на него. — Хотя вы в нем, конечно, не нуждаетесь...

— Меня оно радует, — сказал Камаль.

Линан вздохнул. Он чувствовал себя так, словно с его плеч снята огромная тяжесть.

— Вот и отлично, — сказал он. — Вот и отлично.

ГЛАВА 20

— Не будь такой мрачной, — сказал Сендарус.

— Легко сказать, — ответила Арива, обвив руками его шею. — Я ведь буду без тебя бог знает сколько времени.

— Не долго. К лету мы выбросим Салокана обратно в Хаксус. И к началу осени я снова буду в твоей постели.

— Нашей постели.

— О нет. Ты же королева.

— Королева постелей.

— Королева сердец, — поправил он ее и поцеловал.

— Какой же ты льстец, — рассмеялась Арива.

Он снова поцеловал ее и некоторое время не отрывался передохнуть. Они слышали, как за окном маршируют войска.

— Ваша армия собирается, генерал, — сказала ему Арива.

Сендарус печально кивнул.

— Ну, чем раньше мы уйдем, тем раньше вернемся. — Он похлопал ее по уже начинавшему выпирать животу. — Я хочу быть здесь, когда родится наш ребенок. — В голосе его слышалось что-то похожее на благоговение.

— Тогда тебе придется побыстрей разделаться с Салоканом. Дети не согласовывают сроки своего рождения с выгодами генералов и королев.

— Когда, по-твоему? — серьезно спросил он.

— К концу лета.

— Вплотную, но я буду здесь. — Он выпустил ее из объятий и подошел к окну, выходящему на внутренний двор. — Кузен Гален уже ждет. Рыцари выглядят великолепно в своей броне.

— Приятно знать, что Двадцать Домов хоть в чем-то хороши, — обронила Арива.

— Они, знаешь ли, не доверяют мне. Им ненавистно, что их возглавляет аманит. Они хотели видеть командующим Олио.

— Они хотели видеть командующим кого-то, кем могли бы манипулировать. Олио сильно удивил бы их, но с тобой они даже пытаться не станут. Тебе повезет, если ты услышишь от них хоть одно вежливое слово.

— Покуда они выполняют приказы, я не стану жаловаться.

Арива подошла к нему.

— О, они будут выполнять твои приказания. — Она надела на шею Сендаруса цепь. Тот опустил взгляд и пощупал Ключ Меча.

— Ты поведешь армию моего королевства в бой против нашего самого давнего и решительного врага. И имеешь полное право носить его.

Сендарус не мог удержаться и чуточку надулся от гордости. Ключ засиял в свете раннего утра.

Арива коснулась ладонью щеки мужа.

— Ты должен отправляться.

Сендарус задержал ее руку и посмотрел на нее. Она впервые увидела в его глазах что-то, похожее на страх. Он хотел что-то

сказать, но, казалось, передумал; притворно улыбнувшись, отпустил ее руку и вышел.

Арива ждала у окна, пока Сендарус не появился во дворе. Оркид придерживал ему коня. Сендарус быстро поднялся в седло, бросил взгляд на окно и помахал ей рукой. Она хотела помахать в ответ, но руки оказались плотно сцепленными у нее над сердцем, и не было никакой возможности даже шевельнуть ими. Она пожалела, что рядом нет Олио, но его не видели весь день. Арива подумала о примасе Нортеме, сильно желая поговорить с ним — и вспомнила, что он умер. «Неделю назад!» — с удивлением подумала она. Казалось, вокруг нее больше нет тех, кто больше всего любил ее, и ей захотелось быть совсем не королевой, а просто женщиной, муж которой ничуть не важнее плотника или лавочника.

Гален Амптра сидел на коне в полной броне и в шлеме. Он хотел, чтобы Сендарус двинулся наконец вперед, и они могли бы выйти из города парадным шествием, а потом переодеться в более удобную походную одежду. Длинная кольчуга и поножи, конечно, очень хороши в гуще свалки, но чертовски мучительны в солнечный день, когда самой большой угрозой является тепловой удар.

Он упрекнул себя за нетерпение. У него-то ведь не было жены, а в настоящее время даже любовницы, возле которой он мог задержаться, прежде чем выступить в поход. А у Сендаруса была Арива — может быть, самая прекрасная женщина в королевстве.

«Нет, в действительности не самая, — сказал себе Гален. — У нее красивая внешность, но дело не в этом. Прекрасной ее делают присущие ей сила и уверенность. Неудивительно, что отец боится ее».

Из дворца вышел Сендарус, ярко блистая на солнце новенькой броней. В руке он держал шлем особой разновидности, из тех, какие носила аманская пехота; он закрывал почти всю голову, оставляя отверстия только для глаз и рта. «Ничего, он достаточно скоро усвоит урок, — подумал Гален. — Кавалеристу нужно видеть и слышать больше, чем у него получится в этом железном горшке».

Прежде чем сесть на коня, Сендарус повернулся оглядеть рыцарей, а затем с помощью Оркида поднялся в седло. У Галена перехватило дыхание, когда он увидел Ключ Меча. Арива уведомила Королевский Совет, что Сендарус будет носить его на протяжении всей кампании и что любые возражения бесполезны, но вид

Ключа на шее аманита заставил Галена пожалеть, что он все же не возразил. Аристократ почувствовал, как к его лицу прихлынула кровь, но не мог ничего с этим поделать. Он огляделся и увидел, что был не единственным, кто увидел амулет на шее у Сендаруса; несколько воинов гневно переговаривались между собой.

Сендарус помахал рукой окну во дворце, и Гален повернулся в ту сторону. Он увидел мелькнувшую в окне Ариву, и вид этого бледного сурового лица заставил его остыть быстрее, чем зимний дождь. Она ведь дала Ключ не кому-нибудь, а своему мужу. Сендарус хоть и аманит, но отнюдь не вор.

«Арива предает нас!» — подумал он, но сразу же изгнал из головы эту мысль. Это как раз у него завелись изменнические мысли, и понимание этого потрясло Галена. «Она же моя королева. А Сендарус ее законный муж и генерал этой армии. Он имеет право носить на шее один из Ключей».

Времени на то, чтобы сделать отца Поула новым примасом Церкви Подлинного Бога, не было, но как старший священнослужитель он все равно был единственным, кто мог надлежащим образом благословить армию. Он стоял на наспех сколоченном помосте близ северных ворот города; широкая грунтовая дорога выходила из них и терялась среди окружающих Кендру холмов. Дорога эта была трудной для следования армии, зато прямо вела в Чандру, а потом в Хьюм. Пехота стояла, выстроившись полками и дожидаясь командующего. Была уже середина утра, и хотя воздух оставался прохладным, солнце пригревало, и некоторые из бойцов беспокойно переступали с ноги на ногу. Отец Роун стоял справа и чуть позади Поула, показывая на город. Сперва Поул увидел только отражающийся от доспехов блеск солнца, а затем услышал ровный топот копыт и позвякивание кольчуг, подсказавшие ему, что это едет тяжелая кавалерия Двадцати Домов. Теперь он услышал, как народ громко приветствовал рыцарей, когда те проезжали по улицам.

Ждавшие у ворот солдаты вытягивали шеи, стараясь хоть мельком увидеть это зрелище. В конце концов, рыцари Кендры свыше пятнадцати лет не отправлялись на войну, и коль скоро Хаксусу зададут трепку, у них может не возникнуть причины выступить вновь. Первый отряд состоял из самых молодых аристократов, на пиках у них развевались знамена их домов, первым из коих был дом Розетемов, черная пустельга на золотом поле. Вслед за ними

ехал Сендарус в броне, сияющей не менее ярко, чем солнце, и с золотым Ключом Меча на груди — при виде этого амулета пехота закричала «ура!». А за ним ехали сами рыцари: три полка, все при полном параде, на грызущих удила жеребцах. Отец Поул благословил каждый полк, когда тот проезжал мимо помоста, а затем они выехали за ворота и направились в холмы. Тучи пыли медленно оседали на дорогу.

Когда исчез последний из рыцарей, пехота развернулась, отсалютовала городу, в свою очередь получила благословение и последовала через ворота за кавалерией. Топот ног отзывался эхом всю дорогу до порта. К вечеру вдали исчез последний из солдат, и на Кендру пала усталая тишина.

Отец Поул оставался на помосте еще долго после того, как ушли все остальные. Он только что выполнил свою официальную обязанность в качестве преемника Нортема. Возможно, не в качестве примаса, но тем не менее признанного наследника. Если он и раньше имел немалую силу в стране, это было ничто в сравнении с тем, чего он мог достичь теперь.

«А в действительности цена была столь невелика», — подумал он. А потом вспомнил, что он все еще не нашел имени бога. Он провел полдня в покоях Нортема, ища хоть какой-то намек, какую-то тайную запись, но все без толку. Но у него была для поисков вся оставшаяся жизнь, и он был уверен, что найдет его.

Олио не смотрел, как уходит армия. Он испытывал смесь вины, стыда и облегчения от того, что армию возглавляет Сендарус, а не он, и хотя принц знал, что так будет лучше всего, но невольно испытывал переполнявшее его ощущение неудачи. Второй своей неудачи, если принять в расчет то, как он справлялся с исцелениями в приюте.

Он был уверен, что являлся обузой для своей сестры. Она ведь так усердно старалась стать для своего народа самой лучшей королевой, и вот он — ее заикающийся, неряшливый брат, не умеющий ничего сделать как надо.

Со стыдом он покачал головой. Негоже так вести себя принцу королевства. Он пойдет к Ариве и попросит ее поручить ему какое-нибудь другое дело. Должно же быть что-то, что он мог сделать для королевства, что-нибудь, позволяющее ему доказать свою ценность.

Поглощенный мыслями, он бродил по коридорам дворца и в конечном итоге оказался в западном крыле. Вокруг него сновали священники, кивая, но ничего не говоря. Он прошел мимо Королевской часовни, поколебался, но решил не заходить. Затем вошел в библиотеку, постоял, глядя на книжные полки, высившиеся вокруг него, словно стены. Принц поборол легкий укол клаустрофобии. Одна книга лежала на пюпитре открытой, и он подошел к ней. Половину одной страницы занимала запись, сделанная старательной и изящной рукой, но остаток страницы и противоположная ей оставались чистыми.

— Молю о руководстве, — прочел он вслух, — и за души всего моего народа; молю о мире и о будущем для всех детей моих; молю об ответах и о новых вопросах. Я один, в одиночестве и все же не одинокий. Я один; человек, который знает слишком много тайн. И молю о спасении.

Олио провел пальцем по последнему слову. «Спасении для кого?» — гадал он.

— Это была последняя сделанная им запись, — произнес голос у него за спиной. Он обернулся и увидел Эдейтора Фэнхоу. Прелат выглядел таким же удрученным, как и Олио.

— Чьи последние слова? — спросил он и понял ответ, еще не закончив вопрос. — Нортема?

Эдейтор кивнул.

— Книга будет оставаться открытой, пока отца Поула не сделают новым примасом, а потом он продолжит ее. Каждый день примас записывает отрывок, или молитву, или, может, всего лишь какое-то наблюдение. Она называется Книга Дней.

Он показал на полку рядом с пюпитром. Все тома на ней были в кожаных переплетах, без названий или описаний на корешках.

— Они восходят к первому примасу. Их может прочесть любой. Они призваны давать руководство, утешение и мудрость.

— Эти слова грустные, — Олио кивнул на запись.

— Мне кажется, он был грустным человеком, — отозвался Эдейтор. — И наверняка не знал, как сильно его любили и уважали.

— «В одиночестве, но не одинокий». Нет, он знал.

Эдейтор посмотрел на принца изучающим взглядом. Олио не отвел глаз.

— Думаю, вы готовы, — сказал наконец Эдейтор.

— Я тоже так думаю. Кошмары мне снятся теперь не так часто. У меня... — Олио не мог подыскать слов для объяснения

того, откуда он знал, что готов снова воспользоваться Ключом Исцеления.

— Вы повзрослели, — сказал ему Эдейтор. — Священник из приюта говорит, что у них есть больная девочка. Чем больна, они не знают, но она умирает.

— Скажите, друг мой, вы сообщили бы мне об этом, будь примас Нортем все еще жив?

— Думаю, он не стал бы нас останавливать. Только не сейчас.

— Вы расскажете отцу Поулу о нашей договоренности с приютом?

— Когда он станет примасом, то должен будет узнать.

— Тогда мы пойдем к нему вместе.

— Да.

— Больная девочка, да?

— Да.

— Я немедленно иду в приют.

— Вы хороший человек, принц Олио Розетем.

— И я не в одиночестве, и не одинокий, — улыбнулся Олио, и неожиданная правда сказанного доставила ему больше радости, чем он ожидал почувствовать в этот день.

Оркид нашел Ариву одну в тронном зале. Она бродила среди колонн, отделяющих покрытый красным ковром неф от проходов. В тот миг она показалась ему заблудившейся в лесу маленькой девочкой. Лицо ее было удрученным, а щеки мокрыми от слез. Ее стражи стояли навытяжку у входа и выхода, ведущего в ее личные покои, глядя прямо перед собой, игнорируя боль королевы, поскольку никак не могли смягчить ее.

«Она проливает слезы по Сендарусу. Желал бы я, чтобы их проливали по мне».

— Ваше величество?

Арива подняла взгляд, но глаза ее оставались невидящими.

— Ну почему Берейма должен был умереть?

У Оркида екнуло сердце. Он знал, что королева считала убийцей Линана, но на какой-то миг ему показалось, будто она проникла взглядом в самую глубь его сердца.

— Ни по одной причине, какую мы когда-либо сможем понять, — медленно произнес он.

— Будь он по-прежнему королем, нашу армию повела бы на север я. Мать дала мне Ключ Меча. Именно там мне и следовало быть сейчас, со своими полками, а не здесь, в этом пустом дворце.

— Дворец никогда не пуст, пока в нем королева.

Она непонимающе уставилась на него.

— Может быть, я вовсе не королева. Может быть, это просто кошмар.

— Сендарус скоро вернется, ваше величество. Кошмар не будет длиться вечно.

— Хотелось бы верить. Но вы же знаете, что кошмары никогда не кончаются, не так ли, Оркид? Некоторые кошмары длятся всю жизнь.

Он подошел к ней и взял ее за руку.

— Только не этот кошмар. Обещаю вам.

Она глубоко вздохнула и подняла другой рукой Ключ Скипетра так, что на него упал луч солнца из высокого окна.

— Видите, как он сияет? Это сегодня единственное светлое пятно в Кендре — и все же именно этот Ключ обременяет меня.

Оркид глянул на Ключ и быстро отвел взгляд. Он видел на нем лишь кровь Береймы. Почему она не вытерла его? Неужели она не видит ее, как видит он?

— Он символ королевства, Арива. Вы сами и есть королевство.

— Но сегодня я скорей бы предпочла быть самой нижайшей из его подданных.

Они услышали, как один из стражей вытянулся по стойке «смирно»; в дверях заднего выхода появился Харнан Бересард с письменным столиком под мышкой.

— Вас призывают к выполнению своих обязанностей, — с облегчением сказал Оркид.

— А я не даю вам выполнять свои. Поговорим позже.

— Всегда к вашим услугам, ваше величество.

Она кивнула и потрепала его по руке.

— И я буду всегда благодарна вам за это, мой друг.

Деджанус наблюдал, как рыцари выезжают через главные ворота дворца. Когда мимо проехал Сендарус, лицо коннетабля скривилось в невольной презрительной улыбке. Его даже не волновало, увидит ли кто-нибудь эту улыбку. Бывшего личного стража обуревал гнев — его второй раз обошли и не сделали командующим армией. Он

еще мог понять, что королева и ее Совет назначили генералом Олио — в конце концов, он Розетем, — но не этого выскочку из Амана. Игрушка королевы, смазливый мальчишка, а теперь — генерал! Деджанус чуть не закричал от ярости, когда увидел, что у Сендаруса к тому же висит на шее Ключ Меча.

После того как полки прошли, он в бешеной ярости устремился в город, ища что-то или кого-то, на ком можно сорвать злость. Он прошел, печатая шаг, мимо таверны «Пропавший моряк», остановился и вернулся к ней. Внутри торговля спиртным шла не бойко, большинство горожан стянулось на улицы, ведущие к северным воротам — посмотреть, как армия отправляется на войну. Но, с удовлетворением заметил он, его смазливая осведомительница находилась на своем посту. Как там ее звали-то? Совершенно верно, Икана. Он нашел угловой столик и сделал ей знак подойти. Она приблизилась, нервничая и робея.

— Мой господин?

— Что нового? — прорычал он.

— Ничего особенного...

— Что нового? — повторил он, стукнув кулаком по столу. Икана так и подскочила. Немногочисленные посетители таверны осторожно посмотрели в их сторону и, увидев Деджануса, быстро отвели взгляд.

— В-вы знаете о приюте? — Деджанус покачал головой. — В этом квартале появился приют, открытый Церковью.

— И с какой стати это должно интересовать меня?

— Я слышала, что его часто посещал прелат-маг и еще некто.

— Прелат? Эдейтор Фэнхоу? — Икана кивнула. — А кто другой?

— Ни-никто не знает, мой господин. На нем плащ с капюшоном, но он всегда сопровождает прелата. Они некоторое время остаются в приюте, а потом вместе уходят. Люди говорят, будто спутник прелата — великий маг, так как многие из тех, кого приводят туда умирающими, на следующий день возвращаются домой полностью исцелившимися.

— Сколь многие из них? — спросил Деджанус, несмотря на обуревающую его злость, охваченный невольным любопытством. Хотя вообще-то он искал лишь предлог избить Икану.

— Н-не знаю. Это большей частью дети.

Деджанус откинулся на спинку стула, глубоко задумавшись. Это и впрямь была новость. Маг, исцеляющий умирающих? Он

никогда не слышал ни об одном настолько могущественном. И почему прелат пытался сохранить это в тайне?

Если это не...

Нет, такое было слишком невероятным. Он почесал бороду. А может, и нет. Окажись это правдой, оно в немалой степени объяснило бы недавнее необычное поведение некого члена королевского двора. До него доходили лишь слухи, но теперь они начинали приобретать смысл.

— Что-нибудь еще, мой господин? — спросила Икана.

Деджанус покачал головой, и она повернулась, собираясь уйти.

— Погоди! — приказал он и дал ей серебряную монету. — Кувшин сторийского красного.

— Я не могу разменять такую...

— Сдачу оставь себе. Ты хорошо поработала.

Она сделала подобие книксена и поспешила удалиться. Деджанус смотрел ей вслед, восхищаясь тем, как двигался ее зад. Может быть, он немного задержится — по крайней мере, до тех пор, пока она не освободится. Возможно, до окончания ночи она даже заработает еще одну серебряную монету.

ГЛАВА 21

Четверо всадников остановились на наветренной стороне холма, наслаждаясь дуновением нежного западного ветерка, остудившего их разгоряченные лица.

— Гудон уже немало лет не ездил по территории Белого Волка, — сказал Линан Коригане. — Ты уверена, что он знает поле, о котором ты мне рассказывала?

— Уверена. Мы называем его Воловий Язык; по площади он величиной почти с Верхний Суак, и в это время года там почти всегда буйно растет молодая трава.

Линан повернулся к Дженрозе.

— Ты готова? — спросил он.

Дженроза сделала глубокий вдох.

— Нет. Но нам нельзя ждать. — Она взглянула на Подытоживающую, которая вытащила из седельной сумки еще одно перо и сердце секача, взяла Дженрозу за руку и принялась читать заклинание. Через несколько мгновений появился шар голубого огня.

— Видишь его? — взволнованно спросила Линана Подытоживающая.

Принц не мог говорить. Он разглядел в огне Суак Странников, прямо у него на глазах фокус изменился — и перед ним предстал Гудон с поднятым к небу лицом.

— Невероятно, — выдохнул Линан.

То же самое эхом повторила Коригана, видимо, испытывая те же чувства. Дженроза рассмеялась.

— Он знал, что я снова свяжусь с ним, — сообщила она Линану. — Спрашивает, здесь ли ты и Коригана. — Она сосредоточенно нахмурилась. — Он рад, что вы в порядке. Что вы хотите поручить ему сделать?

Линан объяснил. Она передала инструкции, потом вдруг покачнулась в седле. Пламя исчезло. И Линан, и Подытоживающая протянули руки поддержать Дженрозу, но Подытоживающая на сей раз, видимо, устала больше, чем Дженроза.

— Я помогла ей, насколько хватило сил. Это выматывает.

— Спасибо тебе, — поблагодарила ее Дженроза. — Ты и впрямь помогла. Голова почти не болит. Но устала я быстрее.

— Мы занялись этим слишком быстро после первого раза, — объяснила Подытоживающая. — Это дорого обходится, в том числе и для человека с таким необработанным талантом, как у тебя.

Линан пригляделся к Дженрозе. Та слабо улыбнулась.

— Дело сделано. Гудон выполнит твою просьбу.

— Если и Терин справится со своей задачей, то все готово, — заключил Линан.

— Терин сделает все, как ты просил, — заверила его Коригана. — Остальное зависит от нас.

Игелко привел Терина и его группу из четырех всадников путем, прямым как стрела. Со своего наблюдательного пункта на гребне холма они увидели разведчиков Рендла — хотя в данном случае это были всадники из регулярных войск Хаксуса.

— Я насчитал семерых, — доложил Игелко. — Где-то есть еще трое.

— По одному на каждом фланге, один замыкающий в тылу. Хорошо.

Они спустились с холма туда, где их ждали лошади, и, быстро усевшись в седла, поехали обратно к въезду в неглубокую

долину, которую сейчас обследовала разведгруппа Рендла. Вскоре они остановились, позволяя своим лошадям не спеша пощипывать весеннюю траву.

— Сколько еще? — спросил один из всадников.

— Теперь уже в любой момент, — ответил Терин. Он был моложе большинства своих воинов, но они гордились тем, что он их вождь. Он славился как отличный охотник и наездник, а его решения касательно клана, в том числе и решение связать судьбу с честолюбивыми планами Кориганы, принесли клану все возрастающий почет. А в последние несколько дней он проявил воинскую отвагу, поведя свой отряд против арьергарда, оставленного Рендлом в тылу защищать ущелья, по которым прошло в степь его воинство.

— Не смотрите — первый уже показался, — прошипел Игелко.

Терин все же рискнул быстро глянуть уголком глаза. Его маленький отряд был прямо на виду, тем не менее этот хаксусский всадник все еще не замечал их. Выполнить самые последние инструкции Линана, привезенные посланцем всего днем раньше, будет труднее, чем ему думалось.

— Эти враги слепы, как карак в темноте, — высказался еще один всадник. — Они были бы легкой добычей.

— И станут ею в свое время, — пробормотал Терин себе под нос. — Но не здесь и не сейчас. Ты знаешь, что нам надо сделать.

Появились и другие всадники регулярных войск; наконец последний из них поднял тревогу.

Терин и его всадники сделали вид, будто поражены появлением неприятеля. Пришпорив лошадей, они галопом поскакали прочь от солдат Хаксуса.

«Отличная игра», — подумал Терин и рассмеялся встречному ветру.

Первым четтов увидел возглавлявший разведгруппу сержант. Он выкрикнул команду, и группа собралась вокруг него.

— Что нам делать? — спросил один из его бойцов.

— Возвращаться и предупредить генерала... — начал было он, но затем заметил, как четты галопом уносятся прочь. — Нет! Их только пятеро! Мы должны догнать их! Рендл наградит нас за захват пленника.

С этими словами он вонзил шпоры в бока своего коня, устремляясь в погоню за удирающим врагом. Его бойцы бросились

следом за ним. Ему не понадобилось много времени, чтобы понять, что они постепенно настигают четтов. Он мог объяснить это только тем, что четты и так уже долго гнали во всю прыть и почти запалили лошадей.

— Осталось немного! — крикнул он, и его бойцы торжествующе завопили, предвкушая победу в бою, где на их стороне явный перевес, и дождь наград, которыми Рендл осыплет их как первых, доставивших пленного четта.

Они проскакали всю долину, одолели невысокий взгорок и устремились в следующую долину. Хотя они постоянно приближались к четтам, погоня потребовала больше времени, чем рассчитывал сержант. Впереди виднелся еще один взгорок, и он был уверен, что подъем на него отнимет у четтских кобыл последние силы. А затем он увидел над этим взгорком тучу пыли. Какой-то миг значение увиденного не доходило до него. Но когда оно все же дошло, он с силой натянул узду, терзая удилами губы своего коня.

— Что случилось? — закричал один из его бойцов. — Мы же их почти догнали!

Сержант показал на тучу пыли.

— Протри глаза, болван! За тем холмом должно быть, целый клан со своим стадом. Нас просто перережут.

— Божья погибель! Они же поднимут по тревоге своих дозорных!

Солдаты повернули лошадей кругом и снова живо пришпорили их, пустив галопом. Сержант теперь отчаянно боялся, что в случае погони за ними устанут уже их собственные лошади.

Когда они добрались до той точки, где он впервые увидел четтов, сержант рискнул оглянуться через плечо и, увидев, что за ними никто не гонится, замедлил скорость бегства до быстрого шага. Теперь они находились всего в лиге-другой от основных сил и таким образом почти наверняка в безопасности. Тем не менее ему пришлось побороть порыв и дальше мчать галопом до самого лагеря, и он не переставал оглядываться через плечо, проверяя, не собирается ли обрушиться на них смертоносная орда четтов.

— Они рванули обратно, — сказал Игелко Терину и согнулся в седле, переводя дух.

— Сколько до их основных сил?

— Четыре лиги, а может и меньше. К полудню Рендл приго-

 нит сюда тысячу солдат.

— Отлично, — усмехнулся Терин. — Возьми свежую лошадь. Боюсь, у тебя не будет времени на отдых.

Игелко устало кивнул. Затем Терин приказал всадникам, которые волокли по земле сделанные из жил и костей караков длинные грабли, разобрать эти орудия. Они подняли достаточно пыли, чтобы та провисела в воздухе по меньшей мере до вечера.

— Враг заглотнул наживку. Едем еще десять лиг на юг и повторяем представление.

— Как, по-твоему, сколько они будут гнаться за нами? — спросил Игелко. — Даже Рендлу должно надоесть весть день гоняться за пылью.

— Несколько дней они будут нас преследовать, а большего нам и не нужно.

Игелко нашел в себе силы усмехнуться вождю в ответ.

— А уж тогда мы больше не будем убегать.

— Тогда мы будем драться, друг мой, — хлопнул его по груди Терин. — Тогда мы будем драться.

Гудон прочесывал рынки Суака Странников, подыскивая нужную ему одежду. Он нашел штаны, носимые шкиперами барж, и старую рубашку караванного кучера, которые должны были сгодиться. Для их покупки он отдал взамен собственную одежду, и купец настолько удивился этому, что подбросил ему также и горсть монет.

— Ты очень щедр, — поблагодарил его Гудон.

— Я тебя бессовестно обманываю, незнакомец, — покачал головой купец, а затем протянул ему еще несколько монет.

— Вот, возьми и их. Мне нужно успокоить совесть.

Гудон с благодарностью принял монеты, хотя и не нуждался в них; но ни к чему заставлять купца почувствовать это.

Совершившие сделку пожали друг другу руки, и Гудон быстро переоделся в шкиперские штаны и старую рубаху, после чего критически изучил свое отражение в старом зеркале, которое купец подержал для него.

— С виду ты больше не похож на четта, — заметил купец.

— Зато я похож на шкипера баржи, от которого отвернулась удача, — ответил Гудон.

— Ты лишился рассудка, друг мой.

Несколько позже Гудон осушил кружку в самом лучшем трактире суака. К нему присоединился высокий мужчина аскетического вида.

— Вижу, ты нашел, что искал, — отметил высокий.

— Купец полагал, что я рехнулся.

— И правильно делал.

— Возможно, Кайякан. Но рехнулся или нет, а сделать это могу только я.

Кайякан не стал спорить, а велел принести кружку себе и налить по новой Гудону.

— Думаешь, Линан сможет провернуть свой план?

— Ты же с ним встречался. Что сам-то думаешь?

— Он мальчишка.

— Он куда как больше, чем просто мальчишка. Я видел — он изменился до неузнаваемости. Он завоевал расположение большинства кланов. Это вернувшийся к нам Белый Волк, Кайякан.

Кайякан внимательно посмотрел на него.

— Если так, то это и впрямь чудо.

— Похоже, ты сомневаешься.

— Я свыше десяти лет провел в этом городе, шпионя для Коригаы, а раньше — для ее отца. За это время я видел много чудесного и слышал много изумительного. Но возвращение Белого Волка? — Он покачал головой. — Извини, но легенды теперь походят на байки за кувшином вина.

— Скоро сам все увидишь.

— В случае, если сработает план этого мальчика. Ты идешь на страшный риск.

— Ты что-нибудь слышал? — спросил Гудон, меняя тему.

— Птицы летают высоко над ущельем. Молодчики Прадо будут здесь к завтрашнему утру.

— Значит, его разведчики будут здесь уже к ночи.

— Одни они в город не войдут. Ты можешь хорошенько выспаться еще одну ночь. Тебе это необходимо. Одним богам известно, когда еще тебе доведется спать спокойно.

Прадо проснулся с восходом солнца. Фрейма и Сэль уже встали и подымали бойцов. Он оглянулся на оставленное позади ущелье, со злостью вспоминая, как в прошлый раз миновал его пленником Рендла. Когда он пройдет его в следующий раз, то повезет в кор-

зине голову Линана. Перед ним раскинулись Океаны Травы, огромные желтые просторы, все еще не оправившиеся от зимы. Менее чем через месяц сюда прибудет с востока Первосветный караван — первый караван, прошедший ущелье после зимы.

Нет, только не этой весной, поправился он. Никто не придет при бушующей рядом войне. Одному богу известно, сколько пройдет времени, прежде чем в ущелье покажется следующий караван.

Рядом с ним появился Фрейма.

— Трогаемся вместе с лучниками.

— Нет, они могут догнать нас, — покачал головой Прадо. — Жители Суака Странников теперь уже видели наших разведчиков и знают о нашем приближении. Я бы хотел оказаться там прежде, чем они смогут организовать какую-то оборону. Он оглянулся на наемников. — Видишь, как они рвутся с поводка?

— После того, как они всю зиму месили дорожную грязь, им, понятно, не терпится заполучить в свои руки что-то, делающее их труды не напрасными.

— В Суаке они набьют себе седельные сумки. И это только начало. Командуй «по коням». Мы выступаем сейчас же.

— Они голодны. Наверняка можно перекусить, прежде чем...

— Передай им, что через три часа они смогут с удобствами позавтракать в трактире.

— Да, генерал, — отбарабанил Фрейма и отправился выполнять.

В Суаке Странников царила паника. Многие купцы грузили на лошадей и в фургоны все товары, какие подвернулись под руку, и пытались убраться от города как можно дальше. Но большинство понимало, что бежать уже поздно, и вместо этого забаррикадировалось в своих домах, приготовив ведра воды и мокрые одеяла для тушения возможных пожаров. Некоторые пытались организовать засаду, но воинов никак не хватало для предоставления врагам чего-либо, кроме возможности устроить резню. Самые старые помнили войну с работорговцами и то, как суак несколько раз захватывали и отбивали, но ни одна из сторон никогда не уничтожала город. Тот был слишком ценным призом, чтобы стирать его с лица земли, — и потому многие уповали на богов, надеясь, что чья бы кровь ни пролилась, она не будет кровью их родных.

Когда прибыла основная колонна Прадо, она пронеслась через весь город на полном галопе. Всадники вращали мечи над

головами, выискивая удобного случая пустить их в ход. Достигнув конца городка, они замедлили аллюр до кентера и разделились на две цепочки, каждая из которых развернулась в обратную сторону и принялась без спешки обследовать каждое жилище. К тому времени, когда через несколько минут прибыл сам Прадо, Суак Странников уже в основном находился под его контролем. Группа юнцов попыталась устроить ему и его телохранителям засаду, но все они были изрублены прежде, чем сумели подбежать достаточно близко для нанесения хоть одного удара. Прадо приказал отрубить им головы и, насадив их на пики, выставить на торговой площади суака, а потом занял лучший в городе трактир под свой штаб.

Вслед за тем Прадо велел доставить к нему городских старейшин. Он дотошно допросил их, вызнавая о местонахождении Линана, но они могли сказать ему лишь то, что он и так уже знал: принц прибыл в город в обществе одного купца и уехал в обществе одного четта, великана, горбуна с востока и молодой женщины. С тех пор их никто не видел и ничего о них не слышал.

Прадо был разочарован, но не удивлен. Он приказал пытать одного из старейшин, чтобы удостовериться в правдивости его рассказа, но тот не изменил показаний. Прадо отпустил их всех.

— Что теперь? — спросил Фрейма.

— Подождем. Дадим знать тем, кто здесь живет, что я заплачу неплохие деньги за сведения о местонахождении Линана. Известие придет.

— Сколько мы можем ждать?

— Самое большее двадцать дней. После этого мы можем ожидать визита по меньшей мере пары кланов. Но кто-то да принесет сведения. А тем временем организуем сбор откупа. Каждый дом должен доставить половину своих товаров. По завершении сбора распределим добычу среди наших всадников и лучников.

— Это сделает награду за сведения о Линане еще ценнее, — заметил Фрейма.

— Именно.

Удача улыбнулась Прадо в конце сбора откупа. Он ехал самолично осмотреть добычу, когда из одного дома поблизости вылетел невысокий оборванный четт. Прадо выхватил саблю, решив было, что на него собирается напасть одинокий сумасшедший, но вслед за первым четтом выскочил второй, хорошо одетый, с палкой в руке и рассерженный, как раненый карак. Он догнал первого и при-

нялся колотить его палкой. Прадо и его бойцы рассмеялись при виде этой сцены; некоторые заключали друг с другом пари насчет того, умрет ли меньший ростом прежде, чем иссякнет ярость другого, или нет. Беглец сумел, несмотря на удары, подняться на ноги, отчаянно огляделся кругом в поисках помощи и, завидев Прадо, бросился к нему с криком:

— Господин мой! Господин! Пожалуйста, защитите меня!

Другой четт погнался за ним, крича:

— Негодяй! Вор!

Это заставило наемников рассмеяться пуще прежнего. Прадо отбросил пинком первого четта, и тот снова с силой бухнулся наземь; его преследователь благодарно кивнул и поднял палку, собираясь возобновить избиение.

— Стой! — внезапно заорал Прадо.

Все остановились. Даже прохожие замерли как вкопанные.

— Подберите этого мелкого ублюдка и тащите его сюда, — приказал Прадо.

Двое всадников спрыгнули с коней и подняли четта. Прадо пригляделся к лицу пленника.

— Я тебя знаю.

Глаза четта, и так уже расширившиеся от страха, казалось, готовы были выскочить из глазниц.

— Нет, господин! Мы никогда не встречались. Я бы не забыл такого могучего...

Прадо с силой отвесил ему оплеуху.

— Ты работал на реке Барда.

— Я? Да я же четт, господин! С какой стати четту работать на реке...

Прадо отвесил ему новую оплеуху.

— Лоцманом баржи, — уточнил он.

Четт так и повис на руках все еще держащих его всадников и заскулил, словно побитый пес.

— Ой, господин!

— Мы плыли на твоей барже, и ты завез нас в гнездо джайзру. Из-за тебя я потерял двух самых лучших своих бойцов. И потерял своего пленника.

Прадо спешился, обнажил кинжал и приставил его к шее четта.

— Я знаю, где он! — провизжал четт, когда Прадо наконец собрался рассечь ему горло.

Прадо приблизил лицо вплотную к лицу четта.

— Кто? Ты знаешь, где *кто*?

— Пленник.

— Принц Линан?

— Принц? — сглотнул четт. — Я не знал, что тот маленький господин — принц! Знай я об этом — попросил бы больше денег...

Прадо взревел от ярости, и все окружающие на мгновение подумали, что он все-таки перережет четту горло, но вместо этого он удовольствовался еще одной оплеухой, ударив коротышку с такой силой, что тот потерял сознание. Прадо сплюнул.

— Тащите его ко мне, — приказал он.

Гнавшийся ранее за пленником высокий четт открыл было рот, собираясь запротестовать, но Прадо вперил в него взгляд.

— Не буди лиха, — негромко посоветовал наемник.

Кайякан поклонился, расшаркался и пятился назад, пока не очутился в безопасности собственного дома.

ГЛАВА 22

Дела у короля Салокана, правителя Хаксуса и, как он считал, в недалеком будущем правителя Хьюма, шли неплохо — примерно так, как и ожидалось. Он промчался сквозь северный Хьюм, как зимняя буря сквозь рыболовный флот, рассеивая все, что оказывалось у него на пути. Даже пограничники Чарионы, хорошо обученные и обычно подтянутые бойцы, были захвачены врасплох его нападением еще до начала весенней оттепели. А теперь он уже видел вдали стены самого Даависа. Коль скоро эта провинциальная столица окажется у него в руках (а он не сомневался, что это обязательно произойдет в течение следующего месяца — намного раньше, чем армия Аривы сможет деблокировать город), он закрепится, готовый противостоять любым контратакам и высылать мелкие части нападать на вражескую линию тылового обеспечения. А следующей весной? Возможно, Чандра тоже падет — а после кто знает?.. Салокан, правитель всего континента Тиир. Почему бы и нет?

— Ах, какая прекрасная война, — произнес он вслух, хлопнув в ладоши. И пожалел, что этого не увидел его отец. Но нет, сказал он себе, будь этот старый дурень жив, то по-прежнему стоял бы во главе и провалил бы все дело.

Со своего наблюдательно пункта в конце раскинувшейся к северу от Даависа равнины он смотрел, как тянутся к городу колонны его армии. Сначала кавалерия, которой надлежало надежно перекрыть дороги и занять мелкие приречные городки, усеивающие берега Барды к востоку и западу от столицы, затем пехота для защиты роющих траншеи саперов. И наконец, двести плотников и кузнецов, набранных из деревень и сел в северном Хьюме, которые прибудут строить плоскодонные баржи для патрулирования реки и осадные машины для штурма Даависа, если Салокан решит, что город нужно атаковать всеми силами.

На середине расстояния между ним и городом он увидел несколько вражеских отрядов, отступающих, в целом сохраняя порядок, и при случае задерживаясь, чтобы приостановить преследователей. Даже сейчас шел бой между потрепанным хьюмским пехотным полком и одной из частей его легкой кавалерии; вражеский полк слишком долго канителился и был теперь окружен кавалерией, которая держалась от него на расстоянии и осыпала стрелами. Потихоньку уминая жареного цыпленка и потягивая прекрасное вино, принесенное адъютантом, король наблюдал за боем, пока не упал последний вражеский солдат. Салокан вздохнул, когда кавалеристы спешились прирезать раненых и прихватить ту добычу, какая им приглянулась. Ему было крайне неприятно видеть такую небрежную резню. Вообще-то войну должна вести между собой знать с сопровождающей каждого аристократа свитой — как она некогда и велась, — но Гренда-Лир изменил порядки во время Невольничьей войны, дойдя до того, что стал обучать новобранцев и платить им жалованье. Та война увидела рождение первой по-настоящему профессиональной национальной армии — одной из причин такого решительного поражения Хаксуса и наемников. Но теперь Хаксус тоже обладал такой армией. Отныне война означала, что простолюдины убивали друг друга, в то время как знать сидела в тылу, наблюдая за боем с относительно безопасного расстояния. В этом мало почета, подумал Салокан, хотя победа все равно приносила славу и немалую добычу.

К этому времени его войска контролировали весь район вокруг Даависа и добрую часть северного берега реки. Его саперы установили заблаговременно сооруженные деревянные стены для защиты от вражеских лучников и любопытных глаз, и принялись рыть траншеи. А пехота разбивала полупостоянный лагерь с отхожими ямами и рвами, ямками для бивачных костров и даже двумя главными

улицами; в самых дальних от Даависа углах пехотинцы устроят госпиталь для тяжелораненых, а также особый полуотделенный участок для размещения самого Салокана и его личных телохранителей. Король подождал, пока не увидел, что его шатер воздвигнут, а затем не спеша проехал по равнине к лагерю. Он пустил коня иноходью, проезжая мимо груд убитых солдат с телами, проткнутыми стрелами, изрубленными мечами, изувеченными дубинами и палицами, а теперь еще и погрызенными крысами и обескровленными насекомыми. Иной раз к нему галопом подлетал посланный с донесением всадник; он внимательно выслушивал, благодарил и продолжал путь. Наконец, когда солнце уже садилось, Салокан добрался до лагеря. Он увидел Барду, воду которой слегка рябил нежнейший ветерок, почувствовал запах дыма бивачных костров, услышал гомон уверенных в себе солдат и иногда стоны раненых, и нутром почуял, что победа хоть и не близка, но тем не менее неизбежна.

— Да, — сказал он, усевшись перед шатром и окинув взглядом свой лагерь и стены последнего прибежища его врагов на севере, — это прекрасная, распрекрасная война.

Королева Чариона настояла на личном обходе дозором стен. Ее телохранители сильно нервничали, пытаясь не отставать от нее, но королева, несмотря на свои короткие ноги, могла, когда хотела, двигаться словно ветер, энергию ее подпитывала ярость.

— Что делается для раненых? — требовательно спросила она.

Фарбен, считавший войну неудобством, придуманным в первую очередь для того, чтобы расстроить его упорядоченную жизнь, поспешил приблизиться к ней. Это усилие заставило его запыхаться.

— Их слишком много, маги и священники не могут управиться со всеми сразу. В первую очередь занимаются теми, кто больше всего нуждается в лечении.

— А гарнизон? Теперь, когда все войска стянуты в город, сколько человек мы способны выставить на стены?

Фарбен беспомощно посмотрел на офицера, который мог в ответ лишь пожать плечами.

— Пока еще слишком рано судить, ваше величество, хотя, похоже, будет выставлено достаточно бойцов, и еще часть останется в резерве.

— Если понадобится, снимите для пополнения резерва часть людей со стен.

— Ваше величество?

Чариона вздохнула, останавливаясь так внезапно, что телохранители обогнали ее. За спиной у нее возникла свалка, покуда они не разобрались меж собой; Фарбен оказался каким-то образом вытеснен вперед и стоял рядом с королевой. Та кивнула на стены.

— Эти крытые переходы дадут нам надежную возможность перебросить подкрепления к любой точке, которую атакуют. Я хочу, чтобы солдат стоял у каждой бойницы, по десятку у каждых ворот и по одному на каждые десять шагов между ними. Когда произойдет атака, мы проредим оборону на стенах слева и справа, оставляя нормальные силы на противоположной стене.

— А почему не стягивать подкрепления и с противоположной стены? — спросил Фарбен.

— Потому что именно этого и захочет добиться враг, дурень. — Чариона сплюнула. — Он попытается устроить ложную атаку в одном месте, а затем атакует в прямо противоположной точке. Если он нападет слишком близко к первоначальной ложной атаке, то ей можно будет слишком быстро дать отпор.

— О!

Чариона глянула на него с чем-то, похожим на отчаяние, а затем двинулась дальше.

— Припасы?

— Все на складах. У нас четыре центра распределения продовольствия. Мы расчистили подземный акведук и наполнили все городские колодцы. Овец и крупного скота хватит для трехмесячного обеспечения свежим мясом, молоком и маслом, а сушеных овощей и фруктов хватит на шесть месяцев или дольше.

— Нам надо избавляться от отходов и мертвых. Иначе болезни убьют нас быстрее вражеских стрел.

— Главный парк полностью расчищен для погребальных костров. Все мертвые будут приноситься туда на сожжение. Твердые отходы жизнедеятельности будут собираться и выбрасываться за северную стену между нами и вражеским лагерем. А жидкие отходы будут собираться и высушиваться для прикладывания к телесным ранам.

— Хорошо. — Чариона снова внезапно остановилась, но на сей раз телохранители оказались лучше подготовлены. Сумятицы было меньше, но по какой-то причине Фарбен, полагавший, что он и так достаточно долго находился в центре внимания Чарионы,

все равно в итоге оказался стоящим рядом с ней. Она посмотрела в сторону вражеского лагеря, уже наполовину возведенного.

— Завтра утром они пришлют посланца, предлагая нам сдаться. Когда мы откажемся, они потратят несколько дней на прощупывание нашей обороны и одновременно будут сооружать осадные машины. Через десять дней или около того они вторично предложат нам сдаться. Когда мы снова откажемся, Салокан начнет штурмовать всерьез. Мы должны убедить врага в том, что самые прочные участки нашей обороны на самом деле самые слабые, а самые слабые — на самом деле самые прочные. — Она схватила Фарбена за руку. — Удостоверься, что мои генералы понимают это.

Фарбен кивнул.

— Нам надо продержаться шесть-восемь недель. Именно столько времени понадобится армии Аривы, чтобы добраться до нас. Восемь недель, если резко потеплеет и на реках между нами и Кендрой будет половодье. Шесть недель, если потеплеет слабо.

— Шесть недель мы продержимся, — сказал Фарбен с большей уверенностью, чем испытывал. Вражеский лагерь казался почти таким же большим, как сам Даавис.

— Если не продержимся, — сказала Чариона, — то потеряем *все*.

Сендарус, как всегда, сам по себе ехал во главе основной колонны. Он не поладил с рыцарями из Двадцати Домов, и это вынуждало его оставаться в стороне от всех и в одиночестве. Днем его это не сильно тяготило; дел и без того хватало — требовалось читать и писать донесения, принимать и пересматривать решения, — но ночью он мало чем мог заняться, кроме обхода сторожевых постов или лежания на одеяле, уставясь на звездное небо и гадая, не деласт ли то же самое и Арива.

После того, как армия перевалила через гребень за Кендрой и вступила в Чандру, он начал получать удовольствие от вида сельской местности. Он никогда раньше не бывал так далеко на севере, и видеть ландшафт настолько плоский, настолько заполненный правильными геометрическими фигурами полей, садов и пастбищ было ему в новинку. Сперва он мог думать только о том, как повезло людям, живущим в таких землях — но затем вспомнил, что как раз богатство этой земли и делало ее мишенью всех армий вторжения и разбойников. Его родина Аман, может, и была гористой и лесистой, да

еще проклятой наличием почвы, которая всегда слишком сильно выщелачивалась зимними дождями, чтобы быть по-настоящему плодородной, но за всю историю в пределы ее границ вторгалась только одна армия. Да и то это произошло не один век назад, когда растущее королевство Гренда-Лир решило, что ему нужен и сам Аман для надежной защиты юго-западной границы от южных четтов, и его строевой лес для снабжения увеличивающегося военного флота.

Через четыре недели после выступления из Кендры они приближались к Спарро, столице Чандры, где их встретят войска, приплывшие вдоль побережья на север из Луризии, и обещанная отцом Сендаруса дополнительная легкая пехота из Амана. Сендарус считал, что продвигаются они с неплохой скоростью и, возможно, даже поспеют к Даависку раньше армии Салокана. А затем прискакал гонец из Спарро, сообщивший Сендарусу, что Салокан уже обложил Даавис, и время на исходе.

Он созвал ведущих аристократов и своих капитанов на срочное совещание. Когда он сообщил им новости, наступило ошеломленное молчание.

— Должно быть, Салокан выступил в поход еще до окончания зимы, — предположил Гален Амптра.

— Согласен, — сказал Сендарус. — Никак иначе он не смог бы так скоро добраться до Даависа. Вероятно, он полностью захватил врасплох пограничные посты, и армия у него явно больше и профессиональней, чем мы полагали.

— Он научился на ошибках своего отца, — высказал мнение пехотный капитан, достаточно пожилой, чтобы сражаться в Невольничьей войне.

— Что же нам теперь делать? — спросил еще один капитан. — Мы не можем переправиться через Барду у Даависа. Салокан будет контролировать реку на какое-то расстояние по обе стороны от города.

— Мы должны переправиться в Спарро, — решил Сендарус и с удовольствием увидел, что Гален кивнул, соглашаясь с ним. — Но это будет означать более длинный переход.

— Шесть недель или еще больше, — прикинул Гален.

— Придется одолеть этот путь быстрее, чем за шесть недель. Мы не можем рисковать предоставлением Салокану возможности взять город. Если он захватит Даавис, мы потеряем север, и нам придется обеспечивать свое снабжение из Спарро; а это будет гораздо дальше от фронта, чем мне нравится.

— Как же нам добраться туда меньше чем за шесть недель? — спросил первый капитан.

— Мы должны найти какой-то способ, — заявил герцог Магмед, молодой и гордый аристократ, лишь недавно унаследовавший свой титул и жаждущий показать, чего он стоит.

— Сперва мы переправим через Барду кавалерию и легкую пехоту, — сказал Сендарус. — Они сразу же выступают к Даависи, где как можно скорее схватятся с врагом, однако избегая решающей битвы. Если нам повезет, это заставит Салокана снять осаду и отступить для защиты своих линий снабжения. А наша тяжелая пехота и саперы не намного отстанут от передовых сил — самое большее на два дня, если мы поторопим их. И как только армия воссоединится, мы тут же атакуем.

— Хороший план, — подчеркнуто одобрил Гален. Его восхищало то, как консорт владел стратегией, и быстрота, с какой он выдвинул план, который был наилучшей возможностью спасти королевство от катастрофы. Он повернулся к другим присутствующим на совещании аристократам. Хотя сам он пока еще не носил титула, каждый день благодаря бога за то, что отец его по-прежнему жив, тот факт, что семейство Амптра числилось среди самых старших в королевстве после самих Розетемов, давал ему власть над рыцарями. — Именно так мы и поступим. Наша кавалерия переправится первой. — Он взглянул за подтверждением своих слов на Сендаруса.

И Сендарус, который первоначально собирался переправить отряд-другой легкой пехоты из Амана — солдат, обученных бежать, если понадобится, весь день — понял смысл, скрытый во взгляде Галена.

— Именно так я и задумал, — соврал он, и знать громким гомоном выразила свое одобрение.

Сендарус убедился, что все капитаны четко поняли его приказания и свое место в походном порядке, а затем отпустил всех, кроме Галена.

— Спасибо за сегодняшнюю поддержку, — серьезно поблагодарил он.

— Вы ее заслуживали, — ровно ответил Гален. — Вы выдвинули верный план действий.

— А если бы я предложил неверный план? Как бы вы тогда поступили?

Гален не ответил.

— Вы молчите, потому что думаете, будто я обижусь? — не успокоился Сендарус.

— Я молчу, потому что не знаю, как бы тогда поступил.

— Вы меня ненавидите, Гален Амптра?

— Я с подозрением отношусь к тому, что вы олицетворяете собой, но нет, ненависти к вам я не испытываю.

— Вы замечательно честны со мной.

— Да какой смысл притворяться-то?

— Вот и я так думаю. И потому спрошу: как вы поступите, когда мы столкнемся с врагом?

— Что вы имеете в виду?

— Тогда вы тоже будете выполнять мои приказания или станете делать то, что всегда делала кавалерия Двадцати Домов?

— И что же именно она делала?

— Атаковала, не думая о последствиях.

Гален покраснел.

— Во время Невольничьей войны...

— Во время Невольничьей войны генерал Элинд Чизел отказался использовать ваших рыцарей, потому что не мог твердо рассчитывать, что они выполнят приказ. Я буду страдать от того же?

Гален ответил не сразу, но на этот раз Сендарус подождал. В конечном итоге аристократ покачал головой.

— Нет. Вы не будете страдать от того же. Сегодня вы показали себя достойным вождем.

— Не на поле боя.

— Я никогда бы не усомнился в смелости аманита на поле боя, — не колеблясь, ответил Гален. — Когда мы встретимся с Салоканом, то не станем ввязываться в решающую битву.

— Хорошо. В таком случае я без всяких опасений передам вам командование авангардом. Сам я не могу покинуть основную часть армии и броситься вперед.

Гален кивнул.

— Это... большая честь для меня.

— Когда мы вынудим Салокана принять сражение, я твердо обещаю предоставить вашим рыцарям роль, подобающую их благородству и силе. А когда мы вернемся в Кендру, непременно расскажу Ариве о той роли, которую вы сыграли в защите королевства.

Гален увидел консорта в новом и удивительном свете. Наверное то самое, что угрожало окончательно и бесповоротно

развести знать и корону в разные стороны, может вместо этого оказаться ключом к их сближению. Сегодняшний вечер оказывался цепью неожиданных поворотов.

— Спасибо, — торжественно поблагодарил Гален.

— Не надо пока меня благодарить, — сказал Сендарус. — Нам сперва предстоит еще пережить следующие несколько недель. А теперь отдохните немного. Вы выступаете завтра, как только рассветет.

ГЛАВА 23

Гудона привязали за руки к передней луке седла. Лошадь была слишком крупной для его ног, и мускулы от паха до коленей болели у него так, словно их растянули навсегда. Прадо иной раз удостаивал его чести ехать рядом с собой, отвешивая ему оплеухи и зуботычины со словами: «Ну-ка, расскажи еще раз, где Линан»,— и Гудон сосредотачивался, стараясь повторить рассказ без ошибок, сосредотачивался, несмотря на боль, наполнявшую его, как туман наполняет зимой долину.

— Он нашел приют у королевы.

— Какой королевы? — неизменно спрашивал Прадо.

— Кориганы, которая наследовала Линану.

Услышав рассказ в первый раз, Прадо запутался в именах и ударил Гудона по почкам.

— Да как она могла быть дочерью Линана? — прорычал он в самое ухо Гудону.

— Линан — имя четтское, — объяснил Гудон. — Линаном звали первого короля всех четтов. А Коригана — его дочь.

— Почему Линан нашел приют у Кориганы?

— Потому что ее клан — это клан Белого Волка, и его территория ближе всего к Суаку Странников. — Гудон прикусил язык, чтобы не сказать всей правды: Суак Странников располагался *на* ее территории.

— А где клан Белого Волка? — спрашивал Прадо.

Для Гудона эта часть рассказа была самой трудной.

— Возможно, до сих пор в Верхнем Суаке.

И тут Прадо каждый раз ударял Гудона. В последний раз он резанул его ножом, разрезал ухо так, что щеку и шею Гудона залила кровь.

— А если он не в Верхнем Суаке?

— Тогда клан перекочевывает к Воловьему Языку, самой лучшей весенней траве на своей территории.

— А где этот Воловий Язык?

И Гудон глядел прямо в глаза Прадо и говорил, так тихо, что наемнику приходилось накрениться вперед, дабы расслышать его слова:

— Путь туда тайный. Надо знать холмы и долины на том пути. Я могу показать вам дорогу, господин, но пожалуйста, пожалуйста, пощадите меня.

Тут Прадо всегда смеялся и почти весело хлопал Гудона по спине.

— Может, и пощажу. А может, нет. Покажи дорогу к Воловьему Языку и я подумаю насчет этого.

И так вот Гудон показывал Джесу Прадо и его двум тысячам кавалерии и пяти сотням лучников дорогу к Воловьему Языку.

Тевор начинал отбиваться от рук. Рендл решил, что его пора убить.

— Сколько еще клятых дней нам гоняться за какой-то тучей пыли, генерал? — казалось, уже в сотый раз потребовал ответа Тевор, и Рендл, казалось, уже в сотый раз растолковал:

— Поднятая стадом пыль может быть обманчивой. Ее может поднять небольшое стадо поблизости или же большое стадо вдалеке. Мы же гонимся за большим стадом.

— Значит, мы гонимся за большим кланом! — крикнул Тевор. — Нас всех перебьют!

— Нет, они нас боятся, именно потому-то они и убираются прочь. Если бы они нас не боялись, мы бы уже давно стали покойниками. Мои люди сейчас ведут разведку, и они не наделают ошибок, как ваши разведчики. На этот раз мы не только первыми увидим четтов, но и выясним, где находится их основная группа, и нападем на них. У пленных мы разузнаем, где Линан, и выполним свою задачу. Может, даже Линан окажется именно с этим кланом, раз они кочуют так близко к востоку.

— Вы строите догадки, генерал, — насмешливо улыбнулся Тевор. — А в этой игре вы дилетант.

Рендл сделал рукой знак своим сопровождающим, и все они медленно, осторожно подвели коней поближе к офицеру регулярных войск.

— Вы не только дилетант, генерал, вы еще и *опасный* дилетант.

— А ты слишком много болтаешь, — обронил Рендл.

И когда Тевор открыл было рот, собираясь протестовать против тыканья, Рендл вонзил кинжал ему в ямку под горлом. Острие вошло глубоко, проткнув Тевору небо. Рендла забрызгало кровью. Он хорошенько повернул кинжал в ране и вытащил его. Тевор, уже мертвый, выпал из седла.

Не веря своим глазам, офицеры регулярных войск в отряде какое-то мгновение колебались, потянувшись за мечами — а в следующую секунду тоже были убиты и упали наземь. Все, кроме одного, самого молодого. Приставленный к нему наемник, следуя инструкциям, оглушил его, стукнув по голове. Офицера удерживали в седле, и когда Рендл оказался готов потолковать с ним, привели в чувство, плеснув ему в лицо воды. Офицер открыл глаза и огляделся. Вспомнив, что именно произошло, он вновь живо потерял сознание.

Рендл вздохнул и приказал снова плеснуть воды на лицо молодого офицера. Когда тот вторично пришел в себя, Рендл схватил его пятерней за волосы и затряс с такой силой, что у офицерика чуть глаза не повыпадали из глазниц.

— Не падай в обморок, — приказал Рендл. — Тебя зовут прапорщик Тико, не так ли?

— Да, генерал.

— Ты теперь командуешь всеми солдатами регулярных войск в отряде, понятно?

— Так точно, мой генерал. Но при запасных лошадях состоит капитан Йан, он выше меня в чине...

— Немедленно найди капитана Йана и убей его, — велел Рендл одному из своих подручных, а затем снова обратился к Тико. — Теперь ты командуешь всеми солдатами регулярных войск в отряде. Ты будешь действовать, как я тебе скажу. Говорить со мной будешь, только если я сам заговорю с тобой. Понятно?

— Так точно.

— Хорошо. Именем короля Салокана Хаксусского я произвожу тебя в капитаны.

— Благодарю вас...

— Э!.. — предупредил Рендл, и Тико заткнулся. — Ты должен оставаться рядом со мной, но не настолько рядом, чтобы заставлять моих молодцов нервничать. Понятно?

— Так точно.

— Вот теперь можешь поблагодарить меня.

— Благодарю вас, генерал.

— Из вас выйдет превосходный капитан. А теперь — держитесь сзади.

Тико натянул узду лошади, пристраиваясь позади Рендла, по-прежнему пытаясь усвоить все, случившееся за последние несколько минут. Оглянувшись через плечо, он увидел всего в нескольких сотнях шагов тела Тевора и своих товарищей. Он был сломлен.

— Мы уже близко, — сказала Коригана Линану. — Возможно, в дне пути, в зависимости от того, насколько мягка трава между нами и Воловьим Языком.

— Наши разведчики еще не заметили наемников?

— Терин известил об отряде Рендла. Тот в дне пути. О Прадо мы пока не получили известий.

Линан прочел безмолвную молитву о Гудоне. Он знал, что попросил своего друга выполнить задание настолько опасное, что тот мог и не уцелеть. Но так было надо, твердил он себе, и жалел, что одной необходимости все же не достаточно.

— Они будут слишком близко. Проедем полночи и разобьем лагерь, но никаких костров. Так мы окажемся в полудне пути от Воловьего Языка.

— Будет ли это достаточно близко? — спросила Коригана.

— Должно хватить. Я не стану рисковать возможностью того, что разведчики Рендла или Прадо наткнутся на нас прежде, чем мы будем готовы появиться.

Глаз его уловил мелькание чего-то красного, и, подняв взгляд, он увидел свое трепещущее на ветру знамя. Флаг этот — самый прекрасный, подумал он. И простой. Золотой круг на темно-красном поле. Круг символизировал единство, вечность, силу. А красный цвет обозначал, конечно же, кровь — и, может быть, власть. Это показалось ему тогда могучим символом, и он гадал, видел ли еще кто-нибудь в нем то же самое. Узнают ли враги в этом символе то, чем он являлся и что представлял собой? Увидят ли они его и поймут ли, что под этим стягом идет в бой Линан Розетем?

Он огляделся кругом, увидел решительно глядящих вперед Красноруких — с Маконом во главе, никогда не отдаляющихся от Линана, гордящихся своим отличием среди своего народа. А также

увидел впереди и слева Камаля, возглавляющего своих улан, которые так усердно старались скакать надлежащей колонной; в последние несколько дней они действительно начали проделывать это правильно, и странно было видеть пронзающий небо лес копий над Океанами Травы. Увидел Эйджера во главе воинов его клана, а также увидел, как воины клана Океана постоянно поглядывали на горбуна, явно гордясь тем, что он их вождь. Увидел Дженрозу, едущую в окружении роя собратьев-магов, дружно засыпающих ее вопросами, а также увидел, как она удручена тем, что не задает вопросов сама, как боится того, чем, возможно, становится; чувство, которое так хорошо понимал и сам Линан. Увидел Коригану, благородную королёву, золотую королеву с золотыми глазами, и гадал, какие же чувства он к ней испытывает; он различил среди них уважение, увидел и желание, что заставило его ощутить стыд — ибо он не нашел там любви. Может статься, со временем зародится и это чувство. И еще Линан видел повсюду вокруг себя неудержимый поток армии четтов, скачущих навстречу будущему, которое им никогда не предрекали, но горящих желанием выяснить, что же оно таило в себе.

Игелко нашел Терина к северу от Воловьего Языка, с нетерпением ждущего, когда можно будет убраться.

— Рендл остановился на ночлег. Всадники его очень устали, особенно хаксусские солдаты.

Терин кивнул.

— Ну, скоро они получат свою награду. Может быть, даже завтра. — Он посмотрел на землю.

— Глянь-ка на эту траву, Игелко. Ты когда-нибудь видел такое богатое весеннее пастбище?

— Определенно не на нашей территории, — покачал головой Игелко. — Это объясняет, почему у нас тысяча голов скота, а у клана Белого Волка — четыре тысячи.

— В самом деле. Хорошо быть в союзе с таким кланом.

— Определенно лучше, чем быть ему врагом. И вот что интересно: наблюдая за вражескими всадниками, я увидел, что ни один из них не удосужился действительно оглядеться кругом и увидеть саму местность. Ни один из них не понимает, что значит ехать по Океанам Травы.

— Ничего, узнают, — мрачно посулил Терин.

* * *

Гудону было трудно сохранить тот запас сил, который, как он знал, ему еще понадобится. Он заблокировал боль от кровоподтеков, порезанного уха, боль в сломанной скуле и треснувшем ребре. Он сосредоточился на неизменно ровном дыхании, скача с закрытыми глазами, полагаясь на другие свои чувства, особенно на обоняние. Фактически именно слух сообщил ему, что он близок к тому месту, куда Линан хотел завести Прадо: топот копыт сделался глуше, а это означало, что трава под копытами теперь зеленее, гибче. А затем почти сразу же почувствовал и запах растоптанной весенней травы.

Он открыл глаза. Отряд Прадо втягивался в сужающуюся долину, отмечавшую вход в Воловий Язык. Солнце уже заходило, и воздух делался прохладней. Прадо скомандовал остановку и подъехал к Гудону.

— Ну, мой маленький лоцман?

— Мы совсем рядом. Может, всего в дне пути.

— В какую сторону?

— Я вас проведу.

Прадо хмыкнул и схватил Гудона за подбородок. Гудон невольно вскрикнул от боли и устыдился этого.

— Мог бы сказать просто «на север» или «на восток». Тогда смог бы отдохнуть.

— Я вас проведу, — с некоторым трудом повторил Гудон над ладонью Прадо.

— Если я в дне пути, то мог бы и сам его найти.

— А Коригана могла бы найти *вас*, — ответил контрдоводом Гудон.

— Она все еще в нескольких неделях от этого пастбища. — Прадо улыбнулся насмешливо, но без особой уверенности, и отпустил четта. — Значит, завтра. — Он повернулся к своим капитанам. — Лагерь разобьем здесь. Я хочу, чтобы сегодня ночью удвоили караулы и выставили их в двухстах шагах от ближайших костров.

Отдых Рендла потревожил один из караульных.

— Бивачные костры! На юге бивачные костры!

Рендл натянул штаны и выскочил из палатки, последовав за караульным на взгорок в каких-то трехстах шагах от лагеря. Там, вдали, он увидел в ночном небе слабое мерцание.

— Мы наконец настигли их, — промолвил он и усмехнулся. — Я уже начал думать, что мы никогда их не догоним. — Несколько мгновений он бешено размышлял, а затем хлопнул себя по бедру. — Мы не можем рисковать вновь потерять их.

Он широким шагом спустился обратно к лагерю, крича всем подыматься. Он будет гнать их всю ночь и набросится на врага внезапно, когда в небе едва забрезжит рассвет.

Гудон ждал, пока до восхода не осталось всего два часа. Его охранник, сидевший в десяти шагах от него, тихо дремал, уткнувшись подбородком в грудь, точно так же, как дремал последние пять ночей. Гудон принялся осторожно, настойчиво выдирать из земли кол, к которому был привязан, останавливаясь всякий раз, когда охранник всхрапывал или сопел во сне. Наконец кол вышел из земли, и Гудон смог стянуть с него свои путы и зубами ослабить их на запястьях. После чего он подполз к охраннику и молниеносным движением одной рукой зажал ему рот, а другой воткнул меж ребер его же нож. Охранник дернулся и обмяк. Осторожно уложив его на землю, Гудон забрал у него также меч и принялся выбираться из лагеря Прадо, стараясь не кривиться от боли, когда ему в бок вонзалось треснувшее ребро.

Он заранее проследил, где расставили часовых, и знал, что ему придется позаботиться об одном из них. Это было трудной частью побега. Часовые менялись каждый час и поэтому всегда оставались бодрыми. Он нашел углубление в земле и дождался следующей смены, опасаясь, как бы убитого часового не обнаружили в любой миг и не подняли тревогу. Наконец он увидел идущего в его сторону наемника, зевающего и потягивающегося. На нем был простой плащ поверх рубахи кавалерийских бриджей рубахи, шлем-горшок, а в руке он держал копье. Гудон дождался, пока наемник не прошел мимо него, а затем подкрался к нему сзади и убил тем же способом, что и своего охранника. Утащив тело к углублению в земле, он взял шлем, плащ и копье и занял место убитого. Через пять минут он уже приближался к часовому.

— А что с Гарултом? — спросил часовой.

— Я ему проспорил, — грубовато ответил Гудон. — Сегодня вместо него караулю я.

 Часового его слова не убедили.

— Ты же знаешь, что говорит Фрейма насчет порядка смен. Его нельзя менять. Кто ты?

Гудон безмолвно выругался и переменил хват на копье для броска, но даже делая это, он понимал, что опаздывает. Часовой тоже держал наготове копье и полупригнулся, еще миг — и он подымет на ноги весь лагерь.

Внезапно часовой одеревенел, закачался и миг спустя рухнул ничком. Гудон еле-еле разглядел очертания торчащей у него из спины стрелы. Его затопило внезапно нахлынувшее чувство облегчения, и он побежал вперед со всей быстротой, какую ему позволяли развить раны, отбрасывая на бегу шлем и копье. Впрочем, он все-таки на миг задержался выдернуть стрелу из спины часового. Он пробежал пятьдесят шагов, когда из темноты выскочили две фигуры, одна из которых прошипела его имя. Он затормозил, обернулся и увидел четтку.

— Ручаюсь удачей моей матери, что у тебя красная рука, — тихо произнес он, и хотя ему не удавалось различить в темноте цвета, четтка любезно подняла руку так, что та обрисовалась силуэтом на фоне бледнеющего неба.

С интервалом всего в несколько минут Прадо узнал три вещи. Первую он узнал, услышав из глубины лагеря крик, что охранник проводника убит, а сам пленник сбежал. Не успел он расследовать детали произошедшего, как узнал и вторую новость: один из часовых на западной стороне закричал, что обнаружил тела двух своих товарищей, и один из них, похоже, убит четтской стрелой. На сей раз он сумел добраться до места происшествия прежде, чем узнал третью новость: часовые с северной стороны закричали о том, что ощутили подошвами ног — о приближении множества всадников.

Фрейма и Сэль бросились к нему; лица их были мрачны. Прадо увидел страх в их глазах, но знал, что они профессионалы и не ударятся в панику.

— Выдвиньте вперед лучников, постройте их в ста шагах к северу от лагеря, — отрывисто скомандовал он. — Новобранцев поставьте прямо за ними, а ветеранов по флангам, кроме небольшого резерва, который останется со мной позади новобранцев.

Оба капитана кивнули и побежали выполнять приказания. Повсюду вокруг генерала еще только стряхивающие с себя сон бойцы начинали чувствовать, что произошло что-то страшно не то.

Они смотрели на Прадо, видели как тот целеустремленно, но не спеша шагает к своей палатке, и чувствовали себя уверенней. Добравшись до палатки, он торопливо закончил одеваться, вышел и сел на коня, придерживаемого под уздцы заметно нервничающим новобранцем. Прадо потрепал парня по плечу, а затем остался там, где был, чтобы все знали — он тут и не боится.

Ветераны-наемники организовались без большой суеты, но вот с успокоением рекрутов и выстраиванием их двумя отрядами позади лучников у Фреймы и Сэли возникло больше хлопот; скакуны чувствовали страх своих хозяев и норовили лягнуть или куснуть своих соседей. Прадо пожалел, что у него не нашлось столь-нужного ему времени в Хьюме на хоть какую-то подготовку новичков, но этому помешала угроза вторжения из Хаксуса. Лучники тоже были еще совсем зелеными, но в высшей степени уверенными в своей способности управляться с луком и стрелами. Перед своим строем они вбили в землю заостренные колья, которые несли с собой всю дорогу из Арранской долины, затем надели на луки тетивы, тщательно проверяя оперенье своих стрел, раскладывая их на земле наконечниками вперед справа или слева от себя, в зависимости от того, какой рукой кто натягивал лук — и наконец, проверили ветер, послюнив пальцы и подбрасывая в воздух пучки травы. Степенный профессионализм лучников помог успокоить стоящих за ними рекрутов, а это, в свою очередь, помогло им успокоить своих лошадей.

Когда было сделано все, что можно было сделать, наемники принялись ждать. Некоторые ерзали, а некоторые расслабились в седлах и закрыли глаза — помолиться своему богу; некоторые же проверяли и перепроверяли свое оружие, если оно у них имелось, и ремни на щитах и шлемах. Большинство же просто сидело в седлах или стояло, выпрямившись, напряженно всматриваясь вдаль в поисках первых признаков неприятеля.

Фрейма и Сэль явились к Прадо за последними инструкциями.

— Фрейма, остаешься с новобранцами. Не дай им рассыпаться. Когда враг окажется в пятидесяти шагах, позаботься, чтобы они дали пройти лучникам. Если четты спешатся для преодоления кольев, спешивай новичков и контратакуй, но проследи, чтоб они не преследовали четтов, если те сломаются и побегут. Сэль, оставайся на правом фланге. Жди и смотри, не пытаются ли четты атаковать с фланга. Если нет — дожидайся, пока не захлебнется первая атака врага, а затем выдвигайся вперед и ударь по ним с тыла. Если сможешь,

гони их на колья. Поставь во главе левого крыла лейтенанта Овель. Она должна повторять твои действия и не действовать самостоятельно, если я лично не прикажу ей. Вопросы есть?

Фрейма и Сэль покачали головами.

— Если я сочту, что четты отступают, не принимая боя, то отдам приказ об общем наступлении. Если это произойдет, не теряйте друг друга из виду и в полдень прервите погоню, а затем живо возвращайтесь в лагерь. Желаю удачи.

Капитаны отдали честь и отправились по местам. Прадо сделал глубокий вдох, гадая, не следует ли ему еще что-то сделать или о чем-то позаботиться, но без сведений о том, кто и какими силами нападает, выбор у него был ограниченным. И все же некоторое представление он имел. Клан Кориганы находился поблизости, и проводник, зная это, вел их сюда. Прадо слышал рассказы о клане Белого Волка и знал, что он принадлежал к числу более крупных, но его две с половиной тысячи наемников, в основном ветеранов, должны бы суметь с ними справиться. Важно помнить, что нельзя ломать строй и преследовать четтов, если покажется, будто те отступают — бывало и такое, но столь же часто это оказывалось четтской военной хитростью, как раз и призванной заманить врагов в погоню, заставив их нарушить строй. Прадо достаточно хорошо знал четтов, чтобы определить, когда они действительно ударились в панику и обратились в бегство.

Тут появились выдвинутые вперед дозорные, со всех ног бегущие к своим.

— В полулиге! — прокричали они. — В полулиге!

— Один из них подбежал к Прадо и доложил, еле переводя дух:

— Три тысячи! А может и больше!

Прадо кивнул. Это казалось приблизительно верным для одного из более крупных кланов и даже допускало, что еще тысяча оставлена защищать стадо или отправлена совершить длинный обходной маневр с фланга; придется ему остерегаться последнего.

— Кавалерия Хаксуса, — добавил дозорный.

— Что? — Прадо удивленно посмотрел на него.

— Кавалерия Хаксуса... мундиры... вымпелы Хаксуса...

— Три тысячи хаксусских кавалеристов *здесь*? — он не верил своим ушам.

— Нет. Большинство не в мундирах... но не четты. — Прадо взмахом руки отпустил тут же шмыгнувшего прочь дозорного

и недоверчиво уставился на север. Он пока не видел врага, но слышал его.

И Прадо инстинктивно знал, кто этот враг. Три тысячи, а то и больше, некоторые из Хаксуса, большинство не в мундирах. Наемники. Рендл. Какой-то миг, самый кратчайший миг, он *понимал*, что все пошло наперекосяк, но затем сообразил, что находится в идеальном положении. Рендл никак не мог знать, что атакует он вовсе не четтов. Фактически он в Океанах Травы почти наверняка по той же причине, что и Прадо — для поимки Линана. Возможно, Рендл даже принял отряд Прадо за клан Белого Волка и думает найти здесь Линана.

«А если он думает, что атакует четтов, то ударит прямо в центр, надеясь рассеять нас, — размышлял Прадо. — И еще одна колонна будет пущена в обход ударить нас с фланга. Но с какого?»

Рендл всегда все делал иначе, чем прочие, вспомнил Прадо. Ничего из ряда вон выходящего, просто не так, как принято. Летучая колонна Рендла будет пущена с его левого крыла. А это означало, что она выйдет на правый фланг Прадо. Сколько же у него времени?

Он подозвал одного из ветеранов.

— Найдешь на левом крыле капитана Солвей, — велел он. — Передай ей, что враг — не четты, а Рендл. Пусть выдвинется подальше и устроит засаду для атакующих с фланга, которых Рендл бросит на нас справа.

Ветеран пришпорил коня и галопом поскакал направо. Прадо услышал впереди шум и посмотрел туда. Там, вдали, вытянулась прямая линия кавалерии. Мало пыли. Кавалерия находилась еще слишком далеко для полной уверенности, но враг скакал в тесном построении, слишком тесном для четтов.

— Рендл, — чуть улыбаясь, тихо произнес Прадо. — Я так и знал, что мы еще встретимся.

Рендл знал, что близится время, когда он потеряет контроль над атакой. Его кавалерия наступала ровным кентером, большей частью держа строй, но теперь он видел впереди врага. Его обеспокоило, что неприятель не паниковал. И обеспокоило, что выстроился этот неприятель слишком плотно для четтов. Но врагов было немного, а он отправил еще тысячу всадников двигаться за цепью холмов слева и ударить врага по правому флангу в то самое время, когда он ударит с фронта.

Тысяча шагов. Он занес над головой меч. И как раз, когда Рендл опустил меч, направляя его прямо на врага, как раз, когда он пришпорил коня, переводя его с кентера в галоп, как раз в тот миг, когда он наконец потерял контроль над атакой, наемник и увидел пеших лучников.

По получении столь удивительных инструкций от Прадо Сэль Солвей построила свою кавалерию клином и устремилась с ней галопом на три тысячи шагов к востоку, а затем свернула на север. Когда они одолели небольшой взгорок, то увидели перед собой по меньшей мере тысячный отряд кавалерии, скачущий перед ними на начинающих опускать головы скакунах, и Сэль вскрикнула от радостного удивления. Ей не требовалось отдавать никаких приказов — весь ее отряд закричал вместе с ней и ринулся в атаку.

Прадо наполовину ожидал, что противник разойдется на две стороны перед его фронтом и постарается обойти с флангов, рискуя лошадьми на обоих склонах долины, но, увидев, как всадники срываются в галоп, понял, что теперь уже поздно пускаться в какие-то изыски. Его лучники дали первый залп. Стрелы со свистом взмыли ввысь, а затем обрушились примерно на середину массы атакующей кавалерии. Лошади и люди попадали наземь, заставляя спотыкаться тех, кто скакал следом. Через несколько секунд обрушился второй залп, и вражеские ряды начали отделяться, строй терял слитность. Третий залп — и на этот раз Прадо разглядел отдельные стрелы, поражающие всадников в голову, грудь и бедра, а лошадей — в шею и плечи. Он увидел, как некоторые лошади скачут без седоков и вырываются из общей свалки с застрявшими в крупе стрелами.

Арранские лучники подобрали свои еще не выпущенные стрелы и отошли. Большей частью они спокойно прошли сквозь ряды, но некоторые молодые рекруты не смогли, как надо, управиться со своими лошадьми и одного-двух пехотинцев потоптали. А вражеская атака тем временем достигла кольев. Лошади вставали на дыбы, сбрасывали всадников, некоторые в итоге оказывались проткнутыми насквозь, хотя большинство кончало путь, грудами валяясь на земле — оглушенные, покалеченные или мертвые. Следующие ряды вражеской кавалерии разделились — некоторые рванули налево, некоторые направо.

большинство же попыталось отступить. Многие всадники спрыгивали с лошадей и, выхватив мечи, наступали сквозь колья, рубя их, пробиваясь вперед, отчаянно стараясь действительно нанести удар по противнику. Фрейма приказал первому ряду новобранцев спешиться и идти в контратаку. И сразу же за линией кольев началась путаная свалка, перемещающаяся то в одну, то в другую сторону. По мере того, как сквозь колья пробивалось все больше и больше врагов, строй оттесняли все ближе и ближе к позиции Фреймы. Вместо того, чтобы посылать в бой новых рекрутов, Фрейма предпочел приказать задним рядам заехать между пешими сражающимися и кольями. Они врезались в противника с тыла, безжалостно рубя его в капусту.

Тем временем Прадо искал Рендла и наконец углядел его на левом фланге, где тот руководил боем с отрядом Овели. У Овели не было времени для встречной атаки, и удар конницы Рендла заставил ее строй попятиться. Прадо еще раз проверил обстановку, дабы убедиться, что в центре Фрейма вполне контролировал положение, и, молясь в душе, чтобы вражеский обходной маневр в самом деле шел с правого фланга и Сэль успешно ударила по нему из засады, поднял над головой меч и пришпорил коня, пустив его кентером. Ветераны образовали строй слева от него. Как только строй выровнялся, Прадо взмахнул мечом, и они атаковали, ударив по врагу как раз в тот миг, когда отряд Овели оказался на грани бегства.

Прадо обрушивал меч на всякую голову, до какой мог дотянуться, но сосредоточился на увлечении своего строя прямо в тыл воинству Рендла. Он увидел, как Рендл сообразил, что происходит, и попытался развернуть свою кавалерию кругом навстречу этой новой угрозе. Прадо пронзительно выкрикнул его имя, вонзил шпоры в бока коня и снова атаковал.

Хотя по численности враг превосходил отряд Сэли вдвое, атака ее бойцов заставила его в шоке отхлынуть. Через несколько минут ее ребята порубили четверть вражеского отряда и раскололи его надвое. Тыловая половина развернулась кругом и бежала с поля боя, в то время как авангард, понимая, что здесь им нечего надеяться перехватить инициативу, пришпорил лошадей, вынуждая их к еще большим усилиям, и отчаянно попытался добраться до места основного сражения, надеясь найти там подкрепление. Сэль живо приказала отдельному отряду преследовать удирающих всадников, чтобы те не

повернули обратно и не ударили по ее войску с тыла, а затем перестроила ряды и погналась за авангардом.

Она почти настигла вражеский хвост, когда обе группы ворвались в долину. Там повсюду валялись убитые лошади и всадники. Сэль быстро увидела, что битва распалась на два основных боя — один на противоположном фланге и один в центре. Преследуемый ею неприятель увидел, что надежда у него лишь одна — присоединиться к одному из этих основных сражений, — и атаковал прямо во фланг рекрутов в центре. Новички, которые как раз начинали брать верх, в замешательстве отступили. Фрейма отчаянно пытался укрепить строй, но в нем образовалось слишком много прорех. Лучники попытались сбежать, но многих порубили.

А затем Сэль ударила врага в тыл, и битва распалась на отдельные стычки между четырьмя-пятью бойцами, а в некоторых случаях и вовсе на поединки. Фрейма собрал вместе всех новобранцев, каких смог, и образовал новый строй как раз перед лагерем. Уцелевшие лучники, видя, что он пытается сделать, построились позади его бойцов. Сэль тоже прекрасно все видела и принялась отзывать собственных всадников. Враг был измотан, а его лошади загнаны; их предводитель попытался заставить своих бойцов тоже принять построение, но те действовали слишком медленно. На них начали падать стрелы, вразброс и большей частью не причиняя вреда, но тем не менее деморализуя, и они стали оттягиваться за колья, на более безопасное место, где к ним присоединились их товарищи, отступающие с поля боя на левом фланге. Они знали, что битва проиграна, но также знали, что противники слишком устали для преследования. Некоторые кричали, призывая к еще одной атаке, но их перекричали; большинству из них было ясно, что битва окончена.

Вся боль, вся долгая подготовка, все ожидание разом окупились, когда Прадо увидел, что Рендл узнал его. Наемник сделался белее полотна, выругал Прадо и помчался к нему.

Бойцы, видно, поняли, что их поединку нельзя мешать, и разошлись в разные стороны. Два предводителя встретились, скача полным галопом. Бок коня Рендла столкнулся с головой скакуна Прадо, но даже когда его конь рухнул наземь, Прадо почувствовал, как меч вошел в его тело. Приземлился он тяжело, перекувырнулся и, пошатываясь, поднялся на ноги. Конь лежал на земле со сломанной шеей. Рендл

развернул своего коня кругом и снова атаковал, высоко подняв меч. Прадо не отступил и отразил рубящий удар врага. Когда Рендл пронесся мимо, Прадо ухватил его за полу кожаной безрукавки и жестоко рванул на себя. Рендл закричал, потеряв равновесие, торс его вывернулся назад над крупом коня, и, чтобы остаться в седле, наемник пустил в ход бедра и колени. Тут Прадо увидел свой шанс и жестко взмахнул мечом. Его клинок врезался врагу в шею. Рендл охнул, захаркал кровью; конь его встал на дыбы и рванул прочь, и от этого внезапного рывка клинок Прадо вошел еще глубже. Голова Рендла слетела с плеч, и конь галопом умчался дальше; его обезглавленный всадник медленно съезжал с седла; одна нога застряла в стремени, и торс волокло по земле, покуда конь уносился прочь.

Прадо услышал стон и понял, что тот сорвался с его собственных уст. Опустив взгляд, он увидел у себя на правом бедре глубокий разрез, кровь сочилась сквозь бриджи. Снова подняв взгляд, он увидел неподалеку голову Рендла. Доковыляв до нее, он насадил ее на меч. Подняв этот страшный трофей над головой, он помахал им в воздухе, во всеуслышание крича о своей победе.

Сперва в отчаянии вскрикивали и бежали только ближайшие к нему вражеские всадники, но хватило и этого. Через несколько минут склоны уже занимали только войска Прадо. Они наблюдали за тем, как враги собрались и мельтешили примерно в двухстах шагах к северу от кольев, не уверенные, что же им делать, остерегаясь погони, но Прадо-то понимал, что его собственная сторона слишком измотана для преследования разбитого противника. Некоторые из врагов развернули коней и пришпорили их, пустив медленной рысью, а вскоре за ними последовали и остальные.

К Прадо подъехал Фрейма.

— Начнем преследование?

— У нас есть свежие лошади?

Фрейма покачал головой.

— Потери?

— Умеренные. Возможно, четыреста убитых, вдвое больше раненых. По моей прикидке, здесь убито или ранено тысячи две врагов. Сэль говорит, что к востоку по другую сторону холмов полегло по меньшей мере еще триста.

— Добейте всех оставленных ими раненых.

Фрейма отправился выполнять приказ, а Прадо снова по-
 смотрел на врагов. Те были уже в полулиге от него. Он насчитал

с тысячу или около того, и многие из них бессильно обмякли в седлах. Они остались без предводителя, а до безопасного прибежища им ехать по меньшей мере несколько недель; треть из них уже не увидит родного дома.

Затем он осмотрел пытливым взглядом собственное воинство. Бойцы были измотаны, но у него еще хватало войск для выполнения своего основного задания. Он снова поднял меч, приглядываясь к окровавленному лицу Рендла и усмехаясь ему.

— Я как раз собирался перерезать тебе глотку, ублюдок. — Он расхохотался безумным смехом.

«А теперь примемся за Линана», — подумал он.

Вот тут-то он и услышал вдали вопли умирающих. Сперва он подумал, что это какие-то из всадников Сэли с запозданием прибыли на поле боя и все-таки погнались за отступающим неприятелем. Он посмотрел туда, откуда доносились крики, и увиденное им не имело ни малейшего смысла. Враги мчались во всю прыть, но к Прадо и его бойцам!

— Божья погибель, да что ж такое случи...

— Прадо!

Он резко развернулся влево и поднял взгляд на склон. Там, настолько свободно, насколько вообще можно пожелать, стоял, ухмыляясь от уха до уха, проклятый лоцман.

— Ты завел меня в западню! — крикнул ему Прадо, размахивая головой Рендла. — И смотри, что из этого вышло!

— Ту западню устроил не я, господин! — ответил четт и широко развел руки в стороны. — А вот *это* — моя западня!

Внезапно четт оказался на склоне уже не один. Казалось, будто сам небосклон изменил очертания, превращаясь в строй кавалерии, тянущийся вдоль всей долины.

— Боже мой, — хрипло прошептал Прадо. — Боже мой.

Камаль обвел взглядом поле боя и покачал головой.

— Это просто день чудес; наемники сделали за нас всю работу. — Он искоса глянул на Линана. — Твой отец очень гордился бы тобой, малыш. Я оказался неправ — снова.

Линан улыбнулся Камалю и крепко сжал ему плечо.

— Ты обучил меня лучше, чем тебе думалось.

— Нет, — покачал головой Камаль. — Настолько хорошо я тебя никогда не учил.

— Извините, — нетерпеливо прервала их Коригана, — но теперь-то нам можно перебить их?

— Сперва мои уланы, — рассмеялся Камаль.

— Я королева! — ощетинилась Коригана. — Мое право — вести в бой мой народ! — провозгласила она.

Какую-то секунду они играли в гляделки, а затем печальный голос пожаловался:

— А я безлошадный.

Линан спешился и взял лошадь под уздцы, придерживая ее для Гудона.

— Друг мой, не окажешь ли мне честь, возглавив первую атаку моей армии?

Гудон уставился на Линана, широко раскрыв глаза, и принцу пришлось вложить узду ему в руки.

Коригана и Камаль посмотрели на Линана, затем на Гудона, а потом снова друг на друга.

— Это будет подобающим, — решила Коригана.

— Да, — согласился Камаль.

Он повернулся к одному из Красноруких и кивнул на его лошадь. Четт спешился и быстро подвел свою лошадь Линану, который поблагодарил его и вскочил в седло. Краснорукий поспешил отправиться на поиски другого скакуна — он определенно не собирался пропустить предстоящую битву.

— Какие будут приказания? — спросил Линан у Гудона, сидящего теперь на его лошади.

Гудон, все еще мучившийся от сильной боли, только скривился. Внизу, в долине, Прадо спешно организовывал свое построение, но его бойцы были явно измотаны и напуганы; они-то думали, что одержали большую победу, а вместо этого лишь сделали собственную гибель еще более верной. Гудон чуть не пожалел их, но напомнил себе, что это наемники, напомнил о совершенных ими в прошлом страшных жестокостях и преступлениях против его народа.

— Перебить их всех до одного, — сказал он. — Перебить всех, кроме Прадо.

— Я что-то не узнаю этого стяга, — сказал Фрейма, показывая на кроваво-красный флаг с золотым кругом. — Это ведь не клан Солнца, верно?

— Нет, — покачал головой Прадо. — Это не их территория. — Он-то понял, что именно означало знамя, но не хотел говорить остальным. Странным образом это скрытое значение ужаснуло его даже больше, чем собственная неминуемая смерть. Он увидел, как весь континент Тиир скатывается в водоворот насилия и смерти. Четты теперь организованы, и они шли на восток. Развевающееся на западном склоне знамя обещало целые годы, а может, и десятилетия непрерывной кровавой войны. А даже наемникам нужно несколько лет мира, дабы насладиться своей добычей.

— Мне следовало остаться на своей ферме, — высказался Фрейма, но в его голосе не сквозило ни малейшей жалости к себе. Он просто констатировал факт.

— Всем нам следовало остаться на своих фермах, — ответил Прадо. — Даже им, — добавил он, кивнув на уцелевших из армии Рендла, которые присоединились к его войску, чтобы обороняться сообща, стоя рядом с теми, кто совсем недавно пытался убить их. Он слышал, как некоторые из новобранцев начинают распускать сопли, и удивился, почувствовав к ним жалость. Внезапно он пожалел, что так и не нашел времени обзавестись детьми. «Ну, — признался он себе, — во всяком случае, детьми, о которых я знаю».

— А вот и они пожаловали, — сказал Фрейма.

Не раздавалось ни криков, ни кличей. Четтская кавалерия спустилась по склону и не спеша двинулась по ровной почве.

— У них есть уланы, — отметил Фрейма. — Это удивляет.

— Ты видишь того, кто возглавляет их?

— Это Камаль, проклятый Аларн, не так ли? — Теперь в голосе Фреймы все же прозвучало удивление.

— Я вижу, заправляет тут наш лоцман.

— Надо полагать, он становится королем.

— Надо полагать, — невыразительно отозвался Прадо.

Четтской кавалерии потребовался лишь миг для подравнивания строя. Их отделяло не более двухсот шагов. Прадо приказал лучникам стрелять. Над головами просвистел жалкий град стрел и обрушился на врага. Большая часть стрел вонзилась в землю, а одна-две нашли тела и глаза. Еще один залп, со схожим итогом.

— Давай, — произнес Прадо себе под нос, и не успел он договорить это слово, как четты начали атаку. Он никак не думал дожить до того дня, когда четты научатся сохранять сомкнутое построение, хотя соблюдалось оно только среди вооруженных длинными

кавалерийскими копьями улан. Верховые лучники уже рассыпались и обходили его отряд с флангов. Уланы же так плавно перешли с шага на кентер, а с кентера на галоп, что он невольно восхитился этим.

— Прощай, Фрейма, — сказал Прадо.

— Прощай, Дж...

Из левого виска Фреймы словно выросла стрела. Он выпал из седла. Еще одна стрела унесла коня Фреймы. Кто-то выдвинулся вперед, заполнить разрыв в строю.

— Вперед! — выкрикнул Прадо, и его собственный редкий строй начал свою контратаку. Вооруженные в основном мечами, наемники знали, что большинство из них будет проткнуто стрелами еще до того, как у них возникнет возможность схватиться с четтами грудь с грудью, но знали также и то, что если они попытаются бежать, то их всего лишь проткнут стрелами в спину.

Управляя конем коленями, Прадо мчался в атаку, пока не оказался чуть ли не в передней линии всадников. Он направил меч в голову лоцмана, пообещав себе прикончить этого низкорослого ублюдка, прежде чем погибнуть. Тут его внимание привлек всадник, скачущий рядом с Гудоном; всадник, бледный как туман, такой же низкорослый, как лоцман, и со шрамом...

«Нет, этого не может быть!»

Линан сосредоточился на одном враге, всаднике в шлеме и с длинным мечом, и всю атаку держал острие меча направленным в грудь этого солдата. За несколько секунд до их столкновения его цель была проткнута кавалерийским копьем и исчезла из вида. Линан отклонился налево, наполовину увидел устремившийся к нему рубящий удар меча и легко отбил его. Лошадь его свернула, уворачиваясь от кусающегося жеребца, и потеряла инерцию разбега. Линан завертелся кругом, выискивая ближайшего врага. В поле зрения ворвался какой-то юнец не старше его самого, размахивающий мечом, проявляя больше энергии, чем умения. Линан увернулся от первого удара и вогнал острие собственного меча юнцу в шею. Дожидаться результатов он не стал. Пришпорив кобылу и пуская ее кентером, он атаковал одного из двух всадников, сообща насевших на раненого Краснорукого. Первого он устранил, заколов его в спину. Второй развернулся вбок дать отпор новой угрозе, и Краснорукий отсек ему почти все лицо. В стычку вступили новые враги, и Линан оказался в путаной свалке из

людей и лошадей. Одна Краснорукая погибла прямо перед ним, с кинжалом в сердце. Морщинистый наемник захаркал кровью и исчез. Какой-то всадник в хаксусском мундире съежился в седле, прижав ладони к голове и что-то вопя; Линан вонзил меч ему в живот, и вопли прекратились. Он увидел уголком глаза обрушивающийся на него меч и быстро вскинул собственное оружие парировать его; он отразил этот убийственный удар, но другой меч стукнул его плашмя по макушке. У Линана искры посыпались из глаз, он почувствовал, как теряет сознание, оставаясь в седле. Рядом кто-то пронзительно закричал. Чьи-то руки вцепились в него, пытаясь не дать ему повалиться.

А затем он так быстро пришел в чувство, что возникло ощущение, словно тело его внезапно занял кто-то другой. Со всех сторон его окружали Краснорукие, защищая собственными телами.

— Хватит, — бросил он и вонзил шпоры в бока своей кобылы. Та рванулась вперед. Линан увидел, как на него надвигается огромный наемник с длинной саблей в одной руке и шипастой булавой в другой. Усмехнувшись Линану, он поднял саблю и рубанул сплеча. Линан парировал удар и пустил в ход собственный меч, легким движением руки выбивая у противника оружие. Сабля вылетела из рук наемника. Инерция атаки увлекла Линана мимо этого врага, но он отмахнулся мечом и угодил наемнику в шею. Вывернув меч из раны, он снова пришпорил лошадь, бросая ее в свалку, прорываясь сквозь вражеский строй. Он оказался окружен наемниками. Меч его так и засвистел, когда он рубил направо-налево, не нацеливая удары ни на кого конкретно. Он не прекращал двигаться, прорываясь сквозь любые преграды, не в состоянии справиться с овладевшей его душой и телом неукротимой яростью. Какой-то миг он был окружен вопящими людьми, запаленными лошадьми и почти всеподавляющим запахом крови и дерьма, а затем вырвался на волю.

Перед Линаном вырос строй пеших лучников, отчаянно пускающих стрелы по щелкающим их с обоих флангов четтским конным стрелкам. Он ворвался в их строй, отсекая головы и руки. Лучники рассыпались, крича от страха, и Линан гнал их, пока опять не оказался окруженным давкой сражающихся и умирающих людей и лошадей.

Он напал на всадника в мундире хаксусского офицера, какого-то совсем недавнего мальчишку. Офицер отчаянно попытался отразить нападение Линана и начал было кричать.

— Пожалуйста... — заскулил он, парируя еще один выпад. — Пожалуйста...

Но Линан только усмехнулся ему и напал снова. Его меч перерубил офицеру запястье, а затем рассек бедро. Офицер взвыл, когда Линан вонзил меч ему в грудь, забулькал и умер.

Линан зарычал и погнал лошадь дальше. Еще трое врагов. Они увидели, как он несется на них, и разделились, собираясь напасть на него одновременно спереди и с боков. Линан рубанул того, который справа, меч его вошел всаднику глубоко в череп. Что-то воткнулось ему возле талии, и, опустив взгляд, он увидел там кинжал, половина клинка которого вошла в него. Он выпустил узду и двинул наемнику слева кулаком. Лицо скомкалось, и враг упал навзничь. Наемник перед ним в ужасе разинул рот и попытался заставить своего коня сдать назад. Линан вытащил из своего бока кинжал, увидел стекающую по его рубашке струйку темной-претемной крови, а затем бросил оружие в отступающего наемника, поразив его между глаз.

Он круто развернул лошадь кругом, выискивая нового врага, но убивать больше было некого. Не осталось никаких наемников, ни всадников в хаксусских мундирах, ни лучников. К нему галопом скакал отряд Красноруких, выкрикивая его имя, с явственно написанной на их лицах отчаянной озабоченностью.

— Со мной все в порядке, — заверил он их, а затем вспомнил о вонзенном в него кинжале. Линан опустил взгляд на рану, но, хотя он и нашел на рубашке четкий ромбовидный разрез, на коже под ней виднелся лишь слабый, еле заметный след.

Прадо получил вторую рану за этот день — сильный удар по тыльной стороне правой руки. Нанес его лоцман. Прадо удивило, что низкорослый четт вообще умеет сражаться, не говоря уже о том, чтобы превзойти в бою кого-то вроде него, наемника, за плечами которого четверть века сражений. Как только они столкнулись, Прадо рубанул его мечом по голове, но четт увернулся с гибкостью мальчишки и обрушил эфес собственного меча на руку Прадо, поломав ему несколько костей и вынудив выпустить оружие. После этого все сделалось путаным. Он помнил, как его сшибли с коня, как двое молодчиков с красными руками рухнули на него и связали по рукам и ногам. На некоторое время он потерял сознание, а когда пришел в себя,

битва уже закончилась. Тут снова появился лоцман, заставил его встать и вынудил посмотреть на поле боя.

— Мы их подсчитали, — уведомил его старый знакомый с баржи. — Восемьдесят своих погибших мы унесли и уже сожгли их. Это их погребальный костер горит вон там. А все другие тела, которые ты видишь — трупы наших врагов. Их свыше шести тысяч. Ты единственный, кто остался в живых. — Четт наклонился к нему поближе и прошептал на ухо Прадо: — Но не надолго.

Прадо снова повернули кругом. К нему приближалось еще пять фигур. Он узнал Камаля, Эйджера, Дженрозу и — он все еще не мог поверить этой перемене — принца Линана, но пятой была высокая четтка, которую он не знал. Когда они подошли достаточно близко, лоцман поклонился в пояс.

— Ваше величество.

— Гудон, — улыбнулся Линан. — Как ты себя чувствуешь?

Четт, названный Гудоном, сделал глубокий вдох и присоединился к своим спутникам.

— Омоложенным, — ответил он.

— Что теперь? — спросила четтка принца. — Как ты хочешь умертвить его?

— Гудон?

— Я закончил сводить с ним счеты, маленький господин. Он знает, что погубил его я. Этого достаточно.

Принц встал прямо перед Прадо. Наемник не смог заставить себя взглянуть в темные глаза на этом бледном лице, и ему пришлось посмотреть в сторону. В глубине его живота зародился, страх перед чем-то намного хуже смерти. Линан повернулся к Камалю.

— Когда мы наконец воссоединились в Суаке Странников, ты, помнится, что-то сказал насчет Джеса Прадо.

— Я сказал, что нарежу этого ублюдка на мелкие ленточки, — мрачно отозвался Камаль.

Прадо побелел. Он ожидал, что его триумфально проведут перед победителями, а потом обезглавят. Но не...

— Он твой, — сказал принц. — Но оставь его голову необезображенной.

Остаток дня и весь следующий день заняла работа по собиранию трупов врагов и их сожжению. К отдаленному лагерю

Рендла была отправлена экспедиция — позаботиться о любой охране, какая там оставлена, и привести всю добычу, какая найдется. Посланные вернулись с лошадьми, оружием и новостью, что, завидев их, один из охранников — солдат регулярных войск Хаксуса — выпустил нескольких почтовых голубей, и всем им удалось улететь.

Вместе два отряда наемников предоставили великое множество потенциально полезной добычи — главным образом лошадей, но также и оружие, запасы еды, сено для лошадей, хорошую одежду, в том числе новенькие кожаные сапоги и безрукавки. Все погрузили на большую часть их же уцелевших лошадей и поручили нескольким наименее серьезно раненым четтам сопровождать добычу в Верхний Суак для распределения среди всех кланов — все, кроме нескольких жеребцов, на сохранении которых при армии настоял Камаль.

— Из наших кобыл не выйдет хороших строевых лошадей, — сказал он своим спутникам. Линан с Кориганой обменялись улыбками. — Чего тут такого смешного?

— Ты сказал «наших кобыл», — объяснил Линан.

Камаль хмыкнул.

— С помощью этих более крупных восточных жеребцов мы можем начать выводить породу настоящих боевых коней.

— Мы прислушаемся к твоим советам, — сказала Коригана, и Камаль слегка поклонился, благодаря ее за проявляемое к нему расположение.

— А зачем тебе нужна голова Прадо, малыш? — спросил у Линана Камаль.

— Мы нашли останки Рендла?

— Да, на склоне, — ответила Коригана. — Голову ему уже сняли с плеч. Ее порядком затоптали, но лицо узнаваемо.

— Хорошо. Положите обе головы в корзину. Наполните корзину солью и принесите мне.

— Отлично, — ровным тоном отозвалась Коригана и отдала приказ.

На следующий день ему с утра пораньше преподнесли корзину. Он открыл ее и положил в нее Ключ Единения. Окружающие ахнули от удивления.

— Что ты делаешь? — спросил Эйджер.

Линан позвал Макона, и через несколько мгновений тот появился, отвесив низкий поклон.

— Ваше величество?

— В отсутствие Гудона ты отлично действовал, командуя моими Краснорукими.

— Благодарю вас, ваше величество.

— У меня есть для тебя еще одно важное поручение. Ты не должен провалить его. Можешь взять с собой отряд Красноруких, чтоб я мог быть твердо уверен, что тебя не перехватят.

— Что за поручение, мой повелитель?

Линан показал Макону содержимое корзины.

— Тебе надо отвезти это к Эйнону, вождю клана Лошади.

Макон не смог скрыть удивления.

— Эйнону? И Ключ Единения тоже?

— Ты должен сказать Эйнону, что головы эти — подарок от Линана Розетема, вернувшегося Белого Волка. И как символ моего доверия к нему я также присылаю Ключ Единения, дабы он мог найти меня и вернуть его.

Никто не сказал ни слова, когда Макон плотно закрыл корзину и завязал ее жилами.

— Отправлюсь немедля.

Когда Макон исчез, Линан посмотрел на лица Кориганы и Камаля, ожидая от них сильнейшей вспышки возмущения, но и он, и она казались спокойными.

— Неужели ни у кого из вас нет возражений?

Камаль покачал головой.

— Не сомневаюсь, ты знаешь, что делаешь, — сказал великан.

— А я восхищаюсь стратегией, стоящей за этим ходом, ваше величество, — добавила Коригана. — Вы и впрямь отлично играете в королевскую власть.

— А-а... — тихо произнес Линан. — Это потому, что я не считаю ее игрой.

ГЛАВА 24

Арива хотела сделать церемонию инвеституры, как и все прочие, короткой, но Оркид возражал, уверяя, что ей следует использовать ее в качестве повода для празднования.

— Празднования! — воскликнула Арива. — Мы *воюем*, канцлер. Примас Гирос Нортем умер. Мой муж в сотнях лиг от столицы рискует жизнью и здоровьем...

— Именно, ваше величество. Как раз потому вашему народу и нужно видеть, что вы уверены в будущем, а не одержимы донимающими королевство трудностями...

— Конечно же, я одержима ими! — резко возразила она.

— ...А на самом деле рады случаю устроить для города увеселение.

— Увеселение?

— Празднование, ваше величество. Используйте инвеституру отца Поула как предлог показать королевству, что вы на коне и что, несмотря на войну, королевство следует своим путем.

Арива неохотно согласилась и была не уверена, можно ли считать принятое ею решение самым лучшим. Вплоть до настоящей минуты. Глядя во двор дворца, она видела сияющие лица своих подданных, когда те наслаждались солнцем ранней весны, бесплатной едой и напитками — и все это означало, что даже во время войны королевство и его монархиня оставались достаточно сильны и уверенны, чтобы устроить такое славное и полное помпы празднество. Отец Поул, выглядящий превосходно в официальной мантии примаса Церкви Подлинного Бога, прогуливался среди граждан Кендры, раздавая благословения и благодарности всем, выражавшим благие пожелания.

Внешне Арива оставалась безучастной, но была рада видеть, что ее народ настолько доволен. На южной галерее к ней на некоторое время присоединился Олио. Он коснулся ладонью ее живота.

— Маги говорят, через шесть месяцев, — сказала она, и лицо ее сделалось печальным.

— Может, он сумеет вернуться вовремя, — попытался утешить ее Олио.

— Нет, только не сейчас, — покачала головой Арива. — Салокан полностью захватил нас врасплох. Сендарус вернется уже после того, как родится его дочь.

— Дочь?

— О да. Это девочка.

— Ты назовешь ее Ашарной?

Лицо Аривы отчасти утратило печаль.

— А как же еще я могла бы назвать дочь?

— Ну не знаю. — Он вдруг усмехнулся. — Олио было бы неплохим именем.

Арива казалась потрясенной.

— Это только запутало бы бедную малышку. Иметь дядю с таким же именем, как у нее. Что она подумает?

— Ну конечно же, что ее дяде крайне повезло быть названным в ее честь.

— Это правда, — рассмеялась Арива. — Если она будет в чем-то похожей на меня, то думаю, такая уверенность не удивила бы тебя.

Олио внезапно поцеловал ее в щеку.

— В тебе меня все удивляет, сестрица. — Он на короткий миг взял ее за руку. — Ты спустишься?

— Нет. Предпочитаю смотреть отсюда. Но тебе спуститься следует. Им нужно, чтобы с ними пообщался кто-то из Розетемов.

— Думаю, они предпочли бы тебя.

Арива покачала головой.

— Ты совершенно неправ, братик. *Меня* они предпочли бы видеть здесь, наверху. Таким образом, все на своих местах, и они знают, что с их миром все в порядке.

Оркид подождал, пока новый примас не закончил принимать от всех поздравления, а затем догнал его, когда тот возвращался к западному крылу снять с себя церемониальное облачение и переодеться.

— Равновесие сил снова меняется, — сказал Оркид.

Поул безо всякого выражения посмотрел на него.

— Это самое интересное приветствие, какое мне доводилось слышать за довольно долгое время.

— Теперь, когда отошел примас Нортем — да позаботится бог о его душе...

— Да позаботится бог о его душе, — повторил за ним Поул.

— ...То, чувствую, Королевский Совет станет с большим сочувствием прислушиваться не к королеве, а к Двадцати Домам и некоторым торговым кругам в городе.

— Только не с моей стороны, канцлер.

— Я всегда считал, что вы на стороне королевы. Именно потому я ранее и говорил с вами для установления особой связи между нами.

— За что я вам благодарен. К сожалению, последние события не позволили нам воспользоваться этим для общего блага.

— Обстоятельства могут измениться. Но *вы* по-прежнему заинтересованы в поддержании особых отношений с моей канцелярией?

— Безусловно, канцлер. Вы считаете, что это окажется важным в ближайшем будущем?

— Трудно сказать, ваша милость. — Оркид произнес этот титул с чем-то похожим на почтение, что не осталось незамеченным Поулом. — Состояние войны искажает обычную картину. В данное время все мы на одной стороне, но кто знает, что произойдет, когда война закончится?

— Наверняка ведь это зависит от того, победим мы или нет?

— О, победить-то мы победим, — заверил его Оркид. — Может, не завтра, и не на следующей неделе, но Хаксус неизбежно поплатится за свои прегрешения.

Поул остановился и посмотрел на Оркида.

— «Прегрешения», канцлер? Интересный выбор слова. Вы считаете, что греховность или безгрешность чего-либо определяется происхождением совершившего? К примеру, Салокан грешен, потому что он из Хаксуса и вторгается в Гренда-Лир?

— То, что нравственно в одной стране — если это *истинно* нравственно, — наверняка ведь должно быть нравственным и в другой стране? — возразил канцлер.

— Именно об этом я и говорю. — Поул снова двинулся к своему крылу дворца. — Мне бы не хотелось думать, что мы опустились до такого уровня, что считаем, будто грех — это когда кто-то делает нечто, нам не нравящееся, безотносительно к намерениям или методам.

— Вы оправдываете вторжение Салокана? — спросил Оркид, даже не пытаясь скрыть удивления в голосе.

— Ни в коем случае. Речь всего лишь о терминологии. Но давайте на миг забудем о «грехе». Вы считаете, что мы выиграем войну?

— Да, и более того, считаю, что как только это произойдет, мы увидим, как Королевский Совет расколется на две фракции — ту, которая поддерживает ее величество, и ту, которая поддерживает Двадцать Домов и определенные денежные круги, которые выгадают от ослабления монархии, особенно если Хаксус будет захвачен и появятся готовые для использования новые земли и новые возможности.

— Традиция *моего* дома — поддерживать монарха во всем, что он — или, в нашем случае, она — делает.

— Традиция, которую вы намерены продолжать.

— Несомненно.

— Рад это слышать, так как, видите ли, есть-таки способ обеспечить восстановление равновесия в Совете.

— И какой же?

— Со смертью Нортема его кресло в Совете наследуете вы.

— О, понимаю, — сообразил Поул. — А это означает, что мое место становится вакантным и будет занято новым исповедником королевы.

— Именно, — подтвердил Оркид. — А исповедника королевы выберете вы.

Поул остановился.

— Да, это верно. — Он странно посмотрел на Оркида. — Весьма удачно для нас.

Олио и Эдейтор вошли в приют через заднюю дверь. Священник поздоровался с ними и провел на кухню, кланяясь и расшаркиваясь всю дорогу.

— Вы в этом деле новичок, не так ли? — спросил Олио.

Священник болезненно улыбнулся.

— Ваше высочество орлиным оком видит мои недостатки.

— Вы меня неправильно поняли, отец. Я всего лишь хотел сказать, что при посещении приюта мы привыкли к несколько неофициальному обращению. Я предпочел бы, чтоб вы не называли меня моим титулом.

— Обращаться к вам, не титулуя, ваше высочество? — неуверенно переспросил священник.

Олио потрепал его по плечу.

— Вижу, это потребует некоторого навыка.

— Мне сегодня сообщили, что у вас есть умирающий ребенок, — с некоторым нетерпением вмешался Эдейтор. Ему не нравилось, что постоянного священника внезапно заменили новым прелатом. Им с Олио действительно надо встретиться с Поулом и кое в чем разобраться.

— Ребенок, прелат? — Священник, казалось, пребывал в замешательстве. — Нет. У меня мужчина лет шестидесяти с лишним. У него больное сердце...

— Мы зря теряем здесь время, ваше высочество, — резко бросил Эдейтор, а затем растолковал священнику: — Его высочество занимается только теми, кто умирает раньше срока, от болезни или несчастного случая.

Священник, казалось, ужаснулся.

— Но пациент очень хороший человек, у него много маленьких детей...

— И тем не менее, — перебил Эдейтор, — это не входило в первоначальное соглашение... — Он оставил эту фразу незаконченной. Эдейтор Фэнхоу и так уже слишком много сказал тому, кто не был причастен к первоначальной договоренности.

— Может, только на этот раз, Эдейтор? — попросил Олио. Ему было крайне неприятно позволить умирать отцу малышей.

— Ваше высочество, вы не можете исцелить все поражающие Кендру болезни, — несколько нетерпеливо указал Эдейтор. — Мы уже обсуждали это. Если вы и правда желаете помочь своему народу, то должны бережливо пускать в ход свои силы и только там, где это будет полезней всего. Нам надо идти, и идти сейчас же.

Священник пребывал в замешательстве и пришел в еще большее замешательство, когда принц и прелат ушли, не повидав его умирающего пациента. Когда они удалились, он поспешил вернуться на кухню и записал все, сказанное ими тремя. Он потратил на это некоторое время, пытаясь вспомнить все до последнего слова и нюанса. В этом отношении инструкции примаса Поула были совершенно недвусмысленны.

Было уже далеко за полночь, и Деджанус собирался покинуть кабинет и отправиться к себе в покои, когда к нему постучался и открыл дверь один из гвардейцев, впустив в кабинет низкорослого человечка с крысиным лицом, который чувствовал себя неуютно в присутствии стольких людей, носящих столько оружия.

— Он говорит, что у него есть для вас какие-то сведения, — с сомнением в голосе доложил гвардеец.

Деджанус кивнул, и гвардеец вышел.

— Хрелт. — Он произнес это имя, словно какое-то ругательство, и, подойдя к коротышке, остановился, высясь над ним. — Как приятно снова видеть тебя.

Хрелт поклонился.

— Ваше великолепие, вы просили меня прийти, если у меня будут какие-то новости о прин...

Рука Деджануса резко метнулась вперед закрыть Хрелту рот.

— И я также просил никогда не приходить ко мне во дворец, не забыл? — прошипел он. — Докладывать мне только в таверне!

Хрелт покачал головой; Деджанус удержался от искушения свернуть ее с плеч. Он отпустил коротышку и подошел к двери. Подойдя к ней, он быстро открыл ее, и ему не понравилось то, как решительно вытянулся караульный по стойке «смирно».

— Найди-ка немного вина, — отрывисто скомандовал Деджанус. — Разве не видишь, что мой гость изнывает от жажды?

— Слушаюсь! — гаркнул гвардеец и убежал выполнять поручение.

Деджанус закрыл за ним дверь и снова повернулся к Хрелту.

— Ладно, быстро. Какие новости насчет принца?

— Они с Эдейтором Фэнхоу ходили в тот приют, за которым вы меня попросили понаблюдать. Вошли через заднюю дверь, оставались там всего несколько минут, а потом снова ушли. Прелат проводил принца Олио обратно до самого дворца, а потом отправился к себе домой.

— И они пробыли в приюте всего несколько минут? Ты уверен?

Хрелт энергично кивнул.

— И есть еще кое-что.

— Еще кое-что?

— Я шел обратно, когда увидел, как священник из приюта тоже бежит во дворец. Это было примерно через десять минут после того, как вернулся принц.

— Вероятно, он живет в западном крыле, — разумно предположил Деджанус.

— Может быть, — пожал плечами Хрелт. — Направился он определенно именно туда, но меньше чем через десять минут уже снова несся обратно в приют.

— В самом деле? — задумчиво протянул Деджанус.

Хрелт снова кивнул.

— Сожалею, что пришел во дворец, ваша коннетабельность, но мне подумалось, что вы захотите узнать...

— Да-да. Ты был прав.

Дверь открылась, и вошел гвардеец с кувшином вина и двумя кружками. Деджанус покосился на кружки — теперь, будучи коннетаблем, он привык к лучшей посуде, — но, по крайней мере, они были чистыми. Караульный гвардеец вышел из кабинета снова занять свой пост.

— Так значит, по-твоему, портовые патрули хорошо справляются со своей работой? — спросил Деджанус. Хрелт с миг

вопросительно смотрел на него, а затем в глазах у него забрезжило понимание. Деджанусу снова захотелось убить его.

Деджанус налил ему кружку вина и подал ее. Хрелт выпил почти все одним глотком, а потом прошептал:

— Э, мы еще не обсудили мой гонорар, сударь.

— Ты только что выпил кружку марочного сторийского вина. Как по твоему, сколько оно стоит?

— Оно очень неплохое, сударь, — признал Хрелт, — но оно не накормит моих детей.

— Нет у тебя никаких детей.

Хрелт с миг подумал над этим.

— Хм, это правда.

Деджанус открыл сумку с монетами и бросил крысенышу два гроша.

— Тебе хватит прокормиться по меньшей мере неделю или пить не просыхая два дня.

Хрелт отвесил легкий поклон и смылся.

Деджанус налил себе вина и снова сел за стол.

«Так значит, нас по меньшей мере двое — таких, кто собирает сведения о принце Олио, — подумал он. — И какой же интерес во всем этом нового примаса?»

У Деджануса не было ответа на этот вопрос, но его это не слишком беспокоило. Примас был новой метлой и, вероятно, просто хотел хорошенько разобраться в обстановке, прежде чем начать мести по-новому. И все же не вредно будет приглядывать и за Поулом. Может быть, всего лишь может быть, примас окажется полезным союзником, и тогда в госсовете их будет уже двое, тайно противостоящих канцлеру Оркиду Грейвспиру. А вот об этом стоило подумать.

ГЛАВА 25

Знай Салокан заранее, что Даавис окажется таким крепким орешком, он мог бы пересмотреть свою стратегию. Генералы постоянно уверяли его, что город скоро падет, но пока единственное, что ему предстояло увидеть — это еще один неудачный и кровопролитный штурм. Он устал смотреть, как длинные потоки раненых хаксусцев тянутся к госпитальному углу лагеря, в то время как сте-

ны Даависа стояли опаленные и потрепанные, но все же не рушились. Он понятия не имел, какие потери несли войска Чарионы, но был чертовски уверен, что они существенно меньше тех, которые она наносила ему.

— Когда я возьму город, — вслух проговорил Салокан, — то повешу королеву Чариону на главных воротах. Повешу за ноги. Живой. И голой.

Некоторые из стоящих поблизости офицеров оценивающе засмеялись, втайне испытывая облегчение, что пока он не говорит о намерении повесить на стенах Даависа вверх ногами и голыми их самих. Они понимали, что если город вскорости не падет, им не придется ожидать от короля особенной доброты. Вся беда в том, что никто не ожидал от Чарионы такой действенной организации обороны своей столицы.

Салокан изучил взглядом своих офицеров, читая их мысли, как в раскрытой книге. «Мне нужно какое-то преимущество, — подумал он. — Нужно что-то такое, чего нет у Чарионы». Он тяжело вздохнул. И конечно же, этим «чем-то» был Линан Розетем. Вот тогда он мог бы возить изгнанного принца по стране, подымая провинцию за провинцией против их же осажденной сейчас в Даависе тщедушной королевы. Он понимал, как важны символы, точно так же, как понимал, что продолжающиеся неудачи его армии со взятием города тоже символ — символ провала его вторжения в Гренда-Лир.

«Такого оборота не предполагалось», — сказал он себе. К данному времени ему полагалось быть уже в Даависе и готовиться к неизбежному контрнаступлению, с Линаном в одном кармане и Чарионой в другом.

Позади него раздался крик, и оглянувшись, он увидел, как несколько солдат показывают на стаю голубей, летящих с запада и направляющихся на северо-восток.

— Это странно, не правда ли? — спросил он вслух, но не обращаясь ни к кому конкретно. — Ведь в Океанах Травы нет голубей, ведь так?

— Так, ваше величество, — подтвердил его адъютант, а затем кашлянул. — Это могут быть наши.

Пораженный его словами, Салокан посмотрел на него.

— Что ты имеешь в виду?

— Я хочу сказать, что это могут быть голуби, отправленные нами с Тевором для экспедиции Рендла.

— Но ведь не может же быть, чтобы все они несли послания, верно? — спросил кто-то.

— Думаю, они все несут одно послание, — мрачно отозвался Салокан.

Фарбен потряс головой, словно желая прочистить уши.

— Извините, ваше величество, но я не уверен, что правильно вас понял.

— Вы отлично меня поняли, Фарбен. Не лгите.

— Но у нас не хватает солдат.

— Вот видите, я так и знала, что вы меня поняли. А солдат у нас хватает.

— Но за городскими стенами мы в безопасности, — возразил Фарбен, уже заранее зная, что спорит напрасно. — Войска Салокана истекают там кровью. Зачем идти на такое рискованное предприятие?

— Затем, что любые наши действия, способные деморализовать врага, увеличивают надежды на снятие им осады.

— Но здесь же скоро будет армия Аривы! Воевать может и она! Наши солдаты устали, большинство из них в той или иной мере ранено...

— Наши солдаты ухватятся за возможность нанести врагу ответный удар, — заявила Чариона. — Вы хуже меня знаете их.

— Несомненно, ваше величество. Могу ли я как-то убедить вас отказаться от подобного курса действия?

Чариона покачала головой.

— И скажите им, что я лично поведу их в бой.

Следующий штурм Салокан организовал сам. Согласно его плану, катапультам полагалось сосредоточить обстрел на северо-восточной стене, близ лагеря. Враг решит, что штурмовать всеми силами будут либо эту стену, либо противоположную ей, юго-западную. Два полка пехоты возьмут штурмовые лестницы и для усиления данного впечатления полезут на юго-западную стену. А затем силы главного удара, состоящие из пяти пехотных полков, без всякого предупреждения атакуют северную стену. Если удача будет сопутствовать им, они доберутся до зубцов и, очистив вал, пробьются на юго-западную стену, тем самым позволив наносящим отвлекающий удар полкам присоединиться к ним. А при семи полках в городе они должны

суметь открыть городские ворота и впустить остальные войска Салокана, в том числе и кавалерию.

Сперва все шло хорошо. Катапульты со второго выстрела точно метали камни, и в скором времени на стене впервые стала видна трещина, тянущаяся от зубцов до основания. Салокан отдал приказ атаковать, и атака пошла даже лучше, чем ожидалось. Нескольким штурмовым лестницам удалось оставаться у стены достаточно долго, чтобы какая-то часть пехоты действительно добралась до зубцов. Когда Салокан решил, что Чариона задействовала все свои резервы на юго-западе, он приказал начинать общую атаку с северной стороны. Вот тогда-то все и пошло не так, как он планировал.

На северной стене оказалось куда больше защитников, чем он считал возможным — если только Чариона не предугадала его действия. Он отказывался в это поверить; и так уже слишком многие его солдаты считали ее сверхъестественно везучей. Штурмовые лестницы сталкивали, едва их успевали установить. Град стрел и камней бил его солдат. И как раз когда Салокан уже собирался отозвать войска, чтоб перестроиться для нового штурма, он услышал, как заскрипели огромные главные ворота. Сердце его дрогнуло от радости! Он был уверен, что это могло означать только одно: два полка, штурмующие юго-западную стену, сумели-таки прорваться в город, несмотря на неравенство в силах, и теперь открывали для Салокана городские ворота. Он спешно выкрикнул новый приказ, и его генералы со всех ног кинулись выполнять его. Пять пехотных полков побросали свои лестницы и выстроились на насыпи перед воротами, в то время как кавалерия нетерпеливо готовила свои колонны позади пехоты.

Но вместо своих двух полков, приветствующих его войска, их встретила атакующая кавалерия Чарионы. Салокан в ужасе глядел, как его ожидающие вступления в город пешие полки рушатся, словно пшеница под серпом. Его армия запаниковала, посыпалась с насыпи, а хьюмская кавалерия все рвалась вперед, рубя направо-налево. И, что еще хуже, вражескую атаку возглавляла сама Чариона, сверкающая в надраенной броне, вертя в воздухе блистающей саблей.

Салокан закричал, приказывая собственной кавалерии схватиться с врагом, но на пути у нее стояла своя же пехота. Зажатая между атакующей конницей спереди и напирающей сзади массой своих, изрядная часть пехотных полков вообще не могла пошевелиться.

Солдат просто закалывали или рубили и давили на месте, и мертвые оставались стоять, так как падать им было некуда. А затем атака прекратилась так же внезапно, как и началась, и неприятель отступил, закрыв за собой ворота прежде, чем хаксусская кавалерия сумела пробиться сквозь ряды своей пехоты и добраться до него. Салокан в шоке все сидел на коне, уставясь на груды убитых хаксусцев на насыпи, почти оглушенный криками и стонами раненых и умирающих.

Это был небольшой приречный городок, состоящий в основном из единственной улицы с домами по обеим сторонам, заканчивающейся на причале. Еще в городишке имелись небольшой постоялый двор, причал без пирса, конюшня. Несмотря на ранний час несколько горожан занимались своими делами. Одна лавочка уже открылась и торговала свежеиспеченным хлебом. И в городишке находились солдаты.

— Пехота? — спросил Магмед.

— Думаю, да, — согласился Гален Амптра. Он указал на конюшню. — На вид там может поместиться лишь десяток с небольшим лошадей, и я не вижу поблизости никакого лагеря.

— Сколько врагов? — нетерпеливо спросил Магмед, предвкушая бой, и радуясь, что находится подальше от этого выскочки Сендаруса. Возможно, Гален Амптра еще не носил титула своего отца, но он, по крайней мере, принадлежал к одному из Двадцати Домов.

— Трудно сказать. — Гален пожал плечами. — Если те, кого мы видим сейчас — просто часовые, то их там по меньшей мере человек пятьдесят.

— Всего лишь гарнизон.

Гален был в этом не столь уверен. Со своей позиции — за деревьями на холме близ городка — он не видел других признаков неприятеля, но его беспокоило, что в поле зрения не наблюдалось кавалерии. Не имело большого смысла оставлять гарнизон из одной лишь пехоты, которую мог отрезать и изолировать любой вражеский отряд, располагающий хоть какой-то конницей.

— Думаю, нам следует еще немного понаблюдать, — сказал Гален.

— Мы можем взять этот городишко одним ударом, — возразил Магмед. — Подай сигнал и...

— И мы можем оказаться ввязавшимися в полномасштабную битву без всякой надежды на подкрепление.

— И что из этого? — отмахнулся Магмед. — Чем раньше мы побьем этого Салокана, тем скорей закончится война.

— Нам даны четкие указания, — твердо сказал Гален. — Отданный приказ не допускает разночтений.

— Отданный этим аманитским выскочкой, — с явным отвращением бросил Магмед.

— Консортом нашей королевы, — напомнил ему Гален, — и обладателем Ключа Меча. Ты пойдешь против него?

Магмед насмешливо фыркнул, но ничего не сказал. Гален покачал головой. Слишком многие представители знати горазды только шуметь. Они так привыкли к преобладанию трона и так привыкли только и делать, что жаловаться на это, что когда у них появилась некоторая свобода выбора, они просто не знали, что с ней делать. Ну, Гален-то знал, что с ней делать: он сделает все, что в его силах, способствуя благу королевства, а это означало примирение Двадцати Домов с Аривой. Он хотел, чтобы и другие — в том числе и его отец — рассматривали положение дел так же, как он. Но, быть может, если он напрямую подаст пример, то поможет изменить сложившееся отношение.

— Думаю, нам следует еще немного понаблюдать, — повторил Гален и спустился к дожидающимся с другой стороны холма рыцарям, чтобы организовать разведку.

Они ждали, большей частью с нетерпением, до конца дня. Разведчики вернулись после заката и принесли именно те новости, каких и ожидал Гален. Поблизости располагались более крупные вражеские силы — большой лагерь не далее чем в пяти лигах от городка с по меньшей мере одним кавалерийским полком и двумя пехотными.

— Они патрулируют местность между лагерем и двумя приречными городками, включая этот, — доложил Галену один из разведчиков. — Уничтожить лагерь — и оба городка в ваших руках.

— И никаких других вражеских войск вы не видели?

— Только патрули из того лагеря. Они не ожидали неприятностей и не увидели нас. Солдаты у них ленивые.

«Не настолько ленивые, — подумал Гален. — Глянь, насколько они уже углубились на нашу территорию. Но наверняка чересчур самоуверенные».

— Значит, нападаем на лагерь! — провозгласил Магмед. — А потом можем напасть на городки!

— Нет, — подчеркнуто отказался Гален. — Если мы нападем на лагерь, то рискуем быть отбитыми. Мы должны гарантировать, что уничтожим те три полка, а не просто нанесем им ущерб. А для этого нам надо вытащить их в чистое поле.

Магмед, будучи неглуп, сразу понял, к чему клонит Гален.

— Значит, сперва нападаем на один из городков лишь с некоторыми из наших рыцарей?

— Выманивая полки из лагеря. — Гален кивнул. — А потом, когда враг окажется на открытой местности, нападаем с основной частью нашего отряда. Полное уничтожение этих полков должно отвлечь Салокана от осады на достаточно долгий срок для погони за нами. А потом мы можем вступить в генеральное сражение с основными силами Хаксуса.

Салокан знал, что реальный физический ущерб, причиненный его армии вылазкой Чарионы, был сравнительно невелик — несколько сотен убитых, не более. Но ущерб, нанесенный боевому духу армии, был существенно больше. Мало того, что они до сих пор так и не пробили брешь в стенах Даависа, возникало впечатление, будто Чариона так мало опасалась осады, что могла вырваться из города в любое время, когда ей вздумается, и учинить разор.

Салокан понимал, что если он хочет покорить Даавис, нужно срочно что-то предпринять. В сущности, это нужно сделать, если он вообще хочет выиграть кампанию, а, соответственно, и войну в целом. Ему казалось очевидным, что Рендл не сумел выполнить свою задачу — к этому времени наемнику уже следовало бы доставить Линана; и потом, был тот странный полет голубей с запада, свидетельствующий о неизвестной катастрофе, — значит, теперь все зависело от взятия этой провинциальной столицы. Следовало отбросить всякие хитрости и справиться с данным затруднением грубой силой.

Он приказал катапультам продолжать обстрел северо-восточной стены, на которой появилась трещина. Одновременно его саперы прорыли под тот же участок стены несколько подкопов, слишком многочисленных для того, чтобы противник заметил их все меньше чем за два дня. Ночью он мобилизовал всю свою армию — в том числе и спешенную для этого кавалерию, — разделив ее на три дивизии и переместив их на исходные позиции. В тот вечер всем солдатам выдали добавочные винные пайки.

Его генералы жаловались, говоря, что если утренний штурм окажется неудачным, то вся армия будет слишком измотана и еще много дней не сможет предпринять новой атаки. Салокан отвечал, что он понимает это, но понимает также и то, что нельзя надеяться, что армия сможет долго переносить сплошные неудачи.

— Я считаю, мы должны выиграть эту битву сейчас — или рискуем потерять все, — заявил он, и генералам не удалось его переубедить.

Утро следующего дня выдалось прекрасное, обещающее теплый день. Салокан был уверен, что это предвещало успех. И тут прискакал всадник с востока, привезший известие, что тяжелая кавалерия Кендры уничтожила лучшую часть трех его полков и отбила два приречных городка. Похоже, что идущая деблокировать город вражеская колонна находилась менее чем в дне быстрой езды. Вскоре после этого из тех городков приплыли вверх по реке две лодки, везущие остатки гарнизонов, которым удалось спастись, и подтвердили это известие.

Потрясенный, король оцепенел. Если штурм Даависа провалится, он окажется зажаты между городом и сравнительно свежей армией. У Салокана не осталось выбора, и понимание этого чуть не раздавило его. Генералы явились к нему узнать, почему нет приказа о штурме — и были отправлены обратно с указаниями сворачивать лагерь и приготовиться к отступлению.

Если они двинутся достаточно быстро, армия сможет меньше чем за месяц добраться до Хаксуса и относительной безопасности. Но что потом? Погонится ли за ними армия Гренда-Лира? Почти наверняка. Он знал, что Арива не забудет и не простит ему вторжения. Король внезапно осознал, что начал войну, которую может проиграть.

ГЛАВА 26

Армия четтов подошла к Суаку Странников. Жители высыпали посмотреть — ведь им никогда прежде не доводилось видеть ничего подобного, даже во времена отца Кориганы. Изумленные, они не приветствовали армию громкими криками, а молча глядели на то, чего никогда не помышляли увидеть. *На собственную армию*. Многие впервые стали думать о себе как о четтах, а не только членах какого-то клана. Горизонты расширялись на глазах, и самые дальновидные

сообразили, что и амбиции четтов тоже могут расширить свои пределы.

Не менее неожиданным зрелищем, чем сама армия, был и ее предводитель — невысокий, белый как мрамор, в шрамах. Он походил на ожившего древнего идола и выглядел столь же неприступным. Жители суака не настолько хорошо его знали, чтобы приветствовать криками «ура», но и лишь только увидев, чувствовали, что знают его достаточно хорошо, чтобы бояться. Они уже узнали в лицо Коригану — свою собственную королеву, — а в последующие несколько часов узнали и о других спутниках Линана: прославленном Камале Аларне, горбуне Эйджере Пармере, могущественной магичке с востока, сопровождаемой свитой из четтских магов, и Гудоне — предводителе Красноруких, который походил на некоего шкипера баржи, всего несколько дней назад захваченного в плен Джесом Прадо. Казалось, прямо у них на глазах нити легенд оживали, сплетаясь в ткань.

Армия и ее предводители молча проехали по главной улице суака и в конечном итоге остановились перед единственным человеком, вставшим у них на пути. Жители суака с удивлением увидели, что это не кто иной, как Кайякан, самый сдержанный и скромный купец во всем городе. Он встал перед этим жутким бледным Линаном и поклонился, но не слишком низко. Жители смотрели, как Линан спешился, подошел к Кайякану и обнял его. К Линану присоединился Гудон, а затем и Коригана.

Люди Суака Странников терялись в догадках, не уверенные, как все это понимать, но точно знали — происходило нечто такое, о чем следует помнить до конца дней своих.

Дженроза сидела, опустившись на корточки. Подытоживающая сидела напротив нее. Землю между собой они разровняли ладонями. На земле появились слова, затем налетел маленький смерч и слова исчезли, но их место заняли новые.

— Я прочла «Чариона», — сказала Подытоживающая.

— И «бойня», — добавила Дженроза.

— «Город на реке».

— «Отступление армии».

Подытоживающая снова разровняла землю между ними.

— Но чьей армии? — задалась она вопросом вслух. Слова появились вновь, были стерты и сменились новыми словами.

— «Все пропало, все пропало, все пропало», — прочла Дженроза.

— «Висящий меч», — произнесла Подытоживающая.

— «Всем следовать на север».

— «Всем следовать на север».

Магички подождали, но никаких слов больше не появилось.

Дженроза тяжело вздохнула и наклонилась, держась за голову.

— Снова боль? — спросила Подытоживающая.

— Небольшая. С каждым разом становится все легче. Скажи, мы прочли о том, что произошло или что произойдет?

Подытоживающая смущенно посмотрела на нее.

— Сожалею, я и сама хотела бы знать, но такой магией никто не занимался со времен Правдоречицы.

— Я не Правдоречица, — настаивала Дженроза.

— Ты не перестаешь отрицать это, но я каждый день вижу, как ты делаешь такое, что могла делать только Правдоречица.

Дженроза нетвердо поднялась на ноги.

Подытоживающая озабоченно посмотрела на нее.

— Чего ты боишься?

— Почему я способна сделать столь много столь быстро? Ведь до прибытия в Верхний Суак... до встречи с тобой... я не умела делать ничего, кроме самых простых фокусов.

— Потому что у тебя не было никого, способного направить тебя, никого, кто мог бы показать тебе путь, дать созреть твоему природному таланту.

— Но теургия...

— Сковала тебя по рукам и ногам своими церемониями, процедурами и сложными заклинаниями. Путь магии всегда прост и всегда опасен. Судя по твоим рассказам, теургия хотела убедить тебя, что магия всегда сложна и трудна, и обучаться ей примерно так же опасно, как печь хлеб.

— Послушать тебя, так кажется, будто теургии были созданы для того, чтобы контролировать магию, а не применять ее.

— Возможно, так оно и было, — серьезно ответила Подытоживающая. — По крайней мере, первоначально. А теперь ты хочешь сделать больше?

Дженроза покачала головой.

— Нет. Только не сегодня.

— Тогда завтра мы встретимся опять.

— Да, — без энтузиазма отозвалась Дженроза.

Подытоживающая встала.

— Я ведь сказала тебе, что путь этот опасен. Предупреждала, что для следования им необходима смелость.

— Ты мне не солгала, — признала Дженроза. — А как насчет тех слов на песке? Следует ли нам кому-нибудь сообщить о них?

Подытоживающая обдумала этот вопрос, а затем сказала:

— Наверное, тебе следует сообщить Линану. Возможно, он найдет в них смысл.

— Висящий меч? — переспросил Камаль и пожал плечами. — Понятия не имею.

— Большая часть остального в некотором роде имеет смысл, — сказал Эйджер. — Ключом служит имя Чарионы.

— Согласен, — промолвил Линан. — Город у реки — это Даавис, осаждаемый или осаждавшийся Салоканом. А где битва, там всегда и бойня. И если армии движутся на север, значит, Салокан проиграл и отступает. Это он плачется «все пропало».

— Ты считаешь, что осада с Даависа снята? — спросила Коригана. — И армия Хаксуса отступает на север, вероятно, преследуемая победителем. Чарионой?

— Не знаю. — Линан пожал плечами. — Думаю, ключом к разгадке этого может служить висящий меч.

— Вот оно! — внезапно воскликнула Дженроза.

Остальные посмотрели на нее.

— Вот оно что? — спросил Эйджер.

— Висящий меч может послужить *ключом* к разгадке этого, — взволнованно сказала она. — Ключ Меча!

— Ну конечно, висящий меч! — горячо поддержал ее Линан. — Он висит на шее Аривы.

— Значит, сняв осаду с Даависа, Арива преследует разбитого Салокана, отступающего на север в Хаксус, — подытожил Гудон.

Все переглянулись.

— Думаю, именно так, — сказал Линан, но увидел, что Дженроза, похоже, сомневается. — Что не так?

— Все получилось таким *законченным*, — проговорила она. — Я никогда не слыхала, чтобы магия работала с такой легкостью.

— Но что же еще могут означать эти слова? — спросил Камаль. — Подобное толкование имеет смысл, учитывая имеющиеся у нас сведения о происходящем на востоке.

— Не знаю, но сама по себе магия не может сказать всего.

— Я могу снова отправиться на восток. Всегда хорошо поглядеть самому, — сказал Гудон, хотя и без особого энтузиазма. Нанесенные Прадо раны все еще заживали, и долгая скачка через ущелье Алгонка и дальше, в Хьюм, никак не поможет исцелению.

— Нет, спасибо тебе, друг мой, — отказался Линан. Он поочередно взглянул на каждого, сделал глубокий вдох и решил: — Пора *мне* отправиться *посмотреть самому*.

— Но не самому по себе, ни в коем случае, — заявил Камаль. — С тобой отправлюсь по меньшей мере я.

— Я и не думал отправляться сам по себе, — усмехнулся Линан. — На самом деле я думал взять с собой всю армию.

В лагерь своего клана Эйджер вернулся уже поздно ночью. Он собирался зайти к себе в шатер, когда заметил, что в шатре Мофэст все еще горит светильник. Подойдя к нему, он развязал полог и открыл его.

— Мофэст? — окликнул он с порога.

— Ты можешь зайти, и ты это знаешь, — ответила она. — Ты мой вождь.

Эйджер вошел. Мофэст лежала на кошме, все еще одетая, сцепив руки за головой.

— Почему ты еще не спишь? — спросил он. — Что-то случилось?

— Я никогда раньше не участвовала в сражении, — сказала она.

— Глядя на твои шрамы, я думал...

— Я дралась со многими четтами, — пояснила она. — Но то было совсем иное. Куда более частное.

Эйджер почесал в затылке.

— А со мной как раз наоборот. Я участвовал в очень немногих схватках, которые не были частью какого-то более крупного сражения. В действительности ни в одной, пока не встретил Линана.

— Значит, твой принц изменил мир для нас обоих.

— Тебя это расстраивает?

Мофэст сосредоточенно нахмурилась.

— Думаю, я боюсь.

— А разве раньше ты никогда не боялась? — спросил он, вполне готовый поверить, что именно так все и обстояло.

— Конечно, боялась, но за себя. А когда ты убил Катана, я стала бояться за свой клан. Теперь же я боюсь за всех нас.

— В опасности многое, но думаю, так было бы независимо от того, связали бы четты свою судьбу с Линаном или нет.

Мофэст ничего не ответила, и Эйджер начал чувствовать себя неуютно.

— Ты сожалеешь о том, что просила меня стать вашим вождем?

— Нет! — она живо отвергла такое предположение. — Об этом — никогда! Ты не представляешь, как много это значило для клана Океана. Мы гордимся тем, что ты наш вождь.

— Даже несмотря на то, что я так тесно связан с Линаном?

— Такова судьба — но понимание этого не мешает мне бояться. Я больше не вижу, какое нас ждет будущее. Некогда его было легко представить. Мы бы защищали свой клан, вступали в браки и растили детей, живя и умирая в Океанах Травы. А теперь мне думается, что я умру не в Океанах Травы, и это меня печалит.

— Ты и твой народ можете вернуться на свою территорию. Я не стану сердиться...

— Я и мой народ? — сердито переспросила она. И села, глядя на него в упор. — Ты ведь хочешь сказать, *твой* народ, не так ли?

— Ну да...

— Ты все еще не понимаешь, не так ли? Мы приняли решение продолжать свое существование в качестве клана под твоим началом. Его нельзя взять назад, и мы никогда не будем сожалеть о нем.

Эйджер почувствовал себя униженным ее словами и устыдился этого.

— Извини, Мофэст. Я горжусь тем, что я ваш вождь, горжусь этим больше, чем можно выразить словами. Но пребывание вождем клана Океана означает, что я должен также думать о наибольшем благе для клана, а отправиться со мной на восток, возможно, будет для него далеко не благом. Я думаю, что большинству из вас следует воссоединиться со своим стадом на территории клана, оставив только контингент, зачисленный в армию. С армией едут и другие вожди, но не более чем с несколькими сотнями своих воинов.

— Все снова возвращается к Линану, Эйджер. Ты не просто вождь — ты один из спутников Белого Волка. Мы это понима-

ем, и покинуть тебя для нас так же невозможно, как для тебя — покинуть Линана. Не говори больше об этом.

Эйджер отвел взгляд.

— Это все, что тебя пугает? — спросил он.

Он услышал, как она задержала дыхание, и поймал себя на том, что надеется — и одновременно страшится, — что она скажет те слова, которые ему хотелось услышать.

— Ты уже знаешь ответ на этот вопрос, — сказала она.

«Все же дошло до этого, — подумал он. — А я и не знаю, что сказать».

Мофэст взяла его за руку и увлекла на кошму. Он сел рядом с ней. Она мягко повернула лицо Эйджера к себе и поцеловала его.

Дженроза стояла одна посреди широкой зеленой равнины. Это были не Океаны Травы, растительность была для этого слишком зеленой. Она находилась на востоке. Повсюду вокруг виднелись признаки недавно отгремевшей великой битвы: похожие на голые деревца копья, воткнутые в землю, брошенные шлемы, щиты и оружие, полосы и лужи крови, запах разлагающихся тел и дерьма, жужжанье мух и карканье воронов. Но кругом не было ни одного человека, ни живого, ни мертвого. До наступления вечера оставалось каких-нибудь несколько мгновений, и равнины заливал золотистый свет.

На земле неподалеку от нее что-то блеснуло. В траве лежала, свернувшись, словно змея, золотая цепь. Дженроза подобрала ее и увидела, что на цепочке висит амулет. Ключ Меча. Она почувствовала чье-то присутствие и, резко развернувшись на месте, увидела Линана. Он стоял неподвижно, прямой как тополь. Его одежда состояла из кожаных верховых бриджей и распахнутой кожаной безрукавки. Взгляд был устремлен на горизонт. А на шее у него висел Ключ Единения.

Она подошла, остановилась прямо перед ним, но он смотрел сквозь нее.

— Линан?

Никаких признаков того, что он заметил ее. Он не ведал о ее присутствии. Цепочка, которую она держала, внезапно сделалась очень тяжелой, и Дженроза поняла, что именно с ней надо сделать. Она осторожно надела цепь на шею Линана, а затем отступила на шаг.

Тело Линана замерцало и стало делаться нечетким. Глаза его сменили свой цвет, волосы стали длиннее, одежда преобразилась в кору, ветки и листья. А затем он исчез. На его месте стояла Силона. Неизменными остались только два Ключа.

Дженроза пыталась бежать, но словно вросла в землю. Глаза Силоны закрылись, а затем открылись. Она посмотрела Дженрозе прямо в глаза и узнала ее.

— Ты, — выдохнула вампирша и протянула к ней руку.

Дженроза снова попыталась бежать, но что-то удерживало ее на месте. Пальцы Силоны вцепились в волосы Дженрозы, а рот открылся. Из него то и дело высовывался и прятался обратно длинный зеленый полый язык.

Дженроза пронзительно закричала.

Она проснулась, сидя в постели, и Камаль сидел рядом с ней, обнимая ее за плечи.

— Божья погибель! — воскликнул Камаль. — Что случилось?

Дженроза хватала воздух раскрытым ртом.

— Это была она. Силона.

Лицо Камаля побледнело.

— Где? Она в лагере?

— Нет-нет, — покачала головой она. — В моем сне.

Она задрожала и сама обвила руками Камаля, пытаясь унять дрожь.

Камаль крепко обнял ее.

— Все в порядке. — Он попытался утешить Дженрозу. — Я здесь. Тебе никто не сможет причинить вреда.

И через некоторое время спросил:

— Ты можешь рассказать мне о своем сне?

Запинаясь, она описала сон, все еще свежий в памяти.

— Неудивительно, что ты проснулась, исходя криком, — заключил Камаль.

— А что, если это был не сон? — Ее терзали сомнения. — Что, если я видела нечто, происходящее в будущем?

— У тебя нет никаких оснований в это верить.

Дженроза закрыла глаза; образ Силоны по-прежнему стоял перед ее внутренним взором, протягивая к ней руки.

— Ах, Камаль, как я хотела бы, чтоб это было правдой, — сказала она и расплакалась.

* * *

Линан и Коригана сидели на корточках в шатре и рассматривали расстеленную между ними карту. Ее самый западный край отмечало ущелье Алгонка, а самый восточный — Разделяющее море. Между ними располагались провинции Хьюм и Чандра.

— Если мы правильно истолковали слова, магически прочтенные Дженрозой и Подытоживающей, — говорил Линан, — то Салокан будет двигаться прямо к своей границе. Быстрота его продвижения должна определяться тем, насколько близко к нему находятся преследующая его Арива и ее армия.

— Вся беда в том, что мы не знаем, о чем нам сообщают маги — о чем-то произошедшем или о чем-то, что произойдет, — подосадовала Коригана.

— Именно поэтому мы и должны как можно скорее пересечь ущелье. Если мы отправим разведчиков на день-другой раньше, они должны достаточно легко обнаружить признаки отступления, если таковое происходит. И тогда мы будем знать, где именно надо нанести следующий удар.

— Значит, ты ищешь еще одной битвы?

Линан кивнул.

— С кем? С Аривой или с Салоканом?

— Думаю, мы оба это знаем. Войска Аривы будут разбросаны — впереди, на севере, идут разведчики, затем авангард и основная масса пехоты. Кавалерия далеко по краям на северо-западном и северо-восточном флангах — для гарантии, что Салокан не вернется и не зайдет ей в тыл. Она не будет ожидать угрозы напрямую с восточного фланга. Если мы разобьем ее центр, а потом по частям уничтожим остальные подразделения, то сможем разом решить весь вопрос.

— Какой вопрос? — спросила Коригана.

Дыхание застряло у Линана в горле. Прежде он не произносил этого, но в душе знал, что существовал только *один* вопрос, гарантирующий ему и его друзьям возможность спокойно вернуться в Кендру.

— Вопрос о том, кто будет править королевством, — медленно произнес он.

И как только Линан сказал это, у него возникло удивительное ощущение огромной, снятой с плеч тяжести.

— Ты сообщил об этом решении Камалю? — спросила она.

— Нет.

— Рано или поздно тебе придется это сделать.

— Знаю — и лучше рано. До битвы. Он имеет право знать, за что сражается.

— Если это поможет тебе — по-моему, он и так уже знает. Просто не может признаться в этом самому себе.

— Он всегда служил трону Гренда-Лира.

— Служа тебе, он по-прежнему служит ему.

Линан поднял голову, встретившись взглядом с Кориганой.

— Спасибо, — поблагодарил он.

Они встали, все еще глядя друг на друга.

— Мне лучше идти, — сказала Коригана.

— Да.

Они одновременно потянулись к пологу шатра, и руки их соприкоснулись. На какой-то миг оба застыли, но затем Линан открыл полог, и контакт прервался. Коригана вышла, не сказав больше ни единого слова.

Кайякан взял кувшин с вином, наполнил два кубка, поднял свой и сделал большой глоток.

— Не могу поверить, что это тот же самый мальчишка.

Гудон рыгнул, кулаком стукнул себя по животу и снова рыгнул.

— Откуда, говоришь, ты привез эту мочу?

— Я не говорил. Из каких-то новых виноградников в восточном Хьюме.

— Там слишком тепло для выращивания хорошего вина, — объявил Гудон.

— Это не помешало тебе помочь мне уговорить два кувшина этого добра.

— Два? — переспросил удивленный Гудон. — Уже?

— Мы готовы приняться за третий.

Слова Кайякана словно послужили сигналом: вновь появился один из его слуг с полным кувшином и забрал пустой.

— Как я говорил, не могу поверить, что это тот же самый мальчик.

— Мы теперь говорим о Линане?

— Конечно.

— Я спрашиваю просто потому, что в последние несколько часов мы обсуждали разгром наемников, погоду, политику Грен-

да-Лира, родословную какого-то купца, обидевшего тебя десять лет назад, погоду, новую племенную кобылу, которую ты купил зимой, и снова клятую погоду. Я уже сбился, пытаясь запомнить, о чем мы там говорили и на чем остановились.

— Мы остановились на Линане. Мальчике. Муже. Чем бы он там ни был. — Сквозь полузакрытые глаза Кайякан пристально посмотрел на Гудона. — И коль о том зашла речь, *что* он такое?

— Одним богам известно.

— Это не ответ.

— Он — вернувшийся Белый Волк... — Кайякан отмахнулся от этих слов. — Он наследник трона Гренда-Лира, он воин и полководец, он вождь, он создающееся пророчество. — Гудон поставил свой кубок и тяжело произнес. — И он мальчик. Всего лишь мальчик.

— Он тебе нравится, не так ли?

— Он мне очень нравится. По правде сказать, он мне как сын и брат одновременно. Я спасал ему жизнь. И он спас мою. Он заставляет меня гордиться. И ужасает меня.

— Ты говорил об этом еще кому-нибудь? — спросил Кайякан.

— А, ну и хитрец же ты, — погрозил ему пальцем Гудон. — Подпоил меня скверным вином, а потом допрашиваешь. Чего ты хочешь?

— Я хочу знать, не ведет ли Линан наш народ к гибели.

— Думаю, он спасет нас от гибели.

— Что ты имеешь в виду?

— В Верхнем Суаке он спас корону Кориганы. Может, даже спас ей голову. Он объединил под своим стягом большинство кланов и, возможно, еще объединит и все остальные. Если он завоюет трон, наша независимость будет гарантирована, и нашей изоляции придет конец.

— Он не сможет сделать и то, и другое. Наша изоляция и есть наша независимость.

— Это остроумно, Кайякан, но неверно. Независимость проистекает не от того, что нас оставляют в покое, а от нашего равенства со всеми другими народами, составляющими королевство Гренда-Лир.

— А если он проиграет? Как тогда будет относится к нам Арива, сидя на троне в далекой Кендре?

— Я слишком пьян, чтобы на это ответить.

— А завтра ты будешь слишком трезв, чтобы на это отвечать.

— О, вот это точно остроумно, — захихикал Гудон.

Кайякан наклонился вперед, пока его лицо не оказалось всего в пяди от лица Гудона.

— Я серьезно.

— Значит, ты выпил недостаточно этого вина.

— Я *серьезно*, — повторил Кайякан.

Гудон глубоко вздохнул.

— Ладно, я отвечу на твой вопрос. Если Линан проиграет в борьбе за трон, Арива не нападет на нас. Но она позаботится, чтобы наша изоляция стала постоянной и неизменной. Мы будем заточены в Океанах Травы.

— Это кажется похожим на награду, а не на наказание.

Гудон, нахмурясь, посмотрел на него.

— Кайякан, это самая большая глупость, какую ты когда-либо сказал.

Армия четтов оставалась в Суаке Странников больше недели. За это время большая часть травы вокруг суака была съедена лошадьми, но поскольку было понятно, что этой весной не придет никаких караванов, потеря была невелика.

Линан, Коригана и Гудон проводили дни, собирая припасы и оружие, необходимые для перехода через ущелье Алгонка и вступления в восточные провинции; Линан хотел избежать необходимости кормить свою армию за счет местных жителей и вызывать отчуждение среди тех самых людей, которых хотел сделать своими подданными. Камаль и Эйджер возобновили обучение армии и придумали стяги для каждого отряда-знамени — стяги с символами, не имеющими ничего общего ни с каким существующим кланом. Дженроза проводила все время с Подытоживающей, пытаясь овладеть своими способностями, надеясь, что у них есть какой-то предел и что она, в конце концов, всего лишь еще одна магичка; девушка больше не видела во сне Силону, но не могла забыть того сна, в котором она явилась ей.

К концу недели в Океанах Травы уже повеяли теплые ветры грядущего лета. Для Линана это послужило знаком, и он приказал армии выступать.

Знамена, гордо неся над собой свои новые стяги, покинули Суак Странников так же тихо, как и явились туда.

ГЛАВА 27

Галену не доставляло большого удовольствия быть в центре спора, но сын герцога знал, на чьей он стороне, и его это удивляло.

— Возможно, это и ваша провинция, ваше величество, но наша королева поручила командование принцу Сендарусу; более того, она не только поручила ему командование, но и вручила Ключ Меча, а всякий, у кого он висит на шее, обладает высшей военной властью в пределах Гренда-Лира.

Глаза Чарионы сузились, и она прожгла взглядом молодого аристократа.

— Я тоже королева, — прошипела она. — Мне нужна голова Салокана, и немедленно. И я не понимаю, почему сей... — она неодобрительно махнула рукой в сторону Сендаруса, — ...господин не желает одолжить мне свою кавалерию и дать возможность преследовать этого ублюдка!

Принц Сендарус закрыл глаза и почувствовал отчаянное желание снова оказаться в Кендре, рядом с женой. А то из-за дурного нрава и брани этой черноволосой ведьмы ему сильно хотелось сбросить ее со стен ее же собственного города.

— Объясню еще раз, — спокойно начал он, — и на этот раз я ожидаю, что вы прислушаетесь к моим словам, так как этот раз будет последним. Я собираюсь преследовать Салокана, но подожду, пока меня не нагонит здесь, в Даависе, вся моя пехота. В то же время часть моей кавалерии и легкой пехоты будет постоянно тревожить арьергард Салокана, гарантируя, что он не сделает петлю назад с целью захватить нас врасплох. А остальные мои войска помогут исправить любой вред, причиненный вашей столице, и подвезти свежие припасы.

— Но что если Салокан доберется до Хаксуса прежде, чем...

— Как бы ни обернулось дело, — перебил ее Сендарус, повышая голос, — моя первая задача — обезопасить *этот* город. Когда я уверюсь в безопасности Даависа, мы примемся охотиться на Салокана и уничтожать его армию по частям.

Чариона подбоченилась и выглядела готовой сплюнуть, но у нее иссякли все доводы и оскорбления. Этот выскочка-принц явно не собирался позволить ей преследовать Салокана — несомненно, потому, что хотел присвоить всю славу расправы с иностранным

королем себе. Как не собирался и позволить ей настоять на праве самой определять события в собственной стране.

— Отлично, — напряженно произнесла она. — Я дождусь, пока вы не соизволите пуститься в погоню. Когда ваши заблудившиеся полки обнаружат наконец, как найти этот город — площадью в десять квадратных лиг и стоящий на самой широкой реке континента, — я буду с нетерпением дожидаться случая снова приняться за войну.

Она круто повернулась и ушла, печатая шаг, прежде чем Сендарус смог ответить. Он вытер лоб тыльной стороной руки.

— Полагаю, сейчас было бы неподходящее время спрашивать у нее, где можно расквартировать войска, — промолвил он.

— Это верно, — согласился Гален. — По-моему, разговор прошел настолько хорошо, насколько вообще можно было ожидать.

— Вам уже доводилось иметь с ней дело?

— Только раз. Я сопровождал посольство к ней от Ашарны, состоял в свите Береймы. Берейму она совершенно за... задавила.

— Думаю, она вполне способна задавить и большого медведя.

Они двинулись обратно к своему лагерю, на север от города.

— У меня еще не было времени поздравить вас и ваших рыцарей с победой над хаксусскими полками к югу отсюда. Скорее всего, именно это и заставило Салокана наконец поджать хвост. Не услышь он новость о вашей победе — вполне мог бы тем утром взять Даавис. Чариона, конечно, никогда не признает этого, но ее секретарь Фарбен рассказал мне, что оборона города готова была вот-вот рухнуть.

— Думаю, я буду говорить от имени всех Двадцати Домов, когда скажу, что мы крайне рады содействовать безопасности королевства.

— Обещаю, Арива услышит об этом, — сказал Сендарус.

Салокан знал, что потерпел поражение, но в панику не впадал. Его армия отступала в полном порядке, а не обращалась в бегство, и он хотел, чтобы так и оставалось в дальнейшем. Он отобрал в арьергард наилучшие свои войска, дав жесткий приказ замедлить любое преследование. За последние восемь дней произошло несколько стычек с кавалерией Гренда-Лира, в двух случаях с быстро передвигающейся и легко вооруженной пехотой — но ничего, способного всерьез помешать отступлению. Вся беда состояла в том, что вражеская кавалерия и легкая пехота даже не пытались на данном этапе затормозить отступление, а просто сохраняли боевой контакт,

чтобы, когда подоспеет основная армия Гренда-Лира, она могла сразу же вцепиться в горло хаксусской армии. Он знал, что если хочет прожить достаточно долго и получить возможность добраться до собственного королевства, где у него имелись резервы и хорошо отлаженные линии снабжения, ему следует сделать нечто неожиданное, такое, что собьет врага со следа или заставит дважды подумать, стоит ли гнаться за Салоканом, совсем уж наступая ему на пятки.

Его бойцы были усталы и деморализованы, но они совсем устанут и падут духом, если враг настигнет их в чистом поле, выбранном для боя отнюдь не ими. И потому на восьмой день отступления, как только закончили с вечерней трапезой, Салокан приказал армии не устраиваться на ночлег, а выступать. Он гнал войска до полуночи, а затем вместо того, чтобы дать им отдохнуть, заставил каждый полк соорудить вал из утрамбованной земли с тянущимися перед ним двумя рвами — один с дном, утыканным деревянными кольями, другой с последними запасами растительного масла. Валы не составляли сплошной непрерывной линии, а были разбросаны в шахматном порядке — так, чтобы разрывы между валами первой линии прикрывались валами, составляющими вторую линию. Наконец, он велел прикрыть рвы и валы ветками и дерном. Работы завершили к рассвету; король дал войску поспать до полудня, а затем поднял его и заставил солдат выстроиться на валах со строгим приказом не издавать ни звука.

Неприятель, ожидавший схватки с арьергардом Хаксуса уже к середине утра — основываясь на предположении, что сам он разбил лагерь не слишком далеко от сил Салокана, — обнаружил, что преследуемая им дичь куда-то подевалась. Неприятельские командиры запаниковали и со всех ног бросились догонять противника. В первые часы вечера они его нагнали. Весьма эффектно.

Сперва кавалерия Гренда-Лира напоролась на скрытую защиту; некоторые бухнулись в первый ров, но большинство лошадей перепрыгнуло его — только для того, чтобы свалиться во второй, с дном, утыканным кольями. Вопли и крики проткнутых людей и лошадей вселяли страх, а когда в оставшийся позади первый ров из-за вала бросили факелы, поджигая масло, то ужас заставил уцелевших очертя голову броситься на поджидавшие их за валами войска Хаксуса. Произошла кровавая бойня.

Ошеломленная произошедшим, не уверенная в том, что именно случилось с их конными товарищами, легкая пехота

заколебалась. Салокан приказал кавалерии атаковать. Пехота Грендa-Лира, усталая и потрясенная, была практически стерта в порошок. Кое-кому удалось бежать, но Салокан знал, что не может терять время на бесполезную погоню, и приказал войскам возобновить отход на север; день солдат вышел длинный, но испытывая прилив сил от победы, они совершенно не жаловались.

— Сколько? — спросил Сендарус, широким шагом идя к своему коню и пристегивая на ходу пояс с мечом. Вокруг его ног клубился туман раннего утра, уже выжигаемый ярким солнцем.

— Четыре эскадрона конницы и почти вся легкая пехота, — доложил Гален. — Насколько отстает от нас тяжелая пехота?

— По меньшей мере еще на день. Остальная кавалерия, включая всех ваших рыцарей, и все лучники уже здесь; этого должно хватить.

— Значит, мы выступаем на север?

— У нас нет иного выбора. Нам неизвестно, какие планы у Салокана. Может быть, он получил подкрепления и движется обратно. Даавис в своем нынешнем состоянии не выдержит еще одной осады. Мы должны остановить его прежде, чем он придет сюда. — К Сендарусу торопливо подошел ординарец с его кольчугой и шлемом. — Выбери гонца, Гален, и дай ему трех лошадей. К полудню он должен добраться до полков копьеносцев. Прикажи им следовать за нами вдвое быстрей прежнего.

— Они будут совершенно измотаны и почти бесполезны, если им придется сразу же вступить в бой.

— Тем не менее я хочу, чтобы они были с нами, хотя бы в качестве резерва. Салокан дважды подумает пускать в дело собственную кавалерию, если увидит нацеленные в его сторону несколько тысяч копий.

Гален кивнул и ушел выполнять приказ. Сендарус закончил облачаться и поднялся в седло.

— Вы ведь не выступили бы без меня, не правда ли?

Вот этот голос он в данный момент хотел слышать в последнюю очередь.

— Вы рано поднялись, ваше величество. Слухи разлетаются быстро.

— Слух о катастрофе всегда разлетается мигом, — ровным тоном ответила Чариона.

Она ехала, облаченная в полную броню, верхом на полукровке, а не на своей обычной церемониальной лошадке.

— Вы понимаете, что пока единственная серьезная потеря во всей кампании — уничтожение вашей кавалерии и легкой пехоты?

— Только четыре эскадрона кавалерии, ваше величество, — сквозь зубы процедил Сендарус. Он отлично представлял, какое послание она уже отправила Ариве с почтовым голубем. Придется ему отправить и своего, дабы изложить события в надлежащем свете.

«Каком именно? — спросил он себя. — Не забудь, ты выручил Даавис. Это самое важное».

— У меня все еще есть четыре полка кавалерии, в том числе три рыцарских, — уведомил он ее.

— Я могу дать вам еще полк, плюс два полка пехоты.

— А что у вас останется для защиты города?

— Большинство моих лучников и приличное количество мечников.

Сендарус хотел уже сказать, куда она может засунуть свое предложение, но прикусил язык. В данной ситуации любые дополнительные войска были весьма кстати, а еще один конный полк снова доведет его кавалерию до полной численности.

— Благодарю вас. Я принимаю ваше предложение.

— И я сама поведу их в бой, — добавила она.

Сендарус прожег ее взглядом, но Чариона не отвела глаз.

— Такова цена, — указала она.

— Вы будете находиться под мои началом, — сказал он.

— Конечно. Ведь у вас Ключ Меча. Гален Амптра вчера очень ясно объяснил мне положение дел. Вы согласны?

Сендарус не мог произнести ни слова, но кивнул.

— Хорошо. Мои войска будут готовы через час.

— Мы выступаем через полчаса, — процедил он сквозь плотно стиснутые зубы и, развернув коня, отъехал от нее.

Генералы Салокана, уверенность которых благодаря недавней победе резко повысилась, убеждали его повернуть обратно.

— Мы доказали, что можем схватиться с армией Аривы и разбить ее. Так давайте же завершим дело и возьмем Даавис.

Но Салокан их не слушал. Он понимал разницу между победой в стычке и победой в сражении. А также понимал, что

даже если он столкнется с основными силами Аривы и разгромит их, его собственная армия понесет при этом такие потери, что будет не в состоянии начать новую осаду Даависа или произвести успешный штурм города. Он уже проглотил свою гордость.

Кроме того, если Гренда-Лир в свою очередь попытается вторгнуться в Хаксус, мстя за его вторжение, у него был более чем равный шанс отбить нападение, и тогда вариант возвращения в Хьюм со свежей армией будет реальной возможностью. Осенняя кампания имела то преимущество, что оставляла зиму между любым ответным ходом из Кендры. Возможно, ему следовало подумать об этом, прежде чем начинать свое нападение на исходе зимы.

«Ну, я проигрываю и учусь на своих ошибках», — сказал он себе. В отличие от своего отца, который проигрывал, а потом проигрывал вновь. Что бы ни произошло, этого он делать не собирался.

ГЛАВА 28

Отец Поул находился в покоях примаса, в *своих* покоях — ему приходилось постоянно напоминать себе об этом, — стоя на коленях. Глаза его были закрыты, а рассудок, как таракан, метался по воспоминаниям о Гиросе Нортеме, по всем когда-либо сказанным им словам, когда-либо преподанным урокам, по всем его намекам на величайшую тайну их религии.

— У бога есть имя, — сказал ему однажды Нортем, — и это имя есть все, чем может быть бог.

А в другой раз он сказал Поулу:

— Единственное слово открывает все, что только можно знать о боге.

«Так, значит, имя бога — единственное слово?»

Он сцепил руки так крепко, что побелели пальцы, и молился так неистово, что жилы на висках вздулись подобно узорам на заиндевелом оконном стекле.

— Одна тайна, Владыка — вот все, чего я прошу, — молился он. — Одна тайна, дабы явить мне всю чудесность твою. Одна тайна, дабы позволить мне продолжать дело твое.

Он ждал голоса, шепота, знака, вообще чего угодно, способного указать ему правильное направление, но услышал лишь безмолвие собственного тяжкого греха.

— О Владыка, признаю, я слабый человек. Но я буду сильным для тебя, если только ты мне дозволишь.

Он попытался мысленно представить себе, каким должен быть с виду бог. Когда он был еще зеленым юнцом, бог столько раз являлся ему во сне, что лицо его было более знакомым, чем физиономии товарищей-послушников. Так почему же теперь, когда он был светским главой Церкви, Господень лик отвратился от него? Неужто грех его был столь велик?

— Яви мне лик свой, Боже, дабы я мог назвать тебя именем твоим.

И ответ пришел так внезапно, что глаза у него открылись от удивления.

— Когда ты назовешь меня именем моим, то узришь лик мой.

Голос этот принадлежал ему самому.

Деджанус прижал руки Иканы к постели, вонзаясь в нее. Он не смотрел ей в лицо, а уставился в пространство прямо перед собой. Женщина крякнула под его тяжестью, и он гадал, от удовольствия это или от боли. Она никогда об этом не говорила, а просто принимала его, как шлюха, — каковой она, собственно, и была.

Кончив, он рухнул на нее, тяжело дыша, словно пес после долгой погони. Икана выскользнула из-под него и быстро оделась.

— Что за спешка? — спросил он.

— Моя смена еще не кончилась.

— Хозяин будет не против. Он знает, кто я.

Икана не ответила, но торопливо покинула комнатушку на втором этаже таверны, которую хозяин отводил как раз для таких встреч.

Переведя дух, Деджанус уселся на постели и сделал большой глоток из оставленного им на полу кувшина. Ему пришло в голову, что он не очень-то нравится Икане. Ну, это не имело значения, покуда та держала язык за зубами, а ноги раздвинутыми. Он усмехнулся этой мысли.

«Ну и остряк же ты, стервец», — подумал он про себя.

Он улегся на постель, перевернулся на спину и допил вино.

Отец Поул снял с книжной полки у своей постели «О Теле Божьем». За последние несколько недель он проштудировал ее уже с десяток раз. Он тщательно переворачивал каждую страницу,

высматривая любую пометку, любой знак, какой Нортем мог оставить, а он пропустить. Слов он не читал, слова больше ничего не значили для него, но Поул надеялся, что какое-то значение имелось в самой книге, в том, как она была украшена или выполнена — в неправильно помещенном орнаменте, или незаконченном предложении, или странной иллюстрации.

«*Пожалуйста, Боже, дозволь мне найти сей знак*».

Он закончил книгу, отбросил ее в сторону и взял с полки «Медитации Агостина». Эта книга была намного больше, но он внимательно проглядел каждую страницу. Закончив с ней, он просмотрел «Семь Епитимий Великого Грешника», а затем жизнеописание Марголая, первого примаса, и все другие книги, которые Нортем считал достаточно глубокими, дабы держать у себя в покоях.

Иной раз он наталкивался на сделанную рукой Нортема заметку на полях, обычно рядом с какой-то подчеркнутой фразой в тексте, но в каждом случае заметки содержали не больше, чем жалкие откровения, вроде «Теперь я понял!» или «Смотри Семь Епитимий, часть первую», или даже «Запомни это!».

На каком-то этапе просмотра он составил список всех заметок на полях и подчеркнутых фраз, думая, что в них мог быть какой-то скрытый код, но в конечном итоге понял, что все они именно то, чем и казались — банальные наблюдения, сделанные в ходе неторопливых размышлений.

«Ах, Гирос, я и не знал, что ум твой был столь мелок. Я-то ведь, помнится, смотрел на тебя как на мудрейшего из мудрых».

Он в гневе швырнул последнюю книгу через всю комнату и схватился за голову, переполненный жалостью к себе. Ему хотелось горько расплакаться, но он знал, что не сможет пролить слез. Он так давно не плакал — и думал, что уже разучился это делать.

Поул вспомнил, как не раз видел слезы на глазах у Нортема. Старый примас обладал большим сочувствием к тем, кто страдал.

«Возможно, не такой уж и мудрый, — подумал он. — Но хороший человек». И внезапно задумался: а можно ли его самого назвать мудрым или хорошим?

За дверью послышались торопливые шаги, и кто-то постучался к нему.

— Да, в чем дело?

Вошел священник из приюта, открыл было рот, собираясь что-то сказать, но увидел разбросанные повсюду книги.

— В чем дело? — раздраженно повторил Поул.

— Ваша милость, вы хотели знать, когда принц Олио в следующий раз посетит приют. Он сейчас там, лечит одного пациента.

— Какого пациента?

— Юношу, сильно избитого при ограблении два дня назад. Он умирает.

Поул нахмурился. Он не хотел, чтоб в данный момент его беспокоили из-за этого, но знал, что может пройти немало дней или даже недель, пока принц снова наведается в приют.

— Прелат-маг был с ним?

Священник покачал головой.

— Но его высочество сказал, что дождется его, прежде чем начать исцеление. Ваша милость, мне надо возвращаться. Вы пойдете со мной?

— Пойду, — смирился с неизбежным Поул.

Олио стоял над юношей, лежащим без сознания. Ему не верилось, что кто-то мог быть настолько сильно избит и все же оставаться в живых. Нос сломан, под заплывшими глазами синяки, порвана щека, сломана челюсть. Олио поднял одеяло и увидел, что одно ребро натягивает кожу под странным углом. Дышал избитый прерывисто, а это почти наверняка означало, что еще одно ребро проткнуло легкое.

Олио отошел от койки, выглянул в окно. «Давай, Эдейтор, где же ты? Он умирает; ему нужны мы».

Он заметил, как нагрелся прикасавшийся к его коже Ключ Сердца. Вынув Ключ из-под рубашки, он взял его левой рукой и протянул правую к зверски избитому — но убрал ее, не успев коснуться его.

«Подожди прелата, дурак, — велел он себе. — Ты недостаточно силен для этого».

Он снова выглянул в окно. Часть улицы заливала лужа света. Олио увидел сидящего на земле пьяного, с фляжкой вина в одной руке и масляным фонарем в другой. «Если он вскорости не отправится домой, — подумал Олио, — то в его фонаре иссякнет масло, и он нипочем не найдет дороги домой».

Именно это и случилось с данным пациентом, сообразил он. Светильник его жизни догорал, и он настолько углубился в темноту, что не мог найти выхода.

— Быстрей, Эдейтор, иначе даже мы не смо-можем ему помочь. Даже м-мне не по силам во-воскрешать из м-мертвых.

Он все еще сжимал левой рукой Ключ, и руку начало слегка пощипывать.

«Возможно ли это? Смогу ли я проделать это один?»

Он снова протянул руку. Его ладонь слегка коснулась лба пострадавшего. Олио почувствовал, как через его тело в тело юноши хлынул поток силы. Он настолько удивился этому, что отдернул руку, тяжело дыша. Как такое могло стать возможным? Принц вспомнил, как Эдейтор рассказывал ему, что некоторым магическим предметам — особенно наделенным большой мощью — требовалось время для настройки на своих владельцев. Наверное, этот Ключ наконец настроился на него. В конце концов он знал, что его мать была способна применять его без помощи какого-либо мага.

Олио снова возложил руку на пациента и на сей раз дал мощи протечь через него. И увидел, что воздух вокруг оказался заряжен мерцающей голубой энергией, подобной миниатюрным молниям, которые хлестали, исчезали и, появляясь, хлестали вновь.

Внезапно все закончилось. Его правая рука сама по себе упала и повисла как плеть. Он не смог удержать сорвавшегося с его губ усталого стона иИ, выпустив холодный теперь Ключ, обеими руками схватился за койку, удерживаясь от падения. Подняв взгляд, он увидел слабый остаток голубоватой энергии. Она окружала его, словно легкий туман. Через несколько мгновений исчезла и она.

Веки пациента задрожали и глаза открылись, в замешательстве уставясь на принца.

— Кто вы? — прохрипел он.

Олио потрепал его по плечу.

— Дружище, — сказал он. — Как ты себя чувствуешь?

На лице парня не осталось никаких следов от полученных побоев.

— Уставшим. Никогда еще не был таким усталым.

— Тогда закрой глаза. Спи. А когда проснешься, сможешь отправиться домой.

— А где я?

— Не беспокойся сейчас об этом. Просто спи.

Олио видел, что юноше хотелось задать еще много вопросов, но глаза у него закрылись, несмотря на все его усилия не смыкать их, и он почти мгновенно уснул.

Олио тихо покинул помещение. Если бы он еще раз выглянул в окно, то увидел бы, что пьяный с фонарем пропал.

Деджанус спокойно спал у себя — нагой, не считая сапог. Хрелт боялся будить его. Ему пришло в голову, что он мог бы сунуть этому великану нож меж ребер и избавиться от него. Деджанус был жестоким хозяином, ничуть не похожим на Камаля, который держался с Хрелтом твердо, но уважительно.

Но ничего такого Хрелт, конечно, не сделает. Смелость свою он утратил много лет назад, сражаясь за Ашарну в Невольничьей войне. В том кровавом конфликте он лишился не только ее. Его родной брат погиб, стоя совсем рядом с Хрелтом в строю копьеносцев, получив стрелу в глаз. Хрелт жалел, что не может забыть об этом. Может, если бы он забыл, то смог бы вспомнить, на что же похожа смелость, и тогда как следует проткнул бы Деджануса.

Коннетабль фыркнул во сне; Хрелт так и подскочил. Ноги его издали едва слышный звук, ударившись об пол, но этого хватило. Одним гибким движением Деджанус вскочил с постели, одновременно выхватывая из сапога кинжал. Эффект был несколько подпорчен, когда он продолжил движение и упал на бок. «Возможно, я все-таки сумел бы его зарезать», — подумал Хрелт и чуть склонил голову, чтобы смотреть прямо на него.

— Ваша коннетабельность? С вами все в порядке? — Он увидел на постели пустой кувшин из-под вина. — Вы пили.

Деджанус зарычал и поднялся, садясь.

— Чего тебе, канавная крыса?

— Вы мне сказали, что хотите узнать, когда принц Олио придет в приют. Я только что видел его там.

— Чем он занимался?

Хрелт сглотнул. Если он чего и боялся больше Деджануса, так это магии. Но Деджанус-то был здесь, а магия была *там*.

— Он применял Ключ Сердца, мой господин.

Деджанус моргнул.

— Ты сам это видел.

— Да. Через окно. В комнате было темно, и вдруг ее залило странным голубым светом. Я увидел Олио.

— А прелат Эдейтор Фэнхоу был с ним?

— Я его не видел.

Деджанус нетвердо поднялся на ноги и протянул руку схватить Хрелта за грудки. Тот инстинктивно попятился. Деджанус зарычал и снова протянул руку. На сей раз Хрелт дал себя схватить. Взяв за рубашку, Деджанус вплотную придвинул его. Хрелт оказался настолько близко к нему, что почувствовал даже запах винного перегара изо рта, и еще какой-то.

— Ты уверен, что с ним не было мага?

Хрелт кивнул.

Деджанус с минуту разглядывал Хрелта, и тот гадал, не собирается ли коннетабль убить его за прерванный сон. Вместо этого Деджанус просто оттолкнул его. Хрелт врезался в стену, с громким стуком ударившись о нее головой.

— Жди на улице, — приказал Деджанус. — Я оденусь, и ты проводишь меня к приюту.

Хрелт не стал дожидаться, когда великан передумает. Выбежав из комнаты, он так и скатился вниз по лестнице. Оказавшись за дверьми таверны «Пропавший моряк», он хотел бежать и дальше, но знал, что с ним сделает Деджанус, если он сейчас сбежит. Чувствуя себя глубоко несчастным, он нашел свой фонарь и встал, держа его поближе к себе в холодной ночи.

Эдейтор прибыл в приют запыхавшийся, с лицом, покрытым тонкой пленкой пота. Олио ждал его на кухне, сидя за большим деревянным столом.

— Ваше высочество, извините за опоздание. Ваш посланец сперва не мог найти меня, и ему пришлось посетить две теургии, прежде чем он все-таки нашел. — Эдейтор с досадой поцокал языком. — Я завяз в разговоре с проклятым магистром Теургии Звезд. Самый скучный человек из всех живущих на свете, но очень влиятельный...

Олио глядел в его сторону, но у Эдейтора складывалось ощущение, что принц смотрит сквозь него. Он увидел, что в руке у него кубок.

— Вы ведь не... — он не смог закончить вопроса.

Олио помотал головой, словно выходя из глубокого транса. Моргнув, он посмотрел на Эдейтора так, будто впервые его видит.

— Эдейтор? Когда вы пришли сюда? И почему так поздно?

— Что у вас в кубке? — не давая сбить себя с темы, спросил Эдейтор.

Олио поднял кубок.

— Вода, — ответил он, кивая на небольшой бочонок на столе. — Всего лишь вода. Не хотите выпить?

Эдейтор понюхал воздух.

— Я как раз говорил, как сожалею об опоздании... — Он остановился и снова принюхался. В воздухе пахло еще чем-то, чем-то необыкновенным, чем-то таким, что ему довелось почуять лишь раз в жизни.

— Пациент еще жив? — рассеянно спросил он.

— О да, — ответил Олио.

— Тогда, возможно, нам следует начать. Где священник?

Олио пожал плечами.

— Когда я прибыл, он был здесь. А где он теперь — не знаю.

— Понимаю. — Эдейтор покинул кухню и прошел в специальное помещение, отведенное для пациентов, которых они с Олио должны были исцелять. Там лежал единственный юноша, вполне здоровый и спящий. Спокойно спящий.

Он вернулся на кухню.

— Священник положил в палату не того пациента.

— Нет, он не ошибся.

— Не понимаю. На мой взгляд, тот юноша выглядит вполне здоровым.

— Так оно и есть, — ровным тоном подтвердил Олио.

— Должно быть, я старею или впадаю в маразм, — промолвил Эдейтор. — Но мне непонятно, что же здесь происходит.

Он покинул кухню, снова зашел в специальную палату и склонился над спящим юношей. С ним определенно все было в порядке. Эдейтор сделал глубокий вдох и очистил разум. И снова был поражен тем же запахом, но теперь намного более сильным. Он быстро огляделся кругом. Откуда мог взяться этот запах? Впечатление складывалось такое, словно палату зарядили...

Нет. Он этого не мог.

Прелат вернулся на кухню. Олио смотрел на него чуть ли не застенчиво.

— Вы сами воспользовались Ключом, не так ли?

— Да.

Эдейтор выдвинул стул и сел за стол рядом с Олио.

— Что произошло?

— Я не совсем уверен. Я стоял над пациентом, ожидая вашего прихода, когда все это просто случилось.

— Такое не может просто случиться, ваше высочество, — возразил Эдейтор. — Магия так не действует.

— М-может, в этом Ключе сокрыто больше, чем просто м-магия, — предположил Олио.

— Почему вы не остановились? — резко спросил Эдейтор. — Почему не подождали меня?

— Почему вы так озабочены из-за этого?

— Я ведь предупреждал вас о мощи Ключа. Вы же знаете, что именно он может сделать с вами, если вы станете применять его без помощи мага. Так почему же вы все-таки это сделали?

— Потому что мог, — просто ответил Олио.

— Ваше высочество...

— Я устал от этого допроса, Эдейтор.

— Вижу, — медленно произнес Эдейтор.

— Вы так сердитесь оттого, что вас оставили в стороне? — спросил Олио.

Эдейтор покраснел от внезапного гнева.

— Я этого не заслужил.

Сообразив, насколько обидными были его слова, Олио тоже покраснел.

— Извините, д-друг мой. Я н-не это имел в виду. Но по-поймите пожалуйста, я м-мало управлял своими действиями в той палате. Я знал, что могу это прекратить, если по-настоящему сосредоточусь, но не хотел прекращать. Казалось, мне бы-было предназначено быть т-там именно в это время, чтобы выполнить именно эту зазадачу.

Прелат не знал, что и сказать. Он боялся за Олио, ведь тот не был обучен магии, а Ключ Сердца являлся куда более мощным магическим предметом, чем любой, с каким доводилось сталкиваться даже ему. Наверное, он мог повлиять на принца до такой степени, что тот уже не вполне отвечал за свои действия.

За дверью раздались шаги, и через мгновение на кухню вошел священник.

— А, отец! — Олио встал, здороваясь с ним. — Я все гадал...

Следом за священником вошел второй человек.

— П-примас П-поул, — медленно произнес Олио. — Безмерно рад.

Эдейтор тоже встал.

— Это неожиданно, — сумел произнести он.

— Ничуть не сомневаюсь, — невесело улыбнулся им Поул. — Пожалуйста, ваше высочество, прелат Фэнхоу, садитесь. Вы оба выглядите изможденными.

Они сели. Священник невнятно извинился и покинул кухню. Поул остался стоять, внимательно глядя на двух визитеров.

— Думаю, я могу наконец услышать объяснение, — сказал он.

Олио и Эдейтор быстро переглянулись.

— Мы собирались прийти к вам, — начал Эдейтор, — но все не представлялось подходящего случая.

— Теперь представился, — указал Поул.

— Похоже на то, ваша милость. Мы — то есть принц и я... Или теперь скорее принц сам по себе... Мы — я имею в виду, теперь он, но раньше со мной или с кем-то вроде меня — то есть, разумеется, с магом... На чем я остановился?

— Он х-хочет сказать, — вмешался Олио, — что мы договорились с вашим предшественником. Эта договоренность позволила мне исцелять умирающих, применяя одновременно силу Ключа и способность м-мага, обычно вот этого п-прелата.

— Значит, я не очень сильно ошибался, — заключил Поул. — Я полагал, что к этому имеет какое-то отношение Ключ, но полагал также, что вы, ваше высочество, лишь предоставляли его, в то время как всю настоящую работу делал прелат.

— И что вы теперь намерены предпринять? — спросил Олио.

— В смысле?

— Вы собираетесь закрыть приют или рассказать Ариве о том, чем мы занимаемся?

Удивление Поула было очевидным.

— Закрыть приют? Зачем? И разве Арива уже не знает?

— Когда приют открывали, молчаливо подразумевалось, что причастность к этому принца будет сохраняться в тайне, — объяснил Эдейтор. — Меня тревожило, как бы принца не стала осаждать толпа страждущих, если бы пошел гулять слух о том, что он может исцелять больных.

— Это и впрямь чудо, — признал Поул. — Но ведь наверняка можно было открыть какое-то официальное учреждение...

— Олио не может слишком часто совершать исцеления, иначе пострадает от этого.

Поул ждал дальнейших объяснений, но Эдейтор не желал больше ничего сообщать.

— Пострадает? — подтолкнул его примас.

— Я от этого устаю, — признался Олио.

Поул склонил голову и с миг подумал.

— Это ведь не просто утомляет вас, не так ли? — спросил наконец он. — Двое моих послушников нашли вас однажды на улице, помните?

Олио безрадостно вздохнул.

— А, так это вы тогда были в той комнате?

— Да. Не беспокойтесь, вашей тайне ничто не угрожало даже с моей стороны: примас Нортем отказался объяснить мне суть происходящего. Однако ваше пьянство не было тайной ни для кого, кроме вашей сестры.

— Тем не менее она узнала о нем, — признался Олио.

— А сейчас? Как вы теперь справляетесь с таким напряже-нием?

— Ну, думаю, справляюсь, — чуть поспешно ответил принц. Поул увидел, что Эдейтор опустил взгляд.

— Есть ведь еще что-то, не так ли?

— Сегодня ночью я вп-первые исцелил п-пациента самостоятельно.

— Вы применили магию Ключа без помощи прелата?

Олио кивнул.

— Это поразительно, — сказал примас скорее себе, чем другим.

— Что вы станете делать? — спросил Олио.

— Делать? Да, наверное, ничего. А что я, собственно, могу сделать? Я не стану препятствовать вам выполнять свою работу в приюте, покуда вы гарантируете мне, что никогда не подвергнете здесь опасности свою жизнь.

— Это я об-бещаю, — заверил примаса Олио.

— Ну, значит, мы достигли взаимопонимания. Надеюсь, теперь вы оба знаете, что можете с большей легкостью доверять мне.

— Да, конечно, — быстро подтвердил Эдейтор.

— Мне жаль, что мы не доверились раньше, — добавил Олио.

— Вот и прекрасно. Тогда я оставлю вас наедине. — Поул положил руку на плечо Олио. — Ваше высочество, если вам когда-нибудь понадобится помощь или утешение, то я всегда к вашим услугам. Я понимаю, что вы относились к моему предшественнику с большим уважением и приязнью, но хотя он отошел в мир иной, и на его месте теперь я, цели и задачи примаса не изменились.

— Спасибо вам, — искренне поблагодарил его Олио. — Я не забуду.

* * *

Деджанус протянул полный кувшин дешевого вина.

— Ну, Хрелт? Его или грош?

Хрелт, все еще обнимающий фонарь, понимал, что вино согреет его лучше, и протянул руку к кувшину. Деджанус со смехом его убрал.

— Сперва отведи меня к приюту. Уже темно, а у тебя есть фонарь.

Хрелт ничего не сказал, но ринулся вперед по улице. Примерно каждые двадцать шагов ему приходилось останавливаться, чтобы все еще ощущавший последствия пьяного разгула Деджанус смог догнать его.

В итоге они добрались до места, где Хрелт вел наблюдение. Он показал на темное окно.

— Вот там я и видел магию.

Деджанус проверил улицу и, убедившись, что на ней никого больше нет, подошел к окну. Приникнув к стеклу и заслонившись с обеих сторон руками, он заглянул в помещение. Ему удалось разглядеть лишь смутные очертания постели и кого-то, лежащего на ней. Крякнув, он отошел обратно, туда, где ждал Хрелт.

— Нет там сейчас никакого принца, — буркнул он, раздосадованный, что зазря выполз в холодную ночь.

Внезапно Хрелт приложил палец к губам, а затем показал вперед. Там появился узкий прямоугольник света, а в нем — четко обрисованный темный силуэт.

— Спасибо, отец, — поблагодарил силуэт кого-то, еще не вышедшего из дома. — Сегодня вы хорошо поработали.

— Это голос примаса, — прошептал Деджанус.

Хрелт не был уверен, полагалось ли ему как-то откликаться на эти слова, и решил, что безопасней всего будет ничего не говорить.

Прямоугольник исчез, а темный силуэт остался на улице и, повернувшись, зашагал прочь от наблюдающей пары.

— Я должен следовать за ним, — внезапно решил Деджанус. — Нам с примасом есть о чем потолковать. — Он отдал Хрелту кувшин. — А ты оставайся здесь и не спускай глаз с приюта. Позже я вернусь.

Хрелт с благодарностью взял кувшин и опустился на корточки.

* * *

Ариву разбудил внезапный спазм боли. Сперва она подумала, что это всего лишь сон, но затем заметила, что простыни мокры. Еще один спазм заставил ее охнуть от удивления.

— Боже, началось! — вскрикнула она. — Слишком рано! — Она положила ладони на живот, ожидая почувствовать, как двигается ребенок или что-то в этом роде. Очертания плода казались иными, но ребенок не брыкался и не ворочался.

Она подождала, пока пройдет боль, и встала с постели. Сделать это оказалось тяжелее, чем ей представлялось возможным. Она наполовину прошла, наполовину проковыляла к двери и распахнула ее. Двое удивленных стражей вытянулись по стойке «смирно». Они мельком углядели ее величество в ночной рубашке и отвели взгляды.

— Приведите доктора Триона, — велела она, с трудом ворочая языком, и снова исчезла в опочивальне.

Поул почти добрался до дворцовых ворот, когда перед ним внезапно вырос огромный темный силуэт. Он слишком удивился, чтобы испугаться. Скудный свет не позволял разглядеть лицо, но эту массивную фигуру трудно было с кем-то перепутать.

— Добрый вечер, коннетабль, — поздоровался Поул. — Что вы делаете в такой час на улице?

— Я мог бы спросить вас о том же, — отпарировал Деджанус.

Даже в двух шагах от коннетабля Поул чувствовал запах винного перегара, и у него вызвал раздражение резкий ответ на вполне дружеское, на его взгляд, приветствие.

— Навещаю одного из своих священников, если уж вам надо знать, — ответил Поул.

— Я же коннетабль. Мне положено знать все обо всем. — Деджанус широко развел руки в стороны, словно пытаясь объять весь город.

— Весьма честолюбивое стремление, — сухо отозвался Поул.

— А я человек честолюбивый. В действительности мы оба люди честолюбивые.

Поул вздрогнул, сразу же делаясь подозрительным.

— О чем вы говорите?

Деджанус рассмеялся; звук вышел такой, словно камни ка-

 тились с горы.

— У нас есть нечто общее. И у меня, и у вас есть тайны.

Поул перестал дышать.

— У меня нет никаких тайн.

Деджанус огромной рукой обнял примаса за плечи и нагнулся, приблизив свое лицо к его лицу. Поул скривился от выдыхаемого коннетаблем запаха.

— Тайны есть у всех. Бьюсь об заклад, даже у бога есть тайны. Но я знаю кое-какие из ваших. Хотите знать кое-какие из моих?

Поул убрал руку великана со своего плеча и холодно произнес:

— У меня нет никаких тайн, о которых вы можете знать. И меня определенно не интересуют ваши.

Даже в своем полупьяном состоянии Деджанус расслышал тревогу в голосе священника. Так что же все-таки происходило в том приюте? Он снова положил руку на плечи священнику и привлек его поближе к себе.

— Уж поверьте, ваша милость, вам будут очень интересны мои тайны. Мои тайны могут свалить монархов и поставить на их место новых. Мои тайны могут взбаламутить воду и королевства. Тайны мои настолько тяжелы, что когда я умру, то погружусь прямиком в преисподнюю.

Теперь Поулу стало страшно. О чем еще болтал этот верзила?

— Вы теперь играете за высоким столом, примас Поул. Вам нужны друзья.

— У меня есть друзья, — сердито бросил Поул и высвободился вновь. — Я исповедник королевы и ближайший помощник канцлера Оркида Грейвспира.

Деджанус, нахмурясь, посмотрел на священника и снова рассмеялся.

— Вы больше ни для кого не исповедник, кроме себя самого, ваша милость. А у Оркида Грейвспира тайны такие же мрачные, как мои.

Поул протолкнулся мимо коннетабля. Смех этого субъекта преследовал его всю дорогу до дворцовых ворот.

Повитуха рукой обследовала тело королевы, отведя глаза в сторону. С любой другой пациенткой она не проявляла подобной застенчивости, и по правде говоря, Арива не возражала бы против применения ею всех своих органов чувств, но повитуха считала, что величие монарха следует сохранять елико возможно.

— Есть некоторое расширение, — определила она. — Насколько часто чередуются спазмы?

— Я испытала их только раз, — ответила Арива.

— Ну, у вас это первый ребенок, поэтому мы можем ожидать, что роды будут долгими, — сказал доктор Трион. Он коснулся ладонью лба Аривы. — Хорошо, хорошо, — пробормотал он про себя.

— Что мне надо делать?

— Делать? Как что, ваше величество, ждать. А потом терпеть. А потом вы уже мать.

— Ребенок рождается слишком рано.

Доктор Трион попытался скрыть свою озабоченность.

— Я помог появиться на свет многим преждевременно родившимся младенцам. Некоторым не терпится самим увидеть мир, а поскольку этот младенец Розетем, и по вашим словам — девочка, то, полагаю, никого в королевстве не удивит, что ей хочется устроить неожиданное появление.

— Я хочу видеть здесь моего брата. Я хочу видеть Олио.

— Я позабочусь, чтобы кто-нибудь привел его, — заверил ее Трион.

Хрелт прикончил почти весь отданный ему Деджанусом кувшин вина. Пальцы его рук и ног теперь вполне согрелись, а щеки раскраснелись. Он немного растянулся. Голова его откинулась назад, глаза закрылись. Он не увидел, как принц и прелат покинули приют. И не проснулся, когда по его ногам пробежала крыса.

Где-то в середине ночи одна рука у него дернулась, опрокинув фонарь. Фонарь покатился по улице и стукнулся о стену приюта. Стекло треснуло, масло пролилось и загорелось. Неуклонно разрастаясь, желтое пламя рванулось вверх по стене, охватило и поглотило сухие листья на подоконнике, добралось до соломы на крыше, а затем поймало остаток вечернего бриза, гуляющего среди крыш старого квартала города.

ГЛАВА 29

Камаль лежал без сна в первые часы нового дня — своего первого за много месяцев дня в цивилизованных землях к востоку от ущелья Алгонка. Казалось, что в последний раз он был тут це-

лую жизнь назад. С тех пор, как они попали в Океаны Травы, его принц повзрослел и стал предводителем воинов, а мир, в котором он жил всю жизнь, перевернулся вверх тормашками; вся надежность и уверенность его прошлого обернулась зыбкостью и неопределенностью его будущего. И, самое главное, дивился он, его полюбила Дженроза Алукар.

Как и когда он сам полюбил ее, оставалось для него тайной, и в этом смысле произошедшее казалось типичным для всех перемен в его жизни. Раньше он не был уверен, к лучшему ли эти перемены, но сейчас — холодным ранним утром нового дня и, наверное, новой эры для всего королевства Гренда-Лир — он вдруг оказался готов от всей души принять эти перемены. Лежа в темноте, ощущая рядом теплое тело любимой Дженрозы, Камаль снова представлял грядущее светлым и видел сквозь смуту тропу к еще более светлому и радостному будущему.

Камаль приподнялся на локте и посмотрел на спящую Дженрозу. Она не походила ни на одну женщину, с какой он когда-либо был прежде. Она действительно любила его, без всяких оговорок. Дженроза не добивалась власти, влияния или богатства; она не желала ничего, кроме возможности развивать свои способности и быть с ним.

Камаля переполнили гордость и любовь, и он наклонился поцеловать Дженрозу в лоб. Не просыпаясь, она обвила его рукой и привлекла к себе, так, что его голова легла меж ее грудей. Он закрыл глаза и почувствовал, как потихоньку снова уплывает в сон; его тающие мысли плыли в ритме биения ее сердца.

Трава была слишком зеленой, небо — слишком бледным, а пейзаж со всех сторон стеснен лесами, лесистыми холмами, речками и ручьями. Линан чувствовал себя чужаком в родной стране.

Его армия оставила Барду позади через два дня после того, как пересекла ущелье Алгонка, а теперь углубилась в Хьюм. Фургоны с припасами замедляли темп наступления, но разведчики разбрелись далеко и широко. Тем утром двое из них вернулись с тремя своими «коллегами» из армии Гренда-Лира, которых они убили в ночном бою всего несколько часов назад.

Линан ощущал слишком сильное напряжение, чтоб спокойно обдумывать, и гадал, не так ли чувствовал себя перед битвой и его отец. Может и так, подумал он, но Элинду Чизелу никогда не

приходилось беспокоиться о последствиях нападения на свой же народ.

Он услышал, как приближаются всадники, и, подняв голову, увидел Камаля, Эйджера и Дженрозу.

— Ты хотел нас видеть, малыш? — спросил Камаль.

Линан сомневался, как правильнее выразить то, о чем он должен был им сказать. Они знали — должны были знать, — что именно произойдет, коль скоро они вступят на восток, но насколько они готовы к принятию действительности?

— Мы соприкоснулись с армией Аривы, — сообщил он наконец. — Она всего в трех-четырех часах пути к востоку от нашей позиции. Коригана готовит наши войска к нападению.

Он дал этим словам дойти до всех. Эйджер и Дженроза казались испуганными, а лицо Камаля побледнело почти до того же цвета, что и кожа самого Линана.

— Ну, мы знали, что дойдет и до этого, — хрипло произнес Камаль.

— Должно дойти, друг мой, — сказал Линан, жалея, что не может найти слов, которые облегчили бы такое решение для них всех. — Я не знаю иного способа покончить с этим, во всяком случае, сейчас.

Камаль напряженно кивнул, а затем сказал:

— Мои уланы готовы. Они будут не чета рыцарям Двадцати Домов, но против любого другого полка выступят отлично.

— Дженроза?

Дженроза сделала глубокий вдох.

— Как говорит Камаль, это должно было произойти.

— А твоя магия? Что она говорит тебе?

Дженроза никому, кроме Камаля, не рассказывала о своем сне, в котором ей являлась Силона, даже Подытоживающей.

— Печаль и... — Магичка закрыла рот. Она не могла рассказать Линану о виденном ею. Тот сон мог ничего не значить.

— И? — подтолкнул ее Линан.

— Если верить моей магии, у тебя на шее скоро будет Ключ Меча.

Глаза Линана расширились от удивления.

— Ты это видела?

— Вроде бы. Если не ошибаюсь, видение показало мне именно это.

— А не Ключ Скипетра? — усомнился Эйджер.

Дженроза покачала головой.

— Этого я не видела.

— Что же это может означать? — спросил Эйджер.

— Не знаю.

— Хватит и этого, — вмешался Линан. — Ведь для того, чтобы получить Ключ Меча, мы должны выиграть битву.

— Не могу сказать, — сказала Дженроза, отвечая на невысказанный вопрос Линана.

— Эйджер, ты пойдешь в бой вместе со своим кланом? — спросил Линан.

— Конечно.

— Тогда оставайся со мной в центре вместе с Гудоном и Красноруками. Камаль, твои уланы нужны мне в резерве. Враг будет ожидать конных стрелков, хотя и не в таком количестве. Уланы будут для него добавочным потрясением, наверное, решающим. С нами боги.

Они молча глядели друг на друга, и каждый думал о том, что следует сказать что-то еще, но ни один из них не знал, что же именно. Камаль двинулся прочь первым, развернув лошадь и галопом скача обратно к своим уланам. Дженроза последовала за ним.

Эйджер слегка тронул шпорами бока лошади, а затем вдруг натянул узду.

— Линан, ты готов к тому, что грядет после битвы? Потому что я к этому не готов.

Линан и сам этого не знал и хотел ответить правдиво, но вместо этого сказал:

— Да.

— Хорошо, — отозвался Эйджер и тоже ускакал.

Линан ощутил тошноту и усталость, и еще то, что он каким-то образом предает не только свою родину, но также и друзей.

— Что это? — спросил Эдейтор, показывая туда, откуда они с Олио только что пришли.

Олио сперва не увидел ничего необычного. Рассветное небо представало в своей бледной, омытой синеве, а вдали он видел крошечные вымпелы, трепещущие на мачтах кораблей в порту. А затем принц заметил легкий красноватый отлив небосклона над старым кварталом.

— Не знаю.

Какой-то миг они стояли, наблюдая за непонятным явлением, а затем одновременно увидели взметнувшийся с одной крыши язык желтого пламени.

— О нет, — прошептал Олио.

Эдейтор схватил его за руку.

— Возвращайтесь во дворец, ваше высочество, и поднимите тревогу. Я как можно скорее побегу в теургии Огня и Воды. Они способны помочь.

Эдейтор бросился бежать со всей скоростью, которую допускала его комплекция.

Олио уже мчался в направлении дворца, когда услышал сигнал тревоги. Один из гвардейцев, должно быть, уже увидел пламя.

Он остановился. Здесь он больше ничего не мог сделать. Его помощь нужна в старом квартале. Он повернулся кругом и побежал в другую сторону.

Спазм наступил так быстро, что из уст Аривы невольно вырвался стон.

— Проклятье! — крикнула она, удивляя хлопочущих доктора Триона и повитуху.

— Ваше величество, у вас все в порядке?

— Еще одна схватка, — еле выдохнула она. Затем накатила новая волна боли. Она плотно сжала губы, но это не помогло. У нее снова вырвался стон.

Повитуха дождалась, пока схватки не прекратились, и снова обследовала ее. Арива была настолько измотана усилиями держать себя в узде, что едва почувствовала ее руки.

— Два пальца шириной. Хорошо.

— А как лучше всего? — спросила Арива.

— Шириной около восьми пальцев. Тогда ваша девочка будет готова выйти.

— Восемь пальцев! Я должна ждать, пока вы не сможете засунуть...

— Государыня, пожалуйста! — взмолилась повитуха. — Я не засовываю...

— Извините. Извините.

Одна из горничных стояла рядом и положила ей на лоб влажную тряпицу. Это помогло.

— Боль действительно столь тяжкая? — покровительственно спросила она.

— Ты, что, девственница? — огрызнулась Арива.

Горничная покраснела.

— Боже, точно девственница, — выдохнула Арива и почувствовала нелепое желание рассмеяться. — И кто звонит в эти проклятые колокола?

Как только Гален получил депешу от Сендаруса, то сразу же развернул кругом полки рыцарей и вернулся к основным силам армии. Они подошли туда ровно через час, когда изрядную часть земли все еще покрывала роса. Он увидел, что армия развертывалась фронтом на запад поперек широкой, в основном плоской равнины. Лучники выстроились на возвышенности посередине равнины, а пехоту собрали в свободные колонны позади них, и она расходилась направо и налево вдоль строя, образуя фланги. Некоторая часть кавалерии уже заняла позиции на противоположном левом фланге. Гален застал Сендаруса погруженным в разговор с Чарионой и порадовался, увидев, что они не кричат друг на друга, как орали почти все время с момента выхода из Даависа.

— Что случилось? — спросил он, добравшись до них.

— Несколько разведчиков с левого фланга не вернулись с донесениями, — ответил Сендарус. — Я отправил более крупную разведгруппу выяснить, что происходит.

— И она тоже не вернулась, — догадался Гален.

Сендарус кивнул и показал на запад. Гален разглядел летящие в их сторону тучи птиц.

— Что бы ни напугало их там, оно очень большое. Салокан?

Сендарус пожал плечами.

— Как он мог совершить такой широкий обходной маневр, оставшись не замеченным нами? Это должен быть он, но я не понимаю, как он это проделал.

— Возможно, это вовсе не Салокан, — серьезно сказала Чариона.

— Что вы имеете в виду? — спросил Гален.

— Ее величество думает, что это может быть второе войско Хаксуса, наступающее из Океанов Травы.

— Наемники? Этот самый Рендл, на которого так разгневана Арива?

— Возможно.

— Если это так, то, по-вашему, он уже связался с Салоканом?

— Этого никак не узнать. Если так, мы, вероятно, можем ожидать, что Салокан уже движется на нас; но мы не можем знать, ударит ли он во фланг или соединится с Рендлом для нападения сообща. — Сендарус провел языком по губам. — Есть и еще один вариант...

— Какой? — спросил Гален.

Сендарус и Чариона ответили в один голос:

— Линан.

Вся улица казалась охваченной огнем. Пламя извергалось ввысь из домов, построенных из старого дерева и крытых соломой. Улицу запрудили вопящие жители; на некоторых горела одежда, а по телам других текла кровь от ожогов и ран, нанесенных падающими балками. Дети поскальзывались, и если родители не подхватывали их тут же, они мигом растаптывались паникующей толпой.

Олио пытался сквозь давку пробиться к пострадавшим, но не мог продвинуться ни на шаг. Он схватил одного мужчину за руку и показал ему Ключ Силы.

— Я принц Олио! — крикнул он. — Помогите мне убрать с дороги этих людей!

Но мужчина вырвал руку и убежал со всей быстротой, на какую оказались способны его ноги. Принц попытался остановить другого мужчину, потом женщину, но те прореагировали точно так же, как и первый убежавший.

— Божья погибель! — выкрикнул он. — Неужели мне никто не поможет?

Толпа валила мимо него, вынуждая принца прижиматься к стене. Он услышал над собой треск и, подняв взгляд, увидел, что крыша уже тлеет, а затем она сразу загорелась. Пламя у него над головой, казалось, прыгнуло на крышу дома на противоположной стороне улицы, и та тоже запылала. Жар сделался невыносимым. Принц отступил к концу улицы, нырнул в дверной проем и подождал, пока толпа пробежит мимо него. Выйдя оттуда, он обнаружил, что горстка мужчин и женщин не отступила, отчаянно желая что-то сделать, но не зная, что именно. Олио подбежал к ближайшей к нему женщине и показал знак своей власти.

— Где тут ближайший колодец? — спросил он.

— За следующим перекрестком! — крикнула она в ответ. — Но у нас нет ведер для черпанья воды!

— Убедитесь, что в этих домах никого не осталось, — приказал он, показывая на дома, которые еще не загорелись. — И соберите все ведра и кастрюли, какие сможете — все, в чем можно носить воду!

Женщина кивнула, передала команду другому человеку, тот — еще одному, и так далее. В скором времени собралась группа человек из двадцати, все с какими-нибудь емкостями.

— Выстройте живую цепь к колодцу. Нам нужно облить водой все дома на соседней улице, чтобы пожар не разрастался.

Другие люди подходили разобраться, что происходит, и без всяких просьб присоединялись к живой цепи, но через несколько минут Олио увидел, что все их усилия напрасны. Они не дотягивали до другого конца улицы, где по-прежнему разрастался пожар, и не могли доставить туда достаточно воды, чтобы как-то повлиять на происходящее. Огонь теперь перепрыгивал через дома, как ребятишки при игре в чехарду, искры перелетали с крыши на крышу, сияя в темном дымном небе, словно миниатюрные падающие звезды.

— Без толку! — бросил Олио добровольным пожарникам. — Уходите к порту. Уносите всех, кто не может уйти туда сам!

Некоторые сперва оставили его слова без внимания, отчаянно пытаясь спасти свои дома, но в конечном итоге огненный жар прогнал даже их.

Олио нашел одноногого старика, пытающегося не отстать от толпы; тот допрыгал до столба на углу и согнулся, задыхаясь. Принц обхватил старика за плечи и помог ему идти.

— Спасиба, сударь, — поблагодарил старик между приступами кашля. — Спасиба.

Вскоре они наткнулись на плачущую девочку, стоящую в одиночестве под косяком открытой двери. Олио крикнул проходящему мимо юноше забрать у него старика, а сам бросился к девочке.

— Как тебя зовут? — спросил он, беря ее на руки.

— Я не могу найти маму, — пожаловалась она.

— Мы ее найдем, милая. Как тебя зовут?

— Где моя мама?

Перерывы между схватками стали меньше двух минут. Арива покрылась пленкой пота. Ее ночная рубашка и простыня с одеялом промокли насквозь, их запах вызывал у нее позывы к рвоте.

— Шириной в пять пальцев, — доложила повитуха.

— Найдите Олио! — отчаянно взмолилась королева. — Найдите моего брата. Найдите принца Олио.

— Он ничем не сможет помочь вам, государыня, — сказала повитуха, пытаясь придать себе строгий вид.

— У него Ключ Сердца, — возразила Арива. — Он может помочь малютке.

— Ваше величество...

— Найдите его! — завопила Арива, и повитуха убежала передать приказ. Вторая повитуха заняла ее место и сделала книксен.

— Мне просто не верится, — простонала Арива, а затем напряглась, когда схватки начались вновь.

Первый залп стрел упал с недолетом, а стрелы второго еще только летели, когда Линана внезапно окружили двадцать Красноруких. На сей раз стрелы нашли цели. Одна из Красноруких вскрикнула и упала с лошади. Линан услышал, как поблизости вскрикнули и другие.

— Рассыпаться! — приказал он своим телохранителям. Те проигнорировали его. — Слушайте, мы же просто создаем для них более крупную цель! А теперь — рассыпаться!

Лишь когда Гудон повторил приказ, они неохотно отодвинулись от своего подопечного. На них обрушился еще один залп стрел. К Линану галопом подскакал Эйджер.

— Откуда они стреляют?

Линан показал на возвышенность примерно в трехстах шагах от них. Он отчетливо видел там строй лучников, облаченных в цвета Чарионы.

— Они из хьюмского полка, — сказал он.

Эйджер прищурил единственный здоровый глаз.

— Боже, ну и оптимисты. Они стреляют на максимальную дальность. Я б сказал, пусть себе растрачивают стрелы почем зря.

Линан согласился. Гудон и Краснорукие вытянулись в цепь слева от него, а справа выстроились воины Эйджера. В ста шагах позади Камаль двумя клиньями построил своих улан. Далее по флангам остальная армия четтов все еще занимала исходные позиции для атаки.

Кто-то на стороне противника, должно быть, сообразил, что лучники зря теряют время — залпы прекратились. Земля между ар-

 миями была редко утыкана стрелами.

В последующие несколько минут к Линану подъезжали всадники, докладывая о готовности своих знамен. Последней подъехала Коригана. Она натянула узду, остановившись между Линаном и Эйджером.

— Все на местах, — сказала она.

— Тогда командуй.

— Ты не хотел бы, чтоб мои ребята сперва взяли этот взгорок? — спросил Эйджер. — Я могу в пять минут очистить его от лучников.

— Мы не знаем, что поджидает нас за взгорком. Поэтому действуем, как запланировали. Сперва атаки с флангов.

Коригана кивнула и ускакала; некоторое время был слышен только топот копыт ее лошади по равнине. Когда же он прекратился, наступил миг полной тишины. Даже ветер не свистел, а все птицы давно удрали.

Воздух разорвал крик, звучащий, словно вой рассерженного степного волка. Крик этот подхватило двадцать тысяч глоток, и сама земля, казалось, загрохотала подобно грому.

— Я остановила лучников, — сказала Чариона, смущенная тем, что ее собственные солдаты показали себя такими паникерами.

— Сколько у них осталось стрел?

— По полудюжине у каждого, но я приказала поднести еще. — Она указала на обозный фургон, вручную быстро увлекаемый к взгорку.

— Будем надеяться, что враг атакует центр не раньше, чем им пополнят запасы, — угрюмо отозвался Гален.

Чариона прожгла его взглядом, но Сендарус поднял руку ладонью вверх, останавливая их обоих.

— Для этого нет времени. Кому-нибудь здесь доводилось сражаться с четтами? — Оба командира покачали головами. — И, полагаю, никто не воевал *против* них?

— Ну, если такие и есть, вы ведь не думаете, что они возьмут и признаются в этом, не так ли? — усмехнулась Чариона. — За последние два поколения против четтов воевали только работорговцы, наемники и войска из Хаксуса.

— Какую тактику применяют четты?

— Вплоть до нынешнего дня — тактику ударов мелкими группами, — сказал Чариона. — Четты никогда прежде не

выставляли в поле целую армию. Самый большой клан, если дать ему время, может выставить три-четыре тысячи, но такого множества четтских воинов еще не видел никто и никогда.

— И никогда — под единым командованием Розетема, — добавил Гален с явственным пренебрежением в голосе.

— Вы уверены, что стяг означает Ключ Единения?

— А что же еще?

— Но они сплошь конные стрелки, — сменил тему Сендарус. Ему не хотелось думать о том, что он сражается с братом своей жены, независимо от того, насколько сильно та ненавидела этого самого брата. — Так что если мы сохраним дисциплину, не дадим распасться своему строю, то сможем измотать их.

— А когда настанет подходящее время, бросим в атаку собственную кавалерию, — согласился Гален.

— Вот это-то и есть самое трудное, — заметила Чариона. — Понять, когда пора контратаковать. Четты большие мастера заманивать своих врагов в глупые атаки, потом изолируя и уничтожая их по частям.

Внезапно воздух разодрал самый страшный крик, какой они когда-либо слышали.

— По крайней мере, — подавляя дрожь добавила Чариона, — именно так вели себя четты до того, как у них появилась армия. Кто знает, как они сражаются теперь?

Был уже почти полдень, но дым над городом и портом висел такой густой, что вполне могла быть и полночь. Темные фигуры блуждали в этом мраке, словно призраки, потерянно и бесцельно. Олио изо всех сил старался организовать спасшихся, собирая в группы тех, кто с одной улицы или из одного района, чтобы дать возможность родным найти своих, но многочисленность бежавших от пожара людей сделала это невозможным.

К этому времени для оказания помощи подоспели маги и магички из всех теургий. Наибольшего успеха добивались выходцы из Теургии Огня — их самые мощные чары оказывались в состоянии затормозить распространение огня путем понижения его температуры. Большинство же магов помогали, пополняя собой живые цепи, по которым воду из порта передавали к районам, сильней всего по-

 страдавшим в старом квартале. Повсюду сновали священники,

где только можно оказывая помощь и давая утешение. Королевские гвардейцы прибыли для поддержания порядка среди толп и распределения продуктов и вина, присланных из запасов самого дворца.

На север пожар почти не распространился дальше границ старого квартала, где здания были сплошь старыми и обветшалыми. Дома же за воротами первоначального города отстояли друг от друга дальше и в них имелись слуги и другие работники, способные помочь хозяевам защитить их собственность.

И все же на Кендру обрушилась катастрофа куда более страшная, чем все, какие столице довелось испытать за много десятилетий; некоторые говорили, что самая страшная с тех пор, как однажды летом, за поколение до рождения покойной королевы Ашарны, шторма уничтожили весь город.

Даже усталый, грязный и оборванный, Олио все же был узнан некоторыми гвардейцами, и ему немедленно выделили эскорт, чтобы отвести обратно во дворец. Сперва он отказался уходить, но когда один беззастенчивый священнослужитель указал ему, что он скорей отвлекал, чем помогал, принц неохотно согласился уйти. Сопровождение из гвардейцев провело его через уже опустошенную пожаром часть старого квартала. Олио чувствовал запах обуглившегося дерева и соломенных крыш, а иной раз тошнотворно-сладкий запах обгоревшего трупа — иногда собаки или кошки, но чаще человека, — которые валялись на улицах или среди выгоревших остовов того, что раньше было домами. Неподалеку от границы квартала, там, где некоторые дома казались менее пострадавшими, они наткнулись на таверну. Передняя стена частично рухнула, но крыша оставалась еще цела и поддерживалась не пострадавшими балками, а на полу лежали десятки людей. Олио остановился и пригляделся к ним. Все лежавшие на полу так или иначе пострадали от пожара, и немногие оставшиеся целыми устраивали их поудобнее.

— Ваше высочество, — обратился к нему один из гвардейцев, — нам лучше продолжить путь.

— Подождите здесь, — велел он.

Гвардейцы выглядели не слишком уверенными в том, что это правильно, но выполнили приказ.

Сперва Олио подошел к одной женщине. У нее не было ожогов, но одна из ног была сломана в нескольких местах, и она страдала от страшной боли. Олио опустился на колени рядом с ней.

— Как это случилось? — спросил он ее.

— В толпе, сударь. По мне все протопали. Повезло еще, что сломана только одна нога.

Олио почувствовал, как Ключ Сердца внезапно нагрелся. Но он и не нуждался в подталкивании. Он достал его левой рукой и крепко сжал, а затем возложил правую ладонь на колено женщины. Та скривилась от боли, но не вскрикнула, словно чуть ли не инстинктивно поняла, что сейчас произойдет. Мощь хлынула через него так быстро, что у него не нашлось времени подготовиться к ней. Принц покачнулся, на мгновение отключившись. Когда в глазах у него прояснилось, он увидел, что нога женщины полностью исцелилась, а сама она погружалась в глубокий сон. Вокруг него так и потрескивала голубая энергия.

Он встал и сразу же почувствовал головокружение, но все равно перешел к следующей женщине, лежащей на полу, помоложе первой, с почерневшей кожей на открытой груди и животе. Он даже разговаривать с ней не стал, а нагнулся и очень-очень осторожно коснулся кончиками пальцев завернувшегося края кожи, отмечавшего границу ожога.

— Теперь уже скоро, — приободрил Ариву Трион. — Вы уже почти готовы.

Она плакала, слишком устав и страдая от боли, чтобы смущаться или стыдиться этого.

— Мой брат, — хрипло прошептала она. — Где он?

Трион покачал головой.

— Сожалею, ваше величество, я не знаю. Повитуха и несколько ваших гвардейцев ищут его.

— Он не может быть далеко, — сказала она. — Пожалуйста, найдите его. Моя малышка умрет...

Трион потрепал ее по руке.

— Мы делаем все, что в наших силах.

Рядом с дверью кто-то вежливо кашлянул. Трион поднял взгляд и увидел стоящего там Оркида с лицом, изборожденным морщинами озабоченности. Трион подошел к нему.

— Как она? — спросил Оркид.

— Старается она отлично, но ребенок перевернулся. Схватки причиняют ей сильную боль. Принца Олио нашли?

 — Нет.

— Тогда предлагаю вам послать еще гвардейцев на его поиски. Она все время зовет его. — Он сглотнул. — Ребенок рождается слишком рано, чтобы остаться в живых. Только Олио может помочь.

— Дворец и так уже остался совсем без стражи, — ответил Оркид. — В городе случился страшный пожар; сгорел почти весь старый квартал.

— Божья погибель! — прошипел Трион. — Так вот из-за чего весь этот колокольный звон!

— Мы понятия не имеем, сколько погибло народу, но гвардейцы помогают поддерживать там порядок.

Триону вдруг пришла в голову страшная мысль.

— Вы ведь не думаете, что его высочество тоже там, верно?

Оркид мог лишь пожать плечами.

— Мы найдем его и приведем к королеве как только сможем. — Он посмотрел в сторону Аривы и увидел, как та выгнула спину, когда по ее телу пробежала рябь еще одного спазма. Канцлер охнул и отвел взгляд; он не мог вынести вида таких ее страданий.

— Поверьте мне, канцлер, Арива молода и сильна. Ничего с ней не случиться.

— Могу ли я чем-нибудь помочь?

— Терпеливо ждите, когда природа возьмет свое. И найдите принца Олио. Думаю, больше, чем в ком-либо другом, Арива нуждается в своем брате.

Линан понятия не имел, как шло сражение. Со своей позиции в центре он не видел, успешны ли фланговые атаки его армии, или же они отбиты. По мере того, как верховые лучники-четты сближались с неприятелем, выпускали стрелы и снова отступали за пределы досягаемости выстрела, трава постепенно втаптывалась в землю, а затем и вовсе уничтожалась. Теперь в воздух взвивались клубы пыли, загораживая обзор. Кроме того, и рельеф местности был не совсем плоским, хватало бугров и впадин, что приводило к странным последствиям. Линан слышал лязг оружия и крики раненых и умирающих в стычке на крайнем левом фланге, где отряд четтов был захвачен врасплох внезапной атакой пехоты, но до него не доносилось вообще ни звука со стороны другой, происходящей намного ближе стычки на правом фланге между четтами и небольшим отрядом хьюмской кавалерии.

Эйджер, находившийся рядом с Линаном, и Гудон в строю Красноруких лучше разбирались в смысле происходящего и могли определить, когда четты брали верх или же, наоборот, получали отпор — и от этого Линану в некотором смысле приходилось еще тяжелее. Отдав приказ о начале атаки, он почти никак не мог больше повлиять на события — пока не придет время дать вступить в бой центру или резерву, а ему крайне не хотелось этого делать до получения какого-то ясного представления о положении дел на флангах. Ему нужно было знать, с какого рода войсками столкнулись его верховые стрелки и не сцепились ли они на каком-то фланге с рыцарями Двадцати Домов. Требовалось узнать, какого качества войска противостоят им, тверды они духом или деморализованы. Он знал, что Коригана прислала бы ему всадников со сведениями, будь у нее такая возможность, но эта атака, казалось, продолжается уже много часов.

— Твой центр становится норовистым, — предупредил Гудон.

Линан окинул стой взглядом и увидел, что Краснорукие и воины из клана Океана выглядят разочарованными. Они постоянно ерзали в седлах, дергали тетивы луков, обнажали и снова убирали в ножны мечи.

Линан пришпорил кобылу, пустив ее легким галопом. Сперва он проскакал перед кланом Океана, так, чтобы воины наверняка заметили его, а затем обратно к Красноруким. Когда он завладел вниманием всего строя, то остановился перед ним.

— Наше время скоро настанет, но вы должны проявить терпение. После этой битвы никто на всем Тиире никогда не сможет выступить против четтов, не испытывая страха! — Четты разразились торжествующими криками. — Вы *мои* воины, и сегодня я сам поведу вас в бой.

Крики сделались громче, и он вернулся к Эйджеру с Гудоном.

Гудон похлопал его по спине.

— Поистине, маленький господин, это было неплохо.

— Весьма неплохо, — допустил Эйджер. — Не Элинд Чизел, но неплохо.

— А что сказал бы мой отец?

— «В атаку», — усмехнулся Эйджер.

Линан был удивлен.

— Просто «в атаку»?

Эйджер пожал плечами.

— Скорее: «В атаку, долбанные шлюхины сыны», но общее представление ты получил.

* * *

Слух о чудотворце быстро распространился. К трактиру приносили все новых и новых пострадавших.

Олио уже не вполне сознавал, что делает. Исцеляющий поток протекал через него подобно реке голубого огня в его голове. Поле зрения сузилось до такой степени, что он уже едва видел укладываемых перед ним жертв пожара. Рука его протягивалась вперед, касалась кисти, или глаза, или рваной раны, а затем перед ним клали другого.

Через некоторое время он стал слышать голос, зазвучавший в голове, и голос этот казался знакомым, но никак не удавалось совместить его с каким-то именем или лицом.

Ему было нужно остановиться, но он не знал, как. Принц попытался сказать «довольно», но с его уст не слетело ни звука.

И все это время тот голос пытался сказать ему что-то — Олио был уверен, что-то очень важное.

Новые жертвы. Он почувствовал, как падает, но чьи-то руки подхватили его и удержали на ногах. Река огня становилась все шире и шире, в глазах у него все больше и больше меркло, и вот настал момент, когда он уже не видел ничего, кроме этой реки. Ему захотелось войти в нее, покинуть эту юдоль, и не успел он пожелать, как это случилось. Он плыл, уносимый течением реки, и ее воды постепенно покрывали его, пока наконец он не утонул в свете. На миг Олио в последний раз услышал тот голос где-то в затылочной части головы, вновь и вновь повторяющий единственное слово — и узнал в этом голосе свой собственный.

А затем голос пропал.

— Пехота не сможет долго такое выдержать, — прокричала Чариона, перекрывая грохот битвы. — Оба наших фланга начинают рушиться. Большая часть пехоты и легкой кавалерии уничтожена. Мы должны задействовать тяжелую кавалерию!

— Нет! — крикнул Гален в ответ. — Еще не время. Центр четтов еще бездействует. Если мы сейчас пустим в ход рыцарей, нам больше нечего будет бросить в бой. Пехота должна продержаться, иначе все погибло.

Оба командующих умолкли и перевели взгляды на Сендаруса. Тот лично посетил каждый фланг и видел, какие они несли

потери. Отряд четтов налетал галопом, выпускал залп стрел, а затем отступал, сменяемый другим отрядом. Сам по себе ни один из этих залпов не причинял большого вреда, но в целом они начинали наносить значительные потери и разрушали боевой дух. Все попытки контратаки приводили пока только к уничтожению преследующих частей. Но Гален был прав. Пока Сендарус не узнает, что Линан намерен предпринять в центре, у него не оставалось иного выбора, кроме как сдерживать рыцарей. И все же кое-чем помочь флангам он все-таки мог.

— Уводите лучников с того бугра, — приказал он Чарионе. — Перебросьте их всех на левый фланг. Дальность боя у них выше, чем у конных стрелков. А когда вражеская атака начнет слабеть, переведите их на правый фланг.

Чарионе хотелось услышать совсем не это, но у нее хватило ума понять, что на данном этапе сражения ей ничего большего от Сендаруса не получить, и она поспешила к своим войскам отдавать приказ.

— Это оставит уязвимым наш собственный центр, — указал Гален.

— И представит для Линана соблазнительную цель, — контрдоводом ответил Сендарус. — А как только он сделает ход, мы будем знать, где именно нам задействовать наших рыцарей. Надеюсь, он двинется в бой скорей раньше, чем позже.

Гален молчаливо согласился.

Дженрозе все это казалось таким нереальным. Рядом с ней, сидя на одном из крупных жеребцов, взятых из числа трофейных после победы на Воловьем Языке, Камаль пристально смотрел прямо вперед, иногда чуть поворачивая голову то в одну, то в другую сторону. Лицо его оставалось почти невозмутимым; лишь лоб самую малость морщился, когда он иной раз хмурил брови. Перед собой Дженроза видела лишь редкий строй Красноруких и воинов клана Эйджера. А дальше за ним раздавался приглушенный металлический грохот, похожий на шум, доносящийся на улицу с вовсю работающей кухни. Над равниной медленно плыла туча белой пыли.

Дженроза попыталась увидеть что-то мысленным взором, но там не наблюдалось ничего, кроме ее собственного замешательства. Она гадала, что же в данную минуту думали Подытоживающая и другие прибывшие с армией маги. Предыдущей ночью она спросила у По-

дытоживающей, нет ли какого-нибудь заклинания, которое она могла бы применить для обеспечения победы, и та посмеялась над ней.

— Мы можем устроить дождь, — сказала Подытоживающая, — но не вижу, чем это может помочь. Или же можем устроить пожар и надеяться, что он распространится по траве в нужном направлении, но не вижу, чем и это может помочь. Нет, лучше всего пристегнуть меч и присоединиться к тому, вместе с кем ты готова умереть.

Ну, хотя Дженроза не очень-то владела мечом, она была вместе с Камалем и именно здесь собиралась оставаться.

К ним галопом подскакал всадник.

— Его величество просит вас подъехать к нему.

Камаль кивнул, и они с Дженрозой последовали за всадником. Эйджер, Гудон и Коригана были уже там.

— Есть какие-нибудь признаки тяжелой кавалерии? — спросил Камаль.

Коригана покачала головой.

— А как насчет Аривы?

Коригана снова покачала головой.

— Но они перевели на свой левый фланг лучников. Я начинаю терять всадников. Если же я отведу свои силы с этого крыла, вражеский командующий просто перебросит лучников на другой фланг. Если не предпринять чего-нибудь, вся наша атака застопорится, а я уверена, что их пехота вот-вот не выдержит и рассыплется.

Камаль с Линаном переглянулись.

— Твои уланы получили свою цель, — сказал Линан.

— Ребенок начинает выходить, — сказала повитуха. — Я чувствую ее макушку.

— Тужьтесь дальше, ваше величество, — попросил Трион, морщась от боли. Арива так крепко вцепилась ему в руку, что, казалось, могла сломать его пальцы.

Королева все тужилась и тужилась.

— Олио? — задыхаясь, вымолвила она.

— Сожалею. Его еще нет здесь.

Чариона вздохнула чуть свободней. Ее пешие лучники вынудили четтов попятиться, дав ее пехоте время унести своих

убитых, а затем вновь сомкнуть ряды; пехотинцы стояли, сгорбившись и выстроившись прямыми рядами, прикрыв щитами головы и бока, вертикально держа копья для создания хоть каких-то помех вражеским стрелам. Королева уже собиралась отправить лучников на другой фланг, когда раздался новый звук. Это был не накатывающий галоп, с каким налетали конные стрелки, а нечто более медленное и тяжелое. За пылью забрезжило что-то, еще неотчетливо видимое.

К ней присоединился Сендарус.

— Что это за звук? — спросил он.

Чариона покачала головой.

— Не зна... Боже, этого не может быть!

Туча пыли на мгновение разошлась, и она увидела нечто, похожее на плотную массу кавалерии, и кавалеристы держали длинные копья. Она посмотрела на Сендаруса.

— Скажите мне, что я не увидела только что идущую в атаку кавалерию четтов.

— Вы сможете удержать их? — спросил он.

— Не знаю. — В ее голосе послышалась нотка отчаяния. — Попытаемся.

— Пришла пора сыграть свою роль Галену и его рыцарям, — решил Сендарус. — Продержитесь еще десять минут, вот все, чего я прошу.

Чариона приказала пехоте уплотнить ряды, заполнив промежутки между шеренгами, а затем велела переднему ряду опуститься на колено. Первые два ряда уперли тупые концы копий в землю, держа острия поднятыми под углом в сорок пять градусов, а каждый последующий ряд держал копья чуть более вертикально, чем стоящий впереди. Они как раз завершили этот маневр, когда снова появились конные стрелки, и шум их приближения скрыл надвигающийся на пехоту гулкий грохот. На плотно сбитую пехоту обрушился град стрел, а потом еще один. Пешие лучники поспешно развернулись из походного строя в какую-никакую линию и принялись отстреливаться, но без особого успеха.

Чариона выругалась, когда ее пехота начала почти невольно, потихоньку пятиться.

— Стоять! — крикнула она пехотинцам. — Стойте и держитесь любой ценой!

Но пехота уже заколебалась. Какой-нибудь солдат бросал копье и пускался бежать, а другие оглядывались через плечо,

видели бегущего и были почти готовы последовать за ним. А затем конные стрелки исчезли так же быстро и бесшумно, как и появились.

Прежде, чем кто-нибудь из обороняющихся смог облегченно вздохнуть, перед ними появилась сплошная стена кавалерии со сверкающими наконечниками копий; ее возглавлял гигант на гигантском жеребце, и каждому пехотинцу показалось, что меч гиганта направлен прямо на него. Уши их заполнил шум надвигающейся конницы.

Строй размыло, словно песчаный берег бурным потоком. Пехота побросала копья и разбежалась, удирая с такой быстротой, с какой только могли нести усталые ноги, но было уже слишком поздно. Первый клин четтских улан проигнорировал пехотинцев и понесся дальше, на беззащитных теперь лучников, с жестокой свирепостью рассекая их ряды, но второй клин погнался и за пехотой, сметая любое сопротивление.

Чариона галопом мчалась прочь от этой бойни, выискивая взглядом любые войска, какие могла использовать для построения второй линии или просто бросить на пути четтской атаки, чтобы у рыцарей Галена нашлось время вступить в бой — но повсюду вокруг нее были лишь спасающие свою жизнь.

Камаль попытался отозвать своих улан, но те жаждали крови и увлеклись резней. «Линан слишком долго держал их на привязи», — мысленно выругался он. Первое знамя все еще оставалось единым под его командованием, но другие разбились на более мелкие группы, готовые догнать и убить всех вражеских солдат, каких только смогут найти. Вокруг находились остатки того, что было хьюмским стрелковым полком. По крайней мере, эти лучники больше не представляли собой угрозы. Вот теперь, если бы ему удалось снова сбить в клинья собственные знамена, он, возможно, сумел бы перенести битву к вражескому центру или, может, даже на противоположный фланг.

Камаль передал командование первым клином Дженрозе, лично согнал в кучу горсть бойцов из второго, и с этого маленького ядра начал выстраивать его вновь. Когда битва закончится, он обязательно позаботится, чтобы эти уланы поняли, как сильно они — обученная кавалерия — подвели его, подвели Линана и подвели командование.

Клин был почти полностью реорганизован, когда он поднял взгляд и увидел галопом мчащихся обратно одиночных всадников.

«Давно пора, будь они неладны», —подумал он, но когда всадники приблизились, Камаль увидел на их лицах страх и понял, что они от чего-то бегут. А он считал, что испугать его улан могло только одно. Прищурясь, он поглядел на север, в сторону вражеского центра. На середине расстояния между ними мерцала серебристая линия. Он увидел вымпелы и плюмажи из конских хвостов и понял, что это означает.

«И что теперь?» — спросил он себя. Его первый клин был еще порядком свеж, но второй в массе своей сидел на запаленных лошадях. Он подъехал к Дженрозе.

— Уводи второе знамя обратно. Быстро они скакать не могут, но убери их с дороги. Передай Коригане, что здесь нужны верховые стрелки, и быстро.

— Что ты собираешься делать?

— Дать тебе время уйти.

— Нет, — твердо отказалась Дженроза. — Помнишь, ты однажды уже пытался это сделать для Линана, и *он* вернулся. Я не собираюсь оставлять тебя сейчас.

— Это не ради меня, — спокойно объяснил Камаль. — А ради четырехсот четтов, из которых состоит второе знамя. Для меня — уведи их обратно, туда, где им не будет грозить гибель. Ты одна из товарищей Линана. Тебя они послушают.

— Я не могу оставить тебя погибать.

— Если кто-то не поторопит Коригану, погибнем мы все. Ты можешь прямо сейчас применить свою магию?

Дженроза покачала головой.

— Мне нужно время на подготовку...

— Времени больше нет. Уводи эти два полка и возвращайся с Кориганой. Так есть хоть надежда, что мы оба останемся живы после того, как все это закончится.

И, не дожидаясь ее ответа, Камаль повернулся отдать приказ четтам. Первое знамя быстрым шагом двинулось вперед, обтекая Дженрозу, а затем оставив ее позади.

Сендарус выехал вперед вместе с Галеном. Теперь все зависело от спасения их левого фланга и отражения четтских улан. Если они смогут это сделать, то смогут и выиграть битву; если же улан остановить не удастся, ничто не спасет их.

Рыцари скакали тремя прямыми рядами, примерно по пятьсот рыцарей в каждом. Они шли медленным кентером, построившись так плотно, что, протянув руку, Сендарус мог коснуться плеч всадников слева и справа от себя.

Сперва они повстречались с собственной пехотой, бегущей с поля боя, бросив оружие. По пятам за ней гнались разрозненные группы четтских улан, но Гален отказался сломать строй и преследовать их. Уланы увидели их и в панике отступили. Рыцари, самые обученные и самые дисциплинированные войска на континенте, плавно увеличили аллюр, переходя по приказу Галена на более быстрый кентер. С их уст не срывалось каких-либо слов или кличей, но все на поле боя слышали, как позвякивают их кольчуги и круглые стремена, как дробно стучат копыта их жеребцов по теперь уже голой и утоптанной земле. Они видели перед собой по меньшей мере два клина вражеских войск и возглавлявшего их великана; они все знали, как его зовут, и ненавидели его. Гален выкрикнул приказ, и все рыцари как один молниеносно вскинули копья и ускорили аллюр до галопа.

Именно на этом этапе Сендаруса многое стало приводить в замешательство, так как голову ему почти полностью закрывал традиционный аманский шлем. Горизонт безумно качался в узких прорезях для глаз, да и слышал он лишь собственное дыхание. Сендарус сосредоточился на том, чтобы остаться в седле в ходе тряской скачки, когда строй рыцарей атаковал ближайший вражеский клин.

Затем в его ограниченном поле видимости замаячило что-то неотчетливое. Он поднял меч и издал боевой клич своей родины, рев большого медведя. Внезапно повсюду вокруг него раздался громкий треск. Лошади пронзительно ржали и падали, люди вскрикивали от шока и боли. Сендарус расслышал, как разрубается металл, и более приглушенный звук рассекаемого мяса и костей. Он скакал дальше. Атаковав и явно не попав по своей цели, он натянул узду, развернул коня и атаковал вновь, но в возникшей впереди путаной свалке не мог разобрать, кто там рыцарь, а кто четт. Он сердито стащил с себя шлем и отшвырнул его прочь.

Мимо проскакал четт с занесенным как для броска копьем, и Сендарус погнался за ним. Несмотря на грохот битвы, четт, должно быть, услышал топот его коня, поскольку обернулся как раз вовремя для того, чтобы меч Сендаруса вонзился ему в грудь, а не в спину. Сендарус высвободил оружие, и четт упал с лошади, уже мертвый. Принц пришпорил коня, гоня его дальше в гущу схватки,

отталкивая в сторону оставшуюся без седока кобылу. Перед ним двое четтов одолевали одного из рыцарей победнее, который мог позволить себе только длинную кольчугу без рукавов — и обе его руки обильно заливала кровь. Сендарус рубанул одного, почти сразу же свалив его, но опоздал спасти рыцаря, который уже пытался вытащить проткнувшее ему шею копье. Уцелевший четт потянулся за мечом, но не успел выхватить его прежде, чем Сендарус отрубил ему голову. Умирающий рыцарь исчез — конь перепугался и вынес его из гущи боя.

Сендарус оказался на свободном пространстве, и ему стало ясно, что рыцари без труда выигрывают этот бой. Они превосходили четтов численностью по меньшей мере три к одному, имели лучшие доспехи и все сражались в шлемах. Однако четты дрались отчаянно, и самым отчаянным и опасным из всех был их предводитель, Камаль Аларн. Он размахивал мечом так же легко, как средний человек мог помахивать прутиком, с ужасающей легкостью отсекая руки и головы. Гален и трое других рыцарей уже заходили к нему сзади, но Камаль, казалось, собственной силой развернул жеребца вместе с собой. Его меч взлетел и обрушился, разрубая шлем и череп скрывавшегося под ним невезучего рыцаря. Рыцарь упал навзничь, окатывая фонтаном брызжущей из него крови своего товарища, увлекая с собой меч Камаля. Камаль выругался, ударил другого рыцаря кулаком в лицо и отнял у него меч. Но когда он высоко занес его, собираясь сразить еще одного врага, Гален увидел удобную возможность и нанес колющий удар, вогнав острие собственного меча великану под мышку. Камаль издал страшный рев и на мгновение замер на месте. Еще один рыцарь с размаху рубанул Камаля по спине, глубоко вгоняя лезвие меча. Гален и рыцарь извлекли мечи одновременно, и Камаль заметно осел, клонясь к шее своего жеребца, а затем боком соскользнул на землю. Со стороны четтов раздался громкий вой — и слышавшие его рыцари похолодели.

Дженроза увела знамя измотанных улан в тыл строя четтов, все время отчаянно озираясь в поисках Кориганы, но королевы нигде не было видно. Тогда она подумала о Линане, направилась к центру и увидела его там, окруженного Эйджером и Гудоном, глядящего на битву. Она окликнула его, но он не услышал. Тогда она подъехала ближе и уже открыла рот, чтоб окликнуть его вновь, но тут к

ней прорвался еще один звук — вой, полный такой печали и боли, что она сразу же инстинктивно поняла, о чем объявлял этот вой. Она добавила к крику свой голос и услышала, как то же самое сделали и другие четты.

А затем она услыхала пронзительный крик Линана — словно настоящий степной волк принял человеческий облик. Прежде, чем кто-либо смог его остановить, он ринулся вперед, прямо в гущу врагов.

Четтские уланы сражались с бóльшим мужеством и упорством, чем любой враг, с каким Сендарус когда-либо сталкивался раньше, но теперь они все погибли и окровавленными грудами лежали вместе со своим предводителем. Он облегченно вздохнул, так как знал теперь, что четты проиграют битву.

Он приказал одному из рыцарей привязать тело Камаля к своему коню, дабы продефилировать с ним перед врагом, давая всем увидеть, что ничто — и никто — не может нанести поражение армии королевы Гренда-Лира Аривы Розетем. Когда это сделали, он поехал к центру, с эскортом рыцарей по обеим сторонам. Увидев скачущего прямо на него одиночного четтского всадника, он подумал, что это, должно быть, какой-то сумасшедший. Двое рыцарей, пришпорив коней, вырвались вперед — убить четта прежде, чем тот доберется до их генерала, человека, которого они научились уважать и восхищались им, несмотря на его аманитскую кровь.

Сендарус внимательно наблюдал за сумасшедшим, изумленный и напуганный фанатизмом, проявленным четтами в битве. Он заметил, что у этого четта, казалось, нет лица. Прищурившись, Сендарус увидел, что на самом деле лицо, конечно, было — но такое бледное, что могло показаться разве что черепом, сияющей на солнце белой костью.

Он наблюдал, как двое рыцарей опустили копья и атаковали. Четт дождался, пока рыцари не оказались всего в нескольких шагах, а затем вильнул вправо. Рыцарь слева от него слишком разогнался, чтобы изменить курс, и пронесся мимо, но второй лишь чуть по-иному перехватил копье, направив его в другую точку. Сендарус увидел, как копье прошло сквозь тело четта — и одновременно меч четта четко снес голову рыцарю. Четт замедлил аллюр, и конец копья заколебался в воздухе перед ним.

— Он еще не понял, что убит, — пошутил один из оставшихся с Сендарусом сопровождающих.

К этому времени другой рыцарь развернулся и атаковал, скача обратно. Четт оглянулся через плечо, а затем опустил взгляд на проткнувшее его копье. Прямо на глазах у Сендаруса он ухватил копье свободной рукой, медленно вытащил из своего тела и, развернувшись в седле, метнул его в атакующего рыцаря. Копье угодило рыцарю в лицо, скинув его со спины коня.

— Проклятье... — вымолвил второй сопровождающий.

Четт снова повернулся к Сендарусу и его эскорту, пришпорил кобылу и поскакал галопом, вращая мечом над головой. А позади него как раз переваливала через бугор остальная четтская армия.

Сердце Сендаруса замерло от страха.

— У нее показались плечики! — взволнованно крикнула повитуха.

Трион вытирал лицо и шею Аривы.

— Ваша дочь уже почти с нами, ваше величество... — Он умолк, почувствовав около своей руки что-то теплое. Повернувшись, он увидел, что Ключ Скипетра пульсирует светом.

— Ваше величество?

На пути Линана все вставали и вставали рыцари. Он мечом перерубал им шеи, бил свободной рукой по лицам и даже, когда мог, пускал в ход зубы. Принц чувствовал, как его пронзали копья, но не испытывал ни малейшей боли. Ощущал, как на него с размаху обрушиваются мечи — но они не могли переломить ему костей. Раз за разом он избавлялся от досаждающих ему бронированных мух, и наконец, рванулся прямо к человеку, который все не желал отступать, человеку, которого Линан в ярости своей не узнал, человеку с привязанным к седлу телом Камаля, человеку с Ключом Меча над сердцем. Не говоря ни слова, он небрежно отмел в сторону меч этого человека и вонзил свой собственный глубоко ему в горло.

Арива вдруг закричала от боли и ужаса, приподняв с постели выгнутую спину.

Захваченный врасплох Трион отпрыгнул.

Повитуха отчаянно пыталась не выпустить из рук ребенка, все еще лишь наполовину появившегося на свет, а наполовину

остающегося в матери. Прямо у нее перед глазами на горле младенца открылась рана, и ее залило хлынувшей кровью. Повитуха упала в обморок.

Линан выдернул меч и снова вонзил его, на этот раз в сердце. Сраженный упал на руку Линану и опрокинулся вбок, по-прежнему вися в седле. Линан положил другую руку на навершие меча и вогнал его еще глубже; он увидел, как острие вышло из спины сраженного, а затем сбросил его с коня.

Трион выругался и бросился спасать ребенка, но прежде, чем он успел коснуться малышки, Арива, крича и вопя, приподнялась и сама схватила ее за плечи. Она вытащила девочку из себя, взяла ее на руки; пуповина болталась у нее между ног. И пока она это делала, на спине у малышки появилась еще одна рана. Трион закрыл рану ладонью, но кровь просачивалась вокруг его кисти и стекала по руке. Он плакал, крича от ярости, но ничего не мог поделать. Головка девочки бессильно откинулась назад. Глазки ее разок открылись, словно уставясь на него, а затем потеряли фокус.

Трион в шоке отступил на шаг.

Арива прижала к себе дочь, кровь малышки смешивалась с ее собственной. Она завыла от горя и боли, и звук этот заполнил весь дворец.

Эйджер добрался до Линана первым. Юноша сгорбился над Камалем, держа его в объятиях, укачивая у себя на коленях. Эйджер стоял, не зная, что делать. Затем появилась Дженроза и, спрыгнув с лошади, присоединилась к Линану у тела Камаля, держа ладонями голову любимого и целуя бледное, забрызганное кровью лицо.

Тут подоспели Краснорукие и приведенные Гудоном воины самого Эйджера, отбрасывая собственные луки и налетая на основной отряд рыцарей с саблями в руках. Ярость придала им двойную силу, и даже рыцари не могли устоять под этим напором. Когда с подкреплением прибыла Коригана и ударила неприятеля во фланг, некоторые из рыцарей начали поворачивать коней и галопом уноситься прочь.

Но Эйджер видел, как слева приближалась снова построившаяся плотными рядами пехота Гренда-Лира, и большинство пехотинцев держали длинные копья. Их вела невысокая, темноволосая женщина, вместе с ними шагавшая пешей. Вскоре четтов зажмут между этой пехотой и рыцарями, и военное счастье снова повернется к ним спиной.

Они проиграли эту битву. Едва не выиграли ее, но все же проиграли.

Он опустился на колени рядом с Линаном и положил ладонь на плечо принца.

— Линан, надо отходить.

Линан поднял на него взгляд. Лицо его сделалось грязным от слез, и в тот миг Эйджер снова узнал в нем юнца, которого впервые встретил в таверне «Пропавший моряк» столько бесконечно долгих месяцев назад.

— Что я теперь могу, Эйджер? — заплакал Линан. — Что я могу сделать без Камаля?

— Сразиться вновь в следующий раз, — ответил Эйджер. — Сразиться вновь, чтобы отомстить за его смерть. Но не здесь и не сейчас.

Он положил руку Линана себе на плечо и помог ему встать, а потом показал на все еще бушующую поблизости битву.

— Мы взяли верх в этой схватке и можем отойти, не слишком опасаясь преследования. Но если будем тянуть — подойдет вражеская пехота, и большая часть наших сил угодит в капкан.

Линан вытер лицо тыльной стороной руки, а затем посмотрел на Сендаруса и узнал его.

— Она отправила на войну своего любовника, — тупо проговорил он, а потом нагнулся и снял с окровавленной шеи Сендаруса Ключ Меча. Эйджер подвел к нему лошадь и помог забраться в седло. — Я уведу наших воинов, Эйджер, но сперва ты должен позаботиться для меня о Камале и Дженрозе.

— Обещаю, я позабочусь о них.

Линан кивнул и поскакал спасать свою армию.

ГЛАВА 30

Деджанус проспал всю ночь в пьяном оцепенении. Сержант нашел его на кровати, пропахшей вином, и вылил на лицо кувшин воды.

Деджанус проснулся отплевываясь и в гневе. Схватив сержанта за грудки, он резко прижал его к стене.

— Я выпускал кишки и за меньшее! — прорычал он.

Сержанта это, похоже, не волновало, и Деджанус пришел в замешательство.

— Ты, может, плохо слышишь...

— Королева потеряла своего ребенка, — сказал сержант.

— ...но я сказал, что выпускал кишки... — Голос его увял.

— Прошлой ночью, — продолжал сержант. — Я слыхал, это была девочка, но она харкала кровью, выйдя из чрева. Это было дитя-демон. Оно чуть не убило королеву.

Деджанус выпустил сержанта. Он не верил своим ушам.

— И в городе сгорел старый квартал. Сотни погибших. Говорят, это тоже сделал тот демон.

— Старый квартал? Весь?

— Почти. Я только что оттуда. Ваши гвардейцы помогают, чем могут, но беспорядок царит страшный. Нужно, чтобы пришел коннетабль и принял командование. — Сержант с внезапным интересом посмотрел на Деджануса. — *Вы* ведь коннетабль, не так ли?

Прелат Эдейтор Фэнхоу, как и многие маги, работал вместе со священниками и гвардейцами, помогая одеть и накормить всех пострадавших. Он знал, что все могло быть и хуже, что если бы пожар занялся в ночи, чуть раньше, то несказанное множество людей он застал бы в постелях — но при стольких уничтоженных домах город все же сталкивался с трудностью, ведь нужно было найти крыши над головой для тысяч людей.

Он случайно услышал, как двое пострадавших говорили о чудотворце в трактире на северном конце старого квартала, который исцелял умирающих и сильно обгоревших. Ему потребовался час для отыскания этого трактира. У входа все еще стояли двое усталых гвардейцев.

— Принц там? — требовательно спросил он у одного.

Гвардеец испуганно посмотрел на него.

— Он зашел утром и все еще не выходил. Нам он приказал оставаться здесь. Там сиял странный голубой свет...

Эдейтор предоставил гвардейцу болтать дальше и вошел в трактир. Там были сотни людей, большей частью пострадавшие от пожара. Олио он не увидел. По трактиру расхаживал человек с большим привязанным к спине кувшином и чашей в руке, предлагая всем воду. Эдейтор подошел к нему и спросил о принце. Водонос

кивнул на нечто, больше всего напоминающее узел тряпья, сидевшее в углу, со скрытым от глаз лицом.

Эдейтор подошел и окликнул его по имени, но принц не ответил. Он взял Олио за подбородок и приподнял ему голову.

— Боже, ваше высочество, что вы наделали?

Два пустых глаза смотрели прямо сквозь него. Челюсть у принца бессильно отвалилась, а из уголка рта сочилась тонкая струйка слюны.

— Вставайте, — велел Эдейтор и с трудом поднял Олио на ноги. Когда он отпустил его, тот смог стоять сам, но не делал никаких дальнейших попыток двигаться. Эдейтор вытер ему рот и подбородок, а затем взял за руку.

— Идемте со мной, — сказал он, и принц послушно последовал за ним.

Когда они вышли из таверны, гвардейцы вытянулись по стойке «смирно», а затем вытаращились на Олио.

— Что случилось? — спросил один из них.

Эдейтору думалось, что он знает, но прелат не счел нужным говорить об этом.

— Отведите его во дворец, к доктору Триону.

Гвардейцы взяли принца под локотки.

— А вы, прелат?

— Я иду узнать, не может ли ему помочь кто-то в теургиях. Передайте Триону, что я присоединюсь к нему, как только смогу. А теперь ступайте.

Гвардейцы со своим подопечным ушли. Эдейтор прикрыл глаза. Он был уверен, что не найдется магии, способной исцелить от такого. В конце концов, кто же мог переделать сотворенное одним из Ключей Силы?

Примас Поул плакал над телом новорожденной девочки, неподвижно лежащим на алтаре королевской часовни. Он слышал, как на скамьях позади него бормочут молитвы несколько священнослужителей, но у алтаря стоял только он.

«Боже милостивый, — молча молился он, — скажи мне, почему ты сотворил такое? Почему ты пронзил плоть сего ребенка? В ней ведь нет никакого демона. Она лишь младенец, убитый какой-то силой, а разве не ты источник всякой силы?»

Он погладил малышку по голове. На ней был пучок темных волос. Маленькое тельце сделалось черным от крови, а кожа вся пошла синяками винного цвета.

«Ужели сие есть твое проклятье, обрушенное на Кендру за мои грехи? Ужель твоя месть столь ужасна? Ужель ты убьешь и других детей из-за меня?»

Поул прекратил плакать и несколько раз глубоко вдохнул.

«Во имя тебя, Господи, если б мы только знали, каково оно».

— Я выставил часовых, — доложил Гален новому командующему армией, — но думаю, они не вернутся.

Чариона еще никогда в жизни так не уставала.

— Мы должны что-то сделать с Сендарусом.

— У нас нет никакой возможности сохранить его тело. Он должен быть похоронен.

— Тогда извлеките его сердце и уложите в корзину с солью. Ариа должна получить хоть что-то.

Она внимательно посмотрела на Галена; проявляемое им горе из-за смерти аманита вызывало у нее любопытство. Хотя Чариона жила далеко от Кендры, она хорошо знала, какую антипатию испытывали члены Двадцати Домов к знати меньших провинций королевства, в том числе и ее собственной.

— Что вы о нем думаете?

— Он был храбрым солдатом и умным вождем, — ответил Гален. — И он мне нравился. Мне больно за Ариву. Его смерть раздавит ее.

— По крайней мере, он погиб геройски, — промолвила Чариона, пытаясь приободрить Галена и сама себе удивляясь. — Он прогнал от Даависа Салокана, спасая Хьюм, а потом и вторую, нежданную армию вторжения объявленного вне закона Линана.

При упоминании этого имени Гален содрогнулся.

— Линан преобразился в демона.

— Вы его видели?

— Лишь издали. Я видел, что он сделал с восемью рыцарями и Сендарусом.

Четты вынесли с поля боя большую часть своих погибших. Когда наступила ночь, они уложили их вместе с оружием в неглубокую яму. Дженроза насчитала пятнадцать сотен погибших, и

почти треть составляли уланы. В середине ряда лежал Камаль. Она стояла перед ним, глядя на его лицо. Он выглядел удивительно мирно, с лежащим рядом мечом, окруженный своими собратьями-воинами.

— Камаль Аларн, — произнесла она. — Коннетабль Гренда-Лира. Капитан Красных Щитов. Генералов Гигант. Отец Линану Розетему. — У нее перехватило горло, и на глазах выступили слезы, хотя она думала, что уже выплакала их все. — И возлюбленный Дженрозы Алукар, ученицы магии из Теургии Звезд.

Он был последним и самым великим из помянутых. Она отступила от могилы в объятия Эйджера и Линана.

— Все кончено, — сказала она, и тысяча четтов шагнула вперед, закончить погребение.

Арива лежала в постели. Горничные и слуги молча стояли по одну сторону. Харнан Бересард стоял в ногах постели, а Оркид Грейвспир — возле изголовья. Доктор Трион закончил обследовать королеву и отошел, сделав Оркиду знак подойти к нему.

— Физически она вполне здорова. О душе ее я ничего сказать не могу. Она не разговаривала со мной с сам... с самых родов.

Оркид вернулся к королеве и взял ее за правую руку.

— Ваше величество, весь народ скорбит о вашей потере.

Арива ничем не показала, что услышала его.

— Можем ли мы хоть чем-нибудь, чем угодно, помочь вам?

— Где Олио? — внезапно произнесла она. Несколько слуг и горничных чуть не подпрыгнули, но она говорила спокойно, даже мягко, и посмотрела на Оркида. — Мой брат, канцлер? Вы его видели?

Оркид повернулся к Триону, который поспешно выступил вперед.

— Он... он нездоров, ваше величество, — замялся Трион. — Я забочусь о нем.

— Приведите его, пожалуйста, ко мне, доктор.

— Право, не знаю...

— Приведите его, — велел Оркид, и по тону канцлера Трион понял, что этого приказа он не смеет ослушаться.

— Не нужно ли вам чего-нибудь, ваше величество?

Арива вздохнула.

— Знаете, он ведь умер.

Оркид решил, что она говорит о ребенке.

— Ваша дочь. Да, *она* в королевской часовне...

— О, я знаю, что она мертва. Ее имя было Ашарна. Я говорила вам об этом? Ашарна умерла. Именно так я и узнала, что Сендарус тоже умер.

Оркид моргнул.

— Не понимаю, ваше величество.

— Он был заколот в горло, а потом заколот в сердце. Второй раз меч пронзил его насквозь. По крайней мере, умер он быстро. Линан убил его. Я видела это перед своим мысленным взором. Ключ Скипетра позволил мне видеть все.

Как только Арива произнесла эти слова, Оркид сразу понял, что это правда. Он не знал, что сказать. Разум его наводнили тысячи мыслей, в том числе и скорбь по племяннику. А как же возглавляемая им армия? Была ли она уничтожена? Сумел ли Салокан взять Даавис?

Но она сказала, что Сендаруса убил Линан. Как такое могло быть, если принц в самом деле не служил Хаксусу?

Вернулся Трион, держа за руку принца Олио. Оркид охнул. Он два дня не видел Олио, и стоявший сейчас перед ним был совсем иным человеком.

— Ваше величество, — обратился к королеве Трион. — Принц Олио здесь. Но должен вас предупредить...

— Подведите его поближе, — перебила врача Арива.

Трион подвел Олио к постели сестры. Она с миг изучала лицо брата, а затем с некоторым усилием поднялась и села. И застонала от неожиданной боли.

— Ваше величество! — воскликнул, бросаясь к ней, Трион.

— Стойте, доктор, — приказала она, а затем наклонилась, сняла с шеи брата Ключ Сердца и надела на свою.

— Тебе это больше не нужно, дорогой Олио, — сказала она ему все тем же мягким тоном. — Ты в последний раз подвел меня.

ГЛАВА 31

Арива начала ходить через два дня после смерти Ашарны. Она еще пребывала в постели, когда почтовый голубь принес послание из Даависа. Оркид сразу же принес его. С тех пор, как она забрала у Олио Ключ, королева не произнесла ни слова, и канцлер надеялся, что полученные новости вызовут у нее какой-то отклик.

— Это от королевы Чарионы, ваше величество, — доложил он. Она повернула голову и посмотрела на него, что он счел хорошим знаком.

— «С сожалением должна уведомить вас, — прочел он, — что ваш муж, принц Сендарус, вчера погиб в бою. Он был убит вашим объявленным вне закона братом принцем Линаном, который стоит во главе армии вторгшихся в Хьюм четтов. Прежде чем погибнуть, принц Сендарус обеспечил победу вашей армии над четтами, а за несколько дней до этой битвы спас Даавис, заставив короля Салокана бежать обратно на собственную территорию. Я понимаю, что это должно оказаться для вас невыносимо горестным бременем, но пусть вам послужит утешением знание, что он пожертвовал жизнью, служа вам, служа королевству Гренда-Лир — и делая это, он защищал тех, кого любил больше всего на свете».

— Это все? — спросила Арива.

— Все, ваше величество.

Она протянула руку, и Оркид отдал ей записку. Она быстро прочла ее, а затем прочла еще раз, медленнее.

— Так значит, это был не кошмар, — промолвила она наконец.

— Да, ваше величество.

— Я потеряла мужа, дочь, треть своей столицы и, думаю, еще и брата, и все в один день. Как думаете, какому-нибудь правителю Гренда-Лира когда-нибудь удавалось столько?

— Все это ради общего дела, ваше величество. Ваш муж — мой племянник — погиб, дабы защитить королевство. А Эдейтор Фэнхоу сообщил мне, что ваш брат пожертвовал своим разумом, дабы спасти многих и многих, пострадавших от пожара.

— А какому такому общему делу послужила смерть моей дочери и смерти стольких моих граждан в старом квартале?

— Я не в силах прочесть мысли господа, ваше величество.

— А я и не хочу читать его мысли, канцлер. Уверена, я бы возненавидела его за них. — Она отбросила одеяло и попыталась свесить ноги с постели.

— Арива! — воскликнул он. Она ожгла его взглядом. — Простите, ваше величество, вы меня поразили, но пожалуйста, не двигайтесь! Я позову врача...

— Вы не сделаете ничего подобного. Я королева, о чем вы мне постоянно напоминали, и мне надо выполнять свои обязанности. Пора мне вернуться к ним.

— Но так скоро?

— Я не могу только горевать, Оркид. Иначе я сделаюсь такой же безумной, как и Олио. Дайте руку.

Он помог ей встать на ноги, и она постояла не шевелясь, восстанавливая равновесие и привыкая к боли.

— Подайте мне халат.

Оркид бросился взять лежащий в изножье постели халат и помог надеть его.

— А теперь идемте со мной.

Шаг за шагом, поддерживаемая под руку Оркидом, она вышла из опочивальни. Когда слух о ее выходе разлетелся по дворцу, горничные, слуги и придворные кинулись следом за ней, но она прогнала их всех, снова оставшись наедине с Оркидом.

— Простите, что все еще не выразила вам свои соболезнования по случаю смерти Сендаруса. Я знаю, вы тоже любили его.

Оркид не сразу смог ответить, но потом все же сумел выговорить:

— Благодарю вас.

— Позаботьтесь, пожалуйста, чтобы его отец и Амемун узнали о произошедшем.

— Сегодня же это сделаю.

Они подошли к южной галерее. Арива увидела стоящего там в одиночестве Олио, глядящего на город.

— Что он здесь делает? — спросила Арива.

— Он был здесь последние два дня. Его уводят трапезничать и на ночь, но он всегда возвращается. Мне увести его в покои?

Арива покачала головой.

— Думаю, я уже набралась сил ходить. Не будете ли вы любезны оставить меня?

Оркид неохотно выпустил ее руку, и она медленно подошла к брату.

— Ты знала, что это самый большой город во всем мире? — спросил он.

— Да, думаю, знала.

— Мне сказал об этом Берейма. Он мне о многом рассказывает. — Он улыбнулся Ариве. — Но куда меньше, чем рассказываешь ты. Ты рассказываешь мне еще больше.

— Ты перестал заикаться.

— Глупая сестрица, — сказал Олио. — Я вообще никогда не заикался.

Арива сделала глубокий вдох, прижимая руку к сердцу.

— Как думаешь, мы увидим сегодня маму?

Когда Арива заплакала, он утешающе обнял ее.

Когда она подошла к нему, он показал ей свои подарки.

— Теперь у меня их два. Добывая этот, я убил любовника своей сестры.

Она мило улыбнулась и коснулась его щеки.

— А когда я закончу уничтожать этот мир, у меня их будет четыре. Тогда я все их отдам тебе.

— Ты самый сладкий из любовников.

— А ты — самая прекрасная из женщин, — ответил он и потянулся к ней. Она уплыла от него.

— Разве тебе не нравятся мои подарки?

— Да, мне нравятся твои подарки.

— Почему же тогда ты уходишь от меня?

— Я хочу тебе кое-что показать.

Она словно исчезла среди теней. Он попытался последовать за ней, но потерял ее след.

— Я тебя не вижу.

— Я здесь, — засмеялась она у него за спиной.

Он тоже рассмеялся и обернулся, но от увиденного смех застрял у него в горле.

— Разве я не самая прекрасная из женщин? — спросила она, овеивая его лицо своим зловонным дыханием.

— Нет, — жалко ответил он и попятился.

Она потянулась к нему, схватила за руки и привлекла к себе. А потом поцеловала его, и ее длинный язык пронзил ему горло.

Линан проснулся в холодном поту. Он встал с постели и споткнулся в темноте, упав на колени. Полог шатра открылся, и вошла одна из Краснооруких.

— Ваше величество, с вами все в порядке? — спросила она.

Все еще дезориентированный, Линан поднял на нее взгляд.

— Да. Да, в порядке.

В шатер вошел еще кто-то.

— Я останусь с ним, — сказал второй вошедший, и Линан узнал голос Кориганы. Он услышал, как кремень ударил о кресало, и в темноте ярко загорелся фонарь. Краснорукая поклонилась и вышла.

— Ты уверен, что с тобой все в порядке? — спросила Коригана. Она поставила фонарь на пол и помогла ему вернуться на кошму.

— Да. — Он схватил одеяло и закутался в него.

— Тебе снова снилась Силона?

Он пораженно посмотрел на нее.

— Это уже второй раз, когда ты узнала.

— Я ведь тебе говорила, что ее призрачное присутствие может быть ощутимо; я чувствую, когда она рядом.

— Она никогда не покидает своего леса, — с облегчением вспомнил Линан.

— Ей и не требуется — ни к чему, когда в тебе ее кровь. А ты теперь ближе к ее лесу, чем был когда-либо с тех пор, как тебе дали ее кровь.

— Значит, на самом деле это не сны, так ведь? — застонал Линан.

Коригана присела рядом с ним.

— Да. Но это не означает, что она управляет тобой, если ты боишься именно этого.

Линан сглотнул.

— Во время битвы, когда убили Камаля, я изменился.

— Знаю. Мы все это видели. С тобой это уже случалось. Когда мы сражались с наемниками и когда ты убил степную волчицу.

— Значит, она не управляет мной?

— Думаю, ты меняешься, чтобы защитить тех, кого любишь — или отомстить за них. В тебе есть что-то от ее ненависти и от ее силы, и ее неуязвимость для обычного оружия — но ты не набрасываешься на своих, не пьешь кровь тех, кого убиваешь. Ты не вампир, Линан.

— Но что же я такое?

— Думаю, ты сам знаешь, что ты такое. Наконец-то знаешь. Битва с армией Гренда-Лира показала тебе это. У тебя есть судьба.

— Какая судьба? Убивать свой же народ?

— Не знаю, — пожала плечами Коригана. — Но другие тоже чувствуют это. Вот потому-то тебя так и любят твои спутники — Гудон, Дженроза, Эйджер... — Она заколебалась, не желая произносить следующее имя.

— И Камаль, — закончил он за нее.

На глаза у него навернулись слезы. Стыдясь их, Линан отвернулся от нее.

— Извини, — пробормотал он.

Коригана обняла его и привлекла к себе. Она чувствовала, как его голова прижалась к ее груди прямо над сердцем, и гадала, слышит ли он, как оно бьется.

— Нет ничего плохого в том, чтобы проливать слезы по тем, кого любишь, — сказала она, и через некоторое время слезы полились и из ее глаз.

Об авторе

Австралийский писатель Саймон Браун родился в 1956 году и работает в жанре фантастики уже более тридцати лет. Его короткие рассказы появились в журналах и антологиях, выпущенных в Англии и США. Первыми его книгами стали романы «Приватир» (1996) и «Зима» (1997), однако настоящую известность автору принесла фэнтезийная трилогия «Ключи Силы»: «Наследство» (2000), «Огонь и меч» (2001) и «Государь» (2002).

Саймон Браун, его жена Элисон и двое детей — Эдлин и Финн — живут в Моллимуке, Новый Южный Уэльс. Другую информацию об авторе можно найти на его веб-сайте:

www.eidolon.net/simon_brown/

Содержание

Наследство
5

Огонь и меч
387

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя
около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений,
предлагает вашему вниманию **более 20 000 названий книг** самых
разных видов и жанров.
Мы выпускаем классические произведения
и книги современных авторов.
В наших каталогах — интеллектуальная проза,
детективы, фантастика, любовные романы,
книги для детей и подростков, учебники, справочники,
энциклопедии, альбомы по искусству,
научно-познавательные и прикладные издания,
а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Фридрих Незнанский, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдуллаев; видные ученые деятели академик Мирзакарим Норбеков, психолог Александр Свияш, авторы книг из серии «Откровения ангелов-хранителей» Любовь Панова и Ренат Гарифзянов, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону: (495) 615-01-01, факс 615-51-10

E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

**Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать
и получить по почте в любом уголке России. Пишите:**

107140, Москва, а/я 140

Звоните: (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ
КАЖДАЯ **ПЯТАЯ** КНИГА РОССИИ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ «Буква»

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, 21, стр. 1, т. 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр. Мира, 17б, стр. 2 (Му-Му), т. 687-45-86
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «ВДНХ», проспект Мира, владение 117
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Медведково», XL ТЦ Мытищи, Мытищи, ул. Коммунистическая, 1
- м. «Новослободская», 26, т. 973-38-02
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «XL», Дмитровское ш., 89, т. 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1, 3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», Химкинский б-р, 16/1, т. 497-32-49
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 10/12, стр. 1
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1, т. 161-43-11

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Книги АСТ на территории Европейского союза у нашего представителя: «Express Kurier GmbH» Tel. 00499233-4000

Справки по телефону: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, 18, т. (8182) 65-44-26
- Белгород, пр. Хмельницкого, 132а, т. (0722) 31-48-39
- Волгоград, ул. Мира, 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Малышева, 42, т. (3433) 76-68-39
- Калининград, пл. Калинина, 17/21, т. (0112) 65-60-95
- Киев, ул. Льва Толстого, 11/61, т. (8-10-38-044) 230-25-74
- Красноярск, «ТК», ул. Телевизорная, 1, стр. 4, т. (3912) 45-87-22
- Курган, ул. Гоголя, 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Ленина, 11, т. (07122) 2-42-34
- Курск, ул. Радищева, 86, т. (07122) 56-70-74
- Липецк, ул. Первомайская, 57, т. (0742) 22-27-16
- Н. Новгород, ТЦ «Шоколад», ул. Белинского, 124, т. (8312) 78-77-93
- Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, 15, т. (8632) 35-95-99
- Рязань, ул. Почтовая, 62, т. (0912) 20-55-81
- Самара, пр. Ленина, 2, т. (8462) 37-06-79
- Санкт-Петербург, Невский пр., 140
- Санкт-Петербург, ул. Савушкина, 141, ТЦ «Меркурий», т. (812) 333-32-64
- Тверь, ул. Советская, 7, т. (0822) 34-53-11
- Тула, пр. Ленина, 18, т. (0872) 36-29-22
- Тула, ул. Первомайская, 12, т. (0872) 31-09-55
- Челябинск, пр. Ленина, 52, т. (3512) 63-46-43, 63-00-82
- Челябинск, ул. Кирова, 7, т. (3512) 91-84-86
- Череповец, Советский пр., 88а, т. (8202) 53-61-22
- Новороссийск, сквер им. Чайковского, т. (8617) 67-61-52
- Краснодар, ул. Красная, 29, т. (8612) 62-75-38
- Пенза, ул. Б. Московская, 64
- Ярославль, ул. Свободы, 12, т. (0862) 72-86-61

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:
(495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Браун Саймон

Наследство
Огонь и меч

Фантастические романы

Ответственный редактор В. Гончаров
Редакторы Е. Беляева, В. Леонидов
Художественный редактор О. Адаскина
Компьютерная верстка: М. Белякова
Корректоры Н. Мазова, Е. Николаева

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.003857.05.06 от 05.05.06 г.

ООО «Издательство АСТ»
170002, Россия, г. Тверь, пр. Чайковского, 27/32
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

ООО «ХРАНИТЕЛЬ»
129085, г. Москва, пр. Ольминского, д. 3а, стр. 3

Издано при участии ООО «Харвест».
Лицензия № 02330/0056935 от 30.04.2004.
Республика Беларусь, 220013, Минск, ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
Республика Беларусь, 220013, Минск, пр. Независимости, 79.

Планы повелительницы Империи не сбылись. Магические Ключ власти, которые она, умирая, завещала своим детям, принесли в стран не единение, но — разлад и кровавые заговоры.

Носительница Ключа Меча, принцесса-воительница Арива, рукам своих приближенных уничтожившая старшего брата, обладателя Ключ Скипетра, заняла его место на троне...

Носитель Ключа Исцеления, маг, врачеватель и мудрец Олио, во глубже погружается в пучину безумия...

Младший из братьев, юный принц Линан, носитель таинственног Ключа Единения, пытается свергнуть сестру-узурпаторшу при помощ исконных врагов собственного народа — кочевников-четтов...

А за противостоянием людей зорко следят вампиры, часть кров которых течет и в жилах Линана...

ISBN 978-5-17-038137-1

9 785170 381371